РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

21

МОСКВА
2017

МЕОТИДА
Танаис
КИММЕРИЙСКИЙ
Полянка
Порфмий
Артезиан
Мирмекий
Белинское
Илурат
Пантикапей
Тиритака
Нимфей
БОСПОР
Ахтанизовская 4
Голубицкая 2
Патрей
Кепы
Фанагория
Гермонасса
Волна 4
Стрелка 2
Лабрис
(Семибратнее городище)
Феодосия
Китей
Киммерик
м. Чауда
Горгиппия
ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

*Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского*

Том 21

Редакционный совет:

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель);
проф. *Д. Браунд* (Великобритания); д-р. *П. Дюпон*
(Франция); член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*;
д. и. н. *А. В. Подосинов*; д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*;
к. и. н. *В. П. Толстиков*; д. и. н. *В. П. Яйленко*

ИА РАН

МОСКВА, 2017

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников
археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемида»
и ООО Южно-Российского центра археологических исследований (Краснодар)

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов;
д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
к. и. н. В. А. Гаибов;
к. и. н. Л. Н. Голофаст

Утвержден на заседании
Ученого совета Института археологии РАН
протокол № 6 от 16.05.2017 г.

Древности Боспора. Том 21. – М., 2017. 448 с.: цв. вкл.
Д73 ISBN 978-5-94375-218-6

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин. Сборник посвящен памяти Т. В. Блаватской и И. Т. Кругликовой.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-218-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2017
© Редколлегия, 2017

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения
Т.В. Блаватской и И.Т. Кругликовой

Светлой памяти старших коллег-антиковедов
посвящается этот том

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е. М.
Некрополь Горгиппии, погребальный комплекс 1975–1976 гг.: датировка и принадлежность 9

Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю.
Мертвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан 40

Гарбузов Г. П., Поротов А. В., Сударев Н. И.
К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани 64

Дмитриев А. В.
Таманские фалары с Тесеем 82

Житников В. Г.
«Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н.э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) 95

Завойкин А. А., Завойкина Н. В.
Ильичевская крепость и ее обитатели в I–II вв. н. э. 122

Завойкина Н. В.
Еще раз о новой надписи с Ильичевского городища 154

Иванов А. В., Сударев Н. И.
Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора 160

Каргин Ю. Ю.
Монеты с восточной окраины поселения Белое Юго-Восточное на Таманском полуострове и вопросы датировки памятника 190

Каспаров А. К.
Некоторые замечания о крупном рогатом скоте в сельских поселениях эллинистического времени в Крымском Приазовье 215

Клемешова М. Е.
О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 228

Ковальчук А. В.
Горгиппийские черепицы. Группа керамид с клеймами Ἀρχεία 241

Ломтадзе Г.А., Пожидаев В.М., Толстиков В.П.
Исследования остатков содержимого тарных амфор позднеклассического времени из раскопок Пантикапея 250

Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В.
Следы сильных древних землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом 265

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С.
Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) 295
Розов В. Н.
О Таманском кладе кизикинов 1997 г. 311
Сапрыкин С. Ю.
К прочтению новой надписи из Ильичевского городища 328
Скржинская М. В.
Иностранцы в Пантикапее и их общение с боспорянами в V-I вв. до н. э. 338
Смекалова Т. Н.
Естественнонаучные археологические исследования малоизученного района Крымских Предгорий на дальнем пограничье Боспора 351
Супренков А. А., Дмитриева Е. Н.
Серебряный перстень с инталией и другие античные находки из раскопок на поселении Гора Чиркова 1 в 2015 г. 364
Суриков И. Е.
Варианты написания боспорского имени Перисад в эпиграфических памятниках и нарративных источниках 371
Федосеев Н. Ф.
О характере клеймения керамики 384
Яйленко В. П.
Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея 398
Сокращения 441
Правила и рекомендации по оформлению рукописей 445

Е. М. Алексеева
(Институт археологии РАН, Москва)

Некрополь Горгиппии, погребальный комплекс 1975–1976 гг.: датировка и принадлежность

Интерпретация сюжетов и символики фресок склепа I-75 [Алексеева, 2016] ставит вопрос о принадлежности трёх гробниц, открытых на привилегированном участке горгиппийского некрополя и датировке захоронений на нём с привлечением инвентарей нетронутого скального склепа II-75 и уцелевших предметов в скальной гробнице-76.

Склеп II-75 обнаружен при устройстве отстойника для ослабления притока грунтовых вод в расписной склеп I-75, уровень которых превышал метр над плитами пола. Ковш экскаватора ударился о камень, звук удара свидетельствовал о наличии внизу пустоты – камень оказался крышкой саркофага. Ковш разбил её, через трещины в пустоту мгновенно всосался жидкий грунт.

Открытое погребальное сооружение (условно склеп II-75) не имело оформленного входа и в действительности являлось монументальной квадратной гробницей (площадью 10,2 м^2 и длиной стен 3,2 м) (рис. 1. *1*), впущенной в скальный грунт, слои которого поднимаются к уровню пола под углом 45–60°. Северная стена прорублена в скале на 1 м, южная – на 2 м. Восточная и западная скальные стены вертикальны на 2 м до пяты свода, сегменты свода над каждой из них имели разную величину (0,15 и 0,65 м); проём в своде соответствовал величине саркофага. Скала на полу и стенах гробницы грубо отёсана. После погребения трёх человек склеп II-75 единовременно засыпали грунтом, вынутым при устройстве гробницы. Фактически его плотно забутовали, сделав недоступным для грабителей и сохранив «закрытым» археологическим комплексом.

На полу без подставок стояли два саркофага, выпиленные из ракушечника. *Саркофаг 1* размещён вдоль западной стены, именно его крышку разбил экскаватор. Саркофаг подобен открытым в склепе I, но имел крышку длиннее и шире ящика на 20 см, вероятно, изначально предназначавшуюся другому саркофагу. На дне лежала отслоившаяся от крышки пластина камня, на ней и рядом обнаружены изделия из тонкого листового золота: двойные наборы нагрудников и лицевых накладок (наглазников, нагубников); золотая индикация с пантикапейской медной монеты 300–250 гг. до н. э. с головой бородатого сатира вправо [Зограф, 1951, табл. XLI, 5]; 26 золотых трилистников разной величины (до 5 см) с тиснёным узором листа, среди которых преобладают – с плавно

Рис. 1. Комплекс гробниц, открытый в 1975-1976 гг. на привилегированном участке некрополя Горгиппии в Анапе: *1* – план погребальных сооружений; *2* – склеп-I-75, фреска на люнете стены напротив входа в процессе освобождения гробницы от грунта

скруглёнными боковыми линиями («характерны для погребальных венков Боспора II – начала III в. н. э.» [Трейстер, 2015, с. 87, рис. 4]); обрывки золотых нитей и фольги от обёртки небольших цилиндрических предметов; невысокий и широкий коррозированный серебряный кубок с ребром на тулове, канелюрами и тонким гравированным

орнаментом (погиб при реставрации). Тлен гроба и погребённых отсутствовал. Судя по двойному набору накладных пластин, в саркофаге были погребены двое, наличие нагрудников позволяет предположить захоронение девочек. Саркофаг был исследован на месте и извлечён подъёмным краном через изначальное отверстие в своде.

В саркофаге 2 у восточной стены, самом большом (2,5×1×0,9 м) и единственно орнаментированном из пяти (считая и саркофаги расписного склепа), судя по инвентарю, был погребён мужчина-воин. Внутри него по углам вырезаны гладкие колонки, низкие ножки выпилены вместе с ящиком. Прислонённая к стене длинная сторона оставлена гладкой, лицевая и боковые его стороны профилированы рельефными поясками и украшены вырезанными розетками. Середина лицевой стороны ящика занята рельефным трапециевидным щитком, на котором был нанесён тамгообразный знак. Внутри саркофага изначально находился гроб; от него уцелели 4 железные уключины с остатками древесины, изогнутые в середине петлей, видимо, вставлявшиеся в доски по углам для опускания на верёвках гроба в заранее установленный тяжелый саркофаг.

Одна из боковых сторон ящика саркофага соединялась с крышкой железной скрепой в виде отрезка ленты, концы которой были впущены в камень и запломбированы свинцом, свидетельствуя о нетронутости захоронения (рис. 2). Из-за высокого уровня грунтовых вод «запаянный» в древности саркофаг вынимался из склепа подъёмным краном через отверстие в своде вместе с водой (приостанавливать приток воды удавалось с трудом). При этом от перемещения воды в саркофаге вещи сместились с первоначальных мест. Раскоп не охранялся и было опасно поднимать крышку в окружении огромной толпы наблюдавших курортников с детьми всех возрастов; крышку из-за сырости покрывала сеть тонких трещин (её удалось снять целой). Саркофаг поставили на прицеп к трактору и отвезли за ворота археологической базы. По центру города за процессией бежала толпа с криками «золото!», люди сидели на воротах и ограде базы.

Костные останки, тлен от них и гроба отсутствовали и в этом саркофаге. Но сохранились личные вещи покойного: золотые венок, гривна, украшения (браслет, два перстня, бусы, фибула, ременные пряжки и орнаментированные бляхи), парадное оружие (часть предметов с инкрустацией бирюзой и гранатами), детали парадной конской сбруи, бронзовый двуручный кувшин, серебряный одноручный горшочек (также погиб при реставрации, серебро в условиях анапского грунта часто превращается в горку порошка сиреневого цвета), разбитый большой стеклянный кувшин, золотые лицевые пластины, два бирюзовых астрагала, две бусины (d = 2 см), золотые накладки на резное украшение ларца или шкатулки в виде птиц с перевитыми шеями, многочисленные бронзовые гвоздики/скрепы с золотой обтяжкой шляпок и несколько десятков трилистников разной величины (до 5,5 см), подобные листьям из саркофага 1. На трилистниках лежали длинный железный меч сарматского типа без перекрестия со штырём для рукояти и складной железный походный стул – эти два предмета, видимо, были положены поверх покрывала, усыпанного золотыми листочками.

На полу склепа между саркофагами, ближе к резному, также найдены предметы погребального инвентаря, среди которых есть и неординарные: украшенный цветными выемчатыми эмалями бронзовый набор палестрита (три стригиля) и выполненная в едином с ними стиле курильница, стеклянные сосуды, серебряные ложки, бронзовая чернильница с черной массой внутри, две пары железных удил с колесовидными псалиями,

Рис. 2. Склеп-II-75, саркофаг 2 из известняка-ракушечника для погребения воина: одна из розетт; железная скрепа со свинцовыми пломбами, соединявшая крышку с ящиком; разметка процарапанными линиями для нанесения красной краской тамгообразного знака (линии пигмента обесцвечены)

лопатка ещё одного бронзового стригиля без ручки, железный нож, два бронзовых круглопроволочных височных кольца с взаимно перевитыми концами, бронзовая копоушка.

Из засыпи склепа вблизи пола между саркофагами извлечён закрытый бронзовый светильник с головой утки на конце изогнутой ручки. Второй светильник с головой гуся найден в засыпи на уровне основания крышки саркофага 1, между ней и стеной склепа.

В 1976 г. при возобновлении строительных работ в котловане вблизи дромоса, разобранного в предыдущий сезон расписного склепа I-75, на уровне скалы обнаружена большая плита из плотного песчаника, перекрывавшая могилу, впущенную в скальный грунт. Яму заполняла жидкая глина. Произвести профессиональную зачистку в этих условиях было невозможно. Из этой жижи были извлечены случайно уцелевшие золотые вещи: перстень с геммой и круглая обтяжка резного зооморфного изображения, возможно, ларца (края пластины не имеют загибов на тыльную сторону).

* * *

В общей периодизации Горгиппии с учётом особенностей застройки города, материальной, общественно-политической, религиозно-культовой сторон жизни и связей с окружающим миром комплекс погребального инвентаря склепа II-75 в целом находит место в IV периоде жизни города (от рубежа I–II вв. до гибели в пожаре на рубеже 30–40-х годов III в. н. э.) [Алексеева, 1997, с. 130]. Этому в целом (есть и более ранние вещи) соответствует широкий хронологический диапазон находок склепа. Для Горгиппии, как и Боспора, это не был период ровного развития, и он может быть разделён как бы надвое. Почти до последней четверти II в. очевидно процветание города. С приходом к власти Савромата I (93–123 гг.) снесённые городские стены были «воздвигнуты от основания» и расширены (КБН 1122); город застроили многоподвальными домами (по 400–600 и более м^2), украсили общественными зданиями в коринфском ордере и заново вымостили улицы. Этот период отмечен ростом ремёсел, возникновением собственного стеклоделия, размахом виноделия (в восточной части города открыто 13 крупных виноделен), импортами из всех частей Римской империи, распространением нового культа Бога Высочайшего и нескольких фиасов. Поднимается и значимость горгиппийской гавани. В 110 г. наместником Савромата I возведён на частные средства храм Афродиты Наархиды (КБН 1115). Городскому фиасу навклеров покровительствует царь, союз судовладельцев при поддержке Савромата II восстанавливает храм Посейдона «вместе со статуями» (КБН 1134).

Но вернёмся к находкам. М. Ю. Трейстер, издав по каталогам выставок Краснодарского музея наиболее представительную часть вещей из склепа II-75, поместил этот комплекс в середину-третью четверть II в. [Treister, 2003, p. 72]. Но затем изменил дату: «не позднее второй четверти-середины II в.». [Журавлёв, Трейстер, 2005, с. 188]. Ниже я обосновываю более позднее время захоронений в этих гробницах.

* * *

Для определения времени захоронения в склепе II-75, необходимо, выделить в инвентарях наиболее поздний хроноиндикатор (основной принцип археологии в вопросах датировок). Такой вещью в склепе является *золотая одночленная лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой дужки* (рис. 3. *1*). По классификации В. В. Кропотова 2010 г.

(значительно более полной, благодаря огромному числу новых находок в сравнении с основополагающей классификацией А. К. Амброза 1966 г.) этот тип фибул уверенно относится к концу II – первой половине III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 120–121, рис. 36. *10, 98* – серия I, хронологическая группа 5, вариант 4]. На материалах некрополя Кобякова городища аналогичную дату предлагал ещё В. М. Косяненко [1987, с. 56–58]. Это было время повсеместного господства в Причерноморье и соседних степях т. н. позднесарматской культуры [Скрипкин, 1977, с. 107]. По материалам могильников Предгорного Крыма в том же хронологическом диапазоне разместил эти фибулы и А. А. Труфанов [2009, с. 213, рис. 56. *2*], отметив их совместные находки с зеркалами-подвесками, укороченными «дугоконечными «пряжками (вар. Б) и фибулами «инкерманской» серии. В настоящее время такие фибулы признаны эталоном позднесарматской культуры. А. А. Амброз [1966, с. 51, табл. 9. *12* – группа 15, серия I, вариант 5] дал им такое же определение: «III в. н. э., возможно, появились уже в конце II в.»[1]. В Горгиппии фибулы с фигурной обмоткой дужки (бронзовые) встречены в «чистом» слое последнего городского пожара, надёжно датированного рубежом 30–40-х годов III в. (например, в подвалах 58 дома 6 и 85 дома 7 [Алексеева, 1997, табл. 115. *40*; 135. *4*]).

Таким образом, этот наиболее поздний хроноиндикатор соответствует завершающему этапу IV периода истории Горгиппии, отмеченному началом общего кризиса Боспора, признаки которого стали заметны уже в конце правления Евпатора (154–170 гг.) и с началом очередного денежного кризиса [Зограф, 1951, с. 203; Фролова, 1997, ч. I, с. 145–146]. Многие успехи политики Савромата II (175–211 гг.) (КБН 1237) также проходят на фоне продолжающегося кризиса, а затем и монетной реформы 186 г. [Зограф, 1951, с. 205; Фролова, 1997, ч. I, с. 155–156].

* * *

Погребальный инвентарь склепа II-75 не единовременен. В рамках данной статьи остановимся выборочно лишь на некоторых предметах. Среди находок из склепа вещей, бытование которых началось раньше фибулы, значительно больше, чем синхронных. Часть из них можно рассматривать как прижизненные вещи долгого пользования – например, *два бронзовых литых светильника* с головами гуся и утки на концах ручек (рис. 3. *3*). Светильники этого типа известны в разных центрах античного мира: Помпеях, Геркулануме, на территории Сирии, Северной Африки, Балканского п-ова,

[1] М. Ю. Трейстер [Treister, 2003, с. 53], для золотой фибулы из склепа выбирает аналогию по классификации А. К. Амброза вариант 4 лучковых одночленных подвязных фибул [1966, с. 50, табл. 9, *10*], при абсолютном соответствие ей соседнего варианта 5 [с. 51, табл. 9. *12*]. Датировку варианта 5 А. К. Амброз [с. 51] обосновывает совместными инвентарями, среди которых названы: монета Гордиана III (238–244 гг.), стеклянный бальзамарий III в., кувшин раннего III в., ещё одна монета III в., перечислены и курганы позднесарматского периода Саратовской и Волгоградской областей. В классификации В. В. Кропотова материалы, сопровождающие рассматриваемый тип фибул, информативнее.
Не единичны они и в могилах горгиппийского некрополя. Отмечу совместнаую находку в одной из них бронзовых «укороченной» пряжки с завитками на рамке и лучковой фибулы с фигурной обмоткой дужки [Алексеева, 1982, с. 48, рис. 26]. Присутствие этого типа фибул в «чистом» слое последнего городского пожара пролонгирует их использование в Горгиппии вплоть до гибели города на рубеже 30–40 гг. III в. В комплексах других памятников такие фибулы встречаются и позже. В. Ю. Малашев [2000, с. 198, 208] на материалах позднесарматского мира отметил, что они характерны для комплексов III в. и «среди одночленных лучковых – занимают самую позднюю позицию».

Рис. 3. Предметы погребального инвентаря из склепа-II-75 и скальной гробницы-76. *1* – одночленная подвязная лучковая золотая фибула с фигурной обмоткой дужки из саркофага 2 склепа II; *2* – перстни из цельного золота с геммами (крайние из саркофага 2 склепа II-75, средний из гробницы); *3* – бронзовые светильники из группы находок на полу склепа-II-75

Бельгии. Обстоятельствами находок они датируются сер. I – сер. II вв. Относительно центра их производства мнения исследователей в большей степени склоняются в пользу италийского или александрийского происхождения [Picard, 1955, p. 67]. В Танаисе найден аналогичной формы светильник, но с маской на конце ручки [Шелов, 1972, с. 149, рис. на с. 152]. Светильник из горгиппийского склепа с головой утки имеет несколько впаянных заплаток (аккуратную, прямоугольную). Он мог использоваться семьёй век-полтора, прогорал и чинился. По той же причине аналогичный светильник из Танаиса, как вещь долгого пользования, происходит из помещения, сгоревшего в пожаре 40-х годах III в., то есть вслед за Горгиппией.

Другую категорию ранних находок в подобных рассматриваемому эксклюзивных комплексах составляют семейные реликвии. В склепе II-75 к числу таковых можно

отнести, например, *полихромную фиалу* (рис. 4) многоступенчатого исполнения, изготовить которую было по силам только центру с многовековой традицией стекольного ремесла. Такие мастерские были в Александрии, городах Сирии и Италии. В литературе эта техника известна под названием "Gold-bandglass". Изделия объединяет устойчивая цветовая гамма спаянных полос цветного стекла (прозрачного кобальтово-синего, изумрудно-зелёного, лиловато-марганцевого, глухого белого) и наличие среди них ленты из бесцветного прозрачного стекла с внутренней прокладкой золотой фольги, которая, растрескиваясь при нагревании, создавала просвечивающую изнутри россыпь золотых пятен. Устойчивая цветовая гамма позволяла исследователям предполагать технологию единого центра, так как в древности работа с красителями отличалась большим консерватизмом даже не на ранних этапах стеклоделия. Изгибы цветных полос имитировали природные узоры на срезах полудрагоценных камней (агата, яшмы). В комплексах II в. до н. э. – I в. н. э. известны бусы, исполненные в этой цветовой гамме и технике [Алексеева, 1978, с. 50, табл. 29. *23–33*, рис. 14]. В конце I в. до н. э. и в первой половине I в. н. э. выпускались некрупные сосуды – флаконы, алабастры, пиксиды, реже чаши – плоские и на ножке [Fremersdorf, 1932, S. 286; Saldern, 1964, p. 42; Oliver, 1967, p. 24, 25]. В коллекциях (особенно частных) известны и крупные сосуды, подобные анапской фиале (d=16,4 см), но это очень редкая категория изделий. Н. З. Кунина [1970, с. 224–227] в специальном исследовании этой группы стекла из собрания Эрмитажа обосновывала александрийское её происхождение. Позже [1997, кат №№ 95–97], вернувшись к группе таких сосудов, она не исключала изготовление их в стекольных мастерских Рима. Непосредственно в Риме и его ближайших окрестностях найдено множество обломков великолепного стекла раннеимператорского времени, среди которых значительное место занимают осколки сосудов в технике «Gold-bandglass». В настоящее время принята точка зрения на производство такого стекла италийскими мастерскими в первой половине I в. н. э., но истоки техники ведут к мастерским Восточного Средиземноморья [Grose, 1983. p. 44]. На I в. до н. э. – I в. н. э. в стеклоделии приходится расцвет мозаичной техники (миллефиоре), дававшей бесконечные возможности вариаций орнамента и комбинаций всех оттенков цветного стекла. Стеклоделы добивались удивительного декоративного эффекта, изготавливали настоящие шедевры своего мастерства, которые ценились очень дорого.

Долгое хранение семейной реликвии (в сравнении со временем появления рассмотренного типа фибул) достаточно хрупкого сосуда (из стекла) не вызывают вопросов. Его великолепие и, безусловно, высокая стоимость говорят сами за себя. В статье, посвящённой интерпретации сюжетов фресок соседнего склепа I-75, объясняя присутствие в росписи образа Геракла, я обосновывала возможные родственные связи владельца открытого в центре Анапы комплекса гробниц с царствующей на Боспоре не одно столетие и ведущей свой род от Посейдона, его сына Евмолпа и Геракла династии [Алексеева, 2016, с. 45–48]. Такая семья, конечно, должна была иметь семейные реликвии. Ни бронзовые светильники, ни полихромная фиала из стекла, ни другие синхронные им предметы из комплекса не влияют, однако, своим присутствием на определение времени совершения захоронений в открытых гробницах. Ответ на вопрос о причинах растянутого хронологического диапазона инвентарей из склепа II-75 может содержаться

Рис. 4. Фиала из полихромного стекла с прокладкой золотой фольги внутри ленты из прозрачного бесцветного стекла, группа находок на полу склепа-II-75

в росписях соседнего склепа I-75. На них представлены два поколения – старшее, основатели рода, владельцы расписной усыпальницы (люнета напротив входа) и семья их сына («семейный портрет» среди повествования о трудах Геракла на правой от входа стене).

* * *

Рис. 5. Меч сарматского типа из саркофага 2

Среди предметов погребального инвентаря из склепа II-75 золотая фибула с фигурной обмоткой – не единственный предмет, соответствующий повсеместному распространению позднесарматской культуры. В том же хронологическом диапазоне могут разместиться и некоторые другие изделия, бытование которых началось задолго до появления рассмотренного типа фибул, но, как и сами фибулы, они становятся эталонами в характеристике комплексов именно позднесарматской культуры. Среди таких находок отмечу *длинный (80 см) железный меч сарматского типа* с узким двулезвийным клинком без перекрестия и металлического навершия, со штырём (20 см) для устройства рукояти и с фрагментами деревянных ножен, уцелевшими на коррозии железа (рис. 5). Пропитанная водой древесина в момент извлечения из саркофага сохраняла красно-терракотовый цвет окраски. Остатки белой грунтовки под красную раскраску деревянных ножен отмечены на длинных позднесарматских мечах Подонья [Безуглов, 2000, с. 172]. «Деревянные расписанные красной краской ножны» были и у длинного меча сарматского типа из погребения 4 некрополя Тилля-тепе I в. до н. э. – I в. н. э. (он лежал от таза над левой бедренной костью, заходя клинком за колено [Сарианиди, 1989, рис. 30]).

Такие мечи имели долгое хождение, появившись в сарматских погребениях II–I вв. до н. э. одновременно с короткими мечами с перекрестием и кольцевым навершием [Симоненко, 1984, с. 142; Трейстер, 2010, с. 500]. Картина распространения длинных мечей в разных регионах выглядит неодинаково. В Крыму число их возрастает в первой половине – середине I в. [Пуздровский, 2007, с. 131], в могильниках позднее-скифского населения Предгорного Крыма их находки отмечены в захоронениях I–II вв. (Усть-Альма, Битак [Труфанов, 2009, с. 269]). Находки длинных мечей с рукоятью-штырём в могильнике Скалистое-III Юго-Западного Крыма свидетельствуют об использовании их вплоть до середины III в. [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 8. *52*].

В Подонье длинные мечи становятся популярными с середины II по середину III в. н. э., причем, для этого региона характерно (подобное склепу II-75) сочетание длинных мечей с одночленными лучковыми фибулами с фигурной обмоткой дужки [Безуглов, 2000, с. 176. сл.].

В Прикубанье мечи этой разновидности появляются в I в. до н. э. и получают распространение в комплексах I–II вв. [Хазанов, 1971, с. 21; Марченко, 1996, с. 56, вариант 2]. В Закубанье их бытование определяется I – серединой III в. [Малышев, 2008, с. 157: ссылка на автореферат канд. дисс. Кожухова С. П.]. В Абхазии они известны в позднеримское время [Воронов, Шенкао, 1982, тип 2, рис. 4, 9, 10].

Происхождение длинных мечей с рукоятями-штырями, как и кинжалов с двумя парами боковых лопастей, исследователи связывают с центрально-азиатским регионом [Безуглов, 2000, с. 174]. В погребениях всадников первых вв. н. э. такие мечи лежат как слева, так и справа от погребённого[2]. Длинными мечами вместе с короткими кинжалами были вооружены элитные всадники, что подтверждает открытое в 1894 г. на г. Митридат погребение в каменном склепе: усопший Юлий Каллисфен захоронен с таким оружием в кожаном панцире с золочеными фаларами, со щитом с рельефной обкладкой умбона и с золотым перстнем с портретом императора Клавдия на аметисте работы резчика Скилакса. На рубеже I–II вв. Каллисфен занимал одну из должностей в фиасе, община наградила его золотым венком «пожизненно чести ради» [ОАК за 1894 г., с. 44–45; Мацулевич, 1941; Завойкина (Смирнова), 2003, с. 121].

Рис. 6. Железные удила с колесовидными псалиями (две пары) из группы находок на полу склепа-II-75

Исследователи обратили внимание на то, что на боспорских надгробиях всадники обычно представлены без панцирей и шлемов. Изображение неполного набора доспехов объясняется намеренным стремлением выделить именно предметы, подчеркивающие социальную значимость покойного [Трейстер, 2010, с. 531]. В то же время, сама принадлежность к всадническому сословию уже гарантировала статусность в обществе, поэтому неполный набор доспехов у всадников с надгробных рельефов может (?) иметь отношение и к погребальному ритуалу. Впрочем, на одном из горгиппийских надгробий II в. всадник с луком в горите скифского образца одет в кольчугу [Алексеева и др., 2010, с. 122, рис. 37]. Многие всадники с надгробных рельефов изображены с длинным мечом, пристёгнутым к гориту скифского образца за левым плечом [Трейстер, 2010, с. 486, рис. 9, 10]. Н. И. Сокольский [1954, с. 159] такой способ ношения меча считал походным. Изображение на надгробных рельефах всадников «в походе» М. Ю. Трейстер [2010, с. 531] трактует как метафору перехода в мир иной.

На горгиппийском некрополе находки мечей неоднократно отмечены в комплексах первых веков нашей эры. Обычная фрагментарность не позволяет идентифицировать их с каким-либо из известных типов. Длинный меч сохранился в одной из могил с заплечиками, деревянным перекрытием на них и квадратным впускным колодцем (5,6 м^2) вместе с большим стеклянным кувшином и лучковой фибулой I в. н. э. [Алексеева, 1982, погребение 57, рис. 51, *1*]. Ещё один длинный меч без перекрестия лежал слева от погребённого в могиле 64 –1955 г. вместе с монетой Евпатора в составе погребального инвентаря, во многом повторяющем набор предметов из Склепа II-75 (вместе с железными

[2] Например, некрополь Кобякова городища: п. 13–1960 г. и п. 2–1962 г. – слева; п. 20–1962 г. – наискось от лев. локтя к прав. колену; п. 10–1962 г. – справа [Косяненко, 1987, рис. 88, 96, 125,130]; Цемдолинский некрополь: пп. 46, 50, 56, 68 – справа; п. 34 женское – слева [Малышев, 2008, с. 75, 80, 88, 103; 59].

колесовидными псалиями, лицевыми пластинами из золота, золотым венком, серебряным сосудом, сосудами из стекла и поделками из золотой фольги [Кругликова, 1982, с. 137]).

Всаднический набор из склепа II-75 дополняют *две пары железных удил с колесовидными псалиями* (рис. 6). Н. В. Анфимов [1952, с. 82] упоминал такие находки в памятниках Прикубанья II в. до н. э. – Усть-Лабинском могильнике и кургане в ст. Северской. По мнению К. Ф. Смирнова, [1952, с. 16; 1953, с. 40] этот тип удил появился в I в. до н. э. преимущественно на Северном Кавказе в результате развития меотских удил с крестовинами. Сложившись к I в., колесовидные псалии бытуют в верховьях Дона, на Северном Кавказе, в Молдавии [Марченко, 1996, с. 76, рис. 20 а]. Находки их известны и в комплексах, надёжно датированных первой половиной III в. [Арсеньева, Каменецкий, 1972, рис. 122].

Исследователи различают способы соединения колес псалий со звеньями удил. В ранней серии (не позднее первой половины III в.) псалии изготавливались отдельно и насаживались на звено удил, после чего конец звена удил загибался в круглую петлю. В другой серии удила с широкими прямоугольными петлями жёстко крепились к осям псалия. Такие удила только появляются в комплексах первой половины – середины III в. и продолжают существовать в IV в. [Малашев, 2000, с. 210].

Псалии из склепа II-75, как и другие из погребений горгиппийского некрополя, относятся к первой, ранней серии с круглыми петлями на осях удил. Один экземпляр их был найден в только что упомянутой могиле 64–1954 г. с богатым погребальным инвентарём. Фрагменты ещё одних удил происходят из разрушенного погребения Астрах 79–9, где они соседствуют с частью меча, ременными пряжками и остатками украшений с позолотой, также свидетельствующими об изначально небедном наборе утраченного инвентаря [Алексеева, 1982, с. 15, рис. 9. *2, 7*]. Среди уцелевших его остатков сохранился низ небольшого стеклянного бальзамария мягкой каплевидной формы, характерной для I в. [Кунина, Сорокина, 1972, тип I, 2А]. Третьи удила сопровождало только остриё меча; спицы колёс этих удил сварены встык с их внутренним ободом (погр. Тер. 1980–15).

Обломки псалиев поздней серии (с нижней датой бытования в III в.) с прямоугольниками на концах псалиев происходят из слоя горгиппийского пожара рубежа 30–40-х годов III в. в подвалах дома 5 на торговой улице Горгиппии (территория археологического заповедника в Анапе). Здесь они, видимо, предназначались для продажи в придомовой лавке вместе с железными орудиями труда, решётчатыми жаровнями, 16 железными крицами в виде прямоугольных брусков и осколками не менее 70 однотипных стеклянных стаканчиков местного производства [Алексеева, 1997, табл. 98. *16–25*].

В погребениях Цемдолинского некрополя, как и в Горгиппии, колесовидные псалии встречены в комплексах с длинными мечами сарматского типа [Малышев, 2008, погр. 50, 56, 68] и фибулой с фигурной обмоткой дужки [погр. 10].

* * *

Для интерпретации рассматриваемого комплекса гробниц имеет значение и *золотой перстень* из скальной гробницы-76, поэтому ещё раз вернусь к этому предмету,

ранее мной публиковавшемуся [Алексеева, 1986]. Два идентичных перстня происходят из саркофага 2 с мужским погребением в склепе II-75 (рис. 3. *3*). Все три отлиты из цельного золота, различаются между собой массивностью и геммами; перстень из гробницы наименьший из них. Форма перстней относит их к позднеримскому времени; использование цельного золота также наиболее характерно для этого периода [Marshal, 1907, p. XXXI. *495, 804, 1169, 1174*]. С. И. Финогенова [1987, с. 147] определила форму оправ как характерную для римских перстней II в. н. э.

Перстень из скальной гробницы дополнен резным италийским николо (рис. 7. *1*). На плоской поверхности камня резцом прорезан тонкий непрозрачный, беловато-голубой слой до подстилающего полупрозрачного густо-синего; тёмное изображение выделяется на светлом фоне. Гемма представляет Афину в длинном хитоне, подпоясанной апоптигме, полуоборот влево. На голове – шлем с гребнем и козырьком. Тип Афины восходит к Афине Парфенос Фидия. Положение её руки на верхней части копья и грубая манера исполнения щита находят параллели в геммах II–III вв. н. э. [AGDS. Bd. III, t. 6. *46, 47*]. С. И. Финогенова [1987, с. 151, 152] отнесла гемму к изделиям италийских мастеров II в., отметив погрешности в начертании отдельных линий, заходящих друг на друга или за контуры, а также недостаточно умелое исполнение объёмных деталей круглым резцом. По её мнению, однако, эти недочёты не умаляют качество работы и не позволяют отнести гемму к изготовлявшимся для широких слоёв населения.

Гемма примечательна ещё и тем, что под вытянутой рукой Афины вырезан тамгообразный знак, качество исполнения которого значительно уступает технике резьбы основного изображения – изгибы линий достигнуты последовательным нанесением коротких насечек, резец при этом неоднократно срывался, проникал в камень на разную глубину, оставляя боковые царапины и не всегда достигал тёмного слоя (рис. 7. *2*). Нет сомнения, что знак вырезан другой рукой позже основного изображения, очевидно, уже боспорским мастером на привезённом изделии. Ему почти удалось вписать знак в готовую композицию, однако обращает внимание неполная завершённость знака. Его верхний правый отрог состоит из двух соединённых под углом глубоких врезок, но в продолжение верхней из них двумя тонкими параллельными линиями – «царапинами» сделана намётка ещё одной глубокой врезки. Она удлинила бы линию отрога вверх до вытянутой ладони Афины, но осталась только намеченной. Две тонкие чёрточки подходят к тыльной стороне ладони напротив основания большого пальца и вместе с ним образуют характерный для тамг крючок в верхней части отрога. Очевидно, не хватило пространства, чтобы целиком разместить задуманный знак и мастеру пришлось воспользоваться существующим на гемме изгибом пальца. Результат мог смутить и резчика, и заказчика, так как пересечённая ладонью Афины тамга не позволила бы использовать гемму в качестве печати: намеченный штрих остался невырезанным.

Тамга на перстне относится к той категории знаков, которые в пределах Боспора обычно называют царскими [Соломоник, 1959, с. 24; Шелов, 1966, с. 268 слл.; Драчук, 1969, с. 225; он же, 1975, с. 70, 97; Кузнецов, 2007 б, с. 225–229]; некоторые исследователи высказывали по этому поводу особое мнение [Завойкина, 2004]. Распространённость таких знаков на локальной территории (они известны почти исключительно на Боспоре) выявляет их местную значимость, что требует объяснения. Это сложные знаки,

Рис. 7. Золотой перстень из гробницы-76: *1* – гемма на николо в (Афина Парфенос в шлеме с копьём и щитом); *2* – прорись тамгообразного знака под вытянутой рукой Афины

объединяющий элемент – нижняя часть. В. С. Драчук [1975, с. 61–63] первым усмотрел в этой фигуре трезубец и предложил объяснение: «нижняя часть знака символизировала правящую боспорскую династию, почему и стала общей на всех, а верхняя – являлась именным символом, меняясь с переходом по наследству. Сложные царские знаки Боспора соединили в один компонент два символа разного происхождения – символ боспорских династий – триденс и знак сарматского населения Боспора – именную тамгу». Эту мысль позже поддержал С. Ю. Сапрыкин [2006, с. 241–243]. По версии Д. Б. Шелова [1956, с. 184, 193–196], триденс укоренился на Боспоре в качестве общегосударственного символа правящих царей под влиянием типологии монет фракийского царя Лисимаха и стал отличительной чертой спартокидовских золотых статеров и подтверждением их права на чеканку. В период становления боспорского государства династия Спартокидов возводила свой род к Гераклу, Посейдону и его сыну Евмолпу; последний считался также и родоначальником фракийцев. В. Ф. Гайдукевич, основываясь на ономастике имён, обосновывал [1949, с. 55] фракийское происхождение Спартокидов, отмечая также, что в клеймах царской черепицы изображались эмблемы божественных родоначальников династии – трезубец и дельфин, а на ранних образцах – трезубец встречается в сочетании с палицей Геракла и шкурой убитого им льва [Гайдукевич, 1934, с. 278,

рис. 76. *в*]. Атрибутами Посейдона (дельфин, трезубец) отмечены типы пантикапейских монет конца III в. до н. э. [Фролова, 1997. Ч. I, с. 42].

В период вхождения Боспора в Понтийскую державу в среде царствующих особ распространились символы восточных богов-покровителей (Митры и Мена – звезда и полумесяц), а знаки прежней династии исчезают вместе с ней. Нумизматы рассматривают зодиакальные символы как династические эмблемы эпохи Митридата [Орешников, 1884, с. 66, табл. XVI. *8*; Зограф, 1951, с. 187; Шелов, 1956, табл. VIII. *93*; Казаманова, 1969, табл. XVI. *8*]. После распада Понтийского царства боспорские цари вернулись к возрождению своего престижа. Уже в конце I в. до н. э. в третьей серии монет с монограммой ВАЕ на лицевой стороне появляется бюст Посейдона и трезубец, а на оборотной – дельфин [Фролова, 1997. Ч. I, с. 46]. Женитьба Аспурга на представительнице знатного фракийского рода Гипеперии позволила, быть может, не только формально, основателям новой династии возродить прерванную при Митридате древнюю ветвь царского рода. Культ ещё одного божественного прародителя царствующей семьи, Геракла, также имеет место. Потомки Митридата: Фарнак и Динамия «вернули» его в мифологическую генеалогию, как правнука бога Персея и родоначальника персов.

Сын Аспурга Митридат VIII в противостоянии с Римом акцентирует древнее начало боспорского царского дома изображением на реверсе медных монет палицы Геракла с наброшенной шкурой льва, луком в горите слева от неё и трезубцем справа, подчёркивая таким образом, слияние ахеменидского и фракийского начал [Зограф, 1951, с. 197; Фролова, 1997. Ч. I, с. 81, табл. XX–XXII]. Эмиссии Котиса I носили проримский характер и древних символов Боспора не имели. Со смертью Нерона на Боспоре вновь начинают выпускаться золотые и медные монеты от имени царя Рескупорида I (69–92 гг.) сына Котиса и царицы Евникии. На лицевой стороне его сестерциев рядом с бюстом царя появляются возрождённые древние символы династии: палица Геракла и трезубец [Фролова, 1997. Ч. I, с. 106]. Эти символы продолжают размещаться на том же месте и на меди Савромата I [там же, с. 133]. Их присутствие отмечено и в последующих боспорских эмиссиях – при царях Ремиталке (впервые на аверсе), Евпаторе, Савромате II [Зограф, 1951, с. 197; Фролова, 1997. Ч. I, с. 145 и слл.]. Трезубец с палицей продолжают чеканить и в III в. На реверсе двойных денариев Савромата II стоящий в полный рост царь, увенчиваемый Никой, держит в правой руке палицу Геракла, в левой – трезубец [Фролова, 1997. Ч. II, табл. LXXXVI. *13, 14*].

Рескупорид II (211–226 гг.) и Котис III, укрепляя власть, продолжали подчёркивать своё происхождение от божественных предков Посейдона, его сына Евмолпа и Геракла, помещая их символы (трезубец и палицу) на золотых и медных монетах рядом с бюстом царя [Фролова, 1997, Ч. II, с. 10, 15]. После перерыва в боспорском чекане (238–241 гг.) в 242 г. на реверсе статеров Рескупорида IV (242–276 гг.) рядом с бюстом императора вновь появляется палица, а в чекане 260-х годов на лицевой стороне рядом с его бюстом размещается и трезубец [там же, с. 43, 51, 58–59, 67].

Из последующих царей этой династии, в короткие правления Савромата III и Рескупорида III (233–234 гг.) родовые символы отсутствуют. В чекане Ининфимея они были заменены его именной тамгой, выдавая происхождение царя из сарматской среды и возможный насильственный захват власти с поддержкой другого «клана». Когда

на Боспоре приходили к власти выходцы из варварской среды, древняя династическая символика (триденсы) исчезала из их знаков, как чуждая. Практика Ининфимея в размещении на монетах своего личного знака была продолжена чеканом поздних боспорских царей – Фофорсом, Радамсадом, Рескупоридом V [Соломоник, 1959, с. 165–166]. Их знаки не имеют ничего общего с триденсом.

Первым свой личный знак на лицевой стороне медных монет ранней эмиссии с монограммой ВАР [Голенко, Шелов, 1963, с. 12, 13, рис. 1; Фролова, 1997, ч. I, с. 67], когда ещё не произошло официального возврата к древним мифологическим корням, разместил Аспург. Его знак не связан с традиционной эмблемой боспорского царского дома (трезубцем), а лишь выявляет его сарматское происхождение, подтверждаемое и ономастикой имени. Знаки Аспурга отмечены на обожженных кирпичах, находки которых связаны с районами Горгиппии и юго-восточной окраины Боспора [Онайко, Дмитриев, 1981, с. 98; Алексеева, 1997, табл. 49. 4]. В Горгиппии он, видимо, имел в собственности кирпичные эргастерии, работавшие на местной глине. Его тамга-граффити нанесена на гончарную посуду в крепости на подступах к Горгиппии (ст. Анапская), возведённой в эпоху укрепления боспорского приграничья Асандром/Аспургом. До утверждения Римом во власти Горгиппия могла оставаться для Аспурга опорным пунктом, и он после длительного отсутствия в государстве отблагодарил её привилегиями [Блаватская, 1965, с. 197].

С изменением этнического состава Боспора вследствие присоединения новых земель, населённых сарматскими племенами, «в угоду времени» у поздней боспорской династии со II в. к традиционной эмблеме в виде трезубца прибавляется именная тамга и вводится в употребление новая составная царская эмблема. Она находит подтверждение и в изменении официальной титулатуры царей – в появлении формулы «царь всего Боспора и тавроскифов» (вместо короткого «царь Боспора» [Шкорпил, 1917, с. 112]). В группе этих знаков трезубец остаётся основой, фундаментом, знаком династии, объединяющим началом центральной власти подобно тому, как в сложных сарматских тамгах нижняя часть знака символизировала знатный клан [Яценко, 2001, с. 15 и слл.]. Долгое правления боспорских монархов со стремлением к обоснованию и незыблемости древних мифологических корней объясняет «долголетие» этого символа. Верх боспорских царских знаков в соответствии со структурой сложных сарматских тамг, соответствовал знаку «малой семьи», входившей в «клан»-династию, то есть семьи правящего царя, где главной фигурой и владельцем составного знака (гербом) являлся конкретный царь. В. С. Драчук [1975. с. 63] заметил, что новые царские знаки употреблялись только внутри страны. На монетах, имевших международное хождение, продолжали сколь возможно долго ставить триденс, так как в новых именных знаках терялся изначальный древний смысл. Для противопоставления Риму цари Боспора пользовались традиционной эмблемой. Тем, что так называемые «царские тамги» поздней боспорской династии не являлись тамгами в общепринятом смысле, а представляли собой составные знаки (учитывающие смешанный состав населения государства), возможно, следует объяснить избирательность их употребления – на единичных из многих строительных надписей. Например, ими могли отмечать объекты, наиболее значимые для местного населения или особо им посещаемые. Скорее всего, изображение

знака воспринималось как царский герб, фиксирующий деяния царя и понятный для ираноязычного населения государства. Из группы знаков с трезубцем в основании связь с правлением конкретного царя поздней боспораской династии подтверждена эпиграфикой только для трёх (рис. 8):

– знак «В» Тиберия Юлия Евпатора, 154/5–170/1 гг. [КБН 1241; Гайдукевич, 1949, с. 427; Соломоник, 1959, с. 49. *№ 1;* Блаватский, 1964, с. 143];

– знак «Д» Рескупорида II, 211–226/7 гг. [КБН 1248; Соломоник, 1959, с. 58, № 13]. Восстановление: повреждённые линии трезубца восстановлены по аналогии с другими знаками, наполовину утраченная средняя часть знака дополнена до полной окружности. Относительно верхней, определяющей части, Э. И. Соломоник отметила, что она сохранилась полностью, а не обрывается с одной стороны, как первоначально ошибочно понимал В. В. Латышев.

В знаках «В», «Г», «Д» (рис. 8) над символом трезубца помещены двухчастные конструкции. В среднем звене между трезубцем и верхними отрогами изображены треугольник (знак Евпатора) и круг (знаки отца и сына – Савромата II и Рескупорида II). Наиболее простая среди знаков с трезубцем двухчастная тамга «Б», лишенная среднего звена. Её верхние отроги помещены непосредственно на трезубец, совпадая при этом с отрогами знаков «В» (Евпатора), «Е» (уздечки из могилы с золотой маской), «Ж» (известного по пряжкам; В. С. Драчук [1975, с. 66, табл. XIII, рис. 1. *16, 17*] связывал его с Ремиталком).

Знак «Б» известен по анэпиграфной плите из Танаиса (рис. 8). Археологический контекст находки относит плиту к строительным объектам в оборонительной системе Танаиса, построенным «не ранее самого конца I в. н. э., а скорее уже во II в. н. э.» и просуществовавшим с незначительными перестройками начала III в. до 40 гг. III в. [Шелов, 1966, с. 272]. Условия находки плиты позволили Д. Б. Шелову определить принадлежность знака «одному из боспорских царей с конца I до середины III в. н. э., от Савромата I до Рескупорида IV» (242–276 гг.). Он связал его предположительно с Ремиталком (131/2–153/4 гг.), основываясь на совместной находке в одной из керченских могил этого знака на поясном наконечнике вместе с ранее известным знаком Тиберия Евпатора на пряжке [Шкорпил, 1910, № 18–19, рис. 8–9; Он же, 1913, с. 27, № 67 (14)]. На основании того, что тамги сменявших друг друга царей: Евпатора, Савромата II и Рескупорида II уже были установлены, Д. Б. Шелов разместил новую тамгу, как наиболее простую, перед знаком Тиберия Евпатора и отнёс к непосредственному его предшественнику[3].

На мой взгляд, такое основание для атрибуции знака очень условно, но рядом публикаций воспринято, как доказанное. Кроме того, после определения знаков Савромата II и Рескупорида II (211–226 гг.) нельзя утверждать, что их развитие шло по линии

[3] В статье Д. Б. Шелова [1966, с. 271, рис. 2. *4*], видимо, по досадной оплошности, под надписью «тамга Рескупорида III» [II по современной версии царствования Рескупоридов. – Е. М.] изображен знак не в восстановленных Э. И. Соломоник очертаниях, а знак с золотых бляшек уздечного набора из известного «Погребения с золотой маской» в Керчи (см. ниже знак «Е»). В сравнении со знаком на уздечке тамга Рескупорида II (211–226 гг.) с танаисской плиты между двумя столбцами текста ретроградна, а главное, не имеет на одном из отрогов направленной вниз чёрточки.
Н. В. Завойкина [2004, рис. 5. *г*] копирует для Рескупорида II знак по таблице Д. Б. Шелова с лишней чертой. Принадлежность знака с танаисской плиты именно Рескупориду II подтверждена вырезанным рядом текстом. Обладатель тамги с уздечки из могилы с золотой маской – это другой человек. Добавление любого элемента к очертаниям знака меняет его атрибуцию.

усложнения. Степень родства этих царей как отца и сына подтверждена эпиграфически [КБН 53–56, 1248]. Сравнение их знаков, наоборот, показывает упрощение – знак сына (Рескупорида) образован усечением одного из верхних отрогов в знаке отца.

Знак «Е» по очертаниям также может быть отнесён к группе царских тамгообразных знаков Боспора с трезубцем в нижней части (рис. 8). В 1837 г. в Керчи на Глинище Ашиком была открыта подкурганная гробница с царским захоронением, известная в публикациях как «Погребение с золотой маской». В состав погребального инвентаря среди символов власти и большого количества драгоценных вещей входила лошадиная сбруя. Ремни уздечки дополнены золотыми прямоугольными пластинками с сердоликовыми вставками, две из них без инкрустации украшены чеканными 6-лучевой звездой и тамгой (Рис. 8. *№ 89*). Тамга с уздечки из керченской могилы 1837 г. и анапского перстня полностью совпадают.

Э. И. Соломоник зафиксировала [1959, № 89] этот знак на плакетках уздечки, отметив его сходство с восстановленным ею знаком Рескупорида II (211–226 гг. [Соломоник, 1959, № 13]), указав и различия. В её монографии такой знак учтён на разных предметах и камнях не единожды (рис. 9). Среди них косвенные сведения к вопросу датировки знака может дать только его присутствие под слоем штукатурки на стене входного коридора так наз. Стасовского склепа 1872 г. в Керчи [№ 52], где он процарапан среди других беспорядочно размещённых знаков и фигурок зверей. В общем ряду пантикапейских склепов с росписью в смешанном инкрустационно-цветочном стиле I–II вв. (открытых Ашиком в 1841 и 1875 гг.) для «Стасовского» склепа М. И. Ростовцев допускал более позднюю датировку: начиная с конца II в. [АДЖ, с. 345]. Рассматриваемый знак процарапан и на надгробии под эпитафией II в., что также может подтверждать его известность в это время, однако здесь не исключена и случайность [Соломоник, 1959, № 7].

Гробницу с золотой маской исследователи долгое время связывали с Рескупоридом II (211–226 гг.), основываясь на большом серебряном блюде, орнаментированном в технике чернения и дополненном пуансонной надписью («царя Рескупорида») с двумя монограммами. Прочтение монограмм давало основание думать, что блюдо было подарено Рескупориду II, сыну Савромата II, Марком Аврелием Антонином Каракаллой [Шкорпил, 1910, с. 34; Гайдукевич, 1949, с. 421; Иванова, 1953, с. 178]. Рассматривались и другие варианты происхождения блюда и принадлежности комплекса.

С начала 2000-х годов анализом разных групп находок из гробницы с золотой маской коренным образом пересматриваются ранее предлагавшиеся датировки, а следовательно и интерпретации. В. В. Малашев [2000, с. 203, рис. 1] разместил ременные гарнитуры из гробницы в рамках рубежа II–III – начала IV вв. М. Ю. Трейстер [2004] обосновал дату для ювелирных изделий полихромного стиля и металлических сосудов из комплекса в пределах второй пол. III – первой пол. IV вв., включив сюда и блюдо с орнаментацией в стиле техники Niello (приёма чернения смесью серебра, меди и свинца). Поздние датировки разных групп находок из комплекса с золотой маской, если не рассматривать блюдо семейной реликвией династии, исключают принадлежность его всем Рескупоридам, кроме Рескупорида V (318–341/2 гг.), тем более, что и для блюда нашлись аналогии времени Константина I (306–337 гг.) [Трейстер, 2004, с. 250]).

Рис. 8. Тамгообразный знаки боспорской династии первых веков нашей эры: личная тамга Аспурга; «*а*» – с анапского перстня; «*б*»–«*д*» – тамгообразные знаки царей поздней боспорской династии: Ремиталка (?), Тиберия Юлия Евпатора, Савромата II, Рескупорида II; «*е*» – знак с уздечки из керченского «Погребения с золотой маской»; «*ж*» – знак, известный по бронзовым пряжкам; личная тамга Ининфимея

М. Ю. Трейстер [там же, с. 249, 2543–254] указывает и на наличие в погребении с маской предметов с аналогиями в комплексах середины II в. (серебряный шаровидный сосуд с изображениями эротов с гирляндами) и середины II – начала III вв. (серебряный бальзамарий ложки – лигула, кохлеарий). О. В. Шаров [2001, с. 181] упомянул монету с монограммой ВАЕ. Такие монеты обращались на боспорских рынках в конце I в. до н. э. с правленения Динамии и в I в. н. э. до Котиса I [Фролова, 1997. Ч. I, с. 30–31]. Не исключено, что к этим ранним предметам в комплексе с маской следует добавить и две золотые пластинки на уздечке. Они отличаются от остальных украшений отсутствием гнёзд с камнями и наличием рельефных символов династии (звезды и царского знака).

Тамга с уздечки, а теперь и анапского перстня, не совпадают со знаком танаисской плиты, на которой текстом подтверждена связь тамги с именем «сына великого Савромата», Рескупоридом II. Как уже отмечалось, в сравнении с ним тамга уздечки/перстня ретроградна и усложнена отростком, опущенным вниз от одного из отрогов. Ретроградность Д. Б. Шелов [1966] не принимал за признак самостоятельности знака, что, видимо, верно, так как знаки могли использоваться в качестве печатей. В. С. Драчук [1975, с. 66] оспаривал это мнение, ссылаясь на этнографические данные: у народов Сибири, калмыков, кабардинцев и др. постановка тамги имела решающее значение. Царские же знаки Боспора, однако, не являлись тамгами в полном смысле этого слова (скорее, гербами) и могли подчиняться своим законам построения. Различие между установленной по танаисской плите тамгой Рескупорида II (211–226 гг.) и знаками с анапского перстня

Разновидности знака, близкого тамге перстня, из Общей таблицы знаков Северного Причерноморья (Соломоник, 1959. С. 168)		Знаки, близкие тамге перстня, с камней и предметов по монографии С.И. Соломоник (1959) с номерами
7		№ 7 — № 44 № 48 № 52
8		№ 8 № 89
9		№ 50
11		№ 17
13		№ 9

Рис. 9. Тамги, близкие знаку анапского перстня, зафиксированные Э. И. Соломоник [1959] в Северном Причерноморье с номерами автора:
7 – знак под эпитафией II в. на свободном поле плиты; **44** – под эпитафией I в. (?) надгробия с рельефом на свободном поле среди множества других знаков, повторен дважды, воспроизведение нечёткое; **48** – на свободном поле плиты под утраченной надписью вместе с беспорядочно разбросанными знаками на всех её гранях, повторен дважды; **52** – нацарапан на стене входного коридора склепа II в. (Стасовского 1872 г.) в Керчи под слоем штукатурки вместе с другими беспорядочно размещёнными и фигурками зверей; **8** – на гладком поле верхнего края плиты; **89** – оттиснут в рельефе на золотой накладной пластинке в уздечке из гробницы с золотой маской 1837 г. в Керчи; **50** – ретрограден, нанесён на свободное поле обломка известняковой плиты в соседстве с несколькими другими; **17** на большой известняковой плите вместе с двумя другими, похожими на тамгу Ининфимея; **9** – на свободном поле надгробия под эпитафией.

и керченской уздечки не относится к структурным составляющим и, возможно, отражает очень близкое семейное родство владельцев этих двух знаков (сын, брат?).

Обладатель тамги с анапского перстня жил с поколением, которое погребено на горгиппийском некрополе в рассматриваемых склепах незадолго до разгрома города. До совершения захоронения с золотой маской с вещами второй половины III–IV в. он по естественным причинам вряд ли бы дожил. Следовательно, в захоронении с маской две пластинки с оттштампованными символами боспорской династии, скорее всего, можно рассматривать как семейные реликвии, уцелевшие от прежних времён. Их могли добавить к украшениям уздечки, оформленным в позднем инкрустационном стиле сердоликами.

В дополнение к тамге на перстне из рассматриваемого комплекса погребальных сооружений 1975 г. отмечу, что на центральном щитке резного саркофага 2 из склепа II-75 по едва процарапанной разметке был нанесён красный тамгообразный знак (рис. 2). В момент расчистки склепа красный пигмент почти не имел очертаний, а с высыханием саркофага остатки его обесцветились и сохранилась только намётка тонкими царапинами. Верхнее звено этого знака соответствует верху знаков Евпатора, «условного» Ремиталка и рассмотренного перстня. На саркофаге оно покоится на крупном перевёрнутом вершиной вниз треугольнике, под которым нет места для ещё одной фигуры (знак семьи без династической эмблемы в виде трезубца?).

* * *

Роспись склепа I, состав погребального инвентаря склепа II и уцелевшие вещи из скальной гробницы-76 выделяют рассматриваемый комплекс погребальных сооружений не только из раскопанных на горгиппийском некрополе, которых исследовано не менее 400, но и ставят его в ряд выдающихся захоронений, исследованных на некрополях наиболее крупных античных городов Северного Причерноморья. Даже без утраченного, безусловно, ещё более богатого наполнения расписного склепа I-75, погребальный инвентарь скального склепа II-75 соответствует статусу высших лиц государства. Кому же могло принадлежать исследованное место на привилегированном участке горгиппийского некрополя?

Горгиппия во все периоды развития находилась на особом положении в государстве как город на плодородных землях с крупной гаванью, через которую осуществлялся вывоз зерна, и шли большие пошлины в казну. Это был важный в экономическом отношении центр Боспора и, наконец, Горгиппия имела большое стратегическое значение, находясь вблизи неспокойных юго-восточных рубежей государства, в соседстве со всегда изменчивым варварским миром. В эпоху ранних Спартокидов брат царя Левкона I Горгипп имел в городе черепичные эргастерии, клеймившие продукцию из местной глины его личным клеймом. Полис на месте Анапы мог стать для Горгиппа опорным пунктом в осуществлении завоевательной политики формирующейся на азиатской стороне пролива части Боспорского государства и получил новое имя в честь его главной заслуги – покорения Синдики. На рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. Аспург также выпускал в Горгиппии обожженные кирпичи и клеймил их своей личной тамгой. Видимо, и он имел в здесь свою резиденцию и поощрил город привилегиями в благодарность за верность в период длительного отсутствия [Блаватская, 1965]. Рескупорид I (69–92 гг.) сын

Котиса I назван «благодетелем» горгиппийского народа и почтён установкой статуи (КБН 1118). Савромат I заново отстроил уничтоженные до основания городские укрепления, расширив их границы (КБН 1122). Возможно, речь идёт о восстановительных работах после сильнейшего пожара около 80-х годов I в. н. э., устроенного набегом воинственной сиракской группировки или уже появившимися у границ Боспора аланами (раскоп на юго-западном краю Горгиппии). Царь Савромат II (КБН 1134) пожертвовал причитавшиеся ему пошлинные сборы от горгиппийской гавани на восстановление храма Посейдона вместе со статуями, поддержав городской союз навклеров. На первых этапах вхождения вместе с Боспором в составе Понтийского царства Горгиппия наравне с двумя столицами – Пантикапеем и Фанагорией – сохраняла исключительное право собственного чекана. При этом, если пантикапейские драхмы первой серии митридатовского времени перечеканивались из драхм Амиса II в. до н. э., горгиппийский чекан, как правило, следов перечеканки не имел, что указывает на стабильность экономики города [Голенко, 1960, с. 28; Шелов, 1983, с. 45].

В административной системе Боспора первых веков н. э. Горгиппия была выделена в специальное управление назначавшемуся царём наместнику – ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας (КБН 1115, 1119, 1129,1132, 1134, 1214) подобно наместнику Феодосии, также портового, «хлебного», приграничного города (КБН 36А, 64) и начальнику стратегически важного округа «Остров» (КБН 40, 697, 982, 1000).

Эпиграфика из Горгиппии называет ещё одну должность высшей администрации царства – ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας, известную только по горгиппийским надписям (КБН 1120, 1134). Чиновники же с титулом ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας названы в надписях, найденных в Пантикапее, Танаисе и вблизи Тамани – Гермонассы (КБН 36, 58, 1051, 1237, 1249). Их функции исследователи трактовали неоднозначно: наместник европейской части царства [Латышев, 1910, с. 42]; управляющий царской резиденцией [Жебелев, 1935, с. 51; 1953, с. 210]; царедворцы, пользовавшиеся наибольшим доверием, на которых возлагалось выполнение различных ответственных поручений [Гайдукевич, 1949. с. 342; КБН, с. 65, 654]. Последние, действительно, отмечены в Горгиппии – исполнение предписаний рескриптов Аспурга было поручено царём его доверенным лицам Панталеонту и Феангелу, известным городу по именам [Блаватская, 1965]. А. И. Болтунова [1958, с. 115–116] определила эту должность, как управляющий царским имуществом. В публикациях эта магистратура обычно трактуется как управляющий царскими землями; чиновник такого ранга должен был иметь в городе свою резиденцию. Известный в Горгиппии «протос»/глава этих чиновников мог возглавлять коллегию, управлявшую не только землями, доходы с которых составляли личную собственность царя, но и причитавшимися царю пошлинными сборами в гавани, а также его имуществом. Сановник с рассматриваемым званием в должностной иерархии царства стоял выше наместника города, так как в списке членов социально значимого фиаса горгиппийских навклеров/судовладельцев он занимал высшую должность жреца, в то время как наместник города являлся в нём вторым лицом – синагогом [Яйленко, 2010, с. 300]. На Боспоре срок жречества отбывали и сыновья царей, правившие впоследствии государством (КБН 25); сочетание жреческих функций с царской властью в древнем мире было широко распространено. На Боспоре первых веков н. э. цари пожизненно оставались главными

жрецами императорского культа (КБН 41: Котис I именует себя «пожизненным первосвященником августов»). В пантикапейской надписи 249 г. (КБН 58) чиновник в рассматриваемой должности являлся также хилиархом и римским всадником. В таком стратегически важном полисе высшие магистратуры, в том числе и две названные, могли исполнять члены царского рода.

В сложные времена для государства, в преддверии начинающегося передвижения племён, в Горгиппии могла располагаться резиденция соправителя правившего царя подобно практике, имевшей место быть ещё при Спартокидах (Горгипп при Левконе I). Во времена поздней античности, в периоды усиления внешней опасности и экономической слабости при преемниках Рескупорида II (211–226 гг.) к ней вынужденно вернулись.

Анализ росписи склепа I-75 [Алексеева, 2016, с. 12–25] выявил подчинённость сюжетных линий и всей использованной символики идее прославления знатного рода, владевшего этими гробницами (с акцентом на его божественную генеалогию от Геракла, солярные символы древних ахеменидских истоков и собственную социальную значимость). В эпоху горгиппийских склепов правящая на Боспоре династия обосновывала незыблемость своих прав на власть сакрализацией происхождения от тех же истоков. Символы полученной свыше власти подтверждались династами на протяжении веков – сперва эмблемами царского клеймения на черепицах, затем штемпелями монет и, наконец, официальными надписями. Божественных прародителей не меняли, а после «вынужденного перерыва» в составе Понтийской державы, с выходом из неё – тотчас вернулись к старым «корням», использовав матримониальные связи (Аспург – Гипеперия). От династических эмблем митридатовой эпохи была воспринята лучевая звезда, поддержанная остававшимися у власти Боспора потомками Митридата – Фарнаком и Динамией, а затем и сарматской частью общества. Такая направленность росписи неординарной гробницы указывает на принадлежность владельца усыпальницы царствующему роду. При сильной центральной власти на Боспоре вряд ли другой знатный род связал бы своё происхождение с Гераклом.

Какие примечательные детали в организации захоронений были отмечены при расчистке этих неординарных гробниц? Трудно сказать, были ли захоронения в них единовременными (в склепе II-75, безусловно, три человека погребены одномоментно), поспешность же в проведении погребальных обрядов очевидна в каждой.

На стенах расписного склепа вблизи тяжёлых крышек саркофагов отмечено мягкое сморщивание тонкой штукатурки, что могло произойти при их опускании в склеп с ещё влажными стенами – фреска пишется по сырой штукатурке и ей не дали просохнуть. В случае успевшей высохнуть росписи установка саркофагов оставила бы на красочном слое царапины до белой грунтовки. Очевидна и поспешность в исполнении самой росписи – во фризе с театральными масками лик одной из них целиком смазан и оставлен широким чёрным пятном [Алексеева, 2016, с. 51, рис. 6. *3*], не все занавесы этого фриза украшены бахромой, кистями и розетками, а лепестки розеток исполнены то лучами, то точками. Стилизованные гирлянды в основании свода, традиционно символизирующие перевитые лентами длинные мешочки с лепестками цветов, пересечены жёсткими небрежными линиями, отчего теряют первоначальный смысл. Поспешно и сбивчиво заполнены полосы орнаментом, известным только по росписи данного склепа,

состоящим из чередующихся кружков с точкой в центре и взаимно перевёрнутых трезубцев, многие из которых по инерции однообразного действия превращены в «многозубцы». Этот узор индивидуален и, возможно, имел сакральный смысл в общем ряду символов. Поспешность в нанесении росписи, однако, не помешала осуществить главное – подчеркнуть мифологическую генеалогию знатного рода и высокий социальный статус владельца усыпальницы, гарантирующие ему после смерти путь в верхнюю зону мифологизированного мироздания, а право на реинкарнацию распространить на следующее за главным персонажем поколение [Алексеева, 2016, с. 55].

Также и набор погребального инвентаря из склепа II-75 не оставляет сомнений в высоком социальном статусе мужчины из саркофага 2. Если расписная гробница была предназначена главе семьи, чей жизненный и посмертный путь раскрывает фреска люнеты напротив входа, то вторая гробница, мы полагаем, принадлежала главе семьи второго поколения (сыну главного персонажа, изображённому в центре семейного портрета, включённого во фриз с подвигами Геракла). Погребальный инвентарь склепа II-75 содержит ряд предметов представительского характера. Это короткий всаднический меч в парадных ножнах, украшения конской сбруи для парадного выезда, гривна и массивные украшения из цельного золота, венок (не исключена прижизненная презентация «чести ради»). Даже тяжёлые перстни не функциональны – поперечно расширенные, надетые на пальцы они не позволяли сжать ладонь и могли использоваться только на торжественных церемониях. В погребальном инвентаре есть эксклюзивные вещи: ножны короткого меча с двумя парами боковых лопастей, золотым окладом и инкрустацией в золото-бирюзовом сарматском зверином стиле; полихромная стеклянная фиала с золотой прокладкой внутри одной из полос; бронзовый гарнитур с цветными выемчатыми эмалями (три стригиля и бронзовая курильница с откидной на шарнире крышкой). В этой гробнице, однако, очевиден диссонанс между богатством набора вещей и организацией обряда захоронения. Грубо прорубленная в скале с незаглаженной поверхностью стен и пола гробница не соответствует традиционной монументальности соседнего каменного склепа с росписью и нишами для предметов погребального инвентаря. Не соответствует она и другой гробнице, исследованной в 1978 г. на противоположной от склепов 1975 г. стороне той же современной ул. Горького. Она находится также в привилегированной части горгиппийского некрополя и великолепно сложена из отёсанных блоков известняка с плитовым полом. В ней стоял аккуратно выпиленный известняковый саркофаг, соединённый железной скрепой со стенкой усыпальницы (ограблена в новое время). Отметим ещё раз что саркофаги склепа II-75 поставлены без подставок на грубый пол с незаглаженными «гребнями» материковой скалы. Саркофаг-1 и его крышка не соответствовали друг – другу, свидетельствуя о поспешном использовании того, что «удалось найти». Саркофаг в скальной гробнице 76, видимо, изначально отсутствовал. Обращает на себя внимание повреждённость дорогого оружия – рукоять короткого меча из ножен с золотым обкладом не имеет навершия – в месте его крепления золотая накладка на рукоять клинка разорвана, навершие было утрачено до помещения меча в саркофаг. В инкрустации гранатами краёв золотого обклада ножен 9 камней также утрачены. Часть бирюзинок на фигурах зооморфного ряда (орёл, заяц, павлин) «умерла», почернев, но выпавшие из гнёзд гранаты дальше

дна свободного от грунта саркофага упасть не могли, значит, они отсутствовали в момент захоронения. На массивном золотом браслете разорван припой одного шарнира к коробочке центрального щитка; в таком виде браслет не пригоден для ношения. Этот дефект также не мог появиться после захоронения.

Перечисленные наблюдения и очевидная единовременность захоронений трёх человек в скальном склепе – это свидетельства какого-то катаклизма, постигшего семью: нападения неприятеля, политического переворота в борьбе кланов? В первом случае вряд ли уцелело бы в семье столько великолепных вещей, положенных в гробницы. Напомним, раскопки Горгиппии выявили следы пожарищ, охвативших весь город. В первых веках нашей эры это случалось дважды: около 80-х гг. I в. и сразу после 234 г. В случае политической причины основные события должны были произойти в Пантикапее, но ситуация могла отразиться на сторонниках побеждённого клана в любых местах царства. Разумеется, всё это лишь предположения, но приведённый анализ находок не позволяет датировать комплекс гробниц серединой II в. Соответствовавшие наблюдения косвенно относят момент захоронения в данных гробницах к неспокойной обстановке заключительной части IV периода в истории Горгиппии.

В преддверии глобального передвижения племён, возглавленного готами, и активизации восточных соседей Боспора вслед за эпохой процветания при Савромате II, начиная с правления Рескупорида II (211–226 гг.), Боспор вступил в длительный период экономического и политического кризиса, в том числе в отношениях с новыми соседями. Надписи из Фанагории и Патрея 220 и 221 гг. сообщают о разрушениях в ходе какого-то конфликта [Завойкина, 2005, с. 120; Кузнецов, 2007 а, с. 229 и сл.]. Возможно, именно в это время и Горгиппия перенесла кратковременную катастрофу. Она не нарушила градостроительную структуру города, но прослежена повсеместно в виде быстро застроенных «пятен» пожаров, ремонтов и перекладок стен. Неспокойную обстановку передаёт и военная символика медного чекана Рескупорида II 218–219 гг. (скачущий всадник с копьём в руке, под копытами коня – поверженный враг; трофей из панциря, шлема, двух копий и двух щитов рядом со стоящей Никой [Фролова, 1997, ч. II, с. 10–15, 211, табл. XVIII, 12; XXI, 19, 20]). Одна из таких монет обнаружена в Горгиппии в слое последнего городского пожара [Фролова, 1996, № 161]. Победная символика продолжает присутствовать и на монетах Савромата III от 230 г. (венок на л. с. статеров перед бюстом царя [Фролова, 1997, ч. II, табл. XXVII, 11–19]). В то же время, чекан царей перед разгромом Горгиппии выявляет черты продолжающегося кризиса системы денежного обращения: сокращаются выпуски золота и меди, ухудшается качество золотых монет. Они постепенно заменяются низкопробным серебром или посеребрённой медью, что свидетельствует о начале неуклонного упадка государства [Фролова, 1997, ч. II, с. 19, 25].

С Рескупоридом II в царской титулатуре появляются укороченные формулы («царь Боспора и окрестных племён» – КБН 54), что может отражать утрату стабильности племенных границ. Чтобы удерживать ситуацию, сменившие Савромата II цари переходят к практике соправительства. Долго признававшееся нумизматами соправительство Рескупорида II с сыном Котисом III опровергнуто Н. А. Фроловой [1997. Ч. II, с. 7, 21] анализом штемпелей, изготовленных специально для мемориального чекана Котиса III в честь отца. В. П. Яйленко [2010, с. 509], наоборот, пересмотром интерпретации одной

из пантикапейских надписей (КБН 56) обосновывает возможность их соправительства в 227/8 гг., как ранее и предполагал К. В. Голенко [1978, с. 18]. Соправительство Котиса III с Савроматом III подтверждено одновременным выпуском монет в 229–231 гг. от имени каждого из них [Фролова, 1997, ч. II, с. 22] и косвенно зафиксировано надписью, условно из района Горгиппии (КБН 1230, с. 722), в которой названы имена сразу обоих царей. Последний выпуск статеров Котиса III помечен 531 г. б. э. = 233 г. н. э. В этом же году приступил к чеканке и Рескупорид III (233–234 гг.), на основании чего признаётся и их кратковременное соправительство [Сапрыкин, 2010, с. 126]. Он правил не более двух лет, что подтверждает выпущенный от его имени, единственно известный, статер 234 г. [Фролова, 1997, ч. II, с. 30].

Наконец, в том же 234 г. к власти приходит Ининфимей, которого исследователи называют представителем побочной сарматской ветви правившей династии, основываясь на близости имён Ининфимея и царя западных аорсов I в. н. э. Инисмея. Личный знак Ининфимея кардинально отличается от предшествующих ему царей, что может означать приход к власти нового клана. Тамга Ининфимея оборвала долгую линию царских династических гербов с триденсом в нижней части. Ининфимей мог получить власть в результате насильственного переворота, вызванного стремлением сармато-аланской знати иметь во главе Боспора своего представителя [Сапрыкин, 2010, с. 126]. В Горгиппии при этом могла быть уничтожена группировка, родственная династии с многовековыми традициями, но мешавшая пришедшему к власти новому клану. Этим и можно объяснить наличие в комплексе семейных раритетов вещей, значительно более ранних, чем рубеж II–III вв.

Тамга золотого перстня (при всём несогласованном у исследователей отношении к этому виду источников) позволяет условно сузить дату захоронения в склепах до рубежа 20–30-х годов III в. н. э. Как отмечено выше, с наибольшей вероятностью её можно разместить после личного знака Рескупорида II так как тамги правивших перед ним Савромата II, Евпатора и самого Рескупорида II подтверждены эпиграфикой. Между правлением Рескупорида II (210–226 гг.) и приходом к власти Ининфимея в 234 г., остаётся небольшой промежуток времени (226–234 гг.) с короткими правлениями (иногда совместными) Котиса III, Савромата III, Рескупорида III. Тамга перстня из склепа могла принадлежать любому из них (или ближайшему родственнику) как в статусе соправителя, так и назначенного царём. Например, высшему должностному лицу, наделённому полномочиями по досмотру за неспокойным восточным приграничьем и действовавшему от лица центральной власти. В городе могла находиться и его резиденция.

С концом правления Ининфимея гибнет в огне и Горгиппия, положив начало всеобщим разрушениям на Боспоре. Дата последнего пожара в Горгиппии установлена нумизматикой с точностью до нескольких лет. Его оранжевый слой мощностью 1–1,5 м сохранился нетронутым на полах десятков глубоких подвалов во всех исследованных частях города. Эти археологически закрытые комплексы являются одной из главных достопримечательностей Горгиппии, представляя полный набор бытовых предметов данной эпохи. В них найдены сотни брошенных в огне монет, среди которых наиболее поздними неизменно остаются монеты Ининфимея. Его чекан представлен медью – денариями и двойными денариями без указания дат, обычно относимых ко всему периоду

правления этого царя. Среди свыше 500 медных и серебряных монет, найденных с металлическими частями ларца, упавшего в этом пожаре в одну из цистерн крупной винодельни, из 129 медных денег Ининфимея – два серебряных статера с указанием даты боспорской эры: ЕЛФ = 535 г. б. э. = 238 г. н. э. [Фролова, 1996] – последнего года правления этого царя. После Ининфимея боспорский чекан коротко прерывался и был возобновлён выпуском статеров, помеченных 242 г. – начальной датой правления Рескупорида IV (242–276 гг.), а затем интенсивно продолжился в 270-е годы до конца его правления [Фролова, 1997, ч. II, с. 34]. Монет этого царя именно в слое последнего городского пожара ни разу не встречено. Следовательно, разгром города можно отнести к одному из трёх лет бесчеканного периода: 239–241 гг. А захоронение в склепе II могло состояться, начиная с последней четверти II в. и до разгрома города на рубеже 30–40-х годах III в. Поэтому отнесение комплекса этого склепа к середине – третьей четверти II в. [Treister, 2003, p. 72] и, тем более, ко времени «не позднее второй четверти – середины II в.» [Журавлёв, Трейстер, 2005, с. 188] находится в противоречии с наиболее поздним предметом из комплекса – фибулой и вещами, которые известны с ней в одном хронологическом диапазоне. Как известно, даже если в закрытом археологическом комплексе есть всего один предмет, бытование которого начинается позже всех остальных, его присутствие поднимает хронологию комплекса в целом.

Список литературы

Алексеева, 1978. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12.

Алексеева, 1982. Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. II. Краснодар.

Алексеева, 1986. Алексеева Е. М. Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры. М.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Алексеева, 2016. Алексеева Е. М. Интерпретация росписи анапского склепа 1975 г. // ДБ. 20.

Алексеева, Галут, Мельникова, Хачатурова, 2010. Алексеева Е. М., Галут О..В., Мельникова И. Н., Хачатурова Е. А. Анапский археологический музе-заповедник // Краснодарский государствеанный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына // АНК. Т. III.

Амброз, 1966. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. Д1–30.

Анфимов, 1952. Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. XLVI.

Арсеньева, Каменецкий. 1972. Арсеньева Т. М., Каменецкий И. С. Отчёт Нижнее-Донской экспедиции за 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4931.

Безуглов, 2000. Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. 1. Ростов-на-Дону.

Блаватская, 1965. Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 2.

Блаватский, 1964. Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.

Богданова и др., 1976. Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 4.

Болтунова, 1958. Болтунова А. И. Подпись под статуей из Горгиппии // СА. XXVIII.

Гайдукевич, 1934. Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 104.

Гайдукевич, 1949. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. –Л.

Голенко, 1960. Голенко К. В. Второй Патрейский клад монет (1951 г.) // НЭ. I.

Голенко, 1978. Голенко К. В. Третий Патрейский клад монет (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н. э. // НЭ. XII.

Голенко, Шелов, 1963. Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // НиС. 1. Киев.

Драчук, 1969. Драчук В. С. Про царські знаки Боспора Киммерійського // Археологія. XXII.

Драчук, 1975. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев.

Жебелев, 1935. Жебелев С. А. Боспорские этюды // ИГАИМК. 104.

Жебелев, 1953. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Севеного Причерноморья античной эпохи. М., Л.

Журавлёв, Трейстер, 2005. Журавлёв Д. В., Трейстер М. Ю. Инвентарь богатого горгиппийского (?) склепа II в. н. э. в собрании Государственного Исторического музея // ДБ. 8.

Завойкина (Смирнова), 2003. Завойкина (Смирнова) Н. В. Частные сообщества Пантикапея в первых веках н. э. // ДБ. 6.

Завойкина, 2004. Завойкина Н. В. Ταναεῖται в истории Боспорского царства // ДБ. 7.

Завойкина, 2005. Завойкина Н. В. Надписи из района Патрейского городища // Патрей: Материал исследования. Вып. 2. М.

Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты. (МИА. 16). М.

Иванова, 1953. Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.

Казаманова, 1969. Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М.

Книпович, 1949. Книпович Т. Н. Танаис. М. –Л.

Косяненко, 1987. Косяненко В. М. Бронзовые фибулы Кобякова городища. Азов.

Кропотов, 2010. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев.

Кругликова, 1982. Кругликова И. Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Краснодар.

Кузнецов, 2007а. Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1.

Кузнецов, 2007б. Кузнецов В. Д. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 11.

Кунина, 1970. Кунина Н. З. Группа полихромных стеклянных сосудов из Пантикапея // СА. 3.

Кунина, 1984. Кунина Н. З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания Отдела античного мира Эрмитажа // ТрГЭ. XXIV.

Кунина, 1997. Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.

Кунина, Сорокина. 1972. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТрГЭ. XIII.

Латышев, 1910. Латышев В. В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 37.

Малашев, 2000. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. I. Ростов-на-Дону.

Малышев, 2008. Малышев А. А. Погребальный инвентарь Цемдолинского некрополя // Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора. Некрополи Черноморья. III. М.

Марченко, 1996. Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар.

Мацулевич, 1941. Мацулевич Л. А. Кем был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1984 г. // СА. VII.

Онайко, Дмитриев, 1981. Онайко Н. А., Дмитриев А. В. Укреплённое здание в античном поселении у. села Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 168.

Орешников, 1884. Орешников А. В. Боспор киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. М.

Пуздровский, 2007. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.

Сапрыкин, 2006. Сапрыкин С. Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. ТрГИМ. 159. Памяти Н. П. Сорокиной. М.

Сапрыкин, 2010. Сапрыкин С. Ю. Политическая история Азиатского Боспора. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э. // АНК. Т. II. М.

Сарианиди, 1989. Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.

Симоненко, 1984. Симоненко А. В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Пичерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев.

Скрипкин, 1977. Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 2.

Смирнов, 1952. Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. XLVI.

Сокольский, 1954. Сокольский Н. И. Боспорские мечи // МИА. 34.

Соломоник, 1959. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.

Трейстер, 2004. Трейстер М. Ю. О датировке погребения с Золотой маской в Керчи // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб.

Трейстер, 2010. Оружие сарматского типа на Боспоре I–II вв. н. э. // ДБ. 14.

Труфанов, 2009. Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 4. St.-Petersburg–Kishinev–Odessa–Bucharest.

Финогенова, 1987. Финогенова С. И. Группа золотых перстней из Горгиппии // СГМИИ. 8.

Фролова, 1975. Фролова Н. А. Медные монеты Котиса I и Рискурорида II как исторический источник // 150 лет Одесскому Археологическому музею АН УССР. Тез. докладов конф. Киев.

Фролова, 1996. Фролова Н. А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н. э. – 238 г. н. э. из древней Горгиппии (Анапа 1987 г.) // ВДИ. 2.

Фролова, 1997. Монетное дело Боспора. Ч. I–II. М.

Хазанов, 1971. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.

Шаров, 2001. Шаров О. В. Блюдо царя Рескупорида из погребения с Золотой маской // БФ. Ч. 1. СПб.

Шелов. 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Шелов, 1966. Шелов Д. Б. Тамга Ремиталка // Культура античного мира. М.

Шелов, 1972. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

Шелов, 1983. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 2.

Шкорпил 1910. Шкорпил В. В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 47.

Шкорпил, 1911. Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 17.

Шкорпил, 1913. Шкорпил В. В. Отчёт о раскопках в Керчи и окрестностях в 1909 г. // ИАК. 47.

Шкорпил, 1917. Шкорпил В. В. Новейшие боспорские надписи // ИАК. 63..

Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Надписи времени от Котиса II (123–132) до Рескупорида III (210–226) // В. П. Яйленко. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

Яценко, 2001. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

Fremersdorf, 1932. Fremersdorf F. Alexandrinisches Bundglas aus einer Grabummauerung in Kohln // Germania Anzeiger. 16.

Grose, 1989. Grose D. F. The Toledo Museum of Art. Early Ancient Glass. Core-formed. Rod-Formed and Cast Vessels and Objects from the Late Bronze Age to the Early Roman Empire, 1600 B. C. to A. D. 50. New York.

Marshall, 1907. Marshall F. H. Catalogue the Finger Ring Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities British Museum. London.

Oliver, 1967. Oliver A. J. Late Hellenistic Glass in the Metropolittan Museum // JGS. IX.

Picard, 1955. Picard Ch. Lampes de Bronze alexandrines a Volubilis et Benasa (Maroc) // RA. XLV, 1, 2.

Säldern, 1964. Säldern A. Ancient Glass in Split // JGS. VI. Corning. New York.

Treister, 2003. Treister M.Yu. The Date and Significance of Tombe II at Gorgippia (1975 Excavations) // ACSS. 9.

Summary

E. M. Alekseeva
Necropolis of Gorgippia, Funerary Complex 1975-1976:
Dating and Attribution

Burials in the family complex of tombs discovered on the privileged land plot of the necropolis of Gorgippia (currently – Anapa) in 1975 were made within the time from the final stage of the 2nd century AD before the destruction of the city immediately after 238. This is certified by the chronology of the latest item found among the funerary gifts – a golden fibula.

The stone crypt with frescoes was ransacked in antiquity. In view of crypts of the Northern Black Sea Region, the painting in the mixed inlay and floral style suggests that the tomb may be dated back to the 2nd – the beginning of the 3rd century. The analysis of the mural revealed the subordination of plotlines and symbols used to the idea of glorifying a noble family that owned the tombs (with an emphasis on the mythological genealogy of the family from Hercules). In the era of the crypts, the dynasty ruling the Bosporus justified the inviolability of its rights to power by sacrificing their roots from Poseidon and Hercules. These themes of the painting in the extraordinary tomb indicate the attribution of the owner of the burial vault to the reigning family. Taking into account the strong central power in the Bosporan kingdom, hardly another noble family would have linked its origins to Hercules. In Gorgippia, a large port city of the kingdom, the person buried in the painted tomb (who is the main character of the frescoes) could occupy the post of the king's governor (ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας) or ruler of the royal lands (ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας), as known from the Anapa epigraphy, or be a co-ruler of then ruling king. The practice of co-ruling on the Bosporus is known from the early history of the kingdom, it was recovered in the era of open crypts due to the exacerbation of relations with Sarmatian tribes (co-ruling of the successors of Rescuporida II is evidenced by their coins).

The crypt carved in the rock survived untouched and contained funeral gifts worthy of the highest officials of the state. Features of the burial ceremony noted from digs suggest that at least seven family members were buried at the same time. The tragedy could happen at the time of the alleged coup d'etat with the rise to power of Ininfimey (234), a representative of another Sarmatian clan. His rise to power was marked by the replacement of the centuries-old sign of the Bosporus dynasty - trident (engraved on coins) and tamga-like royal symbols with a trident belonging to the late Bosporan dynasty by his personal Sarmatian tamga.

Н. И. Винокуров*, Л. Ю. Пономарев**
*(*МГПУ, Москва; **Керчь)*

Мертвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан

Салтово-маяцкое поселение, располагавшееся на территории античного городища Артезиан, относится к числу немногих исследованных широкими площадями памятников этой культуры на Керченском полуострове[1]. В настоящее время его раскопанная площадь составила уже 6600 кв. м [Винокуров, 2007, рис. 4; 5; Винокуров, 2014, рис. 4]. В ее пределах на уровне верхнего «жилого» горизонта, датирующегося второй половиной VIII – первой половиной X вв., открыты многочисленные строительные, преимущественно жилищные и хозяйственные комплексы – полуземлянки, наземные и заглубленные каменные постройки, загоны для скота, хозяйственные ямы, вымостки и очаги. Особого внимания заслуживают ритуальные комплексы (жертвенники, захоронения животных, совместные захоронения животных и людей) и грунтовые захоронения, обнаруженные между построек и в котловане заброшенной хозяйственной полуземлянки. В таком количестве и разнообразии, тем более на территории одного салтово-маяцкого поселения, сакральные и погребальные комплексы в Крыму были зафиксированы впервые и поэтому вполне закономерно представляют интерес для всестороннего анализа [Винокуров, 2002, с. 191–193; Винокуров, 2004, с. 63–77; Винокуров, 2011, с. 56–63; Винокуров, Пономарев, 2015, с. 20–22].

В данной работе рассмотрены одиночные грунтовые захоронения, совершенные по каким-то причинам среди жилых построек поселения, иными словами, среди «живых» соплеменников[2]. При этом обычных для салтово-маяцкого населения Керченского полуострова плитовых или плитово-грунтовых могильников в окрестностях поселения

[1] С 1988 г. и по настоящее время античное городище Артезиан (первая половина IV в. до н. э. – начало IV в. н. э.) исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН). Расположено оно в северной части Керченского полуострова, в центре одноименного урочища, в 2,5 км к северо-западу от с. Чистополье и в 4,5 км к востоку от побережья Азовского моря. Городище занимает мыс, образованный глубокими балками, ограничивающими его с запада, юга и севера. Площадь его составляет около 7 га [Винокуров, 1998, с. 56].

[2] В отдельную группу выделены ритуальные комплексы, представляющие собой совместные захоронения человека (в том числе и в виде отдельных частей его тела) и домашних животных – собак, лошадей и крупного рогатого скота. По-видимому, они наделялись совершенно другими сакральными функциями, поэтому рассмотрены будут в отдельной публикации.

Рис. 1. Городище Артезиан. Топографический план-схема

обнаружить пока не удалось [ср.: Майко, Пономарев, 2013а, с. 97–104; Майко, Пономарев, 2013б, с. 290–292].

Три из них открыты на раскопах I и III в центральной части поселения, одна – на раскопе II в южной (рис. 1).

Погребение 9 (рис. 2) [Винокуров, 2004, с. 63–64, рис. 8; Флеров, 2007, с. 185]. Обнаружено в северо-западной части раскопа I. Совершено в неглубокой яме овальной в плане формы. Границы ямы прослежены частично, поскольку ее заполнение – темно-коричневый, гумусированный суглинок, практически ничем не отличался от грунта котлован перекопа, в который она была впущена. Предполагаемые размеры ямы

Рис. 2. Погребение 9. План могилы и участка раскопа

1,10×0,35–0,40 м. Глубина 0,35–0,40 м. В ней совершено одиночное захоронение подростка 8–10 лет, в скорченном положении, головой на ЗЮЗ, на правом боку с завалом на спину, вплотную к стенке могилы. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть согнута

под прямым углом, фалангами пальцев по направлению к тазовым костям. В верхней проксимальной части плечевой кости зафиксированы следы перелома и неправильного сращения. Левая рука согнута в локтевом суставе, кисть на тазовой и правой бедренной кости. Кости голеней находились не в сочленении с бедренными костями. Видимо, спустя какое-то время после погребения, они были намеренно смещены и уложены параллельно друг к другу поверх правой бедренной кости. При этом одна из больших берцовых костей была повернута проксимальным эпифизом в противоположном направлении. Здесь же находились отдельные кости плюсны.

Погребальный инвентарь отсутствовал, а в заполнении ямы и котлована перекопа были найдены обломки причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков с врезным, волнистым орнаментом. Учитывая широкие рамки их бытования, датировать это погребение в узких пределах невозможно.

Погребение 14 (рис. 3; 4) [Винокуров, 2011, с. 58–60]. Совершено в придонной части частично засыпанного на тот момент котлована хозяйственной полуземлянки в северо-западном углу раскопа III, функционировавшей не позднее первой половины IX в. Могильная яма овальной в плане формы размерами 1,51×0,61–0,62 м и глубиной не менее 0,45 м прослежена на уровне дна котлована по тонкому пятну тлена темно-коричневого цвета. Скелет женщины по всей длине был обложен (возможно, частично придавлен) мелкими и крупными камнями. Эта насыпь имела в плане форму неправильного овала, вытянутого в направлении ЮВ-СЗ.

Женщина в возрасте около 35 лет была уложена на спину с небольшим разворотом на правый бок, головой на запад. Череп немного запрокинут назад и повернут на северо-запад, лицевой частью на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища и немного согнута в локтевом составе, кистью на тазовых костях. Предплечье правой руки отставлено от туловища под углом 45 градусов, при этом рука сильно согнута в локтевом суставе и упирается запястьем в правый бок туловища. Кости кисти неестественно вывернуты. Нижние конечности согнуты в коленях и развернуты на юг. На среднем пальце правой руки обнаружено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо с плоским трапециевидным щитком, на котором выгравировано изображение солярного символа в виде шестилучевой звезды (рис. 5. *2, 3*) [Винокуров, 2011, с. 58–60, рис. 2; ср.: Флерова, 1997, с. 45, табл. VI. *1–5*; Рыбаков, 1994, с. 295–302][3]. В заполнении могилы, помимо обломков керамики античного времени, найдены венчики ойнохой скалистинского типа, стенки и профильные части горловин и ручек причерноморских бороздчатых амфор (рис. 5. *1, 4, 5*), а также обломки высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, позволяющие датировать захоронение не ранее второй половины IX в., что подтверждается и стратиграфически. Примерно в это же время рядом с данным котлованом возводится усадьба с двухкамерным домом, относящаяся ко второму строительному периоду (рис. 3).

Погребение 15 (рис. 5. *6*; 6. *1–4*) [Винокуров, 2011, с. 56–58]. Обнаружено на раскопе II к востоку от котлована 9 полуземлянки 17 и к югу от однокамерной заглубленной

[3] Еще один салтовский перстень был обнаружен на поселении при сборе подъемного материала. Его плоский щиток украшен диагональной линией и двумя округлыми углублениями.

Рис. 3. Погребение 14. План могилы и участка раскопа

постройки 15, южной стеной которой оно и было частично перекрыто. Однако ответить на вопрос: намеренно ли жилище было возведено над могилой или же на тот момент она утратила какие-либо признаки на поверхности, невозможно.

В процессе перепланировки участка и устройства котлована заглубленной каменной постройки 15 верхняя часть могильной ямы, впущенной в слой разрушения построек III в. н. э., была срезана на 0,20–0,25 м. Могила имела в плане овальную форму, в разрезе трапециевидную и была ориентирована ЗЮЗ-ВСВ. Размеры ямы вверху

Рис. 4. Погребение 14. *1* – вид с востока; *2* – вид с юго-запада

2,25×0,82 м, на уровне дна 2,10×0,75 м. Сохранилась она на глубину 0,80–0,90 м, но изначально могла достигать 1,0–1,5 м. На дне вокруг погребенного и вдоль бортов ямы найдены необработанные камни.

Погребенный в могиле мужчина 30–40 лет уложен на спине в вытянутом положении, головой на ЗЮЗ. Лицевая часть черепа развернута на север, но шейные позвонки не были смещены, то есть изначально лицевой частью погребенный был обращен к востоку. Руки согнуты в локтевых суставах и находились на нижнем отделе грудной клетки, при этом правая перекрывала левую. Нижние конечности были вытянуты па-

Рис. 5. *1–5* – находки из погребения 14; *6* – погребение 15. Вид с востока

раллельно друг другу и немного сведены в коленях. Покойный, возможно, был обернут тканью, о чем свидетельствует положение рук, ног и плечевых костей, немного приподнятых верх.

Могилу заполнял плотный суглинок темно-коричневого оттенка с включением бутового камня и небольшого количества раковин виноградных улиток. Немногочисленные находки представлены обломками разновременной античной керамики и фрагментом ручки причерноморской амфоры. Здесь же был найден обломок каменного

шлифованного топора-молота с округлым отверстием (рис. 6. *5*)[4]. Погребальный инвентарь отсутствовал, но с учётом стратиграфии и общего археологического контекста, захоронение следует датировать не позднее первой половины IX в.

Погребение 16 (рис. 7). Обнаружено в северо-восточном углу раскопа III, в 2,12 м южнее каменного колодца с захоронением подростка вместе черепом и костями быка, входившем в т. н. юго-восточный ритуальный комплекс [Винокуров, 2004, с. 64–70, рис. 9; 10; Винокуров, Сон, 2011, с. 66; Винокуров, 2011, с. 62–63, рис. 3]. Однако их взаимосвязь не очевидна.

Контуры могильной ямы зафиксированы только у дна. По-видимому, она была впущена с уровня «жилого» горизонта салтово-маяцкого поселения. Размеры овально-вытянутой ямы 1,54×0,56–0,60 м, глубина 0,44–0,50 м. У её южного борта выявлено пятно горелого грунта 0,29×0,56×0,14 м с прослойками черной жирной сажи (от сожжения какой-то органики?), золы и мелких древесных угольков. Находилось оно на 0,44–0,46 м выше дна могилы, фиксируя уровень поверхности с которого было совершено захоронение и, возможно, было связано с погребальной церемонией после совершения захоронения.

Погребенная молодая женщина уложена на спине в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Череп немного запрокинут назад и повернут лицевой частью на ЮЮЗ. Левая рука согнута под прямым углом, кистью с правой стороны туловища на нижних ребрах грудной клетки. Правая рука, сильно согнута в локтевом суставе и поднята к голове, кистью на правой стороне груди, ниже ключицы. Положение ног выяснить не удалось, так как кости не сохранились.

На нижней челюсти с правой стороны обнаружена травма предметом с узким режущим краем (острием лезвия или наконечником стрелы?). Сильный удар был нанесен справа, немного снизу, но, по-видимому, на излете. В результате ранения из челюсти был выбит один из резцов, а на кости остался заметный след. Однако следов заживления или повлиявшего на костную структуру длительного воспалительного процесса не прослежено.

Под головой зафиксирована прослойка золистого, темно-серого грунта толщиной до 0,08 м, ниже которой было уложено несколько небольших плоских камней. Под черепом в слое этого своеобразного «изголовья», на уровне дна могилы были обнаружены несколько совершенно разложившихся матовых стеклянных бусин.

Отсутствие каких-либо датирующих находок, а также внятного стратиграфического контекста на прилегающем участке раскопа, не позволили определиться с узкими хронологическими рамками погребения.

Таким образом, погребенные уложены головой на запад, с небольшими сезонными отклонениями к югу и северу и в самых разнообразных позах. Особенно варьируется

[4] Они являются одной из показательных категорий находок эпохи энеолита [Ступко, 2011, с. 193]. С этой эпохой на городище Артезиан соотносится наиболее ранний стратиграфический горизонт, прослеженный на уровне захоронений в ямах, представлявших собой остатки курганного могильника, насыпи которого были срыты в античный период [Винокуров, 2012, с. 3–14; Тощев, 2007, с. 16, рис. 1. *162*; 2. *162*; 24. *162*; 39. *21*; 75. *162*; 89. *162*]. В заполнение могильной ямы топор-молот, как и античная керамика, попали как «примесь снизу».

Рис. 6. *1* – План участка раскопа с постройкой 15 и погребением 15; *2* – план погребения 15; *3–4* – разрезы погребения 15; *5* – каменный молоток из погребения 15

Рис. 7. Погребение 16. *1* – вид с юга; *2* – вид с юго-востока

положение рук. За исключением бронзового кольца и нескольких стеклянных бусин погребального инвентаря в могилах не оказалось. В двух погребениях отмечено позднее и преднамеренное нарушения целостности скелета. В отношении подростка в могиле 9 состояние костей его нижних конечностей указывает на ритуальные постпогребальные действия, связанные с обрядом обезвреживания покойного [Иченская, 1981, с. 93; Флеров, 1989а, с. 177; Флеров, 1989б, с. 52–53; Флеров, 1993, с. 45–46, 54; Флеров, 2000, с. 70–74; Флеров, 2005, с. 384; Флеров, 2007, с. 183–185; Аксенов, 2002, с. 98–113; Аксенов, 2009,

с. 89–101; Аксенов, 2012а, с. 74; Аксенов, 2012б, с. 49–58; Аксенов, 2014, с. 262–266; Пономарев, 2002, с. 149–153; Пономарев, 2004, с. 451–462; Зинько, Пономарев, 2007, с. 193–194; Пономарев, 2011, с. 290]. В двух погребениях зафиксированы остатки каменных обкладок (?) или набросок, также находящих аналогии в салтово-маяцких могильниках Керченского полуострова [Пономарев, 2004, с. 451–454, рис. 14–19; 21; Зинько, Пономарев, 2007, с. 193, рис. 9; Пономарев, 2011, с. 289, рис. 1]. Это также может быть связано с обрядом обезвреживания покойника [Флеров, 1993, с. 56; Флеров, 2007, с. 129; Флеров, 2013, с. 131].

Нельзя исключать, что некоторые из погребений входили в состав обнаруженных поблизости ритуальных комплексов. Но все они, напомним, были устроены в «жилом» пространстве.

На Керченском полуострове подобные захоронения были зафиксированы на поселениях Осовины-I и Героевка-6 [Зинько, 1994а, с. 126; Зинько, 1997, с. 40–41]. На первом – раскопано три могилы. В могиле 1 на левом боку, головой на запад лежал ребёнок. В могиле 2 – подросток 16 лет, в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад, череп отсутствовал. В могиле 3 был погребен мужчина, изначально уложенный на спине, головой на ЗЮЗ. Спустя какое-то время кости верхней части его скелета были смещены к черепу и уложены друг на друга. Кости же ног сохранились в анатомическом порядке [Зинько, Пономарев, 2007, с. 192–194, рис. 9]. Таким образом, и здесь были прослежены следы постпогребальных обрядов, к числу которых относилось вскрытие могилы с частичным разрушением скелетов или удалением отдельных костей, в частности – черепа.

Еще одна грунтовая могила обнаружена в восточной части поселения Героевка-6 [Зинько, 1994б, с. 19]. Скелет мужчины в возрасте до 25 лет лежал вытянуто, на спине, головой на восток. Его сопровождал кинжал, нож, кремни, оселок и другие мелкие предметы. Может быть, еще на птоматологической стадии над телом был совершен обряд обезвреживания: отчленены ступни [Зинько, Пономарев, 2008, с. 426, рис. 9; 10; ср.: Баранов, 1989, с. 159; Флеров, 1989а, с. 183; Аксенов, 2009, с. 96–97].

В Крыму помимо Керченкого полуострова салтовские погребения на поселениях нигде не встречены[5]. Но они зафиксированы на памятниках степной и лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры.

На Недвиговском городище это две грунтовые безинвентарные могилы. Одно захоронение совершено внутри уже заброшенной постройки. Погребенный был уложен на живот, головой на ССВ. Нижние и верхние конечности согнуты в локтевых и коленных суставах. Кости стоп отсутствовали.

Второе – располагалось к северо-западу от этой же постройки. В анатомическом порядке сохранились лишь отдельные кости, но, судя по всему, изначально покойный был уложен на спину, головой на северо-запад [Нидзельницкая, Ильяшенко, 2007, с. 195–197, рис. 2; 4. *6, 7*].

[5] К их числу, с небольшой долей вероятности, можно причислить лишь одно захоронение, открытое с внешней стороны южной куртины античного городища Калос-Лимен, на территории которого располагалось салтово-маяцкое поселение [Кутайсов, 2008, с. 463–465; Кутайсов, 2004, с. 113–114]. Эта могила пока единственная на этом участке, но нет полной уверенности: находилось ли оно в пределах «жилой» территории.
На Таманском полуострове к рассматриваемой группе погребений, возможно, относится грунтовая могила, открытая в восточной части Патрейского городища [Сударев, 1994, с. 115, табл. 7в].

На Маяцком поселении выявлено более 30 захоронений, разделенных в зависимости от конструкции и места на четыре типа: катакомбы с входной ямой в виде дромоса, катакомбы с входной ямой в виде колоколовидной шахты, катакомбы в полу и стенах жилых и хозяйственных помещений и погребения в ямах круглой колоколовидной и прямоугольной формы [Афанасьев, 1991, с. 22, 25; Винников, Афанасьев, 1991, с. 21–117]. Рядом с постройками, часть которых трактуются как культовые комплексы, иногда группировалось по несколько катакомб. Погребенные в них – видимо, несколько поколений одной семьи. Так, вокруг постройки 45 было устроено шесть катакомб; между постройками 19, 21 и 30 – пять катакомб и по три – между постройками 36, 41 и рядом с постройкой 39 [Афанасьев, 1984, с. 78–79; Афанасьев, 1993, с. 59–62, рис. 16–18; Албегова, Гусаков, 2001, с. 123, 126, рис. 3]. Членов одной семьи хоронили и внутри жилищ. Так в постройке 18 были вырублены две погребальные камеры: одна для женщины и ребенка, другая для двух женщин [Афанасьев, 1984, с. 78; Винников, Афанасьев, 1991, с. 84–89, рис. 37–39; Афанасьев, 1993, с. 59, 62, рис. 15]. В камере, устроенной в стене постройки 2, погребены мужчина и женщина [Винников, 1984, с. 99; Винников, Афанасьев, 1991, с. 83, рис. 36; Афанасьев, 1993, с. 62]. В катакомбе, вырубленной в стене постройки 17, обнаружены остатки скелета ребенка [Винников, 1984, с. 128, рис. 20; Винников, Афанасьев, 1991, с. 84], а в катакомбе, устроенной в постройке 40, ребенок был погребен в деревянном ящике [Винников, Афанасьев, 1991, с. 91–92, рис. 41]. Еще три погребальные камеры с одиночными и парным захоронениями (в скорченном положении и в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад и северо-запад) были вырублены в стенах заброшенного хозяйственного помещения, раскопанного А. И. Милютиным. Погребенных сопровождал разнообразный инвентарь: украшения, аксессуары, орудия труда и предметы быта [Милютин, 1909, с. 158–161, рис. 9–10; Воронежская…, 1909, с. 110–111, рис. 157; Винников, Плетнева, 1998, с. 105–109, рис. 40]. В жилой постройке 34, были устроены две небольшие камеры для детей, но они были ограблены, поэтому кости скелета и инвентарь отсутствовал. В яме, выкопанной перед входом в постройку, был обнаружен скелет мужчины в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-восток [Винников, Афанасьев, 1991, с. 89–91, рис. 40; Афанасьев, 1993, с. 62, рис. 19; Винников, Плетнева, 1998, с. 119–120, рис. 46. *А*].

На селищах Дмитриевского археологического комплекса захоронения также совершались в катакомбах и подбоях, устроенных внутри построек и вне помещений. Погребенные находились в скорченном положении на левом боку, головой на юг и северо-восток [Плетнева, 1989, с. 46, 48–49, 65–67, рис. 21. *2*; 31].

Несколько погребальных комплексов обнаружены на городище Мохнач [Колода, 2013, с. 27–31]. Один из них, представлял собой захоронение «семьи» в виде неполных и фрагментированных останков четырех человек (детей и подростков в возрасте от 2,5–3 до 14–15 лет) на останцах-лежанках в жилой постройке [Колода, 2002, с. 137; Колода, 2003, с. 70–73; Колода, 2005, с. 224–226]. Второй – мужское погребение, совершенное на территории «усадьбы кузнеца», в овальной в плане яме в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮВ [Колода, 2006, с. 214, рис. 1]. Третий – одиночное захоронение женщины в округлой яме, уложенной на спине в скорченном положении, головой на северо-запад и сопровождавшейся богатым погребальным инвентарем [Колода,

2011а, с. 261–272; Колода, 2016, с. 191]. Четвертый – парное, безинвентарное захоронение мужчины и женщины (на спине и правом боку, головой на ВСВ и ЗЮЗ) в небольшом подбое, устроенном в стене жилого комплекса [Колода, 2011б, с. 190–191; Колода, 2012–2013, с. 107–108].

Остатки двух захоронений (?) исследованы на поселении Мохнач-П. В одном из них, совершенном в хозяйственной постройке, обнаружены кости подростка 10–12 лет, в другом – в хозяйственной яме – кости взрослого индивида (женщины?) [Колода, 2010, с. 215].

Два захоронения, в обычных грунтовых могилах исследованы на поселении Нетайловка-2. В могиле 1 был погребен мужчина-воин с предметами вооружения, конским снаряжением и поясной гарнитурой, а в могиле 2 – ребенок 3–4 лет, в изголовье которого был установлен лепной горшок-кружка. И тот, и другой лежали вытянуто, на спине, головой на восток. Есть мнение, что эти погребения связаны с тюрко-угорским компонентом праболгарских племенных объединений в бассейне Северского Донца [Хоружа, 2005, с. 65–66; Аксенов, Крыганов, 2009, с. 23–31; Аксенов, 2011, с. 136–140, рис. 1. *22–26*; 2].

На Саркельском городище в яме, выкопанной у порога одного из помещений «караван-сарая», обнаружены разрозненные кости женщины и череп ребенка 10 лет [Плетнева, 1996а, с. 35–36, рис. 14. *а*; Плетнева, 2000, с. 90; Плетнева, 2006, с. 10, рис. 4. *2*]. К числу рассматриваемых погребальных комплексов, по-видимому, можно отнести и захоронения в круглых в плане ямах и яме с подбоем, раскопанные у юго-западной крепостной стены Саркела [Артамонова, 1963, с. 12–25; Плетнева, 1996а, с. 84–86, рис. 21–23; Бубенок, 2001, с. 340–348, рис. 7]. Одно из погребений, открытое на этом же участке, было устроено в подбое, вырубленном в стене хозяйственной постройки [Артамонова, 1963, с. 20, рис. 10; Плетнева, 1996а, с. 67, рис. 26].

На Сидоровском городище одно из захоронений совершено рядом с жилыми и хозяйственными комплексами. Покойник лежал вытянуто, на спине, головой на ЗЮЗ. Второе захоронение было обнаружено в хозяйственной яме. Погребенный находился в скорченном положении на левом боку, головой на юг [Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с. 263, 266–267, рис. 4; 12. *3*; 11. *3*].

На поселении Жовтневое обнаружено шесть захоронений. Пять – на спине, вытянуто, головой на юго-запад лежали в грунтовых, безинвентарных могилах. В шестой могиле была погребена женщина с более высоким социальным статусом, возможно, служительница некоего культа. Она лежала в долбленой колоде, головой на северо-восток. На черепе сохранился головной убор из двух рогов козы, перевитых бронзовой пластиной, а среди костей скелета обнаружены украшения, аксессуары и железный нож [Пархоменко, 1985, с. 93].

На поселении у ст. Богоявленской найдено скорченное погребение женщины на правом боку, головой на северо-запад. В изголовье стоял горшок [Флеров, 1971, с. 262–263, рис. 3. *а*].

На поселении Пятницкое I исследовано два погребения. Одно – непосредственно рядом с жилищем, по мнению А. В. Крыганова, могло быть совершено «на скорую руку» вследствие некоего вооруженного конфликта [Крыганов, 1992, с. 120–122, рис. 1. *2*; Квитковский, 2011а, с. 15; Квитковский, 2012, с. 26]. Однако отсутствие каких-либо других его следов на поселении позволяет включить его в рассматриваемую группу. К тому же

поза погребенного, уложенного лицом вниз, нередко трактуется как свидетельство обряда обезвреживания [Виноградова, 1993, с. 41; Флеров, 2012, с. 226, 228]. Второе захоронение совершено в колоколовидной яме. Погребенный был уложен на спине, головой на юго-восток, череп отсутствовал, кости рук были согнуты в локтевых суставах и запрокинуты назад. Здесь же найдены еще три человеческих черепа, а также фрагмент нижней челюсти лошади и скелет собаки [Квитковский, 2011б, с. 168–169; Квитковский, 2012, с. 26–29, рис. 2, 3].

Отдельную группу составляют захоронения в заброшенных или разрушенных производственных комплексах. Так, в котловане кузницы, раскопанной на территории «караван-сарая» Саркельского городища был обнаружен расчлененный скелет женщины [Плетнева, 1996а, с. 41–42; Плетнева, 2000, с. 92]. Здесь же, в небольших подбоях, обустроенных в противоположных стенах гончарной мастерской, были погребены еще два человека (гончара?), уложенных в вытянутом положении, головой на запад [Артамонов, 1958, с. 40, рис. 23; Артамонова, 1963, с. 20, рис. 11; 12; Плетнева, 1996а, с. 47–48, рис. 17; Плетнева, 2000, с. 91–92; Плетнева, 2006, с. 10]. В гончарной мастерской, открытой у с. Подгаевка, захоронение совершили в яме, выкопанной над печью. Погребенный был уложен в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Находок при нем не было [Красильников, 1976, с. 277–278, рис. 6]. Отдельные кости расчлененного человеческого скелета найдены в котловане печи гончарной мастерской Маяцкого комплекса [Плетнева, Красильников, 1990, с. 106]. Еще одно захоронение в скорченном положении, на левом боку, головой на ВСВ обнаружено в заброшенном помещении гончарной мастерской Сидоровского городища [Кравченко, 2001, с. 100–101; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 237, рис. 5]. Особый интерес представляет уже упоминавшееся выше мужское захоронение на городище Мохнач, совершенное в пределах «усадьбы кузнеца», в неглубокой грунтовой яме. Погребенного сопровождал богатый и разнообразный инвентарь: косы-горбуши, серпы, долото, нож, мотыжка, сабля, серьга, пряжка и другие мелкие предметы [Колода, 2006, с. 214–216, рис. 2; 3]. Вероятно, здесь был похоронен кузнец, которому и принадлежала усадьба, а сопровождавшие его многочисленные предметы представляли собой «посмертный дар» от членов общины или же символизировали номенклатуру, производимых им изделий [Колода, 2006, с. 216].

Приведенный краткий обзор погребений свидетельствует о том, что кроме их расположения – в пределах поселений, их мало что объединяет. Совершались они в жилых и хозяйственных постройках (в ямах у порога помещения, на полу, вдоль стен на лежанках, в вырубленных в стенах подбоях и катакомбах и в засыпи заброшенных построек), в производственных помещениях (в том числе гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с культовыми, жилыми и хозяйственными постройками. Случалось, что о некоторых погребениях со временем забывали, а, возможно, к ним постепенно был утрачен пиетет. К примеру: на Саркельском городище одна из полуземлянок прорезала более раннее погребение, совершенное в яме [Артамонова, 1963, с. 14, 24, рис. 4].

Помимо конструкции погребальных сооружений и их местоположения, совершенные на поселениях захоронения отличаются позой, ориентировкой погребенных и степенью сохранности. Покойники иногда даже в пределах одного поселения были

уложены в самых разнообразных положениях: на спине с вытянутыми или согнутыми нижними конечностями или скорченно, на правом или левом боку. При этом их ориентировали едва ли не по всем сторонам света. Скелеты некоторых погребенных подвергались частичному или полному разрушению, а отдельные кости, включая череп, нередко удалялись из могилы. Подобные манипуляции в некоторых случаях могли совершаться на птоматологической стадии, но, большей частью, видимо, какое-то время (достаточное для распада мягких тканей) спустя. Трактуются они чаще всего как свидетельства постпогребальных обрядов, связанных с обезвреживанием покойника. При этом степень разрушения скелета объясняется совокупностью негативных «оценок, которые давались умершему», иными словами, насколько он внушал страх, «являвшийся основой отношений между покойником и живыми» [Флеров, 2007, с. 126; Аксенов, 2013, с. 206].

К числу дискуссионных относится также вопрос: какая роль в таких захоронениях отводилась погребальному инвентарю? Подчеркивал ли он только социальный статус покойника, его этническую и половую принадлежность или имел дополнительную сакральную нагрузку? И почему одни захоронения безинвентарные, а в других, преимущественно на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры, найдены десятки самых разных предметов?

Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяснять влиянием различных факторов: этнической и семейной принадлежностью, половозрастной градацией погребенных, их социальным статусом, и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения.

Впрочем, некоторые из погребений не имеют прямого отношения к рассматриваемой теме. К их числу относятся многочисленные человеческие останки, преимущественно женщин и детей, со следами насильственной смерти, обнаруженные в нескольких, уничтоженных пожаром, жилищах Правобережного Цимлянского городища. В данном случае речь идет о жителях, погибших во время захвата крепости [Плетнева, 1964, с. 137–138; Плетнева, 1993, с. 62, рис. 4. *Б*; 5. *А, Б*; 6. *А, Б*; Плетнева, 1994а, с. 284–304, рис. 14; 16; 20; 22; 23; 28; Флеров, 1994, с. 469–471, 487, рис. 10. *5, 7*; 11. *3*; Флеров, 1996, с. 110; Флерова, Флеров, 1996, с. 271–272][6]. Так одиннадцать «захоронений» (шесть детских), совершенных при схожих обстоятельствах, были обнаружены у северной стены цитадели и в башне Семикаракорской крепости. Помимо необычного расположения на их экстраординарный характер указывают отсутствие у погребенных инвентаря и единообразной ориентировки. У одного из мужчин к тому же была отделена (отрублена?) голова [Флеров, 2001, с. 64–65, рис. 6; 7]. Однако в остальных случаях исследованные на поселениях захоронения, включая два погребения – старика и мальчика на Правобережном Цимлянском городище [Плетнева, 1993, с. 63, рис. 5. *В, Г*], были совершены в мирный период.

[6] К их числу относят также девять погребений, обнаруженных в южной части Маяцкого городища. Захоронения совершены в неглубоких ямах, погребенные уложены в скорченном и вытянутом положении на спине, устойчивая ориентировка отсутствовала. В целом, же они «производили впечатление поспешного и массового захоронения жертв» какого-то военного конфликта [Копыл, Татаринов, 1979, с. 268–269; Михеев, 1985, с. 18].

Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах и на территории поселений в основной своей массе имели ритуальный характер и совершались в силу различных, иногда тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [Винников, Афанасьев, 1991, с. 137–138]. Как в свое время предположила С. А. Плетнева, к числу лишенных права быть погребенным на общественном кладбище, могли относиться знахари, колдуны, кузнецы, предатели, нарушители каких-то общественно-религиозных норм [Плетнева, 1981б, с. 71; Плетнева, 1989, с. 67; ср.: Колода, 2012–2013, с. 112; Бубенок, 2001, с. 346]. Причем, в своем жилище хозяина хоронили в том случае, если соплеменники, будь-то родственники или соседи, принимали решение забросить его [Плетнева, 1989, с. 67]. Одно из погребений, обнаруженное на поселении Пятницкое-I, возможно, представляло собой «место ритуальной казни» рабов или пленников, которые не являлись частью общины», а поэтому не имели право быть похоронены на общем могильнике «с выполнением погребальной обрядности, присущей жителям данного поселения» [Квитковский, 2012, с. 28–29].

Однако предложенные интерпретации имеют, как нам кажется, общий недостаток. Следуя им, человека, не являвшегося членом общины или совершившего некий проступок, лишали права погребения на общественном кладбище, но при этом хоронили на поселении. Иными словами, его территорию, наверняка, как и могильник, воспринимавшуюся как некое сакральное пространство, вполне осознанно подвергали осквернению. Гораздо правдоподобнее если соплеменник-изгой и, тем более, не член общины, был бы погребен за пределами поселения и могильника, к тому же без соблюдения обычных, принятых для конкретного сообщества процедур.

Поэтому более продуктивным в перспективе представляется иной подход к интерпретации рассматриваемых комплексов, в рамках которого предполагается, что погребенный на поселении, и, тем более, в жилище, являлся членом общины и наделялся после смерти или был наделен, с точки зрения соплеменников, еще при жизни, каким-то особым статусом, положительными, сакральными силами или личными качествами[7]. Именно такой человек, будь-то ребенок или мужчина и женщина любой возрастной группы, «удостаивался чести» быть погребенным среди «живых». После смерти, исполняя «последнее обязательство» перед общиной, он должен был обеспечить ее защиту от негативного воздействия потусторонних сил или послужить неким передаточным звеном между божествами и миром «живых». При этом остается открытым вопрос: могли ли такими качествами и функциями наделяться не члены общины, к примеру, рабы или военнопленные.

Подобная трактовка, причем в различных ее вариантах получила поддержку у исследователей

Так, захоронение, совершенное у порога одного из помещений «караван-сарая» Саркельского городища, С. А. Плетнева рассматривала в качестве своеобразной жертвы-«оберега» (или закладной жертвы) его обитателей [Плетнева, 1996а, с. 36; Плетнева, 2000,

[7] При этом претендовать на такое захоронение могли не только представители привилегированной части населения [ср.: Колода, 2006, с. 216, ссылка на: Винников, Синюк, 2003, с. 213], но применительно к отдельным погребениям, по крайней мере, тем из них, которые совершались рядом со святилищем, такая градация вполне могла иметь место [Винников, Афанасьев, 1991, с. 137].

с. 90]. В свою очередь погребенным в катакомбах у постройки 21 (святилища) на Маяцком поселении отводится иная роль. По мнению З.Х. Албеговой и М.Г. Гусакова, они могли способствовать «росту и развитию посевов» [Албегова, Гусаков, 2001, с. 127][8]. Примерно в таком же духе трактуются захоронения, совершенные в заброшенных ямах-зернохранилищах или в ямах, имитирующих их по форме. В частности, В.В. Колода предлагает их рассматривать, как культовые комплексы, сооруженные «с целью получения определенных благ от божеств», а одно из них, на городище Мохнач, могло быть направлено на «преодоление неблагоприятных условий для сельского хозяйства и обеспечение питания для населения городища в необходимых для жизни объемах» [Колода, 2011а, с. 269–270]. В тех же случаях, когда захоронения совершались в заброшенных гончарных или металлургических мастерских, они могли выступать в качестве искупительной жертвы, призванной обезопасить живых соплеменников от вредоносного воздействия потусторонних сил – покровителей умершего ремесленника, чье производство было связно с использованием огненной стихии и поэтому считавшегося «обладателем волшебной силы» [Плетнева, 1996а, с. 42–43; Плетнева, 2000, с. 91–92, рис. 66; Плетнева, Красильников, 1990, с. 106; Красильников, 1976, с. 277–278, рис. 6; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236–237, рис. 5][9].

Впрочем, насколько бы логичными не казались попытки объяснить с рациональной точки зрения эти необычные захоронения, все они лежат в области чистых предположений. Тем более что при почти полном отсутствии письменных источников, в которых бы содержались сведения о языческих верованиях и обрядах населения Хазарского каганата, исследователям приходится оперировать исключительно археологическим материалом. Базируясь на нем и учитывая при этом многообразие форм совершенных на поселениях захоронений, на данном этапе можно говорить лишь о том, что совершавшие их преследовали с различные цели. При этом нельзя исключать и совершенно неизвестные нам традиции, мотивации и факторы [Юрченко, 2012, с. 159].

К сожалению, не столь уж обширна и сама археологическая «база». Так, в одной из своих последних работ С.А. Плетнева отметила, что ввиду недостатка данных «объяснить это явление» мы пока еще не можем, тем более, что «причины изолированности погребений» следует искать применительно к каждому из них индивидуально [Плетнева, 2006, с. 10]. Как нельзя лучше сложившуюся ситуацию охарактеризовал В.В. Колода, по мнению которого, проблема изучения погребальных комплексов на территории салтово-маяцких поселений находится пока еще «на стадии накопления материала и индивидуального анализа» и как отдельная научная тема, пока еще глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2011а, с. 269; Колода, 2012–2013, с. 111]. В перспективе, по мере увеличения числа рассматриваемых комплексов и перехода на качественно новую стадию их изучения, вопросов к ним окажется гораздо больше, нежели ответов, и соответствующая дискуссия примет более острый характер.

[8] Такую возможность не исключает направление дромосов катакомб, ориентированных на точку восхода «Низкой Луны» в период весеннего и осеннего равноденствия. Весной же к этому дню могло быть приурочено начало полевых работ [Албегова, Гусаков, 2001, с. 127].

[9] Охранными функциями наделялись и некоторые домашние животные, прежде всего лошади и собаки, разрозненные части скелетов, которых находят и в заброшенных производственных комплексах [Плетнева, 2004, с. 67; Плетнева, 1996б, с. 184, 187, 188].

Список литературы

Аксенов, 2002. Аксенов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 3.

Аксенов, 2009. Аксенов В. С. Захоронения с нарушением анатомического порядка костяка на могильнике салтовской культуры у с. Червонная Гусаровка // Хазарский альманах. 8. Харьков.

Аксенов, 2011. Аксенов В. С. Новые материалы к вопросу о мадьяро-салтовских контактах в Верхнем Подонцовье // Археологія і давня історія України. Вип. 7. Мадяри у середньому Подніпров'ї. Киев.

Аксенов, 2012а. Аксенов В. С. К вопросу о погребениях с разрушенными костяками на катакомбных могильниках салтовской культуры Подонечья // Проблемы истории и археологии Подонечья: Материалы VIII Межд. науч. конф. (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков.

Аксенов, 2012б. Аксенов В. С. Повторное проникновение в захоронения Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры – миф или реальность // Дриновский сборник. Т. V. София-Харьков.

Аксенов, 2013. Аксенов В. С. К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // Древности, 2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12. Харьков.

Аксенов, 2014. Аксенов В. С. Полевые заметки к вопросу о постпогребальной обрядности аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань.

Аксенов, Крыганов, 2009. Аксенов В. С., Крыганов А. В. Захоронение на селище салтовской культуры Нетайловка 2: к вопросу о салтовско-венгерских культурных контактах // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». 1. Воронеж.

Албегова, Гусаков, 2001. Албегова З. Х., Гусаков М. Г. Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. М.

Артамонов, 1958. Артамонов М. И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. (МИА. 62). М.-Л.

Артамонова, 1963. Артамонова О. А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА. 109.

Афанасьев, 1984. Афанасьев Г. Е. Большая семья у алан // СА. 3.

Афанасьев, 1991. Афанасьев Г. Е. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М.

Афанасьев, 1993. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.

Баранов, 1989. Баранов И. А. Грунтовые могильники второй половины VII–X вв. в Крыму // Проблеми на прабългарската история и култура. Вип. 1. София.

Белецкий, 1959. Белецкий В. Д. Жилища Саркела – Белой Вежи // МИА. 75.

Бубенок, 2001. Бубенок О. Б. Аланы-ясы в Саркеле – Белой Веже // МАИЭТ. VIII.

Винников, 1984. Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.

Винников, Афанасьев, 1991. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж.

Винников, Плетнева, 1998. Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж.

Винников, Синюк, 2003. Винников А. З., Синюк А. Т. Дорогами тысячелетий: Археологи о древнейшей истории Воронежского края. Воронеж.

Виноградова, 1993. Виноградова Л. Н. Чтобы покойник «не ходил»: комплекс мер в составе погребального обряда // Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». Тез. докл. М.

Винокуров, 1998. Винокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.

Винокуров, 2002. Винокуров Н. И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // БФ: Погребальные памятники и святилища. Материалы межд. науч. конф. Ч. 1. СПб.

Винокуров, 2004. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.

Винокуров, 2007. Винокуров Н. И. Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. Запорожье.

Винокуров, 2011. Винокуров Н. И. Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. XII. Керчь.

Винокуров, 2012. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген.

Винокуров, 2014. Винокуров Н. И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) / БИ. Supplementum 12. Симферополь–Керчь.

Винокуров, Сон, 2011. Винокуров Н. И., Сон Н. А. Исследования Международной Российско-Украинской Артезианской археологической экспедиции в Крымском Приазовье // АДУ 2010 р. Київ-Полтава.

Винокуров, Пономарев, 2015. Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // LAUREA I. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков.

Воронежская, 1909. Воронежская губерния // Отчет Императорской Археологической комиссии за 1906 год. СПб.

Зинько, 1994а. Зинько В. Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.

Зинько, 1994б. Зинько В. Н. Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка-II и Героевка-VI // Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». 21–27 сентября 1994 г. Тезисы докладов. Симферополь.

Зинько, 1997. Зинько В. Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь.

Зинько, Пономарев, 2007. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. XIII. Симферополь.

Зинько, Пономарев, 2008. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности юга России: памяти А. Г. Атавина. М.

Иченская, 1981. Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности среднего Поднепровья. Киев.

Квитковский, 2011а. Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Вип. 1. Харків.

Квитковский, 2011б. Квитковский В. И. Исследования на многослойном селище Пятницкое I // АДУ 2010 р. Київ-Полтава.

Квитковский, 2012. Квитковский В. И. Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків.

Колода, 2002. Колода В. В. Исследование Мохначанского городища // АВУ 2000–2001 рр. К.

Колода, 2003. Колода В. В. Опыт реконструкции одного из раннесредневековых жилищ осевшего кочевника // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові. Харків.

Колода, 2005. Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах. 4. Киев-Харьков.

Колода, 2006. Колода В. В. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2005 г. // АДУ 2004–2005 рр. Київ-Запоріжжя.

Колода, 2010. Колода В. В. Исследование ремесленного центра салтовской культуры // АДУ 2009 р. Киев.

Колода, 2011а. Колода В. В. К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков.

Колода, 2011б. Колода В. В. Исследования на городище Мохнач // АДУ 2010 р. Київ–Полтава.

Колода, 2012–2013. Колода В. В. Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. 11. Киев–Харьков.

Колода, 2013. Колода В. В. Салтовские погребения на городище Мохнач // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э.: Материалы V Международной археологической конференции (25–28 ноября 2013 г., Самара). Самара.

Копыл, Татаринов, 1979. Копыл А. Г., Татаринов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1.

Кравченко, 2001. Кравченко Э. Е. Гончарная мастерская Сидоровского городища // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы межд. науч. конф. (Харьков, 16–18 мая 2001 г.). Харьков.

Кравченко, Давыденко, 2001. Кравченко Э. Е., Давыденко В. В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. 2. Хазарское время. Донецк.

Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005. Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., Петренко А. Н., Давыденко В. В. // Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. 4. Хазарское время. Донецк.

Красильников, 1976. Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 3.

Крыганов, 1992. Крыганов А. В. Памятник салтово-маяцкой культуры у с. Пятницкое на Харьковщине // Вестник Харьковского университета. № 362. Серия «История». Вып. 25. Харьков.

Кутайсов, 2004. Кутайсов С. В. Раннесредневековый слой Калос Лимена (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской межд. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Ч. II. Киев–Судак.

Кутайсов, 2008. Кутайсов В. А. Раннесредневековое погребение городища Калос-Лимен // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев–Судак.

Майко, Пономарев, 2013а. Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие некрополи Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. 3. Харків.

Майко, Пономарев, 2013б. Майко В. В., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие могильники как источник по истории христианизации Восточного Крыма «хазарского времени» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения. XIV. Керчь.

Милютин, 1909. Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИАК. 29.

Михеев, 1985. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Нидзельницкая, Ильяшенко, 2007. Нидзельницкая Л. Ю., Ильяшенко С. М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. II. Москва–Иерусалим.

Пархоменко, 1985. Пархоменко О. В. Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев.

Плетнева, 1964. Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. 3.

Плетнева, 1967. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.

Плетнева, 1981а. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен 1976. Т. 2. София.

Плетнева, 1981б. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Европы в эпоху средневековья. М.

Плетнева, 1989. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плетнева, 1993. Плетнева С. А. История одного хазарского поселения // РА. 2.

Плетнева, 1994. Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. IV.

Плетнева, 1996а. Плетнева С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж.

Плетнева, 1996б. Плетнева С. А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела // РА. 2.

Плетнева, 2000. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим.

Плетнева, 2004. Плетнева С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. № 9 (1069). М.

Плетнева, 2006. Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / МАИЭТ. Supplementum 1.

Плетнева, Красильников, 1990. Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.

Пономарев, 2002. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. II.

Пономарев, 2004. Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. V.

Пономарев, 2011. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения. XII. Керчь.

Решетова, 2013. Решетова И. К. Случай символической трепанации черепа у индивида из погребения Маяцкого селища // Археологические памятники Восточной Европы. 15. Воронеж.

Рыбаков, 1994. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.

Сарапулкин, 2014. Сарапулкин В. А. Новые погребения Маяцкого селища // РА. 2.

Ступко, 2011. Ступко М. В. Находки каменных сверленых топоров-молотков в Севастопольском районе // ХСб. XVI.

Сударев, 1994. Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. 4.

Тощев, 2007. Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье.

Флеров, 1971. Флеров В. С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 2.

Флеров, 1989а. Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных у праболгар (предварительное сообщение) // Проблеми на прабългарската история и култура. 1. София.

Флеров, 1989б. Флеров В. С. Болгарские погребения Маяцкого могильника // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань.

Флеров, 1993. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. 1. Волгоград.

Флеров, 1994. Флеров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. IV.

Флеров, 1996. Флеров В. С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. 1.

Флеров, 2000. Флеров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных (Труды Клин-Ярской экспедиции. I). М.

Флеров, 2001. Флеров В. С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2.

Флеров, 2005. Флеров В. С. Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на фоне Восточной Европы в I тыс. н. э. // Степи Европы в эпоху средневековья. 4. Хазарское время. Донецк.

Флеров, 2007. Флеров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н. э. (Труды Клин-Ярской экспедиции. III). М.

Флеров, 2012. Флеров В. С. Заметки по теме «обряд обезвреживания погребенных» // Дивногорский сборник. 3. Воронеж.

Флеров, 2013. Флеров В. С. К проблеме постпогребальных обрядов: обзор литературы Болгарии, России, Украины // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. 3. Харків.

Флерова, Флеров, 1996. Флерова В. Е., Флеров В. С. К проблеме стратиграфии и хронологии Правобережного Цимлянского городища // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара.

Флерова, 1997. Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М.

Хоружа, 2005. Хоружа М. В. Комплекси Неталівського селища (дослідження 2005 р.) // Одинадцяті Сумцовські читання. Матеріали наукової конференції «Подвигу народному жити у віках». Харків.

Юрченко, 2012. Юрченко А. В. До питання про поховання на поселеннях салтівської культури (лісостеповой варіант) // Сумський історико-архівний журнал. XVI–XVII. Суми.

Summary

N. I. Vinokurov, L. Y. Ponomarev
«Dead among the living»: burial Saltovo-Mayaki complex on the site of ancient settlement Artezian

In this paper we consider a small group of single burial ground, committed within Saltovo-Mayaki settlement studied on the settlement Artesian. Prior to that, on the Kerch Peninsula such burial ground have been recorded in the settlements Osoviny-I and Geroevka-6. Numerous analogies they discovered in the settlements and steppe zones Saltovo-Mayaki culture. According to researchers, make such burial for reasons of religious and social character, but as a separate research topic they have not deeply studied.

Г. П. Гарбузов*, А. В. Поротов, Н. И. Сударев*****
(Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону;*
*** Географический факультет МГУ, г. Москва;*
**** Институт археологии РАН, г. Москва)*

К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани

Модель развития дельты Кубани, которая предусматривает заполнение наносами большого палеозалива с постепенным продвижением края дельты с востока на запад, предложена давно [Данилевский, 1869; Губкин, 1915; Самойлов, 1952; Симонов, 1958; Благоволин, 1962; Блажний, 1971; Богучарсков, Иванов, 1979; Мамыкина, Хрусталев, 1980; Симов, 1989]. За минувшие два десятилетия были получены дополнительные свидетельства существования в древней долине Кубани на месте современной поймы реки и южной группы кубанских лиманов обширного ингрессионного залива или лагуны [Müller *et al*., 1999; Горлов и др., 2002; Поротов и др., 2004; Bolikhovskaya *et al*., 2004; Горлов, 2008; Brückner *et al*., 2010; Kelterbaum *et al*., 2011; Fouache *et al*., 2012; Giaime *et al*., 2016]. Исследования [Внуков и др., 2012; Kaniewski *et al*., 2015; Giaime *et al*., 2016] показали, что восточный край этого образования располагался в античное время к востоку от Семибратнего городища. В статье [Giaime *et al*., 2016], обобщающей итоги работы нескольких научных групп, предложено выделять три возможных пути водного сообщения между Черным и Азовским морем в районе современного Таманского полуострова и дельты Кубани: 1) существовавший до начала II тыс. до н. э. Боспор Восточный, образованный водным пространством, обходящим Курчанскую гряду с востока; 2) существовавший в античности Боспор Центральный или Темрюкский, проходивший по пойме Кубани к востоку от Таманского полуострова; 3) Боспор Киммерийский, соответствующий Керченскому проливу. В статьях, опубликованных Д. В. Журавлевым с соавторами, Боспор Центральный/Темрюкский именуется Кубанским [Журавлев и др., 2009; 2010; 2011; 2015; Журавлев, Кельтербаум, Шлотцауер, 2010; Журавлев, Шлотцауер, 2011; Журавлев, Шлотцауэр, 2014; Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014; Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер, 2016], еще один вариант названия – Боспор Синдский [Суриков, 2013].

Особый интерес к геоморфологии данного региона, обозначившийся в последние годы в историко-археологических кругах, можно связать именно с гипотезой о множественности Боспоров. Это объясняется во многом тем, что объявление о существовании в античную эпоху еще одного Боспора явно или неявно подразумевает – это следует

из имени – равную значимость Боспора Киммерийского и того гипотетического водного пространства, которое назвали точно так же, подчеркнуто определив водный путь по долине Кубани как настоящий морской пролив (см. указанные выше работы Д. В. Журавлева с соавторами). Однако заложенная в названии равнозначность двух совсем разных природных образований ведет к неверным оценкам исторического плана.

В указанной итоговой геоморфологической публикации воды Боспора Центрального/Темрюкского/Кубанского/Синдского охарактеризованы как мелководные морские или лагунные [Giaime *et al.*, 2016, p. 333]. На картах-реконструкциях эти воды в значительной степени отделены от Черного и Азовского морей пересыпями, сформировавшимися уже во II тыс. до н. э. [Giaime *et al.*, 2016, Fig. 5][1]. Соответственно, для периода ранней античности данное водное пространство правильно называть лагуной. Говорить о ней как о целиком морской, т.е. повсюду заполненной морской водой, представляется невозможным, так как в безусловно мелководный, как всеми признается, полузамкнутый водоем поступал водный сток Кубани. Для примера, в 1930–1955 гг. этот сток, направлявшийся в область предполагаемой лагуны после отделения рукава Протока, составлял в среднем за год 7.26 куб. км [Симов, 1989, табл. 4.3] (в многоводные годы в полтора раза больше [Гоптарев и др., 1991, табл. 3.31]). Максимальную площадь лагуны в границах, указанных в [Giaime *et al.*, 2016, Fig. 5*b, c*], можно оценить приблизительно в 790 кв. км. Предположив среднюю глубину лагуны в 2 м (для средней глубины при такой площади это даже слишком много, так как средняя глубина, например, современных Ахтанизовских и Кизилташских лиманов при их суммарной площади 384 кв. км составляет лишь около 1 м [Симонов, 1958, табл. 2][2]), получим объем воды в лагуне 1.58 куб. км, что почти в 5 раз меньше современного годового стока Кубани. Следовательно, наш гипотетический водоем, даже не будучи полностью отгорожен от морей, был бы если не пресным, то в значительной степени опресненным[3], с преимущественным направлением водообмена вовне – из лагуны в море. Все это позволяет уточнить данное выше определение, условно обозначив реконструируемый водоем (рис. 1) как большой лиман со смешанным типом вод.

Этот палеолиман вряд ли был столь однороден, как однообразное водное пространство на условных картинках-реконструкциях, базирующихся на экстраполяции

[1] В это время в том или ином виде существует коса, аналогичная современной Анапской пересыпи [Невесский, 1967; Измайлов, 2005]. Данные по эволюции очертаний береговой линии побережья Темрюкского залива в ходе голоценовой трансгрессии приводятся в [Павлидис, 1961; Мамыкина, Хрусталев, 1980; Измайлов, 2010]. Исследования последних лет позволили построить подробную схему развития побережья в районе Голубицкой возвышенности за последние семь тысяч лет [Kelterbaum *et al.*, 2011]. В частности, для середины I тыс. до н. э. предполагается существование системы пересыпей или кос, частично отделявших палео-Ахтанизовский лиман от моря, с широкими проходами в местах современных Пересыпского и Темрюкского гирл. И хотя у нас к указанной схеме есть замечания (см. ниже), важно само признание, что в эпоху архаики палео-Ахтанизовский лиман был полуизолирован от моря.

[2] Промеры глубин Кизилташского лимана 1902 г.: у гирла около 4 м, в центре лимана около 1.5 м, у косы Голенькой около 1 м, в западной части 1.4 м [Бородин, 1905, с. 17]. Глубина Курчанского лимана в конце XIX в. лежала в пределах от десятков сантиметров до 2.1 м [Апостолов, 1897, с. 84; Воевода, 1897, с. 129]. В большинстве своем современные кубанские лиманы являются впадинами с плоским дном и малым увеличением глубины от берега к центру [Троицкий, 1955, с. 206].

[3] Для полного обновления вод Ахтанизовского лимана достаточно 15–20 дней речного стока [Симонов, 1958, с. 79].

Рис. 1. Условный общий контур гипотетического лимана в дельте Кубани в эпоху ранней античности в современной топографической ситуации. Палеокосы, отделявшие лиман от морей, на схеме не показаны, восточная граница обозначена приблизительно

результатов изучения небольшого числа скважин с датированными образцами и внятной стратиграфией. Скорее всего, лиман выглядел более сложно из-за неравномерного переноса и отложения минеральных веществ, источником которых был как сток Кубани, так и абразия. Возможно, что он был фрагментирован, имел внутри себя косы, острова, мели и, совершенно определенно, в палеолимане была вдвинутая в него дельта Кубани с обычной в таком случае веерообразной структурой из множества проток (см. топографию подобных дельт в Ахтаниховском и Кизилташском лиманах). Фронтальная часть дельты сопровождалась широкой полосой мелководья (баром) – примером служат интенсивно заиливаемые во второй половине XIX в. Ахтанизовский и Курчанский лиманы. У продвигавшегося вглубь Ахтанизовского лимана края дельты формировалась отмель шириною более 1 км [Данилевский, 1869, с. 54; Апостолов, 1897, с. 84], бары перед гирлами в лиманах и в море служили препятствием для организации судоходства [Апостолов, 1897, с. 107; Бородин, 1905, с. 18; Труханович, 2008]. В Кубанском (Кизилташском) лимане конца XVIII – первой половины XIX в. надежно документированы по синхронным картам протяженные внутренние косы и острова, делившие водоем на относительно самостоятельные части, во второй половине XIX в. одна из таких частей обособилась (нынешний Витязевский лиман), но внутренние косы конца XVIII в. все еще существуют, такова, например,

протяженная коса Голенькая, идущая от Благовещенского останца и выделяющая Бугазский лиман современных карт[4].

От гидрографически неоднородного водоема сложно было бы ожидать гидрохимической и гидробиологической однородности. Периодический ветровой нагон морской воды[5] приводил к повышению средней солености в областях, прилегающих к морским гирлам, пример этого дает Ахтанизовский лиман. При нагонах соленость вблизи Пересыпского гирла многократно превышает среднюю по лиману (вплоть до 10–12 промилле, т.е. до солености моря [Симонов, 1958, с. 68]). Так как Ахтанизовский лиман имеет небольшую глубину (ее современное максимальное значение не более 2 м [Троицкий, Харин, 1961, с. 18]), влияние течений сказывается на значительной площади, изменяя соленость воды вдали от гирла [Троицкий, Харин, 1961, с. 17][6]. Можно предположить, что изменения солености в палеолимане оказывали влияние на видовой состав флоры/фауны, которая в осолоненных областях становилась ближе к типично морской[7]. Нельзя исключать, что какая-то часть палеолимана переходила в ходе его эволюции в разряд соленых на достаточно длительное время. Так, по данным картографических материалов, Ахтанизовский лиман в конце XVIII в. и почти весь XIX в. не был соединен с морем Пересыпским гирлом[8]. При слабой связи с Кубанью лиман еще в начале 1850-х годов «составлял из себя замкнутое озеро» и имел «негодную для питья солонцеватую воду» [Данилевский, 1869, с. 41; 1871, с. 23]. Если же у части палеолимана прекращалась связь с рекой, но сохранялась связь с морем, то в силу мелководности и большого испарения соленость такого фрагмента лимана могла постепенно стать выше морской [Троицкий, 1955, с. 207].

Понятый таким образом палеолиман имеет мало общего с Керченским проливом, который, без сомнения, точно соответствует своему названию и представляет собой настоящий морской пролив с соленой водой. В античную эпоху Керченский пролив вряд ли имел принципиально иной вид и иную гидрологическую характеристику. Помимо изменения береговой черты за счет абразии, вопросом здесь является, пожалуй, лишь время формирования примыкающих к Таманскому полуострову кос Тузла

[4] В статье [Блажний, Фатус, 1934, с. 136–137], посвященной почвенному обследованию правобережных Старокубанских плавней, осушенных на момент обследования (1930 г.) в связи с безводностью рукава Старая Кубань, указано на ракушечные гряды («отложения моря на местах бывших морских прибоев»), вклинивающиеся большими языками на юг от коренного берега в плавни; в отдельных случаях их залегание обнаруживалось на глубине 1–2 м под речными отложениями.

[5] Экстремальный ветровой нагон повышает уровень Темрюкского залива у азовских гирл более чем на полтора метра [Книпович, Брегман, 1937, табл. 381].

[6] В середине XX в. минерализация лимана в восточной части, куда поступала пресная вода, составляла 0.208 г/л, у горы Бориса и Глеба 0.999 г/л, в северо-западной части 1.163 г/л [Бембер, 1956, с. 65]. В период малого речного стока в лимане резко выделялось два района: восточный с пресными и смешанными водами, и западный с морской водой, причем увеличение солености проявлялось настолько сильно, что в зимний меженный период в ст. Ахтанизовской наблюдался недостаток в питьевой воде [Симонов, 1958, с. 79].

[7] Согласно И.М. Губкину, помимо пресноводных моллюсков, в Ахтанизовском лимане встречались *Cardium edule*, а на его северо-западном берегу, вблизи гирла, найдены некоторые формы, обитающие в Азовском море (*Buccinum* sp., *Tapes* sp., *Cerithium* sp. и др.) [Губкин, 1913, с. 819].

[8] В очерке Л.Я. Апостолова на месте гирла отмечена коса [Апостолов, 1897, с. 105]. Современное Пересыпское гирло было фактически искусственно создано лишь в 1896 г. [Книпович, Брегман, 1937, с. 683].

и Чушка [Горлов и др., 2002, с. 253][9]. В своем современном состоянии Керченский пролив повсюду достаточно широк, его глубины в целом на значительной площади составляют 5.5 м, объем воды в нем оценивается в 4.56 куб. км [Альтман, 1991, с. 120][10]. Такие характеристики позволяют обеспечивать с помощью пролива интенсивный водообмен между соединяемыми морями. Для периода 1923–1985 гг. годовой приток черноморских вод через пролив оценивается в 36–38 куб. км, сток азовских вод в 53–55 куб. км [Гоптарев и др., 1991, с. 100]. Подобный водообмен между двумя морями был бы практически невозможен через предполагаемый мелководный палеолиман в дельте Кубани, как в силу его строения (лиман был в той или иной мере отгорожен от моря пересыпями), так и в силу постоянного речного стока, который вытеснял морскую воду и вызывал основное течение из лимана в море, нарушаемое только во время ветрового нагона морской воды.

Вполне возможно, что использование понятия «пролив» в указанных выше работах не обусловлено гидрологией (сам термин допускает в географии широкое толкование), а отражает коммуникационное значение водного соединения между Азовским и Черным морями посредством рассматриваемого палеолимана. Но и в этом случае лучше было бы не использовать слово «пролив», даже как метафору, так как вроде бы правильное в широком смысле словоупотребление поневоле ведет к завышенным ожиданиям. Если же этот пролив назвать Боспором и поставить в один ряд с Боспором Киммерийским, то эти ожидания могут стать чрезмерными. К преувеличениям такого рода нельзя не отнести утверждения о преимуществах вновь открытого пролива перед давно известным, например: «наиболее ранний путь греческих колонистов пролегал именно через восточный, более спокойный и удобный для мореплавания, пролив» [Журавлев и др., 2011, с. 109] (см. также [Журавлев и др., 2010, с. 170; Журавлев, Шлотцауэр, 2014, с. 181]); морской пролив Боспор Кубанский являлся значительно более пригодным для мореплавания в античное время [Журавлев, Шлотцауэр, 2011, с. 291] (вариант – «значительно более легким для мореплавания» [Журавлев и др., 2009, с. 126]); пролив обеспечивал «короткий путь» из Понта в Меотиду [Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер, 2010, с. 558]. Однако трезвый взгляд на значимость кубанского соединения Черного и Азовского морей показывает недостаточную обоснованность таких утверждений.

Сквозной маршрут ранних греческих колонистов из моря в море через Боспор Кубанский восстанавливается по сборам керамики на Алексеевском[11] и Таганрогском поселениях [Журавлев и др., 2009, с. 123; Журавлев и др., 2010, с. 168, 170; Журавлев, Кельтербаум, Шлотцауер, 2010, с. 70–71; Журавлев, Шлотцауер, 2011, с. 284; 2014, с. 181].

[9] Судя по свидетельству Страбона (XI.2.6), в самом узком месте вблизи Мирмекия пролив имел ширину «около 20 стадиев или больше», т. е. 3.7 км или немного больше при стадии Страбона в 185 м. В настоящее время самое узкое место пролива у паромной переправы равно приблизительно 4.1 км, такое хорошее соответствие подразумевает, что к I в. до н. э. в этом месте уже была коса, размерами и конфигурацией близкая к современной.

[10] По современным картам наименьшие глубины фарватера связаны с участком напротив Еникале и равны 3.5–4 м. Согласно лоции А. Сухомлина [Сухомлин, 1854, с. 14] наименьшая глубина фарватера была здесь 14 футов (4.3 м).

[11] Алексеевское поселение [Салов, 1986; 2000; Алексеева, 1997, с. 22] расположено на южном берегу Анапских плавней в низовьях реки Анапка, которая впадает непосредственно в Черное море, т. е. формально эти плавни независимы от бассейна предполагаемого античного палеолимана.

Отметим, что факт находок сходно датируемой керамики подтверждает посещение каждого из этих мест греческими мореплавателями в соответствующий период времени, но не более того; как планировались плавания, мы не знаем. Считать, что места находок ранней керамики были обязательно связаны единым маршрутом плавания, нет никаких оснований. Если речь идет о Таганрогском поселении, расположенном в греческом восприятии где-то на краю света, то пока нет причин предполагать иной путь к нему, чем самый краткий. Исходя из этого принципа, маршрут греческого корабля в конце VII – начале VI в. до н. э., пролегающий от Боспора Фракийского к Таганрогскому поселению через палеолиман в устье Кубани, выглядит, по меньшей мере, странно. Причем не только потому, что он не самый короткий, но еще и потому, что он определенно и не самый удобный, и не самый спокойный.

Во-первых, ранние греческие плавания к Боспору Киммерийскому от устья Понта шли, вероятнее всего, преимущественно вдоль западного берега Черного моря (прослеживается по основанным здесь полисам) и далее вдоль Крыма, либо, позднее, напрямик от Пафлагонии к Южному Крыму [Максимова, 1954], т. е. корабли к Боспору Киммерийскому подходили с запада. С этого направления попасть в Азовское море гораздо удобнее, двигаясь именно через Керченский пролив, в целом широкий, хорошо просматриваемый и в навигационном плане не ставящий трудных задач. Не очень понятно, по какой причине этот краткий удобный путь следовало бы отвергнуть и выбрать вариант окружного пути через кубанский палеолиман. Второе важное обстоятельство, существенное для самого раннего времени, касается безопасности и связано с возможностью враждебных действий. Малознакомый лиман со сложной топографией и гидрографией (неширокие входы, косы, мели, крутые повороты берегов, скорее всего, лесистых) отпугнул бы даже опытную команду на хорошем судне[12]. Неизвестно, встречались ли здесь пираты в конце VII – начале VI в. до н. э., однако Страбон указывает (XI.2.12), что после Синдской области и Горгиппии следует побережье, чье население занималось морским разбоем, используя множество легких лодок. То, что местные племена были настроены недружелюбно в период раннего греческого освоения, подтверждается оборонительными рвами вокруг архаических греческих поселений на берегах палеолимана [Журавлев, Шлотцауер, 2011,

[12] Возможная мелководность лимана сама по себе (не беря в расчет отмели и косы) была не так существенна, как представляется на первый взгляд. Первые греческие экспедиции в Черное море совершались, скорее всего, на гребных судах типа пентеконтор (50-ти весельных), имевших очень небольшую осадку (всего 0.6 м по оценке в [Coates, 1987, Fig. 2]). Предположение об использовании подобных судов основано как на сложности преодоления течений в Боспоре Фракийском [Carpenter, 1948] (о гидрометеорологии этого пролива см. подробно [Гарбузов, 2016, с. 186–187]), так и на немногочисленных свидетельствах источников, относящихся к ранним греческим торговым и колонизационным плаваниям. Геродот упоминает в этой связи (IV.156) о двух пентеконторах, отплывших с колонистами из Феры к берегам Ливии, в другом месте он сообщает (I.163), что на таких кораблях с торговыми целями совершали дальние морские походы фокейцы. Кроме того, о роли пентеконтор в фокейской колонизации Западного Средиземноморья косвенно говорит рассказ Геродота (I.164–6) об эвакуации Фокеи ок. 546 г. до н. э. Отметим также, что легендарный корабль «Арго» в античной традиции воспринимался как 50-ти весельное судно [Morrison, 1989, p. 48]. Основным преимуществом узких и длинных пентеконтор, имевших относительно малую грузоподъемность, была скорость, позволявшая на открытой воде уйти от любого преследователя; однако эти суда не были маневренными, так как длина 50-ти весельного корабля при размещении гребцов в один ряд могла достигать 38 м [Casson, 1995, p. 54–56] (по оценке в [Coates, 1987, Fig. 2] маневренность 50-ти весельного однорядного судна была наполовину меньше, чем у 30-ти весельного).

с. 286–290][13]. В целом, как кажется, торговая или колонизационная экспедиция в Меотиду времен архаики, имея выбор, не стала бы специально удлинять маршрут, чтобы пройти столь неудобным и рискованным путем, как Боспор Кубанский, в то время как тотчас за мысом Такиль перед кораблями открывался Боспор Киммерийский. На полпути через данный пролив в глубине небольшого залива уже, по крайней мере, с рубежа VII–VI вв. до н. э. [Тугушева, Толстиков, 2015, с. 367] располагался Пантикапей, что и показывает наглядно, где проходила ранняя трасса таких плаваний.

С учетом сказанного, водное пространство, не совсем удачно называемое проливом и совсем неудачно Боспором (неважно с каким атрибутом), едва ли служило путем, альтернативным Боспору Киммерийскому (его «дублером» [Суриков, 2013]) при плавании из Понта в Меотиду. Но помимо транзитных плаваний, были экспедиции, целью которых являлось освоение самого Азиатского Боспора. Авторы, привлекшие общее внимание к теме Кубанского Боспора, пишут о колонизации Таманского полуострова через «восточный» путь [Журавлев, Шлотцауер, 2011, с. 285, 291; 2014, с. 181–182], подразумевая под этим модель освоения, связанную со сквозными плаваниями по гипотетическому проливу, с отсылкой к процессу освоения берегов Боспора Киммерийского. Однако суждение о традиционности расселения греков на берегах морского пролива справедливо и в случае берегов залива или лагуны. Пример дает Таманский залив, внутренняя часть которого во второй половине I тыс. до н. э. была, вероятно, частично отгорожена пересыпью от Керченского пролива [Горлов и др., 2002, с. 253; Горлов, 2008, с. 417–420]. Если предположить, что судоходного водного соединения по долине Кубани не было, но существовало два обширных ингрессионых лимана с севера и с юга (палео-Ахтанизовский и палео-Килилташский), то поселенцы могли осваивать их берега независимо от того, соединены лиманы между собой или нет. Коммуникационное значение водного пути, соединяющего эти палеолиманы, как кажется, сильно преувеличивается и имеет, скорее всего, локальный характер. Например, путь из поселения Голубицкая 2 до Пантикапея по Азовскому морю и Керченскому проливу занял бы немногим более 60 км, путь туда же через Боспор Кубанский, Черное море и Керченский пролив – около 110 км. Аналогичное соотношение будет практически для всех поселений на берегах нынешнего Кизилташского лимана. Следовательно, для плаваний в крупные центры Боспора (кроме Горгиппии) из пунктов, лежащих внутри палеолимана, возможность проплыть его насквозь от моря до моря не предоставляет никаких преимуществ, так как дорога через ближайшее гирло будет короче. По критерию минимальных расстояний от плаваний по вновь открытому проливу выгоду получили бы лишь местные маршруты, обслуживавшие региональный рынок с центрами в Синдской Гавани/Горгиппии и Семибратнем городище (Лабрисе)[14].

[13] Это относится и в целом ко всему Азиатскому Боспору: ранние рвы и валы отмечены на юго-восточном некрополе Фанагории, на западном некрополе Гермонассы, у лимана Цокур [Гарбузов, Сударев, 2016], вокруг ранних поселений у пос. Уташ и с. Джигинка.

[14] Сложно сказать определенно, как поступали торговцы из-за пределов Боспора: например, как показано выше, по сравнению с маршрутом через палеолиман им было бы проще, быстрее и безопасней достичь Пересыпского гирла по пути, на котором лежал Пантикапей. Кроме того, неясно, каким образом была организована внешняя торговля с поселениями – на основе прямых связей или через посредничество крупных боспорских центров (здесь был важен, вероятно, статус поселений).

При обсуждении модели освоения привлекает внимание заметная неоднородность раннего греческого расселения по берегам нашего палеолимана (см. рис. 2 с обозначением прибрежных ранних поселений[15]), которую трудно объяснить, например, неравномерным размещением почвенных ресурсов (для сравнения на рис. 3 приведена оценка качества здешних почв[16]). По распределению археологических памятников на рис. 2 хорошо видно, что, несмотря на пару самых ранних памятников Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4 у Пересыпского гирла, массовое освоение берегов палеолимана происходило в его южной и центральной частях (соответствуют палео-Кизилташскому лиману), имевших выход к Черному морю[17]. К этому же району тяготеют и находки ранней греческой керамики на Алексеевском поселении и усадьбе Су-Псех. Концентрация ранних памятников, начиная с третьей четверти VI в. до н. э., особенно высока у лимана Цокур и на полуострове между Кизилташским и Старотитаровским лиманами (последний до начала XX в. был частью единого Ахтанизовского лимана)[18]. Не менее плотно осваивался восточный берег палео-Кизилташского лимана, где недавние разведки показывают присутствие цепочки береговых поселений с материалами конца VI – начала V в. до н. э., которая может быть прослежена вплоть до Семибратнего городища и его округи [Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011; Иванов, Сударев, 2014; Сударев, 2014; Сударев, Гарбузов, 2015]. Очень ранние поселения у Пересыпского гирла[19], объяснение появления которых, по-видимому, было основным поводом к соз-

[15] Согласно [Паромов, 1992; Алексеева и др., 1996; Алексеева, Горлов, 1997; Горлов, Поротов, Требелева, 2005; Завойкин, Гарбузов, 2010; Ломтадзе, 2013; Журавлев, Шлотцауер, 2014] и материалам археологических работ Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН.

[16] Основано на районных почвенных картах масштаба 1:50000 и рекомендациях по бонитировке земель Краснодарского края, разработанных в институте КубаньНИИгипрозем, г. Краснодар.

[17] Нанесенные на схему на рис. 2 поселения Соленый 3 и Сенной 2, причисляемые к памятникам, лежащим по берегам Кубанского Боспора [Журавлев, Шлотцауер, 2011, с. 263–264], к таковым относятся весьма формально, так как связаны с ближней хорой Фанагории. Основаны они, почти наверняка, фанагорийцами и к какой-либо колонизации при помощи пролива отношения не имеют. Область поселения Соленый 3 с ранней керамикой, среди которой встречены фрагменты третьей четверти VI в. до н. э., расположена на склоне возвышенности на абс. высоте 20–25 м в 600 м от берега лимана Соленый, от поселения Сенной 2 до низины, возможно заполняемой когда-то водой, приблизительно такое же расстояние, т. е. оба поселения не являются буквально береговыми, впрочем, как и некоторые другие ранние поселения на берегах предполагаемого палеолимана, обозначенные на нашем рисунке.

[18] На полуострове распространены средние по плодородию почвы, но они вовсе не относятся к числу плохих или бесплодных, кроме того, рядом с почти каждым поселением есть определенная площадь земель качеством выше среднего. В античное время значительная часть полуострова была распахана, о чем свидетельствуют хорошо заметные на космо- и аэрофотоснимках следы межевания.

[19] Как отмечено выше, реконструкция пра-Пересыпского гирла середины I тыс. до н. э., предложенная в [Kelterbaum *et al.*, 2011, Fig. 10; Giaime *et al.*, 2016, Fig. 5c], вызывает вопросы. В частности, нет уверенности в том, что палеогирло в действительности представляло собой в это время широкий (до 1 км) водный проход. Изложим в общих чертах наше представление о палеогеографии данного места. Около 7.1–7.3 тыс. л. н. в ходе морской трансгрессии здесь возникает мелководный Пересыпский залив, который в процессе формирования западной ветви Голубицкой косы постепенно отделялся от моря и превращался в лагуну. Около 4415–4535 л. н. продолжавшийся подъем уровня моря вызвал затопление перемычки в вершине залива и соединение приморской лагуны с палео-Ахтанизовским лиманом, последующее замедление подъема уровня моря и поступление тонкодисперсного материала от размыва берегов способствовали постепенному обмелению этого водного соединения, активнее всего происходившему в частях акватории, прилежащих к коренным берегам. Исходя из немногочисленных определений абс. возраста образцов и межпрофильной интерполяции литологофациального анализа скважин, наиболее вероятно, что в период греческой колонизации на Пересыпском участке побережья Темрюкского залива существовал мелководный пролив (гирло), частично, или даже полностью отгораживаемый от моря песчаной пересыпью-косой. Недостаток геологических данных не позволяет говорить точно о характеристиках ни одного из гирл гипотетического палеолимана в дельте Кубани, но не исключено, что пра-Пересыпское гирло больше походило на узкие протоки, соединяющие современные ку-

Рис. 2. Распределение известных ранних поселений по берегам палеолимана в дельте Кубани

данию теории Боспора Кубанского, довольно изолированы от поселений южной части предполагаемого палеолимана, особенно если учесть сказанное (см. примечание выше) о памятниках в округе Фанагории. Так что о равномерности раннего освоения берегов этого гипотетического водного пути на всем его протяжении говорить не приходится, в отличие от IV в. до н. э., когда эти берега заняты поселениями вполне упорядоченно (см. рис. 4 с соответствующей схемой[20]). Особенно ярко демонстрирует неоднородность освоения значительная по размерам Темрюкско-Курчанская гряда, ограничивающая палеолиман с северо-востока. На этой гряде до сих пор, несмотря на все старания, в том числе авторов настоящей статьи, не выявлено греческих поселений с археологическими материалами, датируемыми ранее IV в. до н. э.

Суммируя обзор размещения известных на сегодняшний день ранних поселений, можно сказать, что в освоении восточной части Азиатского Боспора использовался в основном путь, направленный из Черного моря в палео-Кизилташский лиман. Про такую

банские лиманы с морем, чем на описанный в упомянутых реконструкциях широкий водный проход.

[20] Построена для Темрюкского района по данным Я. М. Паромова [1992] (принцип отбора поселений – упоминание в их описании профильных фрагментов керамики IV в. до н. э.), результаты более поздних раскопок и разведок для этой территории не учтены. Для Анапского района использована информация из [Алексеева и др., 1996; Алексеева, Горлов, 1997; Горлов, Поротов, Требелева, 2005; Новичихин, 2010] и материалы археологических работ Восточно-Боспорской АЭ ИА РАН.

Рис. 3. Природное плодородие почв в округе палеолимана в дельте Кубани

модель греческого освоения писалось уже неоднократно [Горлов, Поротов, Требелева, 2005; Паромов, 2006; Сударев, Гарбузов, 2015]. Если исходить из имеющихся археологических данных, то предположение о соединении Черного и Азовского морей посредством Боспора Кубанского вовсе не отменяет тезис об освоении описываемого региона главным образом со стороны Черного моря, через Кизилташ и далее до Семибратнего городища[21]. Локальные особенности, наблюдаемые по берегам палео-Кизилташского лимана, могут объясняться разными причинами – побережье лимана Цокур, например, весьма плодородно, другие группы памятников были, возможно, удачно расположены по отношению к устью Кубани. Семибратнее городище, возникшее вполне в логике описанного пути колонизации, почти наверняка служило одним из самых важных рынков Нижней Кубани. Туда могли привозить товары для обмена с варварами не только из Греции или городов Боспора, но и из поселений по берегам палеолимана[22]. Так как некоторые поселения

[21] Я.М. Паромов [2006, с. 371] называет этот путь «южным», так же он первоначально назван и Д.В. Журавлевым с соавторами [Журавлев и др., 2009, с. 123], но позднее это определение было исправлено на «восточный» [Журавлев и др., 2010, с. 168, прим. 4]. В масштабе Боспора в целом название «восточный» вполне приемлемо, но при описании освоения Азиатского Боспора данный путь все-таки точнее называть южным с основным направлением продвижения на северо-восток и восток – так наиболее адекватно описывается картина раннеантичного расселения, представленная на рис. 2.

[22] Меновая торговля играла большую роль в отношениях казаков и черкесов: несмотря на враждебные отношения между казаками, жившими на Таманском полуострове, и черкесами, жившими за Кубанью, они торговали друг с другом на специально устроенных меновых пунктах. Наиболее ходовым товаром с русской стороны была соль (хотя на обмен шли и другие товары, именно соль служила «мерилом ценности» [Щерби-

Рис. 4. Распределение поселений IV в. до н.э. по берегам палеолимана в дельте Кубани

у Кизилташского лимана заметно старше Семибратнего городища, закономерно предположить, что торговля с Прикубаньем первоначально шла через них.

Пара самых ранних памятников у Пересыпского гирла заметно выпадает из той системы расселения, которая сложилась к концу VI в. до н. э.[23] Возможно, что причиной появления здесь поселений были не коммуникационные преимущества, а при-

на, 1913, с. 580]). Соль меняли в первую очередь на черкесское зерно (одна мера соли менялась на три-четыре меры пшеницы) и, кроме того, на лес, одежду, оружие, кожу, меха и скот [Сумароков, 1805, с. 138–139; Попка, 1998, с. 80–81]. Эту торговлю интересно сравнить с упоминанием у Страбона (XI.5.6) соляного рынка в Диоскуриаде, где приобретали соль местные народности. В связи с солью отметим, что рядом с Кизилташским лиманом на берегу Черного моря лежит озеро Соленое (Бугазское), дававшее самосадочную соль [Сумароков, 1805, с. 141; Крым-Гирей, 1880]. Пересыпь озера, отделившая мелководный лиман от моря и превратившая его в солеродное озеро, существовала уже с середины II тыс. до н. э. [Измайлов, 2005, рис. 62–64]. Другими источниками самосадочной соли на Таманском полуострове были Тузлинские озера и Маркитанский лиман (озеро) [Ланд, 1876, с. 87–89; Крым-Гирей, 1880; Апостолов, 1897, с. 130]. Добытая в них соль, также как и Бугазская, была «бела, крупнозерниста и без примеси горьких частиц» [Першке, 1880, с. 324–325], и по качеству уступала только крымской [Крым-Гирей, 1880, с. 99–100].

[23] Несмотря на кажущееся небольшим расстояние от Пересыпского гирла до Бугазского входа в палеолиман (32–33 км по прямой), нельзя недооценивать разницу в климатических характеристиках этих пунктов. Зима на черноморском берегу заметно мягче, чем на азовском («бугазская» средняя многолетняя температура января выше «пересыпской» на 1.5 градуса [Гарбузов, 2013, рис. 8]), а некоторые черты климата первого сближают его с сухим климатом Средиземноморья. Отметим также, что в XVIII–XIX вв. бытовало общее мнение, что жить на полосе земли вдоль Кубани от Темрюка до Екатеринодара, изобилующей плавнями и болотами, было вредно для здоровья (места «заразительные и гибельные» [Сумароков, 1805, с. 164]). В приморской местности и в возвышенной части Таманского полуострова действия лихорадок были почти незаметны [Попка, 1998, с. 30–31].

влекательность местоположения с точки зрения природных ресурсов. Судя по аналогиям XVIII–XIX вв., гирло полупресноводного кубанского лимана должно было быть уникальным местом с точки зрения богатства рыбных ресурсов и условий лова[24]. Данное обстоятельство признают и исследователи этих двух крайне интересных памятников [Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер, 2010, с. 558]. С такой идеей неплохо согласуется сообщение Страбона (XI.4.2) о расположенных где-то на восточном берегу Меотиды клазоменских наблюдательных пунктах (не исключено, что это были поселения, см. [Брашинский, 1980, с. 3]), связанных, быть может, с рыбной ловлей. Существование же пары поселений у Пересыпского гирла друг против друга на самом деле не противоречит рыболовной версии – допустимо предположить, что несколько поселений было выведено к одному и тому же богатому ресурсами месту с одними и теми же целями. Причем резонно видеть в парном размещении не признак выполнения воли какого-то стратега, а пример стихийного соперничества разных центров за выгодное местоположение[25]. Соответственно, в этой паре (как, возможно, и в некоторых других подобных случаях) правильнее предполагать не союзников, а, в лучшем случае, конкурентов.

Кратко подведем итоги. Палеогеографические исследования подтверждают в целом гипотезу о существовании в эпоху ранней античности обширного палеолимана в дельте Кубани, не только объединявшего современные Кизилташский и Ахтанизовский лиманы, но и распространявшегося вверх по долине реки. Полученные геологические свидетельства позволяют предварительно локализовать положение фронтальной зоны дельты в раннеантичное время в 5–6 км восточнее современной ст. Варениковской. Указанный палеолиман представлял из себя, по-видимому, полуизолированный водоем со смешанным типом вод (от почти морской до почти пресной). Он наверняка характеризовался сложной гидрографией и топографией, и был, возможно, фрагментирован на какие-то относительно самостоятельные области. Судя по имеющимся археологическим материалам, берега палеолимана начали осваиваться греческими поселенцами со второй четверти VI в. до н. э. Однако нет причин соглашаться с утверждениями об особом влиянии предполагаемого кубанского соединения Черного и Азовского морей на темпы и характер раннего греческого расселения в восточной части Азиатского Боспора. Более обоснованной в настоящий момент представляется модель освоения, предполагающая проникновении поселенцев и торговцев в палеолиман в основном со стороны Черного моря через пра-Бугазское гирло. Этот путь позволил достаточно быстро создать на всех берегах южной части палеолимана большое количество поселений и, более того, распространить их по восточному побережью вплоть до долины реки Чекон, где было основано

[24] Рыбой наверняка был богат и палео-Кизилташский лиман, что служило несомненным стимулом для освоения его берегов, но здешние поселения не занимали такой выгодной, с точки зрения рыболовства, позиции, как поселения у Пересыпи.

[25] Одним из таких центров могли быть Кепы, основанные в 80–70-е годы VI в. до н. э. [Кузнецов, 1991, с. 34], вероятно, немного ранее поселений у Пересыпского гирла, и расположенные недалеко, всего в 11 км от поселения Ахтанизовская 4. Близость дат основания Кеп и указанных поселений может говорить в пользу «рыболовной» модели: вполне естественным шагом первопоселенцев было бы после ознакомления с местностью как можно быстрее (первыми) начать осваивать богатый рыбный промысел. Ср. с оценкой И. Е. Сурикова [Суриков, 2013, с. 171, прим. 15], который считает эти поселения особо отдаленными, а их основание местными полисами отрицает как не имеющее разумного объяснения.

Семибратнее городище[26]. Освоение восточных берегов палеолимана оказало большое влияние на формирование и развитие Синдики. Уже с V в. до н. э. среди равнин левого берега черноморского русла Кубани обнаруживается типично «греческая» сельскохозяйственная территория. Местные поселения и их некрополи демонстрируют столь раннюю и сильную эллинизацию, что в отдельных случаях в классическое время мы не можем с уверенностью отличить греческое поселение, возникшее на месте более раннего варварского, от смешанного греко-варварского или варварского, подвергшегося сильному греческому влиянию. Что касается темы палеогеографии дельты Кубани и связанных с этим спорных вопросов, то решить их могут только дополнительные геологические данные.

Список литературы

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Алексеева и др., 1996. Алексеева Е. М., Беляева В. Н., Горлов Ю. В., Тихонова Т. С. Отчет Анапской археологической экспедиции за 1996 год. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20492.

Алексеева, Горлов, 1997. Алексеева Е. М., Горлов Ю. В. Анапская экспедиция. Отчет о работах в 1997 г. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20820.

Альтман, 1991. Альтман Э. Н. Водный баланс // Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том IV. Черное море. Вып. 1. Гидрометеорологические условия. СПб.

Апостолов, 1897. Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис.

Бембер, 1956. Бембер Н. А. К вопросу гидрологии и гидрохимии Кубанских лиманов // Ученые записки Краснодарского госпединститута. Вып. 27. Краснодар.

Благоволин, 1962. Благоволин Н. С. Геоморфология Керченско-Таманской области. М.

Блажний, 1971. Блажний Е. С. Почвы дельты реки Кубани и прилегающих пространств. Краснодар.

Блажний, Фатус, 1934. Блажний Е. С., Фатус Г. К. К характеристике почв Старокубанских плавен // Труды Краснодарского сельхозинститута. Вып. II. Краснодар.

[26] Свидетельством указанного пути освоения Азиатского Боспора можно считать варварские памятники с находками раннего греческого материала, расположенные выше предполагаемого палеолимана по течению Кубани. К ним относится, например, поселение Красное 1 в 32 км к востоку от Семибратнего городища [Иванов, Сударев, 2015]. Наиболее ранний греческий материал датируется здесь последней четвертью VI в. до н. э., но памятник интересен еще и тем, что в кургане вблизи него найдены две ойнохойи, датируемые ориентировочно третьей четвертью VII в. до н. э. [Шевченко, 2013]. Отметим еще два ранних памятника, оба с греческими материалами начала V в. до н. э.: поселение Ударное (разведки В. В. Бочкового), расположенное практически в плавнях Кубани в 29 км от Семибратнего городища, и поселение Кувичинское на северной оконечности Варнавинского водохранилища, в 53 км от Семибратнего городища [Иванов, Сударев, 2015, с. 113].

Богучарсков, Иванов, 1979. Богучарсков В. Т., Иванов А. А. Дельта Кубани. Ростов-на-Дону.

Бородин, 1905. Бородин Н. А. Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды // Кубанский сборник. Т. 11. Екатеринодар.

Брашинский, 1980. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.

Внуков и др., 2012. Внуков С. Ю., Поротов А. В., Пушкарев П. Ю., Болиховская Н. С. Основные результаты археo-геоморфологических исследований Семибратнего городища и его окрестностей // ДБ. 16.

Воевода, 1897. Воевода П. Темрюкское рыболовство // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис.

Гарбузов, 2013. Гарбузов Г. П. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ. 17.

Гарбузов, 2016. Гарбузов Г. П. Корабли с зерном из Понта // ДБ. 20.

Гарбузов, Сударев, 2016. Гарбузов Г. П., Сударев Н. И. Разведки на южном берегу лимана Цокур // ДБ. 20.

Гоптарев и др., 1991. Гоптарев Н. П., Симонов А. И., Затучная Б. М., Гершанович Д. Е. (ред.) Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Том V. Азовское море. СПб.

Горлов, 2008. Горлов Ю. В. Географическая ситуация на Таманском полуострове во второй половине голоцена // ПИФК. XXI.

Горлов, Поротов, Требелева, 2005. Горлов Ю. В., Поротов А. В., Требелева Г. В. Археологические памятники Благовещенского останца // ДБ. 8.

Горлов и др., 2002. Горлов Ю. В., Поротов А. В., Янина Т. Я., Фуаш Э., Мюллер К. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. XII.

Губкин, 1913. Губкин И. М. Обзор геологических образований Таманского полуострова // Известия Геологического комитета. XXXII. № 8. СПб.

Губкин, 1915. Губкин И. М. Геологические исследования Кубанского нефтеносного района. Листы: Анапско-Раевский и Темрюкско-Гостагаевский // Труды Геологического комитета. Новая серия. Вып. 115. СПб.

Данилевский, 1869. Данилевский Н. Я. Исследования о Кубанской дельте // Записки Русского географического общества. Т. 2. СПб.

Данилевский, 1871. Данилевский Н. Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Том VIII. Описание рыболовства на Черном и Азовском морях. СПб.

Журавлев, Кельтербаум, Шлотцауер, 2010. Журавлев Д. В., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н. э. // Symbola. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.

Журавлев, Ломтадзе, Шлотцауер, 2010. Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А., Шлотцауер У. Памятники Северо-Восточной части Таманского полуострова // АНК. Т. I. М.

Журавлев, Шлотцауер, 2011. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta Antiqua. 1. М.

Журавлев, Шлотцауер, 2014. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. //

Труды ГИМ. Вып. 201. Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М.

Журавлев и др., 2009. Журавлев Д. В., Шлотцауер У, Кельтербаум Д., Поротов А. В. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар.

Журавлев и др., 2010. Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Камелина Г. А., Кельтербаум Д. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (предварительная информация) // ДБ. 14.

Журавлев и др., 2011. Журавлев Д. В., Кельтербаум Д., Поротов А. В., Шлотцауер У. Боспор Кубанский // БЧ. XII.

Журавлев и др., 2015. Журавлев Д. В., Дан А., Герке Х., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // БЧ. XVI.

Завойкин, Гарбузов, 2010. Завойкин А. А., Гарбузов Г. П. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 14.

Иванов, Сударев, 2014. Иванов А. В., Сударев Н. И. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // БЧ. XV.

Иванов, Сударев, 2015. Иванов А. В., Сударев Н. И. Поселение «Красное 1» // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

Измайлов, 2005. Измайлов Я. А. Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Книга 1. Анапская пересыпь. Сочи.

Измайлов, 2010. Измайлов Я. А. Позднеголоценовые морские береговые валы в дельте реки Кубани // Свиточ А. А. (ред.) Черноморский регион в условиях глобальных изменений климата: закономерности развития природной среды за последние 20 тыс. лет и прогноз на текущее столетие. М.

Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер, 2016. Кельтербаум Д., Журавлев Д., Шлотцауер У. Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Журавлев Д. В., Шлотцауер У. (ред.) Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. М.

Книпович, Брегман, 1937. Книпович Н. М., Брегман Г. Р. (ред.) Гидрологический справочник морей СССР. Том III. Азовское море. Вып. 3. Л.-М.

Крым-Гирей, 1880. Крым-Гирей С. Соляные озера Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1880 год. Екатеринодар.

Кузнецов, 1991. Кузнецов В. Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 204.

Ланд, 1876. Ланд Ф. Ф. Тамань // Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Екатеринодар.

Ломтадзе, 2013. Ломтадзе Г. А. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // ДБ. 17.

Максимова, 1954. Максимова М. И. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА. 33.

Мамыкина, Хрусталев, 1980. Мамыкина В. А., Хрусталев Ю. П. Береговая зона Азовского моря. Ростов-на-Дону.

Невесский, 1967. Невесский Е. Н. Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М.

Новичихин, 2010. Новичихин А. М. Древности поселка Суворово-Черкесского // Ашкинадзе И. И. (ред.) Стратегии социально-экономического развития рекреационных территорий: Материалы II международной научно-практической конференции. Анапа.

Павлидис, 1961. Павлидис Ю. А. Новейшая история развития Темрюкского побережья Азовского моря // Труды Института океанологии АН СССР. Т. XLVIII. М.

Паромов, 1992. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.

Паромов, 2006. Паромов Я. М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н. э.) // ДБ. 10.

Першке, 1880. Першке Л. Соляные озера северного прибрежья Черного моря и основания для рациональной их разработки // Горный журнал. 3.

Попка, 1998. Попка И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы. Краснодар.

Поротов и др., 2004. Поротов А. В., Горлов Ю. В., Янина Т. А., Фуаш Э. Особенности развития Черноморского побережья Таманского полуострова в позднем голоцене // Геоморфология. 4.

Салов, 1986. Салов А. И. Архаическое поселение на окраине Анапы // Кошеленко Г. А. (ред.) Проблемы античной культуры. М.

Салов, 2000. Салов А. И. Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978–1980 гг. // Горгиппийский сборник. Анапа.

Самойлов, 1952. Самойлов И. В. Устья рек. М.

Симов, 1989. Симов В. Г. Гидрология устьев рек Азовского моря. М.

Симонов, 1958. Симонов А. И. Гидрология устьевой области Кубани. М.

Сударев, 2014. Сударев Н. И. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г. СПб.

Сударев, Гарбузов, 2015. Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Исторические науки. 7.

Сумароков, 1805. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.

Суриков, 2013. Суриков И. Е. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ. 1.

Сухомлин, 1854. Сухомлин А. Лоция Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива. Николаев.

Троицкий, 1955. Троицкий С. К. Кубанские лиманы и перспективы их рационального использования // Труды ВНИРО. Т. XXXI. Вып. 2. М.

Троицкий, Харин, 1961. Троицкий С. К., Харин Н. Н. Ахтанизовские лиманы и их рыбохозяйственное значение // Труды АзНИИРХ. Вып. 4. М.

Труханович, 2008. Труханович А. П. Развитие речного судоходства на Кубани в дореволюционный период // Кубанский сборник. Том III (24). Краснодар.

Тугушева, Толстиков, 2015. Тугушева О. В., Толстиков В. П. Керамика восточногреческих центров из раскопок Пантикапея // ДБ. 19.

Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011. Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // БЧ. XII.

Шевченко, 2013. Шевченко Н. Ф. Курган раннескифского времени у хутора Красный // Археологический сборник. Вып. 39. Государственный Эрмитаж. СПб.

Щербина, 1913. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Том II. Екатеринодар.

Bolikhovskaya *et al*., 2004. Bolikhovskaya N., Kaitamba M., Porotov A., Fouache E. The environmental changes of northeast Black Sea's coastal region during the Middle and Late Holocene (Chapter 17) // Scott E. M. (ed.) Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Kluwer Academic Publishers: Netherlands.

Brückner *et al*., 2010. Brückner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vött A. The Holocene sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas // Quaternary International. 225.

Carpenter, 1948. Carpenter R. The Greek Penetration of the Black Sea // AJA. 52–1.

Casson, 1995. Casson L. Ships and Seamanship in the Ancient World. Baltimore.

Coates, 1987. Coates J. Pentekontors and Triereis compared // Tzalas H. (ed.) Proceedings of the 2nd International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Delphi.

Fouache *et al*., 2012. Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A. The Late Holocene evolution of the Black Sea: a critical view on the so-called Phanagorian regression // Quaternary International. 266.

Giaime *et al*., 2016. Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange Ch., Marriner N., Rostek F., Porotov A. V., Baralis A., Kaniewski D., Brückner H., Kelterbaum D. Evolution of Taman Peninsula's ancient Bosphorus channels, south-west Russia: Deltaic progradation and Greek colonization // Journal of Archaeological Science: Reports. 5.

Kaniewski *et al*., 2015. Kaniewski D., Giaime M., Marriner N., Morhange C., Otto T., Porotov A., Van Campo E. First evidence of agro-pastoral farming and anthropogenic impact in the Taman Peninsula, Russia // Quaternary Science Reviews. 114.

Kelterbaum *et al*., 2011. Kelterbaum D., Bruckner H., Porotov A., Zhuravlev D., Schlotzhauer U. Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // DIE ERDE. 143 (3).

Morrison, 1989. Morrison J. S. Names and things in Greek maritime contexts // Mediterranean Language Review. Vol. 4–5.

Müller *et al*., 1999. Müller Ch., Fouache É., Gorlov Y., Abramzon M., Gaïbov V., Porotov A. Péninsule de Taman (Russie méridionale). BCH. 123–2.

Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014. Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Greek colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian–German interdisciplinary investigations in southern Russia // The proceedings of the conference «Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus», 27–28 November 2013. The National Museum in Warsaw. Warsaw.

Summary

G. P. Garbuzov, A. V. Porotov, N. I. Sudarev
To discuss the results of paleogeographic studies in the Kuban river delta

Paleogeographic studies confirm the assumption of the existence of vast lagoon (liman) in the delta of the Kuban during the first millennium BC. At the same time, it is hardly correct to call this paleoliman a true sea strait. Judging by the available archaeological materials, the shores of the lagoon or paleoliman began to be settled by the Greeks from the second quarter of 6 c. BC. However, there is no reason to agree with the statements about the special influence of the supposed Kuban water connection of the Black and Azov Seas (so-called Kuban Bosphorus) on the rate and nature of early Greek colonization of the eastern part of the Asiatic Bosporus. More justified at the present time is the model, implying the penetration of settlers into the paleoliman mainly from the Black Sea through the south passage (pra-Bugaz girlo).

А. В. Дмитриев
(Независимый исследователь, Новороссийск)

Таманские фалары с Тесеем

В выставочном комплексе «Из Глубины веков и вод» ООО «Сафарипарк» (г. Геленджик) хранятся и экспонируются античные бронзовые фалары. Условия находки и сопутствующие предметы неизвестны. По скупым комментариям продавцов можно предположить, что они происходят с Таманского полуострова. Это вполне правдоподобно, так как именно там, в кургане Большая Близница был найден большой комплекс предметов такого же типа, недавно рассмотренных в публикации М. Ю. Трейстера [Трейстер, 2001. с. 243]. Геленджикские фалары, несмотря на неполную сохранность изделий, содержат новые сюжеты, в том числе и по теме амазономахии. И уже в силу этого заслуживают введения в научный оборот.

По технологии изготовления они тождественны фаларам из кургана Большая Близница. Это бронзовые литые диски в форме плоской тарелочки с радиально закруглённым и горизонтально срезанным краем. В месте отгиба края присутствуют один или два тонких валика, ограничивающих поле накладного рельефа. При реставрации изнутри на диске, под рельефом, были выявлены канавки обработки на токарном круге и центральная точка оси вращения. Выполненное горельефом на тонком листе (толщиной около 0.3 мм) теснённое изображение залито изнутри легкоплавким металлом или сплавом и припаяно к диску. В настоящее время припой превратился в серый порошок или плотные куски окисла серого цвета (см.: Приложение). В повышенных местах рельефа (туловища, руки, ноги и головы людей, щиты, оружие и т. д.) распухший в виде порошка окисел, разорвал на мелкие части пластинки рельефа. В основном, сохранились только контуры фигур и детали плоского рельефа. Описываемые фалары, как и фалары из Большой Близницы, имели на обратной стороне скобы для крепления ремней. Вначале о персоналиях и сюжетах изображений.

На первом фаларе изображено убийство Минотавра (рис. 1). Поэтому главным действующим лицом здесь, несомненно, является Тесей. Эта сцена в различных вариантах запечатлена в скульптуре и вазописи. Тесей сражается мечом и палицей. До сих пор идут споры, убил ли Тесей Минотавра мечом, данным Ариадной, просто голыми руками или же палицей [Грейвс, 1986, с. 259]. Выбор палицы как оружия можно обосновать тем, что первым подвигом Тесея считается убийство разбойника Перифета, у которого он отнял железную палицу, подобную той, которую всегда носил с собой Геракл.

Тесей же старался во всём подражать этому герою [Грейвс, 1986, с. 251, 253].

На втором фаларе этот же молодой человек с палицей и наброшенной на левую руку шкурой льва сражается с амазонкой (рис. 2). Во многих греческих мифах повествуется об участии Тесея в войнах с амазонками. Первый раз, во время успешного похода Геракла против амазонок, за что в качестве награды он получил царицу амазонок Антиопу. Вторая стычка с ними имела место при нападении сестры Антиопы Орифеи на Афины. Антиопа, ставшая женой Тесея и воевавшая на его стороне, погибла во время сражения [Гревс, 1986, с. 268, 269]. В данном сюжете, как и в двух других, наш герой, как и Геракл, носит львиную шкуру и палицу, являвшимися символами царской власти [Гревс, 1986, с. 250]. В войнах Афин с амазонками из всех участников сражения царём был только Тесей.

Рис. 1. Фалар 1. *1* – лицевая сторона, *2*-обратная сторона

Рельефы третьего и четвёртого фаларов одинаковы, да и сделаны они были по одной матрице, отличаясь только сохранностью. В памятниках античного искусства найти им полные аналогии нам не удалось. Обычно Тесей сражался с чудовищами, разбойниками, кентаврами и амазонками. Здесь же запечатлено противостояние двух хорошо сложенных обнажённых юношей, чем-то даже похожих друг на друга. И это именно противостояние, а не сама схватка (рис. 3, 4). На память приходит миф о встрече Пирифоя с Тесеем. Согласно ему, царь Пирифой, живший у устья реки Пеней, хотел проверить почти невероятные сообщения о силе и храбрости Тесея. Он напал на Аттику и угнал стадо коров, пасшихся у Марафона. Когда Тесей бросился следом за ним, Пирифой смело повернулся к нему лицом. Они оба были поражены красотой и отвагой друг друга и, забыв про скот, поклялись в вечной дружбе [Гревс, 1986, с. 273]. Скорее всего, на фаларах изображено именно это мгновение встречи героев.

На пятом фаларе пятифигурная группа представляет известный сюжет борьбы богов и гигантов (рис. 5).

Приведём теперь подробную характеристику этих артефактов.

Фалар 1. *(Номер учёта А-614)*. Диаметр 87 мм. Высота 6 мм. Диаметр рельефа 66 мм. На обратной стороне скоба из железной пластинки, прикреплённая двумя медными заклёпками. Размер скобы 57×12 мм, высота 7 мм. Расстояние между заклёпками 33 мм. Ремонт с заменой скоб происходил не менее трёх раз. Расстояние между осями предыдущих заклёпок 30 и 35 мм. Всего имелось 5 заклёпок из меди или бронзы красного цвета. Заклёпки сильно нарушили рельеф. До реставрации пластина рельефа была покрыта окислами меди и железа. Все возвышения рельефа – головы, туловища, руки, ноги, щит и даже палица были вздуты и разорваны окислившейся основой, заполнявшей рельеф изнутри. Имеются деформации и утраты фрагментов рельефа (рис. 1). Реставрирован.

Рис. 2. Фалар 2. *1* – лицевая сторона, *2*-обратная сторона

Фигура Тесея в фас размещена почти в центре. Правая рука, с палицей, согнутая в локте под прямым углом, поднята над головой. Справа от фигуры поле заполнено развивающейся шкурой льва с хвостом и лапами. Ноги широко расставлены. Правая – прямая, левая согнута в колене. Под правой ногой круглый щит, лежащий на земле. Рисунок на щите не определяется, но поверх щита проходит многократно изгибающаяся выпуклая линия – нить Ариадны? Левой рукой (повреждена заклёпкой) Тесей схватил Минотавра за правый рог и замахнулся на него палицей.

Минотавр (en face) стоит слева от Тесея, повернув к нему голову. Правой рукой он пытается оттолкнуть Тесея. Левая – закинута за голову в попытке освободить рог. Широко отставленная правая нога Минотавра перекрывает левую ступню Тесея и упирается в землю у края щита. Колено согнутой левой ноги также на земле. Его тело напряжено. Всё поле между фигурой Минотавра и ободком заполнено орнаментом. По краю кружка рельефа – ободок из крупных выпуклых точек, ограниченный изнутри тонким валиком.

Фалар 2. *(Номер учёта А-613)*. Диаметр 83 мм. Высота 6 мм. Диаметр рельефа 70 мм. На обратной стороне скоба из бронзовой пластинки, прикреплённая двумя железными заклёпками. Размер скобы 51×13 мм, высота 8 мм. Расстояние между заклёпками 38 мм. На скобе имеется ещё одно старое отверстие на расстоянии 33 мм от противоположной заклёпки. Ремонт с заменой скоб происходил не менее трёх раз. Расстояние между осями предыдущих заклёпок 33, 34 и 39 мм. Всего в фаларе 6 заклёпок. Четыре из меди или бронзы красного цвета и две железные. Заклёпки сильно нарушили рельеф. До реставрации пластина рельефа была покрыта окислами меди и железа. Все возвышения рельефа – головы, туловища, руки, ноги, частично палица и щит были вздуты и разорваны окислившейся основой, заполнявшей рельеф изнутри. Рельеф местами отслоился от основы и потрескался. Имеются деформации и утраты фрагментов рельефа (рис. 2). Реставрирован.

Тесей представлен в фас в правой части круга фалара и обращён к амазонке, помещённой в левой половине рельефа. Правая рука с палицей занесена над головой. Прямая правая нога выставлена далеко вперёд. Левая согнута в колене. На левой руке отведённый за спину щит, обращённый к зрителю обратной стороной. Из под него свисает шкура льва с лапами и хвостом. Фигура амазонки отклонена влево. Она одета в короткий (до колена) хитон. Левая нога прямая, скрыта за правой ногой Тесея. Правая – отставлена в сторону и согнута в колене. В левой, вытянутой в сторону Тесея руке амазонка держит лук. Тетива отпущена, но кисть правой руки ещё над плечом, как будто стрела только что спустилась с неё. Направление лука выше фигуры Тесея. Непонятно, что изображает дуга, проходящая от кисти правой руки к локтю амазонки. Возможно,

это складки плаща, которые ниже заполняют поле между фигурой амазонки и ободком. Голова амазонки испорчена заклёпкой. Ободок из выпуклых точек местами слился в сплошную линию.

Фалар 3. *(Номер учёта А-615)*. Диаметр 84 мм. Высота 6 мм. Диаметр рельефа 63 мм. На обратной стороне широкая скоба из бронзовой пластинки, согнутая желобком и прикреплённая четырьмя медными заклёпками. Размер скобы 33×35 мм, высота 7 мм. Расстояние между заклёпками 19–24×19–22 мм. Ремонт с заменой скоб происходил два – три раза. Расстояние между осями предыдущих заклёпок 29 и 38 мм. Всего в фаларе 5 заклёпок из меди или бронзы красного цвета. Они сильно нарушили рельеф. До реставрации пластина рельефа была покрыта окислами. Все возвышения рельефа были вздуты и разорваны окислившейся основой, заполнявшей рельеф изнутри. Имеются деформации и утраты фрагментов рельефа (рис. 3). Реставрирован.

Рис. 3. Фалар 3. *1* – лицевая сторона, *2*-обратная сторона

Фигура Тесея занимает правую часть круга. Он стоит, повернувшись вправо В правой поднятой руке палица, закинутая за голову так, что её конец ниже левого плеча. Часть рельефа с правой рукой выше локтя утрачена из-за заклёпки. Вокруг левой руки обёрнута шкура льва с лапами и хвостом (часть рельефа с рукой также утрачена). Левая нога прямая. От правой – видна только ступня (рядом с правой ступнёй ноги Пирифоя). Вся фигура в угрожающе-выжидательной позе несколько откинута назад.

В левой половине круга фигура второго юноши – Пирифоя. Он стоит, повернувшись к Тесею лицом и левым боком, прикрытым круглым щитом. Щит почти касается бедра Тесея и закрывает его правую ногу. Правая рука Пирифоя с мечом согнута в локте и развёрнута вправо. Меч остриём вверх. Левая нога почти прямая (немного изогнута в колене), правая согнута и упирается коленом в основание из крупных камней. Рядом со ступнёй – ступня правой ноги Тесея. Поза явно обороняющаяся.

Рис. 4. Фалар 4. *1* – лицевая сторона, *2*-обратная сторона

Фалар 4. *(Номер учёта А-616)*. Диаметр общий 83 мм. Высота 6 мм. Диаметр рельефа 66 мм. До реставрации на обратной стороне фалара были видны остатки рассыпавшейся скобы из железной пластинки,

Рис. 5. Фалар 5. *1* – лицевая сторона, *2*-обратная сторона

прикреплённой двумя железными заклёпками. Размер скобы 57×12 мм, высота 7 мм. Расстояние между заклёпками железной скобы 33 мм. Ремонт с заменой скоб происходил один раз. Расстояние между осями предыдущих бронзовых заклёпок 30 мм. Всего в фаларе четыре заклёпки: две из меди или бронзы красного цвета и две железные. До реставрации пластина рельефа была покрыта окислами меди и железа. Все возвышения рельефа (головы, туловища, руки, ноги и щит) были вздуты и разорваны окислившейся основой, заполнявшей рельеф изнутри. Имеются деформации и утраты фрагментов рельефа (рис. 4). Реставрирован.

Фалары 3 и 4 сделаны по одной матрице и описание их одинаково. Отличия только сохранностью, которая в целом у фалара 4 лучше. Так на нём выше щита Пирифоя в сторону лица Тесея отходит завиток непонятного назначения (кончик плаща?), отсутствующий на фаларе 3 из-за повреждения рельефа заклёпкой. Видны складки и под щитом. Меньше пострадало изображение шкуры льва на левой руке Тесея.

Фалар 5. *(Номер учёта А-617)*. Диаметр общий 90 мм. Высота 7 мм. Диаметр рельефа 73 мм. До реставрации на обратной стороне фалара были видны остатки рассыпавшейся скобы из железной пластинки. Форма скобы не устанавливается. Расстояние между заклёпками железной скобы 32 и 34 мм. Ремонт с заменой скоб происходил два-три раза. Расстояние между осями предыдущих бронзовых заклёпок 36 мм. Всего в фаларе 5 заклёпок из меди или бронзы красного цвета. До реставрации пластина рельефа была покрыта окислами меди и железа. При ремонте основа фалара была сильно выгнута и деформирована. Все возвышения рельефа – головы, туловища, руки, ноги и щит были вздуты и разорваны окислившейся основой, заполнявшей рельеф изнутри. Имеются деформации и утраты фрагментов рельефа. Реставрирован. При реставрации деформированная основа была выпрямлена.

На фаларе изображены главные сцены гигантомахии (рис. 5). Центральную часть вверху занимают фигуры Зевса (справа) и Афины (слева). Они стоят, отклонившись друг от друга градусов на 60. Фигура Афины пересекает круг почти по центру. Левая нога выпрямлена, положение правой – не ясно. В левой руке Афины большой щит. Справа развиваются складки плаща. От длинного платья сохранился контур и отдельные складки по краям фигуры. Пространство между Афиной и гигантом сильно испорчено тремя заклёпками, проходящими по одной линии. Внизу справа от богини фигура гиганта размером почти вдвое меньше, чем Афина. Он стоит на правом колене. Выпрямленная левая нога отставлена далеко в сторону и почти касается ноги Афины. В левой руке гиганта круглый щит, которым он прикрывается от Афины. Правой рукой Афина держит гиганта за волосы, а он своей заброшенной за голову правой рукой перехватывает кисть богини. Тело гиганта обвивает змея. Фигура спокойно стоящей

Афины резко контрастирует с извивающимся телом гиганта.

Слева от Афины мощная фигура Зевса. Ткань, наброшенная на плечи, стянута ниже пояса, оставляя грудь и живот открытыми. Нижняя часть фигуры Зевса закрыта фигурой Афины. Правой, согнутой в локте рукой, Зевс направляет молнию в змееногова гиганта, стоящего перед ним слева. Левой рукой Зевс схватил гиганта за волосы, а тот пытается освободиться своей левой рукой. Правая рука гиганта согнута в локте и не участвует в борьбе. Змеиные окончания ног гиганта извиваются слева от его фигуры. Вверху у ободка, между Афиной и Зевсом миниатюрная фигурка порхающей Ники, обращённая к Афине. По краю кружка рельефа ободок из выпуклых точек.

Рис. 6. Тесей и Минотавр. Античная скульптура, Вилла Альбани, Рим, Италия

Конструктивно и технологически эти фалары выполнены точно так же, как фалары из Большой Близницы [Трейстер,2001, с. 253–256]. Почти совпадают общие размеры: 87, 94 мм в Большой Близнице и 83, 84, 84, 87 и 90 мм – из геленджикской коллекции и размеры накладных рельефов. На всех фаларах край рельефов имеет ободок из точек. Одинаковы мечи листовидной формы на фаларе 2 из Большой Близницы и фаларах 3 и 4 из геленджикской коллекции. На щитах тех же геленджикских фаларов, как и фаларе 3 из кургана видны остатки звезды. При этом имеются некоторые отличия в размерах петель или скоб для крепления ремня. На фаларах из Большой Близницы расстояние в осях заклёпок 61, 49 и 49 мм, а на рассматриваемых они значительно меньше: первоначальные 33–35 мм, а в результате ремонтов 19–39 мм. Но в первом случае видны аккуратные расширенные головки заклёпок, которые расклёпывались специальной насадкой. Это не сильно портило рельеф. На геленджикских же фаларах при ремонте для заклёпок исполь-

Рис. 7. Тесей и Минотавр. Мраморный саркофаг 130-150 г. Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Рис. 8. Сцена амазономахии. Фрагмент фриза храма Аполлона в Бассах. Британский музей

зовались обрубки бронзовой или железной проволоки без шляпок. Их торцы расклёпывались торцом обычного стержня или же просто молотком, что расплющивало и рельеф. При выборе места для новых заклёпок на художественную сторону фаларов не обращали внимания. Многочисленные заклёпки сильно портили рельеф. При замене скоб старые отверстия использовали редко. Новые – уже не сверлили, как при первоначальном изготовлении, а пробивали через рельеф заострённым стержнем. С обратной стороны вздувались разорванные края отверстия, основа деформировалась, рельеф отслаивался от основы, припой под рельефом тоже отслаивался, крошился, что способствовало сильному окислению всех деталей не только снаружи, но и изнутри.

В то же время, многочисленные ремонты фаларов говорят об их длительном использованию по назначению, вероятно, в варварской среде, где ценилось не их художественное достоинство, а прямое назначение.

В кургане Большой Близницы всего было найдено 20 фаларов с тремя сюжетами из амазономахии, которые не встречаются в геленджикском комплекте. Следует отметить, что в изобразительном искусстве Боспора тема подвигов Тесея была не так популярна, как в Аттике. Поэтому комплект фаларов из Геленджика стоит как бы особняком.

Исследователями уже отмечалось, что для мелкой пластики художники использовали сюжеты известных скульптур или храмовых рельефов, несколько переделав их применительно к круглому полю фалара [Трейстер, 2001. с. 252]. Так, среди изображений борьбы Тесея с Минотавром можно подобрать несколько близких фалару 1, выполненных в мозаике и скульптуре. В частности скульптура из Виллы Альбани [Энциклопедия, 1896] (рис. 6) и фрагмент саркофага со сценами мифа о Тесее и Ариадне (рис. 7)[1]. Правда, саркофаг датируется более поздним временем, но известно, что на них часто копировались более древние произведения.

Несколько определённее можно судить о фаларе 2. Сцены на фаларах из Большой Близницы имеют близкое сходство с рельефами храма Аполлона в Бассах. Сюжет на геленджикском фаларе также имеет аналогии. Первая, – это также фрагмент одного из мраморных рельефов храма Аполлона в Бассах (рис. 8). На нём есть точно такая же сцена сражения: обнажённый юноша замахивается чем-то на амазонку (оружие не сохранилось). На его левую руку наброшена шкура льва. Там, где на фаларе щит, рельеф утрачен, но на левой руке выше плаща видна полоска, вероятно, ручка щита.

[1] Фрагмент саркофага со сценами мифа о Тесее и Ариадне. Мрамор. 130–150 гг. н. э. Инв. № 90.12a, b. Нью-Йорк, Метрополитен-музей.

Позы юноши и амазонки на рельефе и фаларе одинаковы, только на первом в левой руке амазонки овальный щит с овальными вырезами по краям, а на фаларе – лук. Похож и рельеф из Лувра. Только на нём у юноши из-под круглого щита там, где в других сюжетах шкура льва, выступают две плотные складки. В высоко поднятой правой руке нет оружия, но замах руки такой же, как при использовании палицы, а у амазонки вместо лука пельтовидный щит (рис. 9). Рельеф датируется IV в до н. э. [Трейстер, 2001, табл. XXXVIII, 7, с. 260]. Вероятнее всего, прототипом для фалара 2 и рельефа из Лувра был все тот же мраморный рельеф из храма Аполлона в Бассах, датируемый 420 г. до н. э.

Рис. 9. Амазономахия. Рельеф. Лувр. Br.3473

Среди памятников античного изобразительного искусства нам не удалось пока отыскать аналогию сюжету на фаларах 3 и 4. На одном из мраморных рельефов, правда, представлена встреча Геракла, Тесея и Пирифоя в Аиде [МНМ, 1994, т. 2, с. 314], но там они все очень похожи (рис. 10). В работе Elif Tul Tulunay «Тесей в кентавромахии» приведено несколько примеров из вазописи, где одновременно показаны Тесей и Пирифой [Tulunay, 1986, p. 26, fig. A-VII] (рис. 11). Практически их различить невозможно. Так что на фаларах 3 и 4 могли быть изображены именно эти герои, скопированные с более древних памятников.

Рис. 10. Геракл, Тесей и Пирифой в царстве Аида. Римская мраморная копия. С греческого оригинала около 430 до н. э. Рим. Музей Торлония

Несколько сложнее вопрос «заимствования» стоит с фаларом 5. Бесспорно, на нем изображена сцена гигантомахии. Но откуда она заимствована? На известных памятниках древнее IV в. до н. э. подобных сцен не отмечено. Зато есть поразительное сходство с фризом алтаря Зевса в Пергаме [Белов, 1959, рис. 42, 44, 45]. Так позы Афины и гиганта, обвитого змеёй, на фаларе и фризе тождественны, только на фаларе у гиганта отсутствуют крылья, зато появляется щит (рис. 12). Поза Зевса мечущего молнию в гиганта на фаларе (вплоть до складок одежды) подобна изображению на фризе. Только там змееногий гигант повёрнут спиной к зрителю (рис. 13). Даже

Рис. 11. Кентавромахия. Тесей и Пирифой. Фрагмент чернофигурной пелики 12641, Афины музей Агоры

Рис. 12. Афина и атлант Алкиной. Алтарь Зевса в Пергаме. Берлин

Рис. 13. Зевс и гиганты. Алтарь Зевса в Пергаме. Берлин

Ника на фаларе протягивает руку к Афине, как и на рельефе (рис. 12). Всё это не случайное совпадение, а результат явного копирования. Однако фалары IV в. до н. э. никак не могли быть скопированы с рельефов пергамского алтаря, строившегося в самом начале II в. до н. э. Это можно объяснить только тем, что и алтарь, и фалары с гигантомахией имели общий, явно более древний, ныне утраченный или ещё неизвестный прототип.

Анализируя мюнхенские фалары с гигантомахией О. Дейбнер [Deubner, 1937, S. 254] тоже предполагал существование оного, ориентировочно датируя его 400 г. до н. э. На основании идентичности размеров дисков, пропорций бороздок, окантовки рельефа медальона кругом из точек, стиля рельефа, его выпуклости и плотного заполнения круга он предложил считать фалары из Мюнхена и из Большой Близницы изготовленными в одной мастерской [Deubner, 1937, S. 253]. Полагаю, что там же были сделаны и «наши» фалары, причём некоторые детали показывают черты, характерные для одного мастера. Так, фрагмент ободка из точек, слившихся в рельефную линию на фаларе № Б 80 из Большой Близницы [Scythian art, 1986, fig. 200], полностью совпадает с ободком геленджикского фалара № 2[2] (рис. 14).

Геленджикский фалар с гигантомахией в общей композиции очень близок с фалару из музея античного искусства Мюнхена [Deubner, 1937,

[2] В статье [Трейстер, 2001. с. 243] и в альбоме [Scythian art, 1986, f.200,] под № Б 80 даны изображения подобных, но разных фаларов из Большой Близницы.

1

2

Рис. 14. Ободок из точек. *1* – фалар № Б 80 из кургана Большая Близница (фрагмент), *2* – фалар 2 из геленджикского собрания (фрагмент)

Taf. 54] (рис. 15). Несмотря на сильное окисление последнего, можно, однако, отметить некоторые отличия в деталях фигур (правая рука Зевса и поворот его головы, расстояние межу фигурой Зевса и змееногим гигантом, пропорции фигуры Афины и др.). Это говорит о том, что фалары были изготовлены одним мастером, но с применением разных матриц (пуансонов).

Следует отметить, что геленджикские фалары №№ 1, 3, 4, несмотря на общее сходство, несколько выделяются композиционно. В отличие от остальных, вокруг накладного рельефа они имеют не один, а два выпуклых валика. Ободок по краю рельефа выполнен из более крупных точек, скорее напоминающих ромбики, и ограничен изнутри тонким валиком. Это немного пропорционально уменьшает рельеф, отчего он выглядит более рельефным, как бы заключённым в рамку. Хотя они найдены вместе с медальонами, характерными для Большой Близницы и мюнхенского собрания, это явно работа другого мастера, но выполненная в то же самое время.

С другой стороны, фалар № 2 со сценой борьбы Тесея с амазонкой сделан, вероятно, не автором фаларов с подвигами Тесея. По компоновке он больше похож на фалар № 5 с гигантомахией. Главные герои располагаются не вертикально, а со значительным разворотом фигур в противоположные стороны, но при этом, верхние части фигуры Тесея на фаларах 2, 3 и 4 очень похожи.

Необычна и сама подборка сюжетов фаларов из геленджикского комплекта упряжи (обычно 5 штук). Если в Большой Близнице это амазономахия, в мюнхенском собрании – гигантомахия, то в геленджикском – она, вообще, шире. Их древний владелец явно не отдавал предпочтения какой-либо определённой теме.

Рис. 15. Фалар с гигантомахией из музея античного искусства Мюнхена

Список литературы

Белов, 1959. Белов Г. Д. Алтарь Зевса в Пергаме. Л.
Грейвс, 1992. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.
Мифы, 1994. Мифы народов мира. В 2-х томах. М.
Трейстер, 2001. Трейстер М. Ю. Тема амазономахии в торевтике поздней классики и раннего эллинизма (к вопросу о фаларах из кургана Большая Близница) // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М. –СПб.
Энциклопедия, 1896. Энциклопедия издательства народного образования. СПб.
Deubner, 1937. Deubner O. Zur hellenistischen Reliefkeramik Italiens // RM. 52.
Scythian art, 1986. Scythian Art. Л. (альбом)
Tulunay, 1986. Tulunay E. T. Theseus ve kentavromakhi. Istanbul.

Summary

A.V. Dmitriyev
Phalaras with Theseus from Taman

The article describes five phalaras dated IV century BC from the private collection which are allegedly found on Taman peninsula. Structurally, these items are similar to phalaras with Amazonomachy from the Big Bliznitsa burial mound on the Taman peninsula and phalaras with Gigantomachy from the Museum of Ancient Art (nowadays, State Collections of Antiquities) in Munich.

The presented phalaras have new scenes with Amazonomachy, Gigantomachy and Labours of Theseus. Phalaras of all three collections are made in the same workshop.

While examining the Gigantomachy scenes, the author comes to the conclusion that the part of scenes from the altar of Zeus in Pergamum dated II century AC and phalaras with Gigantomachy dated IV century BC were taken from some more ancient artifact dated end of V – beginning of IV century BC which is lost or still unknown.

Приложение 1

И.А. Сапрыкина
(ИА РАН, Москва)

Результаты исследования химического состава цветного металла из заполнения фалара методом РФА-спектрометрии

Образцы, представляющие собой мелкие фрагменты заполнения трех фаларов и небольшой фрагмент металла самого фалара (фалар 5, А-617), были исследованы неразрушающим методом анализа на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker); исследование проводилось в Институте археологии РАН. Стандартное время измерения составило 30 секунд, напряжение– 50 kV; данный тип спектрометра позволяет проводить измерения поверхности на глубину до 10 микрон. Обработка спектров проводилась на соответствующем программном обеспечении. Ранжирование металлов и сплавов делалось в соответствии с принятой методикой, где порог легирования принят за 1.0% [Ениосова и др., 2008, с. 131, табл. 2. *8*)].

С поверхности каждого образца было получено по 2 пробы для проверки полученных данных (табл. 1); все результаты сопоставимы друг с другом. Сами фалары, как показал результат анализа фрагмента фалара 5, выполнены из оловянно-свинцовой бронзы, где низкое содержание свинца не препятствует обработке металла давлением. Металл заполнения фаларов относится к группе легкоплавких свинцово-оловянных сплавов, где варьируется содержание олова: так, оборот фаларов 2 и 5 содержал сплав с 18–19% содержанием олова, заполнение фалара 1 представлено сплавом с 10% содержанием этого металла. Заполнение различается по содержание меди: металл заполнения фаларов 1 и 2 содержит медь ниже установленного порога легирования в 1.0% и относится к группе примесей, а в заполнении фалара 5 ее содержание варьирует от 1 до 5%. Аналогичное соотношение в содержании свинца и олова зафиксировано для внутреннего заполнения согдийского медальона из состава Елшанского клада, датируемого раннесредневековым временем [Сапрыкина, 2014, с. 289–291], как наиболее раннего из известных по публикациям результатов анализов химического состава металла заполнений тисненых предметов.

Таблица 1. Результаты РФА-анализа химического состава цветного металла заполнения фаларов и фрагмента фалара 5

Номер образца	Fe	Cu	Ag	Sn	Pb
фалар 2, А-613	0,00	0, 86	0,00	19,25	79,89
	0,00	0,97	0,00	18,63	80,4
фалар 5, А-617	0,00	5,9	0,00	19,35	74,75
	0,00	1,1	0,00	13,82	85,08
фалар 1, А-614	0,24	0,24	0,00	9,75	89,78
	0,00	0,51	0,00	7,62	91,87
фалар 5, А-617 (тело)	0,13	86,69	0,08	10,21	2,9
	0,35	85,43	0,09	11,82	2,31

До настоящего времени не ясно, на каком этапе появлялась эта заливка легкоплавким сплавом: при изготовлении фалара, когда сплав действительно мог использоваться в качестве стандартного свинцового припоя с введением в его состав олова и меди (при том, что оловянно-свинцовой припой качественно превосходит свинцовый по условиям пайки [Краткий справочник…, 1991, с. 61–65], или на этапе его починки, когда эта заливка требовалась для фиксации железных скоб (или штырей?). На мой взгляд, заполнение из легкоплавких сплавов могло использоваться не столько в качестве припоя, сколько в качестве основы, придающую необходимую жесткость самой тисненой пластине, отличающейся большим диаметром и высоким рельефом. Как правило, для соединения фалара с основой не требуется проводить пайку по всей площади, поэтому заполнение изделия таким массивом легкоплавкого сплава в этом отношении не имеет практического смысла.

Список литературы

Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева, Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.

Краткий справочник паяльщика. 1991. Под общей ред. И. Е. Петрунина. М.

Сапроыкина, 2014. Сапрыкина И. А. Химический состав металла согдийских находок из Елшанского клада // Славяне и иные языци… К юбилею Н. Г. Недошивиной (отв. ред. Н. И. Асташова)\\Труды ГИМ. Вып. 198. М.

В. Г. Житников
(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

«Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н.э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров)

Поселение «Волна I», известное также как Северо-Зеленское, находится в юго-западной части Таманского полуострова, в 5 км к югу от станицы Тамань, в 3,5 км к ССЗ от пос. Волна. Памятник расположен у северной подошвы горы Зеленской, примерно в 500 м к ССЗ от её вершины, на высоте 68–78 м над уровнем моря. Границы поселения визуально не определяются, однако, по наблюдениям Я. М. Паромова, обследовавшего его в 80-е гг., ареал подъёмного материала имеет форму неправильного овала, вытянутого с юго-запада на северо-восток, размером примерно 1000×500 м, а площадь составляет около 32 га [Паромов, 1989, с. 72–78]. Рельеф характеризуется двумя невысокими возвышенностями, расположенными в центре, и обширной глубокой впадиной на северо-востоке.

Поселение у горы Зеленской привлекало внимание исследователей ещё во второй половине XIX – начале XX в. [Герц, 1870; Соколов, 1919]. В 50-е гг. Синдская экспедиция ИИМК АН СССР и МГУ провела здесь первые и небольшие по масштабам раскопки: в различных частях памятника было заложено четыре раскопа размером 4×4 м каждый [Блаватский, 1955, с. 88–95; 1958, с. 9–14; 1959, с. 44–46]. В результате работ В. Д. Блаватский пришёл к выводу, что «Северо-Зеленское поселение существовало, вероятно, непрерывно на протяжении всей античной эпохи с VI в. до н. э. до IV в. н. э. и даже в средневековое время. Весьма оживлённой здесь была жизнь в VI–V вв. до н. э. Видное место занимают находки периода Спартокидов и несколько меньше – времени сарматизации Боспора».

Современное название – «Волна I» – памятник получил после обследования отрядом Таманской экспедиции Института археологии АН СССР [Паромов, 1989, с. 72–78]. В начале 90-х гг., в связи с появлением проекта строительства Таманской базы СУГ нефтяного терминала ЗАО «Таманьнефтегаз», охранные раскопки в южной части памятника провела Панагийская экспедиция Таманского музея [О. В. Богословский, 1993]. В 1996–2000 гг. раскопки в центральной части поселения проводила Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа, возглавляемая С. Л. Соловьевым. В результате работ экспедиции была изучена площадь в 600 кв. м, открыты культурные напластования классического, позднеэллинистического

и римского времени. Среди исследованных строительных комплексов несомненный интерес представляют остатки строения позднеархаического периода [Соловьев, 2001, с. 16–17; Соловьев, Бутягин, 1998, с. 37–47; 1999, с. 19–20; 2000, с. 20–23; 2002, с. 69–80].

В 2001–2012 гг. обширные охранно-спасательные раскопки на участках строительства ЗАО «Таманьнефтегаз» осуществляла экспедиция Ростовского государственного (ныне – Южного федерального) университета: была исследована практически вся южная часть поселения площадью свыше 40 тыс. кв. м. [см., напр.: Житников, 2005, с. 81–84; 2006, с. 177–187]. С 2013 г. археологические исследования памятника проводит ООО «Ирида». В итоге работ на различных раскопах было открыто свыше 20 строительных комплексов античной эпохи. Немногочисленные остатки, принадлежавшие постройкам IV–III вв. до н. э., располагались либо на уровне древней почвы, либо в нижней части культурных напластований. Среди них отметим строительный комплекс № 7 (раскоп VI), представлявший собой двухкамерное сооружение земляночного типа размером 9,9×4,4–6,3 м. Секции землянки были разделены мощной каменной кладкой, сложенной из огромных глыб известняка и ракушечника на высоту 3,3 м. Судя по амфорным материалам, комплекс можно датировать в пределах 2-й половины IV – 1-й половины III в. до н. э. Комплекс № 13 (раскоп VI) относился к строениям наземного типа и состоял из трёх прямоугольных в плане помещений, стены которых были возведены на каменных цоколях. В северо-восточном углу помещения № 1 комплекса была выявлена каменная конструкция, видимо, эсхара диаметром 1,29–1,34 м и высотой 0,4 м, неправильно-округлая в плане, сложенная из плоских плиток известняка в форме усечённого конуса. Весь комплекс датируется последней четвертью IV – началом III в. до н. э.

Значительная часть строительных остатков принадлежала наземным однокамерным или многокамерным постройкам I–II вв. и II–III вв. н. э. и была обнаружена в толще культурного слоя. Большинство из них имело прямоугольную форму, однако однокамерный комплекс № 8 (раскоп VI), датируемый I–II вв. н. э., в плане имел округлые очертания (диаметром 4×4,9 м). Следует отметить производственный комплекс № 4 (раскоп VIII), представлявший собой открытое прямоугольное в плане сооружение размером 3,2–3,35×1,35–1,9 м, вытянутое по линии С–Ю и заглублённое в материковый котлован. Конструкция состояла из двух примерно равных секций, разделённых перегородкой. Размеры секций 0,8×0,8 м и 0,98×1,1 м, их глубина 0,9–1,09 м. Стенки секций, как и перегородка между ними, были сложены из мелких и средних по размерам известняковых плиток в перевязь, на глиняном растворе, и для герметичности были тщательно облицованы 4-мя слоями обмазки, видимо, цемянки, беловатой в изломе, с различными примесями. Слои, толщиной 1–1,5 см каждый, чётко отделялись друг от друга. Высота стенок 0,8–0,9 м. Днища секций также были облицованы обмазкой, в северо-восточном углу каждой из секций находились полукруглые в сечении и округлые в плане углубления диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м. Тщательность исполнения и стремление обеспечить герметичность секций, видимо, может говорить об отношении комплекса к производствам, связанным с использованием жидкостей, скорее всего, к виноделию. Немногочисленная керамика позволяет отнести комплекс к первым векам н. э. К этому же времени принадлежали и 3 колодца с каменными горловинами, открытые на раскопах III, VI и VIII.

К позднему периоду в истории поселения, к XVI–XVIII вв., относились остатки нескольких строительных комплексов, как наземного, так и земляночного типа. Грунтовый могильник, выявленный на раскопе VI и содержавший 52 погребения, датируется XVII–XVIII вв.

Таким образом, в результате исследований было установлено, что поселение возникло ещё в конце VI в. до н. э. Судя по археологическим материалам, особенно интенсивной жизнь была здесь в V–IV вв. до н. э. Весь этот период поселение «Волна I», видимо, являлось одним из самых крупных населённых пунктов на сельской территории Азиатского Боспора. С более или менее продолжительными перерывами памятник просуществовал до V–VI вв. н. э. Однако жизнь на нём не затухала и в эпоху средневековья: многочисленные археологические находки относятся к IX–X вв., XI–XII вв. и даже к XVII–XVIII вв.

Одним из наиболее интересных результатов раскопок 2011–2014 гг. является открытие в восточной части памятника, на раскопе X многочисленных остатков каменных конструкций, сплошной застройки V–II вв. до н. э., которые были объединены под условным названием: «Восточный район» (рис. 1–2). Исследованная часть «Восточного района» располагалась по линии ВЮВ–ЗСЗ и занимала площадь в 2600 кв. м (длина участка 115 м, ширина от 10 до 35 м). Отметим, что естественной границей между «Восточным районом» и центром поселения являлась древняя балка.

Судя по выявленным остаткам, «Восточный район» представлял собой группу взаимосвязанных одно- и многокамерных сооружений наземного типа. Они образовывали более 40 помещений, сблокированных в отдельные комплексы. Очевидно, стены помещений являлись глинобитными, но были возведены на каменных цоколях, сложенных в системе иррегулярной постелистой трёхрядной кладки. При этом внешние ряды кладок состояли из крупных и средних по размерам камней рваного известняка или ракушечника, уложенных в один – два, иногда в три – четыре слоя, забутовка – из мелкого бутового камня. Некоторые кладки на отдельных участках были сложены «ёлкой». Часто в кладках использовались плитки песчаника, обломки зернотёрок, а в качестве забутовки – многочисленные амфорные фрагменты. В отдельных кладках были прослежены остатки столбовых конструкций в виде полукруглых выемок. Ширина кладок в среднем 0,5–0,7 м. Глубина залегания строительных остатков 0,6–1,0 м от современной поверхности.

На площади «Восточного района» условно были выделены восточный, центральный, западный и северо-западный «кварталы». В состав восточного квартала входили комплексы №№ 1 и 2 и ряд отдельных строений и конструкций на северо-востоке и западе участка. Комплекс № 1 состоял из четырёх помещений и, видимо, внутреннего дворика (рис. 3). Он был ориентирован по линии С–Ю при длине 17,75 м и ширине от 16,1 м в южной части до 9,4 м в северной. Помещения прямоугольные или квадратные в плане, ориентированы стенами по сторонам света. Их внутренние размеры: помещение № 1–4,6×4,3 м; помещение № 2–3,3×2,7 м; помещение № 3–7,4×1,9 м (возможно, было разделено на 2 части); помещение № 4–6,8×3,9 м. С запада к северному помещению № 4 примыкала прямоугольная в плане вымостка размером 4,6×2,2 м.

В ходе расчистки остатков комплекса № 1 и его каменных кладок было выявлено 3277 фрагментов античной керамики, в т. ч. 8 обломков кровельной черепицы (керамид и калиптеров), 3049 обломков амфор (в т. ч. 449 профильных частей), 195 фрагментов

Рис. 1. План-схема «Восточного района» – участка сплошной застройки поселения «Волна I» в V–II в. до н. э.

Рис. 2. «Восточный район». Общий вид с запада

гончарной столовой и хозяйственной посуды и 25 обломков лепной керамики. Отметим, что найденные материалы хронологически весьма неоднородны. Так, среди амфорных венцов и фрагментов горл (127 экз.) почти половина принадлежала хиосским пухлогорлым амфорам развитого варианта конца 1-й – 2-й четверти V в. до н. э. Хорошо представлены венчики «протофасосских» и лесбосских красноглиняных амфор 1-й половины V в. до н. э., хиосских позднепухлогорлых и прямогорлых амфор 3-й четверти V в. до н. э. При этом среди камней кладки 1 были найдены: горло фасосской амфоры пифоидного типа 1-й трети V в. до н. э. и два горла хиосских амфор с колпачковой ножкой 1-й половины IV в. до н. э. Прочая тара – венчики фасосских, гераклейских и синопских амфор IV в. до н. э., а также фрагмент горла колхидской амфоры 1-й половины III в. до н. э. Среди ножек преобладали фрагменты сосудов V в. до н. э.: представлены все типы хиосских амфор (пухлогорлые, позднепухлогорлые, прямогорлые, протоколпачковые конца V в. до н. э.), ножки «протофасосских» и лесбосских красноглиняных амфор. К амфорам IV в. до н. э. относились колпачковые ножки хиосских амфор 1-й половины IV в. до н. э., рюмкообразная ножка амфоры Менды, ножки фасосских, гераклейских и синопских амфор. Упомянем также два клейма: затертое гераклейское и родосское магистратское клеймо: эпоним *Thersandros* (IVa МХГ: около 137–136 гг. до н. э.)[1].

[1] Определения амфорных клейм выполнены М. В. Иващенко (Саратовский госуниверситет).

Рис. 3. Комплекс № 1. План

К востоку и северо-востоку от помещения № 4 комплекса № 1 были открыты сильно разрушенные строительные остатки (рис. 4). Возможно, некоторые из них могли относиться к комплексу № 1, другие представляли собой отдельно стоящие сооружения. Рядом с помещением № 4 располагалась группа из пяти миниатюрных отсеков – помещения № 5–5г. Все отсеки прямоугольные в плане, вытянуты по линии С–Ю, их внутренние размеры: длина – от 1,3 до 1,9 м, ширина – от 0,5–0,6 м до 1,3 м. По-видимому, они имели некое хозяйственное назначение, являясь пристройками к помещению № 4. Далее к востоку были выявлены обрывки кладок и вымостка 3,5×2,2 м, видимо, связанные с сильно разрушенной постройкой. На севере участка находились остатки помещения № 6 размером 8,4–8,6×4,1–4,5 м.

При расчистке и разборке остатков помещений и каменных цоколей стен северо-восточного участка было обнаружено 1653 фрагмента античной керамики, в т. ч. 2 обломка керамиды, 1571 обломок амфор (269 профильных частей), 65 фрагментов гончарной столовой и хозяйственной посуды и 15 – лепной керамики.

Из помещений № 5–5г происходят 2 фрагмента синопских клейм: 1) астином *Theudōridēs* (IV B МГ: 90-е гг. III в. до н. э.); 2) астином *Leōmedōn Epidēmou* (VIC МГ: 30-е гг.

Рис. 4. Северо-восточный участок восточного квартала. План

III в. до н. э.). Южнее этих помещений, в скоплении амфорной и столовой керамики V–IV вв. до н. э. находились 3 горла гераклейских амфор с клеймами: 1) магистрат *Ariston* (II Б МХГ: 1-я половина 90-х гг. IV в. до н. э.); 2) магистрат *Molossos* (II Б МХГ: 80-е гг. IV в. до н. э.); 3) магистрат *Alketas* (II Б МХГ: 70-е гг. IV в. до н. э.). В этом же керамическом развале найдены и фрагменты краснофигурного кратера. Амфорная керамика, выявленная среди камней вымостки в юго-восточной части квадрата № 128, принадлежала исключительно различным типам хиосских амфор V в. до н. э. (пухлогорлым амфорам развитого варианта 2-й четверти V в. до н. э., позднепухлогорлым и прямогорлым амфорам 3-й четверти V в. до н. э., с протоколпачковой ножкой конца V в. до н. э.). Среди обломков амфор V–III вв. до н. э., найденных при расчистке помещения № 6, отмечены венчики клазоменской и хиосской раннепухлогорлой амфор конца VI – начала V в.

до н. э., ножка амфоры круга Фасоса типа с раздутым горлом 2-й четверти V в. до н. э., ножка амфоры Самоса 2-й половины V в. до н. э., а также ножка херсонесской амфоры 1-й половины III в. до н. э.

К северу и северо-западу от строений комплекса № 1 находился комплекс № 2, состоявший из 4-х прямоугольных в плане помещений (№ 7–10), последовательно расположенных по линии ВЮВ–ЗСЗ (рис. 5). Северо-западная часть этого комплекса была уничтожена современной траншеей. Общая длина комплекса достигала 23,75 м, ширина 5,9–6,2 м. Восточное помещение (№ 7) в плане имело прямоугольную форму и было слегка вытянуто по линии ВЮВ–ЗСЗ; его внутренние размеры 6,1×4,65 м. В его северо-восточном углу был открыт участок вымостки 2,45×1,5 м, сложенной из крупных плит. Среди них расчищены два обломка жернова зернотёрки. К помещению № 7 с ЗСЗ примыкало прямоугольное в плане помещение № 8 размером 5,8×5 м. Следующее помещение – № 9 – также прямоугольное, было слегка вытянуто по линии ВЮВ–ЗСЗ; его размеры 3,9×3,5 м. В юго-восточном углу обнаружен вкопанный в грунт и раздавленный пифос со следами ремонта: на его корпусе сохранились массивные свинцовые скобы, которые стягивали треснувшие участки тулова. Западное помещение – № 10 сохранилось не полностью: видимо, как и прочие строения комплекса, оно было прямоугольным и ориентировано по линии ВЮВ–ЗСЗ; его сохранившиеся размеры примерно 5×2,5 м.

При раскопках помещений комплекса № 2, расчистке и разборке каменных цоколей стен был обнаружен 1261 фрагмент античной керамики, в т. ч. 47 обломков кровельной черепицы (керамид и калиптеров), 835 обломков амфор (в т. ч. 109 профильных частей), 349 фрагментов гончарной столовой и хозяйственной посуды и 30 обломков лепной керамики. Среди амфорных обломков – венчики и ножки всех типов хиосских сосудов V в. до н. э., ножка «протофасосской» амфоры конца VI – начала V в. до н. э., венцы «протофасосской» и лесбосских красноглиняных амфор 1-й половины V в. до н. э., ножка фасосской амфоры пифоидного типа 2-й четверти V в. до н. э. К амфорам IV в. до н. э. относились фрагменты мендейских, фасосских, гераклейских и синопских тарных сосудов. Концом IV – началом III в. до н. э. датируются ножки херсонесской и колхидской амфор. К позднему типу синопских амфор 2-й половины III–II вв. до н. э. принадлежала ножка конической формы. Несколько фрагментов относились к амфорам первых веков н. э. Среди прочих находок из помещений комплекса отметим три красноглиняных однорожковых светильника с петлевидной ручкой, три фрагмента терракот, две медные пантикапейские монеты 1-й половины и 2-й – 3-й четвертей III в. до н. э., а также два тетрахалка эпохи Митридата VI эмиссии около 95–65 гг. до н. э.[2]

Западнее комплекса № 2 была исследована обширная вымостка размером 8,9×2,2 м, сложенная из крупных плит, камней, отдельных обломков зернотёрок и многочисленных керамических фрагментов (рис. 5, 6). В направлении с СЗ на ЮВ вымостка пересекалась водостоком, дно которого вымощено мелким камнем и керамикой. Длина водостока до 8 м, ширина от 0,25 до 0,45 м, глубина 0,15–0,2 м. К югу от помещений комплекса № 2 находилось миниатюрное помещение № 11 размером 2,5×1 м, аналогичное помещениям № 5–5г. Юго-западнее вымостки с водостоком были открыты остатки

[2] Определения монет выполнены С. И. Безугловым (Южный федеральный университет).

Рис. 5. Комплекс № 2 и прилегающие сооружения. План

Рис. 6. Участок вымостки с водостоком. Вид с СЗ

сильно разрушенного помещения № 11а размером 5×3 м, а также вымостка 3,8×2–2,8 м, примыкавшая к указанному помещению с востока.

При расчистке строительных остатков, прилегающих к комплексу № 2, было обнаружено 2572 фрагмента античной керамики, в т. ч. 83 обломков кровельной черепицы (керамид и калиптеров), 2259 обломков остродонных амфор (в т. ч. 503 профильные части), 195 фрагментов гончарной столовой и хозяйственной керамики и 35 обломков лепной посуды. Набор амфорной тары включал в себя фрагменты хиосских раннепухлогорлых, пухлогорлых, позднепухлогорлых и прямогорлых амфор, хиосских амфор с колпачковой ножкой, «протофасосских» и красноглиняных лесбосских амфор, фасосской амфоры пифоидного типа середины – 3-й четверти V в. до н. э., гераклейских и синопских амфор IV в. до н. э., косской амфоры конца IV–III в. до н. э., синопской амфоры позднего типа 2-й половины III–II в. до н. э. Отметим несколько клейм: 1) синопское клеймо: астином *Antipatros 1 Nikōnos* (VIA МХГ: 50-е годы IV в. до н. э.); 2) клеймо на ручке амфоры Книда: фрурарх *Polycharēs* (VA МХГ: между 165–146 гг. до н. э.); 3–4) стёртые оттиски на ручках синопской и родосской амфор. Среди обломков черепицы был найден фрагмент красноглиняной керамиды с частью клейма «YT …». Упомянем

находку пяти медных монет: двух пантикапейских 2–3 четверти III в. до н. э., фанагорийской конца III–II в. до н. э., пантикапейских конца II в. до н. э. и рубежа II–I вв. до н. э.

Центральный квартал (рис. 7–9) отделялся от восточного узким переулком. В нём выделяется комплекс № 3, выдвинутый к югу по отношению к прочим постройкам квартала. Комплекс состоял из двух больших прямоугольных помещений, стоявших рядом по линии З–В (помещения № 12 и 13), а также пристроенных, видимо, позже с востока двух небольших «отсеков» (помещения № 14–15). Общая длина комплекса по линии З–В равнялась 11,1 м; ширина от 5,8 м в западной части до 6,3 м в восточной. Помещение № 12 слегка вытянуто по линии З–В и стенами ориентировано по сторонам света; его внутренние размеры 4,4×3,7–3,8 м. Расположенное восточнее помещение № 13 размером 4,2×2,25 м было вытянуто по линии С–Ю (рис. 7, 10).

Южная стена комплекса (кладка 41) была укреплена при помощи трёх контрфорсов, для которых были использованы крупные камни. Так, юго-западный контрфорс (№ 1) состоял из крупного валуна размером 0,95×0,5×0,3 м. Контрфорсы № 2 и № 3 были сложены из мелкого и среднего известняка и ракушечника и пристроены к огромным глыбам, лежащим в основании кладки 41. Длина контрфорсов составляла 0,7–0,75 м при ширине до 0,75 м. Так как в восточном торце кладки 41 находился очень крупный камень, можно предположить, что здесь располагался ещё один контрфорс, укреплявший юго-восточный угол помещения № 13. Видимо, южный цоколь помещения № 14 (кладка 49), выступавший на 0,6 м к югу по отношению к южной стене помещений № 12 и № 13 – кладке 41, был просто пристроен к контрфорсу с востока, образовав прямоугольный выступ. Северная кладка помещения № 12 (кладка 70) также была укреплена контрфорсом (№ 4), состоявшим из крупного (0,6×0,5×0,4 м) камня, под которым в качестве основы в два слоя были уложены мелкие и средние камни.

При расчистке помещений и кладок комплекса № 3 было выявлено 592 фрагмента античной керамики, в т. ч. 5 обломков кровельной черепицы, 496 обломков остродонных амфор (в т. ч. 57 профильных частей), 80 фрагментов гончарной столовой и хозяйственной керамики и 11 обломков лепной посуды. Амфорные материалы представлены, прежде всего, венцами и ножками хиосских амфор V в. до н. э. (раннепухлогорлой, пухлогорлых развитого варианта, прямогорлых, протоколпачковой), ручкой красноглиняной лесбосской амфоры, а также обломками синопских, гераклейской и колхидской амфор IV в. до н. э. Среди прочих находок отметим краснолаковую чашу полусферической формы, серолощёный кувшин и медную пантикапейскую монету конца III в. до н. э.

Восточный и северо-восточный участки центрального квартала занимала группа из восьми строений (помещения № 16–23), условно объединённых в комплекс № 4 (рис. 7). В целом помещения комплекса были ориентированы по линии ЮЮВ–ССЗ, т. е. по этому параметру отличались от построек комплекса № 3. Следует заметить при этом, что едва ли помещения комплекса № 4 представляли собой единое целое. Возможно, в нём нами были объединены несколько обособленных построек. Общие размеры комплекса: длина по линии ЮЮВ–ССЗ 14,2 м, максимальная ширина по линии ЗЮЗ–ВСВ 9 м. Помещение № 16 с востока примыкало к постройкам комплекса № 3. Прямоугольное в плане оно было вытянуто по линии ЮЮВ–ССЗ. Его внутренние размеры: длина – не менее 3,7 м, ширина

Рис. 7. Центральный квартал. План

Рис. 8. Центральный квартал. Вид с юга

Рис. 9. Центральный квартал. Вид с севера

2 м. Сохранившиеся западная и восточная кладки строения (стены 50 и 55) были сооружены из уплощённого известняка и песчаниковых плиток, их внешние ряды частично сложены «ёлкой». С севера к помещению № 16 примыкали небольшие, прямоугольные помещения № 17 и 18 размерами соответственно: 2,2×1,75 м и 2,1×1,7–1,95 м. В восточной

Рис. 10. Комплекс № 3. Помещения № 13–15. Вид с запада

части комплекса располагалось прямоугольное помещение № 19 (3,1×1,5–2,1 м), также вытянутое по линии ЮЮВ–ССЗ. По-видимому, оно подвергалось перестройке, о чём свидетельствует кладка 58, явно пристроенная к нему с востока. Центральную часть комплекса занимали помещения № 20 и 21, подквадратные в плане, размером 2,3×2,1 м и 1,9×1,9 м. Среди каменных развалов внутри помещения № 21 были обнаружены остатки более ранних кладок, что указывает на перепланировку постройки. Связка двух небольших (2,1×1,3 м и 1,9×0,9 м) прямоугольных помещений №№ 22 и 23, возможно, разновременных, составляла северную часть комплекса № 4.

При расчистке помещений № 16–23 и их стен было обнаружено 336 фрагмента античной керамики: 4 обломка кровельной черепицы, 287 фрагментов амфор (в т. ч. 41 профильная часть), 40 фрагментов гончарной столовой и хозяйственной керамики и 5 обломков лепной посуды. Среди керамической тары выделены венчики и ножки хиосских пухлогорлых амфор, а также фрагменты фасосской, гераклейской и синопской тары IV в. до н. э. Родосское клеймо фабриканта *Sōkratēs* датируется первой половиной II в. до н. э. Упомянем три медные монеты: две пантикапейские (2-й половины III в. до н. э. и конца III в. до н. э.) и фанагорийская конца III–II в. до н. э.

К северу и северо-западу от построек комплекса № 3 располагалась большая группа строительных остатков, включавшая в себя комплекс № 5 (помещения № 24–27), вымостку и остатки помещений № 28 и 29 (рис. 7). Сооружения этого участка центрального квартала отделялись от комплекса № 3 кладкой 71, ориентированной по линии З–В, и обрывком кладки 67, возможно, являвшейся продолжением кладки 71. Основу внешнего южного ряда кладки 71 составляли крупные плиты песчаника, уложенные по линии направления

Рис. 11. Центральный квартал. Кладка 71 с контрфорсами. Вид с запада

кладки. Длина отдельных плит достигала 0,8 м. Следующий слой состоял из сравнительно крупных камней известняка и ракушечника, иногда уплощённых, сложенных в перевязь с плитами нижнего слоя. Третий слой – из небольших плиток песчаника, лежавших поперёк линии кладки. Северный ряд кладки был сложен из средних по размерам камней известняка и ракушечника, перекрытых плитками песчаника. Длина кладки равнялась 9,75 м, ширина 0,6–0,65 м, сохранившаяся высота цоколя 0,3–0,4 м. С юга эта кладка была укреплёна тремя контрфорсами (№ 5–7), каждый из которых состоял из крупной глыбы ракушечника или известняка размером примерно 0,4–0,7×0,4×0,35 м, со стороны кладки обложенной более мелкими камнями (рис. 11).

С севера к постройкам комплекса № 3 примыкала группа из 4-х помещений (№ 24–27), условно объединённых в комплекс № 5 размером 8,5×5,2 –5,3 м (рис. 7). В плане он имел прямоугольные очертания и был вытянут по линии З–В. Цоколи внутренних перегородок комплекса сохранились либо фрагментарно, либо в виде сильно разрушенных остатков. Поэтому о некоторых параметрах помещений можно судить лишь предположительно. Прямоугольные помещения № 24–26 были ориентированы по линии З–В. Примерные внутренние размеры их следующие: помещение № 24–3–3,2×1,7–1,8 м; помещение № 25–4×1,95–2 м; помещение № 26–2,9–3×1,1–1,4 м. Помещение № 27 в плане имело подквадратные очертания, его размеры 2,2×2,2 м.

При расчистке построек комплекса № 5 было обнаружено 235 фрагментов керамики (2 обломка черепицы, 183 фрагмента керамической тары, 31 фрагмент гончарной столовой и хозяйственной посуды и 19 обломков лепной керамики). Амфорные материалы представлены венцами хиосских пухлогорлых и прямогорлых амфор, «протофасосской» и лесбосской красноглиняной амфор, а также ручками хиосских, синопских и гераклейских амфор. Найдено два синопских клейма астинома *Poseidōnios 2* (IIIA МХГ: конец 30-х гг. IV в. до н. э.; III А МГ: конец 20-х – начало 10-х гг. IV в. до н. э.) и родосское клеймо фабриканта *Hellanikos* (последняя треть III в. до н. э.). Среди обломков черепицы отметим фрагмент красноглиняной боспорской керамиды с остатками двухстрочного клейма: «ΣΠΑ…/ΒΑΣΙΛ…», возможно, относившейся к продукции мастерской Спартока III и датируемой концом IV–III в. до н. э. Столовая посуда представлена немногочисленными фрагментами чернолаковой, краснолаковой, красноглиняной и сероглиняной посуды. Укажем также фанагорийскую монету конца III–II в. до н. э. и монету Савромата II эмиссии 196–210 гг. н. э.

К западу от построек комплекса № 5 находились остатки еще одного помещения – № 28, по-видимому, отдельной постройки, подквадратной в плане, размером 3×2,8 м. В западной части центрального квартала была расчищена обширная вымостка, вытянутая по линии С–Ю. Она была сложена преимущественно из небольших плиток песчаника, а также камней ракушечника, фрагментов амфор и обломков зернотёрок. Сохранившаяся длина вымостки 9,5 м, ширина от 1,1 м до 1,5 м. На северо-западном участке центрального квартала была открыта часть помещения № 29, а также обрывки кладок.

Из строительных остатков в западной части центрального квартала происходят 493 фрагмента керамики, в т. ч. 15 обломков черепицы, 431 фрагмент амфор, 34 фрагмента гончарной столовой и хозяйственной керамики и 13 обломков лепной посуды. Набор амфорной тары обычен: венцы хиосских пухлогорлых и прямогорлых амфор 1-й половины и 3-й четверти V в. до н. э., а также синопской амфоры IV в. до н. э., ручки хиосских, красноглиняных лесбосских, гераклейских, синопских, родосских и колхидских амфор. Среди амфорных ножек выделены: ножка лесбосской красноглиняной амфоры архаического типа конца VI – 1-й четверти V в. до н. э., ножка хиосской пухлогорлой амфоры 1-й половины V в. до н. э., колпачковые ножки хиосских амфор IV в. до н. э., ножки фасосских амфор коническо-биконического типа IV в. до н. э., коническая ножка синопской амфоры позднего типа III–II в. до н. э. Родосское клеймо магистрата *Sōstratos* датируется около 194 г. до н. э.

При расчистке вышеупомянутой вымостки найдены 4 медные пантикапейские монеты: две из них – эмиссии 2–3-й четверти III в. до н. э., одна – 2-й половины III в. до н. э., одна – конца III в. до н. э.

Значительную территорию к западу от построек центрального квартала занимал участок, свободный от строительных остатков (рис. 1–2, 12). На наш взгляд, эта зона представляла собой площадь, которая являлась центральным местом всего «Восточного района» поселения. Она имела прямоугольные очертания и «сторонами» была ориентирована по линиям З–В и С–Ю. Восточной границей площади являлась кладка 85, западной – кладка 100; обе кладки ориентированы по линии С–Ю. Размеры площади: по линии З–В 10,75–11,2 м, по линии С–Ю (между угловыми помещениями) 6,6–7,6 м. В южной части кладки 85 был зафиксирован проход шириной 1,1–1,2 м, к которому примыкали

Рис. 12. Участок площади. План

остатки вымостки. Очевидно, он был сооружен для перемещения между площадью и расположенными восточнее участками центрального квартала. К числу конструктивных особенностей кладки 100 следует отнести два контрфорса (№ 8 и № 9), укреплявших цоколь с запада и с востока. Их размеры 0,95×0,7 м и 0,55×0,6 м соответственно.

В комплекс сооружений, по-видимому, связанных с площадью, входил целый ряд строительных конструкций. Так, с юго-востока к ней примыкали два миниатюрных помещения-отсека № 30 и № 31, частично разрушенные, подквадратные в плане, с примерными внутренними размерами 1,65×1,35–1,4 м и 0,8–1×0,9 м. Ещё один аналогичный отсек (помещение № 39), размером 1,7–1,85×1,6 м был открыт в северо-восточном углу площади.

К юго-западному участку площади примыкала целая группа небольших помещений (№№ 32–34), которые были объединены в комплекс № 6 (рис. 13). Постройки располагались в ряд по линии С–Ю и стенами были ориентированы по сторонам света.

Рис. 13. Комплекс № 6. Помещения № 32–34. Вид с севера

Между помещениями имелись проходы шириной 0,8–0,9 м. Сохранившаяся часть южного прямоугольного в плане помещения № 32 размером 2,25–2,35×1,4–1,45 м вытянута по линии З–В. Центральное помещение № 33 также прямоугольное, вытянуто по линии З–В, его размеры 2,12×1,45 м. Северное помещение № 34 комплекса в плане имело подквадратную форму и размеры 2,1–2,2×2,2–2,3 м. С востока и с севера к этим помещениям примыкали строительные остатки в виде обрывков кладок и развалов камней.

В ходе раскрытия территории центральной площади, а также связанных с ней построек и кладок, было выявлено 1343 фрагмента античной керамики, в т. ч. 42 обломка кровельной черепицы, 1140 фрагментов остродонных амфор (в т. ч. 250 профильных частей), 143 фрагмента гончарной столовой и хозяйственной керамики и 18 обломков лепной посуды. Керамическая тара V в. до н. э. представлена немногочисленными венчиками и ножками хиосских пухлогорлых и прямогорлых амфор, «протофасосских» и лесбосских красноглиняных сосудов. Следует отметить, что здесь возрастает количество фрагментов амфор IV в. до н. э. и более позднего времени. Помимо обломков фасосских, хиосских колпачковых, гераклейских и синопских амфор, отмечены фрагменты амфор Книда IV в. до н. э., Родоса III в. до н. э., Коса 2-й половины III в. до н. э., Колхиды IV–III в. до н. э., Херсонеса конца IV – 1-й четверти III в. до н. э., Синопы 2-й половины III–II в. до н. э.

Обнаружено 10 родосских клейм: 1) эпоним *Archilaidas* (III е МХГ: около 165/164 гг. до н. э.; 2) эпоним *Timourrodos* (IV а МХГ: около 160–153 г. до н. э.); 3) эпоним *Anaxandros* (IV а МХГ: около 143/142 гг. до н. э.); 4) фабрикант *Zēnodotos* (2-я половина II в. до н. э.); 5) фабрикант *Thesmokritos* (2-я половина II в. до н. э.); 6) фабрикант *Aristokratēs* (2-я – начало 3-й четверти II в. до н. э.); 7) фабрикант *Andronikos* (2-я половина II – 1-е десятилетие I в.

Рис. 14. Западный квартал. План

до н. э.); 8–10) не читаются. Херсонесское клеймо магистрата *Nanōn* (IB МХГ) датируется началом III в. до н. э.

Нумизматический материал включал в себя 12 медных боспорских монет: 1) эмиссии около 330–315 гг. до н. э.; 2) эмиссии 2-й – 3-й четверти III в. до н. э.; 3) III–II в. до н. э.; 4–8) пять монет эмиссии конца III – середины II в. до н. э.; 9) II в. до н. э.; 10) фанагорийский тетрахалк конца II в. до н. э.; 11) тетрахалк эпохи Митридата VI, эмиссия около 95–65 гг. до н. э.; 12) неопределима.

Особо отметим бронзовую литую фигурку орла с распростёртыми крыльями и змеей в когтях.

С запада к центральной площади примыкали остатки сооружений западного квартала (рис. 14). В состав его включены помещения комплекса № 7, находившегося на юге и в центре участка, а также остатки ряда построек и конструкций, располагавшихся севернее. Помещения №№ 35–37, располагались цепочкой по линии С–Ю. Общая длина сооружений комплекса составляла примерно 11,2 м при ширине от 3 до 4 м. Южное помещение № 35 подквадратное в плане, было ориентировано по линии ЮЮВ–ССЗ. Внутренние размеры 2,55–2,7×2,4–2,6 м. Восточная и южная стены (кладки 112 и 113) были перекрыты кладками 114 и 115, что, видимо, было связано с перепланировкой этого помещения, в частности, с расширением его южной части. В южных кладках 113 и 115 имелся проход шириной 0,8 м. Остатки помещения № 36 с севера примыкали

к помещению № 35. В плане постройка имела прямоугольные очертания, вытянутые по оси С–Ю, её внутренние размеры 3,65–3,75×1,9–2,0 м. От стен северного помещения № 37 сохранились восточный и южный цоколи (кладки 120 и 121). Судя по их расположению, в плане строение имело прямоугольную форму и было ориентировано по линии С–Ю. Примерные внутренние размеры постройки: не менее 2,9–3 м на 2,2 м.

Участок между помещением № 34 комплекса № 6 и помещением № 35 комплекса № 7 занимали развалы в виде скоплений камней и каменных дорожек из мелкого известняка, небольших плиток песчаника и отдельных крупных плит. Длина участка по линии З–В составляла 4 м. По-видимому, указанные скопления и развалы камней являются остатками сильно разрушенного мощёного дворика.

К северо-западу от построек комплекса № 7 были выявлены кладка 125 и фрагменты кладок 126 и 127, которые, как можно предположить, могли относиться к отдельной постройке – помещению № 38 (рис. 14). Кладка 125 длиной 6,25 м располагалась по линии ЮЮВ–ССЗ, в южной и центральной частях кладки были зафиксированы удлинённо-полукруглые в плане выемки размером 0,65–1×0,5 м, которые, по всей видимости, являются остатками ям от опорных столбов, укреплявших кладку. Судя по остаткам стен, можно предположить, что помещение № 38 в плане было прямоугольным, вытянутым по линии ЗЮЗ–ВСВ. Приблизительные внутренние размеры его: по линии ЗЮЗ–ВСВ – 3,8 м, по линии ЮЮВ–ССЗ – 2,7 м.

В ходе расчистки конструкций, включённых в состав западного квартала, было выявлено 1254 фрагмента античной керамики, в т. ч. 41 обломок кровельной черепицы, 1046 фрагментов остродонных амфор (241 профильная часть), 146 фрагментов гончарной столовой и хозяйственной керамики и 21 обломок лепной посуды. Среди находок – 5 фрагментов терракотовых статуэток и 12 медных монет.

Амфоры V в. до н. э. представлены, в основном, фрагментами хиосских пухлогорлых амфор, а также немногочисленными обломками хиосских прямогорлых, «протофасосских» и лесбосских красноглиняных амфор. Более разнообразна номенклатура керамической тары IV–II вв. до н. э.: отмечены фрагменты хиосских колпачковых, мендейских, гераклейских и синопских амфор IV в. до н. э., колхидских IV–III вв. до н. э., херсонесской конца IV–III в. до н. э., родосских III–II вв. до н. э., косской III в. до н. э., синопских амфор позднего типа 2-й половины III–II вв. до н. э. Среди амфорных материалов выявлено 3 клейма: 1) клеймо на ручке амфоры Книда, фабрикант *Xanthos* (V/VI МХГ: 165–115 гг. до н. э.); 2) родосское клеймо с названием месяца; 3) ретроградное клеймо «ΠΑΣΙ» на ручке светлоглиняной амфоры I–II вв. н. э.

Нумизматические материалы состояли из следующих медных боспорских монет: 1) пантикапейская, эмиссии 2–3-й четверти III в. до н. э.; 2) пантикапейская, эмиссии 2-й половины III в. до н. э.; 3–4) пантикапейские, эмиссии конца III – середины II в. до н. э.; 5–7) фанагорийские, эмиссии конца III–II в. до н. э.; 8) пантикапейская, эмиссии II в. до н. э.; 9) пантикапейская, эмиссии конца II в. до н. э.; 10) пантикапейская, эмиссии рубежа II–I вв. до н. э.; 11) Понтийское царство, г. Амис, тетрахалк эпохи Митридата VI, выпуск около 105–90 гг. до н. э. 12) монетный кружок III в. до н. э. с литниками.

К северу от площади центрального и западного кварталов находились постройки северо-западного квартала (рис. 15). Восточную часть его занимали остатки кладок

Рис. 15. Северо-западный квартал. План

и вымосток. В центре располагался комплекс № 8, вытянутый по линии С–Ю и состоявший из 3-х прямоугольных помещений (№ 40–42). Общая длина их 15 м, ширина от 2,75 до 3 м. Внутренние размеры построек: помещение № 40–3,65×1,77 м; помещение № 41–3,9×1,65 м; помещение № 42–5,3×1,75 м. В северной части помещения № 42 была открыта вымостка из плоских плит и зернотёрок, возможно, остатки внутреннего дворика.

В 5 м к западу от помещений комплекса № 8 находился односекционный комплекс № 9 (помещение № 43), вытянутый по линии С–Ю, размером 9,55×3,35 м. Внутренние размеры 8,35×1,75–1,9 м. Обширное незастроенное пространство между комплексами (8,5×5 м), являлось, по-видимому, северной частью вышеупомянутой центральной площади. Западнее комплекса № 9 располагался дворик размером 8×6 м. Поверхность его была практически сплошь покрыта остатками каменных развалов и вымосток. Оба комплекса и дворик с севера были ограничены цоколем стены длиной 17,75 м (кладки 143 и 144), ориентированной по линии З–В. По-видимому, севернее указанной стены располагались ещё два дворика с остатками вымосток.

При расчистке развалов сооружений северо-западного квартала обнаружено 6853 фрагмента керамики, в т. ч. 106 обломков черепицы (98 керамид и 8 калиптеров), 6033 фрагмента остродонных амфор (881 профиль), 622 фрагмента гончарной столовой и хозяйственной керамики и 92 обломка лепной посуды. Треть профилированных амфорных фрагментов приходится на долю различных типов хиосских амфор V в. до н. э. (раннепухлогорлых, пухлогорлых развитого варианта, позднепухлогорлых, прямогорлых и протоколпачковых). К V в. до н. э. относились также фрагменты «протофасосских» и красноглиняных лесбосских амфор, единичные обломки амфор Клазомен, амфор типа Самос–Милет и круга Фасоса с раздутым горлом. Керамическая тара IV в. до н. э. представлена фрагментами амфор Менды, Фасоса, круга Фасоса, хиосских с колпачковой ножкой, Книда, Гераклеи, Синопы. К III–II в. до н. э. относились обломки амфор Книда, Коса, Родоса, Синопы позднего типа, Колхиды, Херсонеса.

Среди амфорных фрагментов было выявлено 12 клейм: 1) фасосское клеймо, магистрат *Arist (-)* (2-я половина 70-х гг. IV в. до н. э.); 2) монограммное клеймо на ручке амфоры Менды (2–3-я четверти IV в. до н. э.); 3) книдское клеймо, фрурарх *Ariteidas* (IVБ ХГ: между 214–166 гг. до н. э.); 4) родосское клеймо, магистрат *Kleōnymos 2* (около 182 г. до н. э.); 5) родосское клеймо, магистрат *Damainetos* (около 159/158 гг. до н. э.); 6) родосское клеймо, фабрикант *Aristokratēs* (2-я – начало 3-й четверти II в. до н. э.); 7) родосское клеймо, фабрикант *Rodippos* (1-я половина II в. до н. э.); 8) нечитаемый оттиск родосского клейма; 9) гераклейское клеймо, магистрат *Hia (-)* (IA МХГ: начало 90-х гг. IV в. до н. э.); 10) синопское клеймо, астином *Mikrios 1* (IVC МХГ: 80-е гг. III в. до н. э.); 11) синопское клеймо, астином *Iobakchos Molpagorou* (VIB МХГ: конец 40-х гг. III в. до н. э.); 12) синопское клеймо, астином *Eucharistos 3 Kallisthenou* (VIC МХГ: 30-е гг. III в. до н. э.).

Следует отметить и обломок боспорской черепицы с остатками клейма: «КР [АТІП (ПОУ)]», которое можно датировать 380–350 гг. до н. э.

По-видимому, в состав построек «Восточного района» входил ещё один строительный комплекс – колодец с каменной обкладкой стен, открытый в 22 м к ВЮВ от сооружений восточного квартала, на стыке квадратов № 1 и 13 (рис. 1). Горловина колодца, сложенная из крупного рваного известняка, в плане имела неправильно-округлые

очертания и была слегка вытянута по линии С–Ю. Внутренний диаметр её составлял от 1,4 до 1,7 м, внешний – от 2,4 до 2,9 м. Стенки колодца были сложены в перевязь из рваного крупного известняка и плоского плитняка. В нижней части ствол колодца заметно сужался, его диаметр не превышал 0,8–0,95 м. В колодце была достигнута глубина 4,2 м от верхнего уровня горловины.

Из заполнения колодца было извлечено свыше 2200 фрагментов античной керамики, главным образом, остродонных амфор, среди которых можно выделить следующие: 1) горло с двумя ручками и ножка амфоры Икоса с дипинто «АΛ» в нижней части горла и рельефным клеймом на ручке с изображением коня в круге (2-я – 3-я четверти IV в. до н. э.; 2) горло амфоры Книда 2-й половины IV в. до н. э.; 3) горло хиосской амфоры типа с колпачковой ножкой 2-й половины IV в. до н. э., на горле – дипинто в виде буквы «Δ»; 4) горло синопской амфоры с клеймом астинома *Mantitheos 1* (II B МГ: 30-е – 20-е гг. IV в. до н. э.); 5–8) горла синопских амфор с различными буквенными дипинти; 9) горло амфоры Коса с одной целой двуствольной ручкой, с дипинто «MI» (?) (последняя четверть IV – начало III в. до н. э.).

В собрании амфорных фрагментов из колодца присутствовали также венцы и ножки всех типов хиосских амфор V–IV вв. до н. э. (пухлогорлых развитого варианта, позднепухлогорлых, прямогорлых, протоколпачковых и колпачковых), «протофасосской» амфоры 1-й трети V в. до н. э., амфор Милета 2-й четверти и середины V в. до н. э., фасосской амфоры середины – 3-й четверти V в. до н. э., фасосских амфор биконического типа IV в. до н. э., амфор Пепарета 1-й трети IV в. до н. э., амфор Книда середины – 3-й четверти IV в. до н. э., амфоры Самоса середины IV в. до н. э., мендейских, синопских и гераклейских амфор IV в. до н. э.

Среди обломков керамической тары, помимо двух упомянутых амфорных клейм, было обнаружено ещё 11 клейм: 1) фасосское клеймо, магистрат *Thasōn* (около 312 г. до н. э.); 2) фрагмент гераклейского клейма, магистрат *Kerkinos* (II Б МХГ: 70–е гг. IV в. до н. э.); 3) фрагмент гераклейского клейма, магистрат *Agasillos* (IV A МХГ: конец 50-х гг. IV в. до н. э.); 4) синопское клеймо, фабрикант *Timōris* (РФГ: конец 60-х гг. IV в. до н. э.); 5) синопское клеймо, астином *Mnēsis* (II A МГ: 30-е – 20-е гг. IV в. до н. э.); 6) синопское клеймо, астином *Prōtagoros 1* (II A МГ: 30-е – 20-е гг. IV в. до н. э.); 7) синопское клеймо, астином *Dioysios 2* (III A МГ: конец 20-х гг. IV в. – начало III в. до н. э.); 8) синопское клеймо, астином *Apollodōros 2* (III A МГ: конец 20-х гг. IV в. – начало III вв. до н. э.); 9) синопское клеймо, астином *Hekataios 2* (V C МГ: конец 80-х – начало 50-х гг. III в. до н. э.); 10–11) фрагменты двух нечитаемых синопских клейм.

Судя по набору амфорной тары, колодец функционировал в течение V–IV вв. до н. э. и был заброшен в середине III в. до н. э. В целом материалы из колодца синхронны находкам из строительных остатков «Восточного района». В связи с этим можно предположить, что колодец также относился к указанному району сплошной застройки и входил в систему его водоснабжения.

Как представляется, едва ли весь вышеописанный район был застроен единовременно. Так, комплексы и помещения восточного квартала отличались по планировке и ориентировке от строений остальных кварталов. Застройка восточного квартала (комплексы № 1, 2 и прилегающие постройки) весьма хаотична, с различной ориентировкой.

Можно также отметить, что в восточном квартале при сооружении цоколей стен не использовались контрфорсы. Планировка центрального, западного и северо-западного кварталов более строгая; возможно, застройка этих участков производилась по единому плану. Вероятно, в составе кварталов существовали постройки как жилого, так и хозяйственного назначения. О жилом характере некоторых строений (помещений) может говорить значительное количество фрагментов различных терракотовых статуэток.

Отметим, что керамические материалы, полученные при расчистке строительных остатков «Восточного района», в значительной степени перемешаны. Обломки остродонных амфор представлены в диапазоне конца VI – начала V в. до н. э. – рубежа II–I вв. до н. э. Встречаются и обломки амфор первых веков н. э. Вместе с тем создается впечатление, что среди находок из комплекса № 1 и других помещений восточного квартала преобладают амфоры V–IV вв. до н. э. Несколько иная картина в районе центральной площади и в западном квартале: здесь наблюдается увеличение керамических находок III–II вв. до н. э. Как представляется, показательна и динамика распределения амфорных клейм по различным участкам района: из восточного и центрального кварталов происходят, главным образом, гераклейские и синопские клейма IV–III вв. до н. э. А на участке центральной площади, западного и северо-западного кварталов заметно увеличение количества родосских клейм II в. до н. э.

Расписная керамика, найденная при расчистке помещений «Восточного квартала», представлена стенкой чернофигурного сосуда, украшенной широкой полосой чёрного лака и пальметтой, а также фрагментами краснофигурного кратера. От сосуда сохранились фрагмент отогнутого наружу венчика и две части тулова. Поверхность кратера под венчиком и в придонной части украшена бордюрами из полуов, на горле и тулове сосуда имеются остатки изображения не менее трёх персонажей. При росписи кратера был использован чёрный лак и белая краска.

Чернолаковая керамика немногочисленна – не более 45 мелких фрагментов. Среди них представлены различные венчики открытых сосудов (прямые, отогнутые и загнутые), ручки киликов, венцы и вертикальные ручки канфаров, венчик мегарской чаши (покрыт лаком низкого качества), стволы ножек и обломки кольцевых поддонов. Можно отметить профиль миниатюрной мисочки с загнутым бортиком, на кольцевом поддоне, внутри украшенной тремя концентрическими кругами насечек и штампованными пальметтами.

Столь же немногочисленна краснолаковая керамика (34 фрагмента). К этой группе относились прямые бортики мисок и загнутые венчики открытых сосудов, бортик и кольцевой поддон мегарской чаши, фрагмент фигурной ручки сосуда, обломки кольцевых поддонов. Отметим целую краснолаковую чашу с полусферической формой тулова и прямым бортиком, высотой 6,6 см и диаметром 12,4 см. Дно чаши скруглено, по его центру, снаружи – небольшое углубление. Тулово покрыто лаком с жёлтыми пятнами.

Среди сравнительно многочисленных фрагментов терракотовых статуэток можно выделить следующие:

– терракотовая фигурка, изображающая воина с большим овальным щитом. Голова статуэтки отбита. С тыльной стороны имеется прямоугольная прорезь. Сохранившиеся размеры: 8,2×4,5 см;

– фрагмент протомы: изображение Леды, сидящей верхом на лебеде вправо;

– фрагмент односторонней терракоты в виде бычка, обращённого вправо;

– фрагмент протомы с изображением женского торса;

– целая статуэтка, изображающая девушку и обнимающего её за плечо юношу. Мужская фигура практически обнажена. Реалистично переданы черты лиц персонажей, детали их причёсок и одежды. Возможно, изображены Эрот и Психея. Высота статуэтки 11,8 см;

– фрагмент статуэтки: стоящая обнажённая мужская фигура, с сумкой на длинном ремне, переброшенном через правое плечо. Терракота фрагментирована: отбиты голова, ноги и её задняя часть. Сохранившаяся высота статуэтки 8,3 см.

Распределение нумизматических находок (пантикапейские и фанагорийские монеты) не столь показательно, как распределение амфорных материалов. Большинство монет датируются III–II вв. до н. э. Отметим, что значительная часть из них была найдена на участках площади, а также центрального и западного кварталов. Немногочисленные монеты III–IV вв. н. э., видимо, имеют случайное происхождение.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют наметить следующую схему возникновения и развития района сплошной застройки. Первоначально, в V в. до н. э., возможно, во 2-й половине этого столетия, возникли постройки восточного квартала, существовавшие и в IV–III вв. до н. э. Видимо, позднее, в IV в. до н. э. были сооружены комплексы центрального и западных кварталов, функционировавшие и в III–II вв. до н. э.

В заключение следует отметить, что в ходе предыдущих раскопок поселения «Волна I» были исследованы строительные остатки отдельно стоящих построек или усадеб IV–III вв. до н. э. Однако столь обширный участок сплошной и компактной застройки, каковым являлся «Восточный район», открыт на памятнике впервые. Исходя из расположения «Восточного района» на окраине поселения, можно предположить, что в целом данный участок являлся неким обособленным районом поселения «Волна I», инкорпорированным в его структуру.

Список литературы

Блаватский, 1955. Блаватский В. Д. Третий год работы в Синдике // КСИИМК. 58.

Блаватский, 1958. Блаватский В. Д. Об археологическом исследовании хоры // Вестник МГУ: историко-философская серия. 4.

Блаватский, 1959. Блаватский В. Д. Пятый год работ в Синдике // КСИИМК. 74.

Богословский, 1993. Богословский О. В. Отчёт о работе Панагийской археологической экспедиции в 1993 г. // Архив Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. № 278.

Гёрц, 1870. Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Труды Московского археологического общества. Т. 2. Вып. 3. М.

Житников, 2005. Житников В. Г. Работы на поселении Волна 1 // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Житников, 2006. Житников В. Г. Исследования поселения Волна 1 на Таманском полуострове // ИАИАНД в 2004 г. Вып. 21.

Паромов, 1989. Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 196.

Соколов, 1919. Соколов В. В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 56.

Соловьев, 2001. Соловьёв С. Л. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция в 2000 году // ОАСГЭ за 2000 год. СПб.

Соловьев, Бутягин, 1998. Соловьёв С. Л., Бутягин А. М. Комплексная научно-исследовательская программа «Синдский остров»: краткие итоги кампании 1996–1997 гг. // ТС. 1.

Соловьев, Бутягин, 1999. Соловьёв С. Л., Бутягин А. М. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция в 1998 году // ОАСГЭ за 1998 год. СПб.

Соловьев, Бутягин, 2000. Соловьёв С. Л., Бутягин А. М. Южно-Таманская античная комплексная археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 1999 году // ОАСГЭ за 1999 год. СПб.

Соловьев, Бутягин, 2002. Соловьёв С. Л., Бутягин А. М. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // ТС. 4.

Summary

V. G. Zhitnikov
«Eastern District» of Residential and Household Development Area of the 5th–2nd Centuries BC on the Settlement of Volna I (Taman Peninsula)

The publication presents some results of the excavations of the settlement of Volna I, situated on the Taman Peninsula. During 2011–2014 digging seasons at the eastern outskirts of the site on the area of 2600 square meters it was studied so-called «Eastern District» – completely built-up area of the settlement in the 5th-2nd centuries BC. «Eastern District» was a zone of interrelated single-chamber and multi-chamber constructions of ground-based building type. The district included more than 40 compartments, which were interlocked in separate complexes. The cob walls of the buildings were built on stone socles of width 0,5–0,7 meters, which were laid down in a system irregular postelistye three-row masonry from quarry limestone

or shell rock. Flat tiles of sandstones and debris of grain bruisers were used often in the construction. Numerous fragments of amphorae were used as a filling of the stone masonries. The tracks of the columnar structures were traced in the form of semicircular hollows within some stone socles. The several buttresses were constructed to strengthen some of the walls. «Eastern District» consisted of the Eastern, Central, Western and North West quarters as well as Square, which was a center for the whole district. The dating amphorae material (including amphora stamps of Thasos, Knidos, Mende, Rhodes, Heraclea Pontica and Sinop), fragments of black pottery and Bosporan copper coins gives reasons to date «Eastern District» of the 5th–2nd Centuries BC.

А. А. Завойкин, Н. В. Завойкина
(Институт археологии РАН, Москва)

Ильичевская крепость и ее обитатели в I–II вв. н. э.

В период правления на Боспоре Аспурга на Фонталовском п-ове сформировалась особая система военно-земледельческих поселений, структурообразующим элементом которой стали небольшие крепости-батарейки [Сокольский, 1966а, 128; Сапрыкин, 1985, с. 70–71, 73–76; 2010, с. 107; Толстиков, 1992, с. 41 сл., 44; Бонин, 2014, с. 74–87; Гарбузов, Завойкин, 2015, с. 101–107]. Они располагались по периметру полуострова, а также внутри его территории. Стратегически важное место в этой системе занимала крепость, находившаяся в непосредственной близости от северной переправы через Боспор Киммерийский, контролируя, таким образом, подступы к столичному району государства.

В историографии утвердилось мнение, что эти поселения были *катойкиями*, в которых обитали люди, лично обязанные царю: они должны были нести военно-охранительную службу, получая за это право пользоваться выделенной им землей, располагавшейся на царской хоре [Сапрыкин, 2002, с. 181–203, с учетом предшествующей литературы][1]. Высказывалось также предположение, что на Фонталовском полуострове проживали в это время сарматы-аспургиане, которые были тесно связанны родственными отношениями с царем Аспургом [Сокольский, 1976, с. 107; 1976, с. 107–108; ср. Сапрыкин, 1985, с. 65–68]. Однако в последствие возобладало мнение, что аспургиане – это не сарматы, а военные поселенцы, получившие свое наименование по имени царя Аспурга и расселенные по его приказу в основанные им крепости-батарейки на царских землях Таманского полуострова [Сапрыкин, 2002, с. 177–181].

Принять эту точку зрения полностью едва ли можно, и вот почему. Дело не только в том, что Страбон ясно указывает на локализацию аспургиан на пространстве в 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией (Strabo XI. 2, 11), то есть в юго-восточной части Таманского полуострова и в Синдике, а Фонталовский п-ов остается за пределами земель, отмеченных географом. Важнее принять в расчет справедливое суждение С. Ю. Сапрыкина, который, следуя мнению Брандиса (Bosporos – *RE*, 1897, Bd. III, Ht. 1, Hbbd. V) о том, что «Nomenativus к τῶν Ἀσπουργιανῶν надписей II–III вв. н. э. будет не οἱ Ἀσπουργιανοί, а τὰ Ἀσπουργιανά, т. е. “место, замок, местность аспургиан”

[1] Основы этой системы поземельных отношений были заложены при Митридате Евпаторе, который перенес на Боспор принципы военно-административной организации территории из Понта.

и не может быть обозначением этникона. Таким образом, слово "аспургиане" в письменных и эпиграфических источников первых веков нашей эры должно означать определенный район или территорию, населенную людьми, каким-то образом связанными с Аспургом…» [Сапрыкин, 1985, с. 68]. А из этого следует, что занятая аспургианами территория, которую контролировал ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν (КБН 36; 1246 1248), не может совпадать с территорией, которая находилась под юрисдикцией ὁ ἐπὶ τῆς νήσου (КБН 40, 697, 982.12, 1000).

Н. И. Сокольский «островом» считал совр. Фонталовский п-ов, якобы отделенный от остальной Тамани Субботиным ериком. Исследователь, ссылаясь на Страбона и надпись КБН 36, в которой упомянут ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, полагал, что территория аспургиан располагалась к югу от Фанагории [Сокольский, 1976, с. 111–112]. Этого же мнения придерживается и С. Ю. Сапрыкин: «Области "начальника острова" и "аспургиан" расположены друг с другом по соседству ("около Синдики", по выражению Страбона), так как общеизвестно, что ἡ νῆσος – это северо-западная часть Таманского полуострова» [Сапрыкин, 1985, с. 70].

Однако новые палеогеографические исследования на Таманском п-ове привели к однозначному выводу о том, что в античное время весь этот регион представлял собой единый остров[2], не разделенный протоками Кубани, которые в действительности отделяли его от Синдики[3] [см.: Болиховская и др., 2002; Горлов и др., 2002; Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 151–154; Журавлев и др., 2015, 107–115; Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014, p. 212–214; Гарбузов, 2016; *etc*].

Исследования последних лет предоставили также новые данные о системе расселения на Таманском полуострове в античное время и позволили уточнить дату возникновения крепостей-батареек на Фонталовском п-ове [см.: Бонин, 2014, с. 74– 87; Гарбузов, Завойкин, 2015, с. 101–107; Гарбузов, Сударев, 2015, с. 136–142]. Однако вопрос о составе их населения, а также поселений, которые со временем формируются вокруг них, нельзя считать решенным. Отмеченное выше мнение базируется исключительно на аналогиях и не подтверждено пока глубоким анализом конкретных источников. К сожалению, недостаточно затронуты раскопками некрополи поселений Фонталовского п-ова первых веков н. э., а некоторые из них – до сих пор не обнаружены, в том числе и некрополь обитателей Ильичевского городища.

Эпиграфическая же коллекция этого археологического памятника на фоне мизерного числа аналогичных находок из других боспорских крепостей римского времени выглядит внушительно – 15 надписей. Так, с поселения Красноармейский 1, одного из крупнейших в числе поселений с крепостями на Азиатском Боспоре[4], не опубликовано ни одной лапидарной надписи. При раскопках Илурата, вероятно, самой большой из крепостей в оборонительной системе Европейского Боспора, было найдено лишь несколько фрагментов надписей II–III вв. н. э. (КБН

[2] Не считая, разумеется, маленьких островков – Голубицкого и Благовещенский останец.

[3] Ср. Ps.-Scymn., 890–895. Вовсе не Фонталовский п-ов от прочей части Таманского п-ова, как у Сокольского [1976, с. 115].

[4] Н. И. Сокольский определял площадь городища в пределах 20 га, а Я. М. Паромов по распространению подъемного материала определял ее в 80 га [Бонин 2014, с. 79].

966–968)[5]. Из крепостей Азиатского Боспора выделим Патрейскую батарейку, в районе которой были случайно обнаружены две надписи второй половины II – начала III вв. н. э. [Смирнова (Завойкина) 2002, с. 228–229]. А непосредственно с территории городища происходит целая серия эпиграфических находок: надгробия, строительные надписи и две надписи неясных типов (КБН 1017–1019; 1020 [ревизия: Иванчик, Петерс, 1988, с. 119–122]; [Емец, Петерс, 1992, с. 129 сл.]).

При рассмотрении вопроса о населении Ильичевской крепости в I–II вв. н. э., эпиграфические данные, конечно же, не могут быть проигнорированы. Но сначала имеет смысл представить ее характеристику по материалам археологических исследований.

Археологические материалы

Общая характеристика памятника. Ильичевское городище расположено на северо-восточной окраине пос. Ильич (Темрюкский р-н). Его размеры составляют ок. 400×400 м [Сокольский, 1966а, с. 126], или 400×300 м [Шелов, 1951, с. 228], т. е. около 12–16 га[6]. Данные аэрофотоснимков 1943 г. показывают, что размер городища лучше всего соответствует расчетам Д. Б. Шелова [Гарбузов, Сударев, 2015, с. 137[7]]. В центральной его части расположена возвышенность: остатки крепости – «цитадели» высотою 6–8 м, считая от подошвы холма [Шелов, 1951, с. 228; Сокольский, 1966а, с. 127; Николаева, 1976, с. 376.]. В плане холм близок к квадрату со сторонами ок. 100×100 (90×80 м) [Сокольский, 1966а, с. 127; Николаева, 1979, с. 376; 1981, с. 88]. В 50–80 м от «цитадели» находятся невысокие (4–5 м) гряды земляных валов, некогда окружавших крепость со всех сторон[8] [Шелов, 1951, с. 228; Гарбузов, Сударев 2015, с. 137–138, рис. 2]. В последствие они использовались в качестве места для свалки мусора [Шелов, 1951, с. 230; Николаева, 1981а, с. 88]. Поселение рубежа н. э. – II в. н. э. располагалось в пределах этих земляных валов [Николаева, 1981а, с. 88]. По сообщению Э. Я. Николаевой, рвы перед валами обнаружить не удалось, «однако к востоку от городища Н. И. Сокольским выявлены на протяжении 1850 м остатки рва, т. е. внешней системы укреплений, защищающей поселение от нападения с суши, из глубины острова (ныне полуострова)» [Николаева, 1981а, с. 88; 1990, с. 136]. За пределами валов исследовались площади (с 1986 г.) к югу от крепости. Здесь был раскопан винодельческий комплекс, датированный Э. Я. Николаевой концом IV–V в. н. э. Винодельня (Иль-1) погибла в пожаре в V в. н. э. Другая винодельня (Иль-2), относящаяся к рубежу н. э., была открыта (1993 г., раскопки Э. Р. Устаевой) примерно в 0,6 км на З–СЗ от крепости, у берегового обрыва. А. А. Завойкин исследовал (1996–1997 гг.) остатки усадебного комплекса первой половины I в. н. э.

[5] Две надписи (КБН 967, 968) использовались вторично в строительстве (КБН 1965, с. 547 сл.). Надгробие Матридора (КБН 968) относится к категории надписей частных сообществ [Завойкина, 2013, с. 129–130]. Надпись КБН 966, вырезанная на мраморной плите, сохранились очень фрагментарно: в ней вычитывают остатки эпонимной формулы. А. И. Болтунова рассматривала этот фрагмент как часть строительной надписи и предполагала, что в ней сообщалось о возведении какого-то крупного сооружения на территории крепости (КБН 966, lemma).

[6] Э. Я. Николаева [1979, с. 376] оценила площадь городища в 6,5 га. Я. М. Паромов по распространению подъемного материала определил площадь памятника в 42 га [1992а, с. 98].

[7] Оценка авторами площади городища по снимку – 9–10 га.

8 Южный уничтожен в 1964 г. при строительстве дороги.

также у берегового обрыва, примерно 0,3 км юго-западнее этой винодельни. Опираясь на наблюдения Д. Б. Шелова на свежевспаханном поле [1951, с. 228], можно считать, что оба хозяйственных комплекса лежали в некотором удалении от основного поселения (которое ограничивалось в это время пределами земляного вала) и представляли собой, по-видимому, отдельные приусадебные сооружения[9].

До сих пор не найден грунтовый могильник городища [Николаева, 1974б, л. 17–19; Шавырина,1983]. В 1983 г. Т. Г. Шавыриной исследовались могилы эллинистического времени и первых вв. н. э. к юго-востоку от городища, вблизи большого кургана эпохи бронзы. Судя по времени погребальных памятников, они принадлежат некрополю небольшого сельского поселения Ильич 2. Не исключено, впрочем, что в I–II вв. н. э. здесь хоронили умерших и жители крепости [ср. Шавырина, 1983, л. 14]. Можно лишь предполагать, что некрополь располагался в районе северной окраины совр. поселка[10].

Краткая история исследования. Впервые памятник посетил 17 июня 1794 г. П. С. Паллас [1883, с. 89]. Позднее здесь побывали Дюбуа де Монпере [Dubois, 1843, p. 44] и Я. М. Лазаревский [1861, с. 30–31], упомянувший кроме «батареи» около хут. Гервасия и на восток от дороги 12 курганов (8 вокруг крепости и 4 по дороге [см. Герц, 1898, с. 142]). В 1869 г. «батарею» осмотрел В. Г. Тизенгаузен, который в том же году получил известие, что в 1/2 версты от Кордона, близ хут. Косенко, в кургане вымыт дождем «большой камень с резными украшениями» – акротерий коринфского ордера [Герц, 1898, с. 143, рис.]. В следующем году Тизенгаузен провел первые раскопки на памятнике [ОАК за 1870/71 гг., с. XII–XIV]. Было заложено 6 раскопов в разных местах крепости. Установлено, что в основании насыпи по краям расположены стены из дикарного камня и тесаных известняковых плит. В числе последних (особо в юго-западном углу) обнаружено несколько надгробий с рельефами и эпитафиями. Две такие же плиты найдены в северо-восточном углу укрепления, одна – с южной стороны «у небольшого углубления, образующего как бы вход в городище». В западной холмообразной насыпи (в валу) выявлены груды мусора и золы. На территории самой крепости (с восточной стороны) были раскопаны пифосы, получены разнообразные находки, в т. ч. «несколько бронзовых босфорских монет, относящихся ко второму и третьему векам по Р. Х.». Незаинтересованный этими открытиями В. Г. Тизенгаузен более не возвращался к раскопкам городища.

В 1926 г. памятник привлек внимание А. С. Башкирова [1927, с. 34–35]. Он характеризует его как «огромное городище, поверхность которого усеяна массой культурных остатков, имеет в своей северо-восточной части ряд больших возвышенностей… И размеры городища, и его насыпи говорят о том, что в древности здесь был крупный населенный

[9] В 2015 г. в связи со строительными работами по сооружению кабельного перехода через Керченский пролив были начаты масштабные исследования у северо-восточной окраины поселка. Они затронули большие площади в береговой зоне, участок городища вдоль внешней объездной дороги – с внешней ее стороны от вала к З-ЮЗ и с внутренней, вплотную к раскопу с винодельней Иль-1, «Раскоп 1» по А. В. Бонину. Здесь был открыт «многослойный хозяйственный комплекс… I–VI вв. н. э.» [Бонин, Завойкина, 2016, с. 68]. В результате работ на памятнике, возглавляемых А. В. Бониным (Москва) и О. В. Шаровым (Санкт-Петербург), получен богатейший материал, который, без сомнений, позволит внести существенные коррективы в нынешние представления об истории Ильичевского поселения и его обитателей. Пока же эти материалы не опубликованы, нам остается только ждать.

[10] Наблюдения за земляными работами в пос. Ильич в 1996–1997 гг. нигде не выявили следов культурного слоя или отдельных древностей [ср. Шелов, 1951, с. 228; Сокольский, 1966а, с. 140].

пункт, об этом говорят и те цепи курганов, которые направляются сюда с восточной части п-ова. Здесь же на хут. Куксенко нами обнаружена и взята на учет для Темрюкского музея надгробная стела (рис. 6) хорошей сохранности с рельефными изображениями». С Ильичевским городищем визуально был знаком С. Ф. Войцеховский [1929, с. 29].

После продолжительного перерыва, в 1949 г. Д. Б. Шелов произвел здесь разведочные раскопки [Мерперт, 1950; Шелов, 1951]. Эти небольшие работы важны как с точки зрения определения структуры памятника, так и стратиграфии. Были установлены приблизительные размеры городища. Удалось выяснить, что «*слой римского времени лежит прямо на материке*, без подстилающего слоя». Это наблюдение справедливо для всех участков, подвергнутых исследованию. Большинство находок Д. Б. Шелов датировал I–II вв. н. э. и III–IV вв. н. э., встречены были и фрагменты керамики V–VII вв. Он отмечал, что «только единичные и незначительные фрагменты керамики эллинистического времени свидетельствуют о том, что жизнь на г-ще возникла ранее I в. до н. э.». Местоположение некрополя данного поселения обнаружить не удалось, но во дворах местных жителей экспедицией были зафиксированы обломки трех надгробных стел (одна с надписью) и получены сведения еще о двух (утраченных), относящихся к I в. н. э. [Шелов, 1951, с. 228–231].

Новый этап в исследовании памятника положили раскопки Н. И. Сокольского в 1964–1967 гг. [Сокольский, 1965а; 1966б; 1966а; 1967а]. Исследователь выделял три слоя, из которых интерес для нашей темы представляет 1-й. Это крепостная стена из сырцового кирпича (0,52×0,53×0,07 м) шириной 2,20 м, в основании которой с внутренней стороны каменная кладка шириной 0,60 м. Этот слой только по аналогии (то есть, датирующих находок в первый год раскопок не было) датирован I в. до н. э. – II в. н. э. Он лежит *непосредственно на материке*. Н. И. Сокольский считал, что поселение продолжает жить и во II–III вв. н. э. после разрушений на рубеже I и II вв. н. э., «но об этом периоде жизни крепости раскопки 1964 г. не дали материалов» [Сокольский, 1966а, с. 128][11].

После небольшого перерыва раскопки Ильичевской крепости были продолжены Э. Я. Николаевой (с 1974 по 1991 гг.). Работы в основном проводились на самой цитадели, за пределами которой исследовались небольшие площади. Основное внимание исследовательницы было сконцентрировано на изучении выдающихся по сохранности и редких на Тамани в хронологическом отношении комплексов IV–VI вв. н. э., которые подтвердили выводы Сокольского о двух хронологических периодах жизни на Ильичевской крепости: I–II вв. н. э. и IV–V вв. н. э.[12]

[11] Второй слой представлен вышележащими остатками дома IV в. н. э. Мощность этого слоя до 1,60 м. В нижней его половине ярко выраженное пожарище, в котором погибло сооружение. К этой обводной стене были пристроены жилые и хозяйственные помещения, «подобные помещениям ранее погибших крепостей на соседних городищах» [Сокольский, 1966а, с. 130]. В помещениях были обнаружены богатые вещевые комплексы, закрытые при единоразовом разрушении крепости. Эти материалы были тщательно исследованы Н. И. Сокольским и отнесены ко времени после гуннского нашествия [1966а, с. 131–138]. 3-й – позднейший, слой (до 1,30 м), датируемый VIII–XI в. Среди находок из слоя характерны плоскодонные «черносмоленые» кувшины тмутараканского типа, небольшие круглодонные амфоры с профилированными ручками и редкие фрагменты амфор с высоко поднятыми ручками X–XI в. [Сокольский, 1966а, с. 139–140].

[12] В результате этих работ (логически завершившихся диссертационным исследованием [Николаева, 1984б, в]) имеем редкую по полноте картину жизни и гибели позднеантичного – ранневизантийского поселения. Именно исследования ильичевских комплексов стали стимулом для пересмотра хронологии целого ряда боспорских памятников.

Э. Я. Николаева выделяет 6 культурных напластований (от I в. до н. э. – до VII–IX вв. н. э.), из которых нас интересуют два самых ранних.

Слой I. К нижнему слою отнесены остатки стен крепости-1, толщина которых достигала 2,4–2,45 м. Каменный фундамент их имел 0,40 м в высоту и служил основанием для сырцово-кирпичной стены (кирпич: 0,52×0,52×0.07 м), сохранившейся в высоту на 1,80 м. Впритык к ней был пристроен внешний откос (как у Батарейки II), ширина основания которого 2,20–2,30 м. Общим основанием крепости служила искусственная «подушка» из суглинка, под которой – супесь и чистый песок, содержащий единичные фрагменты керамики I в. до н. э. – I в. н. э.: ручки косских и двуствольных светлоглиняных амфор, обломки эллинистической черепицы, фрагменты буролаковой посуды и чернолакового сосуда [Николаева, 1981а, с. 89].

Слой II. Слой желто-коричневого суглинка с обломками сырцовых кирпичей, на котором стоял фундамент мощной стены (№ 39), по-видимому, угловой башни, сложенный из крупных камней (в том числе, вторично использованных надгробий). В слое найден материал, аналогичный находкам из слоя пожарища на Батарейках I и II: амфоры «слоистой глины» (?), светлоглиняные узкогорлые I в. н. э., краснолаковая посуда I–II вв. н. э. [Николаева, 1981а, с. 90].

Бросается в глаза скудость материалов, отражающих первый период истории крепости. По сути дела, он представлен только фортификационными сооружениями и остатками слоя под фундаментом стены башни (№ 39). Обоснование времени строительства крепости-1 (помимо ссылок на аналогии с другими памятниками) базируется на единичных находках под стилобатом, датируемых I в. до н. э. – I в. н. э. В целом эту дату подтверждают и наблюдения Д. Б. Шелова [1951, с. 229–230], согласно которым слой римского времени лежит непосредственно на материке и только единичные находки «свидетельствуют, что жизнь на городище возникла ранее I в. до н. э.». Та же проблема в полной мере касается и определения времени гибели крепости-1. Слой разрушения (под стеной № 39) синхронизует это событие с гибелью других боспорских батареек (конец I – начало II в. н. э.).

Но самый существенный вопрос возникает, когда мы переходим к характеристике периода между гибелью крепости-1 и строительством крепости-2. В рассмотренной статье Н. И. Сокольского прямо сказано, что после разрушения крепости-1 на рубеже I и II веков жизнь на городище продолжается, «но об этом периоде жизни крепости раскопки 1964 г. не дали материалов» [1966а, с. 129]. Примечательно, что не появились эти материалы и позднее[13]. В любом случае, если даже обнаружатся, судя по всему, немногочисленные находки II–IV вв. н. э., нам пока остаются неизвестными строительные остатки этого времени.

Все это наводит на мысль, что между крепостью-1 и крепостью-2 имелся значительный хронологический разрыв: III – конец IV в. н. э.[14] Даже если это следствие особенностей сохранности и изученности памятника, на этот вопрос следует обратить самое

[13] Э. Я. Николаева выделяет слой III–IV вв. н. э. под вымосткой № 35 [1981а, с. 90]. Однако эти неопубликованные материалы нуждаются в проверке.

[14] Н. И. Сокольский отмечал, что «… позднеантичный поселок располагался на руинах крепости I–II вв. н. э.» [1966б, с. 79].

пристальное внимание. В данной связи можно вспомнить, что вторично использованные в кладках крепости-2 надгробия (рельефные и с надписями) датируются I–II вв. н. э. Естественно предположить, что эти надгробия происходят из некрополя, оставленного обитателями крепости-1. Сам факт, что кладбище предшествующего периода было осквернено, а надгробные плиты с него пошли на строительные нужды, может рассматриваться как свидетельство того, что обитатели новой крепости (2) не были связаны родством со своими предшественниками. Отсутствие же надгробий III–IV вв. н. э. среди строительного камня позволяет думать, что некрополь, из которого черпали материал новые хозяева крепости, был оставлен еще во II в. н. э. Если это рассуждение признать верным в принципе, мы получаем возможность для взаимодатирования археологических и эпиграфических материалов.

1. Крепость римского времени[15]

Итак, мы наблюдаем раскопанные фортификационные сооружения первого периода жизни крепости (хронология которых, впрочем, не подкреплена новыми со времен Н. И. Сокольского материалами) и их модификацию в V–VI в. н. э. Но чем больше мы узнаем о последнем периоде жизни крепости у переправы, тем острее встает вопрос: «А где же, собственно, крепость ранняя?» Уникальная сохранность комплекса V–VI веков удерживала исследователей от того, чтобы на сколь-нибудь значительной площади изучить нижележащий культурный слой. В итоге складывается представление, будто остатки крепости I–IV вв. н. э. лежат ниже: под полами, вымостками и стенами поздней крепости. В стратиграфическом смысле это так и есть. Однако если бы мы устранили все те строительные остатки, которые Э. Я. Николаева не без основания считала крепостью ранневизантийской, вряд ли осталось что-нибудь существенное. И причина этого, думается, в том, что в поздней крепости максимально полно были использованы строения, оставшиеся от предшествующей. В сущности, последние – были реконструированы и перестроены. Два хронологических пласта как бы «впечатались» один в другой. И «стыки» между ними можно наблюдать только в надстройках стен (где это удается различить), закладке старых дверных проемов, в пристройках – перегородках к старым стенам внутри помещений, во врезке новых фундаментов в тело ранней оборонительной стены и т. д.

В принципе, кропотливый анализ мог бы позволить выявить эти новации и, тем самым, реконструировать первоначальный облик крепости. Однако эта задача весьма осложнена тем, что сооружения как крепости ранней, так и поздней могли и действительно неоднократно перестраивались, ремонтировались, подновлялись. Следовательно, выявление 2–3-х ярусов в одной стене или закладе дверного проема не позволяют решить, к какому именно периоду относится та или иная перестройка. Задача эта тем более сложна, что в большинстве случаев жилой уровень в помещениях оставался почти неизменным.

[15] К сожалению, лишь небольшая часть материалов, полученных в ходе раскопок, получила отражение в публикациях. Полевые отчеты о раскопках Д.Б. Шелова [1949], Н.И. Сокольского [1964; 1965б; 1966в; 1967б], Э.Я. Николаевой [1974б; 1975б; 1976б; 1977б; 1978б; 1980; 1981б; 1983; 1984в; 1985б; 1986; 1988; 1989; 1991] и Э.Р. Устаевой [Николаева, Устаева, 1990; Устаева, 1991; 1992], хранящиеся в Архиве ИА РАН, а также диссертационная работа Э.Я. Николаевой [1984б] значительно расширяют базу источников в сравнении с опубликованными материалами.

Новые обитатели старой крепости вычищали все, что оставалось от предшественников весьма тщательно. Именно такой факт засвидетельствовала Э.Я. Николаева, сопоставив находки из зольника, возникшего поверх земляных валов, и из помещений. Например, стеклянных сосудов с синими напаянными глазками, которые, по мнению исследовательницы, после разрушений в V в.н.э. были выброшены на свалку [Николаева, 1984б, л. 54–55; 1975б, л. 13,15]. В частности, это было зафиксировано на раскопе «Б». Материалы из раскопа «В», основную массу находок на котором составляют, по определению Э.Я. Николаевой [1975б, л. 14], находки II–III вв.н.э., по-видимому, говорят о том, что подобного рода «чистки» были неоднократными. В этих условиях нетронутые отложения ранее V в.н.э. могут сохраниться только вне помещений или в ямах. Лишь в редких случаях строительные остатки раннего периода оказались под сооружениями V–VI вв.н.э.

Не ставя перед собой задачу реконструкции ранней крепость, предлагаем обзор наиболее показательных в стратиграфическом плане контекстов, самые ранние элементы которых относятся (или могут относиться) к I–II вв.н.э.

1. Ко второй половине I в. до н.э.– I в.н.э. Н.И. Сокольский относил оборонительную стену (№ 9), которая покоилась на мощном стилобате из коричневой глины [Сокольский, 1966в, с. 43–46, 47]. К ней тогда же или, вероятно, несколько позднее с внешней, напольной стороны был пристроен откос из сырцового кирпича (аналогичный дополнительным укреплениям Батарейки II), ниже подошвы которого – суглинистый коричневый грунт (0,40 м), под которым шел слой супеси с фрагментами керамики, в числе которых для датировки наиболее показательны: светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками, узкогорлые «самого раннего типа», фрагменты лаковых сосудов, датированных исследователем I в.н.э.

Следующим по времени сооружением Н.И. Сокольский считает южную стену (№ 39) северо-западной угловой башни (остальные ее стены разрушены раскопом В.Г. Тизенгаузена), которая была пристроена к стене № 9 (зазор заложен мелким камнем) [Сокольский, 1966в, с. 46–48]. В фундаменте стены № 39 использованы вторично обломки надгробий [Сокольский, 1966в, рис. 123–126]. Подошва фундамента лежит на супесчанистом грунте, в котором прослеживаются обломки сырцовых кирпичей. Реконструкцию крепости и строительство башни Н.И. Сокольский относил к I в. или началу II в.н.э. «Только на одном узком участке раскопа, между стенами № 37 и № 40 позднеантичных строений, то есть, внутри крепости раннего периода, обнаружен свободный от поздних объектов пласт, современный существованию крепости со стенами № 9 и № 39. Он представляет собою желто-коричневый суглинок, в основном сложившийся из развалов сырцовых стен. В нем обнаружено немного находок, но очень показательных в том отношении, что они аналогичны находкам в помещениях, погибших от пожара в начале II в.н.э. на городищах Батарейка I и Батарейка II. Здесь есть фрагменты пифосов, широкогорлых амфор с круглыми ручками, «слоистой» глины, реберчатой ангобированной амфоры I–II вв.н.э., светлоглиняной узкогорлой I в.н.э., ручка амфоры ярко-оранжевой глины с желобком, фрагменты краснолаковых сосудов I–II вв.н.э. Все это подтверждает, что крепость у Ильичевки построена и существовала одновременно с крепостями на соседних городищах [Сокольский, 1966в, с. 48]. Эти сооружения I–II вв. непосредственно перекрыты стенами V–VI вв. (Сокольский датировал их IV–V вв.): общая

Таблица 1. Стратиграфия строительных остатков ранней крепости

Строительный горизонт	№ объекта	Характер объекта	Слой (дата)
а	9+55	внешняя оборонительная стена	–
б	11	внешний откос оборонительной стены	I в. н.э.
в	39; 64	башня; стена помещения	I – начало II в. н.э.; I – II вв. н.э.

западная стена помещений (№ 5) врезана в толщу стены № 9; а стена № 38 (западная стена углового помещения северного ряда) налегает на стену № 39 башни.

2. В районе северо-западного угла – северной оборонительной стены Н. И. Сокольский выделял саму оборонительную стену № 55, синхронную западной стене № 9 (слой I) [Сокольский, 1967б, с. 69]. К слою I–II вв. (в котором фиксируются фрагменты светлоглиняных узкогорлых; с двуствольными ручками – светлоглиняных и красноглиняных; край краснолаковой чашечки I в. н. э., венец кувшина I–II вв. н. э. и др.) исследователь относит фундамент № 64 (под стенами № 61, 49 и 50), «самый ранний внутри крепостных стен» [Сокольский, 1967б, рис. 82, 93].

Таким образом, последовательность строительных остатков I–II вв. западного – северо-западного участка (раскопки Н. И. Сокольского) установлена следующая (табл. 1).

Согласно представлениям Э. Я. Николаевой, ни одно сооружение, из числа исследованных внутри крепости, не относится к первым двум векам н. э., кроме выделенных еще Н. И. Сокольским (объект № 64 – I–II вв. и № 61+62 – III–IV вв.). Все перестройки, следы ремонта и т. д. автор раскопок относил к периоду V–VI веков[16]. Было бы сравнительно нетрудно ответить, пожалуй, на один из самых существенных вопросов, – когда же это случилось, когда начался новый этап в жизни крепости, и когда завершился предыдущий? – если бы мы располагали достаточным количеством датирующих находок. Следуя общеисторическим соображениям, Н. И. Сокольский и Э. Я. Николаева посчитали, что гибель крепости в 70–х годах IV в. н. э. (гуннский разгром) и возобновление жизни на цитадели разделяет очень небольшой промежуток времени. Но так ли было на самом деле? Следов этого разгрома в самой крепости мы не находим. Значит, материалы предшествующего периода надо искать на мусорных свалках, куда новые обитатели крепости вычистили заполнение разрушенных помещений. Эти материалы мы теперь и рассмотрим.

2. Материалы городища за пределами цитадели

К счастью, искать зольники нет нужды: они известны со времен В. Г. Тизенгаузена, исследовались в небольших масштабах Д. Б. Шеловым, а затем и Э. Я. Николаевой. Мусорные сбросы начинаются тотчас же за стенами цитадели, выходя на гребни земляных валов ее окружающих. Необходимо подчеркнуть, что превращение земляных

[16] По-видимому, в этом есть свой резон, поскольку практически во всех случаях (кроме отмеченных только что) новые обитатели крепости максимально полно использовали остатки крепости первых веков новой эры, реконструировав их и переделав в соответствии со своими нуждами, тщательно вычистив мусор из помещений.

укреплений, окружавших крепость, в мусорную свалку – явление очень приметное. Ясно, что люди, приносившие сюда мусор, относились к этим фортификационным сооружениям иначе, чем те, что затратили немало труда на их возведение. И вопрос о том, когда здесь *начинает* формироваться зольник, далеко не праздный, тем более, что в первых веках н. э. в пределах валов существовало поселение. Рассмотрим кратко материалы раскопов «Б», «В» и «Д», расположенных за пределами цитадели [Николаева, 1975б].

Раскоп «Б», *участок а*: к западу от крепости, на золистой гряде, в 67 м от подножия крепости. «Вал, по-видимому, был построен одновременно с крепостью, а в позднеантичное и средневековое время использовался как свалка» [Николаева, 1975б, с. 13]. Исследовательница отмечала, что в помещениях на цитадели нет ни одного обломка от сосудов зеленоватого стекла с синими глазками, в то время как в зольнике «Б» их много. Из этого делалось заключение, что «где-то ок. середины V в. н. э. все помещения были вычищены, все находки выброшены на свалку и начался новый этап существования поселка». К сожалению, ответить на вопрос, какой *массовый* материал образует самую раннюю группу находок нельзя.

Раскоп «Б», *участок б* (5×5 м), в 168 м к югу от крепости, у вала, за асфальтововой дорогой [Николаева, 1986, с. 25–38]. Материк – на глубине 1,40 м. Исследовательница выделяла три слоя. Интерес представляет нижний, 3-й слой. Он залегал на глубине ок. 0,50 м. В слое – кладки 1 и 2, вымостки 2, 3. Находки II–IV вв. (небольшие краснолаковые чашечки II–III вв., фрагменты светлоглиняных амфор типов *B* и *C*, фрагмент горла бальзамария II–III вв. [Николаева, 1986, рис. 13. *3*]). Отметим, что в верхнем (2-м слое) редко встречаются обломки светлоглиняных амфор I–II и III вв. (типы *B* и *C*, с двуствольными ручками).

Со слов Э. Я. Николаевой, Ю. Ф. Иващенко делает вывод, что к югу от крепости существовало поселение «по крайней мере, уже во II–III вв. н. э. Жизнь на данном участке продолжалась до VI в. н. э.». Это заключение в действительности ничем не обосновано, поскольку после периода, определенного исследовательницей II–III вв., никаких строительных остатков нет. Между IV и VI вв. здесь мы видим пустырь, куда сбрасывают мусор, но когда начался его вынос – сказать нельзя.

Раскоп «В» располагался к югу-юго-западу от цитадели, в 25 м от угла ул. Советской и Степной пос. Ильич [Николаева, 1975б, с. 13–15, рис. 1а]. Основная масса находок датирована исследовательницей II–III вв. Амфорные фрагменты представлены типами красноглиняными и светлоглиняными узкогорлыми; также найдены обломки краснолаковых сосудов «римского времени»; светильников и проч.; почти целая краснолаковая мисочка со штампом *planta pedis* (не ранее второй половины I в. н. э.), обломки эллинистической терракоты и др.[17]

Раскопы «Берег I» и «Берег III» располагались прим. в 0,5 км к северо-западу от цитадели у берегового обрыва. На первом раскопе исследованы остатки винодельни; на втором – хозяйственной постройки (усадьбы). Оба сооружения датируются по массовому

[17] На раскопах «Д» (у подножия холма цитадели) и «А» (с внешней стороны восточной оборонительной стены) были выявлены только остатки V–VI вв. н. э. [Николаева, 1975б, с. 13–15; 1980, с. 1].

материалу первой половиной I в. н. э. Более поздние материалы здесь не представлены [Завойкин, 1996; 1997а].

С сожалением приходится констатировать, что недостаточно тщательная фиксация массовых находок не позволяет четко дифференцировать его по хронологическим группам.

3. Нумизматические данные

Доступные вниманию упоминания о монетных находках, содержащиеся в отчетной документации, по большей части не имеют точных определений. Поэтому выводы по хронологии могут иметь пока только предварительный характер. Как показывают разновременные боспорские клады [Frolova, Ireland, 1995, p. 21–23; Фролова, 1996, с. 44–45], особенностью этих археологических объектов является длительное использование монет в обращении. А это означает, что чеканка монеты и попадание ее в культурный слой или комплекс могут быть разделены значительным (в несколько веков) промежутком времени. Следовательно, в датировке того или иного контекста монеты важны при определении *terminus post quem*. Данное заключение тем более существенно для периода после окончания выпусков собственной боспорской монеты (341/342 г.). Под этим углом зрения и необходимо рассматривать ильичевский нумизматический комплекс, численный состав которого приблизительно таков.

Одна монета конца IV в. до н. э., происходит с Ильичевского г-ща[18]. Монета, датирующаяся ок. 330–315 гг. до н. э., найдена в подъемном материале на дороге у раскопа «Берег I» (Ил.–93, оп. 51) [Шелов, 1956, табл. V, 56]. Там же в 1993 (оп. 52) и 1997 гг. (оп. В-4 и 5) найдены три точно неопределенных монеты IV–III вв. до н. э. Э. Я. Николаева отмечает находки монет эллинистического времени (чеканки Пантикапея и Фанагории) исключительно в числе подъемных материалов [1984б, с. 187]. Правда, Н. И. Сокольский сообщает о двух монетах III–II вв. до н. э. в верхнем слое городища [1966а, с. 128]. Одна монета Амиса ок. 85–65 гг. до н. э. была найдена в 1996 г. (оп. В-1) рядом с раскопом «Берег III» [Завойкин, 1996, с. 8]. Одна монета Полемона (ок. 14–9/8 гг. до н. э.) происходит с раскопа «Б.г» (кв. I, шт. 3) [Николаева, 1989, с. 26, рис. 109]. Монеты Митридата VIII (ок. 39/40–44/45 гг. н. э.) найдены: в 1993 г. в подъемном материале у раскопа «Берег I» (оп. 50); в 1996 г. на раскопе «Берег III» (оп. В-2; [Завойкин, 1996, с. 8]). Еще две такие монеты найдены там же в 1997 г. (оп. В-1 и 3). Монета Котиса II (123–132 гг. н. э.) была поднята в районе зольника, раскоп «Б» [Николаева, 1975б, с. 14].

Как можно видеть, почти все ранние монеты происходят из-за пределов самой крепости. Небольшая концентрация эллинистических монет определенно вырисовывается близ раскопа «Берег I». Монеты последующего времени главным образом концентрируются на цитадели. Э. Я. Николаева сообщала, что в монетах представлены «все цари Боспора, начиная от Реметалка до Рескупорида VI, т. е. от середины II в. до середины IV в. н. э., но основная их масса принадлежит чекану Рескупорида VI от 319 до 336 года» [1984б, с. 187].

[18] Найдена на огороде близ цитадели, как сообщил А. А. Завойкину таманский коллекционер А. С. Кардаполов.

Таблица 2. Хронологическое распределение монет на памятнике

Правитель	Дата	Кол-во монет	(Раскоп / рядом)
	кон. IV в. до н.э.	2	цитадель; Берег I
	III – II вв. до н.э.	более 4–5	цитадель?; Берег I
(Амис); Полемон	I в. до н.э.	2	Берег II; «Б.г»
Митридат VIII	39/40 – 44/45 гг.	4	Берег Ш; I
Котис II	123 – 131/2 гг.	1	«Б»
Реметалк	131/2 – 153/4 гг.	?	?
Ининфимей	234/5 – 239/40 гг.	1	–
Рескупорид V	239/40 – 275/6 гг.	1	–
Фофорс	286/7 – 308/9 гг.	39	–
Радамсад	308/9 – 322 ? гг.	14	–
Рескупорид VI	318/9 – 341/2 гг.	155	–
Феодосий I	382/92 гг.	1	–
Констанций	394 г.	1	–
Юстиниан I	527/38 – 538/65 гг.	6	–

Предложенная выборка (табл. 2) выглядит вполне показательной: в массовом количестве в ней представлены боспорские монеты конца III – первой половины IV в. Их дополняет римская медь конца IV в. и, наконец, золото Юстиниана I (до 538/65 гг.). Монет 2–3-й четвертей III в. всего две. Между самыми ранними монетами этой группы и предыдущими – «разрыв» около века (от середины II – до середины III вв.). Таким образом, если даже абстрагироваться от конкретных контекстов соответствующих находок, а также и от особенностей денежного обращения на Боспоре после прекращения чеканки монеты, – нумизматические данные указывают на хронологическую лакуну *минимально* около столетия. Однако в действительности картина могла быть иной. Монеты, происходящие из закрытых комплексов помещений, погибших в VI в. и в особенности «клады» 1975 и 1990 гг. (пом. XXIX) со всей определенностью свидетельствуют, что в обращении этого периода находились монеты от 262 г. до 538/65 гг. (т. е. клад относится ко II–й группе, в которой фигурируют только монеты, чеканенные после 238 г. н. э. [Фролова, 1996, с. 44–45]). А это означает, как минимум, что монеты середины III в. и последующего времени вполне могли попасть на поселение значительно позже середины III в. (когда и населения здесь могло и не быть). Иначе говоря, монеты II – первой половины IV вв. могли появиться на городище не в этот период, а в конце IV в. или даже в V–VI вв. Следовательно, длительное обращение боспорской монеты после того как прекратилась ее чеканка, почти лишает нас возможности судить о том, с какого времени она стала «оседать» в культурном слое городища. Пожалуй, мы вправе только предположить, что между жизнью крепости-1 (в первой половине II в. н. э.?) и крепостью-2 хронологическая лакуна составляет минимум 100 лет, а максимум временного разрыва обозначен, по-видимому, римской медью конца IV в. (392 и 394 гг.). Решающую роль в решении этого вопроса должны сыграть те датирующие материалы, которые, в отличие от монет, не имели длительного хождения. Наибольший интерес в этом плане представляют светлоглиняные амфоры.

4. Светлоглиняные амфоры

На городище, как в цитадели, так и на периферии памятника, зафиксированы фрагменты светлоглиняных амфор «широкогорлых» с двуствольными ручками, а также типа *A*. Они характерны для самых ранних контекстов: в слое под стеной № 11 (внешний откос крепостной стены № 9) [Сокольский, 1966в, с. 45]; в слое I–II вв. [Сокольский, 1967б, с. 70]; в слое усадьбы первой половины I в. н. э. на раскопе «Берег III» [Завойкин, 1996]. Амфоры светлоглиняные типа *E* и типа «набегающей волны» характерны для финальных комплексов крепости и ее округи [Сокольский, 1964б, с. 96; 1966в, с. 64; Николаева, 1974б, с. 6]. Для нас наибольший интерес представляют амфоры типов *C*, *D* и *F* (по классификации Д. Б. Шелова). В нашем распоряжении имеются только иллюстрации подъемных сборов с поверхности городища, сделанные в 1989 году [Николаева, 1989, рис. 155. *26*, *36*; рис. 162. *16*, *17*, *20*, *21*; рис. 167. *8*]. Однако факт, что только в одном случае (и то не без сомнений) фрагмент был отнесен к типу *D*[19]. Немногочисленные обломки амфор типа *F* зафиксированы на раскопе Б, участок *д* [Устаева, 1992, с. 4,38, рис. 28, 31, с. 45, рис. 44 справа; Устаева,1991, с. 87, рис. 111, две нижние (?)]. Имеющееся состояние источника удерживает от окончательных выводов. Привлекает все же внимание то, что в нашем распоряжении не оказалось ни одного бесспорного факта, подтверждающего поступление на поселение товаров в светлоглиняных амфорах типа *D* конца II – первой половины III в. н. э. (тип *C* если и присутствует на поселении, то зафиксирован в крайне малом числе)[20]. Если это следствие не одного только недостатка внимания к массовому датирующему материалу, то самое естественное объяснение всему этому – отсутствие («замирание») жизни на городище примерно во второй половине II–III вв. н. э., а, возможно, и в части IV в., поскольку и тип *F* представлен на памятнике весьма скупо. Разумеется, это предположение требует проверки на новых материалах. Надеемся, что публикация результатов масштабных исследований 2015–2016 гг. позволят внести в этот вопрос окончательную ясность.

Итак, вопрос о точной дате гибели ранней Ильичевской крепости (как и вопрос о времени ее постройки [ср. Сокольский, 1966а, с. 128]) не может быть решен с желаемой точностью на материалах раскопок самого памятника. В. П. Толстиков [1992, с. 54 сл.] полагает, что примерно в конце I или, скорее, начале II вв. н. э. все крепости Фонталовского п-ова были единовременно и окончательно разрушены[21]; позднее жизнь возобновилась только на поселениях, которые примыкали к крепостям. Действительно, раскопки на ряде крепостей-батареек (Кучугуры II, Батарейка I и II, Красноармейская, Патрейская) выявили мощные слои пожарища этого времени, отражающие внезапное их разрушение. Было бы весьма соблазнительно принять датировку и интерпретацию событий, предложенную В. П. Толстиковым. Однако затруднительно все же говорить

[19] Невысокое качество рисунков и измельченность фрагментов (правда, сопровождаемых в отдельных случаях квалифицированными определениями А. П. Абрамова) не позволяют настаивать на чем-то определенном.

[20] Оставляем в стороне непроверяемые определения Ю. Ф. Иващенко, выделяющей в слоях раскопа «Б» (на участках *б*, *в*) светлоглиняные типов *B*, *C*, *D*, по классификации Д. В. Деопика [Деопик, Круг, 1972; см. Николаева, 1986, с. 27, 33, 37, 41].

[21] Исследователь предлагает гипотезу, согласно которой эти разрушения фортификации на Фонталовском п-ове связаны с карательными мерами, предпринятыми Римом вследствие того, что Савромат I проявил «сепаратизм», попытавшись использовать затруднения римлян в период их войны в Дакии против Децебала.

о том, что в это время жизнь на крепостях прекратилась окончательно[22], а также утверждать, что все они были разрушены в начале II в. н. э., хотя это и вполне вероятно[23].

Эпиграфические памятники

В «Корпусе боспорских надписей» зафиксировано 13 надписей из района Ильичевского городища (КБН 1023–1035). Три из них (КБН 1025, 1027, 1028) происходят из раскопок В. Г. Тизенгаузена на Ильичевской крепости в 1870 г. [ОАК 1870/71 гг., с. XIII]. Несколько надгробий найдено в юго-западном углу насыпи; две надгробные плиты – в северо-восточном углу; одна – с южной стороны «у небольшого углубления, образующего как бы вход в городище». Н. И. Сокольский справедливо считал, что находки В. Г. Тизенгаузена связаны с каменными фундаментами оборонительной системы крепости [1966а, с. 130][24]. Остальные 10 памятников (КБН 1023, 1024, 1026, 1029–1035), как указывают издатели, ссылаясь на В. В. Шкорпила [Шкорпил, 1911, с. 99], найдены в 1910 г. в 1 км от косы Чушки, на участке С. Куксенко (бывш. Чумаченко) в «кургане» Батарейка в качестве плит, «которые служили строительным материалом для склепа». Следует согласиться с мнением Н. И. Сокольского, что под «курганом Батарейка» надо подразумевать Ильичевскую крепость, а «склеп» – это, вероятно, фундамент одного из помещений или башня [Сокольский, 1966а, с. 130, прим. 13]. Сохранилось интересное свидетельство Войцеховского от 1929 г. о том, что местными жителями, которые добывают из насыпи батарейки (Ильичевской) строительный камень, был найден «длинный каменный … карниз с надписью, кем-то купленный и куда-то увезенный…» [Войцеховский, 1929, с. 9]. Очевидно, что этот каменный карниз с надписью являлся частью какого-то общественного или культового сооружения.

Все до единой надписи, собранные в КБН, – это эпитафии на надгробных стелах. К ним следует добавить и новую эпитафию, Хойдры, жены Менестрата (см. ниже). Единственное исключение представляет фрагмент посвятительного акта фиаса из раскопок 2015 г. Подобных находок на городище еще не случалось [Бонин, Завойкина, 2016, с. 68–74; Завойкина, 2017].

В полевом отчете Д. Б. Шелова о разведках в районе пос. Ильич в 1949 г. среди трех надгробий, виденных исследователем во дворах жителей поселка, упоминается одно с надписью и приводится его фотография (рис. 1) [Шелов, 1949, с. 7, рис. 8; 1951, с. 230][25]. В верхней части плиты сохранились остатки рельефа – ножки кресла и подол хитона сидящей в нем женщины. Под рельефом по заранее разлинованному полю вырезана

[22] Ср. Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 89: «В конце I и начале II вв. все крепости подверглись разрушениям и пожарам [Сокольский, 1967б, с. 114 сл.]. Однако жизнь на них продолжается и в более позднее время, причем восстановленные в середине II в. жилища внутри сохранившихся укреплений наследуют прежнюю планировку. Новые перестройки происходят в III и IV вв. В IV в. все поселения-крепости погибают в результате нашествия гуннов». А вот жизнь на усадьбе, раскопанной в 1996–1997 гг., после междоусобной войны Митридата III и Котиса I не возобновилась.

[23] «Крепость, вероятно, как и другие крепости района, подверглась нападению врагов на рубеже I и II в. н. э. Но об этом периоде жизни крепости раскопки 1964 г. не дали материалов» [Сокольский, 1966а, с. 128–129]. Как мы видели, значительные по площади раскопки последующих лет эту картину не изменили.

[24] Вероятно, аналогичен был и контекст находки 1869 г. (акротерий «с изящными украшениями коринфского ордера») [Герц, 1898, с. 143].

[25] Все надгробия Д. Б. Шелов относил к позднеэллинистическому – римскому времени [Шелов, 1949, с. 7].

Рис. 1. Надгробие Хойдры, жены Менестрата (по: Шелов, 1949)

погребальная надпись. Шрифт характеризуется наличием только лапидарных форм букв[26]. Надпись датируется последней четвертью I – первой половиной II в. н. э. [Книпович, Болтунова, 1962, с. 22–23, табл. III. *4–5*][27]. Хронологические признаки следующие: у *альфы* и *дельты* верхний край наклонной правой гасты выступает за её пересечение с левой гастой; *омикрон* – одинакового размера с остальными буквами[28]; *эта* – с центральной перекладиной, соприкасающейся с боковыми гастами; *эпсилон* – центральная перекладина буквы короче двух других; *ро* – с маленьким сегментом на высокой ножке.

Текст:

1. –ΔΡΑΓΥΝΗ
2. –ΝΕΣΤΡΑΤΟΥ
3. ΧΑΙΡΕ

Чтение: 1. [Χοί]δρα γυνὴ | 2. [Με]νεστράτου | 3. χαῖρε

Перевод: «Хойдра жена Менестрата, прощай».

1 стк. От имени погребенной сохранилось окончание -δρα. В женской антропонимии боспорских городов отыскивается имя [Χοί]δρα. Имя Χοίδρα неоднократно встречено в лапидарии Пантикапея первых веков (КБН 541, 542, 644, 645, 690).

[26] Сочетание лапидарных и курсивных форм букв встречается в надписях примерно с 60–х годов I в. н. э. [Болтунова, Книпович, 1962, с. 23–24].

[27] Среди датированных надписей конца I – 30-х годов II в. н. э., имеющих аналогии со шрифтом публикуемой надписи, следует упомянуть две почетные надписи из Пантикапея 90-х гг. (CIRB–Album 42, 43), манумис-сию 105 г. (CIRB–Album 1021), посвятительную надпись из Фанагории 105 г. (CIRB–Album 1045), посвяти-тельную надпись из Горгиппии 110 г. (CIRB–Album 1015) и почетную надпись из Пантикапея 117 г. (CIRB–Album 44).

[28] А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович отмечают несколько периодов использования маленького омикрона в документах: 1) со II до середины I вв. до н. э.; 2) 60–90-е годы н. э.; 3) 30–70-е годы II в. н. э. [Болтунова, Книпович, 1962, с. 19, 22, 24].

2 стк. После слова γυνή, согласно формуляру боспорских эпитафий, должно было стоять имя супруга. Сохранившиеся буквы позволяют восстанавливать его как [Με]νεστράτου. Левая часть *ню* в имени [Με]νεστράτου уничтожена сколом.

В ходе раскопок слоя IV–VI вв. н. э. на Ильичевской крепости (в пом. VIII) был найден фрагмент мраморной плиты с остатками надписи: –ΝΟΔ– [Сокольский, 1967б, с. 77]. Также близ городища случайно была обнаружена верхняя часть надгробия с рельефным изображением фронтона и остатками букв под ним: –ΥΓΑΘΗ– [Сокольский, 1967б, с. 85, рис. 126, 127]. Значительную группу с Ильичевского городища представляют надгробия без эпитафий[29]. Сохранились сведения о двух стелах с изображениями всадника и стоящей женщины (уничтожены) [Шелов, 1949, с. 7; 1951, с. 230]. Д. Б. Шелов датировал все эти памятники I в. до н. э. – первыми вв. н. э. Н. И. Сокольский упоминает о случайной находке в 1964 г. рельефного надгробия I в. н. э. с изображением мужской фигуры в плаще из кургана, расположенного восточнее городища [Сокольский, 1966а, с. 140, рис. 10]. Кроме того, в фундаменте (№ 39) южной стены северо-западной башни найдено «значительное количество камней вторичного использования, в том числе целое надгробие с рельефной сценой заупокойной тризны, а также антефикс в виде цветка от богатого надгробия из известняка» [Сокольский, 1966а, с. 79; 1966б, с. 46, рис. 123–126]. Поскольку кладки башни № 39 были сооружены после оборонительной стены № 9 (конец I в. до н. э. – первая половина I в. н. э.) и перекрыты кладкой № 38 (V–VI вв. н. э.), вторичное использование надгробий (I – первая половина II вв., по КБН) было возможно в интервале между второй половиной II и IV вв. н. э.[30] В районе пос. Ильич, близ городища случайно найдена верхняя часть надгробия с изображением в рельефе сидящей в кресле женской фигуры (0,48 × 0,37 м) [Сокольский 1967б, с. 85, рис. 127]. Часть надгробия, найденного около пос. Ильич еще до приезда экспедиции, была сдана в Темрюкский музей [Сокольский, 1967б, с. 85, рис. 127, 126]. Экспедицией под руководством Э. Я. Николаевой в ходе археологических исследований на территории крепости (раскоп «Е») были обнаружены: в помещении XXVII два фрагмента надгробия со сценой заупокойной трапезы, вторично использованного как строительный камень [1988, с. 18; 1989, с. 4 сл.].; обломок известнякового надгробия с центральной фигурой, выполненной в высоком рельефе, найден в помещении XXIV, в развале стены № 34 [Николаева, 1989, с. 9]. Примечательно, что в данном случае (как и в предыдущем) находка происходит из помещения, в котором фиксируется два строительных яруса (периода) стен. При этом в пом. XXIV находка определенно связана с верхней (№ 34), а не с нижней (№ 34а) кладкой[31]. Раскопки 1990 г. на крепости обнаружили в южной части восточной казармы (пом. XXVIII) «нижний блок, находящийся у входа в нишу, часть срезанного с боков известнякового… надгробия» [Николаева, Устаева, 1990, с. 4, рис. 40].

---

[29] Степень сохранности надгробий не позволяет решить вопрос о наличии эпитафий на них в первоначальном виде.

[30] Н. И. Сокольский относил строительство башни к I или началу II в. н. э. [Сокольский 1966в, с. 47].

[31] В отчете Э. Я. Николаевой содержится информация, что на раскопе «Е» «Из развала стены 45–45а происходят три фрагмента надгробия со сценой заупокойной тризны. Рельеф хорошо сохранился» [Николаева, 1989, с. 10]. Отсутствие иллюстраций в отчете не позволяет судить, не дублируется ли информация 1988 г.

1. Просопография и ономастика

1. Ἀγαθοῦς, отец погребенного.
   Надгробие КБН 1033.
   См. Μάσας Ἀγαθοῦ.

2-я половина II в. н.э.

2. Ἀλέξανδρος Ἀπολ<λο>δώρ<ο>υ.
   Надгробие КБН 1028.

1-я половина II в. н.э.

Рельеф на этом надгробии не сохранился. Эпитафия Александра вырезана поверх стертой надписи, что указывает на вторичное использование плиты. Полное имя погребенного отражает его свободный социальный статус.

3. Ἀπολλόδωρος, отец Александра.
   Надгробие КБН 1028.
   См. Ἀλέξανδρος Ἀπολ<λο>δώρ<ο>υ.

1-я половина II в. н.э.

4. Ἀπολλόδωρος Ἀσκληπιοῦ, погребенный.
   Надгробие КБН 1029.

II в. н.э.

На рельефе этой стелы изображена сцена загробной трапезы: в кресле сидит женщина, за креслом стоит рабыня-служанка (CIRB–Album 1029). Справа показано ложе, на котором возлежит мужчина, сам Аполлодор, рядом с ним – фигура слуги. Головы всех представленных на рельефе сильно повреждены. Загробная трапеза обычно изображалась на надгробиях зрелых (старше 40 лет) или пожилых мужчин[32]. Имя и отчество на надгробии указывают на свободный статус погребенного.

5. Ἀπολλώνιος Νεικάνορος, супруг Зоиды.
   Надгробие КБН 1030.
   См. Ζωΐς.

II в. н.э.

На рельефе изображена загробная трапеза: сохранилась нижняя часть фигуры сидящей в кресле женщины, стол возле ложа и две фигурки слуг[33]. Этот сюжет часто использовался на семейных надгробиях в боспорских городах.

6. Ἀσκληπιός, отец погребенного Аполлодора.
   Надгробие КБН 1029.
   См. Ἀπολλόδωρος Ἀσκληπιοῦ.

II в. н.э.

[32] Обзор сюжетов боспорских надгробий см. [Масленников, 1990, с. 133–139]. Историография проблемы и иконография некоторых сюжетов надгробных рельефов (загробный выезд, юноша в позе печали и пр.) подробно разобраны [Завойкина, 2013, с. 45–51]. На погребальных памятниках Боспора этого времени изображаются героизованные умершие. На Боспоре всадник – это погребенный, имя которого указано в эпитафии на стеле, который был причислен после смерти к лику героев. На многоярусных стелах хорошо прослеживается связь значимости изобразительных формул героизации с социальным положением погребенного. Состоятельные и знатные умершие изображались в верхнем рельефе в образе всадника или возлежащего на ложе героя в сцене загробной трапезы.

[33] Рельеф сильно поврежден (КБН 1030). В CIRB–Album 1030 приведена фотография только эпитафии.

7. Βάχχιος Ὑγιαίνοντος, погребенный.
Надгробие КБН 1023.

I в. н.э.

Надгробие КБН 1023 представляет собой многоярусную стелу, на которой в верхнем регистре частично сохранилось изображение загробной трапезы, где в героизированном образе показан сам Бакхий. В нижнем ярусе изображена сидящая в кресле женщина, которая держит на коленях ребенка. Можно полагать, что Бакхий обладал свободным статусом при жизни и умер уже немолодым человеком.

8. Γλαῦκος, погребенный, имя его отца не сохранилось.
Надгробие КБН 1026.

2-я половина I в. н.э.

В имени Γ<λ>αῦκος вторая буква пропущена в надписи. Венчающая часть стелы и рельеф утрачены. От эпитафии, вырезанной по разлинованному полю, сохранилась последняя строка. Номинатив имени Γλαῦκος и его упоминание в последней строке указывают на вероятность того, что в надгробной надписи должны упоминаться старшие члены семьи Главка, отец и, например, старший брат (ср. КБН 1024).

9. Ἑλένη, погребенная супруга Феотима.
Надгробие КБН 1031.
См. Θεότειμος.

II в. н.э.

На рельефе изображена стоящая женщина в хитоне и плаще, рядом фигурки двух служанок. Надгробие декорировано рельефным фронтоном, выпуклым щитком и розетками.

10. Ἑρμογένης, отец погребенного Феагена.
Надгробие КБН 1025.
См. Θεαγένης Ἑρμογένου.

2-я половина I – 1-я половина II вв. н.э.

11. Ζομφλι[- ? -], отец Эрдза.
Надпись частного сообщества из раскопок 2015 г. [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017]
См. Ἠρζᾶς Ζομφλι[-?-]

152/153 г. н.э.

12. Ζωΐς, погребенная, супруга погребенного Аполлония и невестка Никанора.
Надгробие КБН 1030.
См. Ἀπολλώνιος Νεικάνωρος.

II в. н.э.

На рельефе в сцене загробной трапезы Зоида изображена в образе «богини на троне», который наряду с эпитафией сообщает, что погребенная была замужней женщиной.

13. Ἡράκων Ὀρυγίου, погребенный.
Надгробие КБН 1032.

II в. н.э.

Рельеф на надгробии Геракона демонстрирует «загробный выезд»: погребенный представлен в облике вооруженного всадника. Декорированное надгробие[34], вооруженный всадник и раб-слуга рядом с ним – все это позволяет выделить два уровня информации о Гераконе. Во-первых, он не перешагнул еще границы зрелого возраста, то есть был не старше 40 лет. Во-вторых, его социальное положение достаточно высокое по местным меркам – он обладает набором оружия (меч, горит с луком), конем, рабом. Возможно, женат[35]. Как правило, род занятий умершего в боспорских эпитафиях не указывается, впрочем, как и на большинстве погребальных памятников. О нем свидетельствуют разного рода изображения на рельефах. В нашем случае – это изображение всадника и его оружия. Они наводит на предположение о связи Геракона с гарнизоном крепости.

14. Ἠρζῆς Ζομφλι[-?-], предполагаемый член правления фиаса Афродиты (?).
Надпись частного сообщества из раскопок 2015 г. [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].

152/153 г.

Эрдзес, сын Дзомфл(-?-), входил в состав правления религиозной ассоциации почитателей, предположительно, Афродиты. В границах этого сообщества он обладал властью и авторитетом. К сожалению, сведений о религиозной жизни населения Ильичевского городища I– II вв. отсутствуют. Обращает на себя внимание не греческая антропонимия этого персонажа.

15. Θεαγένης Ἑρμογένου, супруг Кулии.
Надгробие КБН 1025.

2-я половина I – 1-я половина II вв. н.э.

На рельефе изображена сцена «загробного выезда»: всадник на оседланном и взнузданном коне, за ним следует конный слуга (его изображение выступает наполовину из поля рельефа). Перед всадником Феагеном показана сидящая в кресле женщина, его супруга Кулия. Рельеф отражает несколько уровней информации: возраст погребенного Феагена (молодой или зрелый мужчина, не старше 40 лет); семейное (женатый) и социальное положение (изображение как всадника с конным (?) слугой указывает на принадлежность его к обеспеченному слою граждан). Не исключена его связь со службой в гарнизоне крепости.

16. [Θ]εόκριτος Λ[- ? -], рядовой фиасот.
Надпись частного сообщества из раскопок 2015 г. [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].

152/153 г. н.э.

Феокрит – член религиозной ассоциации, предположительно почитателей Афродиты.

17. Θεότειμος, муж Елены.
Надгробие КБН 1031.
См. Ἑλένη.

II в. н.э.

[34] Украшено рельефным фронтоном, акротериями, щитком в тимпане, розетками. Рельеф обрамлен аркой и антами (CIRB–Album 1032).

[35] Изображение сидящей в кресле женщины на рельефах первых веков трактуется по-разному: Персефона или реальная супруга умершего.

18. Κολλαρίων Ὑγιαίνοντος, погребенный.
Надгробие КБН 1024.

Не позднее I в. н.э.

Колларион был погребен совместно со своим отцом Гигиенонтом. На их надгробии имеются остатки рельефа – копыта задних ног коня, которые позволяют думать, что здесь был изображен, по крайней мере, один всадник, обращенный вправо (см. КБН 1024, с. 591). Нельзя исключать того, что на рельефе было представлено два всадника, обращенных к центру. Подобная изобразительная формула известна на надгробиях двух погребенных мужчин. В частности, на многоярусной стеле из Пантикапея I в. н. э.[36]

19. Κουλία γηνὴ Θεαγένου, погребенная, супруга Феагена.
Надгробие КБН 1025.
См. Θεαγένης Ἑρμογένου.

2-я половина I – 1-я половина II вв. н.э.

Кулия изображена на рельефе в сцене «загробный выезд» в образе «богини на троне в позе печали»: она показана с покрытой плащом головой. Рельеф, наряду с эпитафией, демонстрирует, что погребенная была замужней женщиной.

20. Μάσας Ἀγαθοῦ, погребенный.
Надгробие КБН 1033.

2-я половина II в. н.э.

Верхняя часть надгробия Масы уничтожена сколом. Эпитафия вырезана по заранее разлинованному полю[37]. Полное имя указывает, что Маса обладал свободным социальным статусом. Имя Маса не греческое. В первые века в боспорском ономастиконе распространяются имена Маса, Мастус, Мастун, которые предположительно относятся к местной (североиранской?) антропонимии [Завойкина, 2013а, с. 293–294]. Греческий патронимик говорит о его, возможно, смешенном происхождении. (Например, его мать могла происходить из местного, не греческого, населения.)

21. Μενέστρατος, супруг погребенной Хойдры.
Надгробие [Шелов 1949; публикуется в данной статье].
См. Χοίδρα γυνὴ Μενεστράτου.

I–II вв. н.э.

22. Νεικάνωρ, отец погребенного Аполлония и свёкр погребенной Зоиды.
Надгробие КБН 1030.
См. № 6, № 11.

II в. н.э.

В имени Νεικάνωρ (=Νικάνωρ) отражены особенности вокализма греко-римского койне первых веков: ι < ει [Доватур 1965, с. 803–804 (п. 8, № 2, 3)].

23. Ὀρύγιος, отец погребенного Геракона.
Надгробие КБН 1032.
См. Ἡράκων Ὀρυγίου.

II в. н.э.

[36] В надписи А, вырезанной под рельефом двух обращенных друг другу всадников с горитами и стрелами, сообщается, что это Деметрий и Фемистокл, сыновья Гокона (КБН 384).

[37] Ср. надгробие Хойдры (рис. 1).

24. Πάτεις Χρήστου, погребенный.
Надгробие КБН 1027.

2-я половина I – 1-я половина II вв. н.э.

Рельеф на надгробии Патия изображает стоящего в позе печали мужчину (правая рука его прижата к груди), одетого в хитон (CIRB–Album 1027). Подобная изобразительная формула известна и на надгробиях из Пантикапея (CIRB-Album 321, 334). Аналогичный рельеф встречается на многоярусном надгробии Стратоника, сына Зенона, принадлежащего к слою пантикапейской аристократии I в. (КБН 145: верхний рельеф)[38]. Обращает внимание сходство изображений Патия и Стратоника – оба показаны одетыми в хитоны, с длинными волосами и аккуратно подстриженными усами и бородами. Каких-либо атрибутов (оружие, свитки и т. п.) на рельефе Патия, позволяющих определить его социальное положение, нет. Сопоставление этих рельефов наводит на мысль о принадлежности Патия к числу местной знати. Возраст погребенного, вероятно, не превышает 40 лет.

25. Πόθων, отец погребенного Таия.
Надгробие КБН 1034.
См. Τάεις Πόθωνος.

II вв. н.э.

26. Τάεις Πόθωνος, погребенный.
Надгробие КБН 1034.

II вв. н.э.

На надгробии сохранились остатки рельефного изображения всадника (нижняя часть ног коня). По всей видимости, это часть рельефа, изображающего «загробный выезд» умершего, его путешествие в Аид. Сюжет героизированного всадника на Боспоре присутствует на надгробиях лиц, занимавших достаточно высокое по местным представлениям социальное положение [Завойкина, 2013, с. 51–52].

27. Ὑγιαίνων, отец погребенного Бакхия.
Надгробие КБН 1023.
См. Βάχχιος Ὑγιαίνοντος.

I в. н.э.

28. Ὑγιαίνων, отец Колляриона.
Надгробие КБН 1025.
См. Κολλαρίων Ὑγιαίνοντος.

Не позднее I в. н.э.

29. Ὑγιαίνων, погребенный.
Надгробие КБН 1035.

II в. н.э.

На рельефе этого надгробия мы видим всё ту же загробную трапезу: стол, слева от которого на ложе возлежит мужчина, а справа – женщина, сидящая в кресле. Небрежно

[38] Стратоник изображен со слугой и свитками на столе справой стороны [Завойкина, 2013, с. 51, рис. 8].

вырезанная надпись[39], ошибки в написании слов[40], отсутствие отчества у погребенного наводят на предположение о вторичном использовании стелы и дают основания для сомнений в свободном и полноправном статусе Гигиенонта.

30. Χοίδρα γυνὴ Μενεστράτου, погребенная.
Надгробие [Шелов, 1949; публикуется в данной статье].
I–II вв. н.э.
На надгробии сохранились остатки рельефа с изображением женщины, сидящей в кресле, рядом с ней стоит служанка (рис. 1). Хойдра изображена в героизированном образе «богини на троне».

31. [Φαρ]νακίων, отец рядового фиасота.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
См. [ὁ δεῖνα Φαρ]νακίωνος.
152/153 г. н.э.

32. Φιλ[-?- τοῦ δεῖνος], рядовой фиасот.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
152/153 г. н.э.

33. Χρῆστος, отец погребенного Патея.
Надгробие КБН 1027.
См. Πάτεις Χρήστου.
2-я половина I – 1-я половина II вв. н.э.

34. Χρησ[-?-], отец рядового фиасота.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
152/153 г. н.э..

35. [-?-]αγαθος Χρησ[-?-], рядовой фиасот.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
152/153 г. н.э..

36. [ὁ δεῖνα Φαρ]νακίωνος, рядовой фиасот.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
152/153 г. н.э.

37. [-?-]πιλμος, отец рядового фиасота.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
152/153 г. н.э.

38. [-?-]τεις [τοῦ δεῖνος], рядовой фиасот.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
152/153 г. н.э.

39. Λ[-?-], отец рядового фиасота.
Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].
См. [Θ]εόκριτος Λ[- ? -].
152/153 г. н.э.

[39] В частности, сочетание лапидарных и курсивных (сигма, омега) букв.

[40] В имени погребенного пропущена ню: Ὑγιαί<ν>ων; в слове «прохожим» пропущено три буквы: παρά<ους>ιν.

40. Σ[-?- τοῦ δεῖνος], рядовой фиасот.

Надпись частного сообщества [Бонин, Завойкина 2016; Завойкина 2017].

152/153 г. н.э.

Итак, просопографическое собрание насчитывает 40 имен (разной степени сохранности) людей, которые жили на Ильичевском городище в I–II вв. н. э. Эта сравнительно небольшая выборка позволят составить представление о характере антропонимии жителей этого античного поселения и выявить некоторые особенности.

Всего насчитывается 34 полных антропонима. Среди них явно преобладают греческие имена, которых насчитывается 29 (85,3%). Варварские антропонимы (14,7%) представлены именем Фарнакион, которое получило распространение в боспорских городах и поселениях еще в доримскую эпоху; также имена – Маса, Эрдзес, Хойдра, Зомфли [-?-]. Последние можно рассматривать как «новые» имена в антропонимии Боспора, которые были привнесены, видимо, пришлым населением (например, выходцами из сарматского мира) не ранее рубежа эр. Практически все имена жителей Ильичевской крепости, кроме Ἡρζῆς и Ζομφλι[-?-], обычные и пользовались популярностью в боспорских городах в первые века новой эры.

Изображения на рельефах также обычны и свойственны надгробиям населения городов и боспорского общества первых веков в целом. Они не выходят за рамки традиционных сюжетов («загробная трапеза», «загробный выезд», «богиня на троне», «богиня в позе печали» и пр.). Умершие представлены в изображениях двумя возрастными категориями. Это главы семейств, перешагнувшие порог зрелого возраста, занимавшие достаточно высокое социальное положение в местном обществе. Они изображались, как правило, в образе героя на загробной трапезе. Другая группа – это мужчины молодого возраста и достигшие ἀκμή (до 40 лет), чья жизнь, видимо, была связана со службой в гарнизоне крепости. Они достаточно состоятельные люди, имевшие вооружение, лошадей и рабов-слуг. Некоторые из них были женаты. Они показаны в образе героизированного всадника. Три погребенные женщины представлены как«богини на троне», в сцене загробной трапезы или загробного выезда, одна – стоящей в позе печали. Во всех случаях их сопровождают рабыни-служанки. Сопоставление с содержанием эпитафий на их надгробиях позволяет заключить, что «богиня на троне» изображает взрослых женщин, матерей семейств, находившихся на социальной лестнице не ниже средней ступени.

О социальном положении жителей этого населенного пункта отчасти позволяют судить их полные имена. По всей видимости, почти все они обладали свободным статусом. Исключение, по-видимому, представляет Гигиенонт (№ 27), имя которого упомянуто без отчества, что заставляет сомневаться в этом и относить его к категории неполноправных. Необходимо принимать во внимание, что надгробия – это индикатор определенного уровня благосостояния людей, изображенных на них и упомянутых в эпитафиях. Их ставили, в массе своей, выходцы из высшего и среднего социального сегмента античного общества, обладавшие достаточными средствами на покупку плиты и изготовление надписи.

Посвятительная надпись частного сообщества 152/153 г. не вписывается в канву однообразных эпиграфических свидетельств. Одной из особенностей боспорского общества первых веков было широкое распространение разнообразных частных сообществ в городах,

обладавших полисным статусом. Их деятельность отмечена в Пантикапее, Фанагории, Гермонассе, Горгиппии, Танаисе [Завойкина, 2013, с. 44–128]. В тоже время имеется список надписей частных сообществ, найденных в городках Европейского Боспора, о статусе которых мы не имеем четких представлений – это Зенонов Херсонес, Киммерик (г. Опук), крепость Илурат [Завойкина, 2013, с. 129–131]. Список этот пополнился новой надписью фиаса из Ильичевского поселения. Таким образом, имеются основания для вывода о деятельности частных сообществ в римское время уже в двух небольших городах и двух крепостях Боспора. Существование частных сообществ в отмеченных четырех населенных пунктах Боспора, расположенных в разных его частях, подводит к вопросу о причинах их организации жителями, поскольку частные сообщества были порождением полисной жизни и не существовали в античное время вне гражданских коллективов. Вероятнее всего, что организовывали частные сообщества в этих небольших населенных центрах выходцы из боспорских городов, оказавшиеся по долгу службы или сменившие место проживания по каким-либо другим причинам (Ильичевская крепость, Илурат). Нельзя также исключать вероятности того, что, например, Киммерик и Зенонов Херсонес являлись подразделениями полиса (его «демами»), расположенными на хоре Пантикапея.

Итак, гипотеза о катойках как основном компоненте населения боспорской крепости, с учетом данных надписей, отразивших абсолютное преобладание носителей греческих имен в составе ее населения, должна корректироваться. Во всяком случае, не следует думать, что большинство гарнизона крепости составляли поселенцы варварского происхождения («аспургиане», «сармато-меоты» и т. п.). Социальная организация населения Ильичевского городища выглядит достаточно сложной. Высший и средний слои были представлены, насколько позволяют судить ильичевские надписи, командным составом гарнизона, видимо, их семьями, бывшими по преимуществу боспорскими эллинами, сохранявшими свои культурные традиции. Можно, конечно, допустить, что на нижней ступени в социальной иерархии населения крепости военные поселенцы – носители другой культурной традиции были представлены в большем числе. Однако реальных источников, позволяющих говорить об этом обоснованно, в нашем распоряжении нет.

Все ильичевские надписи относятся к I–II вв. н. э. (только КБН 1033 датируется «не ранее второй половины II в. н. э.») и практически все они сохранились благодаря вторичному использованию в кладках фундаментов зданий (в том числе и надпись фиасотов, найденная за пределами крепости). Это наводит на мысль о том, что *после* II в. н. э. произошла смена населения. Вместо жителей, носящих в основном традиционные эллинские имена, приходят те, что не оставили надгробий с надписями[41]. Происходит смена культурных традиций при которой старое кладбище перестаёт быть святыней. Когда же это могло случиться? Если допустить, что разграбление греческого некрополя I–II вв. н. э. для строительных нужд относится к одному краткому периоду (что представляется весьма вероятным), то их наличие в постройках довольно четко маркирует «границу» крепости I–II вв., жители которой как раз и лежали под данными стелами, и крепости следующего периода. Иначе говоря, надгробия выступают

[41] Лапидарных надписей III–VI вв. на Ильичевском городище не найдено; граффити маловыразительны и представляют собой коммерческие метки на амфорах [Сапрыкин, Маслеников, 2007, с. 201; Емец, 2012, с. 252–256].

в этом случае важным стратиграфическим и хронологическим репером. Самый яркий контекст – фундамент (№ 39) башни. По-видимому, весь нижний ярус помещений в юго-восточном углу крепости должен датироваться I–II вв., а верхний – относится уже к V–VI вв. н. э. Это подтверждает мысль о том, что между ранней крепостью и крепостью поздней существовала значительная хронологическая лакуна, и что надгробия были перемещены с некрополя где-то около рубежа IV–V вв. Можно было бы, конечно, допустить, что надгробия I–II вв. попали в стены в самом начале III в., поэтому более поздние надмогильные памятники не фиксируются в фундаменте башни, а в кладки V–VI вв. надгробия попали вследствие новых перемещений. Однако отсутствие документированных находок III–IV вв. опровергает такое предположение.

Говоря о соотношении крепости-батарейки с поселениями предшествующей поры, необходимо обратить внимание на то, что в большинстве, если не во всех случаях крепости Фонталовского п-ова появлялись не на голом месте, а рядом или даже непосредственно над поселениями ранними. И это понятно, поскольку на освоенном пространстве поселения преемственно занимали и сохраняли места ключевые на данной местности, тесно связанные с топографическими условиями, водоснабжением, наличием природных ресурсов, необходимых для жизни, существующей инфраструктурой (в первую очередь дорогами), что и определяло историческую преемственность. Примером сказанному служит Патрейская батарейка, построенная на руинах поселения эллинистической поры в восточной части городища[42] – «селения Патрей» во времена Страбона (Strabo XI. 2, 8) [Башкиров, 1949, с. 16; Абрамов, 2010, с. 536–537[43]]. Также и над остатками эллинистического комплекса с Таманским толосом (III – последние десятилетия II вв. до н. э.) и перекрывшей его резиденцией Хрисалиска (конец II–I вв. до н. э.) появляется крепость-батарейка у пос. «За Родину» [Сокольский, 1975, с. 28; 1976, с. 52–53]. В этом плане Ильичевская крепость представляет собой некое исключение.

В этой связи обратим внимание на то, что древние дороги, которые проследил по аэрофотоснимкам Я. М. Паромов [1998, с. 217, рис. 2], сходятся как раз в районе Ильичевской крепости[44]. Первая дорога, выраженная в рельефе даже после плантажной распашки, отходит от северо-восточного угла крепости и тянется параллельно берегу в сторону пос. Кучугуры, по-видимому, связывая эти два значительных поселения[45]. Другая дорога ведет на восток, вглубь полуострова. По обе стороны от нее тянется цепочка поселений. По всей видимости, этот магистральный тракт служил на протяжении всей античной эпохи и в средние века (современная автотрасса проходит параллельно ей невдалеке). Третья дорога ведет к Ю–ЮВ и соединяет Ильичевское городище с Батарейкой I (упирается в залив чуть северо-западнее крепости). Небольшой отрезок

[42] Разрушение поселения-предшественника батарейки датируется по I-му Патрейскому кладу после 70 г. до н. э. [Башкиров, 1967, с. 90–95; Фролова, 1992, с. 222].

[43] Пожалуй, следует здесь особо отметить точку зрения А. П. Абрамова на время строительства Патрейской крепости: он относит это событие к середине I в. до н. э. [ср. Завойкин, 1999, с. 119].

[44] Одна из них отчетливо видна в натуре еще и сейчас, зафиксированная впервые (правда, как и ров) по свежей распашке на 1850 м в длину Н. И. Сокольским [1967б, альбом; см. Гарбузов, Сударев, с. 140, рис. 4].

[45] Вдоль нее располагается группа памятников, наиболее ранние из которых датируются с конца VI в. до н. э. [Абрамов, Паромов, 1993, № 6, 9, 10].

четвертой дороги направляется от южных ворот крепости (через небольшое пос. Ильич 5) в сторону Динского залива, возможно, на переправу.

Итак, Ильичевское поселение было узловым пунктом, в котором дороги сходились и от которого они лучами расходились в направлении важнейших населенных пунктов. Трудно сказать, к какому именно времени следует относить эту систему, но вероятно, хотя бы отдельные ее элементы сложились задолго до появления самой крепости. Другое дело, что это место, облюбованное для строительства крепости, призванной контролировать район переправы, расположенное в некотором удалении от высокого обрывистого берега, не было пригодно для города, во всех случаях ориентированного на море и мореплавание. Если мы правы, предполагая наличие в интересующем нас районе Киммериды – Киммерика (во времена Страбона – «Киммерийское селение» – Strabo XI. 2, 4–5) [Завойкин, 1997; 1999], то следует думать, что это обстоятельство могло оказать решающее влияние на систему расселения в северо-западной части Фонталовского п-ова в период, предшествующий строительству крепостей. Новейшее исследование древних дорог, обрывающихся у моря, привело к аналогичному по сути заключению о существовании к западу от Ильичевского городища города (возможно, Киммериды), от которого вели дороги, «перекрытые» городищем, и который к моменту строительства Ильичевской крепости был уже поглощен морем [Гарбузов, Сударев, 2015, с. 136–142][46].

Итак, на рубеже новой эры, когда Киммерика как города уже не существовало, ситуация резко изменилась. Появление на Фонталовском п-ове крепостей-батареек отражает перемены в политической ситуации в регионе и, видимо, административную перестройку, обусловленную этим. Трудно с уверенностью сказать, когда именно эти земли вошли в состав так называемой «царской хоры» (не исключено, что уже с момента завоевания полуострова Спартокидами). Но едва ли можно сомневаться в том, что новая военно-административная область с ее крепостями (одна из которых, Патрейская, расположилась непосредственно на месте древнего полиса) находилась под прямой юрисдикцией боспорского царя. В то же время мы лишены каких-либо свидетельств, подтверждающих сохранение здесь каких-либо полисных традиций, если только не вспомнить случайную находку фрагмента надписи на Патрейском городище (рядом с крепостью), в которой предположительно упоминается «… Совет [и народ]» [Смирнова (Завойкина), 2002, с. 228–229].

Рассмотренные материалы Ильичевского городища наглядно демонстрируют, что население крепости (и примыкающего к нему поселения?) вовсе не выглядит инородным элементом в боспорском обществе (как некогда представлялось Н. И. Сокольскому). Напротив, эти военные поселенцы на царских землях (катойки) и члены их семей в подавляющей своей массе – носители эллинских имен и погребальных традиций (судя по сюжетам на надгробиях над их могилами). Развитие этого сообщества – по крайней мере, по части самоорганизации в «частные» союзы-фиасы – идет в русле тех же тенденций, которые характерны и для городов Боспорского государства в первые века н. э. Надо думать, что эти люди – не «деклассированные» элементы, не пришлые варвары

[46] Как показывают аналогичные случаи, вокруг города, расположенного на морском берегу, дороги веером расходились в разные стороны, а в их конце и вдоль них располагались поселения рангом ниже. Например, см.: Фанагория [Паромов, 1993а, план]; Патрей [Паромов, 1993б, 153, рис. 3].

на службе боспорских царей, а главным образом боспорские греки, по тем или иным причинам потерявшие связь с родным полисом. Хотя, конечно, нельзя исключать вероятности того, что кто-то из них имел иное происхождение.

Список литературы и архивные материалы

Абрамов, 2010. Абрамов А. П. Патрей // АНК. Т. I.

Абрамов, Паромов, 1993. Абрамов А. П., Паромов Я. М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 2.

Башкиров, 1949. Башкиров А. С. Отчет об археологических исследованиях на Таманском полуострове в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 374.

Башкиров, 1967. Башкиров А. С. Из истории Патрея III–I вв. до н. э. // ЗОАО. II.

Болиховская и др., 2002. Болиховская Н. С., Горлов Ю. В., Кайтамба М. Д., Мюллер К., Поротов А. В., Парунин О. Б., Фуаш Э. Изменения ладшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // ПИФК. XII.

Болтунова, Книпович, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III.

Бонин, 2014. Бонин А. В. «Неукрепленные батарейки» // ДБ. 18.

Бонин, Завойкина, 2016. Бонин А. В., Завойкина Н. В. Новая надпись из раскопок Ильичевского городища // ДБ. 20.

Войцеховский, 1929. Войцеховский С. Ф Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшего времени // Записки Сев.-Кавказского краевого общ-ва археологии, истории и этнографии. III. Ростов-на-Дону.

Гарбузов, 2016. Гарбузов Г. П. «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 (Фанагория. Т. 4). М.

Гарбузов, Завойкин, 2015. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. 19.

Гарбузов, Сударев, 2015. Гарбузов Г. П., Сударев Н. И. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // ДБ. 19.

Герц, 1898. Герц К. К. Археологическая карта Таманского полуострова. Изд. 2-е (Собр. соч. Вып. 1). СПб.

Горлов, 1996. Горлов Ю. В. Палеогеография Азиатского Боспора // Сб. 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани. ТМК. Тамань.

Горлов, Лопанов, 1995. Горлов Ю. В., Лопанов Ю. А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 3.

Горлов и др. 2002. Горлов Ю. В., Поротов А. В., Янина Т. А., Фуаш Э., Мюллер К. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. XII

Деопик, Круг, 1972. Деопик Д. В., Круг О. Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками // СА. 3.

Десятчиков, 1985. Десятчиков Ю. М. Азиатский Киммерик // Всесоюзная археологчическая конф. «Достижения советской археологии в IX пятилетке». Тез. докл. Баку.

Десятчиков, 1989. Десятчиков Ю. М. К истории азиатского Киммерика // I Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар.

Десятчиков, 1993. Десятчиков Ю. М. Некоторые аспекты внутрибоспорской колонизации // II Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар.

Десятчиков, 1996. Десятчиков Ю. М. Ст. Голубицкая // Сб. 20 лет музею М. Ю. Лермонтова в Тамани ТМК. Тамань.

Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984. Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М. Сельская территория // АГСП. М.

Емец, 2012. Емец И. А. Граффити и дипинти из античных поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.

Емец, Петерс, 1992. Емец И. А., Петерс Б. Г. Эпиграфические материалы из Патрея // Древности. Труды Российского археологического общества.

Журавлев, Шлотцауер, 2014. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников (ТрГИМ. 201). М.

Журавлев и др., 2015. Журавлев Д. В., Дан А., Герке Х.-Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Географическая среда и социум (XVI Боспорские чтения). Керчь.

Завойкин, 1996. Завойкин А. А. О раскопках на Ильичевском городище в 1996 году. Полевой отчет. М., 1996 // Архив ИА РАН. –1, № 20186.

Завойкин, 1997. Завойкин А. А. Киммерида – полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 4–1.

Завойкин, 1999. Завойкин А. А. Проблема локализации Киммериды // ДГВЕ–1996–1997. М.

Завойкина, 2013. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.

Завойкина, 2017. Завойкина Н. В. Еще раз о новой надписи с Ильичевского городища // ДБ. 21.

Иванчик, Петерс, 1988. Иванчик А. И., Петерс Б. Г. Греческая надпись из раскопок Патрея // ВДИ. 2.

Лазаревский, 1861. Лазаревский Я. М. Курганы Таманского полуострова // ИАО. II.

Мерперт, 1950. Мерперт Н. Я. Некоторые итоги полевых археологических исследований в 1949 г. // ВДИ. 2.

Николаева, 1974а. Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища // АО. 1974.

Николаева, 1974б. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5545.

Николаева, 1975а. Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища // АО. 1975.
Николаева, 1975б. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5729. (А)
Николаева, 1976а. Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища // АО. 1976.
Николаева, 1976б. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6382.
Николаева, 1977а. Николаева Э. Я. Работы Ильичевского отряда Таманской экспедиции // АО. 1977.
Николаева, 1977б. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции за 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8392.
Николаева, 1978а. Николаева Э. Я. Краснолаковая керамика со штампами из Ильичевского городища // КСИА. 156.
Николаева, 1978б. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда Таманской экспедиции за 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8792.
Николаева, 1979. Николаева Э. Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры. «Эйрене». XIV Международная конф. антиковедов социалистических стран. Т. I–II. Ереван.
Николаева, 1980. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9545.
Николаева, 1981а. Николаева Э. Я. Поселение у д. Ильич // КСИА.168.
Николаева, 1981б. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9280.
Николаева, 1983. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10645.
Николаева, 1984а. Николаева Э. Я. Боспор после гуннского нашествия. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М.
Николаева, 1984б. Николаева Э. Я. Боспор после гуннского нашествия. Дисс. канд. ист. наук. М.,1984 // Архив ИА РАН. Р-2, № 2333, 2333а.
Николаева, 1984в. Николаева Э. Я. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11181.
Николаева, 1985а. Николаева Э. Я. К вопросу о стеклоделии на Боспоре // Всесоюзная археологическая конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку.
Николаева, 1985б. Николаева Э. Я. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11642.
Николаева, 1986. Николаева Э. Я. Отчет о работах Ильичевской экспедиции за 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 11773.
Николаева, 1988. Николаева Э. Я. Отчет о работах Ильичевской экспедиции ИА АН СССР за полевой сезон 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13833.
Николаева, 1989. Николаева Э. Я. Отчет о работах Ильичевской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 14519.
Николаева, 1990. Николаева Э. Я. Ильичевское городище – крепость трапезитов // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Николаева, 1991. Николаева Э. Я. Отчет о работе Ильичевской экспедиции за 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15995.

Николаева, Устаева, 1990. Николаева Э. Я., Устаева Э. Р. Отчет о работах Ильичевской археологической экспедиции ИА АН СССР и Таманского археологического музея за 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15576.

Николаева, Устаева, 1996. Николаева Э. Я., Устаева Э. Р. Ильичевское городище // 20 лет музею им. М. Ю. Лермонтова. Сборник материалов международной конференции. Тамань.

Паромов, 1986. Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. 188.

Паромов, 1989. Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 196.

Паромов, 1990. Паромов Я. М. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древности Кубани. Краснодар.

Паромов, 1992а. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М. // Депон. ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г.

Паромов, 1992б. Паромов Я. М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС. 1.

Паромов, 1993а. Паромов Я. М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 2.

Паромов, 1993б. Паромов Я. М. Археолого-топографический план Патрея // БС. 3.

Паромов, 1994а. Паромов Я. М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб.

Паромов, 1994б. Паромов Я. М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. М.,1994. Дисс. канд. ист. наук // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2Д, № 518, 519.

Паромов, 1998. Паромов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1.

Сапрыкин, 1985. Сапрыкин С. Ю. Аспургиане // СА. 2.

Сапрыкин, 2002. Сапрыкин С. Ю. Боспор на рубеже эпох. М.

Сапрыкин, 2010. Сапрыкин С. Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.) // АНК. II.

Сапрыкин, Масленников, 2007. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ Supplementum. 1). Керчь–Симферополь.

Смирнова (Завойкина), 2002. Смирнова Н. В. (Завойкина). Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 5.

Сокольский, 1961. Сокольский Н. И. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции (раскопки Кеп, городища Батарейки и курганов) в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2290а, б.

Сокольский, 1963а. Сокольский Н. И. Кепы // Античный город. М.

Сокольский, 1963б. Сокольский Н. И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta Antiqua Philoppopolitana. Studia Archaeologica. София.

Сокольский, 1963в. Сокольский Н. И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1.
Сокольский, 1964. Сокольский Н. И. О работах Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2864.
Сокольский, 1965а. Сокольский Н. И. Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова // АО.1965.
Сокольский, 1965б. Сокольский Н. И. О работах Таманской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3134.
Сокольский, 1966а. Сокольский Н. И. Ильичевское городище // СА. 4.
Сокольский, 1966б. Сокольский Н. И. Исследования северо-западной части Таманского полуострова // АО.1966.
Сокольский, 1966в. Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской экспедиции Ин-та археологии в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3262.
Сокольский, 1967а. Сокольский Н. И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 109.
Сокольский, 1967б. Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3482; 3482а.
Сокольский, 1975. Сокольский Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 143.
Сокольский, 1976. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
Толстиков, 1992. Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 10. Археология и искусство Боспора. М.
Устаева, 1991. Устаева Э. Р. Отчет о работе в летний полевой сезон 1991 г. на пос. Ильич // Архив ИА РАН. Р-1, № 16458.
Устаева, 1992. Устаева Э. Р. Отчет о работе Ильичевского археологического отряда за 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 17229.
Фролова, 1992. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора VI в. до н. э. – середины IV в. н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М.
Фролова, 1996. Фролова Н. А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н. э. – 238 г. н. э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) // ВДИ. 2.
Фролова, 1997. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I–II. М.
Шавырина, 1983. Шавырина Т. Г. Отчет о результатах работ некропольской группы Ильичевского отряда ИА АН СССР в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1, № 11210а, б.
Шелов, 1949. Шелов Д. Б. Отчет о разведках на городище ок. хут. Ильичевка на Фонталовском полуострове // Архив ИА РАН. Р-1, № 315.
Шелов, 1951. Шелов Д. Б. Городище у хут. Ильичевка // КСИИМК. XXXVII.
Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М.
Шелов, 1970. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М.
Шелов, 1978. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 156.
Шкорпил, 1911. Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 40.
Dubois, 1843. Dubois de Montpereux Fr. Voyage autour du Caucase, cher les Tcherkess et Abkhases, en Colchide, en Georgie et en Crimee. Vol. V. Paris.

Frolova, Ireland, 1995. Frolova N., Ireland S. A Hoard of Bosporan Coins in the Period Third Century BC to AD 238 from Ancient Gorgippia (Anapa) // Numismatic Chronicle. 1995.

Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014. Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Greek Colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian–German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Tyritaka. Antique Site at Cimmerian Bosporus. Warsaw.

Summary

A. Zavoykin, N. Zavoykina

The Il'ich fortress and its inhabitants in AD I–II centuries

Starting with some researches of N. I. Sokolskij (1960s – early 70s) are a well-established view that a separate administrative-territorial district "The Island" was formed by the Bosporan kings of Asandros and Aspurgus on Fontalovskij peninsula. It was ruled by a royal governor, nessarches. The basic elements in this system were fortress ("batteries"), which were built simultaneously. All bosporan fortresses were outposts on strategically important plots of Fantalovskij peninsula. Developing the ideas of Sokolskij S. Y. Saprykin came to a conclusion that they were katoikiai on the royal land populating by Aspurgos's supporters who were obliged to bear military service. It is believed that a considerable part of garrison of the fortresses came from the barbarian tribes.

The article considers the archaeological and epigraphic material of Il'ich fortress (AD I–VI cen.) is located closest to the crossing of the Cimmerian Bosporus. The authors came to the conclusion that its history is divided in two periods separating with a chronological gap: 1. AD I–II centuries; 2. AD IV–VI centuries. All known inscriptions of the settlement belong to the first period. Their analysis revealed that 85.3% of the population of Il'ich fortress has purely Greek names, barbaric names – 14.7%. All subjects of reliefs on grave steles from Il'ich fortress agree with tombstone reliefs coming from cities and other settlements of the Bosporus Kingdom. The inscription of private association (AD152/153 ad) finding in 2015 shows that the society of Il'ich fortress has developed in the same social and cultural traditions which were characteristic of the population in the bosporan main cities in the first centuries AD. The ethnic composition and cultural traditions of the Il'ich fortress population do not stand out against a background of the Bosporan society. Thus the study of explicit materials of the Il'ich fortress gives rise to update concepts formed previously.

Н. В. Завойкина
(ИА РАН, Москва)

Еще раз о новой надписи с Ильичевского городища

Работа над статьей по истории Ильичевской крепости I–II вв. заставила нас еще раз проанализировать все имеющиеся надписи, связанные с этим памятником археологии[1]. Это стимулировало желание вновь обратиться к надписи из находок 2015 г., которая была опубликована в 2016 г. в «Древностях Боспора» [Бонин, Завойкина, 2016, с. 68–74]. Стало очевидным, что предложенная реконструкция имеет неточности и нуждается в ревизии чтения нескольких строк[2].

На лицевой поверхности плиты сохранились следующие буквы в строках:

ΤΟΥΣΝ
ΤΗΣΠΕΡΙΙ
ΗΡΖΑΖΟΜΦΛΙ
ΝΑΚΙΩΝΟΣΦΙΛ
ΑΓΑΘΟΣΧΡΗΣ
ΕΚΡΙΤΟΣΛ(Α?)
ΠΙΛΜΟΥΣ
ΤΕΙ

Сохранность букв в строках

1 стк. От первой буквы *тау* сохранилась вертикальная черта и правая часть верхней горизонтали, которая находится на грани верхнего скола. С левой стороны перед *тау* расположено небольшое лицевое поле плиты, которое покрыто сильным известковым налетом. Предполагаемый в первой публикации нижний край гасты перед *тау*, скорее всего, случайное повреждение [Бонин, Завойкина, 2016, с. 71, рис. 2]. В пользу этого свидетельствует расположение этого углубления ниже нижнего уровня букв 1-й стк.

2 стк. После букв ΠΕΡΙ четко видна вертикальная линия. Её верхний край ниже, чем верхушки предшествующих букв. Аналогичные случаи наблюдаются в конце 3 и 4 строк:

[1] См. статью А. А. Завойкина, Н. В. Завойкиной в этом же томе.

[2] Выражаю благодарность А. В. Бонину за сотрудничество, но все недочеты в публикации 2016 г. следует относить на мой счет.

в 3-й стк. *лямбда* и *йота* ниже по высоте предшествующих букв, в 4-й стк. – *йота* и *лямбда* ниже предстоящих *омикрон*, *сигмы*, *фи*. Тонкая короткая горизонталь над *йотой*, которая дает основание для предположения, что перед нами *пи* или *гамма*, является следствием повреждения камня, но не следом от инструмента резчика. Характер исполнения *пи* и *гаммы* во 2-й и 4-й стк. показывают, впрочем, как и прямые линии других букв, что резчик вырезал их глубокими и четкими с апексами по краям.

8 стк. Чтение *альфы* после *ипсилон* не соответствует изображению на камне [Бонин, Завойкина, 2016, с. 69]. Здесь следует читать *лямбду*. От последней буквы сохранился верхний левый угол, который совпадает с начертанием *сигмы* в этой части.

Реконструкция надписи

1 стк. ΤΟΥΣΝ. Предложенное чтение τοῦς ν[αοῦς][3] не вписывается в структуру известных посвящений надписей частных сообществ Боспора[4]. Поэтому предлагаем вариант, что буквы ΤΟΥΣ являются частью слова [ἔ]τους, года. После него буква *ню* относится к цифре года. Если принять эту реконструкцию и палеографическую датировку в приделах первой половины II в. н.э., получаем номер года N[Y'], 450 г. б.э. = 152/153 г. н.э. В это время на боспорском престоле находился царь Тиберий Юлий Ремиталк. Полная датировка в надписи выглядит как: «…[ἔ]τους N[Y´, μηνὸς ...]. Аналогии этой реконструкции встречаются в надписи 104 г. из Танаиса (КБН 1259) и посвящениях фиасотов из Горгиппии (КБН 1134, 1136+77 [Завойкина, 2013а, с. 88–89]). Эта дата не противоречит палеографической датировке, учитывая невозможность последней определить время создания надписи вплоть до нескольких годов. Как соотносится список имен в 3–7 стк. надписи с предлагаемым восстановлением? Среди боспорских надписей известно два типа документов, в которых календарная дата могла стоять в начальной части, а не в конце текста. Это манумиссии (КБН 1123, 1124, 1125 и др.) и посвятительные акты фиасов (КБН 1136+77; 1134, 1259, 1260, 1261). Манумиссии не подходят, поскольку специфический набор лексики и их особая структура не проявляются в нашем случае. В тоже время, календарная дата в надписях религиозных ассоциаций могла располагаться после эпонимной формулы с именем правящего царя и предшествовала спискам членов правления и именам простых фиасотов. Таким образом, список имен ильичевской надписи не противоречит структуре отмеченных посвящений фиасов. Имена рядовых фиасотов следовали в надписях частных сообществ Боспора после θιασεῖται[5] (КБН 76, 1136+77, 1134), οἱ λοιποὶ θιασεῖται (КБН 1263, 1277, 1278 и др.), τῶν λοιπῶν θιασειτῶν (КБН 1259, 1262). Эпонимная формула перед календарной датой обычно содержит имя правящего царя, в нашем случае, Ремиталка. Начало надписи должно выглядеть так: [βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Ῥοιμητάλκου φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔ]τους N[Y´, μηνὸς ...].

[3] В публикации пропущен омикрон в acc. pl. слова ναός, поэтому имеем неправильное чтение ν[αῦς] вместо ν[αοῦς]. Эта оплошность ни коим образом не относится к работе редакторов сборника.

[4] Единственная приведенная аналогия сама нуждается в пояснении.

[5] Такая форма написания слова θιασῶται обычна для боспорских надписей первых веков.

2 стк. Реконструкция [ἡ θίασος[6] θεᾶς Ἀφροδί?]της περὶ ἱ[ερέα τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος καὶ ἱερομάστορα[7]] [Бонин, Завойкина, 2016, с. 70–71] согласуется с предлагаемым типом надписи как посвящение частного сообщества. Предложенное в публикации чтение ἱ[ερέαν] вместо обычного ἱ[ερέα] обосновывается синхронными аналогиями из надписей Пантикапея и Фанагории первой половины II в. (КБН 80, 81, 88; «стела Омпсалака» [Габелко, Завойкина, Шавырина, 2006, 337]). В принципе, возможны оба варианта, учитывая отклонения от языковых норм греческого языка в римское время. Будем придерживаться реконструкции ἱ[ερέα]. Наше чтение также не противоречит структуре посвящений частных сообществ, в которых после календарной даты шло название сообщества, имя божества-покровителя, хотя оно могло и пропускаться, далее располагался список членов правления. Восстановление звания гиеромастра является только одним из возможных вариантов. Так, в надгробии фиасота Мокка сына Левкия из Фанагории отмечен состав правления частного сообщества из жреца и филагата [Ворошилова, Завойкина, 2016, с. 28–30]. Звание филагата было более распространенно в списках правлений частных сообществ городов Боспора, в отличии от звания гиеромастра, известного сугубо по надписям фиасов Фанагории и Германассы [Завойкина, 2013а, с. 40–42]. Учитывая этот факт можно думать, что в надписи с Ильичевского городища могло после звания жреца стоять, например, звание синагога или же филагата, как наиболее часто встречаемых в надписях частных сообществ Боспора: [ἡ θίασος θεᾶς Ἀφροδί?]της περὶ ἱ[ερέα τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος καὶ φιλάγαθον(?)].

3 стк. Предлагалось чтение Ἡρζᾶ Ζομφλ[- ? -] в качестве имени и отчества второго члена правления частного сообщества [Бонин, Завойкина, 2016, с. 70–71]. В надписи 229 г. из Танаиса отмечено отчество Деметрия, жителя города, как Ἡρζέως [LGPN IV, Ἡρζῆς]. Авторы LGPN восстанавливают его nom. sing. как Ἡρζῆς [LGPN IV, Ἡρζῆς]. В надписи из Ильичевского городища имеем впервые засвидетельствованную форму acc. sing. Ἡρζᾶ от имени Ἡρζῆς. Отчество Эрза Ζομφλ[- ? -] пока не поддается восстановлению из-за отсутствия аналогий. Чтение в 3-й стк. имени рядового фиасота Ἡρζᾶζ Ομφλι[- ? -] не возможно, поскольку в древнегреческом языке слова, в том числе и варварские имена, не могут оканчиваться на *дзету*. Выражение οἱ λοιποὶ θιασεῖται (КБН 1054, 1263, 1277, 1278 и др.) или просто θιασεῖται (КБН 76, 987, 1136+77, 1134) обычно следуют после званий и личных имен членов правления фиаса, и предшествуют именам фиасотов в посвятительных актах частных сообществ.

4 стк. Предлагалось чтение [Φαρ]νακίωνος Φιλ[ώτου?] [Бонин, Завойкина, 2016, с. 70–72]. Новое прочтение показывает, что [Φαρ]νακίωνος является отчеством фиасота, чье имя располагалось, скорее всего, в конце 4 стк. Начало имени на ΦΙΛ- принадлежит уже другому человеку: Φιλ[ώτας? τοῦ δεῖνος][8].

---

[6] В боспорской эпиграфике этого слово всегда стоит в женском роде (КБН 1016, 1134; Ворошилова, Завойкина, 2016, с. 28–29). В греческом языке оно обычно относится к мужскому роду. В боспорских надписях мужской род этого существительного прямо пока не засвидетельствован.

[7] Концевое ню в слове ἱερομάστορα в публикации поставлено ошибочно.

[8] Список имен, начинающихся на Φιλ- и отмеченных в боспорской антропонимии, см., например, КБН, с. 904–905.

5 стк. Чтение Ἀγαθο<ῦ>ς[9] [Бонин, Завойкина, 2016, с. 70, 72–73]. Пропуск ударных гласных в личных именах отмечается неоднократно в боспорских надписях первых веков: Φιλ<ά>ρσενε (КБН 529), Ἀντισθ<έ>νου (КБН 883), Φαρν<ά>κου (КБН 648). В надписи 303 г. из Филипполиса, Фракия, отмечено имя Ἄγαθος [LGPN IV, s.v.]. Учитывая фрагментарность ильичевской надписи лексема -αγαθος может быть вторым композитом в различных именах: Ἀνδράγαθος [Pape-Bensler, s.v.], Ἐπάγαθος (КБН 548, 1287), Παντάγαθος (КБН 80, 89, 1262, 1264), Φιλάγαθος (КБН 36, В, 69). Судя по расположению имен и сохранности начальных букв в 3–8 стк., от левого края надписи в скол ушло не более 2–3 букв. Предположительно, в 5 стк. могло быть вырезано [Ἐπ]άγαθος или [Φιλ]άγαθος.

7 стк. Предполагалось чтение –πιλμους [Бонин, Завойкина, 2016, с. 70, 73]. Новое чтение: -πιλμου Σ[- ? -]. Лексема -πιλμου является частью отчества фиасота, чьё имя не сохранилось и, возможно, располагалось в конце 7 стк. Следующая после неё *сигма* принадлежит уже имени другого человека.

8 стк. Предлагалось чтение [ἔ]τει [Бонин, Завойкина, 2016, с. 70, 73]. Исходя из новой интерпретации, буквы ΤΕΙ могут принадлежать именам: Γάστεις (КБН 376, 377, 378, 379, 380, 1154, 1192 и пр.), Πάτεις (КБН 81, 700, 811, 1027, 1242, 1278, 1280 и пр.), Πάτειρος (КБН 947 Б, 6). После *йоты*, сохранившейся частично, слабо виден верхний угол *сигмы*. Следовательно, вариант с восстановлением имени Πάτειρος отпадает. Поскольку у левого скола лицевое поле сильно разъедено известковым налетом, к сожалению, перед *тау* нельзя прочесть ни одной буквы. Поэтому в равной степени здесь можно восстанавливать как имя Γάστεις, так и Πάτεις. Используем *e.g.* Γάστεις в реконструкции.

Исправленное и дополненное чтение. Судя по расположению имен и сохранности начальных букв в 3–8 стк., от левого края надписи в скол ушло 2–3 буквы. Длина строки не подается восстановлению.

[βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου]
[Ῥοιμητάλκου, φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου,]
1.[εὐσεβοῦς, ἔ]τους Ν[Υ΄, μηνὸς ..., ἡ θίασος θεᾶς?]
[Ἀφροδί?]της περὶ ἱ[ερέα τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος[10] καὶ φιλάγαθον(?)]
Ἠρζᾶ Ζομφλι[- ? - , οἱ λοιποὶ θιασεῖται, ὁ δεῖνα]
[Φαρ]νακίωνος, Φιλ[ώτας? τοῦ δεῖνος]
5.[Ἐπ?]άγαθος Χρήσ[του, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος,]
[Θ]εόκριτος Λ(?)[- ? -, ὁ δεῖνα]
[-2-]πιλμου, Σ[- ? - τοῦ δεῖνος,]
[Γάσ?]τεις [τοῦ δεῖνος …]

Перевод: «(*В царствование царя Ремиталка, друга цезаря и друга римлян,* | *благочестивого,*) в году 450, (*месяце …, фиас богини* | *Афроди*)ты во главе со ж(рецом … и *филагатом*?) | Эрдзом сыном Дзомфли(-?-, и *остальные фиасоты*) | (такой-то сын Фар)накиона, Фил(*от*? сын такого-то) | (*Эп*?)агатос сын Хрес(*та*?, …) | Феокрит сын Л(-?-) | (такой-то сын -)пилма, С(- ? - сын - ?-) | (*Гас*?)тей сын …

[9] В публикации 2016 г. не поставлены треугольные скобки [Бонин, Завойкина, 2016, с. 69].

[10] Отчества у членов правления, как и у рядовых фиасотов, могли отсутствовать [Завойкина, 2013, с. 73–75].

Настаивать на предлагаемом чтении сложно, учитывая сильную фрагментарность надписи. Трудно представить, что предполагаемый фиас Афродиты установил мраморную плиту на Ильичевском городище, об античном названии и статусе которого можно только догадываться. Само городище в I–II вв. н. э. представляло собой небольшую крепость, о заселении близлежащей территории к ней в римское время почти ничего не известно. Так же нам мало что известно и о жизни на других античных поселениях с крепостями на Боспоре[11]. Здесь привлекает внимание серия различных надписей (надгробия, строительные надписи и две неясных типов) с Патрейского городища первых веков новой эры, где также располагалась крепость (КБН 1017–1019; 1020[12] [Иванчик, Петерс, 1988, с. 119–122; Емец, Петерс, 1992, с. 129 сл.; Смирнова (Завойкина), 2002, с. 224–233]. Другой, не менее интересный пример – манумиссия 105 г. (КБН 1021) и надгробие II в. н. э. (КБН 1022), происходящие из района крепости Батарейка I. Известны находки эпиграфических памятников первых веков из населенных пунктов Европейского Боспора – Киммерика на г. Опук, Зенонова Херсонеса, а также крепости Илурат [Завойкина, 2013, с. 129–131]. Предполагать, что все упомянутые надписи были доставлены туда откуда-то для строительных нужд сложно, поскольку их датировка совпадает со временем существования упомянутых памятников археологии. Важно, что все эти надписи отражают устоявшуюся «эпиграфическую привычку» населения этих небольших городов и крепостей, хорошо представленную в крупных боспорских городах (и весьма слабо – за их пределами) и свойственную античному обществу в целом.

Список литературы

Бонин, 2014. Бонин А. В. «Неукрепленные батарейки» // ДБ. 18.

Бонин, Завойкина, 2016. Бонин А. В., Завойкина Н. В. Новая надпись из раскопок Ильичевского городища // ДБ. 20.

Ворошилова, Завойкина, 2016. Ворошилова О. М., Завойкина Н. В. Надгробие фиасота Мокка сына Левкия // Материалы по истории и археологии Фанагории. 2 (Фанагория. Т. 4.).

Габелко, Завойкина, Шавырина, 2006. Габелко О.Л, Завойкина Н. В., Шавырина Т. Г. «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века // АМА. 12.

Завойкина, 2013. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.

Емец, Петерс. 1992. Емец И. А., Петерс Б. Г. Эпиграфические материалы из Патрея // Древности. Труды Российского археологического общества.

[11] Из последних работ: [Бонин, 2014, с. 73–87].

[12] Ревизия надписи: [Иванчик, Петерс, 1988, с. 120 сл.].

Иванчик, Петерс, 1988. Иванчик А. И., Петерс Б. Г. Греческая надпись из раскопок Патрея // ВДИ. 2.

Смирнова (Завойкина) 2002. Смирнова Н. В. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 5.

Summary

N. V. Zavoykina
Some notes to the reconstruction of new inscription from Il'ich site

The reconstruction of inscription from Il'ich site publishing in 2016 is reconsidered in the article. The inscription is dated AD 152/153. The author believes that it is a dedication of religion association and it is possible its members worshipped Aphrodite. The priest headed the association and names of some members are survived.

А. В. Иванов, Н. И. Сударев
(Институт археологии РАН)

Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора

Курганы Азиатского Боспора исследуются начиная с конца XVIII века.[1] За прошедшие два с лишним столетия полностью или частично их были раскопаны сотни. Новый этап в исследовании курганов этого региона начался с применением тяжелой землеройной техники. Особого размаха такие работы достигли в последние десятилетия вследствие масштабной хозяйственной деятельности на Таманском полуострове. Только за последние 20 лет тут было раскопано около двух сотен курганов. И это не считая бесконтрольного, преднамеренного или «случайного» уничтожения курганных насыпей, прежде всего, вследствие плантажной распашки.[2] При этом лишь немногие материалы этих относительно недавних раскопок были так или иначе введены в научный обороти [Лимберис, Марченко, 1993; 2007; Марченко, Бочковой, Кононов, 2007; Лимберис, Марченко, 2010, Иванов, Сударев, 2012].

Полевые исследования курганного некрополя вблизи Кеп начались еще в середине XIX века[3]. Они носили в значительной степени хаотический характер и были ориентированы на получение ценных находок, да и уровень полевой документации в это время был крайне низок. В основном ограничивались словесными привязками к ныне уже несуществующим ориентирам и очень условными планами. В историческом обзоре К. К. Гёрца сообщается [1898, с. 71–72], что в 1852 г. где-то на этой территории или рядом работал К. Р. Бегичев, и им вблизи станции Сенной раскапывалось 17 курганов, часть из которых находилась на возвышенности между Боспорским (Таманским) заливом и Ахтанизовским лиманом. Наиболее активно в XIX в. курганы раскапывались в округе ст. Сенной в 1870–1880 гг., благодаря деятельности Императорской Археологической Комиссии. Согласно её Отчету [ОАК 1878–1879, с. XII], в 1878 г. Н. П. Кондаков исследовал цепь курганов, идущую от хутора Артюхова к горе Цымбалы. В ней

[1] Раскопки генерала Вандервейде [Герц, 1876, с. 5].

[2] Наши наблюдения показывают, что в настоящее время на местности не выявляются или выявляются с большим трудом до половины курганов, зафиксированных в 80-е годы XX в., как курганы имеющие высоту около 1 м. Более высокие курганы потеряли в высоту около 1 м и более.

[3] Благодарим Г. П. Гарбузова за помощь при подготовке исторической справки о раскопках данного участка.

упоминаются три больших и несколько малых курганов, расположенных по линии с запада на восток на протяжении двух верст. В частности, раскапывался большой курган у «подошвы горы Цымбалы, возле почтовой дороги», т. е., скорее всего, в пределах участка, на котором недавно было открыто несколько разграбленных сырцовых гробниц. Я. М. Паромов [2003, с. 258] соотнес этот курган с курганом № 42 на своей схеме (см. рис. 1а). Надо отметить, что эта идентификация, также как и все определения мест раскопок Н. П. Кондакова, приведенные в работе Я. М. Паромова, носят субъективный характер и ничем не обоснованы ибо все соответствующие топопривязки вовсе не следуют из очень краткого описания раскопок Н. П. Кондакова в ОАК, на которые он ссылается. Поэтому с упомянутым большим курганом здесь можно связать любую из сохранившихся крупных насыпей, тем более, что почти все они носят следы былых раскопок [Сокольский, 1961, с. 50]. Возможно, помимо только что упомянутого в пределах планируемого в настоящее время к работам участка в 1880 г. раскапывался ещё один курган. В отчете ОАК за этот год упоминаются «безуспешные» раскопки кургана неподалеку от усадьбы Пивнева, «близ почтовой дороги» [ОАК 1880, с. XIII], проведенные С. И. Веребрюсовым или тем же Н. П. Кондаковым.

Изучение курганного некрополя Кеп на систематической основе возобновилось в 1960-х годах. В период с 1961 по 1978 гг. здесь проводили работы Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина, В. С. Долгоруков. В целом было раскопано около 17 насыпей с десятками погребений. Помимо античных (V в. до н. э. – IV в. н. э.) [Паромов, 2003, с. 260], тут было открыто 17 захоронений эпохи бронзы (в семи курганах с учетом раскопок XIX в.). Десять из них относились ко времени ранней бронзы (конец IV–III тыс. до н. э.). Из их числа три – майкопской культуры, 7 – эпохи средней бронзы [Паромов, 2003, с. 259]. Высокая концентрация на небольшой территории погребений эпохой бронзы (кроме того, множестве курганов, были разрушены, разграблены, или сведения о них недостаточны), свидетельствует, что район городища Кеп издавна был обитаем. Следует отметить, что в 1,5–2,5 км к северу располагаются поселения и некрополи эпохи финала поздней бронзы – раннего железного века Юбилейный 4 и Юбилейный 14[4].

В пределах интересующего нас участка в 1960-х годах было раскопано 2 кургана. Они обозначены как курганы № 6 и № 7 на обобщенном плане Я. М. Паромова (рис. 1а) и плане автора раскопок Н. И. Сокольского [1962а, рис. 16; 1965, рис. 40, *1*]. Курган № 6 имел диаметр 27 м, высоту 1.5 м (см. вид кургана до начала раскопок на рис. 9, согласно Н. И. Сокольскому [Сокольский, 1962а, рис. 37]). Была выявлена грабительская яма и остатки тризны в его восточной поле. По незначительному количеству фрагментов керамики курган датирован IV – первой половиной III в. до н. э. [Сокольский, 1962, с. 44–46]. Курган № 7 имел диаметр до 45 м и высоту до 1.8 м. С западной стороны в его насыпи существовал широкий (5 м) прокоп от края до центра, аналогичный – был и с южной стороны (судя по этим признакам, курган раскапывался в XIX в.). В кургане обнаружено 8 погребений. Одно – в сырцовом «ящике» второй половины IV в. до н. э. [Сокольский, 1962, с. 49]. Остальные – относились к эпохе бронзы; два

[4] Исследования велись сотрудниками ООО «Археологическое общество Кубани» Давудовым Ш. О. и Сергеевой О. В. в 2015 г.

погребения (№ 1 и № 4) являлись катакомбами с вертикальными колодцами-дромосами. Автор раскопок датировал все эти погребения II тыс. до н. э. (№ 6 и № 7 – скорее, первая его половина №№ 1–4 и № 8 – вторая) и относил их к «общей линии развития северокавказской культуры». Все захоронения скорченные, преимущественно с западной ориентировкой, следами окраски, бедным инвентарём и наличием следов органических подстилок [Сокольский, 1962, с. 57].

В целом, некрополю Кеп посвящено много публикаций [Сорокина, 1962,1963,1967, Сорокина, Сударев, 2000, 2000а, 2001, 2001а, 2002, 2002а, 2003, 2004, и т. д.]. Но курганный – издан в значительно меньшей степени [Паромов, 2002, 2003]. Ряд статей и монография посвящены знаменитому Артюховскому кургану [Максимова, 1979] и кургану 17 (18) (1977–1978 гг.) [Усачева, 1983, Журавлев, Ильина, Ломтадзе, Сударев, 2005, Zuravlev, Lomtadze, Il'ina, Sudarev, 2007]. Материалы исследований Императорской Археологической Комиссии 1870–1880 гг. кратко освещены в ОАК, а данные об исследованиях 1960-х годов – в очень сжатом виде в двух статьях в КСИА [Сокольский, 1963, 1965]. Мы предлагаем вниманию читателей результаты раскопок ещё одного кургана в 2015 г.

Он располагался в 1,15 км к северо-востоку от железнодорожного переезда в пос. Сенной, на гряде Цымбалы, предположительно на «третьей линии некрополя Кеп (восточное направление)» по определению Я. М. Паромова [Паромов, 2003, с. 254–259, рис. 1, *А*]. Вероятно, он соотносится с курганом 44 или 45 по его нумерации. Его местоположение на юго-западной границе карьера строительных песков и стало причиной раскопок. Судя по картам второй половины XX в., на этом месте располагался полевой стан с многочисленными хозяйственными постройками. Вследствие всего этого, северная пола насыпи была уничтожена. Перед проведением работ высота кургана составляла порядка 1,3 м, диаметр кургана – 42 м (рис. 1, *Б*). Стратеграфия (рис. 1, *Г*) насыпи выглядела следующим образом:

– *дерновый слой*, мощность – 0,20–0,40 м.

– *курганная насыпь II,* рыжая супесь. Протяжённость слоя составила 40,80 м. Сохранившаяся высота – до 1 м. На полах насыпи прослежены линзы погребенного черного гумуса толщиной 0,20–0,30 м. Массив насыпи краями опирался на древний горизонт дневной поверхности. В центральной же части – на грунт выкида из грабительской ямы 1, лежавший на насыпи, сооруженной над первоначальным погребением № 1.

– *курганная насыпь I* представляет собой серую, плотную супесь. Протяжённость её 19,5 м. Сохранившаяся высота 0,4 м. Насыпь опиралась непосредственно на предматерик. На поверхности её прослежена линза коричневой супеси толщиной до 0,10 м – погребенная почва, образовавшаяся на поверхности ранней насыпи эпохи бронзы.

– *древний горизонт (предматерик)* состоял из коричневой супеси разной мощности (в центре разреза – 0,6–0,8 м, к краям – 0,4–0,5 м). Предматерик чётко отделялся от материка лишь в западной части разреза. В центральной и восточной частях этот переход был слабо различим. На восточном конце разреза его перекрывал небольшой слой светло-коричневой супеси.

– *материк*. В западной части разреза представляет собой т. н. глину – белоглазку. В центральной и в восточной – светло-коричневую супесь. В центре насыпи он залегал на глубине 2,3 м от уровня современной дневной поверхности.

Рис. 1. Курган на территории курганного могильника «Кепы»: А – место проведения работ; Б – курганный некрополь Кеп, схематический план Я.М. Паромова, с нанесенными границами карьера; В – общий план кургана; Г – профиль центральной бровки кургана

На западной поле кургана на дерне лежал слой материковой супеси мощностью до 0,33 м – выкид из котлована под хозяйственную постройку недавнего времени, разрушившую северную часть насыпи.

В центральной части разреза, над погребением № 7 прослежена большая, неоднократно «обновлявшаяся» грабительская яма. Контуры могильной ямы, впущенной в первую насыпь, не различимы, однако на поверхности этой насыпи зафиксированы соответствующие могиле выбросы грунта. Это линзы мешаной сухой материковой супеси шириной до 16.7 м и толщиной до 0,30 м, на поверхности которой с западной части прослеживалась прослойка дробленого известняка. Эту линзу перекрывала еще одна более толстая линза, состоявшая из мешаной супеси и фрагментов сырца – выбросы из грабительской ямы 1 (шириной до 3.6 м), которая и разрушила погребение. Заполнена грабительская яма была мешаной супесью, заплывами светлого песка, фрагментами сырцов и колотым известняком. После того как яма оплыла, рядом с ней было совершенно погребение № 1, над которым появилась насыпь II, перекрывшая и раннюю грабительскую яму, и выкиды из нее. Позже в центре кургана появилась еще одна грабительская яма (2), которая прорезала центральную часть первой грабительской ямы. Ширина её в профиле разреза 2,26 м, а пятно прослеживается сразу под дерновым слоем. Эта яма доходит до материка и в придонной части на западной стенке имеет небольшую ступеньку. Заполнение: неоднородная коричневая супесь с мелкими вкраплениями колотого известняка.

Всего в кургане раскопано 7 погребений и 8 объектов, относящихся к различным эпохам (рис. 1, *B*).

Погребение № 1 (рис. 2) находилось в центральной части насыпи и было обнаружено по горелому грунту. Глубина от Ro до дна могильной ямы 2,85 м. Размеры этой ямы с заплечиками, ориентированной по линии ЮЗ-СВЗ, – 3,54×2 м. Она была перекрыта деревянной конструкцией, которая после совершения захоронения была сожжена. Остатки дерева сохранились в виде кальцинированного древнего угля. Поверхность заплечиков при этом сильно обгорела, супесь приобрела характерный красно-оранжевый цвет. На северо-западном торце ямы обнаружены загнутые железные гвозди (14 экз.) с округлыми, полусферическими шляпками и коническими, округлыми в сечении стержнями. На дне ямы и в ее стенках находились однотипные кованные бронзовые гвозди (всего 33 экз.). Их Шляпки слегка выпуклые, стержни конические, округлого, но чаще подквадратного сечения. На юго-западном заплечике лежала сильно фрагментированная книдская амфора с небольшой, остроребернoй ножкой, широким пифойдным туловом и воротничковым венцом. Глина плотная, розовая, с примесью частых мелких белых включений. По мнению С. Ю. Монахова, амфора относится к концу IV в. до н. э. или несколько более раннему времени.[5]

На юго-восточном углу заплечика лежал сильно фрагментированный чернолаковый сосуд. Это пелика или, скорее, гидрия. Широкий, с плоской опорой поддон профилирован глубокой бороздкой. Тулово округлое, украшенное горизонтальными частыми канелюрами. Горло невысокое, венчик пеликообразный, широкий, сильно отогнут наружу и также профилирован глубокой бороздкой. Тесто светлое, без видимых примесей; лак плохого

[5] Выражаем благодарность Сергею Юрьевичу за любезную консультацию.

Рис. 2. Курган на территории курганного могильника «Кепы»: погребение №1. Чертеж комплекса и его материалы

качества, местами глянцевый, местами матовый. Сосуд явно обгорел, полной реставрации не подлежит. Не удалось ему найти и прямых аналогий. Наиболее близкие по форме венчика и поддона гидрии, правда, с иными пропорциями, происходят из Южной Италии и датируются второй половиной IV – нач. III вв. до н. э. [CVA, 1925, № F 564; 1960 IV Eg., p. 7–9, tav. 2, 8–10; 3, 1–15; 1979, taf. 5, 1–2; 1990, tef. 5, 2–3;]. Сосуды близкие по форме, но с другим декором датируются третьей четвертью IV в. [CVA, 1990, p. 43–47, tef. 23–25, 2–3]. Гидрия с аналогичным поддоном, венчиком, декором тулова и цветом глины, отличающаяся пропорциями горла, происходит из погребения US 538 некрополя Ории в Южной Италии [Semenario, 2013, p. 394, t. 18, 20b]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что данный сосуд датируется в пределах третьей четверти IV в. до н. э.

В провале над ямой, на уровне перекрытия был найден разбитый красноглиняный алабастр с округлым, невыделенным дном, вытянутым туловом, короткой шейкой и нависающим венчиком. Глина плотная, темно-бежая, с редкой примесью белых частиц. Аналогичный алабастр был обнаружен в захоронении второй половины IV – начала III вв. до н. э. в сырцовой гробнице кургана 3 некрополя Кеп [Сокольский, 1965, с. 114].

Подпрямоугольная в плане могильная яма рассматриваемого погребения размером 1.7×0.64 м была ориентирована продольной осью по линии ЮЗ-СВ. Стенки ямы ровные, вертикальные. Дно ровное. Заполнение неоднородное: мешаная серая супесь, угольки и фрагменты горелой супеси. Находки отсутствовали, но на западном заплечике, под слоем горелой супеси была найдена раздавленная красноглиняная лекана боспорского производства с плоским невыделенным дном и двумя горизонтальными ручками. Такие леканы часто встречались в некрополе Кеп. Но их совсем нет в некрополях Мирмекия, пос. Войкова, Тиритаки, Гермонассы, Тузлы, Панагии и т. д. Зато в некрополе Фанагории – 13, в некрополе поселения Виноградный 7 – 44, а в некрополе Пантикапея всего 10.

Скорее всего, данное погребение является остатками кремации 2-го типа (сожжение на месте, захоронение праха в урне). Вероятно, на заплечики был положен настил с погребенным и дрова; здесь же было совершено сожжение. При этом сама яма выполняла функцию пода в печи. Гидрия же являлась хранилищем для праха, что неоднократно фиксировалось в боспорских некрополях. Данное погребение на основании амфоры и чернолакового сосуда датируется третьей – последней четвертью IV в. до н. э.

«Погребение» № 2 (рис. 3, *А*) обнаружено в центральной части насыпи кургана по амфоре. Глубина от Ro на восток до ножки амфоры – 0,98 м. Ограбленное в древности, первоначально оно, вероятно, представляло собой каменно-сырцовый ящик, так как на площадке были встречены колотые обломки известняка, а в юго-западной части – сырцовый блок. Не исключено, перед нами не собственно гробница, а выкид из ограбленного погребения 7 (см. ниже). В центре скопления находились фрагменты фасосской амфоры коническо-биконического типа, возможно, II–C-2 серии топраисара [Монахов, 2003, с. 76, таб. 48]. Тесто глины оранжевое с незначительной примесью слюды. Датировка: пер. пол. IV в. до н. э.

В юго-западной части скопления обнаружены обломки чернолакового унгвентария (амфориска?) и чернолаковой мисочки. От первого – сохранилась лишь резко расширяющееся тулово на остроребернoм широком поддоне. Лак глянцевый, у поддона нанесен косой сеткой. Мисочка аттическая, тесто розовое, лак хорошего качества,

Рис. 3. Курган на территории курганного могильника «Кепы»:
А – погребение №2; Б – погребение №3. Чертежи и материалы комплексов

глянцевый. На дне тесненная пальметта. Подобные сосуды датируются 380-ми годами до н. э. [Егорова 2009, с. 101, № 166; Rotroff 1997, p. 156–158, Sparkes, Talcott, 1970, № 803]. Таким образом, датировка «погребения»: первая пол. IV в. до н. э.

Погребение № 3 (рис. 3, *Б*) также выявлено в центре насыпи по пятну заполнения могильной ямы. Глубина от Ro до дна в центре ямы – 1,83 м. Подпрямоугольная в плане яма 1,8×0,98 м ориентирована по линии З-В с незначительным отклонением. Ближе ко дну имела небольшие узкие заплечики, ширина которых на длинных сторонах до 0,22 м. На них местами сохранились небольшие пятна и мелкие куски камки, которой, судя по всему, была перекрыта собственно яма размером 1,8×0,60 м. Погребение было ограблено в древности, на дне найдены разрозненные человеческие кости (части ребер, правого предплечья, позвоночника и часть левого крыла таза). Рядом лежали фрагменты железного однолезвийного ножа и железного меча. Сохранившаяся длинна ножа 2 см, наибольшая ширина клинка 1,8 см. Лезвия меча в сечение линзовидное. Сохранившаяся длинна 41,5 см, ширина и толщина 3,7 и 0,5 см.

В заполнении ямы найден бронзовый гвоздь, аналогичный гвоздям из погребения № 1. Под костями был обнаружен венчик лепного горшка. Шейка не выделена, венчик отогнут наружу, тесто пористое, красного цвета, с примесью песка и известняка.

Культурно-историческая атрибуция данного погребения затруднена, по-видимому, эпоха античности.

Погребение № 4 (рис. 4) обнаружено в южном секторе центральной части кургана по сырцам в грунте насыпи. Глубина от Ro до дна у черепа – 1,64 м. Гробница представляла собой небольшой, подпрямоугольный сырцовый «ящик» (1.4×0.68 м), вытянутый по линии ВЮВ – ЗСЗ. Ширина стенок – до 0,28 м. В него, видимо, была вмонтирована деревянная конструкция или же стенки были обложены деревом. Хотя его следов не выявлено, но об этом свидетельствуют железные гвозди, которые располагались по углам, на дне ящика и в заполнении «ящика». Гвозди железные (10 экз.), кованные. Шляпки округлые, полусферические; стержни конические, в сечении округлые; часть гвоздей загнуты.

На подстилке, которая заходила на южную стенку «ящика», головой на В-Ю-В ближе лежал вытянуто на спине детский, сильно повреждённый грызунами скелет. У черепа, в районе таза и в ногах находились бараньи астрагалы (18 экз.). Слева от стоп, вдоль южной стенки устьем на запад лежал чернолаковый арибаллический лекиф. Еще один аналогичный лекиф находился в ногах. Лекифы аттические с пальметтой на тулове. Тесто розовое, лак густой, матовый. Лекифы этого типа имеют тулово несколько удлиненной формы с покатыми плечами. Венчик высокий и широкий, слегка изогнут. Горло удлиненное, цилиндрическое плавно соединяется с венчиком и туловом. Ножка низкая, широкая. Пальметта изображена очень небрежно [анологии см.: Robinson, 1950. No. 96, 97, 110, 111, 114, 115, 116, 120, 121, 126,131, 132, 137, 139, 140, 141, 142, 151, Иванов, 1963, с. 104–116]. Датировка: вторая половина IV в. до н. э.

В северо-западном углу «ящика» находилась красноглиняная пелика, скорее всего, фанагорийского производства с невысоким поддоном, округлым туловом и невысоким горлом с сильно отогнутым наружу венчиком. Глина рыхлая, с примесью песка и известняка. Подобные пелики в погребениях конца IV–III вв. до н. э., кроме некрополя Кеп встречены в некрополях Фанагории и пос. Виноградное 7.

Рис. 4. Курган на территории курганного могильника «Кепы»: погребение №4. Чертеж и материалы комплекс

В районе ног погребенного найдена медная пантикапейская монета, типа: голова безбородого сатира вправо. Датировка – конец IV в. до н. э. Видимо, этим же временем или чуть позднее и стоит датировать погребение.

Погребение № 5 (рис. 5, *А*) открыто в центральной части кургана по костям человека в слое древнего горизонта. Глубина от Ro до дна у стоп человека – 1,91 м. Погребение совершено в длинной узкой яме размером 1,72×0,47 м, вытянутой по оси В–З. Яма прослежена в придонной части, и потому судить о ее стенках не возможно. Дно относительно ровное. Погребение ограблено в древности, уцелели лишь кости ног. Судя по их положению, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Гробители прокопано и дно ямы. Историко-культурная атрибуция затруднена.

Погребение № 6 (рис. 5, *Б*) выявлено в западном секторе кургана, также по костям человека в слое древнего горизонта. Глубина от Ro до дна у черепа 2,25 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Череп слегка завален вправо, руки вдоль тела, ноги ровно. В головах находились фрагменты нижней части лепного сосуда плохой сохранности. Чуть выше левого крыла таза, в районе пояса лежало шайбовидное керамическое пряслице из стенки сероглиняного сосуда. Между коленями погребенного рассыпан стеклянный цилиндрический бисер (6 экз.) из глухого зеленого и бежевого стекла. Погребение впускное. Историко-культурная атрибуция затруднена.

Погребение № 7 (рис. 5, *В*) раскопано при зачистке центральной бровки. После её снятия была произведена зачистка горизонта над могильной ямой. Пятно большое, подпрямоугольное в плане. В стратиграфии бровки и на горизонте зачистки отчетливо читались обломки колотого известняка, мелкие кусочки сырца. В заполнение ямы однородная, коричневая супесь с обильными включениями колотого известняка. Также в заполнении были найдены в небольшом количестве мелкие фрагменты костей человека. Грабеж, судя по всему, «опустился» на саму погребальную яму и повторил ее контуры. Погребальная яма большая, в плане имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, была ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ и имела размеры 3,60×2,25 м. Стенки ямы сужались к дну; дно неровное, незначительно повышающееся от центра к стенкам. У юго-западной стенки, а также вдоль северо-восточной и юго-восточной стенок зафиксированы обломки белого известняка. Вплотную к юго-восточной стенке, ближе к восточному углу находились фрагменты двух сырцовых кирпичей. Их размеры следующие: 1) длина – 0,28 м, толщина – 0,15 м; 2) длина – 0,20 м, толщина – 0,13–0,15 м. Глубина погребальной ямы от Ro до дна в центре ямы – 2,69 м.

Остатки погребального сооружения говорят о том, что в яме находилось сырцово-каменная конструкция, возможно, склеп, который был полностью разрушен при ограблении. Вероятно, погребение 2 (см. выше) представляет собой грабительский выкид. Таким образом, погребения 7 и 2 являются единым комплексом и датируются первой пол. IV в. до н. э.

Объект № 1 (рис. 6, 7) находился в южном секторе кургана. Это фрагменты не менее двух лепных горшков. Глубина от Ro 2,54 м. Шейки горшков высокие, практически вертикальные, венчики отогнуты наружу, округлены. Тесто глины рыхлое, пористое, поверхности со следами неравномерного обжига.

Рис. 5. Курган на территории курганного могильника «Кепы»: А – погребение №5; Б – погребение №6; В – погребение №7 Чертежи и материалы комплексов

Объект № 2 (рис. 6, 7) обнаружен в центральной части кургана, в его восточном секторе. Горло хиосской амфоры, перекрытое её стенкой. Возможно, – эсхарой. Глубина от Ro 1,53 м. Амфора колпачкового типа, вариант V-B [Монахов, 2003, с. 24, таб. 11–12]. Датировка: первая – третья четверти IV в. до н. э.

Объект № 3 (рис. 6, 7) выявлен в северной части кургана по скоплению горелой земли. Глубина от Ro 1,84 м. Представлял собой кострище, выраженное как локальное скопление сильно прокаленной супеси, среди которой встречен сильно прокаленный фрагмент горла лепного горшка с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Тесто глины пористое, плотное, кирпичного цвета, с примесью мелкой дресвы.

Атрибуция затрудненная, по-видимому, эпоха бронзы.

Объект № 4 (рис. 6, 7) найден в западном секторе кургана. Это стоящий вертикально раздавленный лепной горшок. Глубина от Ro 1,93 м. Дно плоское со слабо выделенной закраиной; тулово округлое, шейка короткая, венчик отогнут наружу, округлен. Внешняя поверхность закопчённая. Тесто плотное, с примесью мелкой дресвы. Высота горшка 34 см, диаметр дна 14,8 см, наибольший диаметр тулова 36 см, диаметр устья 24,6 см. Историко-культурная атрибуция: эпоха поздней (?) бронзы.

Объект № 5 (рис. 6, 7), также лепной горшок, обнаружен в западном секторе насыпи. На уровне устья сосуда – фрагмент кости животного. Глубина от Ro 2,05 м. Дно плоское, с еле уловимой закраиной, тулово высокое; плечико округленное, шейка короткая вертикальная, венчик отогнут наружу, округлен. Внешняя поверхность коричневая, внутри черепок черный. Тесто глины плотное, с примесью мелкой дресвы. Высота горшка 49,4 см, диаметр дна 21,2 см, наибольший диаметр тулова 46 см, диаметр устья 34,4 см. Историко-культурная атрибуция: эпоха поздней (?) бронзы.

Объект № 6 (рис. 6, 7) – ещё один вертикально стоящий лепной горшок в западном секторе насыпи. Глубина от Ro 1,90 м. Дно плоское со слабо выраженной закраиной, высокое округлое тулово с короткой расширяющейся кверху шейкой и отогнутым наружу округленным венчиком. Внешняя поверхность сосуда коричневая, внутренняя – черная. Глина плотная, с примесью мелкой дресвы. Высота горшка 48 см, диаметр дна 20 см, наибольший диаметр тулова 46 см, диаметр устья 34 см. Историко-культурная атрибуция: эпоха поздней (?) бронзы.

Объект № 7 (рис. 6, 7) обнаружен в северо-восточном секторе кургана в слое древнего горизонта. Снова лепной горшок (нижняя часть). Глубина от Ro 2,18 м. Дно плоское, выделенное еле уловимой закраиной. Внешняя поверхность коричневого цвета, изнутри – черная. Тесто плотное, с примесью мелкой дресвы. Историко-культурная атрибуция: эпоха поздней (?) бронзы.

Объект № 8 (рис. 6, 7) в северо-западной части кургана, был обнаружен на уровне материка по зольному пятну. Представлял собой округлую в плане хозяйственную яму, 1,30×1,17 м. Глубина от Ro до дна в центре ямы 2,84 м. Заполнение – серый, зольный плотный супесчаный грунт серого цвета с фрагментами обожженной супеси и мелкими угольками. Отметим также мелкие обломки костей коровы, включая зуб и астрагал, а также фрагменты лепных горшков. Стенки ямы неровные, сужающиеся к дну. Дно ровное, с повышением по всему периметру около стен.

Рис. 6. Курган на территории курганного могильника «Кепы»:
чертежи объектов

Рис. 7. Курган на территории курганного могильника «Кепы»: материалы объектов

* * *

Таким образом, первая насыпь кургана была сооружена над погребением, уничтоженным впоследствии погребением № 7. Остальные захоронения и «объекты» являются впускными. В поле насыпи в эпоху поздней бронзы оказались четыре лепных горшка, а также кострище и хозяйственная яма. Позже, скорее всего, в IV в. до н. э., в курган было впущено погребение № 7, которое было вскоре же и ограблено (комплекс № 2). По крайней мере, обломки амфоры, чернолаковая посуда и части сырцово-каменной конструкции лежали в выкидах грабительской ямы. Затем появилось захоронение с кремаций, и его перекрыла вторая насыпь. Примерно в то же время в яме с заплечиками совершается погребение № 3. Где-то в промежутке между временем появления погребений № 7 и № 1 происходит захоронение в сырцовом «ящике». Точно датировать и интерпретировать погребения №№ 5 и 6 нельзя.

Данный курган довольно типичен для курганного некрополя Кеп. По косвенным признакам время его сооружения следует отнести к эпохе ранней бронзы. В курганах Сенной №№ 4, 5, 14 и 7 основные погребения эпохи ранней бронзы сопровождались набросками из небольших дикарных камней [Сокольский 1962, с. 28–57, рис. 23–26, 40, 46; 1968, с. 58–65]. В кургане 5/1962 при строительстве сырцовой могилы № 2 такая каменная конструкция была прорезана и использована как составная часть новой «постройки». Наличие в погребении № 7 и выкиде из него («погребении 2») большого количества каменной крошки позволяет предположить, что при строительстве сырцовой гробницы было разрушено более раннее погребение, сопровождавшееся каменной конструкцией. Не исключено, что какая-то её часть также была включена в состав нового сооружения.

Наличие в кургане впускных комплексов эпохи поздней бронзы – раннего железного века, не сопровождавшихся погребениями, также не редкость для данного региона. [Вальчак, Болдырев, Сударев, Чевелёв, 2008, с. 247–248; Иванов, Сударев, 2012, с. 195–196; Сударев, 1994, с. 110; Паромов, Гей, 2005, с. 333]. Так аналогичный комплекс был обнаружен и в раскопанном по соседству кургане 7/1962. Видимо, они были связаны с расположенными поблизости поселениями Юбилейный 4 и 14 или с догреческим поселением на месте Кеп.

Кремации в курганном некрополе Кеп встречены не менее 7 раз, и в основном они датируются в пределах IV в. до н.э[6]. В грунтовом некрополе Кеп до III–II вв. до н. э. кремации неизвестны. В эллинистическое и римское время их встречено 7[7], из них к кремациям в урне относятся 4, а три – III–I вв. до н. э. совершены на месте [Сорокина 1967, с. 103–104]. Следует отметить, что этот способ погребения известен на Боспоре с архаического времени, однако в разных некрополях они представлены неодинаково [Сударев, 2010, с. 440–441]. В целом, кремация более характерна для Европейского Боспора, а на Азиатской стороне её процент незначителен и в основном связан с подкурганными захоронениями. Аналогий трупосожжениям на месте достаточно много

[6] По описаниям XIX в. не всегда можно уверенно сказать, что перед нами: остатки сожжения на месте или тризна.

[7] Что составляет менее 2% от общего числа погребений.

в греческом мире [Kurts, Boardman,1971, с. 73 сл., 97 сл., 195 сл.; Morris., 1987, с. 18–22, 46, 60–61,153–154; 1997, с. 19–20, 26, 110–118, 141, 179; Poulsen, 1905; Garland, 1985, с. 124], в курганных некрополях Боспора [Сударев, 2004, с. 217–218], а также Калос Лимена [Кутайсов, 2011, с. 42, рис. 21, 26] и Истрии [Alexandrescu, 1966, p. 249–267].

Погребения в сырцовых гробницах также довольно характерны для курганного некрополя Кеп. Они встречены не менее чем в 14 насыпях, причем в некоторых – не единожды[8]. Известны они и в других некрополях Азиатского Боспора с конца VI – начала V в. до н. э. [Сударев, 2010, с. 431–432; Кашаев, 2009, с 191, 214; 2013, с. 370–374; Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–480; Сударев, 2016, с. 333–340]. На Европейской стороне они появляются с первой половины V в. до н. э. В грунтовом некрополе Кеп сырцовые гробницы редки (№ 135/73 – VI–V вв. до н. э., № 364/44 – II в. до н. э.), однако они получают довольно широкое распространение с IV в. до н. э. [ОАК, 1872, с13; 1878–1879, с. 12; 1880–1881, с. 12; Сокольский Н. И., 1965, с. 113, 115–116; 1962А, с. 29–32, 38–40, 47–49; 1968А, с. 62–63, 69–74]. В курганах Азиатского Боспора «ящики» получили широкое распространение с конца V в. до н. э. и существуют до конца IV- начала III в. до н. э. [Паромов, 2016, с. 164–172]. Данный тип погребений нередко связывается с погребальными традициями местного варварского населения: синдами, меотами, скифами и т. д. [Кастанаян Е. Г., 1959, с. 287; Коровина А. К.,1962, с. 302–312; 1964, с. 56, 90; Сорокина Н. П., 1957, с. 13–14; Паромов, 2016, с. 164–172]. Однако типы могил сами по себе не могут служить критерием этнической принадлежности погребенного [Масленников, 1981, с. 29]. Что же касается рассматриваемого типа погребальных сооружений, то одним из доводов в пользу его негреческого (синдского) происхождения служило его большее и более раннее распространение на таманской стороне Боспора. Первое из этих положений объясняется наличием/отсутствием камня на Европейской и Азиатской сторонах. Относительно же второго – то, как мы видим, появление таких сооружений на обоих берегах пролива произошло практически одновременно. Кроме того, в греческом мире широко распространено было сырцовое строительство, поэтому использование сырца в качестве материала для погребальных сооружений – закономерное явление, и объяснять его влиянием мифических синдов нет никакой необходимости. Известны они не только на Боспоре, например, в Ольвии [Козуб, 1962, с. 42; 1974, с. 12; Фармаковский, 1903, стр. 18], в Северо-Западном Крыму [Рогов, 1998, с. 6; Щеглов, 1976, с. 46], в Греции [Poulsen F., 1905, с. 22]. В тоже время в скифских памятниках их нет [Ольховский В. С., 1991, с. 49]. Более того, говоря о сырцовых гробницах, В. С. Ольховский отмечает «несомненное влияние греческих строительных приемов на погребальную архитектуру варваров» [Ольховский В. С., 1991, с. 49].

В последнее время вышел ряд статей, вновь связывающий данные сооружения с традициями местного, в первую очередь, синдского населения [Горончаровский, 2016; Паромов, 2016]. Остановимся на этом подробнее.

Новичихин А. М., рассматривая сырцовые склепы анапского района, отмечает, что данная традиция не свойственна местному населению и не известна в варварских

[8] К сожалению, по описаниям XIX в. мы зачастую не можем сказать: сколько именно сырцовых «ящиков» было в том или ином кургане, кроме того, что таковые там присутствовали.

могильниках Прикубанья [Новичихин, 2006, с. 22–23]. Ссылаясь на применение сырцового кирпича для сооружения гробниц на территории Греции и Северного Причерноморья, он делает вывод, что её греки-колонисты принесли на Боспор, а уже потом она была воспринята синдской элитой. Вступая с ним в полемику, В. А. Горончаровский утверждает, что в Пантикапее, некрополе Панского и Ольвии сырцовые склепы в VI–V вв. до н. э. отсутствуют, «да и могильные ямы, стенки которых облицованы сырцовыми кирпичами, представляют собой единичные случаи» [Горончаровский, 2016, с. 137].

Сырцовые гробницы, вообще говоря, строились следующим образом: в материке выкапывался котлован, по периметру которого выкладывались стены из сырцового кирпича. Однако зачастую котлован неглубоко заглублялся в материк и стены, видимо, возвышались над его уровнем, возможно, перекрываясь сверху небольшой насыпью. По материалам некрополя Артющенко 2, С. В. Кашаев выделяет три варианта конструкции стен и 2 варианта перекрытий [Кашаев, 2009, с. 214]. Перекрывались могилы либо деревянным настилом, либо полуциркульным сводом из сырцового кирпича. Могли использоваться также доски с камкой, каменные плиты, черепица и т. д. Форма перекрытий варьировалась от плоской до полуциркульной или двускатной. Кирпичи клали вдоль продольных стен плашмя, а вдоль коротких – на ребро (первый вариант). Во втором – все стены по периметру выкладывались плашмя. В третьем случае все кирпичи ставились на ребро. К «могильным ямам, стенки которых *облицованы* сырцовым кирпичом», таким образом, можно отнести только третий вариант.

Большинство известных сырцовых гробниц относится к категории «ящиков». Они отличаются от «склепов» отсутствием входа-дромоса. Известно только 2 подкурганных сооружения конца V в. до н. э. с рудиментарными, нефункциональными входами – пилонами [Десятчиков, 1984, рис. 8, 12, 52, 72; Иванов, 2016, с. 237]. Сырцовые склепы с входом появляются в конце IV в. до н. э., используются для многократных захоронений и предшествуют грунтовым склепам эллинистического периода [Сударев, 2016, с. 336].

В некрополе Пантикапея сырцовые гробницы присутствуют уже в конце VI – первой половине V вв. до н. э. Например, гробницы №№ 40 и 41 1902 г. [Шкорпил, 1904, с. 6] уверенно датируются второй четвертью V в. до н. э. по чернофигурным лекифам с пальметтами работы мастерской Белдама и чернофигурному лекифу с пасущимися лошадьми. Сырцовая гробница с парным захоронением № 46/1902 г. [Шкорпил, 1904, с. 7], расположенная рядом, также содержала чернофигурный лекиф с пальметтами и датировалась тем же временем.[9] То же можно сказать и о гробнице № 40/1907, в которой наряду с другим инвентарем встречены «финикийский» амфориск из синего стекла, украшенный голубыми и желтыми полосками и зигзагами и лекиф с тремя черными пальметками» [Шкорпил, 1910, с. 22]. Погребение № 6/1912 [Шкорпил, 1916, с. 9–10] датируется по хиосской пухлогорлой амфоре и чернофигурным лекифам в пределах 525–475 гг. до н. э. [Beazley Archive, 29667; St. Petersburg, State Hermitage Museum, P. 1912, 4]. По мнению С. П. Борисковской, один из лекифов относится к работам мастера Эмпория [1997, с. 35]. Абсолютно аналогичный лекиф из Лейдена авторы CVA определяют

[9] Следует отметить, что у второго костяка в том же погребении обнаружено два лекифа с «красными пальметтами», что расширяет датировку данного комплекса, хотя и не меняет время его сооружения.

как производство мастерской Хаймона и датируют первой половиной V в. до н. э. [Beazley Archive 1587; Leiden, Rijksmuseum van Oudheden, RO II 38]. В Нимфее, помимо подкурганной сырцовой гробницы[10] середины V в. до н. э. [Горончаровский, 2016, с. 137; Силантьева, 1959, с. 86] известен еще один «ящик», датированный по чернолаковому аттическому килику V в. до н. э. [Грач, 1999, № 214] и несколько – IV в. до н. э. [Соловьев, 2003, с. 71]. В IV в. до н. э. они появляются и на хоре Нимфея [Зинько, 1998, с. 182]. В некрополе Ольвии сырцовые гробницы известны с V в. до н. э. [Папанова, 2006, с. 84]. Следует отметить, что в некрополе Панского (Западный Крым) самый ранний сырцовый «ящик», построенный на материке, датируется концом V в. до н. э.[11] [Stolba, Rogov, 2012, p. 26]. Сырцовые гробницы IV в. до н. э. известны также в некрополе Калос Лимена [Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997, с. 178; Кутайсов, 2011, с. 43–46; Приднев, 1999, с. 34] и в некрополе Заозерное [там же, с. 43]. Причем, в курганном некрополе Калос Лимена и Панского часть сырцовых гробниц была построена на материке и перекрыта насыпями. Отметим еще два примера. Это курган в Северо-Западном Крыму на возвышенности Красная Горка [Колтухов, Еруфанов, Уженцев, 2005, с. 225–234], относящийся, видимо, к хоре Керкинитиды, и курган у с. Кринички на хоре Феодосии [Гаврилов, Крамаровский, 2001, с. 23–43]. Таким образом, как мы видим, сырцовые могилы в Северном Причерноморье распространены достаточно широко и во всех случаях тяготеют к греческим городам.

И в самой Греции сырцовые кирпичи широко применялись для строительства погребальных сооружений, начиная с эпохи бронзы [Papakonstantinou, 2012, p. 393, 396–397; Whitley, 2003, p. 102]. Гробница «Героя из Лефканди» (X в. до н. э.) была выстроена из них и обмазана глиной [Vlachou 2012, p. 369]. По «Хронологии греческих погребений» Роберта Гарланда, в конце VII – начале VI вв. до н. э. гробницы, построенные из сырцового кирпича,[12] сменяют земляные курганы [Garland, 1985, p. 125; Kurts, Boardman,1971, p. 81, 106; Morris, 1987, p. 129–131; Whitley, 1994, p. 54]. Распространены они в архаический и классический периоды [Sourvinou-lnwood C. 1995, p. 279; Vermeule E. 1979, p. 223]. Гробница № 3 царского некрополя Саламиса на Кипре (около 600 г. до н. э.) построена из камня и сырцового кирпича. Она интересна еще и тем, что была перекрыта насыпью и сопровождалась погребениями лошадей [Karageorghis, 1967, p. 28, 31, 33, 53, pl. CXVII, fig. IX–XV]. Большое количество сырцовых «ящиков» различных типов, включая построенные на дневной поверхности и перекрытые насыпями и заглубленные в землю, известно в некрополях греческих колоний Юга Италии и Сицилии [Brea, Cavalier, 1959; 1965, p. 369–380; 1991, p. 72–136; 2001, p. 17, 46–48; Brea L. B., Cavalier M., Villard F., 2001, p. 84–92, 287–301; Vassallo, 1991, p. 93–94; 2009, p. 241–243]. Наиболее ранние из них относятся к рубежу VII–VI вв. до н. э. и существуют до III в. до н. э. Их конструкции в ряде случаев до мелочей совпадают с аналогичными гробницами в Северном Причерноморье. Чрезвычайно интересны в этой связи македонские гробницы из сырцовых кирпичей, перекрытые

[10] Указаний на наличие входа-дромоса в описании нет.

[11] Данный «ящик» является основным под курганом. Он был разграблен, но в полу кургана впущены два детских погребения, одно из которых датируется 420–400, второе – 400–375 гг. до н. э.

[12] Следует отметить, что в данном случае речь идет об ином типе погребальных сооружений, однако обратим внимание на сам факт их строительства.

курганными насыпями в Вергине [Kurts, Boardman,1971, p. 276; Vlachou 2012, p. 381; Koitaridou, 1999, p. 116; Rabadjiev, 1997, p. 570; Рабаджиев, 1995, с. 118], Энии [Βοκοτοπούλου 1990, σ. 131] и в других местах. Во Фракии также известен ряд монументальных гробниц, построенных с использованием обожженного кирпича[13] [Димитрова, 2013 с. 298–306; Живкова, 1976, с. 23; Китов, 1997, с. 40–41; Цанова, Гетов, 1973, с. 19; Kitov, 2005, p. 45].

Сырцовое строительство в греческих городах и колониях, как известно, получило широкое распространение при возведении жилых домов и даже сакральных объектов[14]. И появление соответствующих погребальных сооружений вполне укладывается в эту традицию.

Отрицая всё это, В. А. Горончаровский связывает появление сырцовых склепов Семибратних курганов с территорией Приаралья, Южного Урала и Самарского Заволжья. По его мнению, практика подкурганных захоронений в сырцовых гробницах, появившись там в X–VIII вв. до н. э., проникла затем на территорию современного Анапского района под давлением «скифов царских» во второй половине VI в. до н. э. Во второй половине следующего века в Синдике появляются подкурганные сырцовые гробницы, местной элиты (Семибратние и Уташские курганы). Позднее они распространяются и на территорию Таманского полуострова.

Однако всё это не объясняет ни вышеизложенного, ни взаимосвязи более ранних сырцовых гробниц Таманского полуострова, которые В. А. Горончаровский считает синдскими [Горончаровский, 2016, с. 138], со склепами Семибратних курганов, ни наличие в них обычных небольших сырцовых «ящиков», аналогичных ранним таманским. Представляется более вероятным появление соответствующей традиции связывать с греками-колонистами, а не гипотетическими номадами из Приаралья.

Яков Максимович Паромов, рассматривая группу сырцовых подкурганных гробниц Таманского полуострова, также относит их к «синдо-меотским». «Следует отметить, что главные признаки, ставящие эти погребения в одну группу, связаны с явлениями, чуждыми греческой культуре того времени. К этим признакам относятся: 1) возведение курганных насыпей над могилами; 2) строительство сырцовых склепов и гробниц; 3) захоронение лошадей рядом с хозяином; 4) оружие при погребённых; 5) драгоценные украшения и дорогая посуда; 6) так называемый звериный стиль конского уздечного набора» [Паромов,?].

О «чуждости» сырцовых гробниц для греческой погребальной практики выше уже писалось. Что же касается «курганной насыпи над могилами», то уважаемый ученый может ознакомиться хотя бы с основополагающими книгами по греческому погребальному обряду [Antonaccio 1995: Kurts, Boardman,1971; Garland, 1985; Morris, 1987]. Подкурганные погребения были широко распространены практически во всех регионах греческой ойкумены как в более раннее время, так и в VI–III вв. до н. э.. В архаическо-эллинистическую эпохи для захоронений использовались более ранние насыпи с последующей досыпкой,

[13] Обожженные кирпичи IV в. до н. э. делались по тем же стандартам, что и сырцовые. Отметим, что в Южной Италии также известны обожженные кирпичи, использованные при строительстве погребальных ящиков (cella), перекрытых двускатной крышей. Данный тип гробниц очень близок «ящикам» из сырцовых кирпичей, хотя сами обожженные кирпичи меньше по размерам [Kurts, Boardman,1971, p. 312–314, f. 82].

[14] А также городских стен, укреплений и т. д. Сырцовые дома обладали рядом преимуществ перед каменными, как из-за большей простоты и экономичности возведения, так и такими полезными свойствами, как сохранение тепла в холодное время года и прохлады в жаркое.

естественные холмы[15] и возвышенности, а так же сооружались новые насыпи. Размеры варьировались от небольших холмов над индивидуальными захоронениями до крупных[16] курганов с монументальными гробницами и большим количеством впускных захоронений. Известны они практически и у всех соседей древних греков, причем нередко, склепы в них возводились и расписывались греческими мастерами [см.: Mellink, 1972, p. 257–269]. Ограничимся лишь констатацией самого этого факта.

Столь же неожиданным и странным является и утверждение почтенного исследователя относительно богатого инвентаря и драгоценных украшений в погребениях, якобы связанных с традициями, «чуждыми греческой культуре того времени»». Во второй половине XX начале XXI вв. такое мнение выглядит анахронизмом. Впрочем, надо бы уточнить: о каких именно греках идет речь? В демократических Афинах после принятия законов Солона, ограничивающих роскошь погребений, количество соответствующего инвентаря действит Естественно, временные рамки условны, как и очерченные границы. ельно сократилось. Однако, это ограничение «обходилось» за счет качества надмогильного сооружения и погребальной скульптуры, а также наличия специальных мест для даров вне могил [Kurts, Boardman,1971; Garland, 1985; Morris, 1987, 1994]. Такую же картину мы наблюдаем и в ряде других демократических полисов Греции. Однако в Македонии, Фессалии, Эпире, Элимее, и подавляющем большинстве городов Великой Греции, с самыми разными формами правления и режимами верховной власти, в погребениях нередко очень много вещей, в том числе большое количество изделий торевтики, а также оружие и наборы высокохудожественной расписной керамики. Публикации материалов из некрополей Вергины, Дервени, Синдоса, Пеллы, Таранта, Пестума, Акраганта и ряда других[17] – прекрасное этому подтверждение.[18] На территории

[15] Отметим, что знаменитая монументальная Гробница Львов в Милете так же впущена в естественный холм [Forbeck, Heres, 1997].

[16] И даже огромных, как гробница в Амфиполисе.

[17] Для желающих ознакомиться с данной темой рекомендую следующие работы [Andronicos, 1984, p.146–197, f. 104–159; Burkhardt N. 2008; Castor, 2008, p. 115–145; Crysostomou A., Chrhrysostomou P., 2012; De Juliis, 1984; Κακαβογιάννη Ολ., Κουτρουμπή Α., Ντούνη Κ., 2008; Kottaridou, 1999; Μπέσιος, 2010; Λαζαρίδης, Ρωμιοπούλου, Τουράτσογλου, 1992; Σινδος, 1985; Themelis, Touratsouglou, 1997; Rocchietti D., 2002, p. 167–171].

[18] Приведу в качестве примера описание похорон дочери сиракузского стратега Гермократа из повести Харитона: «Повесть о любви Херея и Каллирои». Действие происходит в последней четверти V в. до н. э., и хотя автор жил много позже он, видимо, неплохо представлял себе реалии прошлого о которых писал: «Кто смог бы достойным образом описать вынос Каллирои? Одетая в подвенечный убор, покоилась она на золотом ложе и выглядела еще величественнее, еще лучше: похожа она была, по мнению всех, на спящую Ариадну. Стройными рядами ехали на конях первыми перед ложем сиракузские всадники. За ними следовали гоплиты, которые несли знаки одержанных Гермократом побед. За гоплитами выступали члены совета, а потом шел народ, сплошь вооруженный копьями, как конвой Гермократа. Несли и все еще больного Аристона, громко называвшего Каллирою и дочерью своей, и своей госпожой. Позади шествовали жены граждан в черных одеждах, а за ними двигалось царственное богатство погребальных даров, золото и серебро, приданое Каллирои, и роскошь ее одежд и ее драгоценностей. Много даров прислал Гермократ и из состава военной добычи. Были подношения и со стороны ее родственников и друзей. Последним провожало Каллирою богатство Херея, готового, будь это только возможно, сжечь вместе с женой и все свое целиком имущество. Похоронное ложе несли сиракузские эфебы, а дальше тянулась толпа народа, среди плача которой громче других был слышен голос Херея.
Роскошный могильный памятник Гермократа находился близ моря и плывущим по морю виден был еще издали. Памятник этот наполнило, словно сокровищницу, великолепие погребальных даров. Но то, что делалось, видимо, в прославление мертвой, послужило толчком к началу более важных событий». (Χαρίτων Ἀφροδισεύς. Τῶν Περὶ Χαιρέαν Καὶ Καλλιρρόην: 1,6, перевод И. И. Толстого)

Боспора мы видим схожую картину: на начальном этапе существования греческих городов некрополи довольно однородны по набору и степени «богатства» инвентаря. После создания Боспорского государства и формирования боспорской аристократии во главе с династией Спартокидов,[19] появляются богатые статусные погребения с большим количеством дорогого погребального инвентаря[20].

Теме оружия в погребениях мы уже в разное время уделили не малое внимание [Сударев, 2005, с. 199–254; 2005а, с. 20–21; Сорокина, Сударев 2002а, с. 234–241; Паромов Я. М., Сударев Н. И., 2000, с. 208[21]; Завойкин А. А., Сударев Н. И. 2006, с. 101–151; 2006а, с. 263–303]. Не повторяясь, отметим лишь, что оно не было редкостью в погребениях Греции и всей греческой Ойкумены. При этом в некрополях наиболее развитых и «демократических» полисов его немного[22]. Однако в некрополях городов на «окраине»: в Македонии, Фессалии, Эпире, Элимее, Великой Греции оружие нередко на протяжение VI–III в. до н.э[23]. В некоторых некрополях его количество как бы не меняется на протяжении всего данного периода или меняется в зависимости от военно-экономической и политической ситуации. Известны как относительно простые погребения с небольшим набором наступательного вооружения (копья, стрелы, мечи), так и погребения с оборонительным доспехом – шлемами, щитами, кирасами, боевыми поясами, нагрудниками, кнемидами, полным набором панoплии [Andronicos, 1984, p. 136–146, 180–189, f. 91–103, 146–150; Cipriani, 2000, p. 197–212; Elia, 2010, p. 409–416; Ferretti, 2011, p. 20; Jehasse J., Jehasse L. 1973; Nowak, 2008, p. 1–5; Rocchietti D. 2002, p. 171–175; Pontrandolfo, Rouveret, 1992, p. 431–445; Pontrandolfo, 1998, p. 11, f. 2,4, p. 63, f. 49; Riccardi, 2008, p. 47–53; Teleaga, 2008, p. 232–251, 292–295; Themelis, Touratsouglou 1997, p. 210–214; Touchais, 1999, p. 685, f. 45; Κεφαλίδου, 2009, p. 135; Μπέσιος, 2010, p. 144, 186, 275, 281, 306, Σινδος, 1985, p. 65, 83, 119, 127, 130–131, 140–141, 149–150, 168–171, 213, 229, 234, 250–251, 277–281]. Встречаются как типично греческие виды и типы оружия, так и негреческие[24] [Nowak, 2008, p. 1–5]. То же относится и к количественному показателю. Например: наступательное оружие встречается как в единичных экземплярах, так и в полных наборах, включающих копья, мечи, стрелы. Число предметов в каждой категории также может варьироваться. Встречаются как простые, так и парадные, украшенные золотом экземпляры. Отметим, что для статусных погребений процент мужских захоронений с оружием больше, а их качество и разнообразие выше.

---

[19] На фоне благоприятных условий для успешной хлебной торговли.

[20] При этом, несмотря на наличие первоклассных изделий греческих мастеров, в целом Боспорские курганы уступают наборам из вышеупомянутых некрополей.

[21] Раздел об оружии в данной статье написан Сударевым Н. И. и отвергнут Паромовым Я. М..

[22] См. например Коринф, в котором оружия немного, но присутствует шлем, обломки мечей, копий, кирас и т. д. [Blegen, Palmer, Young 1964, p. 95]. Отметим, что в данных некрополях сокращается не только количество оружия, но и таких «типично греческих» предметов как стригли.

[23] Burkhardt N. 2008, p. 118–120, 313–315, 357, 361, 366, 369, 372, 374, 381; Castor, 2008, p. 119; Crysostomou, Chrhrysostomou, 2012, p. 493–501; Kleibrink M., 2007, p. 43–44; Κυριάκου Α., 2005, p. 60, 190, 295–313; Κοτταρίδη Α., 2009, p. 148; Lyons, 1998, p. 108–110; Themelis, Touratsouglou 1997, p. 210–214, pl. 19, 48, 49, 54, 94–96, 119; Tesori, 1999; Vlachou V. 2012, p. 370.

[24] Например, в некрополе Керамика в погребениях 63 и 495 второй четверти V века до н. э. обнаружены наборы стрел т. н. «скифского» типа, причем в погребении 495 – набор из 114 стрел. Весь остальной контекст не дают повода для предположения, что перед нами погребения «не-греков» [Kunze-Gotte, Tancke, Vierneisel, 1999, № 63, 495]

Сопутствующие погребения лошадей в греческих некрополях действительно редки. Они встречаются либо в связи с воинскими статусными захоронениями, либо как то были связаны с военными действиями [Robinson, 1950, p. 90–91; Tagliamonte, 2006, p. 463–469; Vassallo, 2009, p. 239–245; Burkhardt N. 2008, p. 120–121, 357, 361; Castor, 2008, p.120; Elia, 2010, p. 409–412; Garland, 1985, p. 35; Højlund,1983,145–152, pl.17; Kosmetatou, 1993, p. 31–41; Kottaridou, 1999, p.114; Κυριάκου, 2005, p. 348; Nagy, 1996, p. 577–598; Rocchietti, 2002, p.174; Rizza, 1979, p. 294–301; Rocco, 2002; Tagliamonte, 2006, p. 463–469; Vlachou, 2012, p. 382].[25] Предметы конского убора, прежде всего, узда также нечастые находки в греческих некрополях и обычно «коррелируются» со статусными погребениями [Βοκοτοπούλου, p. 30–33; Firatli, 1965, pl. 96, fig. 14; Kottaridou, 1999, p. 114]. Но её форма и орнаментация не является этнодиффиренцирующим признаком. И хотя предметов собственно греческой узды в Северном Причерноморье не встречено, это вовсе не значит, что древние греки здесь ею не пользовались.

В любом случае, погребения лошадей вместе с хозяевами уже древними авторами рассматривались в контексте Гомеровской эпохи и «героического» погребального обряда, описанного в Илиаде [Garland, 1985, p. 35; Kottaridou, 1999, p. 113] и практиковались в Греции в XII–VII и в редких случаях до конца VI вв. до н. э. и даже позже [Garland, 1985, p. 35; Morris, 1987, p. 48–49, 130; Vlachou, 2012]. Этот обряд сохранялся в ряде окраинных областей Греции и, в первую очередь, в Македонии [Castor, 2008, p.120; Kottaridou, 1999, p. 114;], а начиная с эллинистического времени, переживает новый рассвет. Яркий пример этого: находки в Вергине и на Таманском п-ове. В первом случае обнаружены захоронения 4 лошадей и собак, что как бы иллюстрирует описание похорон Патрокла в Илиаде[26] (Ὅμηρος, Ἰλιάς, 23, 170–175). Рядом с монументальным, расписным склепом-герооном Васюринского кургана находилось четырьмя погребения лошадей и одно – собаки [Ростовцев, 1914, с. 31–69]. Иными словами, конские захоронения в принципе не противоречили соответствующей эллинской практике, особенно в случаях погребений статусных или героизированных умерших.

Возвращаясь к сырцовым гробницам, отметим, что почти наверняка, именно греческие мастера строили склепы Семибратних курганов вне зависимости от этноса людей, в них похороненных. Аналогичным образом обстояло дело и с погребальными сооружениями племенной знати Фракии, Лидии, Фригии, Южной Италии и, отчасти,. Не Северного Причерноморья. Безусловно, ими был построен каменный склеп в кургане Огуз на Херсонщине [Ольховский, 1991, с. 51–52], и, что очень вероятно,[27] склеп в кургане Брык, раскопанном 1900 г. в Александровском уезде Ставропольской[28] губернии в 600 км от территории Боспорского царства [ОАК за 1990, с. 49–53, рис. 106–117].

[25] Известны и иные варианты, но они единичны. См. об этом подробнее [Garland, 1985, p. 35; Morris, 1987, p. 48, 130, 196; Kurz, Boardman, 1971, p. 30, 186, 320].

[26] Там же расставил он с медом и с светлым елеем кувшины,
Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных
С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная.
Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было;
Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил.

[27] В частности, оформление входа и наличие свинцовых пилонов, скрепляющих каменные квадры.

[28] Благодарю А. Б. Белинского, указавшего мне на этот чрезвычайно интересный памятник.

Нами уже отмечались некоторые параллели в погребальных обрядах элитарных комплексов Кубани, Синдики и Боспора [Иванов, 2016, с. 236–240]. Видимо, при этом надо учитывать, что в V–IV[29] вв. до н. э. на очень широких пространствах от Апенинского полуострова до Причерноморья и Северного Кавказа формируется особая надэтничная «культура знати». Именно поэтому между статусными погребениями Боспора, Италии, Фракии, Македонии, Скифии и Прикубанья может оказаться больше общего, чем между ними же и ближайшими «рядовыми кладбищами». Вещи же, обнаруженные в таких элитарных захоронениях, более говорят о направлении или «сети» [Мордвинцева (в печати)] политических связей, чем об этносе[30]. Видимо, в этой связи стоит рассматривать и подкурганные сырцовые склепы Боспора.

Список литературы

Борисковская, 1997. Борисковская С. П. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // Труды ГЭ. СПб.

Герц, 1876. Герц К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (с конца XVIII столетия до 1859 года). М.

Горончаровский, 2016. Горончаровский В. А. Погребальные памятники элиты Синдского Царства // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб.

Десятчиков, 1984. Десятчиков Ю. М. Отчёт об исследовании курганов у пос. Кучугуры в 1984 г. // Научный Архив ИА РАН № 14070.

Дмитрова, 2013. Димитрова Д. Попова могила край Оряховица, Старозагорско // Сборник в памет на академик Д. П. Димитров. София.

Егорова, 2009. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.

Журавлев, Ильина, Ломтадзе, Сударев, 2005. Журавлев Д. В., Ильина Т. А., Ломтадзе Г. А. Сударев Н. И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // БФ. СПб.

Завойкин, Сударев, 2006. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 9.

Завойкин, Сударев, 2006. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 10.

Зинько 1998. Зинько В. Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. VI.

[29] Естественно, временные рамки условны, как и очерченные границы.

[30] Чем выше уровень элитарности, тем шире и дальше будут отстоять от этноса эти связи, и наоборот.

Иванов, 1963. Иванов Т. Антична керамиката от некропола на Аполония. // Аполония. Розкопките в некропола на Аполония през 1947–1949 гг. София.

Иванов, Сударев, 2012. Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 16.

Кашаев, 2009. Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // БИ. XXII.

Кашаев, 2013. Кашаев С. В. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // Российский археологический ежегодник. 3. СПб.

Китов, 1997. Китов Г. Долината на тракийските владетели. София.

Колтухов, Труфанов, Уженцев, 2005. Колтухов С. Г., Труфанов А. А., Уженцев В. Б. Новый памятник IV–III вв. до н. э. в Западном Крыму // Херсонесский Сборник. XIV. Севастополь.

Кутайсов, Анохин, Приднев, Уженцев, 1997. Кутайсов В. А., Анохин В. В., Приднев С. В., Уженцев В. Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь.

Кутайсов, 2011. Кутайсов В. А. Курганный некрополь Калос Лимена. Киев.

Лимберис, Марченко, 1993. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар.

Лимберис, Марченко, 2007. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Античные погребения из курганного некрополя у поселения Виноградное-7 // БФ. 1.

Лимберис, Марченко, 2010. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // ΣΥΜΒΟΛΑΙ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.

Марченко, Бочковой, Кононов, 2007. Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю. Раскопки могильника «Виноградный 7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

Максимова, 1979. Максимова М. И. Артюховский курган. Л-д.

Масленников, 1981. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.

Мордвинцева, в печати. Мордвинцева В. И. Мир-Системный анализ в археологии на примере звериного стиля Северного Причерноморья сарматского времени.

Новичихин, 2006. Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. по материалам погребальных памятников. Анапа.

Ольховский, 1991. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.

Паромов, Сударев, 2000. Паромов Я. М., Сударев Н. И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. 3. М.

Паромов, 2002. Паромов Я. М. Курганный некрополь Кеп // БФ. СПб.

Паромов, 2003. Паромов Я. М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 6. М.

Паромов, 2016. Паромов Я. М. Сырцовые гробницы V–IV вв. до н. э. в курганах Азиатского Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб.

Приднев, 1999. Приднев С. И. Охранные раскопки курганного некрополя Калос Лимена в 1997–1998 гг. // Археололгічні відкриття в Украіні 1998–1999 рр. Киев.

Рабаджиев, 1995. Рабаджиев К. Гробницата на тракийския владетел // Studia Archeologica. 2.

Ростовцев, 1914. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.

Сокольский, 1963. Сокольский Н. И. Раскопки городища Кепы в 1961 г. // КСИА. 95.

Сокольский, 1965. Сокольский Н. И. Раскопки в Кепах в 1962 г. // КСИА. 103.

Сокольский, Сорокина, 1966. Сокольский Н. И. Сорокина Н. П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ 1963–1964 гг. М.

Соловьев, 2003. Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб.

Сорокина, 1962. Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кепах в 1959–1960 гг. // КСИА. 91.

Сорокина, 1963. Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 95.

Сорокина, 1967. Сорокина Н. П. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 109.

Сорокина, 1968. Сорокина Н. П. Фигурный сосуд из Кеп // СА. 4.

Сорокина, 1977. Сорокина Н. П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 3.

Сорокина, 1997. Сорокина Н. П. Религия и коропластика в античности. М.

Сорокина, Сударев, 2000. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н. э. // Stratum plus. 3. Спб-Кишинев-Одесса- Бухарест.

Сорокина, Сударев, 2000. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI–V вв. до н. э. // Таманская Старина. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.). Тезисы докладов международной конференции.3. СПб.

Сорокина, Сударев, 2001. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Предметы связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // БФ. СПб.

Сорокина, Сударев, 2001. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н. э. // ДБ.4. М.

Сорокина, Сударев, 2002. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Способы обращения с телом в некрополе Кеп // БФ. СПб.

Сорокина, Сударев, 2002. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. 5. М.

Сорокина, Сударев, 2003. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н. э. // ДБ. 6. М.

Сорокина, Сударев, 2004. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы V Боспорских чтений. Керчь.

Сорокина, Усачева, 1997. Сорокина Н. П., Усачева О. Н. Ритуальные каменные памятники из кепского некрополя на Таманском полуострове // Труды ГИМ. 93. Археологический сборник «Погребальный обряд». М.

Сударев, 2004. Сударев Н. И. Кремация на Боспоре в VI–II вв. до н. э. // БФ. СПб.

Сударев, 2005. Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов. Диссертация на соискание ученой степени кандидат исторических наук. М.

Сударев, 2005. Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат исторических наук. М.

Сударев, 2010. Сударев Н. И. Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. II.

Сударев, Кашаев, 2016. Сударев Н. И., Кашаев С. В. История исследования поселения Виноградый-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Керчь.

Сударев, 2016. Сударев Н. И. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола. СПб.

Усачева, 1983. Усачева О. Н. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. 174.

Цанова, Гетов, 1973. Цанова Г., Гетов Л. Тракийската гробница при Меглиж // Археология. 2. София.

Шкорпил, 1904. Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках в 1902 г. // ИАК. 9.

Шкорпил, 1910. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1907 г. // ИАК. 35.

Шкорпил, 1916. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 60.

Βοκοτοπούλου, 1990. Βοκοτοπούλου Ι. Οι ταφικοί τύμβοι της Αίνειας. Αθήνα.

Κακαβογιάννη, Κουτρουμπή, Ντούνη, 2008. Κακαβογιάννη Ολ., Κουτρουμπή Α., Ντούνη Κ. 2008. Έρευνες σε αρχαία νεκροταφεία ιστορικών χρόνων στοΦούρεσι Γλυκών Νερών//Πρακτικά ΙΒ΄ ΕΣΝΑ.

Κεφαλίδου, 2009. Κεφαλίδου Ε. Ασώματα. Ένα αρχαίο νεκρο- δώνα… Σχέσεις λαών της Μεσογείου. 16 ος- ταφείο στην Ημαθία, Θεσσαλονίκη.

Κοτταρίδη, 2009. Κοτταρίδη Α. «Η νεκρόπολη των Αιγών στα αρχαϊκά χρόνια και οι βασιλικές ταφικές συστάδες», ΑΕΜΘ 20, Θεσσαλονίκη.

Κυριάκου, 2005. Κυριάκου Α. Η Στενόμακρη Τούμπα της Βεργίνας. Ταφικές πρακτικές στη Μακεδονία του 4ου αι. π. Χ. Θεσσαλονίκη.

Λαζαρίδης, Ρωμιοπούλου, Τουράτσογλου, 1992. Λαζαρίδης, Δ., Ρωμιοπούλου, Αικ., Τουράτσογλου, Ι. Ο τύμβος της Νικήσιανης. Αθήνα.

Μπέσιος, 2010. Μπέσιος Μ. Πιερίδων Στέφανος: Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρεις Πιερίας. Κατερίνη.

Σινδος,1985. Σινδος. Cat. Thessaloniki. Athens.

Alexandrescu, 1966. Alexandrescu P. Necropola tumulara. Sapaturi 1955–1961 // HISTRIA. II. Bucuresti.

Andronicos, 1984. Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs. Athens.

Antonaccio, 1995. Antonaccio C. M. An Archaeology of Ancestors: Tomb Cult, and Hero Cult in Early Greece. London.

Beazley Archive's online // The Classical Art Research Centre: http://www.beazley.ox.ac.uk/index.htm

Blegen, Palmer, Young, 1964. Blegen C. W., Palmer H., Young R. S. The North Cemetery // Corinth. XIII. Princeton.

Brea, Cavalier, 1959. Brea L. B., Cavalier M. Mylai. Roma.

Brea, Cavalier, 1965. Brea L. B., Cavalier M. La necropoli Greca e romana nella Contrada Diana // Melingunis Lipara. 2. Roma.

Brea, Cavalier, 1991. Brea L. B., Cavalier M. Scavi Nella Necropoli Greca Di Lipari // Meligunis Lipara.5 Roma.

Brea, Cavalier, 2001. Brea L. B., Cavalier M. Maschere e personaggi del teatro greco nelle terracotte liparesi. Roma.

Brea, Cavalier, Villard, 2001. Brea L. B., Cavalier M., Villard F. La necropoli Greca e romana nell'area del Terreno Vescovile // Melingunis Lipara. 9. Roma.

Burkhardt, 2008. Burkhardt N. Zwischen Tradition und Modifikation. Kulturelle Austauschprozesse in den Bestattungssitten der griechischen Kolonien in Unteritalien und Sizilien vom 8. bis zum 5. Jh. v. Chr. Köln.

Castor, 2008. Castor A. Q. Grave Garb: Archaic and Classical Macedonian Funerary Costume // Reading a Dynamic Canvas: Adornment in the Ancient Mediterranean World. Cambridge.

Cipriani, 2000. Cipriani M. Italici a Poseidonia nella seconda meta del V sec. a. C. Nuove ricerche nella necropolis del Gaudo // Paestum. Scavi, Studi, Ricerche. Fondazione Paestum. Tekmeria 1. Paestum.

Crysostomou, Chrhrysostomou, 2012. Crysostomou A., Chrhrysostomou P. The "gold-wearing" Archaic Macedonians from Western cemetery of Archontiko, Pella // THREPTERIA. Studies on Ancient Macedonia. Thessaloniki.

CVA, Deutschland, 1990. Corpus vasorum antiquorum. 59. 3.

CVA, Deutschland, 2006. Corpus vasorum antiquorum. 81. 2.

CVA, Italia, 1960. Corpus vasorum antiquorum. 29. 3.IV Eg.

CVA, Great Britain, 1925. Corpus vasorum antiquorum. 1. 1.

CVA, Schweiz, 1979. Corpus vasorum antiquorum. 5. 5.

De Juliis, 1984. De Juliis E. M. Gli ori di Taranto in età ellenistica. Milano.

Elia, 2010. Elia D. Tombe con strumenti musicali nella necropoli di Lucifero: aspetti del rituale e dell'ideologia funeraria a Locri Epizefiri // Caulonia tra Crotone e Locri. 2. Firenze.

Ferretti, 2011. Ferretti R. Lo spazio Funerario a Taranto in eta Greca. Bari.

Firatli, 1965. Firatli N. Archaeological Notes // AJA. 69. 4.

Forbeck, Heres, 1997. Forbeck E., Heres H. Das Lowengrab von Milet. Berlin.

Højlund, 1983. Højlund R. The Maussolleion sacrifice // AJA. 87. 2.

Jehasse, Jehasse, 1973. Jehasse J., Jehasse L. La necropole preromaine d'Aleria (1960–1968) // XXV-e supplement a «Gallia», Paris.

Karageorghis, 1967. Karageorghis V. Excavations in the necropolis of Salamis // Salamis.3. Nicosia.

Kleibrink, 2007. Kleibrink M. Epeio, eroe capostipite d´Enotria e fondatore di Lagaria // V Giornata Archeologica. Francavillese.

Kitov, 2005. Kitov G. More Discoveries in the valley of the Thracian Kings // Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. 15. Sofia, 1991

Koitaridou, 1999. Koitaridou A. Macedonian Burial Customs and the Funeral of Alexander the Great // International Congress «Alexander the Great: From Macedonia to the Oikoumene». Veria.

Kosmetatou,1993. Kosmetatou E. Horse sacrifices in Greece and Cyprus. Journal of Prehistoric Religion.7.

Kunze-Gotte, Tancke, Vierneisel, 1999. Kunze-Gotte, E., Tancke K., Vierneisel K. Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts: Die Beigaben, Kerameikos.7. München.

Kurts, Boardman, 1971. Kurts D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. London.

Mellink, 1972. Mellink M. J. Excavations at Karatas-Semayuk and Elmali // AJA. 76. 3.

Lyons, 1998. Lyons C. L. The Archaic Cemeteries // Morgantina Studies. V. Princeton.

Morris, 1987. Morris Ian. Burial and ancient society. Cambridge.

Nagy, 1996. Nagy G. Aristocrazia: caratteri e stili di vita // I Greci. Storia. Cultura. Arte. Societa. 2. Una storia greca. I. Formazione. Torino.

Nowak, 2008. Nowak C. Italiker in griechischen Koloniestdten? Zur "ethnischen Deutun" der Waffengrдber in Poseidonia // Bollettino di Archeologia on line. Congresso di Archeologia A. I. A. C. Roma.

Papakonstantinou, 2012. Papakonstantinou M. Bronze Age Tumuli and Grave Circles in Central Greece: the Current State of Research // Ancestral Landscape. Burial mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe – Balkans – Adriatic – Aegean, 4th-2nd millennium B. C.) Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée 58. Lyon.

Pontrandolfo, Rouveret, 1992. Pontrandolfo A., Rouveret A. Le Tombe dipinte di Paestum. Modena.

Pontrandolfo, 1998. Pontrandolfo A. Le Tombe Dipinte di Paestum. Roma.

Rabadjiev, 1997. Rabadjiev K. The Thracian king's tomb // The Thracian World At The Crossroads of Civilizations Proceedings of the 7 th International Congress of Thracology. Vol. I, Bucharest.

Riccardi, 2008. Riccardi A. Donne e guerrieri da Ruvo e Bitonto. Bari.

Rizza, 1979. Rizza G. Tombes de chevaux // Acts of the International Archaeological Symposium: The Relations between Cyprus and Crete, ca. 2000–500 B. C., Nicosia.

Robinson, 1950. Robinson D. Excavation at Olinthas. Vases found in 1954–1938. XIII, Oxford.

Rocco, 2002. Rocco G. L'archeologia delle pratiche funerarie. Mondo Greco // Il Mondo dell'Archeologia. Roma.

Rocchietti, 2002. Rocchietti D. Aree sepolcrali a Metaponto. Corredi ed ideologia funeraria fra VI e III secolo a. C. Potenza.

Rotroff, 1997. Rotroff S. I. Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material // The Athenian Agora. XXIX. Princeton.

Semenario, 2013. Semenario G. Contesti funerari con monete dalla necropolis ellenistica di Oria // Vertustis novitatem dare. Temi di antichita e archeologia in ricordo di Grazia Angela Maruggi.Taranto.

Sourvinou-lnwood, 1995. Sourvinou-lnwood C. ‹Reading› Greek Death. Oxford.

Sparkes, Talcott,1970. Sparkes B. A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries b. c. // The Athenian Agora.XII. 1. Princeton.

Stolba, Rogov, 2012. Stolba V., Rogov E. Panskoye I. The Necropolis. Volume 2. Aarhus.

Tagliamonte, 2006. Tagliamonte, G. L. Tra Campania e Sicilia: cavalieri e cavalli campani, in Guerra e pace in Sicilia e nel Mediterraneo antico (VIII–III sec. a. C.). Arte, prassi e teoria della pace e della Guerra. V. 2. Pisa.

Themelis, Touratsouglou, 1997. Derveni.

Teleaga, 2008. Teleaga E. Griechische Importe in den Necropolen an der unteren Donau. 6 Jh.-Anfang des 3 Jhs. v.Chr. // Marburger Studien zur vor-und Fruhgeschichte 23. Westf.

Touchais,1999. Touchais G. Chronique des fouilles et decouvertes archeologiques en Crete en 1998 // BSH. 123.

Tesori dell'Italia del Sud Greci e Indigeni in Basilicata 1999. Milano.

Zuravlev, Lomtadze, Il'ina, Sudarev, 2007. Zuravlev D. V., Lomtadze G. A., Il'ina T. A., Sudarev N. I. Kurgan 17 (18) aus der Nekropole der bosporanishen Stadt Kepoi // Eurasia Antiqua. Band 13–2007. Mainz am Rhein.

Vassallo, 1991. Vassallo S. Himera. Necropoli di Pestavecchia // Di Terra in Terra. Palermo.

Vassallo, 2009. Vassallo S. Himera. Indagini nelle necropolis // Tra Etruria, Lazio e Magna Grecia: Indagini sulle necropolis. Fondazione Paestum. Tekmeria 9. Paestum.

Vermeule, 1979. Vermeule E. Aspects of Death in early Greek Art and Poetery. Los Angeles.

Vlachou, 2012. Vlachou V. Death and Burial in the Greek World // Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum (ThesCRA) VIII. Los Angeles.

Whitley, 1994. Whitley J. Protoattic pottery: A contextual approach // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies. Cambridge.

Whitley, 2003. Whitley J. Style and Society in Dark Age Greece: The Changing Face of a Preliterate Society 1100–700 BC. Cambridge.

Summary

Ю. Ю. Каргин
(ООО «Археологическая экспедиция», Ростовская область)

Монеты с восточной окраины поселения Белое Юго-Восточное на Таманском полуострове и вопросы датировки памятника[1]

В 2014 г. экспедиция ООО «Археологическое общество Кубани» осуществляла охранно-спасательные раскопки участка многослойного поселения Белое Юго-Восточное на склоне восточной оконечности Таманского «острова» (рис. 1–3). Площадь раскопа составила 1931 м², а мощность культурных напластований – до 2–2,2 м (рис. 4). Верхние слои, представленные посёлком казаков-некрасовцев XVIII в. [Каргин, 2016, 2017], частично разрушили остатки поселения понтийско-римского периода (2-я пол. II в. до н. э. – 1-я пол. II в. н. э.), основанного на месте ещё более раннего античного поселения конца VI – 1-й пол. IV вв. до н. э.

Датировка памятника осуществлялась преимущественно по монетному и массовому керамическому материалу с учётом стратиграфических данных.

Коллекция античных монет представлена 65 экземплярами: все они медные, различных типов и номиналов, плохой или удовлетворительной сохранности (рис. 5–9), на протяжении долгих лет подвергавшиеся воздействию грунтовых вод, стекавших от подножия коренной террасы в пойму реки. Однако почти все монеты были определены, за исключением четырёх, у трёх из которых время выпуска и использования установлены приблизительно (определения представлены в таблице 2, а распределение в раскопе - в таблице 1). Наиболее массово монеты встречались в пластах 3–5 понтийско-римского времени (40 монет – 61,5%), существенно меньше – в пластах 6–8, а также в составе многоярусной вымостки того же периода в центральной части раскопа (18 монет – 27,7%). В пластах 1–2 и в отвале обнаружено всего 7 античных монет (10,8%). Все они, судя по всему, попали в слой в результате их потери в процессе функционирования поселения.

Итак, выпуск античных монет осуществлялся в широком хронологическом диапазоне с конца IV в. до н. э. до начала IV в. н. э. Практически все они пантикапейского и фанагорийского чекана, всего 3 однотипные монеты происходят из Амиса и Синопы

[1] Автор выражает благодарность держателю открытого листа В.В. Матаеву за возможность использовать материалы раскопок для публикации.

Рис. 1. Фрагмент карты Тамани с обозначением местонахождения поселения Белое Юго-Восточное

Рис. 2. Карта-схема территории Боспорского царства с обозначением местонахождения поселения Белое Юго-Восточное по отношению к крупным городским населённым пунктам Боспорского царства

Рис. 3. Топографический план поселения Белое Юго-Восточное по материалам отчёта К. А. Крутоголовенко 2012 г. с обозначением шурфов 2012 и 2014 гг., а также сетки раскопа 2014 г.

(1-я треть I в. до н. э.), ещё одна – анонимный обол этого же времени, место выпуска которого дискуссионно.

Монеты Боспорского царства, как известно, имеют длительную историю изучения [Бурачков, 1884; Зограф, 1951; Шелов, 1956; Анохин, 1986; 2011; Фролова, 1997а, 1997б и др.]. Монеты в городах Понта и Пафлагонии в наибольшей степени исследованы Ф. Имхоф-Блумером [Imhoof-Bliumer, 1912] и М. Прайсом [Price, 1968]. Для определения монет также привлекались прочие каталоги [Бурачков, 1884; BMC 3; BMC 13; SNG BM; SNG Stancomb; Анохин, 2011] и научные работы ряда специалистов, в том числе электронный ресурс – постоянно пополняющийся каталог-архив «Монеты Боспора» [URL: www.bosporian-kingdom.com], содержащий 20,2 тысяч монет из музейных собраний и частных коллекций.

Монеты периода ранних Спартокидов (ок. 379–275 гг. до н. э.) представлены 6 экземплярами чеканки Пантикапея. Это монеты с изображением головы сатира – божества круга Диониса, отождествлявшегося с членом династии Спартокидов – Сатиром I [Зограф, 1951, с. 171]. Самая ранняя – наименьшего из найденных номинала (халк) с изображением на лицевой стороне головы безбородого сатира вправо, а на оборотной – горита с луком и надписи «ΠΑΝΤΙ» (рис. 5, *1*; табл. 2, *1*). Она может быть датирована временем правления Перисада I – 325–300 гг. до н. э.

Пятью экземплярами чрезвычайно плохой сохранности представлены монеты среднего номинала (тетрахалк): на двух из них изображения практически не видны (рис. 5, *2–3*; табл. 2, *2–3*), на двух других на лицевой стороне присутствует голова безбородого сатира влево, а на оборотной – голова льва влево и осётр, надпись: «Π-A-N» (рис. 5, *4–5*; табл. 2, *4–5*). Лучше всего сохранилась пятая монета того же типа из многоярусной вымостки (рис. 5, *6*; табл. 2, *6*). На монетах заметно использование разных штемпелей, их масса существенно колеблется из-за плохой сохранности от 2,8 до 6 г. Датировать все 5 экземпляров следует правлением Спартока III – в пределах 300–275 гг. до н. э.

Монеты периода денежного кризиса на Боспоре (III в. до н. э.) представлены 8 экземплярами с характерными для того времени признаками: ранними выпусками со следами надчеканок и последующей перечеканки, а также более поздними с признаками деградации (снижение качества, уменьшение размера и веса) [Анохин, 1986, с. 47; Суханов, 2005, с. 22–23 и др.].

Условные обозначения:

- камень
- камень в нижнем ярусе объекта
- ямы и объекты 2-й пол.. II в. до н.э. - 1-й пол. II в. н.э.
- ямы и объекты кон. VI - нач. IV вв. до н.э.
- материк с включением фракций оползневых пород
- культурные напластования античного периода
- чёрный плотный илистый суглинок с железистыми включениями (старичный аллювий болотного типа)
- современный перекоп (окоп?)

Рис. 4. План раскопа поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г. с обозначением культурных напластований, ям, объектов и погребения античности и понтийско-римского времени

Рис. 5. Медные монеты Боспорского царства ранних Спартокидов и денежного кризиса из раскопа поселения Белое Юго-Восточное. Чеканка Пантикапея: *1* – голова безбородого сатира вправо/горит с луком, «ΠΑΝ-ΤΙ» (325–300 гг. до н. э.); *2–6* – голова безбородого сатира влево/голова льва влево и осётр, «Π-Α-Ν» (300–275 гг. до н. э.); *7* – голова безбородого сатира влево/лук и стрела, «ΠΑΝ» (275–245 гг. до н. э.); *8, 9* – перечеканка монет с надчеканками «звезда»/«лук в горите» предыдущим типом (275–245 гг. до н. э.); *10, 11* – голова безбородого сатира влево (?)/лук и стрела, «ΠΑΝ» со следами обрубки облоя (270–230 гг. до н. э.); *12, 13* – голова бородатого сатира вправо/лук и стрела, «ΠΑΝ» (230–210 гг. до н. э.); *14* – то же (200–175 гг. до н. э.); *15* – неопределяемая (III в. до н. э.); *16* – неопределяемая (II в. до н. э.)

Наиболее ранние из них – 3 экземпляра чеканки Пантикапея (рис. 5, *7–9*; табл. 2, *7–9*). Это тетрахалки Перисада II с головой безбородого сатира влево на лицевой стороне и луком со стрелой с надписью «ΠΑΝ» – на оборотной. В «чистом виде» встречена лишь одна (рис. 5, *7*; табл. 2, *7*), датируемая 275–245 гг. до н. э. Две другие – (рис. 5, *8–9*; табл. 2, *8–9*) идентичны, но изображения на них нечёткие: хорошо различимы лишь глубокие надчеканки «горит» и «звезда». Исходя из веса, можно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с перечеканкой более ранних, уже надчеканенных тетрахалков, что симптоматично для начала периода денежного кризиса [Зограф, 1951, с. 178; Шелов, 1954, с. 59; Фролова, 1970, с. 33–34].

На поселении встречено также две монеты типа безбородый сатир/лук и стрела «ΠΑΝ» меньшего размера с заметным отрубом облоя (рис. 5. *10–11*; табл. 2. *10–11*). Изображения, особенно профиль сатира, едва различимы, даже не ясно, в какую сторону он обращён и имеет ли бороду. Небрежность исполнения и снижение массы свидетельствуют о деградации последующих эмиссий самого распространённого в III в. до н. э. типа боспорской меди. По вышеуказанным признакам их можно датировать в пределах 270–230 гг. до н. э. [Анохин, 1986, с. 50–51].

Поздние медные монеты Пантикапея типа безбородый сатир/лук и стрела «ΠΑΝ» на поселении Белое Юго-Восточное представлены двумя находками минимального размера и весом 1,5–1,7 г (рис. 5. *12–13*; табл. 2. *12–13*). Они выпускались в составе новых монетных эмиссий второго десятилетия правления Левкона II (230–220 гг. до н. э.) и первого десятилетия правления Гигиэнонта (220–210 гг. до н. э.). Сохранность изображений на аверсе довольна плохая, к тому же, очевидно, сказались небрежность резчиков штемпелей и общая деградация типа. Номинал этих монет не установлен.

Монеты периода поздних Спартокидов (около 210–109 гг. до н. э.) представлены наибольшим количеством экземпляров – 29. В основном, это мелкие медные монеты городской чеканки Пантикапея и возобновлённого выпуска Фанагории, предназначенные для розничной торговли на местном рынке.

К городским выпускам Пантикапея правления Спартока V (200–175 гг. до н. э.) относится монета весом 1,3 г типа бородатый сатир/лук и стрела, «ΠΑΝ», продолжающая традицию деградации (рис. 5. *13*; табл. 2. *13*).

С 200 по 120 гг. до н. э. в Пантикапее осуществлялся массовый выпуск оболов типа голова Аполлона в лавровом венке вправо/лук в горите влево, «ΠΑΝ». На поселении Белое Юго-Восточное они составляют многочисленную группу – 15 экземпляров весом от 1,5 до 2,7 г (рис. 6. *1–15*; табл. 2. *17–31*).

Помимо них массово представлены однотипные монеты возобновлённой городской чеканки Фанагории (9 экз.). На лицевой стороне у них довольно схематично изображена голова бородатого Сатира влево или вправо, на оборотной – лук и стрела с надписью «ФА», вес колеблется от 1 до 2 г (рис. 7, *1–9*; табл. 2, *35–44*). А. Н. Зограф такие монеты датирует 250–220 гг. до н. э. [Зограф, 1941, с. 161], В. А. Анохин – 220–200 гг. до н. э. [Анохин, 1986, с. 49], Д. Б. Шелов и К. В. Голенко – II в. до н. э. [Шелов, 1954, с. 168; Голенко, 1955, с. 131–138]. По мнению В. А. Анохина, внешне и по весоразмерным характеристикам они соответствуют среднему номиналу (тетрахалк) [Анохин, 1986, с. 49].

К 130–125 гг. до н. э. относятся две монеты (тетрахалки) чеканки Пантикапея с изображениями на лицевой стороне головы бородатого сатира в плющевом венке влево,

Рис. 6. Медные монеты Боспорского царства поздних Спартокидов из раскопа поселения Белое Юго-Восточное. Чеканка Пантикапея: *1–15* – голова Аполлона в лавровом венке вправо/лук в горите влево, «ПАN» (ок. 200–120 гг. до н. э.); *16*, *17* – голова бородатого сатира в плющевом венке влево/рог изобилия, по сторонам шапки Диоскуров, увенчанные звёздами, «ПАN-ТІ» (130–125 гг. до н. э.); *18* – голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо/Прора вправо, «ПАN» (125–110 гг. до н. э.)

а на оборотной – рога изобилия с увенчанными звёздами шапками Диоскуров по сторонам и надписью «ПАN-ТІ», весом 2,3 и 3,9 г (рис. 6. *16–17*; табл. 2. *32–33*). Возвращение головы сатира на лицевую сторону монет принято рассматривать как показатель возобновления выпуска меди городской общиной Пантикапея, а появление рога изобилия и шапок Диоскуров – как следствие влияния Понта [Молев, 1994, с. 78].

К правлению последнего из Спартокидов – Перисада V, по-видимому, следует отнести пантикапейский дихалк весом всего 0,9 г (рис. 6. *18*; табл. 2. *34*). На лицевой

стороне изображена голова Афины в коринфском шлеме вправо, на оборотной – прора корабля вправо, внизу надпись «ΠΑΝ». Не исключено, что это хотя бы отчасти храмовый чекан [Анохин, 1986, с. 67–71].

К чеканке Пантикапея по размерам и качеству металла с большой долей вероятности можно отнести ещё две совсем плохо определимые монеты: весом 5,8 г (III в. до н. э.) (рис. 5, *15*; табл. 2, *15*) и всего 1 г (II в. до н. э.) (рис. 5. *16*; табл. 2. *16*).

Монеты понтийского периода (около 109–15/14 гг. до н. э.) на поселении Белое Юго-Восточное представлены всего 5 экземплярами (рис. 7. *10–14*). Это выпуски Амиса, Синопы, Фанагории, а также так называемый анонимный обол.

Четыре из пяти – крупные монеты, относящиеся ко времени правления Митридата VI Евпатора. С учётом военно-политической ситуации на территории Боспора такие монеты обычно датируют в пределах 102–63 гг. до н. э.

Монеты выпуска Амиса представлены двумя находками весом 5,8 и 5,3 г (рис. 7. *10–11*; табл. 2. *45–46*). На лицевой стороне отчётливо видна голова Ареса в коринфском шлеме с гребнем вправо, на оборотной – вертикальный меч в ножнах рукоятью вверх. С обеих сторон от него – горизонтальная надпись «AMI- [ΣOY]». Номинал – предположительно тетрахалк, датировка – 100–85 гг. до н. э. Третья монета того же периода и номинала, весом 5,3 г (рис. 7. *12*; табл. 2. *47*), выпущена в Синопе. На лицевой стороне – почти неразличимая голова Зевса в лавровом венке вправо, на оборотной – сидящий на молнии орёл в 3/4 влево, голова повернута назад, слева от него – монограмма, внизу надпись «[ΣI]NΩΠ[HΣ]». Датировка 85–65 гг. до н. э.

Городские выпуски монет Амиса и Синопы считаются наиболее распространёнными иноземными монетами на Боспоре I в. до н. э., а их интенсивное обращение – одним из следствий инноваций в экономике при Митридате VI [Абрамзон, 2013, с. 73]. В настоящее время небезосновательно предлагается удревнить начало их чеканки до 108 г. до н. э. [Столба, 2005, с. 29–31].

На поселении Белое Юго-Восточное также обнаружена крупная монета весом 13,8 г с едва различимыми изображениями, по весоразмерным характеристикам соответствующая так называемым анонимным оболам (рис. 7, *13*; табл. 2, *48*). Этот тип также характерен для местного денежного обращения понтийского периода. На лицевой стороне изображалась голова Диониса в лавровом венке вправо, на оборотной – богато украшенный вертикальный горит с ремнём и луком, а слева от него – монограмма. Вопрос о месте чекана также дискуссионен. По мнению А. П. Зографа, это Фанагория митридатовского времени [Зограф, 1951, с. 187–188]. Прочие исследователи их относили ко времени правления сына Митридата – Махара и датировали 80–70 гг. до н. э. [наприм.: Анохин, 1986, с. 75–76]. Однако Н. А. Фролова и Т. Н. Смекалова начало эмиссии анонимных оболов отодвигали вплоть до конца II в. до н. э., а время вероятного обращения продливали вплоть до появления статеров Фарнака в 55/54 гг. до н. э. [Смекалова, 1999, с. 359; Фролова, 1999, с. 60].

Ещё одна монета понтийского периода относится к правлению Асандра с титулом царя. Это небольшая, довольно толстая и как бы обрезанная с двух сторон монета Фанагории (тетрахалк) весом 4,7 г (рис. 7. *14*). На лицевой стороне – голова Нике вправо с 8-лучевой звездой слева от неё, на оборотной – надпись в 2 строки «ΦANAΓO-PITΩN» с перевязанной лентой ветвью лавра между строчками. Датировка серии таких монет 47/46–37 гг. до н. э.

Рис. 7. Медные монеты Боспорского царства поздних Спартокидов и Понтийского периода из раскопа поселения Белое Юго-Восточное. *1–9, 14* – чеканка Фанагории; *10, 11* – чеканка Амиса; *12* – чеканка Синопы; *13* – анонимный обол; *1, 3–6, 9* – голова бородатого сатира в плющевом венке вправо/лук и стрела вправо, внизу «ФА» (II в. до н. э.); *2* – голова бородатого сатира в плющевом венке влево/лук и стрела вправо, внизу «ФА» (II в. до н. э.); *7, 8* – голова бородатого сатира в плющевом венке/лук и стрела вправо, внизу «ФА» (II в. до н. э.); *10, 11* – голова Ареса в коринфском шлеме с гребнем вправо/меч в ножнах, «AMI[ΣOY]» (100–85 гг. до н. э.); *12* – голова Зевса в лавровом венке вправо/сидящий на молнии орёл, слева монограмма, внизу «[ΣI]NΩΠ[HΣ]» (85–65 гг. до н. э.); *13* – голова Диониса в лавровом венке вправо/богато украшенный вертикальный горит с ремнём и луком, слева монограмма (102–70 гг. до н. э.); *14* – голова Нике вправо, слева 8-лучевая звезда/«ΦANAΓO-PITΩN», между строчками – ветвь лавра, перевязанная лентой (47/46–37 гг. до н. э.)

А. В. Горелый определяет обрезанные монеты Боспорского царства как метрологические объекты [Горелый, 1996, с. 87]. Если принять эту точку зрения, датировка вторично использованной (?) фанагорийской монеты сдвигается как минимум к рубежу I в. до н. э. – I в. н. э. Тогда на Боспоре для розничной торговли использовалась римская весовая система, применявшаяся, в частности, для обозначения номиналов нового типа монет. Согласно Л. И. Чуистовой, по римской весовой системе, вес этой монеты всего на 0,1 г больше секстулы [Чуистова, 1962, с. 78]. Впрочем, нельзя не заметить, что многие известные монеты такого типа имеют неровные или обрезанные края [Монеты Боспора, 227–3134].

Монеты раннеримского периода (14/13 г. до н. э. – 91/92 гг. н. э.) с поселения Белое Юго-Восточное более многочисленны по сравнению с монетами понтийского периода: 14 экземпляров различных, последовательно сменяющих друг друга типов. Характерной особенностью этих монет является буквенное обозначение номиналов, знаменующее собой отказ от греческой системы счёта на халки и утверждение унциальной системы римских номиналов [Анохин, 1986, с. 81–87]. Изменение стилистики монет, появление и исчезновение на них изображений бюстов римских императоров, сопровождаемые соответствующими надписями, отражают эпизодическое усиление и ослабление власти Рима над Боспором.

Прежде всего, это 6 монет последних городских выпусков Боспора – Кесарии и Агриппии, то есть Пантикапея и Фанагории, переименованных при Полемоне [Болдырев, 1999, с. 30–38]. Их номинал – 8 унций (Н) с изображением на лицевой стороне женской головы в калафе или покрывале, а на оборотной – факела и надписи «KAI-ΣAPE-ΩN» или проры корабля влево и надписи «ΑΓΡΙΠ-ΠΕΩN» соответственно. В нашем собрании две монеты Кесарии весом 2,8 и 5,3 г (рис. 8, *1–2*) и 4 – Агриппии весом 4,7–6,5 г (рис. 8, *3–7*). На них заметно использование разных штемпелей, что с учётом фактурной и стилистической однородности может свидетельствовать о единовременности выпуска и обращении в довольно широком хронологическом диапазоне [Болдырев, 2002, с. 58]. Выпуск монет Кесарии и Агриппии принято датировать 8 г. до н. э. – 45 г. н. э. [Фролова, 1997а, с. 34–39; Болдырев, 2002, с. 58–59 и др.] или – 1-й половиной I в. н. э. [Анохин, 1986, с. 84–85, 94–95].

Ещё 2 монеты плохой сохранности с едва различимой монограммой BAE относятся к выпуску Кесарии после смерти Полемона. Такие монеты объединены А. Л. Бертье-Легардом и А. Н. Зографом в серии, а входящие в них типы представляют собой разные номиналы [Фролова, 1997а, с. 41].

К типу VI второй серии предположительно следует отнести монету весом 5,3 г и номиналом 5 унций (Е). Изображения на ней почти не просматриваются, однако похоже, что на лицевой стороне изображена голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо, а на оборотной – свернутая в клубок змея с монограммой BAE справа от неё и номиналом Е слева (рис. 8. *7*; табл. 2. *55*). В этом случае монету следует датировать в пределах первого десятилетия нашей эры. Однако известные аналогии имеют чуть большие весоразмерные характеристики.

К четвёртой, заключительной серии меди с монограммой BAE относится монета весом 4,8 г с изображением на лицевой стороне головы Персея в крылатом шлеме влево и гарпой перед ним, а на оборотной – гермы, пальмовой ветви справа от неё, украшенной лентами; слева – монограмма BAE, а справа – номинал Z (рис. 8. *8*; табл. 2. *56*). Она относится

Рис. 8. Медные городские монеты Боспорского царства раннеримского периода из раскопа поселения Белое Юго-Восточное. *1–4* – чеканка Агриппии; *5–8* – чеканка Кесарии; *1–4* – женская голова в диадеме и покрывале вправо / прора влево, «АГРІП-ПЕΩN», Н (8 унций, 1-я пол. I в. н.э.); *5, 6* – женская голова в калафе и покрывале вправо / факел, «KAI-ΣA-PE-ΩN», Н (8 унций, 1-я пол. I в. н.э.); *7* – голова Афины в шлеме вправо / свернутая в клубок змея, справа монограмма BAE, слева – E (5 унций, 1-е дес. I в. н.э.); *8* – голова Персея в крылатом шлеме влево, впереди гарпа / герма, справа пальмовая ветвь, украшенная лентами, слева монограмма BAE, справа – Z (7 унций, 8/9–9/10 гг. н.э.)

к единственному выпускавшемуся в этой серии типу номинала 7 унций (Z), датируемому временем правителя с неизвестным именем, обозначаемым как KΛE (8/9–9/10 гг. н. э.).

Следующая монета представлена типом, знаменующим собой подчинение боспорской чеканки Риму. Это ассарий (12 унций) весом 6,6 г с изображением на лицевой стороне бюста Гая Калигулы вправо и надписи по кругу «ΓAIOY KAIΣAPOΣ ΓEPMANIKOY», а на оборотной – бюста Аспурга вправо, с монограммой BAP слева и номиналом IB справа (рис. 9. *1*; табл. 2. *57*). Монета относится к последнему году второго правления Аспурга, получившего титул царя, – к 37/38 г. н. э. Именно тогда Аспург в третий и последний раз подтвердил своё право на царство и чеканку монет [Фролова, 1997а, с. 73].

К непродолжительному правлению Митридата III (39/40–41/42 гг. н. э.) следует отнести два ассария весом 6,8 и 5,7 г (рис. 9. *2–3*; табл. 2. *58–59*). Обе монеты одного типа, но первая – чрезвычайно плохой сохранности, с едва различимыми изображениями. Вторая

сохранилась гораздо лучше: на её лицевой стороне – бюст Митридата вправо с надписью по кругу «ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ» и каймой из рельефных маленьких точек; на оборотной – палица с наброшенной на неё шкурой льва с луком и колчаном слева, трезубцем справа и номиналом ΙΒ снизу. Это единственная на поселении античная монета со следами вторичного использования – двумя просверленными по краям отверстиями. Монеты Митридата III сильно отличаются от монет Аспурга: они продолжают традицию размещения своего имени и титула, заложенную предыдущей правительницей – Гипепирией, а изображение палицы должно было подчёркивать связь с Митридатом Великим [Фролова, 1997а, с. 80–82]. Эти изменения свидетельствуют о стремлении правителя к независимости от Рима.

Ко времени правления Котиса I (45/46–67/68 (?) гг. н. э.) относятся два ассария удовлетворительной сохранности с хорошо читаемыми изображениями. В отличие от предыдущей, эти монеты анонимны, их облик свидетельствует о полной покорности Боспора Риму. Ко второй серии меди, датируемой в пределах 49–54 гг. н. э., следует отнести ассарий весом 5 г с изображениями на лицевой стороне бюста Клавдия в венке вправо и надписи по кругу «ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ», а на оборотной – бюста Агриппины влево, монограммы ΒΑΚ слева от неё и надписью по кругу «ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ» (рис. 9. *4*; табл. 2. *60*). К третьей серии меди, датируемой 54–59 (?) гг. н. э., относится ассарий весом 3,9 г с изображениями на лицевой стороне бюста Нерона вправо и надписью по кругу «ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ», а на оборотной – бюста Агриппины влево, монограммы ΒΑΚ слева от неё, номинала ΙΒ внизу и надписью по кругу «ΑΓΡΙΠΠΙΝΗΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ» (рис. 9. *5*; табл. 2. *61*).

Последняя из монет раннеримского периода сохранилась плохо: на лицевой стороне едва различимо изображение бюста царя с длинными волосами вправо с частью надписи по кругу «ΒΑϹΙΛΕϢϹ…» (?). Неясное изображение на оборотной стороне предположительно может быть интерпретировано как Нике с венком в руке влево (рис. 9. *6*; табл. 2. *62*). Вес монеты 7,1 г, что может косвенно указывать на её номинал – ассарий. Перечисленные особенности позволяют с осторожностью искать аналогии ей среди боспорских монет выпуска 86–92 гг. н. э., относящихся к правлению Рескупорида II.

<u>*Монеты позднеримского периода*</u> (210/211–336/337 гг. н. э.) представлены всего двумя медными статерами и относятся к заключительному этапу монетного дела Боспора. Несмотря на довольно плохую сохранность, на них хорошо видны даты боспорской эры, а также «по-варварски» стилизованные изображения бюстов царя и римского императора [Чореф, 2014, с. 329] с соответствующими надписями.

На лицевой стороне первого статера весом 7,2 г изображён бюст царя вправо и надпись по кругу «ΒΑϹΙΛΞϢϹ ΘΟΘϢΡϹΟΥ», на оборотной – бюст императора вправо, справа от него – царская тамга, снизу – дата «ГПФ» (583 г. б. э.). В переводе на современное летоисчисление монету следует датировать 286 г. н. э. – вторым годом правления царя Фофорса, известного исключительно по монетам (рис. 9. *7*; табл. 2. *63*). С. А. Яценко предполагает, что Фофорс был одним из предводителей аланской группировки, кочевавшей между Боспором и Центральным Предкавказьем [Яценко, 2001, с. 59], что могло бы объяснить «варварскую» стилизацию монет времени его правления.

Второй медный статер весом 7,3 г относится к правлению следующего боспорского царя – Радамсада, также известного преимущественно по монетам (рис. 9. *8*; табл. 2. *64*).

Рис. 9. Медные монеты Боспорского царства раннеримского (*1–6* – ассарии) и позднеримского (*7, 8* – статеры) периодов из раскопа поселения Белое Юго-Восточное. Чеканка Кесарии. *1* – голова Гая Калигулы в венке вправо, по кругу «ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ»/голова Аспурга вправо, слева монограмма ВАР, справа внизу ІВ (14/15–37/38 гг. н. э.); *2, 3* – голова Митридата вправо, по кругу «ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ»/Палица с наброшенной на неё шкурой льва, слева лук и колчан, справа – трезубец, снизу – ІВ (39/40–41/42 гг. н. э.); *4* – голова Клавдия в венке вправо, по кругу «ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ», ІВ/голова Агриппины влево, слева монограмма ВАК, по кругу «ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ» (49–54 гг. н. э.); *5* – голова Нерона вправо, по кругу «ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ»/голова Агриппины влево, слева монограмма ВАК, внизу ІВ, по кругу «ΑΓΡΙΠΠΙΝΗΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ» (54–59 (?) гг. н. э.); *6* – голова царя вправо, справа внизу трезубец (?) по кругу «ΒΑϹΙΛΕΩϹ…» (?)/Нике с венком в руке влево (?), по сторонам «М-Н» (?) (86–92 гг. н. э.); *7* – бюст царя вправо, по кругу «ΒΑϹΙΛΞΩϹ ΘΟΘΩΡϹΟΥ»/бюст императора вправо, справа – царская тамга, внизу «ГПФ» (286 г. н. э.); *8* – бюст царя вправо, по кругу «ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΡΑΔΑΜϹΑΔΙ»/бюст императора вправо, справа палица, внизу «АІХ» (314/315 гг. н. э.)

Монета выполнена в схожей стилизованной манере: на лицевой стороне – бюст царя вправо и надпись по кругу «ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΡΑΔΑΜϹΑΔΙ», на оборотной – бюст императора вправо, дифферент «палица» справа от него и дата «АІХ» (611 г. б. э.) снизу. В переводе на современное летоисчисление монету следует датировать 314/315 гг. н. э.

* * *

Подводя итог обзору довольно неоднородной коллекции античных монет из раскопа поселения Белое Юго-Восточное, следует отметить очевидное преобладание меди выпуска Пантикапея и Фанагории времени правления Спартокидов конца IV–II вв. до н. э. (рис. 10; табл. 1). Монеты понтийского периода, датируемые I в. до н. э., представлены всего 5 экземплярами, преимущественно иноземными. В 1-й половине I в. н. э. появляется большое количество монет городской чеканки Кесарии и Агриппии, а также монеты царской чеканки с буквенным обозначением новой унциальной системы номиналов. Среднеримский период (II в. н. э.) в коллекции не представлен и всего 2 монеты с датировками 286 и 314/315 гг. н. э. «варварской» стилизации относятся к позднеримскому периоду. Отсутствие ранних монет в нижних слоях, датируемых концом VI – первой половиной IV вв. до н. э., может объясняется неразвитостью в то время товарно-денежных отношений и господством натурального обмена на периферии Боспорского царства.

Сделанные наблюдения на первый взгляд не согласуются с датировками, полученными по итогам стратиграфических наблюдений и комплексного анализа керамики. Дело в том, что верхние античные напластования с сопутствующими объектами надёжно датируются в пределах 2-й половины II в. до н. э. – 1-й половины II в. н. э. Хронологический разрыв отмечается по отношению к нижним слоям конца VI – первой половины IV вв. до н. э., определяемым исключительно по характерным фрагментам хиосских, протофасоских, мендейских и прочих амфор. В силу этого не ясно, почему на памятнике присутствует столь большое количество монет III–II вв. до н. э., а монеты I в. до н. э. единичны.

Ответ на этот вопрос дают наблюдения Д. Б. Шелова, согласно которому медные монеты Пантикапея и Фанагории III–II вв. до н. э. находились в обращении довольно долго – вплоть до I в. до н. э. [Шелов, 1982, с. 48]. На высокую продолжительность оборота старых монет указывают и клады митридатовского периода из Фанагории и её хоры. В них на момент тезаврации вместе очень часто оказывались монеты IV–I вв. до н. э., включая даже экземпляры периода денежного кризиса без надчеканок и перечеканок [Абрамзон, Фролова, 2010, с. 311; Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 52]. В более поздних кладах, относящихся к римскому периоду, также неоднократно отмечалось присутствие древних монет – как боспорских, так и иноземных [Абрамзон, Фролова, 2010, с. 316–317].

Таким образом, указанная «нестыковка» датировок по монетам и массовой амфорной таре на поселении Белое Юго-Восточное является стандартной ситуацией, связанной с продолжительным нахождением в денежном обращении ранних типов монет. Свидетельством тому, в частности, являются монеты из многоярусной вымостки. По амфорным материалам очевидно, что она сооружалась как минимум в два приёма и функционировала на протяжении I в. до н. э. – I в. н. э., но при этом в ней встречено четыре монеты III в. до н. э., одна монета II в. до н. э. и две монеты 1-й половины I в. н. э.

Соотношение различных типов монет на поселении Белое Юго-Восточное сопоставимо с тенденциями, отмечаемыми для Фанагории понтийского периода [Шелов, 1962, с. 56–129; Абрамзон, Кузнецов, 2015, с. 52–55]. Так для монетных материалов Фанагории характерно преобладание монет трёх групп:

– периода денежного кризиса (III–II вв. до н. э.);

Рис. 10. Распределение античных монет в раскопе поселения Белое Юго-Восточное

– мелких массовых монет выпуска Пантикапея и Фанагории II в. до н. э., а также тетрахалков типа голова сатира/рог изобилия между шапками Диоскуров, «ΠΑΝ-ΤΙ»;

– понтийских и боспорских городских выпусков 100–65 гг. до н. э. – прежде всего, тетрахалков типа «Арес/меч» и «Зевс/орёл» Амиса и Синопы.

Таким образом, монетные материалы исследованного участка поселения позволяют отнести его к фанагорийской хоре. Заметное присутствие фанагорийской меди (30%) отмечается и в группе монет, датируемой раннеримским временем. Известно, что особенности денежного обращения в Горгиппии этого периода, расположенной почти на таком же расстоянии от исследованного нами поселения, существенно отличаются от Фанагории и её хоры [Алексеева, 1997, с. 194].

В свете вышеописанных фактов, период со 2-й половины II в. до н. э. до 1-й половины II в. н. э. в жизни поселения Белое Юго-Восточное нам представляется непрерывным. Тем не менее, хронологический разрыв в 60 лет, определяемый на основании датировок монетных выпусков (если не считать единственную фанагорийскую монету 47/46–37 гг. до н. э.), может отражать некоторые исторические реалии, связанные с политической нестабильностью в регионе в последние годы правления Митридата VI Евпатора и ухудшением финансового положения Фанагории из-за возрастающих военных затрат. Известно, что в Фанагории и её округе археологически это выразилось в сокращении численности сельских поселений и массовой тезаврации монетных излишков. В период максимального расцвета в этом регионе античной системы расселения мыс, на котором находилось поселение Белое Юго-Восточное, был конечным

Таблица 1. Распределение античных монет в раскопе поселения Белое Юго-Восточное

Центр производства	Датировка	П.М.	Пласт 1	Пласт 2	Пласт 3	Пласт 4	Пласт 5	Пласт 6	Пласт 7	Пласт 8	Объект 2	Всего	Итого
Пантикапей	325–300 гг. до н.э.	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	
	300–275 гг. до н.э.	2	–	–	–	–	2	–	–	–	1	5	
	275–245 гг. до н.э.	1	–	–	–	1	–	–	–	1	–	3	
	270–230 гг. до н.э.	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2	
	230–210 гг. до н.э.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	2	
	III в. до н.э.	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	
	200–175 гг. до н.э.	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	
	ок. 200–120 гг. до н.э.	–	–	1	1	4	6	1	–	1	1	15	
	130–125 гг. до н.э.	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	2	
	125–110 гг. до н.э.	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	
	II в. до н.э.	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	
(Кесария)	1–я пол. I в. н.э.	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2	
	1–е дес. н.э.	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	
	8/9–9/10 гг. н.э.	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	
	14/15–37/38 гг. н.э.	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	
	39/40–41/42 гг. н.э.	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	2	
	49–54 гг. н.э.	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	
	54–59(?) гг. н.э.	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	
	86–92 гг. н.э.	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	
	286 г. н.э.	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	
	314/315 г. н.э.	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	46
Фанагория	II в. до н.э.	–	–	–	1	1	2	2	1	1	1	9	
	47/46–37 гг. до н.э.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	
(Агриппия)	1–я пол. I в. н.э.	–	–	–	–	1	2	–	–	–	1	4	14
Аноним. обол	102–70 гг. до н.э.	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	1
Амис	100–85 гг. до н.э.	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–	2	2
Синопа	85–65 гг. до н.э.	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	1
Неопред.	II в. до н.э. – III в. н.э.	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	1
ВСЕГО		3	1	3	8	13	19	4	2	5	7	65	65

пунктом южного ответвления одной из главных дорог [Паромов, 1998 с. 217–218, 222]. Поэтому однородность стратиграфического слоя 2-й половины II в. до н. э. – 1-й половины II в. н. э., скорее всего, свидетельствует о том, что данный населённый пункт, удачно расположенный в стратегическом отношении, выдержал сложности понтийского периода.

Таким образом, особенности денежного обращения на поселении Белое Юго-Восточное подтверждают неоднократно высказывавшееся различными исследователями мнение о невозможности использования античных монет в качестве самодостаточного датирующего материала. Определение хронологии поселений возможно лишь по итогам комплексного анализа всех без исключения артефактов, в первую очередь, массового керамического материала, с учётом их планиграфического и стратиграфического контекста.

Таблица 2. Античные монеты из раскопа поселения Белое Юго-Восточное. (Определения Ю.Ю. Каргина)

№ п/п	Номинал, тип	Датировка	Определение	Масса, г	Размер, мм	Место находки, рисунок
Пантикапей						
1	Халк: Голова безбородого сатира вправо / Лук в горите вправо, ПАN-ТI	325-300 гг. до н.э.	BMC 3, *24*; Бурачков, 1884, табл. XX. *91–93*; Зограф, 1951, табл. XL. *20*; Шелов, 1956, табл. V. *55*; Анохин, 1986, табл. 3. *113*; 2011, с. 150, *№ 1025*; SNG BM, *874*; SNG Stancomb, *545–546*; Монеты Боспора, *113-2112, 113-3260*	0,8	11,5	Пл.5, кв.34 (рис.5, *1*)
2	Тетрахалк: Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лев и осётр, по сторонам П-А-N	300-275 гг. до н.э.	BMC 3, *21–22*; Бурачков 1884, табл. XX. *70–71*; Зограф, 1951, табл. XLI. *2*; Шелов, 1956, табл. V. *61*; Анохин, 2011, с. 152, *№ 1039*; SNG BM, *883–885*; SNG Stancomb, *552–553*; Монеты Боспора, *125-3005, 125-3122, 125-3124, 125-3128, 125-3162, 125-3242, 125-3270*	6	18,5	Пл.5, кв.37 (рис.5, *2*)
3	То же	300-275 гг. до н.э.	То же	5,2	20×21,5	Пл.5, кв.13/23, бровка (рис.5, *3*)
4	То же	300-275 гг. до н.э.	BMC 3, *21–22*; Бурачков, 1884, табл. XX, *71*; Зограф, 1951, табл. XLI. *2*; Шелов, 1956, табл. V, *61*; Анохин, 2011, с. 152, *№ 1039*; SNG BM, *884*; SNG Stancomb 552; Монеты Боспора, *125-3005*	2,8	19	П.М. (рис.5, *4*)
5	То же	300-275 гг. до н.э.	То же	4,5	19	П.М. (рис.5, *5*)
6	То же	300-275 гг. до н.э.	BMC 3, *21–22*; Бурачков, 1884, табл. XX, *70*; Зограф, 1951, табл. XLI. *2*; Анохин, 2011, с. 152, *№ 1039*; Шелов, 1956, табл. V. *61*; SNG BM, *883*; SNG Stancomb, *553;* Монеты Боспора, *125-3162*	4,6	17,5×18	Пл.6, кв.58/59, объект 2, верхний ярус вымостки (рис.5, *6*)
7	Голова безбородого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ПАN	275-245 гг. до н.э.	BMC 3, *27*; Бурачков, 1884, табл. XX. *73–74*; Зограф, 1951, табл. XLI. *4*; Шелов, 1956, табл. VI. *65*; Анохин, 1986, табл. 4. *133*; 2011, с. 152, *№ 1049*; SNG Stancomb, 560–561; Монеты Боспора, *133-3142*	5,8	18,5	Пл.8, кв.67 (рис.5, *7*)
8	Перечеканка монеты с надчеканками «звезда» / «лук в горите» тем же типом	275-245 гг. до н.э.	BMC 3, *30*; Бурачков, 1884, табл. XX. *76*; Шелов, 1956, табл. VI. *67*; SNG Stancomb, *556*; Монеты Боспора, *133-3118*	5,9	20×21	Пл.4, кв.77 (рис.5, *8*)
9	Перечеканка монеты с надчеканками «лук в горите» / «звезда» тем же типом	275-245 гг. до н.э.	BMC 3, *31*; Бурачков, 1884, табл. XX. *75, 77*; SNG Stancomb, *556*; Монеты Боспора, *133-3118*	5,3	21,5	П.М. (рис.5, *9*)

№ п/п	Номинал, тип	Датировка	Определение	Масса, г	Размер, мм	Место находки, рисунок
10	Голова безбородого сатира в плющевом венке влево (?) / Лук и стрела вправо, внизу ПАN (со следами обрубки облоя)	270-230 гг. до н.э.	Бурачков, 1884, табл. XX. *79–80*; Зограф, 1951, табл. XLI. *5*; Шелов, 1956, табл. VI. *66*; SNG BM, *902–903*; SNG Stancomb, *562–563*; Монеты Боспора, *133-3273*	2,5	16,5	Пл.3, кв.77 (рис.5, *10*)
11	То же	270-230 гг. до н.э.	То же	2,4	18	Пл.3, кв.60 (рис.5, *11*)
12	Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо / Лук и стрела вправо, внизу ПАN	230-210 гг. до н.э.	Бурачков, 1884, табл. XXI. *115 (?)*; Шелов, 1956, табл. VI. *73*; Анохин, 1986, табл. 5. *155*; 2011, с. 154, *№ 1062*; SNG Stancomb, *569*; Монеты Боспора, *146-3117*	1,5	13 x 14	Пл.6, кв.57, объект 2, верхний ярус вымостки (рис.5, *12*)
13	То же	230-210 гг. до н.э.	То же	1,7	13 x 14	Пл.7, кв.57, объект 2, нижний ярус вымостки (рис.5, *13*)
14	Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо / Лук и стрела вправо, внизу ПАN	200-175 гг. до н.э.	Шелов, 1956, табл. VI. *73*; Анохин, 1986, табл. 5. *155*; 2011, с. 154, *№ 1062*; SNG Stancomb, *566*; Монеты Боспора, *155-3144*	1,3	10,5 x 11	Пл.2, кв.58, (рис.5, *14*)
15	Неопред.	III в. до н.э.	-	5,8	21,5 x 23	Пл.4, кв.29, (рис.5, *15*)
16	Неопред.	II в. до н.э.	-	1	13 x 14	Пл.3, кв.12, (рис.5, *16*)
17	Голова Аполлона в лавровом венке вправо / Лук в горите влево, внизу ПАN	ок. 200-120 гг. до н.э.	Бурачков, 1884, табл. XXI. *114*; Зограф, 1951, табл. XLII. *9*; Шелов, 1956, табл. VIII. *95*; Анохин, 1986, табл. 5. *169*; 2011, с. 154, *№ 1059*; SNG BM, *920–922*; SNG Stancomb, *573–575*; Монеты Боспора, *169-3148*	2,3	11 x 13,5	Пл.2, кв.19, (рис.6, *1*)
18	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,8	11 x 11,5	Пл.3, кв.18, (рис.6, *2*)
19	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2,4	12,5	Пл.4, кв.35, (рис.6, *3*)
20	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,8	9,5 x 10,5	Пл.4, кв.30, (рис.6, *4*)
21	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,7	9,5 x 10,5	Пл.4, кв.68, (рис.6, *5*)
22	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,4	10 x 11	Пл.4, кв.71, (рис.6, *6*)
23	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2	10,5 x 12	Пл.5, кв.18, (рис.6, *7*)
24	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,5	9,5 x 10	Пл.5, кв.17, (рис.6, *8*)
25	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,9	11 x 12	Пл.5, кв.5, (рис.6, *9*)
26	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2,3	11,5 x 13,5	Пл.5, кв.38, (рис.6, *10*)
27	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2,4	12,5 x 14,5	Пл.5, кв.31, (рис.6, *11*)

№ п/п	Номинал, тип	Датировка	Определение	Масса, г	Размер, мм	Место находки, рисунок
28	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2,7	12,5 x 14	Пл.5, кв.68/69, бровка (рис.6, *12*)
29	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2,7	11,5 x 12,5	Пл.6, кв.57, (рис.6, *13*)
30	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	2,1	11,5 x 12,5	Пл.8, кв.67, (рис.6, *14*)
31	То же	ок. 200-120 гг. до н.э.	То же	1,7	13 x 14	Пл.7, кв.58, объект 2, нижний ярус вымостки (рис.6, *15*)
32	Голова бородатого сатира в плющевом венке влево / Рог изобилия, по сторонам шапки Диоскуров, увенчанные звёздами, ПАN-TI	130-125 гг. до н.э.	BMC 3, *39*; Бурачков, 1884, табл. XIX. *55–56*; Зограф, 1951, табл. XLI. *20*; Анохин, 1986, табл. 6. *175*; SNG BM, *924–925*; SNG Stancomb, *576*; Монеты Боспора, *175-3151*	2,3	14 x 15	Пл.4, кв.18, (рис.6, *16*)
33	То же	130-125 гг. до н.э.	То же	3,9	16 x 17	Пл.5, кв.42, (рис.6, *17*)
34	Голова Афины в коринфском шлеме с гребнем вправо / Прора вправо, внизу ПАN	125-110 гг. до н.э.	Бурачков, 1884, табл. XXII. *176*; Зограф, 1951, табл. XLI. *14*; Шелов, 1956, табл. VIII. *102*; Анохин, 1986, табл. 6, *183*; 2011, с. 158, *№ 1089*; SNG BM, *927*; SNG Stancomb, *581–582*; Монеты Боспора, *183-3159*	0,9	12,5	Пл.4, кв.78, (рис.6, *18*)
Фанагория						
35	Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо / Лук и стрела вправо, внизу ФА	II в. до н.э.	Бурачков, 1884, табл. XXIII. *8–11*; Зограф, 1951, табл. XLII. *13*; Шелов 1956, табл. IX. *112*; Анохин, 1986, табл. 5. *147*; 2011, с. 168, *№ 1166*; SNG BM, *990–994*; SNG Stancomb, *622*; Монеты Боспора, *147-3133*	1,5	11 x 12	Пл.3, кв.17, (рис.7, *1*)
36	Голова бородатого сатира в плющевом венке влево / Лук и стрела вправо, внизу ФА	II в. до н.э.	То же (Монеты Боспора, *147-3264*)	1,4	9,5 x 10	Пл.4, кв.34, (рис.7, *2*)
37	Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо / Лук и стрела вправо, внизу ФА	II в. до н.э.	То же (Монеты Боспора, *147-3131*)	1	11,5 x 13	Пл.5, кв.34, (рис.7, *3*)
38	То же	II в. до н.э.	То же	1	10,5 x 11,5	Пл.5, кв.33, (рис.7, *4*)
39	То же	II в. до н.э.	То же	1,6	11 x 11,5	Пл.6, кв.32, (рис.7, *5*)
40	То же	II в. до н.э.	То же	2	12 x 13	Пл.6, кв.59, (рис.7, *6*)

№ п/п	Номинал, тип	Датировка	Определение	Масса, г	Размер, мм	Место находки, рисунок
41	Голова бородатого сатира в плющевом венке / Лук и стрела вправо, внизу ФА (край обломан)	II в. до н.э.	То же	0,7	12	Пл.7, кв.12, (рис.7, *7*)
42	То же	II в. до н.э.	То же	1,3	12 x 13	Пл.8, кв.22, (рис.7, *8*)
43	Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо / Лук и стрела вправо, внизу ФА	II в. до н.э.	То же (Монеты Боспора, *147-3207*)	1,8	11,5 x 12	Пл.6, кв.57, объект 2, верхний ярус вымостки (рис.7, *9*)
44	Голова Нике вправо, слева 8-лучевая звезда / ΦΑΝΑΓΟ-ΡΙΤΩΝ, между строчками – ветвь лавра, перевязанная лентой	47/46–37 гг. до н.э.	Анохин, 1986, табл. 9. *227*; 2011, с. 170, *№ 1183*; Фролова, 1997а, табл. IIIа. *17*; Монеты Боспора, *227-3134*	4,7	12 x 16	Пл.7, кв.36, объект 2, нижний ярус вымостки (рис.7, *14*)
Амис						
45	Голова Ареса в коринфском шлеме с гребнем вправо / Меч в ножнах, AMI-[ΣOY]	100-85 гг. до н.э.	BMC 13, Pl. III. *5–6*; Imhoof-Blumer, 1912, Taf. 1. *25*; Зограф, 1951, табл. XVIII. *21*; SNG BM, *1148*; SNG Stancomb, *676–677*	5,8	19	П.М. (рис.7, *10*)
46	Голова Ареса в коринфском шлеме с гребнем вправо / Меч в ножнах, AMI-[ΣOY], слева монограмма	100-85 гг. до н.э.	BMC 13, Pl. III. *5–6*; Imhoof-Blumer, 1912, Taf. 1. *25*; Зограф, 1951, табл. XVIII. *21*; SNG BM, *1153*; SNG Stancomb, *676–677*	5,3	19,5	Пл.6, кв.33 (рис.7, *11*)
Синопа						
47	Голова Зевса в лавровом ченке вправо / Сидящий на молнии орёл, слева – монограмма, внизу [ΣI] NΩΠ[HΣ], слева монограмма	85-65 гг. до н.э.	BMC 13, Pl. XXIII. *2*; Зограф, 1951, табл. XVIII. *22*; SNG BM, *1543–1549*; SNG Stancomb, *801–803*	5,3	19	Пл.3, кв.43 (рис.7, *12*)
Анонимный обол						
48	Голова Диониса в лавровом венке вправо / Богато украшенный вертикальный горит с ремнём и луком, слева монограмма	102-70 гг. до н.э.	BMC 13, Pl. XVIII. *17*; Бурачков, 1884, табл. XXIII. *25–27*; Зограф, 1951, табл. XLIII. *23*; Анохин, 1986, табл. 8. *212*; 2011, с. 184-186, *№ 1287–1299*; SNG BM, *948–949*; SNG Stancomb, *597–604*; Монеты Боспора, *212-3041–212-3060*	13,8	25	Пл.7, кв.12 (рис.7, *13*)
Агриппия (Фанагория)						
49	8 унций (H), край скошен: Женская голова в диадеме и покрывале вправо / Прора влево, ΑΓΡΙΠ-ΠΕΩN, H	1-я пол. I в. н.э.	BMC 13, Pl. I. *1*; Бурачков, 1884, табл. XXIII. *1f*; Зограф, 1951, табл. XLV. *14*; Анохин, 1986, табл. 12. *323*; 2011, с. 170, *№ 1187–1191*; Фролова, 1997а, табл. IV. *1–23*; Монеты Боспора, *323-4083*	5,3	19,5 x 20,5	Пл.4, кв.17, (рис.8, *1*)
50	То же	1-я пол. I в. н.э.	То же	5,1	19,5 x 21,5	Пл.5, кв.14, (рис.8, *2*)
51	То же	1-я пол. I в. н.э.	То же	6,5	18 x 21	Пл.5, кв.59, (рис.8, *3*)

№ п/п	Номинал, тип	Датировка	Определение	Масса, г	Размер, мм	Место находки, рисунок
52	То же	1-я пол. I в. н.э.	BMC 13, Pl. I. *1*; Бурачков, 1884, табл. XXIII. *1f*; Зограф, 1951, табл. XLV. *14*; Анохин, 1986, табл. 12. *323*; 2011, с. 170, *№ 1187–1191*; Фролова, 1997а, табл. IV. *1–23*; Монеты Боспора, *323-4083*	4,7	19 x 22	Пл.6, кв.35а, объект 2, верхний ярус вымостки (рис.8, *4*)
Кесария (Пантикапей)						
53	8 унций (H), край обломан: Женская голова в калафе и покрывале вправо / Факел, KAI-ΣA-PE-ΩN, H	1-я пол. I в. н.э.	BMC 13, Pl. I. *2*; Бурачков, 1884, табл. XXIII. *1e*; Зограф, 1951, табл. XLV. *12*; Анохин, 1986, табл. 12. *322*; 2011, с. 162, *№ 1131–1132*; Фролова, 1997а, табл. II. *1–29*; Монеты Боспора, *322-4008*	2,8	19 x 21	Пл.2, кв.78, (рис.8, *5*)
54	То же	1-я пол. I в. н.э.	То же	5,3	19	Пл.3, кв.4, (рис.8, *6*)
55	5 унций (E): Голова Афины в шлеме вправо / Свернутая в клубок змея, справа монограмма BAE, слева – E	1-е дес. н.э.	Анохин, 1986, табл. 10. *271*; 2011, с. 196, *№ 1375*; Фролова, 1997а, табл. V. *19–21*; Монеты Боспора, *271-4009*	5,3	18 x 19	Пл.5, кв.28, (рис.8, *7*)
56	7 унций (Z): Голова Персея в крылатом шлеме влево, впереди гарпа / Герма, справа пальмовая ветвь, украшенная лентами, слева монограмма BAE, справа – Z	8/9–9/10 гг. н.э.	Бурачков, 1884, табл. XXIV. *23*; Зограф, 1951, табл. XLV. *10*; Анохин, 1986, табл. 11. *286*; 2011, с. 194, *№ 1358*; Фролова, 1997а, табл. X. *1–8*; SNG Stancomb, *965*; Монеты Боспора, *286-4014*	4,8	19 x 20	Пл.5, кв.15, (рис.8, *8*)
57	Ассарий – 12 унций (IB): Голова Гая Калигулы в венке вправо, по кругу ΓAIOY KAIΣAPOΣ ΓEPMANIKOY / Голова Аспурга вправо, слева монограмма BAP, справа внизу IB	14/15 – 37/38 гг. н.э.	BMC 13, Pl. XI. *6*; Бурачков, 1884, табл. XXVI. *88*; Зограф, 1951, табл. XLV. *17*; Анохин, 1986, табл. 12. *320*; 2011, с. 202, *№ 1422*; Фролова, 1997а, табл. XVI. *1–21*; Монеты Боспора, *320-4167*	6,6	20 x 21	Пл.8, кв.45, (рис.9, *1*)
58	Ассарий – 12 унций (IB): Голова Митридата вправо, по кругу BACIΛEΩC MIΘPIΔATOY / палица с наброшенной на неё шкурой льва, слева лук и колчан, справа – трезубец, снизу –IB	39/40–41/42 гг. н.э.	BMC 13, Pl. XI. *7*; Бурачков, 1884, табл. XXVI. *89*; Зограф, 1951, табл. XLVI. *6*; Анохин, 1986. табл. 12. *330*; 2011, с. 204, *№ 1432*; SNG Stancomb, *969*; Монеты Боспора, *330-4060*	6,8	22	Пл.4, кв.15, (рис.9, *2*)
59	То же, на аверсе по краю – кайма из рельефных маленьких точек; по краям просверлено 2 отверстия	39/40–41/42 гг. н.э.	BMC 13, Pl. XI. *7*; Бурачков, 1884, табл. XXVI. *90*; Зограф, 1951, табл. XLVI. *6*; Анохин, 1986, табл. 12. *330*; 2011, с. 204, *№ 1432*; SNG Stancomb, *969*; Монеты Боспора, *330-4060*	5,7	23	Пл.5, кв.6, (рис.9, *3*)

№ п/п	Номинал, тип	Датировка	Определение	Масса, г	Размер, мм	Место находки, рисунок
60	Ассарий – 12 унций (IB): Голова Клавдия в венке вправо, по кругу TI ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ, IB / Голова Агриппины влево, слева монограмма BAK, по кругу ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ	49–54 гг. н.э.	BMC 13, Pl. XI. *14*; Бурачков, 1884, табл. XXVII. *109*; Зограф, 1951, табл. XLVI. *9*; Анохин, 1986, табл. 13. *348*; 2011, с. 206, *№ 1450*; Фролова, 1997а, табл. XXVI. *1-14* (тип III); SNG Stancomb, *971*; Монеты Боспора, *348-4078*	5	19 x 21,5	Пл.3, кв.42, (рис.9, *4*)
61	Ассарий – 12 унций (IB): Голова Нерона вправо, по кругу ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ / Голова Агриппины влево, слева монограмма BAK, внизу IB, по кругу ΑΓΡΙΠΠΙΝΗΣ ΣΕΒΑΣΤΗΣ	54–59 (?) гг. н.э.	BMC 13, Pl. XII. *1*; Зограф, 1951, табл. XLVI. *10*; Анохин, 1986, табл. 13. *350*; 2011, с. 206, *№ 1452*; Фролова, 1997а, табл. XXVI. *21–24*; SNG Stancomb, *972*; Монеты Боспора, *350-4152*	3,9	19,5 x 20,5	Пл.4, кв.7, (рис.9, *5*)
62	Ассарий – 12 унций (IB): Голова царя вправо, справа внизу трезубец (?) по кругу BACIΛEωC… (?) / Ника с венком в руке влево (?)	86–92 гг. н.э.	Бурачков, 1884, табл. XXIX. *173–175*, *246 (?)*; Анохин, 1986, табл. 14. *384 (?)*; 2011, с. 232, *№ 1630 (?)*; SNG Stancomb, *983 (?)*; Монеты Боспора, *384-4604 (?)*	7,1	19 x 20	Пл.5, кв.35, (рис.9, *6*)
63	Статер: Бюст царя вправо, по кругу BACIΛΞωC ΘΟΘωPCOV / Бюст императора вправо, справа – царская тамга, внизу ГПФ (583 г. б.э.)	286 г. н.э.	Зограф, 1951, табл. L. *21*; Анохин, 1986, табл. 36. *731*; 2011, с. 296, *№ 2103*; Фролова, 1997б, табл. XVIII. *18*; SNG Stancomb, *1026*; Монеты Боспора, *731-4539*	7,2	18	Пл.4, кв.33, (рис.9, *7*)
64	Статер: Бюст царя вправо, по кругу BACIΛEωC PAΔAMCAΔI / Бюст императора вправо, справа палица, внизу AIX (611 г.б.э.)	314/315 гг. н.э.	Анохин, 1986, табл. 38. *759*; 2011, с. 302, *№ 2149*; Фролова, 1997б, табл. LXXXII. *9–17*; Монеты Боспора, *759-4688*	7,3	18	Пл.8, кв.40, (рис.9, *8*)
65	Неопред., фрагмент	II в. до н.э. – III в. н.э.	-	1,7	Ок. 22	Пл.5, кв.37

Список литературы

Абрамзон, 2013. Абрамзон М. Г. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1. М.

Абрамзон, Кузнецов, 2015. Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. Результаты археологических исследований. 3). М.

Абрамзон, Фролова, 2010. Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. Денежное обращение // АНК. Т. II. М.

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Анохин, 2011. Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев.

Анфимов, 1991. Анфимов И. Н. Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья (станица Старонижестеблиевская) // ВДИ 1.

Болдырев, 1999. Болдырев С. И. О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 2.

Болдырев, 2002. Болдырев С. И. Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ. 5.

Бурачков, 1884. Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Чёрного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

Голенко, 1955. Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III–II вв. до н. э. // КСИИМК. 58.

Горелый, 1996. Горелый А. В. Идентификация обрезанных боспорских монет с византийскими гирьками // РА. 1.

Зограф, 1941. Зограф А. Н. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 4.

Зограф, 1951. Зограф А. Н. Античные монеты (МИА. 16). М.–Л.

Каргин, 2016. Каргин Ю. Ю. Казаки-некрасовцы на правобережье Старой Кубани (по материалам охранных раскопок поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г.) // МАИАСК. 8. Севастополь-Тюмень-Нижневартовск.

Каргин, 2017. Каргин Ю. Ю. Монетные материалы XVII–XVIII вв. из раскопок поселения Белое Юго-Восточное в правобережье Старой Кубани в 2014 г. // Известия нижневолжских археологических экспедиций. Саратов (в печати).

Мельников, 2011. Мельников О. Н. Влияние Рима на монетное дело Боспора римского периода (16 г. до н. э. – 341/342 г. н. э.) // БФ. СПб.

Молев, 1994. Молев Е. А. Монетное дело и денежное обращение Боспора при поздних Спартокидах // Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород.

Монеты Боспора. URL: www.bosporian-kingdom.com (Дата обращения 20.02.2017).

Паромов, 1998. Паромов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1.

Смекалова 1999. Смекалова Т. Н. Персидская и дионисийская символика митридатовских монетных типов и датировка некоторых боспорских монет // БФ. СПб.

Столба, 2005. Столба В. Ф. Бронзовый чекан Митридата VI Евпатора: несколько замечаний относительно новой хронологии // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М.

Суханов, 2005. Суханов В. И. Денежный кризис на Боспоре в III в. до н. э. (новые материалы к дискуссии) // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М.

Фролова, 1970. Фролова Н. А. О денежном обращении Боспора в III в. до н. э. // СА. 4.

Фролова, 1982. Фролова Н. А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Фролова, 1984. Фролова Н. А. Монетное дело Фофорса (285–308 гг. н. э.) // СА. 2.

Фролова, 1988. Фролова Н. А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н. э. (по поводу выхода книги: В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986) // ВДИ. 2.

Фролова, 1997а. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э. М.

Фролова, 1997б. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э. М.

Фролова, 1998. Фролова Н. А. Клад боспорских монет I в. до н. э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985 гг.) // ПИФК. VI.

Чореф, 2014. Чореф М. М. Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // РАЕ. 4.

Чуистова, 1962. Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. 11.

Шелов, 1954. Шелов Д. Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. // МИА. 33.

Шелов, 1956. Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. // Причерноморье в античную эпоху. 9. М.

Шелов, 1962. Шелов Д. Б. Находки монет из Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. III.

Шелов, 1982. Шелов Д. Б. К истории обращения пантикапейских медных монет // Нумизматика античного Причерноморья. Киев.

Шувалов, 1999. Шувалов П. В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести. 6. СПб.

Яценко, 2001. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.

BMC 3. Pool R. S. (ed.). The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 3). London, 1877.

BMC 13. Wroth W. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 13). London, 1889.

Imhoof-Bliumer, 1912. Imhoof-Bliumer F. Die Küpferpregung des mithraadatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens thiezn die Taffeln I–II // Numizmatische Zeitschrift V (LXV). Wien.

Price, 1968. Price J. Mithradates VI Eupator, Dionysus, and the Coinages of the Black Sea // Numismatic Chronicle. 1968.

SNG BM. Sylloge Numorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. The British Museum. Pt 1. Price M. The Black Sea. London, 1993.

SNG Stancomb. Sylloge Numorum Graecorum. Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000.

Summary

Ju. Ju. Kargin

The coins from the «South-East Beloye» settlement's east margin on the Taman Peninsula and aspects of the site's dating

The article is devoted to the publication of 65 copper coins from the excavations of South-East Beloye settlement`s east margin on the Taman Peninsula. There is a bosporan coins` dominance of Pantikapaion and Phanagoreia production dated the Spartoks` reign (3th–2th Centuries BC) and the early Roman time (1th Century AD) in the collection. Only few coins dated the Pontic period (1th Century BC), a lot of them are exotic and refers to Amis and Sinope urban production.

The ratio of different types of coins on the South-East Beloye settlement is in conformance with currency features on the territory of Phanagoreia polis and chorus. It is in continued circulation of early coin`s types combined with latest and also in high proportion of Phanagoreia coins.

The currency features described above, the stratigraphic observation and the complex pottery analysis give the opportunity to speak about the uninterrupted living of this settlement from the second half of the 2th Century BC to the first half of the 2th Century AD, despite the political instability in the region. The absence of the earliest coins in the antique layers dated from the end of the 6th Century BC to the first half of the 4th Century BC can be attributed to underdevelopment of the monetisation and domination of the exchange in kind on the Bosporan Kindom periphery.

The main conclusion of the article is impossibility of the antique coins using as all-sufficient material for dating neither the South-East Beloye settlement nor other antique sites in Taman region.

А. К. Каспаров
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Некоторые замечания о крупном рогатом скоте в сельских поселениях эллинистического времени в Крымском Приазовье

К настоящему моменту поселения Азовского побережья Керченского полуострова дали достаточно представительный костный материал для реконструкций хозяйственной деятельности их обитателей в IV–I вв. до н. э. Прежде всего, это городища Полянка, Крутой берег, Золотое восточное (Сююрташ) и Генеральское западное. Все они, скорее всего, являлись более или менее автономными, вернее относительно самодостаточными агрохозяйственными комплексами с солидными укреплениями и протогородским типом застройки, что сильно отличало их от пригородных (ближняя хора) сельских поселений, типа Героевки или Заветного, расположенных на черноморском побережье. Напомним, что датировки наших памятников близки, но не вполне идентичны: Полянка – в целом III–I вв. до н. э., два последующих – условно III–II вв. до н. э. и, наконец, последнее – вторая четверть IV – первая треть III вв. до н. э.

Анализ типов хозяйства, исходя из процентного состава стада домашних жи–вотных на этих поселениях, уже предпринимался в некоторых предыдущих работах [Каспаров, 2010, Каспаров 2014, Каспаров, Масленников, 2016]. Настоящая публикация посвящена некоторым деталям морфологии крупного рогатого скота с этих памятников.

Коровам здесь принадлежит довольно большой процент костных остатков, что, в принципе, не характерно для эллинистического времени. Так, на Генеральском доля крупного рогатого скота составляет 40,6%, на Полянке (в слоях III–II вв. до н. э.) – 40,8%, на поселении Крутой берег – 34,0%, в Золотом восточном – 37,4%. В синхронных же слоях городов на берегу Керченского пролива тот же показатель составляет: на Мирмекии – всего 22,3%, а в Нимфее – 27,4%. По всей вероятности, это вызвано наличием в окрестностях приазовских поселений богатых пастбищных угодий и доступных источников качественной пресной воды, что сильно облегчало выпас крупного рогатого скота и делало его экономически целесообразным [Каспаров 2014, с. 232]. Возможно и другое объяснение. Так, некоторые исследователи античного хозяйства приходят к выводу, что о «милитаристической природе» поселения свидетельствует высокая доля в фаунистических материалах костных остатков коровы и свиньи [King, 1999, с. 195]. Количество остатков последней на рассматриваемых городищах примерно такое же, как

Таблица 1. Скелетные элементы крупног рогатого скота, использованные для измерений на разных памятниках

Части скелета	Количество образцов					
	Генераль-ское	Крутой Берег	Полянка	Золотое Восточное	Мирме-кий	Нимфей
Передняя метаподия	6	4	7	5	5	11
Дистальная часть плечевой	7	2	9	7	9	31
Таранная	13	13	13	20	21	34
Пяточная	7	3	7	8	8	17
Дистальная часть большой берцовой	3	12	13	27	13	47

и на поселениях/городах в зоне пролива, хотя в ряде случаев действительно несколько больше [Каспаров, 2014. с. 232], а вот доля коров, как только что было сказано, заметно выше. Учитывая, что все приазовские поселения в той или иной степени были своего рода крепостями, этот факт действительно может говорить о некоей военизированности их повседневной жизни.

Почему это так? Дело в том, что крупный рогатый скот исполнял в хозяйстве того времени несколько функций. Прежде всего, это был крупнейший источник высококачественного мяса, которое являлось в эллинистическое время более престижным, чем баранина или козлятина, и в крупных городских центрах более или менее состоятельными людьми, по-видимому, употреблялось в пищу достаточно часто. Крупные быки (вероятнее всего – волы) использовались в качестве тягловой силы и гораздо успешнее задействовались для пахоты и, особенно, для перевозки тяжелых грузов, чем не очень большие и в тоже время более дорогие лошади. В-третьих, крупный рогатый скот был основным источником кожевенного сырья. То, что кожевенное производство на памятниках Приазовья в принципе существовало, подтверждается находками первых фаланг коров со следами поперечной резки в средней части. Это, несомненно, следы снятия с животного шкуры. Наконец, коровы – это молоко и молочные продукты, занимавшие в рационе боспорян, надо думать, немалое место.

К сожалению, хорошо сохранившихся костей, пригодных для морфологического анализа, как это обычно и бывает, было найдено весьма немного. Для того, чтобы более или менее объективно оценивать сходство и различие форм домашних коров, содержавшихся на разных поселениях по пропорциям и величине какой-то одной кости, материала оказалось явно недостаточно. В таблице 1 указаны категории и количество костей, которые были промерены во всех памятниках и везде были в не единичных количествах. Вновь заметим, что, разумеется, количество их не настолько велико, чтобы обеспечить реальную статистическую достоверность полученных результатов для всей общей совокупности. Потому, строго говоря, выявленные различия касаются только самих исследованных экземпляров. Однако, по нашему мнению, и это отражает некую общую тенденцию.

Усредненные абсолютные размеры этих костей приведены в таблицах 2–6. Для сравнения использовались синхронные материалы с прибрежных городских поселений, Нимфея

Таблица 2. Промеры и индексы передних метаподий, использованных для измерений на разных памятниках

Промеры	Генеральское				Крутой Берег				Полянка				Золотое Восточное				Мирмекий				Нимфей				Скиф-ский комолый	Горо-дища Днепра	Скот Ольвии
	M	Lim	s	И *	M	Lim	s	И	M	Lim	s	И	M	Lim	s	И	M	Lim	s	И	M	Lim	s	И	По Цалкину, 1960; 1969 (только индексы)		
Общая длина	183,1	173,0-193,0	8,13	-	185,5	178,4-193,0	7,31	-	186,4	176,0-195,0	7,37	-	185,84	176,0-196,0	9,18	-	198,1	190,5-208	7,96	-	187,0	173,0-210,0	12,97	-	-	-	-
Ширина проксимального эпифиза	56,8	52,5-59,9	2,76	***31,0***	58,0	53,1-62,9	4,90	***31,3***	56,7	48,7-63,0	5,45	***30,4***	54,3	48,0-61,0	5,53	29,2	62,3	60-63,8	2,00	***31,4***	55,7	46,1-67,4	6,39	***29,8***	***28,5***	***30,1***	***30,2***
Передне-задняя ширина проксимального эпифиза	34,7	32,4-36,5	1,78	***19,0***	35,8	34-38,7	2,51	***19,3***	34,5	29,8-38,7	3,35	***18,5***	33,4	28,7-40,0	4,14	18	35,7	31,6-38,5	2,91	***18,0***	35,6	28,9-43,0	4,39	***19,0***	-	-	-
Ширина диафиза в средней части	32,1	29,8-36,3	2,57	***17,5***	31,7	28,5-36,7	4,41	***17,1***	31,4	26,8-34,0	3,05	***16,8***	29,3	24,3-34,8	3,90	15,8	34,2	30,0-37,0	3,10	***17,3***	30,8	24,5-39,7	4,03	***16,5***	***15,8***	17,2	17,2
Ширина дистального блока	58,9	52,6-66,6	5,11	***32,2***	60,2	53,9-65,7	5,95	***32,5***	59,6	51,8-67,5	5,64	***32,0***	55,6	48,2-65,7	6,49	29,9	62,2	55,0-65,6	4,86	***31,4***	58,6	51,0-69,0	5,82	***31,3***	***29,7***	***31,8***	***31,5***
Передне-задняя ширина дистального блока	30,38	28,0-33,0	1,90	***16,5***	31,0	28,9-32,7	1,93	***16,7***	31,2	28,5-33,8	2,11	***16,7***	30,4	26,7-34,5	3,01	16,4	32,8	31,0-34,2	1,34	***16,6***	30,7	26,0-37,8	3,46	***16,4***	-	-	-

* – индекс отношения к общей длине.

Таблица 3. Промеры и индексы дистальных частей плечевой, использованных для измерений на разных памятниках

Промеры	Генеральское				Крутой Берег				Полянка				Золотое Восточное				Мирмекий				Нимфей			
	M	Lim	σ	И *	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И
Ширина дистального эпифиза	82,4	70,5-97,2	8,32	-	77,3	70,7-84	9,40	-	73,1	66,9-88,2	10,16	-	72,3	64-86,5	8,28	-	84,0	74,6-90,5	5,48	-	77,3	62,8-90	6,63	-
Ширина дистального блока	75,0	66,6-82,3	5,21	91,0	69,8	64,2-75,4	7,92	90,2	69,5	63-78,5	6,55	95,1	66,7	56,2-74,8	6,37	92,3	76,6	67,9-83,2	5,61	91,2	70,7	45,4-82,1	7,33	91,5
Высота сужения дистального блока	32,6	28-37	2,70	39,6	28,7	27,2-30,2	2,12	37,1	29,6	26,6-31,9	2,41	40,5	28,2	24,9-33	2,86	39,0	32,8	28,9-37,6	2,94	39	31,5	26,3-35,5	2,46	40,8

* – индекс отношения к ширине дистального эпифиза.

Таблица 4. Промеры и индексы таранных костей, использованных для измерений на разных памятниках

Промеры	Генеральское				Крутой Берег				Полянка				Золотое Восточное				Мирмекий				Нимфей			
	M	Lim	σ	И *	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И
Длина по латеральному краю.	64,0	53,4-75,3	6,59	-	63,0	58,7-67,6	3,42	-	62,4	55,2-68,9	4,00	-	59,7	51,9-75,9	6,63	-	63,4	52,3-71,8	5,85	-	62,8	56-69,9	3,63	-
Ширина дистального блока	41,3	33,5-48,2	4,38	***64,5***	40,9	36-44,8	3,07	***64,9***	40,8	35,8-45,4	3,22	65,4	38,5	32,9-44	3,12	***64,5***	40,6	31,1-48	4,28	***64,0***	40,9	34-46	3,26	***65,1***

* – отношение ширины дистального блока к латеральной длине.

Таблица 5. Промеры и индексы пяточных костей, использованных для измерений на разных памятниках

Промеры	Генеральское				Крутой Берег				Полянка				Золотое Восточное				Мирмекий				Нимфей			
	M	Lim	σ	И *	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И
Общая длина	125,5	116,1-134,2	32,54	-	130,4	121,7-147,7	14,97	-	119,4	112,5-132,8	8,43	-	120,7	106-130,5	9,04	-	125,4	106,0-137,0	12,01	-	135,0	112,4-162,0	11,33	-
Минимальная ширина тела	16,9	13,7-19	2,12	***13,5***	17,1	15,6-18,9	1,67	13,1	15,1	15,5-17,6	3,55	***12,6***	15,4	13,2-18,5	2,00	***12,8***	17,0	13,8-20,7	2,19	***13,6***	17,2	12,9-24,3	2,67	***12,7***
Максим. ширина в перед части	42,7	38,5-46	2,78	***34,0***	42,9	41,5-45,2	1,99	32,9	39,5	33,5-45,2	3,10	***33,1***	40,6	35,7-44,8	2,94	***33,6***	44,4	36,0-51,8	6,16	***35,4***	44,1	34,2-50,8	4,38	***32,7***
Высота ростра	49,1	46-52,9	2,56	***39,1***	51,1	48,9-55,5	3,78	39,2	45,5	42,4-51,3	2,11	***38,1***	47,1	44,2-50,3	2,40	***39,0***	49,6	43,3-54,6	3,67	***39,6***	51,8	42,1-60,3	4,67	***38,4***

* – индекс отношения промера к общей длине пяточной кости.

Таблица 6. Промеры и индексы дистальных концов больших берцовых костей, использованных для измерений на разных памятниках

Промеры	Генеральское				Крутой Берег				Полянка				Золотое Восточное				Мирмекий				Нимфей			
	M	Lim	σ	И *	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И	M	Lim	σ	И
Ширина дистального эпифиза	56,1	54,0-60,0	3,41	-	57,0	48,4-64,2	4,73	-	60,3	53,3-66,1	4,44	-	56,0	47,9-64,6	4,16	-	59,4	47-66,6	5,40	-	59,3	28,6-66,9	6,02	-
передне-задний диаметр дист. эпифиза	43,1	41,2-44,1	5,52	***75,5***	42,8	36,9-50,6	4,38	***75,1***	44,7	39-49	3,09	***74,1***	42,2	35,8-50,6	3,23	***62,3***	44,8	35,7-50,6	4,02	***75,4***	45,4	23,7-52,4	4,51	***76,6***

* – отношение переднее заднего диаметра дистального эпифиза к его ширине.

Рис. 1. Степень сходства пропорций основных костей скелета крупного рогатого скота из сельских поселений Приазовья и городских полисов

и Мирмекия, как наиболее многочисленные. Затем для каждой кости исчислялись пропорциональные индексы. Они так же приводятся в тех же таблицах. То есть, прочие промеры относились к основной длине или просто к большему промеру, как в случае с таранной, большой берцовой и плечевой костями. Полученные пропорциональные показатели для каждой кости по каждому памятнику были сведены в единую таблицу. Таким образом, морфотип крупного рогатого скота с каждого поселения оказался охарактеризован большим количеством различных пропорциональных индексов по разным костям. Поскольку величина животных тоже имеет значение, в эту же таблицу были добавлены абсолютные длины таранных костей, как показатель, характеризующий абсолютный размер животного. Таранные кости были выбраны потому, что, как видно из таблицы 1, они являются наиболее многочисленными и, стало быть, отражают ситуацию наиболее достоверно.

Затем этот массив данных был обработан методом простого кластерного анализа. Полученный график представлен на рисунке 1. Видно, что наибольшее анатомическое сходство наблюдается между коровами, содержавшимися на Мирмекии и на Генеральском. К ним близко – поселение Крутой берег, несколько дальше отстоит Нимфей, а поселение Полянка заметно отличается от всех. Особняком здесь стоит и Золотое Восточное. Можно предположить, что здесь разводили какую-то другую если не породу, то, во всяком случае, форму крупного рогатого скота. Так, передние метаподии коров «Золотого восточного» оказываются относительно уже, грацильнее, чем у коров с других памятников (табл. 2). При взгляде на размах изменчивости наших небольших выборок, видно, что среди остатков коров попадаются обломки весьма мелких особей, причем здесь они встречаются чаще, чем на других памятниках. Пропорции нижнего конца большой берцовой кости у коров «Золотого восточного» тоже несколько иные: и здесь они несколько уже, чем в других местах (табл. 6). Пяточные и плечевые кости здесь вполне стандартные, а таранная по своей величине оказывается в среднем наименьшей, хотя пропорции у нее

абсолютно такие же, как и у форм с других поселений. Таким образом, корова «Золотого восточного» была в среднем меньшего размера, более тонконогая и с относительно более узким нижним концом большой берцовой кости («скифская» порода?).

По размерам таранных костей самые крупные особи оказываются в собрании с усадебного комплекса Генеральское западное, хотя коровы с Мирмекия уступают им совсем немного. Если же оценивать высоты животных в холке по длине передних метаподий, используя методику В. И. Цалкина [1960а], то средняя высота в коров на всех вышеперечисленных памятниках составляла от 110 до 115 см. А самые крупные в среднем животные (120 см) на этот раз оказываются в Мирмекии. Однако же самый крупный экземпляр в наших материалах, как видно по размаху изменчивости из таблицы 2, встречен на Нимфее. Здесь максимальная длина передней метаподии составляет 210 мм, что соответствует высоте животного 125–130 см. Для сравнения: в Европе, во II–I вв. до н. э. высота в холке крупного рогатого скота, по сообщениям некоторых авторов, была около 105 или 107 см [Kratochvil, 1987, p. 20; Boessneck, Von den Driesch et al., 1971, S. 260]. Коровы греческих поселенцев оказывались т. о., и несколько крупнее коров аборигенных, скифских пород. Средняя длина передней метаподии по всем перечисленным памятникам у нас 187,6, а у скифского комолого скота это 172,7 [Цалкин, 1960, с. 21]. Скот из Неаполя скифского тоже имеет длину метаподий в основном 177–178 мм [Цалкин, 1954, с. 271], хотя встречались и более крупные экземпляры.

Вообще, сравнивать передние метаподии скота Приазовских городищ с таковыми местных (скифских?) пород несколько затруднительно. Данные по различным формам скифского крупного рогатого скота встречаются у В. И. Цалкина в ряде работ [Цалкин, 1954; 1960; 1969], однако там приводится несколько меньше измерений и, стало быть, сравнение можно производить лишь по очень небольшому числу параметров. Этот автор брал с каждой пясти только четыре измерения: общую длину, а также ширину верхнего и нижнего эпифизов и диафиза. Таким образом, сравнение можно проводить лишь по трем индексам. Мы использовали его данные по городищам Нижнего Поднепровья, Ольвии и публикуемые им пропорции передних метаподий так называемого «скифского комолого скота» [Цалкин, 1960, с. 21; 1969, с. 132]. К сожалению, точной хронологии для всех этих форм автор не приводит. Можно лишь понять, что в целом все эти материалы относятся к эллинистическому времени. При этом он почти не публикует измерений, а приводит в своих таблицах только индексы, которые и представлены в нашей таблице 2.

Как бы там ни было, результат сравнения этих данных методом кластерного анализа выглядит следующим образом (рис. 2). Как видим, поскольку для сравнения использовались только метаподии и количество параметров было невелико, результат получился несколько иным, чем на первом графике. Однако он кое-что проясняет. Так очевидно, что коровы поселений Мирмекий, Крутой берег и Генеральское западное вновь оказываются в одной группе и весьма «похожими» друг на друга. Нимфей и Полянка тоже, по – прежнему, находятся в одной группе, а крупный рогатый скот Ольвии оказывается почти идентичным таковому со скифских поселений Нижнего Днепра, что, впрочем, вполне закономерно. Коровы «Золотого восточного» и здесь стоят на графике особняком, но при этом, как выше отмечалось, весьма похожи по пропорциям

Рис. 2. Степень сходства некоторых пропорций пястных костей крупного рогатого скота скифов, сельских поселений Приазовья и городских полисов

своих метаподий на комолый скот скифских стад. (Что, наряду с некоторыми наблюдениями иного порядка, весьма примечательно в плане этно-культурной характеристики населения этого укреплённого «городка».)

По передним метаподиям можно попытаться определить и пол животного. Существует довольно много работ, посвященных этой проблеме [Беговатов, 2011; Louise, Van Wijngaarden-Bakker, Bergstrom, 1988; Wiig, 1985]. Как показывает практика, наилучшие результаты удается получить, если соотносить уже упоминавшийся ширину нижнего конца передней метаподии с общий её длиной. Это весьма наглядно на простом графике (рис. 3), где представлены все обнаруженные целые передние метаподии коров из поселений на Азовском берегу. Видно, что точки в графическом поле распадаются как бы на три области, впрочем, достаточно близко находящиеся друг к другу. Если сравнивать наш результат с тем, который приводит Wiig [1985, p. 498] для экземпляров с известной половой принадлежностью, то можно предполагать, что самая нижняя группа из 6 точек – это самки, средние 7 точек – это волы, а верхние 9 точек – самцы-быки. Таким образом, наша выборка распадается на три примерно одинаковые группы.

Характерных следов на костях крупного рогатого скота, свидетельствующих о том, что животное ходило в ярме, которые описываются в некоторых работах [Dumitrescu, Bancetanu, 1965, p. 62; Kysely, 2015, p. 435] на Приазовских поселениях обнаружено не было. Но, видимо, лишь потому, что костный материал отсюда сильно фрагментирован, и зафиксировать их было бы затруднительно.

Одним из показателей тяжелых нагрузок, которые, испытывает животное, когда оно используется для работ, является изменение эпифизов метаподиальных костей, особенно их нижних концов, которые как бы расплющиваются и становятся относительно шире, чем в условиях обычного стадного содержания [Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997, p. 98]. Внешний вид этой патологии представлен на рисунке 4.

Рис. 3. Соотношение между максимальной длиной и шириной дистального блока передней метаподии крупного рогатого скота сельских поселений Приазовья: А – вероятно самки; Б – вероятно волы; В – вероятно самцы

Индекс ширины нижнего конца у передних метаподий оказывается наибольшим в Генеральском и на Крутом берегу (табл. 2), где он достигает значения 32,2 и 32,5 соответственно. Это говорит о том, что здесь большая часть коров использовалась не для еды (или не только для еды), а еще и для сельскохозяйственных работ – пахоты и перевозки грузов. На поселении Полянка (в слоях эллинистического времени) он равен 32,0%. Примечательно, что в городских поселениях у пролива индекс такого рода оказывается несколько меньше: в Мирмекии уже 31,4, а в Нимфее – 31,3. Это может означать, что в большей степени здесь мы имеем дело с остатками животных, которых не использовали, как тягловую силу, что, учитывая их городской статус, вполне закономерно. Значительная часть находок из Мирмекия происходит из зольников, куда отправлялись именно пищевые отбросы, то есть кости животных, забитых на мясо, а не рабочего скота, умершего естественным путем. На Нимфее основные находки тоже сделаны в большом массиве мусорных сбросов.

Наименее широкие в среднем концы дистальных частей передних метаподий оказываются у коров Золотого восточного. Здесь индекс их относительной ширины составляет всего 29,9 (табл. 2). Как уже говорилось, крупный рогатый скот на этом поселении характеризуется вообще некоторой грацильностью. Однако в целом этот показатель говорит о том, что, по всей видимости, здесь коров использовали для хозяйственных целей в меньшей степени, а в основном же как источник мяса. Хотя как тягловый скот они задействовались и здесь.

Говорить о возрастной структуре стада крупного рогатого скота на поселениях Приазовья затруднительно из-за небольшого количества материала. Животные, использовавшиеся для сельскохозяйственных работ, доживали до весьма и весьма преклонных

Рис. 4. Дистальная часть метаподии быка, расплющенная от больших нагрузок. Поселение Полянка, конец II в. до н.э.

лет. Об этом говорят найденные зубы крупных быков (возможно волов), стертые почти до корней (рис. 5).

В современных хозяйствах, например, в Румынии, тягловые волы используются в среднем до 12–15 летнего возраста, а некоторые и до 19 лет [Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997, p. 96]. Говоря о возрасте тягловых животных, J.C. Zadoks [2013, p. 85] цитирует инструкции по вспашке античного автора Гесиода, которые включают следующие наставления относительно возраста волов: «Приобретите двух волов приблизительно девяти лет, достаточно старых, чтобы избежать ссор в борозде и достаточно молодых, чтобы быть сильными тягловыми животными». Те же животные, которые забивались на мясо, погибали примерно в возрасте двух с половиной лет, поскольку после этого корова уже не растет, а качество мяса со временем будет только ухудшаться. К тому же с возрастом животное слабеет и повышается вероятность зимнего падежа из-за холода и скудного корма.

О сезонности забоя крупного рогатого скота можно приблизительно судить по высоте коронки последнего нижнего молочного зуба D_4. Суть метода в том, что животное рождается с этим зубом, который у коров имеет изначальную высоту коронки около 17 мм, и выпадает через 2 года и 10 месяцев, стершись за это время до высоты примерно 5 мм. Таким образом, за достаточно короткий срок происходит заметное изменение величины этого зуба. Если предполагать, что стирание идет равномерно, то по высоте коронки можно определить возраст животного на момент смерти с точностью до 2–3 месяцев. А учитывая, что телята у домашних коров появляются на свет обычно в марте, можно определить и сезон года, когда животное было убито. Этот метод был успешно применен T. Legg [1987] для определения сезона смерти газелей, убитых энеолитическими охотниками на Ближнем Востоке.

На наших Приазовских поселениях было обнаружено всего 15 последних молочных моляров. Измерения их дали следующие результаты: в весеннее время, примерно с марта по май погибло 8 особей, во второй половине лета (в июле – сентябре) – 5 особей и двое животных умерло в зимние месяцы, с декабря по февраль. Таким образом, основной забой коров приходился на весну и частично на вторую половину лета и раннюю осень.

Рис. 5. Третьи нижние моляры крупного рогатого скота разной степени стертости. Поселение Золотое Восточное, III–II вв. до н. э.: *А* – сильно стертые зубы старых животных; *Б*, *В* – зубы взрослых животных разной степени стертости; *Г* – практически не стертый зуб молодого животного

Подведем некоторые итоги. На сельских поселениях Крымского Приазовья и в городах на берегу Керченского пролива содержался крупный рогатый скот, несколько отличавшийся от классического скифского скота. Вероятно, коровы греческих колонистов являлись результатом скрещивания местных, аборигенных пород с особями, которые каким-то образом попали на Боспор из метрополии. Хотя таких наверняка было немного. Вероятно, также имела место и некоторая селекция, впрочем, может быть, и не всегда осознанная. Дело в том, что скот скифов – это, так или иначе, скот кочевников, который должен был «по определению» в состоянии преодолевать большие расстояния. А на греческих поселениях коров содержали в хлевах. При отсутствии такой, как у варваров, миграционной нагрузки стали выживать и особи, менее приспособленные к жизни в кочевых условиях. Скот греческих поселенцев на Боспоре был в среднем несколько крупнее скифского, менее грацилен, вероятно, несколько более тяжелого склада.

Будучи источником первосортного мяса, он, тем не менее, использовался и на сельскохозяйственных работах в качестве тягловой силы. Причем на сельских поселениях Приазовья это практиковалось, естественно, в гораздо большей степени, чем в городах. Рабочий скот мог содержаться в хозяйстве довольно долго до 15 или даже до 20 лет. Животных забивались на мясо преимущественно весной и реже в конце лета – начале осени в возрасте двух или двух с небольшим лет. Часть самцов подвергалась кастрации. Волы, как правило, вырастали до большего размера и оказывались более мощными, к тому же обладали более спокойным нравом и были легко управляемы. Говорить что-то о способах управления

запряженными в повозку быками не представляется возможным, поскольку, в отличие от лошади, у которой во рту были железные удила, воздействовавшие на передние зубы и вызывавшие их специфическое истирание, управление быками осуществлялось с помощью вожжей, привязанных к рогам или к кольцу, продетому через носовые хрящи [Ляшко, 1977; Рогудеев, 2011]. Таким образом, следов на зубах или на черепе не оставалось.

Хотя крупный рогатый скот, содержавшийся на греческих поселениях Боспора, был в целом одного типа, на различных поселениях были, видимо, какие-то свои морфологические варитеты, вполне возможно, возникшие непроизвольно. Более всего по пропорциям костей скелета оказываются похожи друг на друга поселения Крутой Берег, Генеральское и городище Мирмекий. (Первые два, хотя и в разное время, но располагались не очень далеко друг от друга, а Мирмекий мог являться тем местом, куда доставляли с них сельскохозяйственную продукцию. Но это, конечно, очень шаткое предположение.) Не раз высказывалась мысль о том, что кости домашнего скота, находимые в городских слоях, это не остатки самих животных, которые тут и разводили. В основной массе это были животные, пригнанные в города с поселений хоры на продажу или даже доставленные в виде мясных туш для последующей разделки. Если предположить, что поселение Генеральское западное – это резиденция знатного пантикапейца (царя?), то можно полагать, что он имел домовладение и в Мирмекии. Впрочем, нам совершенно неизвестен соответствующий материал из царского дворца в Пантикапее. Крутой берег в рассматриваемом плане вообще стоит особняком среди прочих Приазовских городищ [Каспаров, 2014, с. 233]. Здесь процентная доля крупного рогатого скота в стаде оказывается наименьшей. Скот эллинистического поселения Полянка по своим характеристикам более напоминает нимфейский. Но делать и из этого какие-либо выводы, даже предположительно, было бы совершенно неправомерно. Зато на Золотом восточном содержали крупный рогатый скот скифского облика. Вероятно, он использовался здесь для пахоты и перевозок в несколько меньшей степени, чем в соседних «крепостях». Возможно, здесь большую роль играло производство молока.

Список литературы

Беговатов, 2011. Беговатов Е. А. Определение пола крупного рогатого скота по пясти // Археология и естественные науки Татарстана. Т. 4. Казань.

Каспаров, 2010. Каспаров А. К. Костные остатки млекопитающих из поселения Генеральское (западное)и юго-западный склон и некоторые хозяйственные реконструкции хоры Боспора раннеэллинистического времени // ДБ. 14.

Каспаров, 2014. Каспаров А. К. Фаунистические остатки с некоторых античных сельских поселений Азовского побережья Восточного Крыма // ДБ. 18.

Каспаров, 2016. Каспаров А. К., Масленников А. А. Поселение Генеральское – хозяйственный уклад в усадьбе знатного пантикапейца // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы межд. круглого стола (22–25 ноября 2016 г.). СПб.

Ляшко, 1977. Ляшко С. Н. Использование тягловой силы быков в колесном транспорте эпохи бронзы // Древности степного Причерноморья и Крыма. № 6. Симферополь.

Рогудеев, 2011. Рогудеев В. В. Бычья упряжь и проблема происхождения колесничества в Южно-Русских степях // Археологические Записки. Донское Археологическое Общество. № 7.

Цалкин, 1854. Цалкин В. И. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского // СА. XX.

Цалкин, 1960а. Цалкин В. И. Изменчивоть метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюлл. МОИП от. биол. Т. 65. № 1.

Цалкин, 1960б. Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 53.

Цалкин, 1969. Цалкин В. И. Фауна из раскопок городищ скифского времени на среднем Дону // МИА. 151.

Bartosiewicz, Van Neer, Lentacker, 1997. Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history // Koninklijk Museum voor Midden-Afrika. Annalen Zoologische Wetenschappen. Vol. 281.

Boessneck, Von den Driesch, Meyer-Lempponau, Wechsler-von Ohlen, 1971. Boessneck J., Von den Driesch A., Meyer-Lempponau U., Wechsler-von Ohlen E. Die Tierknockenfunde aus dem Oppidum von Manching//Die Ausgrabungen in Manching.-Wiesbaden. Vol. 6.

Dumitrescu, Bancetanu, 1965. Dumitrescu V., Bancetanu T. A propos d''unsoe de charrue primitive en bois de cert decoenert dans la stabion neolithique de Cascioarele // Dacia N.S. Vol. 9.

King, 1999. King A. Diet in the Roman world: a regional inter-site comparison of the mammal bones // Journal of Roman Archaeology. Vol. 12. № 1.

Kratochvil, 1987. Kratochvil Z. Terioknochenfunde aus der Siedlung Mikulicice III (Das Hausrind) // Prirodovedne prace ustavu Ceskoslovenske akademie v Brne. Acta Sc. Nat. Brno. № 21 (11).

Kysely, 2015. Kysely R. Evidence of the use of a horn yoke in the Middle La Tene period, and an analysis of animal finds from La Tene features in the Velke Zbozi and Male Zbozi cadasters, central Bohemia // Archeologicke rozhledy. Vol. 67. № 3.

Legg, Rowley-Conwy, 1987. Legg A. J., Rowley-Conwy P. A. Gazelle killing in stone age Syria // Scientific American. Vol. 255. № 8.

Louise, Van Wijngaarden-Bakker, Bergstrom, 1988. Louise H., Van Wijngaarden-Bakker L. H., Bergstrom P. L. Estimation of the shoulder height of cattle // Archaeozoologia. Vol. 2. № 1–2.

Wiig, 1985. Wiig O. Sexing of subfossil cattle metacarpals // Acta theriologia. Vol. 30. № 21–31.

Zadoks, 2013. Zadoks J. C. Crop protection in Medieval agriculture. Studies in pre-modern organic agriculture. Leiden.

Summary

A. K. Kasparov
Some remarks on cattle from osteological materials of rural settlements of the Hellenistic period in the Crimean Azov region

The article investigates the cattle remains from four archaeological sites at the Azov coast of Crimea. This are Zolotoe Vostochnoe, Generalskoe, Krutoi Bereg and Polianka. In general, this material dates by 4–1 centuries BC. Bone remains, suitable for osteometric measurements were not numerous. Basic measurements of some bones of a postcranial skeleton were got and then by the way of ratio of measurements to each other, proportional indexes have been calculated. Then they were compared by cluster analysis method. The results reveal the similarities of cattle of Azov settlements Generalskoe, Krutoi Bereg and Polianka with such one of coastal city Nymphaion and Mirmekion. The cattle of Scythian appearance was probably kept at Zolotoe Vostochnoe settlement. The using of bulls as a draft animal during plowing and transporting goods are discussed.

М. Е. Клемешова
(Институт археологии РАН, Москва)

О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1

При проведении технико-технологического анализа лепной керамики конца VI – начала III вв. до н. э. поселения и некрополя Вестник-1[1] (Анапский район Краснодарского края) из раскопок 2010–2012 гг. по методике, разработанной А. А. Бобринским [Бобринский, 1978; Бобринский, 1999], было выяснено, что исходным пластичным сырьем для ее производства служила не только обычная глина.

Напомним, гончарная технология рассматривалась А. А. Бобринским как объект историко-культурного изучения [Бобринский, 1978, с. 3–19; Бобринский, 1999, с. 5–7], и ее анализ проводится в соответствии с выделенной и описанной им естественной структурой гончарного производства. Первая стадия этой структуры – подготовительная, включающая в себя четыре этапа: отбор, добычу, обработку исходного сырья и составление формовочной массы [Бобринский, 1999, с. 8–14]. Соответственно, первый этап технико-технологического анализа предполагает изучение исходного пластичного сырья и состава формовочных масс: определение вида сырья, степени ожелезненности, запесоченности и пластичности, состава и количества естественных и искусственно введенных минеральных и органических примесей. Исследование проводится по свежим изломам черепка под бинокулярным микроскопом МБС-10 при увеличении до 56 крат.

Изучение исходного пластичного сырья (ИПС) и анализ формовочных масс лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 позволили установить, что на памятнике присутствует керамика, изготовленная из двух разных видов этого сырья: глины и илистой глины, что говорит о различных представлениях об исходном материале и разных традициях его отбора для изготовления посуды. На основе первого вида сырья сделано 18 сосудов (13,7% от общего количества), на основе второго – 113 сосудов (86,3%).

Илистая глина как особый вид исходного пластичного сырья, была выделена И. Н. Васильевой на материалах энеолитических памятников Среднего Поволжья и Волго-Уралья при исследованиях в рамках этого же методического подхода к изучению

[1] Памятник был открыт и исследовался в 2010–2014 гг. Восточно-Боспорской экспедицией Института археологии РАН под руководством Н. И. Сударева [Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011, с. 403–411]. Анализ состава формовочных масс лепной керамики проводился в Лаборатории «История керамики» ИА РАН под руководством Ю. Б. Цетлина.

гончарной технологии [Васильева, 1999, с. 191–202; Васильева, 2002, с. 15–49]. По особенностям качественного состава она занимает промежуточное положение между илами и глинами и, по мнению исследовательницы, ее использование представляло следующий эволюционный шаг в развитии традиции отбора исходного сырья у населения, для которого ранее было характерно изготовление керамики из ила в процессе перехода от использования илов к глине [Васильева, 2005, с. 83; Васильева, 2006, с. 435–436; Васильева, 2009, с. 69–77].

Основанием для атрибуции исходного пластичного сырья большей части керамики поселения Вестник-1 как илистой глины послужило присутствие в нем естественных минеральных и органических примесей, характерных для илистых глин Поволжья и других, ранее исследованных регионов.

Перед описанием естественных составляющих сырья посуды с данного поселения необходимо обратиться к характеристике илистой глины как особого вида исходного пластичного сырья для изготовления керамики.

В начале 1990-х гг. И. Н. Васильевой было начато исследование гончарства неолитического населения Северного Прикаспия, в ходе которого был открыт новый вид сырья для изготовления неолитической керамики – ил [Васильева, 1994, с. 111]. В результате многолетней полевой и лабораторной работы было установлено значительное сходство качественного состава илов, собранных в современных водоемах, и формовочных масс неолитической керамики разных культур, выделены основные признаки, с помощью которых можно определять это сырье по археологической керамике [Бобринский, Васильева, 1998]. Было установлено, что для лепки сосудов использовался ил, накапливающийся в пресноводных закрытых водоемах или водоемах с несильным течением. В разных неолитических культурах использовались или верхние слои ила – пелоген, или донные – сапропели, имеющие отличия по качественному составу. У неолитических племен Поволжья и сопредельных территорий ил использовался как моносырье, т. е. к нему не добавлялись какие-либо непластичные примеси – шамот, дресва, песок и др., но во многих случаях было зафиксировано использование органических растворов [Бобринский, Васильева, 1998, с. 212; Васильева, 1999а, с. 83–84; Васильева, 2006, с. 432–434]. Результаты изучения неолитической керамики, состава и пластичных свойств илов позволили А. А. Бобринскому прийти к заключению, что ил являлся одним из первых естественных пластичных материалов, освоенных человеком, и одним из первых видов сырья для изготовления древнейшей керамики [Бобринский, Васильева, 1998, с. 205–214; Бобринский, 1999, с. 77–79].

В дальнейшем применение ила для изготовления неолитической керамики было выявлено на всей территории Поволжья и в Волго-Уралье [Васильева, Салугина, 2010, с. 137], в Нижнем Подонье [Васильева, 2009, с. 75], некоторых областях юга Украины, на Горном Алтае [Бобринский, Васильева, 1998, с. 193, 210, 215; Васильева, Салугина, 2010, с. 137] и при исследовании древнейшей неолитической керамики на территории России в Приамурье [Цетлин, Медведев, 2015, с. 301–304]. Эти традиции сохранялись в некоторых регионах вплоть до раннего железного века [Васильева, Салугина, 2010, с. 137; Краева, 2010, с. 87–88].

Позднее И. Н. Васильева при изучении керамики из энеолитического могильника у с. Съезжее [Васильева, 1999] выделила специфическое глинистое сырье, близкое по составу к илу, но отличавшееся от него значительно меньшей концентрацией и большей измельченностью растительных остатков водного происхождения, а также почти полным отсутствием органики животного происхождения (костей и чешуи рыб) и целых мелких раковин моллюсков, обычно содержащихся в илах. От глин его отличало наличие незначительного количества детрита – измельченных и полусгнивших растительных остатков водяных растений, некоторого количества естественной раковины и глинистых округлых комочков. При разведочном обследовании поймы Волги были обнаружены залежи такого сырья. Они располагались на границе кромки воды и берега непроточных водоемов под слоем аллювиального песка и почвы в местах, недавно освобожденных от заливания водой и представляли собой несколько уплотненную осадочную породу из ила, в котором прекратились процессы новообразования, с прибрежной глиной и песком. Данные элементы прошли уже определенные этапы смешения и диагенеза, но в силу непродолжительности по геологическому времени этого периода это сырье сохранило в себе некоторые компоненты, присущие илам. От ила его отличает большее количество глинистой составляющей. Этому сырью И. Н. Васильева дала условное название «илистая глина» [Васильева, 1999, с. 194; Васильева, 2002, с. 19–21; Васильева, 2005, с. 76–77]. Впоследствии его использование было зафиксировано и на других неолитических и энеолитических памятниках Поволжья и Приуралья, в культурах ранней, средней и поздней бронзы Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и Северного Прикаспия [Васильева, Салугина, 2010], сарматской керамики Приуралья [Краева, 2010, с. 87–88], при исследовании керамики хазарского времени из Крыма[2] [Лопатина, 2009]. По материалам античных памятников Северного Причерноморья этот вид сырья выделяется и описывается впервые.

И. Н. Васильева, основываясь на изучении керамики различных неолитических и энеолитических культур Поволжья и многослойной Варфоломеевской стоянки, содержащей слои от среднего неолита до раннего энеолита, предполагает эволюционный характер изменения традиции использования илов как исходного сырья с последующим переходом к применению илистых, а затем и простых глин. Предположительной причиной перехода к новому пластичному сырью могла быть региональная аридизация климата, высыхание традиционных источников илистого сырья, что побуждало древних гончаров к использованию сходного по свойствам, похожего на вид, но находящегося в более твердом состоянии и имевший более минеральный состав материала. Со временем это могло перерасти в традицию и привести к формированию новых взглядов на илистые глины как на пластичное сырье для изготовления посуды [Васильева, 2005, с. 83; Васильева, 2008, с. 46; Васильева, 2009, с. 70–77].

Использование илистых глин в неолите и энеолите Поволжья часто сопровождалось добавлением к ним искусственной примеси дробленой раковины. По предположению И. Н. Васильевой, это могло быть вызвано стремлением придать формовочным массам привычные свойства и внешний вид илов [Бобринский, Васильева, 1998, с. 211;

[2] Благодарю В. Ю. Коваля за разрешение упомянуть результаты этих исследований.

Бобринский, 1999, с. 78; Васильева, 2005, с. 83]. Часто фиксируется также примесь органических растворов [Васильева, 1999, с. 194; Васильева, 2002, с. 26; Васильева, 2011, с. 48–50].

В целом исследовательницей выделены следующие характерные особенности и отличия илов и илистых глин:

1. Они имеют принципиально разные условия осадконакопления. Илы связаны с литоральной береговой зоной действующих водоемов, как правило, заболоченных, непроточных их участков; илистые глины располагаются по берегам и в ложе водоемов, уже свободных от воды и доступных для разработок.

2. Ил – это водонасыщенный, неуплотненный осадок современных водоемов, обладающий текучестью, содержащий очень большое количество сгнивших и полусгнивших растений, а илистые глины – уже более уплотненные, часто увлажненные, слои и прослои.

3. Ил отражает начальную стадию формирования осадочных пород; илистая глина – уже достаточно связная осадочная порода, прошедшая определенный этап диагенеза.

4. Особенности условий и короткий период осадконакопления илистых глин существенно влияют на их качественный состав, который отличает их от обычных глин. Это отличие проявляется в полном отсутствии остатков водной и наземной растительности, а также водной фауны. Преобладающая часть залежей глин не содержит обломков раковин пресноводных моллюсков.

5. Для ила, кроме глинистого субстрата, характерны большое количество водной, подводной и наземной растительности, обломков раковин моллюсков разного размера и целые раковины, кости и чешуя рыб, червячки и личинки, обитающие в иле, значительное количество бурого железняка и нерастворившихся окатанных комочков глины, песок, иногда обломки минералов, входящих в состав осадочных пород, находившихся рядом с водоемом. Илистые глины по составу ближе к глинам, но сохраняют некоторые особенности состава илов. Растительная органика присутствует в измельченном, перегнившем виде и в меньшей концентрации, меньше и обломков раковин. Практически отсутствуют целые раковины моллюсков, кости и чешуя рыб, животная органика [Бобринский, Васильева, 1998, с. 202–204; Васильева, 2005, с. 76–77; Васильева, 2006, с. 432–434; Васильева, 2009, с. 69–70]

При микроскопическом бинокулярном исследовании исходного пластичного сырья, из которого изготовлено подавляющее число сосудов с поселения Вестник-1, был установлен следующий его состав (табл. 1).

Кроме того, для большинства фрагментов керамики характерна слоистость[3], отмечаемая как присущая изделиям из илов [Бобринский, Васильева, 1998, с. 204].

За исключением органического раствора, ни один из перечисленных компонентов не является искусственной примесью к сырью. Этот раствор фиксируется по присутствию в изломе черепков черного блестящего налета различной интенсивности, как

[5] Имеется в виду структурная многослойность, создаваемая множеством продольных удлиненных пор, перемежающихся тонкими слоями глинистого вещества и образующаяся, вероятно, во-первых, вследствие послойного образования илистых отложений на дне водоемов, во-вторых, выгорания в процессе обжига некоторой части органической составляющей илов.

Таблица 1. Состав илистых глин Поволжья, Таманского полуострова и формовочных масс лепной керамики поселения Вестник-1

	Состав илистых глин в керамике Поволжья и прилегающих регионов (по И.Н. Васильевой, 2002, 2008)	Состав формовочных масс лепной керамики поселения Вестник-1	Состав илистых глин из сборов на берегах лиманов Таманского полуострова
1	Глинистое пелитоморфное вещество	Глинистая составляющая	Глинистая составляющая
2	Песок трех фракций: 1) 0,1 мм; 2) 0,1–0,3 мм, окатанный; 3) ок. 0,5 мм, до 1 мм, окатанный	Кварцевый песок: пылевидный (ок. 20 %) в сочетании с единичными включениями слегка и сильно окатанного 0,2–0,4 мм	Кварцевый песок: пылевидный (от малого до большого количества) в сочетании с единичными включениями слегка и сильно окатанного 0,2–0,3, до 0,5 мм
3	Окатанные, иногда остроугольные фрагменты речных раковин, от менее 1 до 5 мм, до 100 вкл. на 1 кв. см	Фрагменты морских раковин: сердцевидок, мидий, песчаных ракушек; слегка окатанные, в основном 0,1–3 мм, до 4,5 мм, 1:1-1:6[4], редко менее Целые и половинки раковин мидий и букцинума, до 1,5 мм, единично (в 10 % фрагментов)	Фрагменты, единично – почти целые экземпляры морских раковин: сердцевидок, мидий, букцинума, 0,1–2,9 мм, до 7 мм, от менее 1:9 до 1:6.; в основном слегка окатанные, очень мало сильно окатанной и остроугольной
4	Растительность: детрит – в осн. менее 1 мм, редко до 2 мм, 1–2 вкл.×1 кв. см; отдельные нитевидные отпечатки водных растений – 15×0,1 мм, единично	Части стеблей волокнистых растений, 0,5–6,5 мм, 1–2 вкл. на образец (в 19,6 % фрагментов); мельчайшие растительные частицы, длиной 0,1–3, до 10 мм, шириной 0,1 мм, 2–5 вкл. на 1 кв. см (в 60 % фрагментов)	Фрагменты волокнистых стеблей и листьев 0,2–1×1–3 мм, 0–3 включения на образец; мельчайшие растительные частицы 0,1–0,7 мм длиной, до 18 включений на образец
5	Чешуя – менее 1 мм, в 1 образце из 48, кости рыб 1–2 мм – в 3 образцах из 48	Ребро рыбы, 1,5 мм, в одном фрагменте	–
6	Глинистые округлые комочки 1–3 мм, в основном плотные, изредка рыхлые	Нерастворившиеся окатанные комочки глины 0,5-13 мм (в 44,6 % образцов)	Комочки нерастворившейся глины: единично, до 17 мм
7	Бурый железняк: в основном оолитовый, 1–3 мм, иногда аморфный, более рыхлый, менее 0,5 мм	Железистые включения (оолитовые – 0,1–2 мм, слегка окатанные и обломочные – 0,1–6 мм), до 2-3 вкл. на 1 кв. см	Железистые включения: слегка окатанные (0,1-0,5 мм) и обломочные (до 1 мм), единично
8	–	Оолитовый (0,1–0,3 мм) и обломочный (до 0,6 мм) известняк (15–30 % всего состава формовочной массы). Представляет собой скелетные остатки водорослей, раковин фораминифер, оолитов цианобактериального происхождения и частиц органогенного известняка.[5] Единично – фрагменты слегка окатанного мелкозернистого известняка 0,3–2 мм хемогенного происхождения	–
9	–	Органический раствор (в 76,9 % фрагментов)	–

[4] По шкале оценки концентрации раковины, разработанной Н.Ю. Петровой [Петрова, 2016].

[5] Минералого-петрографический анализ керамики произведен ведущим научным сотрудником Всероссийского научно-исследовательского института минерального сырья (ФГБУ «ВИМС») С.В. Соколовым, определение минерализованной флоры и фауны сделано главным научным сотрудником Геологического института РАН Т.Н. Херасковой.

правило, слабого, иногда с жирноватым блеском, и отдельных сгустков черного, блестящего хрупкого вещества во впадинах. Примесь раковины была определена как естественная по признакам, описанным в работах Н. П. Салугиной и И. Н. Васильевой, и наблюдающихся в эталонах с раковиной, находящихся в лаборатории истории керамики Института археологии РАН. Это отсутствие следов дробления, степень окатанности раковины, цвет и степень сохранности поверхности ее включений, размеры, равномерность распределения раковины в черепке [Васильева, 1999, с. 192, 194; Васильева, 2002, с. 18, 21; Салугина, 2006, с. 379–381].

Совокупность и характер естественных составляющих этого сырья позволили отнести его к илистым глинам, но происходящим из прибрежной зоны морских или приморских водоемов. В ходе дальнейшего исследования возникло предположение, что для изготовления керамики могла использоваться илистая глина из топких мест по берегам лиманов, в большом количестве имеющихся по берегам Азовского и Черного морей. Для проверки были собраны образцы глин, илистых глин и илов с берегов и со дна некоторых лиманов Таманского полуострова и Таманского залива. Из них были сделаны прямоугольные брикеты 30×10 мм, обожженные затем в муфельной печи в окислительной среде при t 500˚ и 850˚ С. Свежие изломы этих образцов были изучены под бинокулярным микроскопом.

Выяснилось, что образцы илистых глин, собранные по берегам лиманов Таманского залива, имеют близкий с керамикой из илистых глин поселения Вестник-1 состав естественных компонентов (табл. 1; рис. 1–3).

По предварительным наблюдениям, размер и количество включений примеси раковины в изученных образцах различается в зависимости от близости места сбора сырья к берегу водоема и давности нахождения раковины в почве, не являющейся уже дном лимана. Наибольшее количество фрагментов раковины и наиболее крупные их размеры характерны для участков, только что освободившихся от воды, еще сильно увлажненных, заболоченных. С такого места происходит образец илистой глины с регулярными включениями на 1 см^2 раковины до 4, 5 и 6 мм с максимальными размерами до 10, 5 мм. Меньшее количество и размеры включений встречены в сырье, собранном на кромке берега лимана (рис. 2), на 1 см^2: менее 0,5 мм – средне, 0,5–0,9 мм – 20 шт., 1–1,9 мм – 9 шт., 2–2,9 мм – 0–2 шт., максимальные включения – до 7 мм. И самое незначительное количество раковины обнаружено в отложениях в 7–10 м от берега (рис. 3а–б), на 1 см^2: менее 0,5 мм – мало, 0,5–0,9 мм – 3 шт., 1–1,9 мм – 1 шт., 2–2,9 мм – 1 шт., максимальные включения – до 2 мм[6].

Слоистость, наблюдаемая в образцах керамики поселения Вестник-1, присутствовала в образцах ила со дна лиманов и в несколько меньшей степени – в образцах илистой глины, собранной в местах, переставших быть дном лимана очень непродолжительное время назад (в течение текущего летнего сезона) и содержащих большое количество фрагментов и целых раковин с регулярными включениями экземпляров 1–6 мм.

[6] По шкале оценки концентрации раковины [Петрова, 2016, с. 65–67] ее содержание в описываемых образцах илистых глин – от менее 1:9 до 1:6. В данной статье приводится дробный подсчет количества включений раковины разного размера на 1 кв.см с целью сравнения степени измельченности раковины в образцах илистых глинах в зависимости от мест залегания и в археологической керамике.

Рис. 1*а*, *б*. Фотографии свежих изломов керамики поселения Вестник-1
(рис. 1а – 1 деление = 0,5 мм)

В собранных образцах отсутствовала примесь оолитового и обломочного известняка, что, вероятно, объясняется различиями осадочных пород, присущих берегам конкретных водоемов. Для района поселения Вестник-1 характерны значительные залежи органогенного известняка, в античное время используемые для добычи строительного камня.

В силу большого сходства компонентов илистых глин из пересыхающих или пересохших участков лиманов и заливов Таманского полуострова с составом формовочных масс лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 представляется, что подобное сырье действительно использовалось древним населением для изготовления керамики. Большая распространенность и несложность добычи обеспечивали возможность его использования. Для данного вида сырья характерно то, что по своей естественной увлажненности и природному органо-минеральному составу оно находится в состоянии, позволяющем использовать его практически без дополнительной подготовки, за исключением подсушивания в случае наличия излишней влаги, промешивания и отбора наиболее грубых частиц. Оно очень пластично, примесь раковины играет роль естественного отощителя; может быть, подвергнуто низкотемпературному обжигу, при котором примесь раковины не создает эффекта дутика и не разрушает готовый сосуд.

Надо отметить, что примерно для 40% рассматриваемой керамики характерна естественная примесь раковины в большем количестве, чем это максимально зафиксировано в собранных на данный момент образцах илистых глин – до концентрации 1:1 (примесь фрагментов раковины 0,5–0,9 мм до 49 включений на 1 кв. см). Возможно, это объясняется особенностями накопления раковины в различных местах водоемов и на прилегающих к ним участках берега и, безусловно, этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Илистая глина в керамике поселения и некрополя Вестник-1 в основном (в 85,8% случаев) использовалась, как моносырье, т. е. при приготовлении формовочной массы к ней, помимо органического раствора, не добавлялись никакие искусственные примеси. Традиция составления формовочной массы из илистой глины на этом памятнике, таким образом, является в основном несмешанной, т. е. не носит следов смешения

с другими гончарными традициями. Лишь в 14,2% случаев керамика из илистой глины была изготовлена в смешанных традициях – с добавлением примеси шамота и дресвы, что являлось проявлением смешения традиций составления формовочных масс из илистой глины и из глины с шамотом или дресвой, также зафиксированных на Вестнике-1.

Рис. 2. Образец илистой глины с естественной примесью раковины с берега лимана на Таманском полуострове. Сбор на кромке берега, омываемой водой. 1 деление = 0,5 мм

Присутствие в природном глинистом сырье значительной естественной примеси мелкой раковины говорит о том, что термин «керамика с примесью дробленой (или толченой) раковины», часто используемый археологами-антиковедами при описании лепной керамики, далеко не всегда применяется верно. Он отражает, конечно, не результат микроскопического исследования формовочной массы сосуда, а просто факт наличия в черепке визуально различимой примеси раковины и представление о том, что она может быть только искусственной добавкой. На деле же этому описанию могут соответствовать две разные, хотя и, предположительно, близкие по происхождению [Бобринский, Васильева, 1998, с. 211; Бобринский, 1999, с. 78; Васильева, 2005, с. 83; Васильева, 2009, с. 72, 77] гончарные традиции – использования илистой глины с естественной примесью раковины и глины с примесью дробленой раковины, что важно разделять, поскольку их носителями являются различные группы древнего населения.

Факт массового использования илистой глины как исходного пластичного сырья для изготовления лепной керамики на памятнике античного времени в юго-восточной части Таманского полуострова, дает возможность говорить о наличии здесь данной традиции в раннем железном веке. Согласно античным авторам и большинству исследователей, эта область входила в состав древней Синдики, и установление существовавших на ее территории традиций изготовления лепной керамики расширяет наши знания о местных племенах.

Наличие большого количества лепных сосудов из данного вида сырья на поселении Вестник-1, позволяет сделать некоторые предположения.

Во-первых, поскольку трудно представить, что вся эта керамика была привезена на поселение откуда-то извне, нужно исходить из того, что, по крайней мере, большая ее часть была изготовлена непосредственно на поселении, следовательно, из сырья из местных источников. В настоящее время поселение Вестник-1 находится на расстоянии примерно 12, 19 и 16 км от ближайших к нему лиманов – Витязевского, Старотитаровского и Курчанского. Морские побережья Черного и Азовского морей находятся еще дальше (рис. 4). Через хутор Вестник протекает неширокий ручей, в некоторых местах имеются выходы родников, примерно в 6,5 км к северу протекает Кубань, и это единственные имеющиеся сейчас естественные водные источники вблизи поселения

Рис. 3а, б. Образец илистой глины с естественной примесью раковины с берега лимана на Таманском полуострове. Сбор в 7 м от края берега. 1 деление = 0,5 мм

(в 1 км от хутора находится небольшой искусственный пруд, вырытый в 19 в.). Земли в радиусе более 3 км вокруг хутора заняты в основном огородами и полями с двухметровым слоем чернозема; следов древнего лимана или другого водоема, на берегах которого могли бы находиться отложения илистой глины с примесью морской раковины, в настоящее время не наблюдается. Значительное же количество керамики из такого сырья, обнаруженной на поселении, позволяет предположить, что в античное время такой водоем вблизи всё же имелся. Эта гипотеза согласуется с мнением ряда исследователей о существовании в этот период здесь второго морского пролива, соединявшего Черное и Азовское моря (Боспор Кубанский) [Журавлев, Шлотцауэр, Кельтербаум, Поротов, 2009, с. 122–126, рис. 1; Журавлев, Кельтербаум, Поротов, Шлотцауэр, 2011, с. 106–114, рис. 1, 2; Журавлев, Шлотцауэр, 2014. с. 151–154, рис. 1].

Согласно А. А. Бобринскому, при постоянном проживании на одном месте гончары, как правило, пользуются одними и теми же залежами глины. Источники же сырья располагались обычно в радиусе нескольких километров от деревни, а нередко и на ее окраине [Бобринский, 1978, с. 76]. По этнографическим данным [Цетлин, 2012, с. 60–61] для гончаров наиболее характерно использование источников глинистого сырья, находящихся на расстоянии до 1–2 км от места проживания мастера, реже – до 10 и даже до 50 км. Предполагаю, что в случае с добычей илистой глины для изготовления керамики поселения Вестник-1, которая собиралась и использовалась в естественно увлажненном, уже готовом для лепки состоянии, расстояние до места ее сбора вряд ли превышало вышеуказанные 2 км. Длительная транспортировка могла приводить к излишнему пересыханию сырья. Кроме того, поскольку сырьё для изготовления посуды было предметом традиционной, регулярной необходимости для основной части жителей поселения, само место для его основания выбиралось, скорее всего, в пределах близкой досягаемости глинищ.

Следует уточнить, что на Таманском полуострове есть как лиманы с соленой морской водой (у косы Тузла, Маркитанское озеро, Витязевский, Кизилташский, Цокур-лиманы), так и с пресной, с некоторой примесью соленой (Большой Ахтанизовский, Старотитаровский, Курчанский и др.). Некоторые виды моллюсков, обитающих в них,

Рис. 4. Местоположение поселения Вестник-1 в юго-восточной части Таманского полуострова

живут как в морской, так и в пресной воде с примесью морской (сердцевидки). Другие – близки между собой по внешним характеристикам (различные виды мидий), поэтому по мелким фрагментам раковин, обнаруживаемым в археологической керамике, пока сложно определить, из каких именно водоемов она происходит.

Во-вторых, если исходить из того, что гипотеза И. Н. Васильевой об эволюционном характере перехода использования древним населением Поволжья и Волго-Уралья исходного пластичного сырья по линии «илы – илистые глины – глины» верна и предполагать, что она может быть справедлива и для других регионов, можно сделать очень осторожные предположения о происхождении населения поселения Вестник-1, изготавливавшего керамику из илистой глины с естественной примесью морской раковины. По предположению А. А. Бобринского, культурные традиции, связанные с использованием пластичных неглинистых материалов (птичьего помета, пресноводных моллюсков с раковинами, навоза животных) в качестве основного компонента формовочной массы сосудов, отражают особенности хозяйственной деятельности, существовавшей ко времени зарождения гончарства в разных группах древнего населения. [Бобринский, 1978, с. 70–71]. То есть традиция использования птичьего помета могла сложиться у населения лесной зоны Восточной Европы, занятого преимущественно собирательством и охотой, знания о клейких свойствах пресноводных моллюсков могли присутствовать прежде всего у населения, деятельность которого была связана с речным промыслом, с рыболовством, использование навоза животных можно предполагать у населения,

знакомого со скотоводством [Бобринский, 1978, с. 70–71]. Дальнейшее смешение традиций составления формовочных масс для изготовления керамики связано было уже с перемещением и смешением различных групп населения [Бобринский, 1978, с. 71–73, 89–99]. Знание свойств залежей илов и илистых глин, относящихся к морским и приморским водоемам, можно предполагать, таким образом, прежде всего в среде тех древних коллективов, чья жизнедеятельность издавна была связана с морем и прибрежными районами.

Большая часть керамики из илистой глины поселения Вестник-1 (97 сосудов – 85,8% ото всей керамики из илистой глины и 74% ото всей керамики, исследованной на памятнике) изготовлена в несмешанной традиции. В силу этого можно предположить, что предки людей, оставивших эту керамику, могли «смешиваться» ранее только с носителями такой же традиции (использования илистой глины с естественной примесью морской раковины) и исторически принадлежать к населению, не пришедшему из глубинных материковых областей, а проживавшему здесь же или мигрировавшему вдоль морского побережья.

Список литературы

Бобринский, 1978. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.

Бобринский, 1999. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара.

Бобринский, Васильева 1998. Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Васильева, 1994. Васильева И. Н. Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжья // Тезисы докладов международной конференции по применению естественно-научных методов в археологии. СПб.

Васильева, 1999. Васильева И. Н. Технология керамики энеолитического могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. III. Оренбург.

Васильева, 1999а. Васильева И. Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. 1. Самара.

Васильева, 2002. Васильева И. Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. 2. Самара.

Васильева, 2005. Васильева И. Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезжинского и I–II Хвалынских могильников // РА. 3.

Васильева, 2006. Васильева И. Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. 4. Самара.

Васильева, 2008. Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Орловской стоянки // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара.

Васильева, 2009. Васильева И. Н. Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург.

Васильева, 2011. Васильева И. Н. Гончарная технология неолитического населения Самарского Поволжья (по материалам стоянки Лебяжинка V) // Археологические памятники Восточной Европы. 14. Воронеж.

Васильева, Салугина, 2010. Васильева И. Н., Салугина Н. П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // Краеведческие записки. XV. Самара.

Журавлев, Шлотцауэр, Кельтербаум, Поротов, 2009. Журавлев Д. В., Шлотцауэр У., Кельтербаум Д., Поротов А. В. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Журавлев, Кельтербаум, Поротов, Шлотцауэр, 2011. Журавлев Д. В., Кельтербаум Д., Поротов А. В., Шлотцауэр У. Боспор Кубанский // XII Боспорские чтения. Керчь.

Журавлев, Шлотцауэр, 2014. Журавлев Д. В., Шлотцауэр У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М.

Краева, 2010. Краева Л. А. Историко-культурные процессы в Южном Приуралье в VI–I вв. до н. э. (по результатам технологического анализа керамики) // Материалы II международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2010». Актобе.

Лопатина, 2009. Лопатина О. А. Технологические особенности керамики хазарского времени в Крыму (работы С. Г. Бочарова и В. Ю. Коваля) // Архив лаборатории истории керамики Института археологии РАН.

Петрова, 2016. Петрова Н. Ю. Оценка концентрации дробленой раковины моллюсков в формовочной массе глиняных сосудов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции. СПб.

Салугина, 2006. Салугина Н. П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Материалы Всероссийского археологического съезда. II. Новосибирск.

Цетлин, 2012. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.

Цетлин, Медведев, 2015. Цетлин Ю. Б., Медведев В. Е. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. л. н.) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум 29–31 октября 2013 г. М.

Чевелев, Кашаев, Сударев, 2011. Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // БЧ. XII.

Summary

M. E. Klemeshova
On the results of the study in raw materials used for making moulded ceramic from the settlement and necropolis Vestnik-1

This article presents some results of the study in raw materials used for making moulded ceramic from the excavation of the settlement and necropolis Vestnik-1 situated in Anapa Krasnodar region dated from the end of the VI to the beginning of the III c. BC. The study was carried out using technological analysis method developed by A.A. Bobrinsky. It has been stated that the largest part of ceramic was made of silty clay with natural inclusion of sea shell fragments. The deposits of this raw materials are characteristic of limans and gulfs coasts. This fact allowed the author to suppose that a water body of this kind existed in antique period near Vestnik-1 settlement. A great number of ceramic made of this kind of raw material respecting the unmixed pottery tradition (with no sign of other pottery tradition) makes it possible to suppose the sea coast origin of its makers.

А. В. Ковальчук
(ИА РАН, Москва)

Горгиппийские черепицы. Группа керамид с клеймами Ἀρχεία[1]

В настоящее время на Боспоре принято выделять, по меньшей мере, три локальных группы боспорской черепицы, обозначаемых по месту ее производства, – пантикапейской, фанагорийской и горгиппийской [Алексеева, 1997, с. 177; Зеест, 1966, с. 52–59; Шелов, 1954, с. 122–123, 125–130]. Некоторые исследователи допускают также изготовление и существование отдельного типа черепиц в Гермонассе, Кепах [Зеест, 1966, с. 59] и, возможно, других городах Боспорского региона [Шелов, 1954, с. 130].

Анализ трех признаков – метрических параметров, конструктивных особенностей и расположения клейма на поле черепиц – позволяет нам утверждать, что в европейской части Боспорского царства существовал единый (пантикапейский) тип черепиц, отличающийся высокой стандартизацией всех вышеуказанных признаков. Также можно констатировать производство черепицы в Фанагории. Что касается остальной части азиатского Боспора, то попытки выделить отдельный тип в Гермонассе, Кепах и других местных полисах в эллинистическое время, по-видимому, пока еще не имеют должного основания и достаточного количества фактического материала.

Несколько иная ситуация сложилась с горгиппийскими черепицами.

Вопрос о производстве черепиц в античное время в Горгиппии впервые был поставлен В. Д. Блаватским [1951, с. 247] и В. Ф. Гайдукевичем [1947, с. 24–26], последний отнес к данному центру два клейма – βασιλικὴ / διὰ Βατά(κου) и βασιλικὴ / διὰ Νουμη(νίου). Впоследствии Д.Б. Шелов описал состав глины и выделил некоторые особенности морфологии горгиппийских черепиц, а именно: отсутствие т.н. «зуба» на нижней части черепиц, а также дополнил группу оттисков из Горгиппии клеймом с легендой Σπαρτόκου [1954, с. 125–126]. Метрические и конструктивные особенности черепиц из Горгиппии в общих чертах обрисовала И. Б. Зеест [1966, с. 59].

За последние 50 лет в ходе археологических исследований в Анапе и ближайших окрестностях был накоплен значительный материал, позволяющий утверждать, что в данном районе широко встречаются черепицы как пантикапейского производства, так и группа черепиц местной выработки, которая практически неизвестна за пределами этого региона.

[1] Статья выполнена в рамках работы над грантом РГНФ № 16-31-01101«Организация производства строительных материалов на Боспоре в IV–II вв. до н. э.»

Согласно петрографическим исследованиям, проведенных С.Ю. Внуковым, клейменая черепица, произведенная в Анапе, представляет собой единую петрографическую группу, значительно отличающуюся по глине от черепиц, сделанных в других частях Боспорского царства. Горгиппийская глина обычно имеет темно-оранжевый (кирпичный) цвет, насыщена кварцевым песком и слюдой, для нее также характерно наличие «обломков светлых осадочных и плутонических пород зерна входящих в них минералов» [Внуков, 2006, с. 90].

Еще одной особенностью горгиппийских черепиц является необычное размещение клейм на керамиде. В отличие от пантикапейских, на которых клейма отпечатывались практически всегда в строго определенном месте – у верхнего края черепиц, у т.н. «зуба», на расстоянии не более 5 см от него, в Горгиппии не существовало четко фиксированного места наложения штампов. Они зачастую отпечатаны по середине керамиды, иногда – у нижнего края рядом с валиком.

Вопрос датировки горгиппийских черепичных клейм в большинстве случаев в связи с недостатком материала и отсутствием закрытых узко датируемых комплексов остается отрытым [Кац, 2007, с. 335]. В настоящее время мы можем только утверждать, что производство клейменых черепиц в данном регионе началось не позднее последней четверти IV в. до н. э. и продолжалось на протяжении III в. до н. э.

Сейчас достаточно надежно к группе черепиц горгиппийского производства отнесены керамиды со следующими штампами: Ἀρχεία, Βός, Γορ(γίππου), Γορ/ γίπ/ πο/ υ, Δημητρίου, Εὐμήλου, Σπαρτόκου, Βασιλικὴ, Βασιλικὴ/ διὰ Βατά(κου), Βασιλικὴ/ διὰ Νουμη(νίου), Βασιλικὴ/ διὰ Σωσ(ίου).

Среди сотни клейменых черепиц, найденных на территории современной Анапы и ее ближайших окрестностей нам известно тринадцать плоских черепиц (керамид) с клеймами Ἀρχεία.

Они представляют для нас особенный интерес по целому ряду причин. Во-первых, часть клейм впервые вводятся в научный оборот, во-вторых, некоторые из них сохранились на целых керамидах, что позволяет судить о размерах горгиппийской продукции, в-третьих, надпись в легенде отличается многообразием штампов и дает нам имя владельца мастерской, впервые встречающееся в боспорской ономастике. Наконец, большая часть керамид происходит из раскопок некрополя, что позволяет их более-менее точно датировать.

Среди данных клейм на основании палеографии, размеров и стилистических особенностей можно выделить оттиски, отпечатанные четырьмя разными штампами.

Штамп 1 (рис. 1. *1*)

АРХ retro

Длина – 5,1 см, ширина – 2,8 см, высота букв – 2,1 см. Буквы вырезаны ретроградно, толщина гаст – 0,2 см. *Альфа* с прямой перекладиной, широкая *хи* с утолщениями на концах гаст.

Известно два клейма, одно найдено в Анапе в 1981 г. (оп. № 63), второе – в ближайших окрестностях – в 1972 г. в Джемете (АМ[2] 9949)

[2] Анапский музей (АМ).

Штамп 1 по всем параметрам (размеры клейма, букв, направление надписи), за исключением длины надписи, совершенно идентичен штампу 2.

Штамп 2 (рис. 1. *2*)

АРХЕІА retro

Длина – 9,2 см, ширина – 3,0 см, высота букв – 2,4 см. Буквы вырезаны ретроградно, с широкими гастами (толщина – 0,35 см). *Альфа* немного приподнята над строкой по сравнению с остальными буквами, *хи* наклонена влево, у *эпсилона* средняя гаста короче остальных.

Известно пять клейм, все происходят из Анапы (1991 г. «Улица Терская» оп. 32 погр. 48 КМ 11397/ 10; 1982 г. «старый аэропорт» АМ 10914/ 3 А-4773; 1988 г. КМ 8741/ 8; 1989 г. оп. 58; 1989 г. оп. 99 КМ 11397/ 10; 1989 г. оп. 108 КМ 11398/ 10).

Некоторые оттиски опубликованы В. И. Кацем [2015, № 1880, 1883, 1885], он же приводит часть клейм, оттиск которых этим штампом нам не удалось проверить [Кац, 2015, № 1875, 1877–1879, 1882, 1886–1888]. Сюда же попали некоторых фрагментарные оттиски штампа 3 [Кац, 2015, № 1876, 1881, 1884]

Штамп 3 (рис. 1, *3*)

АРХЕІА retro

Длина – 9,0 см, ширина – 2,8 см, высота букв – 2,1 см. Буквы вырезаны ретроградно, толщина гаст – 0,2 см. *Альфа* и *хи* расположены выше остальных букв. *Альфа* с прямой горизонтальной перекладиной. Широкая *хи*.

Исполнение штампа 3 близко к штампу 2, отличаются только размеры клейма и расположение букв в поле оттиска.

В Анапском музее хранится шесть клейм, выполненных данным штампом, найденных в Анапе в 1981 г. оп. № 63, АМ 10914/ 3 А-4773; 1982 г. «старый аэропорт» погр. 2 АМ 10914/ 3 А-4774; Кап. 1983 г. оп. 37 КМ 6883/ 16; 1988 г. оп. № 501 КМ 11397/ 6).

Один неизвестный нам оттиск опубликован В. И. Кацем [2015, № 1890], второй является клеймом штампа 2 [2015, № 1889]

Штамп 4 (рис. 1, *4*)

АРХЕІ(А)

Длина – 8,5 см, ширина – 3,0 см, высота букв – 1,8 см. Буквы вырезаны прямо, имеют утолщения на концах гаст. *Альфа* с прямой горизонтальной перекладиной, у *ро* полукружие приближающееся к кругу, *хи* повернута влево на 45 градусов, у *эпсилона* все гасты равны по длине.

Известно три клейма, два находятся в фондах Анапского музея (1986 г. оп. № 278, КМ 11362/ 12, 1991 г. «улица Терская» оп. 23 КМ 10102/ 28), одно Е. М. Придик видел в Новороссийском музее [Подготовительный вариант IosPE III. № 7].

Два клейма опубликовано В. И. Кацем [2015, № 1872–1873].

Таким образом, штампы различаются направлением надписи, размерами поля клейма, высотой букв, палеографией. Что касается палеографии, то самым поздним по времени является штамп 4. Бросается в глаза его некоторая декоративность – гасты букв тонкие, заметны утолщения на концах, буква *хи* завалена влево. В целом, тонкость букв и утолщения на концах гаст, узкие *эпсилон* и *ро* характерны для III в. до н. э., что мы наблюдаем и в боспорских лапидарных надписях, и на черепичных оттисках [Болтунова, Книпович, 1962, с. 9, 13].

Рис. 1. Штампы черепиц с легендой АРХЕІА

Таблица 1. Метрические характеристики черепиц с клеймами Ἀρχεία

Место хранения	Длина	Ширина	Ширина бортика	Высота зуба	Ширина валика	Расстояние до валика	Клеймо
Анапа, 1991	61,5	50,5	3,0	4,6	1,6	3,0	Ἀρχεία
КМ 8741/ 8 Анапа	61,5	42,5 сохр.	3,0	4,6	1,2	3,0	Ἀρχεία

Из выше перечисленных клейм два оттиска штампа 3 (Анапа 1991 г. оп. № 32; АМ 8741/ 8) сохранились отпечатанными на целых черепицах (рис. 2). Керамиды по морфологии очень близки пантикапейским. Они имеют все характерные особенности этой группы: пазы, валик и т.н. зуб. Однако по размерам несколько отличаются от пантикапейского стандарта. Длина больше (61,5 см вместо 60,0 см), значительно толще бортики (3,0 см, обычный размер – 2,0–2,5 см), что должно было также отразиться и на ширине калиптеров, кроме того, очень большое расстояние до валика (3,0 см при стандарте 1,0–2,5 см). Вероятно, такое расположение валика и, соответственно, большее захождение одной керамиды на другую, компенсировалось несколько большей длиной черепицы.

Две указанных черепицы метрически идентичны (табл. 1), что выделяет их среди метрически неоднородной группы черепиц горгиппийского производства. По всей видимости, они были либо выпушены в одной мастерской, либо предназначались для одной крыши.

Три керамиды с клеймами Ἀρχεία были найдены при раскопках некрополя.

Одна из вышеописанных целых черепиц (оп. № 32) была использована при сооружении черепичного заклада погребения 16, исследованного на ул. Терской в 1991 году. Заклад был сооружен из двух клейменных керамид со штампом Ἀρχεία (оп. № 32) и с сильно затертым оттиском (предположительно Εὐμήλου) и одной керамиды с отпечатком ладони. Погребальный инвентарь представлен тремя бисеринами синего стекла, красноглиняным кувшином, унгвентарием, фрагментом «бронзового инструмента» и железным ножом [Р–1, № 16050, с. 94].

Однако большинство вышеуказанных черепиц с легендой Ἀρχεία происходят не из закрытых комплексов, а из археологических слоев, которые зачастую имеют широкую датировку в пределах столетия. Однако, не смотря на это, определенный интерес представляет материал, найденный в слое на одинаковой глубине.

Так, например, в 1988–1989 годах на раскопе «Горком» на кв. III на глубине 220–240 в слое серо-коричневого суглинка были обнаружены черепицы с клеймами Ἀρχεία (оп. № 106), Μητρο/ δώρου (оп. № 100) и Βασιλικὴ (оп. № 107). Из кв. 128 с глубины 220–240 происходят три клейма на керамидах с легендами Ἀρχεία (оп. № 108), Βασιλικη (оп. 109) и Εὐμήλου (оп. № 110). На кв. 157 (глубина 210–240) оттиск Ἀρχεία (оп. № 501) был найден с родосскими клеймами эпонима Сосикла (оп. № 502) и фабриканта Антимаха (оп. № 503), работавших в 180–150 гг. до н. э. и 220–180 гг. до н. э. соответственно. Таким образом, сопутствующий материал дает нам довольно широкую дату с конца IV в. до н.э. по начало II в. до н. э.

В 1981 году на раскопе «Заповедник» исследовались остатки рухнувшей кровли помещения 72 [Алексеева, 1997, с. 47], среди обломков которой были обнаружены клейма

Рис. 2. Черепица с легендой АРХЕІА

с легендами Гор(γίππου), Ἀρχεία, Βός, а также клейма Перисада I и Евмела, по мнению В.И. Каца, сооружение кровли следует относить к первым годам правления Спартока III на рубеже IV–III вв. до н. э. [Кац, 2007, с. 335]. Автор раскопок, однако, связывает данное помещение с домом 10, возникшим после гибели в пожаре дома 10 "а" в третьей четверти III в. до н.э. [Алексеева, 1997, с. 122]. В самом помещении 72 были найдены монеты, датирующиеся с 330 по 75 гг. до н. э., с преобладанием монет III в. до н. э. Однако возникновение кровли следует все же относить ко времени возведения помещения 72, т. е. к третьей четверти III в. до н. э., что, однако, не исключает использование при ее сооружении черепиц более раннего времени. Но эта дата является для нас terminus ante quem для датировки черепиц с легендой Ἀρχεία.

Таким образом, учитывая археологические и палеографические данные, черепицы данной группы следует относить ко времени с конца IV по третью четверть III вв. до н. э.

Рассмотрим содержание клейма.

Если предположить, что в легенде оттиснуто имя фабриканта или владельца мастерской, то по аналогии с другими клеймами и сложившейся на Боспоре практикой клеймения оно должно стоять в родительном падеже единственном числе. Так, на горгиппийских черепицах этого же периода нам известны оттиски с легендами Δημητρίου, Εὐμήλου, Μητρο/ δώρου (retro), Σπαρ/ τόκου, а на черепицах пантикапейского производства – Αἰσχύλου, Ὀρχάμου, Παιρισάδου, Σπαρτόκου.

Учитывая указанные факты, ʻΑρχεία по форме может быть только родительной формой мужского имени Ἀρχείας (Архий). В. И. Кац [2007, с. 335] читает в легенде имя фабриканта Arche(---).

По эпиграфическим памятникам это имя зафиксировано только на территории Беотии – в Орхомене и Теспиях – в III в. до н. э [Fraser, Matthews, 2005, p. 69]. В Орхомене в монастырском водостоке был обнаружен пьедестал из серого мрамора, обломанный с правой стороны. На его верхней части находились два довольно глубоких квадратных отверстия, передняя и правая стороны сверху и снизу имели выступающие края, на

пьедестале высечено «Антикрат, сын Архия и Мита Артемиде Илифии». Надпись опубликована В. В. Латышевым [IG VII. № 3214], датируется по палеографии и аналогии первыми двумя десятилетиями III в. до н. э. [Amandry, Spyropoulos, 1974, p. 180]. В данном случае имя Архий (Ἀρχείος) стоит в родительном падеже и дает нам форму на -ος.

В Теспиях был найден список эфебов, направленных из родного города для несения военной службы в основную армию. Надпись датируется 245–235 гг. до н. э. В этом списке значится имя Архия, сына Тейсикона. Имя стоит в именительном падеже и имеет форму Ἀρχείας [Plassard, 1946, p. 478].

Среди личных имен Северного Причерноморья имя Архий не встречается [Fraser, Matthews, 2004, p. 52]. Лапидарных надписей III в. до н. э., происходящих из Горгиппии, у нас немного. К этому периоду относится только список имен победителей в спортивных состязаниях (КБН № 1137). Большинство имен этой надписи являются чисто греческими. Однако некоторые имена представлены в списке в дорической форме, в том числе три из них – Σκύθης, Βάβας, [Βά]ττας имеют в родительном падеже дорическое окончание на –α. Хотя доминирующая часть имен имеют формы известные из ионического диалекта или койне. Этот факт объясняется принадлежностью отмеченных имен переселенцам из дорийских областей и их потомкам (КБН, с. 676).

Отметим, что в случае с именем Архий, мы имеем дело с мужским именем с основой на -ᾱ, которые в Nom. Sg. могут иметь окончание -ᾱς или -ης. Подобные имена образуют в Gen. Sg. формы на -ᾱο, откуда в аркадо-киприотских диалектах появляются формы на -ᾱυ или на -ᾱ, а в ионийских на -εω, -ω [Buck, 1955, p. 87–88].

Еще один вариант прочтения легенды упоминает в своей монографии В. И. Кац. Он пишет, что Б. Н. Граков предполагал, что легенда клейма указывала на принадлежность данной группы черепиц правительственному зданию, где располагались власти города Горгиппии [Кац, 2015, I.3.3].

В данном случае легенда клейма рассматривается как производное от существительного – τὸ ʼαρχεῖον. В письменных источниках и эпиграфике τὸ ʼαρχεῖον имеет несколько значений. Наиболее употребительное – это здание, в котором заседает правительство, правительственное здание, резиденция, магистрат. Аналогом ему в латинском языке является слово regia. Так, Ксенофонт в «Киропедии», рассказывая о государственном устройстве персов, пишет: “Есть у персов так называемая Свободная площадь, на которой высятся царский дворец (τά βασίλεια) и другие официальные здания (τἆλλα ʼαρχεῖα)” (Xen. Cyr. I, II, 3).

Среди греческого материала нам известно большое количество клейменых черепиц, в легенде которых указывается, для какого здания они предназначались. Так, в Пергаме найдены клейменые черепицы, произведенные для покрытия крыш стен, в Спарте и Мегалополисе – для сканотеки и стои, в Клосе для общественных бань, в Селинунте для театра. Если проанализировать все эти клейма, то мы увидим, что обозначение постройки, для которой предназначалась производимая черепица, во всех указанных случаях стоит в родительном падеже. Получается, что, если бы группа черепиц с клеймами из Горгиппии была бы произведена для покрытия крыш официальных зданий, то мы, по-видимому, прочитали бы в легенде клейма слово τοῦ ἀρχείου или τῶν ἀρχείων.

Возможен еще один вариант прочтения данного клейма. Дело в том, что ΑΡΧΕΙΑ может также быть прилагательным женского рода, стоящим в Nom. Sg. В данном случае, ближайшим и прямым аналогом ему на боспорских черепицах являются клейма βασιλική, βασιλικός. Все оттиски ʼαρχεία стоят на плоских черепицах – керамидах, и также как и при прилагательном βασιλική, в данном случае подразумевается существительное κεραμίς.

Отметим, однако, широкую географию находок черепиц с этими клеймами и отсутствие других данных (археографических и эпиграфических) о наличие подобного здания в Горгиппии. Все это заставляет нас в настоящий момент придерживаться точки зрения, что, не смотря на редкость употребления данного имени даже в Греции и отсутствие до настоящего времени имен, стоящих в Gen. doricus на боспорской черепице III в. до н. э., по-видимому, в легенде горгиппийских черепиц следует читать имя Архий.

Список литературы

Алексеева, 1997. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.

Блаватский, 1951. Блаватский Д. Б. Разведки в Анапе // КСИИМК. XXXVII.

Болтунова, Книпович, 1962. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III.

Внуков, 2006. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II вв. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.

Гайдукевич, 1947. Гайдукевич В. Ф. Некоторые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. XVII.

Зеест, 1966. Ред. Зеест И. Б. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ. Вып. Г 1–20.

Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. XVIII.

Кац, 2015. Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов.

Шелов, 1954. Шелов Д. Б. К истории керамического производства на Боспоре // СА. XXI.

Amandry, Spyropoulos, 1974. Amandry P., Spyropoulos Th. Monuments chorégiques d'Orchomène de Béothie // BCH. 98–1.

Buck, 1955. Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago.

Fraser, Matthews, 2005. Fraser P. M., Matthews E. Lexicon of Greek Personal Names IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford

Plassart, 1946. Plassart A. Listes de neuveaux mobilisables thespiens // BCH. 70–1.

Summary

A.V. Kovalchuk
The tiles from Gorgippia. Group of tile with the stamps ‘Αρχεία

The article «The tiles from Gorgippia. Group of tile with the stamps ‘Αρχεία» examines the history of researches of the stamped tiles from Gorgippia, the names that can be read in the stamps, the particular morphology and metric parameters of the local tiles. Special attention is paid to the series of stamps with the legend «‘Αρχεία», which can be interpreted as a name Archias. This name is rare not only in Bosporus, but even in Greece. The first time the name was used in III century B.C in Genitivus Doricus of the bosporian tile.

Г. А. Ломтадзе*, В. М. Пожидаев, В. П. Толстиков*****
*(*Государственный Исторический музей,*
***НИЦ «Курчатовский институт»,*
****ГМИИ им. А.С. Пушкина)*

Исследования остатков содержимого тарных амфор позднеклассического времени из раскопок Пантикапея

В полевом сезоне 2015 года в ходе раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на вершине горы Митридат (раскоп НВМ) было обнаружено скопление амфор различных центров производства (объект № 54), датирующихся в пределах 80-х гг. IV в. до н. э. (рис. 1). Поскольку исследование этого комплекса еще не закончено, сказать что-либо определенное относительно его назначения не представляется возможным. С одной стороны, нет никаких сомнений, что первоначально амфоры были целыми, что позволяет характеризовать его как склад. С другой стороны, расположение амфорного склада на склоне, без остатков каких-либо ограждающих или перекрывающих конструкций вызывает справедливые сомнения (рис. 2). Этому интересному объекту уже была посвящена небольшая предварительная публикация [Толстиков, Ломтадзе, 2016]. В ней было отмечено, что в некоторых сосудах были зафиксированы остатки смолистого вещества, предположительно содержимого амфор [Толстиков, Ломтадзе 2016, ссылка 5]. В 2016 году эти вещества были извлечены из амфор и исследованы в НИЦ «Курчатовский Институт».

Историография изучения органических остатков, сохранившихся в древних тарных сосудах достаточно обширна. На сегодняшний день хорошо известно, что внутренность подобных амфор часто покрывали смолой для предохранения просачивания вина или масла наружу, для чего обычно использовалась смола сосны или мастикового дерева[1]. Сами сосуды затыкали деревянными, кожаными или глиняными пробками и заливали их для герметичности смолой (иногда горловину амфор замазывали смесью гипса и смолы).[2]

---

[1] Масти́ка – ароматическая смола мастикового дерева (Pistacia lentiscus) выделяется при подсочке стволов или крупных ветвей в виде вязкой жидкости, при высыхании образует золотистые прозрачные капли. Она традиционно производится на греческом острове Хиос, откуда происходит местное название «слёзы Хиоса». Торговая марка «Мастика» (смола) закреплена за Хиосом [Блинова и др., 1990]. Хиосская мастика популярна с античных времен, и остается высокодоходным продуктом благодаря косметическому, фармацевтическому и промышленному применению. Она состоит на 90% из смолы, богатой резенами и смоляными кислотами, главным образом, мороновой и олеаноловой, которые относятся к разряду тритерпеновых соединений.

[2] В недавней работе А. А. Завойкина и Т. Г. Шавыриной авторами был сделан вывод, что большая часть про-

Рис. 1. Часть расчищенных в 2015 амфор из комплекса № 54

Смола добавлялась и в само вино,[3] для предохранения от скисания и придания специфического аромата. Импорт смолы для нанесения покрытий на внутренние поверхности амфор для вина был известен в Сирии [Mayerson, 2004]. С приходом Птолемеев и римлян начали использовать смолу для покрытия внутренних стенок амфор в древнем Египте [Lucas, Harris, 1962; Murray, et al., 2000]. Сосуды, заполненные смолой, были зарегистрированы среди грузов в ряде кораблекрушений: например, девять мендейских амфор, заполненных хвойной смолой, были найдены на месте крушения небольшого каботажного судна в V в. до н. э. у западного побережья Турции [Carlson, 2003].

В 1930 г. при раскопках Таманского городища было обнаружено большое количество глиняных сосудов, «стенки которых изнутри покрыты тонким блестящим слоем смолистого вещества»… «назначение этого слоя, по всей вероятности, сделать сосуд неспо-

бок для керамической тары делалась из слабо обожженной глины, которая плотно облепляла горло сосуда [Завойкин, Шавырина, 2013, с. 238]. Но даже в этом случае, как нам представляется, пробку необходимо было дополнительно герметизировать, учитывая долгий путь амфор до потребителя в трюме корабля.

[3] Добавление смолы в вино – одна из старейших виноторговых традиций мира – была распространена в древности в большинстве винных районах Европы и Азии. В настоящее же время смоляные вина производит исключительно Греция. Слово «рецина» по-гречески означает «смола». А добавление смолы в вино называется «рецинорование». Добавление смолы в вино разрешено исключительно греческим виноделам для вин из местных сортов винограда. Добавка смолы в вино не должна превышать 10 граммов на литр. По европейским требованиям допускается добавка смолы не более 0,5–1,5 грамма на литр. Сегодня для этого используется исключительно смола аллепской пинии. Аллепская пиния – сосна Аллепская (Pinus halepensis) – хвойное дерево семейства Сосновые (Pinaceae), имеет состав смоляных кислот характерный для семейства сосновых.

Рис. 2. Профиль западного борта раскопа НВМ с местом расположения комплекса № 54

собным к пропусканию или впитыванию жидкостей через стенки» [Ляпушкин, 1941; Плетнева, 1963]. На основе визуального анализа авторы сделали вывод, что, «отмеченное вещество имеет сходные признаки с живицей – смолой, вытекающей из хвойных деревьев» [Ляпушкин, 1941]. В 1952–1954 гг. Таманская экспедиция Института Археологии АН СССР под руководством акад. Б. А. Рыбакова обнаружила многочисленные обломки красноглиняных кувшинов, которые изнутри были покрыты «тонким слоем черного смолистого вещества, предохранявшего жидкости внутри от испарения» [Кострин, 1967]. Экстракция смолистого вещества бензолом и четыреххлористым углеродом и последующий качественный люминесцентный анализ при УФ облучении показал, что растворы экстрактов имеют «определенно выраженную голубую флуоресценцию с молочным оттенком, в то время как растворы живицы флуоресцировали слабым светло-зеленым цветом. Как показали дальнейшие исследования, оттенки такого свечения дают тяжелые нефтепродукты и, в частности, высокоплавкие битумы. На этом основании, авторы предположили, что обнаруженные сосуды использовались для хранения и транспортировки нефти, а покрытия на них образовались в результате адсорбции тяжелых фракций углеводородов стенками глиняных сосудов [Кострин, 1967]. Смолы Pistacia в покрытиях глиняных сосудов были обнаружены и исследованы в работах ряда других авторов [Barton, et al., 1956; Monaco, et al., 1973; Mangoni, et al., 1982; Marner, et al., 1991; Mills, White, 1989; Papageorgiou, et al., 1997]. Состав археологических смол является обычно более сложным чем современные смолы Pistacia из-за образования новых соединений, продуктов деградации. Одним из таких веществ является – 28-норолеан-1-ен-3-он – пятициклический тритерпеновый углеводород, который, вероятно, образуется из кислот смолы Pistacia в результате декарбоксилирования с последующей миграцией атома водорода при термической обработке [Pastorova, 1997]. В 2003 г. группа исследователей опубликовала результаты изучения смолистых отложений на внутренних

поверхностях черепков Ханаанских амфор, найденных на раскопках древнеегипетского поселения Телль эль-Амарна на восточном берегу Нила, датируемых 1364–1347 гг. до н. э. Остатки смолы извлекали дихлорметаном, метилировали диазометаном и анализировали методом ГХ–МС. Были обнаружены различные тритерпеноиды: мороновая, олеаноловая, мастикодиеноловая смоляные кислоты и было предположено, что для покрытия внутренних поверхностей амфор была использована смола Фисташкового дерева (Pistacia, family Anacardiaceae).

В 2008 г. впервые был успешно применен метод анализа древних ДНК, выделенных из стенок двух 2400-летних амфор, найденных в Эгейском море на месте кораблекрушения около греческого острова Хиос [Hansson, Foley, 2008]. Полученные результаты показали, что фрагменты древних ДНК могут сохраняться, в адсорбированном виде, на внутренних стенках амфор. ДНК анализом было установлено, что одну из амфор использовали для перевозки оливкового масла. На стенках второй амфоры были обнаружены частицы смолы мастикового дерева. Мастиковое дерево или Фисташка мастиковая (Pistacia lentiscus) – растение семейства Сумаховые (Anacardiaceae). Южная часть острова Хиос была основным и, возможно, единственным источником высококачественной мастики в древнем мире, которая впервые была описана римским философом Плинием, около 60 г. до н. э. [Boardman, 1955; Boardman, 1967]. Смолу мастики в древности добавляли в хиосские вина для исключительного вкуса [Barron J. 1986], предотвращения процессов окисления вина [Andrikopoulos, et al., 2003] и подавления микробной активности [Koutsoudaki, et al., 2005]. Авторы исследования содержимого амфор предположили, что вторую амфору использовали или для транспортировки самой мастики, или для перевозки вина [Hansson, Foley., 2008]. Смолой, возможно, покрывали внутреннюю поверхность амфор для герметизации или добавляли в вино с целью его консервации. ДНК анализ, однако, не обнаружил следов виноградного вина ни в амфорах, ни в смоле, вероятно, в результате полной деградации вина из-за более высокой растворимости в воде по сравнению с оливковым маслом или смолой.

Природные смолы в древности использовали не только в их естественной форме, но часто подвергали термической обработке и процессам перегонки, чтобы получить более плотные и клейкие материалы, называемые гудронами, пеками или твердыми смолами [Serpico, White, 2000; Connan, Nissenbaum, 2003]. Термические процедуры, применяемые к натуральным смолам и смолистой древесине, глубоко изменяют химический состав оригинального материала. Термически обработанные смолы из различных пород древесины применялись в различных регионах Европы и Средиземноморья [Pollard, Heron, 1996; Serpico, White, 2000; Koller, et al., 2001; Regert, et al., 1998, Regert, et al., 2003; Colombini, Giachi, et al., 2003; Robinson, et al., 1987; Colombini, Colombo, et al., 2005]. Одним из многих применений таких смол является покрытие внутренних поверхностей амфор, в результате чего они могут быть использованы для транспортировки и хранения жидкостей, таких как вино и рыбный соус [Peacock, Williams, 1986]. Обнаружение некоторых специфических соединений – биомаркеров помогает в идентификации ботанических источников, из которых твердая смола или пек были получены; например, наличие абиетиновой, пимаровой и дегидроабиетиновой кислот свидетельствует об использовании дитерпеновых смол семейства сосновых [Pollard, Heron,

1996; Serpico, White, 2000]. В то время как присутствие пентациклических тритерпеноидных структур, таких как мороновая и олеаноловая кислоты указывает на смолы рода Pistacia [Serpico, White, 2000; Stern, et al., 2003; Colombini, Modugno, et al., 2000].

Термическое воздействие на дитерпеноидные смолы семейства сосновых может привести к образованию ретена и других дегидрированных трициклических углеводородов наряду с метиловым эфиром дегидроабиетиновой кислоты [Pollard, Heron, 1996; Serpico, White, 2000; Connan, Nissenbaum, 2003; Colombini, Giachi, et al., 2003]. Так, в 2010 г. группа исследователей представила результаты изучения покрытий на черепках четырех сосудов VI в. до н. э. из Навкратиса (Египет), на которых они обнаружили отложения хвойной смолы, которая могла быть остатками покрытия стенок или содержимым самих сосудов [Stacey, et al., 2010]. Проведенный ГХ–МС анализ показал, что основными веществами остатков являются производные смоляных кислот: метиловый эфир дегидроабиетиновой кислоты, дегидроабиетиновая, 7-гидрокси-дегидроабиетиновая и 7-оксо-дегидроабиетиновая кислоты. Эти соединения являются типичными составляющими смол хвойных пород деревьев, в частности, семейства Pinaceae (сосны) [Pastorova, et al., 1997]. Кроме этого, все образцы содержали большое количество ретена. Это стабильное ароматическое соединение может образоваться из абиетиновых смоляных кислот только при сильном нагревании, например, в производстве пековой смолы из древесины или смолы. Кроме ретена, также присутствовали: абиетатриен и тетрагидроретен [Egenberg, Glastrup, 1999; Beck, et al., 1994]. Присутствие в образцах смолы – метилового эфира дегидроабиетиновой кислоты, предполагает использование хвойной древесины, а не только смолы в качестве сырья для производства пека [Beck, et al., 1990], поскольку образование эфиров смоляных кислот требует присутствия метанола и кислотного катализатора, которые выделяются при пиролизе древесины [Faix, et al., 1990]. Полученные результаты показали, что темно-коричневые или черные липкие отложения на внутренних стенках всех четырех сосудов представляли собой сосновый смоляной пек. Ключевой вопрос интерпретации этих отложений – являются ли остатки оригиналом содержимого сосуда или представляют собой покрытия внутренней поверхности, для авторов остался открытым. Аналогичные вопросы возникали при изучении пчелиного воска, обнаруженного в южно-аравийских амфорах [Porter, et al., 2009], а также при исследовании смолы, содержащейся в ханаанских амфорах, найденных на месте кораблекрушения [Stern, et al., 2008]. Применение пека для гидроизоляции корпусов судов было распространенной практикой в древности [Gibbins, 2001], и, возможно, в сосудах хранилась смола для подобного использования в порту Навкратиса.

Органические остатки из керамического сосуда, найденного при раскопках на территории Египта, исследованные методом ГХ–МС [Modugno, et al., 2006; Facchetti, et al., 2012], показали наличие пчелиного воска, животного жира и сосновой смолы. Сосновая смола была идентифицирована по присутствию дитерпеноидных соединений: дидегидроабиетиновой, дегидроабиетиновой, 7-оксо-дегидроабиетиновой и 7-оксо-абиетиновой кислот. Жировая фракция состояла из монокарбоновых (C_{12}-C_{28}, с преобладанием $C_{16:0}$ и $C_{18:0}$), дикарбоновых, моно – и дигидрокси жирных кислот. Наличие линейных и разветвленных монокарбоновых жирных кислот с 15–17 атомами углерода предполагало наличие животного жира [Buckley, et al., 2001, Buckley, 2004; Evershed, et al., 2002].

Рис. 3. Амфоры из комплекса № 54, из которых были взяты образцы

Пчелиный воск был идентифицирован по высокому содержанию пальмитиновой кислоты ($C_{16:0}$) и присутствию н-спиртов, содержащих 24–32 атома углерода [Colombini, Modugno, 2009; Ribechini, et al., 2009]. Это позволило высказать гипотезу об использовании этого сосуда для приготовления бальзама в практике мумификации тел [Buckley, et al., 2001, Buckley, 2004; Serpico, White, 2000].

Методом ГХ–МС были исследованы археологические смолистые материалы в органических остатках 53 керамических сосудов, найденных на месте кораблекрушений юго-западнее Фаюма (Египет) и в этрусской и римской гавани в Сан Россоре (Пиза, Италия) [Colombini, Modugno, et al., 2005]. Для анализа образцы соскабливали с поверхности керамики, экстрагировали дихлорметаном и омыляли водно-спиртовым КОН. Нейтральные органические соединения экстрагировали н-гексаном. После подкисления, органические соединения извлекали эфиром и дериватизировали [Colombini, Giachi, et al., 2003, Colombini, Giachi, et al., 2005]. Проведенные исследования показали, что основными компонентами кислотной фракции являются трициклические дитерпены – производные абиетиновой кислоты: дегидроабиетиновая, 15-гидрокси-7-оксодегидроабиетиновая кислоты, 15-гидроксидегидроабиетиновая кислоты и метиловый эфир дегидроабиетиновой кислоты, что позволило идентифицировать эти остатки, как сосновую смолу. В нейтральной фракции обнаружены ароматизированные дитерпены такие как ретен, тетрагидроретен, 18-норабиета-8,11,13-триен, 19-норабиета-4,8,11,13-тетраен и 19-норабиета-8,11,13-триен. Эти вещества являются продуктами реакций дегидрирования, деметилирования и декарбоксилирования, происходящих в процессе получения твердой смолы из сосновой живицы. Присутствие

Таблица 1

№ п/п	Образец	Центр производства	Примечание
1	№ 54 и 54/2	Хиос	Толстиков, Ломтадзе, 2016, с. 479, рис. 9, *3*; 11, *3*. (Рис. 3, *1*).
2	№ 18	Фасос	Толстиков, Ломтадзе, 2016, с. 473, 478, рис. 8, *4*; 10, *5*. (Рис. 3, *2*).
3	№ 32	Фасос	Фрагментирована, неопубликована. Аналогична: Толстиков, Ломтадзе, 2016, с. 473, 478, рис. 8, *4,5*; 10, *4, 5*.
4	№ 34	Менда	Фрагментирована, неопубликована. Аналогична: Толстиков, Ломтадзе, 2016, с. 479, рис. 9, *5*; 11, *4*.
5	№ 16	Пепарет	Фрагментирована, неопубликована. Аналогична: Толстиков, Ломтадзе, 2016, с. 478-479, рис. 9, *1-2*; 11, *1-2*.
6	№ 25	Пепарет	Толстиков, Ломтадзе, 2016, с. 478-479, рис. 9, *2*; 11, *2*. (Рис. 3, *3*).

метилового эфира дегидроабиетиновой кислоты говорит о том, что пиролиз живичной смолы осуществлялся в присутствии остатков древесины, так как это соединение образуется при жесткой термообработке в присутствии метанола, образовавшегося в процессе пиролиза древесины [Pollard, Heron, 1996].

Конечно же, специалисты при изучении содержимого тарных сосудов, сталкиваются не только с остатками смолы. В недавних исследованиях кораблекрушения у побережья Турции, датируемого VI в. до н. э., в осадке на дне амфор были обнаружены виноградные косточки. На этом основании авторы предположили, что сосуды использовались для перевозки вина [Greene, et al., 2008].

Недавно на Таманском полуострове была обнаружена протофасосская амфора (V в. до н. э.), заполненная плотным битумом. Идентификация битума была проведена с использованием методов Фурье-спектрометрии ультравысокого разрешения и масс-спектрометрии. Этими методами были обнаружены продукты деградации битума в течение 2500 летнего пребывания в амфоре и предложены схемы процессов деградации [Kostyukevich, et al., 2016].

Исследуемые нами образцы были отобраны из амфор разных центров производства (рис. 3, *таблица 1*):

Они представляли собой неоднородные по цвету порошки, от светло-серого до темно-коричневого оттенков. Все образцы были отобраны с помощью шпателя, не прибегая к процедуре соскабливания со стенок, что позволяет отнести их к остаткам содержимого сосудов, а не соединениям, адсорбированным на внутренней поверхности.

Визуальный осмотр образцов показал, что некоторые из них представляют собой застывшую стекловидную массу. Особенно хорошо это видно на фото образца № 54, часть которого представляет собой прозрачную стекловидную массу, внешне напоминающую янтарь темно-коричневого цвета (рис. 4).

На первом этапе исследования была определена температура плавления образцов 32 и 54, которая находилась в интервале 110–130 °C (для сравнения температура плавления Хиосской мастики 60–100 °C; сосновой канифоли 100–130 °C).

Далее навески образцов №№ 32 и 54 экстрагировали смесью растворителей хлороформ-метанол (2:1) в УЗ-ванне (50 °C, 120 мин). Образцы растворились полностью, образуя растворы темно-коричневого цвета, это позволяет предположить, что это остатки

Рис. 4. Фото образцов № 54 (слева) и № 32 (справа) содержимого амфор

содержимого сосудов, а не кусочки материала стенок амфор с адсорбированными на них веществами. Остатки содержимого являются органическими соединениями, а темно-коричневый цвет, вероятно, результат наличия продуктов осмоления в процессе длительного захоронения. Проведение экстракции остатков содержимого других амфор показало, что образцы №№ 54/2 и 34 также полностью растворяются в описанных выше условиях, в то время как образцы №№ 16, 18, 25 полностью не растворились. Нерастворимая часть этих образцов представляет собой, вероятно, частицы грунта, попавшие в амфоры через трещины или известь, которую использовали для закупорки сосудов.

Для дальнейшего анализа состава органических остатков из амфор их обрабатывали по следующей схеме (рис. 5).

Рис. 5. Схема обработки органических остатков из амфор

Таблица 2

N п/п	Соединение	Достоверность,%	$t_{R,\ мин}$	Относительное содержание, %						
	Образец №	-	-	**54**	**54/2**	**32**	**34**	**25**	**16**	**18**
1	1,7-Диметилфенантрен	96	25.8	1.5	1.6	2.2	2.5	1.9	1.4	1.5
2	2-Метил-13-изопропил-фенантрен	97	26.4	3.6	3.4	2.8	3.1	2.6	3.3	3.0
3	1-Метил-7-изопропил-фенантрен (Ретен)	96	29.4	17.9	18.1	16.9	17.7	17.5	16.9	17.5
4	1,3-Диметил-8-изопропил-фенантрен	96	30.7	4.7	4.5	3.9	4.3	4.0	3.9	3.8
5	Метиловый эфир Дегидроабиетатиновой кислоты	95	31.2	15.9	15.6	14.9	16.2	16.6	15.3	15.6
6	Абиетиновая кислота	95	31.9	3.9	4.0	4.0	4.6	4.5	3.9	4.2
7	Дегидроабиетиновая кислота	96	32.7	39.7	38.8	37.9	38.4	39.3	37.7	38.6
8	7-Оксо-дегидроабиетиновая кислота	94	34.3	3.3	3.4	3.0	3.6	3.4	3.2	3.5
9	7-Гидрокси-дегидроабиетиновая кислота	93	36.8	4.2	4.0	3.9	4.5	4.7	4.5	4.3

После растворения в бензоле органические экстракты (1) обрабатывали 5% раствором водной щелочи (KOH), органический слой промывали водой и отбрасывали. К водно-щелочному раствору добавляли 5% водный раствор борной кислоты до pH=5 и экстрагировали органические соединения бензолом. Бензольный слой (2) отделяли на делительной воронке, промывали водой и упаривали до сухого остатка. Сухой остаток растворяли в смеси хлороформ-метанол (2:1) и этерифицировали метанолом для получения метиловых эфиров жирных (МЭЖК) и смоляных кислот (МЭСК). Полученные таким образом различные фракции анализировали методом ГХ–МС.

Типичная хроматограмма экстракта (1) на капиллярной колонке DB-5ms приведена на рис. 6.

Идентификацию осуществляли сравнением масс-спектров соединений с библиотечными масс-спектрами (NIST 11 2011/EPA/NIH) (*Таблица 2*).

ГХ–МС анализ экстрактов остатков содержимого амфор в бензоле, показал, что в них присутствуют трициклические дитерпеноидные соединения, производные абиетиновой кислоты, характерные для смол семейства сосновых. В их составе содержатся около 18% Ретена (1-метил, 7-изопропил фенатрена), другие производные метил-, изопропил фенантрена, а также 11–16% метилового эфира дегидроабиетиновой кислоты.

В составе экстрактов парафиновые углеводороды нефтяного происхождения не были обнаружены, что позволяет исключить версию использования амфор для хранения и транспортировки нефти или битума.

В бензольном извлечении кислотной фракции (2), после этерификации метиловым спиртом обнаружены только метиловые эфиры смоляных кислот: дегидроабиетиновой и абиетиновой кислот, а также их окисленных производных 7-оксо-дегидроабиетиновой и 7-гидрокси-дегидро-абиетиновой кислот. Абиетиновая и дегидроабиетиновая кислоты – наиболее известные смоляные кислот, преобладающие в составе канифоли.

Рис. 6. Хроматограмма экстракта (1) остатка содержимого амфоры № 32 (Фасос). ***1*** – 1,7-Диметилфенантрен; ***2*** – 2-Метил-13-изопропил-фенантрен; ***3*** – 1-Метил-7-изопропил-фенантрен (Ретен); ***4*** – 1,3-Диметил-8-изопропил-фенантрен; ***5*** – Метиловый эфир Дегидроабиетатиновой кислоты; ***6*** – Абиетиновая кислота; ***7*** – Дегидроабиетиновая кислота; ***8*** – 7-оксо-дегидроабиетиновая кислота; ***9*** – 7-Гидрокси-дегидро-абиетиновая кислота

Канифоль имеет растительное происхождение и получается из живицы – смолистого вещества хвойных пород деревьев: сосны, ели, кедра или лиственницы при термической обработке. В результате такой обработки из живицы удаляются летучие соединения. По литературным данным, канифоль растворима в органических растворителях (спирте, ацетоне, эфире, бензоле, хлороформе), но нерастворима в воде. Температура плавления зависит от состава (источника) и колеблется в пределах 100–130 °С. Как уже отмечалось выше, температура плавления образцов №№ 54 и 32 находится в пределах 110–130 °С.

Присутствие даже следовых количеств пентациклических тритерпеноидных структур, таких, как производные мороновой и олеаноловой кислот, обнаружено не было, что позволяет утверждать об отсутствии в составе остатков содержимого амфор смолы мастикового дерева (Pistacia lentiscus). На этом основании можно исключить использование обнаруженных амфор для хранения и транспортировки хиосской мастики, а также других смол деревьев семейства Pistacia lentiscus.

В составе продуктов метилирования бензольных экстрактов (2) исследуемой смолы присутствия метиловых эфиров жирных кислот (МЭЖК) парафинового ряда (миристиновой, пальмитиновой, стеариновой, олеиновой, линолевой, линоленовой и др.) также не было обнаружено, что позволяет исключить использование этих амфор для хранения и транспорта оливкового масла и других растительных масел или животных жиров.

По данным ГХ–МС в составе остатков содержимого амфор были обнаружены производные фенантрена и, в частности, ретен (1-метил, 7-изопропил фенатрен). В составе живицы хвойных пород деревьев содержание производных фенантрена не велико, однако они могут образовываться из смоляных кислот в результате реакций дегидрирования при длительном захоронении. В обычных условиях такое превращение смоляных кислот проходит очень медленно, в течение многих веков, и накопление его

ископаемых смолах не значительно. При повышении температуры скорость этого процесса значительно увеличивается, поэтому обнаружение большого количества ретена и других производных фенантрена в остатках содержимого амфор предполагает термическую версию их происхождения.

Попытки обнаружения следов виноградного вина ни в амфорах, ни в смоле методом ДНК-анализа, как отмечалось ранее (Hansson, Foley, 2008), ни привели к положительным результатам, хотя следы оливкового масла были идентифицированы достаточно достоверно даже на стенках 2400-летних амфор. Это может быть связано с различной возможностью сохранения генетического материала вин в древних захоронениях по сравнению с жирными кислотами. Так, например, идентификация жирового материала по кислотным профилям ацилглицеридов была осуществлена на археологическом материале более чем 4500 летней давности. Наиболее стабильными остатками виноградного вина могут быть окси-кислоты (винная, виноградная и др.), которые образуются при деградации вин в результате длительного хранения. Наиболее устойчивая из них: винная кислота, которая в виде кислой калиевой соли (гидротартрата калия или «винного камня») повсеместно присутствует на дне сосудов со старыми винами.

Для обнаружения возможных остатков винной кислоты или ее солей была использована качественная реакция Дениже [Калинина, 1975]. Для этого водный слой (3) (рис. 5) упаривали до сухого остатка. К сухому остатку добавляли небольшое количество возогнанного резорцина и 3 капли концентрированной серной кислоты. Одновременно проводили аналогичную качественную реакцию с чистой винной кислотой. Далее, к реакционным смесям (испытуемый раствор и раствор винной кислоты) добавляли по 400 мкл 1% водного раствора KOH, переносили в стеклянные пробирки, энергично встряхивали и просматривали в УФ-свете при длине волны 254 нм. Качественная реакция дала положительный результат на наличие винной кислоты в остатках содержимого амфор. Таким образом, на основании проведенных экспериментов (внешний вид, растворимость, Т. пл., результаты ГХ–МС анализа), можно заключить, что в составе исследуемых остатков содержимого древних амфор преобладает термически обработанная смола деревьев семейства сосновых (Pinaceae).

Исходя из результатов проведенных исследований, наиболее вероятной выглядит следующая интерпретация характера содержимого в амфорах из комплекса № 54. Греческие виноделы добавляли сосновую смолу в вино для предохранения от скисания и для специфического аромата. Добавка смолы в вино составляла не менее 20–30 граммов на литр. А сами сосуды затыкали деревянными или глиняными пробками и заливали их для герметичности смолой. При хранении и транспортировании такого вина излишки смолы оседали на дне и адсорбировались на внутренних стенках амфор, тем самым, создавая достаточно ровную защитную пленку. После израсходования вина пленка сохранялась на транспортной таре для последующего использования. В пользу такой версии говорит тот факт, что поверхности амфор покрыты тонкими и ровными слоями смолы, а сгустки или наплывы смолы обнаруживаются только на дне сосудов.

Хранение и транспортировка оливкового масла (равно, как и любых других растительных или животных жиров) не представляется вероятной, поскольку следов жирных кислот в остатках сосудов обнаружено не было.

Список литературы

Блинова, 1990. Блинова К. Ф., Яковлев Г. П. Мастика, мастикс // К. Ф. Блинова, Г. П. Яковлев (ред.) Ботанико-фармакогностический словарь: Справочное пособие. М.

Завойкин, Шавырина, 2013. Завойкин А. А., Шавырина Т. Г. Погребение 23/1980 Восточного некрополя Фанагории: к вопросу о закупорке античных амфор // Кузнецов В. Д. (ред.). Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1. М.

Калинина, 1975. Калинина Л. С. Качественный анализ полимеров // Химия. М.

Кострин, 1967. Кострин К. В. Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани. СА. № 1.

Ляпушкин, 1941. Ляпушкин И. И. Славяно-русские поселения IX–XII вв. на Дону и Тамани // МИА. 6.

Плетнева, 1963. Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Рыбаков Б. А. (ред.) «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М.

Толстиков, Ломтадзе, 2016. Толстиков В. П., Ломтадзе Г. А. Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация) // ДБ. 20.

Andrikopoulos, et al., 2003. Andrikopoulos N. K., Kaliora A. C., Assimopoulou A. N., Papapeorgiou, V. P. Biological activity of some naturally occurring resins, gums and pigments against in vitro LDL oxidation. Phytother. Res. 17.

Barton, et al., 1956. Barton D. H. R., Seoane E. Triterpenoids. Part XXII. The constitution and stereochemistry of masticadienonic acid. Journal of the Chemistry Society. 4.

Beck, 1990. Beck C., Borromeo C. Ancient pine pitch: technological perspectives from a Hellenistic shipwreck // MASCA Research Papers in Science and Archaeology. 7.

Beck, et al., 1994. Beck C. W., Stewart D. R., Stout E. C. Appendix D: Analysis of naval stores from the Late-Roman ship // A. M. McCann and J. Freed (ed.). Deep water archaeology: A Late-Roman ship from Carthage and an ancient trade route near Skerki Bank off northwest Sicily. Journal of Roman Archaeology. Suppl. 13.

Boardman, 1955. Boardman J. The island of Chios, recent discoveries. Archaeology. 8.

Boardman, 1967. Boardman J. Greek Emporio: Excavations in Chios 1952–1955. London.

Buckley, et al., 2004. Buckley S. A., Clark K. A., Evershed R. P. Complex organic chemical balms of Pharaonic animal mummies. Nature. 431.

Buckley, et al., 2001. Buckley S. A., Evershed R. P. Organic chemistry of embalming agents in Pharaonic and Graeco-Roman mummies. Nature. 413.

Carlson, 2003. Carlson D. N. The Classical Greek shipwreck at Tektaş Burnu // AJA. 107.

Colombini, Giachi, 2003. Colombini M.P, Giachi G, Modugno F, Pallecchi P, Ribechini E. Characterisation of paints and waterproofing materials of the shipwrecks found in the archaeological site of the Etruscan and Roman Harbour of Pisa (Italy). Archaeometry. 45.

Colombini, Colombo, 2005. Colombini M. P., Colombo C., Modugno F., Silvano F., Ribechini E., Toniolo L. Chemical characterization of Egyptian amphorae from Fayum. Geoarchaeol. Bioarchaeol. Stud.

Colombini, Modugno, 2009. Colombini M. P., Modugno F. Organic Mass Spectrometry in Art and Archaeology, John Wiley & Sons, Chichester.

Colombini, Modugno et al., 2000. Colombini M. P., Modugno F., Silvano F., Onor M. Characterisation of the balm of an Egyptian mummy from the seventh century B. C. Stud. Conserv. 45.

Colombini, et al., 2005. Colombini M. P., Giachi G, Modugno F, Ribechini E. Characterization of organic residues in pottery vessels of the Roman age from Antinoe (Egypt). Microchem. J. 79.

Colombini, et al., 2005. Colombini M., Modugno F., Ribechini E. Direct exposure electron ionization mass spectrometry and gas chromatography/mass spectrometry techniques to study organic coatings on archaeological amphorae. J. Mass Spectrom. 40.

Connan, Nissenbaum, 2003. Connan J., Nissenbaum A. Conifer tar on the keel and hull planking of the Ma'agan Mikhael ship (Israel, 5th century BC): identification and comparison with natural products and artefacts employed in boat construction. J. Archaeol. Sci. 30.

Egenberg, Glastrup, 1999. Egenberg I. M., Glastrup J. Composition of kiln-produced tar // Bridgland J., Brown J. (ed.). ICOM Committee for Conservation, 12th Triennial Meeting. Lyon. London. P.

Evershed, et al., 2002. Evershed R. P., Dudd S. N., Copley M. S., Berstan R., Stott A. W., Mottram H. R., Buckley S. A., Crossman Z. Chemistry of archaeological animal fats, Accounts of Chemical Research. 35.

Facchetti, et al., 2012. Facchetti F., Ribechini E., Betro M., Colombini M. P. Organic residues fnflysis: the case of a breaker found in Theban Necropolis, Egypt // International journal of conservation science. Vol. 3, 4.

Faix, et al., 1990. Faix O., Meier D. and Fortmann I. Thermal degradation products of wood. Gas chromatographic separation and mass spectrometric characterization of monomeric lignin derived products. Holz Roh-Werkstoff. 49.

Gibbins, 2001. Gibbins D. A. Roman shipwreck of c. AD 200 at Plemmirio, Sicily: evidence for North African amphora production during the Severan period // World Archaeology. 32.

Greene, et al., 2008. Greene E. S., Lawall M. L., Polzer M. E. Inconspicuous consumption: the sixth-century B. C. E. shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey // AJA. 112.

Hansson, Foley, 2008. Hansson M. C., Foley B. P. Ancient DNA fragments inside Classical Greek amphoras reveal cargo of 2400-year-old shipwreck // Journal of Archaeological Science. 35.

Koller, et al., 2001. Koller J., Baumer U., Mania D. High tech in the Middle Palaeolithic: Neandertal-manufactured pitch identified // European Journal of Archaeology. 4.

Kostyukevich, et al., 2016. Kostyukevich Y., Solovyov S., Kononikhin A., Popov I., Nikolaev E. The investigation of the bitumen from ancient Greek amphora using FT ICR MS, H/D exchange and novel spectrum reduction approach. Journal of Mass Spectrometry. 51.

Koutsoudaki, et al., 2005. Koutsoudaki C., Krsek M., Rodger A. Chemical composition and antibacterial activity of the essential oil and the gum of Pistacia lentiscus Var. chia. Journal of Agricultural and Food Chemistry. 53.

Lucas, Harris, 1962. Lucas A., Harris J. R. Ancient Egyptian materials and industry. London.

Mangoni, et al., 1982. Mangoni L., Monaco P. and Previtera L. Two new monoterpenes from the bled resin of Pistacia vera. Phytochemistry. 21.

Marner, et al., 1991. Marner F., Freyer A., Lex J. Triterpenoids from gum mastic, the resin of Pistacia lentiscus. Phytochemistry. 30.

Mayerson, 2004. Mayerson P. Pitch for Egyptian winejars an imported commodity // Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik. 147.

Mills, White, 1989. Mills J., White R. The identity of the resins from the Late Bronze Age shipwreck at Ulu Burun (Kas). Archaeometry. 31.

Modugno, et al., 2006. Modugno F., Ribechini E., Colombini M. P. Aromatic resin characterization by gas chromatography–mass spectrometry: Raw and archaeological materials // Journal of Chromatography A. 1134.

Monaco, et al., 1973. Monaco P., Caputo R., Palumbo G., Mangoni L. Triterpenes from the galls of Pistacia lentiscus // Phytochemistry. 12.

Murray, et al., 2000. Murray M. A., Boulton N., Heron C. Viticulture and wine production», in Ancient Egyptian materials and technology. Cambridge.

Papageorgiou, et al., 1997. Papageorgiou V. P., Bakola-Christianopoulou M. N., Apazidou K. K., Psarros E. E. Gas chromatographic – mass spectroscopic analysis of the acidic triterpenic fraction of mastic gum // Journal of Chromatography A. 769.

Pastorova, 1997. Pastorova I., van der Berg K. J., Boon J. J., Verhoeven J. W. Analysis of oxidized diterpenoid acids using thermally assisted methylation with TMAH // Journal of Analytical and Applied Pyrolysis. 43.

Peacock, Williams, 1986. Peacock D. P. S., Williams D. F. Amphorae and The Roman Economy, an Introductory Guide // Longman Archaeology Series. London, New York.

Pollard, Heron, 1996. Pollard A. M., Heron C. Archaeological Chemistry // RSC Paperbacks.

Porter, et al., 2009. Porter A., Stacey R. and Derham B. The function of ceramic jar Type 4100: preliminary organic residue analyses // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 39.

Regert, et al., 1998. Regert M., Delacotte J. M., Menu M., P´etrequin P, Rolando C. Identification of Neolithic hafting adhesives from two lake dwellings at Chalain (Jura, France) // Ancient Biomolecules. 2.

Regert, et al., 2003. Regert M., Vacher S., Moulherat C., Decavallas O. Adhesive production and pottery function during the Iron Age at the site of Grand Aunay (Sarthe, France) // Archaeometry. 45.

Ribechini, et al., 2009. Ribechini E., Orsini S., Silvano F., Colombini M. P. Py-GC/MS, GC/MS and FTIR investigations on late Roman-Egyptian adhesives from opus sectile: new insights into ancient recipes and technologies // Analytica Chimica Acta. 638.

Robinson, et al., 1987. Robinson N., Evershed R. P., Higgs W. J., Jerman K. Proof of a pine wood origin for pitch from Tudor (Mary Rose) and Etruscan shipwrecks: application of analytical organic chemistry in archaeology. Analyst. 112.

Serpico, White, 2000. Serpico M., White R. In Ancient Egyptian Materials and Technology. Cambridge.

Stacey, et al., 2010. Stacey R., Cartwright C., Tanimoto S. Coatings and contents: investigations of residues on four fragmentary Sixth-century B. C. vessels from Naukratis (Egypt) // The British Museum Technical Research Bulletin. 4.

Stern, et al., 2003. Stern B., Heron C., Corr L., Serpico M., Bourriau J. Compositional variations in aged and heated pistacia resin found in late bronze age canaanite amphorae and bowls from Amarna, Egypt // Archaeometry. 45.

Stern, et al., 2008. Stern B., Heron C., Tellefsen T., Serpico M. New investigations into the Uluburun resin cargo // Journal of Archaeological Science. 35.

Summary

G. Lomtadze, V. Pozhidaev, V. Tolstikov

Investigations of the remains of the contents of trade amphoras of the late classical period from the excavations of Panticapaeum

In the course of the 2015 field season, the Bosporan Archaeological Expedition under the auspices of the Pushkin State Museum of Fine Arts on the Mount Mithridates (the NVM trench), uncovered an accumualtion of amphorae from various production centers (constuction no. 54), all dating from the 80s of the 4th century BCE. Since the examination of this complex has not been completed, it is not yet possible to say anything definitive about its original purpose. In some of the amphorae remnants of resinous substance, presumably related to what they once contained, have been detected. In 2016, samples of these substances were extricated and analyzed on the basis of the Kurchatov complex.

The samples were taken from amphorae from different production centers. They were in powder state, non-uniform in color, ranging from light gray to dark brown. All samples were carefully extracted with a spatula, without touching or scraping off the amphorae walls, in order to exclude the compounds adsorbed on the inner surface. As a result, it has been determined that the remains of amphora contents had traces of tartaric acid and of the resin of trees from the pine family (Pinaceae). Most likely, the Greek winemakers added pine resin to wine to keep it from souring and perhaps to give it a particular flavor. The usual amount of resin additives to wine was no less than 20-30 grams per liter. The amphorae themselves were plugged with wooden or clay stoppers with resin poured over them to insure hermetic sealing. In the course of storing and transporting such vessels with wine, the exess resin would settled on the bottom and on the inner walls of amphorae, thereby creating a fairly even protective film. After the consumption of wine, the film remained on the walls of the vessels. Storage and transportation of olive oil (as well as any other vegetable or animal fats) in these amphorae is not likely, since no traces of fatty acids were found on these amphorae.

А. А. Масленников*, А. Н. Овсюченко, А. М. Корженков**,**
А. С. Ларьков, А. В. Мараханов****
*(*Институт Археологии РАН;*
***Институт Физики Земли РАН)*

Следы сильных древних землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом[1]

Сейсмические повреждения и разрушения – это постоянная угроза, которую следует иметь в виду при хозяйственном планировании и строительстве в сейсмоопасных районах, для чего необходима информация о природе и силе землетрясений, имевших место в том или ином регионе в прошлом. Литературные сведения о землетрясениях Крыма, как это ни странно, крайне ограничены [Хапаев, 2008, с. 13]. Сейсмологические данные также не отличаются представительностью. В Крыму сейсмологические систематические наблюдения стали производиться только после разрушительных землетрясений 1927 г. Период инструментальных наблюдений современного уровня, опирающихся на достаточно чувствительную сеть сейсмических станций, наступил в конце 1960-х – начале 1970-х годов. За это время во всём Керченско -Таманском регионе было зарегистрировано лишь несколько слабых сейсмических событий. Поэтому в познании сейсмической истории Восточного Крыма всё большее значение приобретают палео- и археосейсмологические исследования [Блаватский, 1977, с. 56–57; Аракелян, 1983, с. 40–49; Геология…, 1992, с. 96–118; Никонов, 1994, с. 23–26; Никонов, 1996, с. 62–74; Винокуров, Никонов, 1998, с. 98–115; Борисенко и др., 1999, с. 101–132; Винокуров, Никонов, 2004, с. 95–102; Трифонов, 2008, с. 318–322; Масленников, 2013, с. 251–252; Винокуров, 2015, с. 60–72 и др.]. Эти методы уже давно используются учёными в самых разных сейсмоактивных районах и показали свою высокую эффективность [см.: Солоненко, 1962, с. 58–74; Палеосейсмология, 2011, с. 1–334; Archaeoseismology, 1996, с. 1–268 и др.].

В 2014 г. начался новый этап в изучении палеосейсмичности этого региона. Инструментальные сейсмологические и наши недавние полевые исследования современных землетрясений, произошедших в Киргизии, обеспечили базу для новейшего археосейсмологического инструментария в идентификации особенностей сейсмических

[1] Исследования были проведены в рамках работ по проекту РФФИ № 15-05-06197 «Комплексное историко-сейсмогеологическое изучение сейсмической опасности Крымско-Таманского региона».

Рис. 1. Древние городища и активные разломы в районе Керченского пролива. Белыми знаками изображены памятники, обследованные с археосейсмологическим подходом в 2014-2016 гг.; черными – исследование которых планируется. Сплошные линии – активные разломы с изученными следами сейсмотектонических подвижек прошлого; пунктирные – предполагаемые по дистанционным данным (на Керченском п-ове), связанные с грязевулканической деятельностью (во внутреннем районе Таманского п-ова), флексурные изгибы четвертичных отложений (побережье Таманского залива)

повреждений [Богачкин и др., 1997, с. 3–18; Ghose et al., 1997, с. 23–38; Корженков и др., 2006, с. 219–225 и др.]. Эти изыскания послужили основой для определения типов сейсмогенных повреждений в древних городах пустыни Негев (Израиль) и их интерпретации в терминах сейсмической интенсивности и направления прихода сейсмических волн [Korzhenkov and Mazor, 1999, с. 62–74; Корженков и Мазор, 2001, с. 108–125 и др.].

Обращаясь к Крыму, необходимо отметить, что древнегреческие, римские, византийские и средневековые археологические памятники предоставляют собой прекрасную научную базу для работ по археосейсмологии. В эти цивилизационные периоды тут был возведено немало городов и других населенных пунктов, нередко с применением высококачественных строительных приёмов и традиций. Эти поселения существовали в период между VI в. до н. э. (начало греческой колонизации полуострова) и XVIII в. н. э. и были покинуты в разное время и по различным причинам. Археологические и историко-архитектурные исследования древних строительных комплексов Керченского полуострова, изученных нами с помощью археосейсмологического метода (рис. 1), уже позволили с той или иной степенью вероятности датировать выявленные здесь сейсмические разрушения [Винокуров и др., 2015, с. 51–66; Белик и др., 2016, с. 17–35, Корженков и др., 2016 б, с. 372–381; Корженков и др., 2016 г, с. 30–47; Корженков и др., 2016 д, 30–38; Хапаев

а

б

Рис. 2. Аэрофотоснимки археологического памятника Полянка.
а – полный вид раскопа (стрелкой по простиранию показан ров в скальном основании);
б – детальный снимок средней части Полянки. Видны различные фазы строительства, стены-крепиды, дугообразные в плане изгибы стен

Рис. 3. Схематическая отрисовка стен археологического памятника Полянка с нанесенными точками наблюдения и с указанием наклона стен, величины наклона в градусах. Показаны также развороты и S-образные в плане – «пропеллерные» стены

и др., 2016, с. 119–128]. В целом восточная часть Крыма в палео – и археосейсмологическом отношениях изучена в настоящее время лучше других районов полуострова. При этом, большинство исследователей, опирающихся на сейсмологические данные инструментального периода наблюдений, полагает, что главная тектоническая и сейсмическая активность здесь приурочена к зонам разломов в акватории Черного и Азовского морей [например: Борисенко и др., 1995, с. 27; Пустовитенко и др., 2006, с. 65]. Однако нашими последними изысканиями были выявлены сейсмогенерирующие молодые и активные разломы (рис. 1) в Восточном Крыму и на Тамани [Овсюченко и др., 2015, с. 33–54]. Таким образом, территория Крымского полуострова и окружающих его морских акваторий

Рис. 4. Нижний (*а* и *б*) и верхний (*б*) раскопы поселения Полянка. Фото весны 2016 г. Субширотная стена на верхнем раскопе (азимут простирания 60º) на верхнем раскопе наклонилась к югу под углом до 50º и целиком (при длине 4.5 м) повернулась против часовой стрелки (против сил гравитации). Стена сохранилась на высоту до 1,2 м, при ширине до 1,5 м. Т.н. 24

не является сейсмически безопасной, а упомянутые разломы могут генерировать сильные землетрясения раз в сотни или тысячи лет [Винокуров и др., 2015 с. 51–66; Овсюченко и др., 2015 с. 33–54; Белик и др., 2016 с. 17–35; Корженков и др., 2016 б, с. 372–381; Корженков и др., 2016 г, с. 30–47; Корженков и др., 2016 д, 30–38; Хапаев и др., 2016, с. 119–128].

В 2016 г. нашей группой в Крымском Приазовье был специально обследован археологический памятник: поселение Полянка (рис. 2–4). Если очень кратко, то оно возникло, скорее всего, в начале III в. до н. э. на высоком скалистом прибрежном плато. Но к I в. до н. э. это поселение в силу какой-то геологической или сейсмологической катастрофы было почти полностью разрушено, а новое – появилось некоторое (но непродолжительное!) время спустя рядом, в небольшой долине к западу от первоначального [Масленников, 2013, с. 246]. Предполагалось, что оно также неоднократно страдало от землетрясений. Таким образом, в нашем распоряжении оказались, хотя и не бесспорные, данные по последствиям сильных землетрясений в Восточном Крыму за последние две с лишним тысячи лет. Однако вначале коснёмся некоторых общих, принципиальных и важных для нашей темы положений.

Систематика в типах сейсмогенных повреждений и разрушений, выявленных на древних поселенческих структурах

Археосейсмология – наука изучающая археологические памятники с целью выявления в них сейсмогенных деформаций и разрушений с последующей параметризацией по ним древних сильных землетрясений. Она призвана установить:

• являются ли выявленные деформации сейсмически наведенными;

• какова была сила древнего землетрясения (какая высвободилась сейсмическая энергия);

• где располагался древний эпицентр: откуда пришло максимальное суммарное сейсмическое воздействие;

• когда произошло землетрясение.

Рис. 5. Схема деформации здания при сильных землетрясениях по [Rapp, 1986], с изменениями

Здания, стены и другие конструкции, построенные в основном из обработанных или необработанных камней или сырцовых кирпичей и дерева, представляют собой некую сеть геометрических линий, составляющих прямоугольники и позволяющих исследователям идентифицировать тип и величину деформаций с точностью в пределах нескольких градусов и сантиметров.

Нижеприведенный список типов сейсмических разрушений основывается на материалах и наблюдениях, полученных нами на Ближнем Востоке [Korzhenkov and Mazor, 1999, с. 62–74, Korzhenkov and Mazor, 2014, с. 75–92; Korjenkov and Schmidt, 2009, с. 79–97; Корженков и др., 2016а, с. 37–44 и др.] и в других странах [Korjenkov et al., 2003, с. 241–261, Korjenkov et al., 2008, с. 199–215; Корженков и др., 2015, с. 5–18, Корженков и др., 2016 в, с. 5–20 и др.].

Систематически направленные наклоны (рис. 5) и обрушения стен, колонн, а также горизонтальное смещение верхних частей строительных конструкций (рис. 6) являются результатом сильных землетрясений. В таких случаях нижняя часть строительной конструкции сместилась вместе с грунтом в направлении соответствующих сейсмических подвижек, в то время как верхние части остаются на месте вследствие инерции.

Рис. 6. Схематическое изображение смещения верхней части современного памятника на кладбище в селе Бельалды в направлении эпицентра Суусамырского (Ms = 7.3, Io = IX-X) землетрясения в Кыргызстане в 1992 г.

Рис. 7. Деформация стены во время сильных горизонтальных движений грунта. Плановое изображение. Стрелки внизу показывают направление движения грунта. Вверху – колебание стены с максимумом в ее центре. Результирующая деформация этих движений – горизонтальный изгиб стены (в), или даже ее излом (с).

Интересным феноменом, выявленным нами на «Полянке», является дугообразный в плане изгиб стен. Такая деформация возникает при сейсмических движениях, действующих перпендикулярно простиранию стены, центральная часть которой имеет максимальную свободу для колебаний (рис. 7).

Вращения отдельных каменных блоков или частей стен вокруг вертикальной оси по часовой или против часовой стрелке является обычным результатом землетрясения. Они вызываются сейсмическими движениями, действующими под углом (в плане) к стене соответствующего направления (рис. 8). Вращения строительных элементов вокруг горизонтальной оси также могут наблюдаться в поврежденных зданиях. Они могут быть вызваны, например, высвобождением неравномерных напряжений, накопившихся в стенах.

Следы ремонта и стены контрфорсы – обычные доказательства событий сейсмических повреждений.

Свидетельства разрушительного землетрясения в исследуемом археологическом комплексе становятся тем более очевидными, чем больше выявляется типов и количества сейсмических повреждений.

Возраст выявленных сейсмических деформаций моложе возраста самих строительных конструкций, но старше возраста последующего ремонта или перекрывающих сооружений.

Рис. 8. Вращение элементов здания (по [Корженков, Мазор, 2001] с изменениями): *а* – максимальные суммарные сейсмические колебания, перпендикулярные к стене не вызывают вращения; *б* – сейсмические колебания, направленные под углом к стене, приводят к вращению элементов здания; *в* – сейсмический подвижки, направленные вдоль биссектрисы между перпендикулярными стенами здания, вызывает противоположное вращение в этих стенах

При археосейсмологических исследованиях на городище Полянка, прежде всего, бросаются в глаза многочисленные и очень значительные наклоны стен и выдвижения отдельных каменных блоков, например в точке наблюдения (далее: т.н.) 27 (рис. 9). Не меньший наклон виден и в т.н. 25 (рис. 3), где стена с азимутом простирания 65° наклонилась под углом до 50° к ССЗ. Здесь, однако, не менее впечатляет её горизонтальный (в плане) изгиб к северу (рис. 10). Остаточная высота стены – до 1.5 м, её ширина неравномерная – около 1 м. Такая значительная в плане деформация стены (плавный изгиб) образовалась из-за её значительной длины в 7 м и, соответственно, бо́льшей свободы для колебаний.

Рис. 9. Значительный наклон к северу одной из широтных стен, а также выдвижение каменных блоков в верхней части этой стены на Полянке. Т.н. 27

Рис. 10. Сильный дугообразный изгиб (в плане) и наклон на север одной из широтных стен на «Полянке»

Субмеридиональная стена в т. н. 27 (рис. 3) кроме «обычного» наклона (до 60°) имеет также коленообразный изгиб – излом в том же западном направлении (рис. 11). В своей северной части описываемая стена имеет азимут простирания 160°, а в южной – 145°.

Длительные сейсмические колебания приводят к различной амплитуде и направлению изгиба стен, что зависит от длины и высоты стены, а также материалов, из которых она сложена. Может случиться так, что одна стена, продолжающаяся из одной «комнаты» в другую в анфиладе, получит S-образный изгиб в разных направлениях в виде пропеллера (рис. 12).

Развороты частей стен также зафиксированы нами на «Полянке». Так, в точке наблюдения 52 (рис. 3) были замерены развороты краевых частей субмеридиональных стен (азимут простирания 155°) на 5° и на 15° по часовой стрелке (рис. 13), в то время как окончание субширотной стены (азимут простирания 70°) развернулась на 15° против часовой стрелки.

Вызывают вопросы сближенные стены в т. н. 26 (рис. 14). Трудно себе представить, что древние строители возвели соседнюю стену на таком близком расстоянии от уже существовавшей, а не использовали её – для дальнейшего строительства. Сомнительно также,

Рис. 11. Выгибание на запад с последующим изломом(?) субмеридиональной стены. Т.н. 27

Рис. 12. «Пропеллерный» в плане изгиб широтной стены как к северу (на переднем плане), так и на юг (на дальнем плане). Т.н. 28

что они сделали специально такой узкий проход (40 см), где сможет пройти лишь один человек, да и то «боком». Остаточная высота первоначальной стены – 1.2 м, ширина – около 1 м, азимут простирания – 70°. Неразвернутая часть стены-крепиды имеет высоту до 1.3 м, ширину до 0.8 м, азимут простирания в восточной части 65°, в западной – 80°. Мы предполагаем, что одна из упомянутых стен (скорее всего, южная) была первичной, а вторая – контрфорс, построена позднее. Южная стена (расположенная выше по склону) получила повреждения: наклонилась к северу под углом 75°, в связи с чем, к ней была пристроена с севера стена-подпорка. Однако следующее деформационное событие (по-видимому, сильное землетрясение) оторвало стену-контрфорс, сместило её в северном направлении, наклонило к северу под углом 80° – вниз по уклону местности и развернуло южное окончание стены-подпорки по часовой стрелке на 15° (рис. 14). Необходимо подчеркнуть, что аналогов таких узких проходов нет во всей остальной части городища. В то же время, похожее отделение стены-контрфорса было отмечено нами в т. н. 51.

При обзоре планового аэрофотоснимка «Полянки» (рис. 2) виден комплекс квадратов и прямоугольников, составленных остатками древних стен. В целом, все стены могут быть поделены на 2 группы: субширотные – с простиранием 65°± 30° и субмеридиональные – с азимутами простирания 155° ± 30° (рис. 15).

Рис. 13. Развороты краевых частей стен в точке наблюдения 52 на Полянке (плановое изображение). Субмеридиональные части повернулись по часовой стрелке, субширотные – против часовой стрелки

Рис. 14. «Отошедшая» вниз и развернувшаяся в свой западной части по часовой стрелке стена-крепида. Т.н. 26. П – первичная стена, К – отошедший участок стены-подпорки, Р – отошедший и развернувшийся участок крепиды

Рис. 15. Распределение наклонов стен различных простираний на археологическом памятнике Полянка

Было установлено, что большая часть субширотных стен (32 случая) наклонилась на север, а точнее – на ССЗ – по уклону рельефа (рис. 16), что не вызывает вопросов. Тем не менее, значительное число субширотных стен (21 случай – 2/5 от общего числа) наклонились в противоположную сторону, что уже гравитационными процессами объяснить затруднительно. Гравитация и уклон рельефа не могут объяснить и систематический наклон большего числа субмеридиональных стен (24 случая – ¾ от всех замеров) к западу, точнее – к ЗЮЗ. Для интерпретации подобных систематических деформаций необходимо привлечь сильные динамические воздействия грунта на древние постройки, скорее всего, связанные с сильными же землетрясениями. Учитывая вышеупомянутые векторы наклонов стен обоих направлений, сейсмические колебания, распространявшиеся при древнем землетрясении, приходили с ЗСЗ, то есть, со стороны моря. По всей видимости, сработала Южно-Азовская сейсмогенерирующая зона.

Сейсмогенерирующая роль Южно-Азовского разлома была установлена по косвенным данным в конце 1980-х гг., во время работ по оценке сейсмической опасности района строящейся Крымской АЭС [Геология…, 1992, с. 96–118]. В те годы разлом был протрассирован геофизическими методами вдоль Азовского побережья Керченского полуострова через Акмонайский перешеек в район г. Старый Крым.

Новый этап в изучении условий возникновения сильных землетрясений Восточного Крыма с использованием постоянно совершенствуемых методов структурной геоморфологии и палеосейсмологии возможен при выявлении конкретных морфологических параметров активных разломов – длины, величины смещений и их характера, которые можно замерить по деформациям молодых отложений и форм рельефа. Опыт изучения современных сильных землетрясений показывает, что сейсмические очаги представляют собой активизировавшиеся геологические структуры [Рогожин, 2012, с. 7]. В современном сейсмологическом представлении, сам акт землетрясения рассматривается как внезапное,

Рис. 16. Схематическая модель построек Полянки. Большая часть субширотных стен наклонились на север – по уклону рельефа (хотя 2/5 от общего числа этих стен наклонилась в противоположную сторону), субмеридиональные стены наклонились преимущественно на восток, что никак не связано с рельефом. Сейсмические колебания распространялись с ЗСЗ

быстрое смещение крыльев активного разлома. В случае выхода очага на поверхность образуются сейсмотектонические разрывы, обладающие всеми признаками тектонических деформаций. В большинстве случаев, вдоль этих современных разрывов устанавливаются следы древних подвижек, оставленные землетрясениями прошлого. Этот факт создал основу для разработки палеосейсмологического метода [Солоненко, 1962, с. 58–74]. Он нацелен на обнаружение, параметризацию и датирование древних сейсмотектонических разрывов и иных геологических следов землетрясений. В виду большой погрешности наиболее доступного, радиоуглеродного метода, абсолютное датирование древних землетрясений становится гораздо более надёжным и точным с привлечением археологических данных, для чего в Крыму открываются широчайшие перспективы.

Современная тектоническая активность Восточного Крыма проявлена разнообразными разрывно-складчатыми деформациями молодых отложений и форм рельефа. Им сопутствуют современные движения земной поверхности, грязевый вулканизм, перестройки речной сети и локальные ареалы повышенной активности современных экзогенных процессов (прежде всего – разнообразные вариации дезинтеграции и переотложения рыхлого чехла). Основная особенность геологического строения региона – развитие многокилометровой толщи пластичных, флюидонасыщенных, глинисто-песчаных кайнозойских осадков майкопской серии – определила формирование региональной структуры настолько необычного облика, что вопрос о её происхождении и возрасте остаётся ведущим в геологических исследованиях на протяжении всего последнего столетия.

В таких условиях сейсмотектонические подвижки в недрах на уровне сейсмогенерирующего слоя оказываются в значительной степени преобразованы толщей пластичных майкопских глин. Это обстоятельство, в свою очередь, сильно искажает оценку величины и характера подвижки в очаге. Ситуация усугубляется низким уровнем современной сейсмической активности, что не даёт предпосылок для полноценного изучения активных геологических структур Восточного Крыма сейсмологическими методами. В итоге, неоднозначность и противоречивость трактовки тектонической активности Крыма со временем не угасает, а наоборот приобретает особую остроту [Борисенко и др., 1995, с. 30–39; Паталаха и др., 2003, с. 8–9; Юдин, 2011, с. 5; Гобаренко и др., 2016, с. 83–84].

Для получения корректной информации о тектонических движениях в разрезе молодых отложений необходим выбор мест лишённых оползневых форм рельефа, распашки и активного проявления экзогенных процессов. Наиболее предпочтительными являются поверхности накопления слоистых позднеплейстоцен-голоценовых отложений, маркирующих собой опорные уровни, используемые для возрастной привязки деформаций. Но поверхность Керченского полуострова за последние 2500 лет оказалась в значительной степени изменена сельскохозяйственной и строительной деятельностью человека. Водораздельные пространства неоднократно и регулярно распахивались в течение длительных промежутков времени. Склоны холмов покрыты многочисленными сельскохозяйственными террасами. Все речные долины и балки перегорожены дамбами, часто в нескольких местах, что привело к почти полному отсутствию естественных речных террас. Наряду с плохой обнаженностью, широким развитием оползней, мощным покровом плохо – стратифицированных лёссовидных суглинков, регион также отличается весьма активным моделированием рельефа современными абразионными и эрозионно-склоновыми процессами.

Ещё одна важная особенность Керченского полуострова, всё более явственно проступающая по мере детализации полевых исследований, заключается в четкой приуроченности большей части современных побережий к зонам активных разломов (см. рис. 1). С одной стороны, это обстоятельство предопределяет надежность морфотектонических критериев выделения активных геологических структур. Керченский полуостров демонстрирует признаки классической морфоструктуры, обнаруживая конформность рельефа геологическому строению и чёткое соответствие динамики современных экзогенных процессов темпам и характеру молодых тектонических движений. С другой стороны, приуроченность современных побережий к зонам активных разломов предопределяет активное и повсеместное уничтожение или искажение следов молодых тектонических смещений весьма активной на таких участках современной разрушающей деятельностью моря.

Перечисленные обстоятельства можно рассматривать в качестве основных причин относительно слабой изученности проявлений активной тектоники региона. В таких условиях особую важность приобретает совместное использование методов геологии, геофизики и археологии.

Южно-Азовский активный разлом приурочен к границе Приазовского – наиболее приподнятого участка Керченского и Таманского полуостровов с мелководной котловиной Азовского моря. О молодых тектонических смещениях по Южно-Азовскому разлому свидетельствуют деформации морских террас раннего и позднего плейстоцена. В результате анализа в основном литературных сведений А. А. Никонов [1994, с. 20–21]

Рис. 17. Вверху – строение Южно-Азовского разлома по данным сейсморазведки на глубину около 3 км в районе мыса Казантип [Геология…, 1992, вклейка, фото 2]. Отдельные сместители показаны жирными линиями; внизу – модели сдвигов в горизонтальной плоскости в жестком фундаменте и более пластичном осадочном чехле [Sylvester, 1988, рис. 13, 14, с. 1678]

пришел к выводу, что вдоль южного берега Азовского моря на дне обнаруживаются признаки тектонического разрыва со смещением крыльев на 25–50 м за послекарангатское время, т. е. примерно за последние 100 тыс. лет. При этом вся или большая часть смещений, по мнению А. А. Никонова, произошла за посленовоэвксинское время, т. е. примерно за последние 25–20 тыс. лет. Азовское побережье Таманского полуострова испытало позднеголоценовое тектоническое поднятие относительно дна Азовского моря примерно на 10 м, что даёт среднюю скорость движения по Южно-Азовскому разлому 2–3 мм/год [Трифонов, 2008, с. 319]. Несмотря на столь яркие признаки молодых смещений, вопрос о реальности сейсмотектонических подвижек по Южно-Азовскому разлому до недавнего времени оставался открытым.

Геофизическими методами Южно-Азовский разлом изучен в акватории Азовского моря, у берегов Керченского и Таманского полуостровов. Зона разлома на каждом профиле меняет свой облик, количество индивидуальных разрывов, их наклон и величину в целом незначительного вертикального смещения (рис. 17). Направленность смещений по разлому в вертикальной плоскости меняется в разновозрастных геологических комплексах – если в низах майкопской серии и мел – эоценовых отложениях по геофизическим данным фиксируется резкое погружение южного крыла, то на уровне неоген – четвертичных осадков это же крыло поднято [Геология…, 1992, с. 36]. Такая изменчивость морфологии смещений по простиранию и разрезу характерна для разломов с существенной компонентой смещений в горизонтальной плоскости. Полное пересечение зоны Южно-Азовского разлома выполнено лишь по одному геофизическому профилю Арабатская стрелка – Феодосийский залив, т. е. западнее

Рис. 18. Схема изученности Южно-Азовского разлома палеосейсмологическим методом. Квадратами показаны места детального изучение разрезов со смещениями молодых отложений

Караларского побережья. К востоку от него строение разломной зоны в молодых отложениях удалось изучить в нескольких местах (рис. 18). Результаты были частично опубликованы ранее [Овсюченко и др., 2015, с. 33–54].

В изученных разрезах молодых отложений Южно-Азовский разлом демонстрирует чрезвычайно изменчивый облик.

На Таманском полуострове молодые тектонические деформации обнаружены в 2,7 км к востоку от пос. Приазовский, где в обнажении коренных позднемиоценовых пород, расположенном в верхней части прибрежного уступа высотой до 80 м, наблюдается надвиг близширотного (ВСВ) простирания [Овсюченко и др., 2015, с. 36–39]. Калиброванный радиоуглеродный возраст палеопочвы, завернутой и захороненной в лежачем крыле надвига: 2691–2926 лет (обр. ИГАН-4577). Возраст ненарушенного смещениями гумуса современного чернозёма: 725–802 года (обр. ИГАН-4578). По этим данным подвижка произошла в интервале 802–2691 год назад, вероятнее всего, – примерно 2000–2500 лет назад.

На Керченском полуострове в районе мыса Борзовка, в «цирке» отрыва крупного древнего оползня обнажен разрез деформированных верхнемиоценовых и позднеплейстоцен – голоценовых отложений (рис. 19). В разрезе наблюдаются два взбросо – надвига, ограничивающие узкую вдавленную впадину (рамп). Впадина выполнена относительно мощной толщей позднеплейстоценовых лёссов. Разрывы ниже высоты 50 м, представляющие собой крутые взбросы, в приповерхностной части разреза выполаживаются до субгоризонтальных надвигов. Величина вертикального смещения маркирующего слоя в верхнемиоценовых глинах по ЮЗ разрыву не превышает 7–8 м; по разрыву на СВ ограничении рампа – 20–23 м. Разрывы были изучены в двух расчистках. На северном ограничении рампа помимо позднеплейстоцен – раннеголоценовых наблюдаются следы очень молодых смещений, выраженные двумя разрывами подошвы гумусового горизонта

Рис. 19. Вверху – схематичный геологический разрез тектонической впадины в районе мыса Борзовка; внизу – строение разрыва на СВ ограничении тектонической впадины. Разрывы показаны жирными штриховыми линиями

современного чернозёма. В целом, в разрезе зафиксированы следы двукратного надвигания коренных пород на почву за последние примерно 4 тыс. лет (калиброванный радиоуглеродный возраст основания гумусового горизонта: 3832–4248 лет, образец ИГАН 4597).

На северной окраине с. Юркино, в прибрежном обрыве, в результате схода крупных оползней оказался вскрыт разрез молодого грабена – тектонической впадины, ограниченной субвертикальным сдвигом и пологим сбросом (рис. 20). Сдвиг имеет субгоризонтальные борозды скольжения и обнаруживает изменчивость направленности видимого вертикального смещения в разных горизонтах разреза. Резко меняется состав и количество слоёв покровных лёссов в разных крыльях разрыва. По всей видимости, такая необычная структура связана с соприкосновением по разлому первично разновысотных участков склона с разным характером залегания коренных пород и разными по составу покровными отложениями, что произошло в результате правостороннего сдвига в горизонтальной плоскости на несколько метров. Смещение современной почвы указывает на возраст последней подвижки в несколько сотен лет.

Нарушения очень необычного облика, имеющие признаки сейсмотектонических разрывов, расположены в районе мыса Тархан (рис. 21). На пологой возвышенности, представляющей собой наклонное плато, вдающееся в море небольшим полуостровом,

Рис. 20. Вверху – схематичный геологический разрез молодой присдвиговой впадины на северной окраине с. Юркино; внизу – строение сдвига на южном ограничении тектонической впадины

протягивается система относительно свежих (первые сотни лет) уступов длиной 850 м (урочище Камышлык). У мыса Тархан поверхность плато рассечена гораздо более древним рвом ограниченным сильно заплывшими уступами. Все эти разрывы существенно осложнены оползневыми деформациями и требуют дальнейшего геолого-геофизического изучения, обязательно совместно с археологами.

Изученные молодые тектонические разрывы расположены на участке Азовского побережья длиной около 36 км. Они укладываются в единую систему и имеют общие черты свойственные всем тектоническим деформациям. В то же время, налицо множество существенных различий, определяемых геоморфологическими условиями, уровнем эрозионного среза, литологическим составом деформируемого субстрата и ориентировкой конкретных разрывов относительно действующего поля напряжений. Задокументированные структуры дают веские основания полагать, что рассмотренный участок азовского побережья неоднократно служил ареной выхода очага сильного землетрясения на поверхность. Следы сильных землетрясений сохранились и в виде вторичных нарушений – специфических оползней и обвалов, имеющих

Рис. 21. Геоморфологическая схема района м. Тархан на основе космоснимка высокого разрешения (http://sat01.maps.yandex.net/tiles?l=sat&x=)

признаки аномального перемещения, встряхивания, выброса или отличающиеся колоссальными размерами. В районе пос. Приазовский были обнаружены сейсмовибрационные структуры – нептунические дайки, бескорневые разрывы и другие следы динамических воздействий на тонкодисперсные водонасыщенные осадки (пески и т. п.), способные разжижаться до текучего состояния при интенсивности землетрясения в 7 и более баллов [Овсюченко и др., 2015, с. 48–49].

Вернёмся к городищу Полянка, где в 2016 г. удалось провести рекогносцировочные наблюдения. Сразу большой интерес вызвала небольшая бухта к востоку от него, ограниченная двумя острыми мысами (рис. 22). Бухта окаймляется циркообразным скальным обрывом, в котором обнажены известняки мшанковых рифов мэотического яруса. В позднем миоцене, во время морского осадконакопления, промежутки между рифами заполнились межрифовыми отложениями – глинами, мергелями, ракушечниками и обломочными продуктами волнового размыва рифов. В рассматриваемом районе мшанковые рифы залегают среди черных, тонкослоистых сцементированных глин (аргиллитов). На возвышенных прибрежных пространствах мягкие аргиллиты оказались почти полностью смыты в море, а прочные рифовые постройки отпрепарированы плоскостным смывом и выражены в виде крутых известняковых холмов. Как правило, рифовые известняки выступают в море мысами, а в податливых к размыву межрифовых отложениях или оползневых телах волны выработали бухты с песчано-ракушечными пляжами.

Вокруг рассматриваемой бухты известняки образуют единый скальный массив, состоящий из нескольких рифов. Обрамляющий бухту обрыв, распадающийся на несколько отвесных стенок, нарушает сплошность этого массива. Обрывы секут рифовые постройки и с резким несоответствием наложены на созданный известняковыми холмами рельеф. Морфология обрывов и их взаимоотношение с морфоструктурой побережья

Рис. 22. Геоморфологическая схема района городища Полянка на основе космоснимка высокого разрешения (http://sat01.maps.yandex.net/tiles?l=sat&x=). Белой стрелкой к северу от Полянки показано направление разворота скального массива

создают впечатление, что бухта окаймлена нишей отрыва крупного блок-оползня или обвала. Тело блок-оползня в таком случае может целиком находиться в море, однако строение подводного берегового склона ещё предстоит выяснить.

Фрагменты ниши отрыва сохранились вдоль восточного склона западного мыса, на котором расположена «Полянка» (рис. 23). На окончании мыса скальные известняки рассечены прямолинейной расселиной СЗ простирания (по азимуту 315–320^0). Она вытянута вдоль мыса и ограничена двумя крутыми, плавно сходящимися друг к другу разрывами (рис. 24). Свободное пространство между разрывами заполнено известняковыми глыбами, просевшими в зоне растяжения. Вниз по разрезу, у берега моря, ширина расселины сужается примерно с 10 до 5 м. Величина отседания прибрежного блока невелика – примерно 1–2 м. Проседание внутри рва существенно больше, достигая 4 м. Расселина наблюдается на небольшом участке циркообразного обрыва длиной около 80 м. К югу от пересечения со рвом ортогонального, СВ направления (50–60^0) прослеживается только западный борт расселины, представляющий крутой скальный обрыв. Последний постепенно приобретает дугообразную в плане форму, характерную для обвально-оползневых цирков. Можно полагать, что весь скальный массив испытывал отседание в сторону моря, а свободное пространство – образовавшаяся котловина – ныне заполнено бухтой. Признаки оползневого тела в бухте отсутствуют. Пока остаётся лишь предполагать, что оно полностью переработано волно – прибойной деятельностью моря.

В юго-западном углу тыловой части котловины, заполненной бухтой, к скальному обрыву прислонён небольшой песчаный массив. Аналогичные пески наблюдаются

Рис. 23. Фото и схематические геологические профили восточного обрыва мыса к северу от «Полянки». Положение профилей на рис. 22

на современных пляжах, однако здесь они поднимаются до высоты 20–25 м. Прислонённые к обрыву пески имеют видимую мощность около 10 м. В них прослеживаются параллельные современной поверхности склона прослойки и линзы груообломочного материала (следы обвалов), а в верхней части – погребённая палеопочва. Накопление и переотложение песков шло с перерывами в течение длительного времени. Однако в современных условиях источник песка для отложения на склоне обрыва не очевиден. Этот загадочный песчаный массив заслуживает самого пристального исследования.

Рис. 24. Расселина северо-западной ориентировки на окончании мыса к северу от «Полянки»

На остальных участках основание обрыва покрыто крупными глыбами известняков размером до 30 м в поперечнике. Отдельные глыбы расположены также на пляже и в море. Здесь немногочисленные верхушки глыб выступают среди пляжного ракушечного песка. В рассуждениях о возрастных соотношениях окружающих бухту форм рельефа за основу можно использовать результаты исследований А. А. Клюкина. Он установил, что последние 100 лет скорость абразии на Караларском побережье очень невелика и составляет 0,3 мм/год в районе мыса Зюк и 0,2 мм/год на побережье между мысом Богатубе и бухтой Широкой [Клюкин, 1998, с. 113]. По отношению к абразии рифовые известняки – весьма стойкие породы. Судя по степени переработки морем, глыбы оказались в бухте несколько сотен лет назад. Возраст бухты в современном виде по этим же соображениям ориентировочно можно оценить в несколько тысяч лет.

Помимо расселины СЗ ориентировки тот же (западный) мыс бухты поперёк рассечён рвами СВ простирания, которые особенно отчетливо видны в его восточном обрыве. На участках с обвалившимся или вымытым заполнением рвы имеют ширину до двух метров, и в разной степени ровные, промытые борта, представляя собой карстовые полости, заложившиеся вдоль прямолинейных разрывов в скальном массиве.

В разрезе система разрывов СВ простирания имеет расходящуюся вверх структуру «цветка», характерную для сдвигов (см. рис. 23). При встречном наклоне, по всей видимости, в недрах они сближаются, образуя единый сместитель. Судя по геометрии разрывов, сближение расположено на глубине значительно превышающей местный базис эрозии (уровень моря). Учитывая небольшую глубину моря (первые метры), разрывы,

прекрасно выраженные в рельефе, не могут быть следствием расседания массива под действием лишь одной силы тяжести.

В глубине скального мыса обсуждаемые разрывы сужаются до нескольких сантиметров. Это видно в пещере с просевшими потолочными блоками. Она расположена в нескольких метрах к северу от основного рва, и заложена вдоль оперяющего разрыва. Интересно, что обломки керамики, обнаруженной в пещере, датируются не позже III–II вв. до н. э., при том, что поселение здесь существовало, как уже писалось, и позднее. Можно полагать, что образование рва сопровождалось временным раскрытием с последующим схлопыванием, что неоднократно наблюдалось при современных землетрясениях. На это указывает проседание потолочных блоков. Если высказанное предположение верно, то мы получаем примерную дату обновления рва – конец II вв. до н. э.

Гребень мыса вдоль системы разрывов, где известняки, возможно, разобраны человеком, испытал разворот против часовой стрелки и смещение вдоль рва СВ простирания примерно на 6 м (правый сдвиг). Вероятно, очень молодой правосторонний сдвиг наблюдается и в восточном обрыве мыса (рис. 25). Смещение примерно на 1 м восстанавливается по выдвижению северного крыла рва в восточном направлении. Такое же смещение условно реконструируется и вдоль уреза воды, где основание обрыва скрыто под обвалом поздней генерации. Здесь же, крупные блоки известняков, расположенные к северу от основного рва, оказались выбиты из скального обрыва на несколько метров. Сейчас основания продолговатых блоков высотой в несколько метров находятся в море, а верхние части прислонены к обрыву. Это говорит о мощном сейсмическом ударе с запада в широтном направлении. Удар мог быть следствием: как собственно сейсмических колебаний из близко расположенного сейсмического очага; так и результатом сейсмотектонических смещений в самом очаге, по рассекающему мыс разрыву. Отброшенные глыбы не обнаруживают следов длительного абразионного воздействия. Можно полагать, что выброс глыб произошёл несколько сотен лет назад.

На северной оконечности часть мыса выколота двумя ортогональными трещинами. Однако продукт разрушения массива – обломки известняков – отсутствуют. Они или полностью переработаны морем, или перемещены таким образом, что часть скального массива полностью оказалась в море. Выкалывание части мыса являет собой свидетельство более древнего разрушения массива, в результате которого его окончание было полностью перемещено в море. Пока не ясны: возраст разрушения; объемы перемещенных масс и сама форма их перемещения. В то же время, можно полагать, что аналогичные явления происходили и ранее.

Систему разрывов СВ ориентировки также можно наблюдать на противоположном, восточном мысе бухты. Здесь расположен северный борт структуры проседания, где контактируют черные, тонкослоистые глинистые породы (аргиллиты) с мшанковыми известняками. Последние слагают возвышенный останец, отделённый от прибрежной возвышенности узким понижением. Аргиллиты внутри структуры проседания залегают субгоризонтально. Вдоль контакта с известняками в аргиллитах наблюдается субвертикальная зона смятия со сложной дисгармоничной складчатостью, структурами течения, глинкой трения и разноориентированными бороздами скольжения. Кое-где перемятые глинистые породы оказались вдавлены между слоями известняков. Борозды

Рис. 25. Вид основного рва северо-восточной ориентировки в восточном обрыве мыса к северу от «Полянки». Стрелками показано направление выдвижения массива в северном крыле рва и направление отброса глыб. Штриховая линия – условное положение уреза воды

скольжения в известняках ориентированы преимущественно субгоризонтально, а угол наклона к горизонту не превышает 20^0. Все эти признаки однозначно указывают на первично тектоническую природу наблюдаемой структуры проседания. Схожие рвы прослеживаются вдоль берега моря и восточнее бухты (рис. 26).

Подведём некоторый итог. Бухта к востоку от «Полянки» обрамлена скальными обрывами. Морфология обрывов и их взаимоотношение с морфоструктурой побережья создают облик ниши отрыва крупного блок-оползня или обвала. Наличие расселины и продолжающего её обрыва, обрамляющего бухту, позволяют полагать, что весь скальный массив испытывал неоднократное отседание в сторону моря. Однако, возраст разрушения; объемы перемещенных масс и сама форма их перемещения пока не ясны.

На мысах бухты рвы образуют ортогональную систему, вытянутую вдоль берега моря в широтном направлении не менее чем на 600 м. Основные черты деформаций имеют характерные признаки тектонических. Также все они носят следы неоднократных катастрофических обновлений. Очевидны: геолого-структурная обусловленность и тяготение системы рвов к прибрежному обрыву (клифу). Разрывы, прекрасно выраженные в рельефе, не могут быть следствием расседания массива под действием лишь

Рис. 26. Рвы северо-восточной ориентировки на восточном мысу бухты

одной силы тяжести. В то же время, у высокого прибрежного обрыва тектонические смещения могли быть усилены силой тяжести. В терминологии одного из двух основоположников палеосейсмологического метода В. П. Солоненко такие структуры рассматриваются в качестве гравитационно-сейсмотектонических. Они представляют собой переходную форму между сеймогравитационными и сейсмотектоническими нарушениями; прямо предопределены тектоническими смещениями, но сильно искажены силой тяжести [Солоненко, 1973, с. 6–7]. В классификации А. А. Никонова [Никонов, 1995, с. 7–8], такие деформации рассматриваются как сейсмодинамические, возникающие не за счёт собственно тектонических сил, а в результате инерции горных масс при резких сейсмических колебаниях скальных массивов. Оба этих варианта приложимы к рассмотренной ситуации. Решение вопроса о природе обсуждаемых разрывов на «Полянке» возможно при выяснении их строения в недрах.

О возрасте деформаций можно составить лишь относительные представления. Последнее событие произошло несколько сотен лет назад, результатом чего был сейсмический выброс крупных глыб из восточного обрыва мыса возле «Полянки». Это событие могло сопровождаться обновлением рвов СВ ориентировки. Датировка керамики, попавшей в упомянутую пещеру заложенную вдоль одного из рвов, позволяет предполагать обновление рва в конце II вв. до н.э, что даёт нам возраст более древнего события.

Судя по тому, что рвы СВ ориентировки рассекают и смещают расселину вытянутую вдоль мыса, их катастрофическое обновление произошло после или во время отседания скального массива в сторону моря. Для более точного восстановления последовательности и количества событий сделанных наблюдений пока недостаточно

По сути, изучение сейсмической истории Южно-Азовского разлома только начинается. Возникает множество новых вопросов, в первую очередь о силе и датировках землетрясений. Геологическая и археологическая изученность Восточного Крыма позволяет приблизиться к их решению. В районе «Полянки» предоставляется уникальная возможность сопоставить историю катастрофических деформаций известнякового массива с историей поселения.

Основные итоги можно представить следующим образом:

• Судя по форме и систематическому проявлению в стенах определенной ориентировки большинство наблюденных деформаций стен на «Полянке» – сейсмически наведенные;

• в стенах городища имеются следы, по крайней мере, трёх сильных сейсмических событий:

– Во время первого землетрясения (конец II в. до н. э.) произошло обрушение почти всей древнейшей – водораздельной части поселения в море.

– Второе событие, по-видимому, известное по литературным источникам землетрясение 63 г. до н. э. Большинство приведенных в статье деформаций в зданиях «Полянки» образовалось именно во время этой сейсмической катастрофы.

– Свидетельство третьего события – значительные глыбы коренных пород, скатившиеся с восточного скального массива на открытые пространства (вымостки дворов) застройки поселения I в. до н. э. Они лежали на нетолстом (15–25 см) слое грунта, образовавшемся относительно непродолжительное (вероятно, 20–30 лет) время спустя после оставления поселения его жителями на рубеже тысячелетий – эр (около 12–9 гг. до н. э.);

• следы указанных событий имеются и в скальном массиве, обрамляющем бухту возле «Полянки»;

• направление максимального суммарного сейсмического воздействия при землетрясении 63 г. до. н. э. было – с ЗЮЗ;

• сила толчков была не менее (VIII)≤ Io ≤ IX_баллов;

• представляется, что исследование по отдельности деформаций стен каждого строительного комплекса «Полянки» с одной стороны, а также изучение взаимоотношений катастрофических деформаций известнякового массива с культурными слоями с другой, открывает редчайшую возможность для надежного и точного выяснения причины и хронологии разрушительных природных событий.

Список литературы

Аракелян, 1983. Аракелян Ф. О. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском п–ове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Арм ССР. Науки о Земле. Вып. 36, 4. Ереван.

Белик и др., 2016. Белик Ю. Л., А. М. Корженков, А. В. Куликов, А. С. Ларьков, А. Н. Мараханов, А. Н. Овсюченко, Е. А. Рогожин. Сейсмогенные деформации в стенах позднесредневековой крепости Ени-Кале в Восточном Крыму // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 43. № 2.

Блаватский, 1977. Блаватский В. Д. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. № 8.

Богачкин и др., 1997. Богачкин Б. М., Корженков А. М., Мамыров Э., Нечаев Ю. В., Омуралиев М., Петросян А. Э., Плетнев К. Г., Рогожин Е. А., Чаримов Т. А. Структура очага Сусамырского землетрясения 1992 г. на основании анализа его геологических и сейсмологических проявлений // Физика Земли. № 11.

Борисенко и др., 1995. Борисенко Л. С., Пустовитенко Б. Г., Новик Н. Н., Вольфман Ю. М., Дублянский В. Н. Некоторые методические аспекты сейсмического районирования областей новейшего горообразования и сопредельных территорий (на примере Крыма) // Сейсмичность и сейсмическое районирование Северной Евразии. М. Вып. 2–3.

Борисенко и др., 1999. Борисенко Л. С., Пустовитенко Б. Г., Дублянский В. Н., Вахрушев Б. А., Клюкин А. А., Ена А. В., Китин М. А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь.

Винокуров, Никонов, 1998. Винокуров Н. И., Никонов А. А. О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора // РА. № 4.

Винокуров, Никонов, 2004. Винокуров Н. И., Никонов А. А. Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре, как хронологический репер // БФ. Ч. 1.

Винокуров, 2015. Винокуров Н. И. Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан) // БК. 16. Керчь.

Винокуров и др., 2015. Винокуров Н. И., Корженков А. М., Родкин М. В. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42. № 2.

Геология…, 1992. Геология и геодинамика района Крымской АЭС / Отв. ред. Н. М. Гавриленко, А. В. Чекунов. К. 1992.

Гобаренко и др., 2016. Гобаренко В. С., Муровская А. В., Егорова Т. П., Шеремет Е. Е. Современные коллизионные процессы на северной окраине Черного моря // Геотектоника. 2016. № 4.

Корженков А. М., Мазор Э. 2001. Корженков А. М., Мазор Э. Структурная реконструкция сейсмических событий: руины древних городов как окаменевшие сейсмографы // Известия МОН РК, НАН РК. № 1.

Корженков и др., 2006. Корженков А. М., Муралиев А. М., Ормуков Ч. О., Сейталиев М. М., Джумабаева А. Б. Гребенникова В. В. Макросейсмическое обследование Кочкорского землетрясения 26 декабря 2006 года (M = 5,5, K = 14, Io = 7) в Северном Кыргызстане // Наука и новые технологии, № 3–4.

Корженков и др., 2015. Корженков А. М., Аванесян М. А., Варданян А. А., Вирджино А. О следах землетрясений IX в. в развалинах Двина – древней столицы Армении // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42. № 1.

Корженков и др., 2016а. Корженков А. М., Варданян А. А., Стаховская Р. Ю. Следы землетрясений в затерянном городе // Природа. № 3.

Корженков и др., 2016б. Корженков А. М., Ларьков А. С., Мараханов А. В., Молев Е. А., Овсюченко А. Н., Рогожин Е. А., Хршановский А. В. Следы сильных землетрясений в крепостных стенах Античного города Китей, Керченский полуостров // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола 22–25 ноября 2016 г. СПб.

Корженков и др., 2016 в. Корженков А. М., Лужанский Д., Абдиева С. В., Деев Е. В., Павлис Т., Рогожин Е. А., Турова И., Юдахин А. С. О следах сильного землетрясения в стенах средневековых городищ Сары-Булун на Великом шелковом пути (Западное Прииссыккулье, Северный Тянь-Шань) // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 43. № 4.

Корженков и др., 2016 г. Корженков А. М., Моисеев Д. А., Овсюченко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. В., Рогожин Е. А., Эмруллаев Ш. А. Археосейсмологические исследования в древней столице крымских ханов Салачике // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 43. № 3.

Корженков и др., 2016 д. Корженков А. М., Овсюченко А. Н., Ларьков А. С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате // Природа. № 10.

Клюкин, 1998. Клюкин А. А. Абразия берегов Керченского полуострова в XX веке // География и природные ресурсы. № 1.

Масленников, 2013. Масленников А. А. О локальных геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // ДБ. 17.

Никонов, 1994. Никонов А. А. Признаки молодой тектонической активности в зонах Южно-Азовского и Керченского разломов // Геотектоника. № 5.

Никонов, 1995. Никонов А. А. Терминология и классификация сейсмогенных нарушений рельефа // Геоморфология. № 1.

Никонов, 1996. Никонов А. А. Разрушительное землетрясение 1751 г. в Крыму // Физика Земли. № 1.

Овсюченко и др., 2015. Овсюченко А. Н., Шварев С. В., Ларьков А. С. Мараханов А. Н. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42. № 3.

Палеосейсмология, 2011. В 2-х томах / Ред. Дж. П. Мак-Калпин. М.

Паталаха и др., 2003. Паталаха Е. И., Гончар В. В., Сенченков И. К., Червинко О. П. Инденторный механизм в геодинамике Крымско-Черноморского региона. Прогноз УВ и сейсмоопасности. Киев.

Пустовитенко и др., 2006. Пустовитенко Б. Г., Кульчицкий В. Е., Пустовитенко А. А. Новые карты общего сейсмического районирования территории Украины // Геофизический журнал. Т. 28. № 3.

Рогожин, 2012. Рогожин Е. А. Очерки региональной сейсмотектоники. М.

Солоненко, 1962. Солоненко В. П. Определение эпицентральных зон землетрясений по геологическим признакам // Известия АН СССР. Серия геологическая. № 11.

Солоненко, 1973. Солоненко В. П. Палеосейсмогеология // Изв. АН СССР. Физика Земли. № 9.

Трифонов, 2008. Трифонов В. Г., Караханян А. С. Динамика Земли и развитие общества. М.

Хапаев, 2008. Хапаев В. В. Письменные источники по истории Крымских землетрясений античного и средневекового периодов // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «История». Т. 21 (60). № 1.

Хапаев и др., 2016. Хапаев В. В., Корженков А. М., Овсюченко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. В. Археосейсмологические исследования в древнем городе Херсонесе (Севастополь, Крым) // Геология и геофизика Юга России. № 3.

Юдин, 2011. Юдин В. В. Геодинамика Крыма. Симферополь.

Archaeoseismology. S. Stiros and R. E. Jones (eds.), 1996. British School at Athens. Fitch Laboratory Occasional Paper 7.

Ghose et al., 1997. Ghose S., Mellors R. J., Korjenkov A. M., Hamburger M. W., Pavlis T.L, Pavlis G. L., Omuraliev M., Mamyrov E., MurialievA. R. The Ms = 7.3 1992 Suusamyr, Kyrgyzstan earthquake in the Tien Shan: 2. Aftershock focal mechanisms and surface deformation // Bulletin of Seismologic Society of America. Vol. 87. No. 1.

Korjenkov et al., 2003. Korjenkov A. M., Baypakov K. M., Chang C., Peshkov Yu., Savelieva T. Traces of ancient earthquakes in Medieval cities along the Great Silk Route, northern Tien Shan and Dzhungaria // Turkish Journal of Earth Sciences. Vol. 12.

Korjenkov et al., 2008. Korjenkov A. M., Kaiser D., Groupner S. Preliminary analysis of damages of possible seismic origin to historical monuments in north-eastern Germany // Archeosismicite & Vulnerabilite. Patrimoine bati ouvert au public. Actes des VIe et VIIe Recontres du Groupe APS. 2005.

Korzhenkov, Mazor, 1999. Korzhenkov A. M., Mazor E. Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technologies. No. 1.

Korzhenkov, Mazor, 2014. Korzhenkov A. M. and Mazor E. Archaeoseismological damage pattern at the ancient ruins of Rehovot-ba-Negev, Israel // Archaeologischer Anzeiger. № 1.

Korjenkov, Schmidt 2009. Korjenkov A. M. and Schmidt K. An Archaeoseismological Study at Tall Hujayrāt al-Ghuzlān: Seismic Destruction of Chalcolithic and Early Bronze Age Structures. In: Prehistoric ᶜAqaba I. Deutsches Archäologisches Institut. Orient-Abtailung. Orient-Archäologie. Band 23. Rahden/Westf.

Rapp, 1986. Rapp G. Assessing archaeological evidence for seismic catastrophes // Geoarchaeology. Vol. 1.

Sylvester, 1988. Sylvester A. G. Strike-slip faults // Geological Society of America Bulletin. Vol. 100.

Summary

A. A. Maslennikov, A. N. Ovsyuchenko, A. M. Korzhenkov,
A. S. Larkov, A. V. Marahanov
Evidences of strong ancient earthquakes in settlement Polyanka
and Southern Azov active fault

We have conducted investigations along southern coast of the Azov Sea with a purpose of study of the Southern Azov seismically active fault. We have studied also deformations in walls of ancient Polyanka settlement in the same region. In result of our work there were revealed that most of observed deformations in the walls in Polyanka are seismically induced; in the settlement walls there are traces of minimum two strong seismic events; a direction of maximum summary seismic effect during second (63 BC) earthquake was from WSW; local seismic intensity – (VIII)≤ Io ≤ IX. An age of seismic events – between end of II century BC and eras border. We believe that study of deformations in walls of individual building periods and correlations of catastrophic deformations of limestone massif with cultural layers could be a basis for reliable and precise chronology of destructive natural events in the region.

Р. А. Мимоход, Н. И. Сударев, П. С. Успенский
(ИА РАН, г. Москва)

Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация)

Весной и летом 2016 г. Сочинская экспедиция ИА РАН проводила охранно-спасательные археологические исследования северной части грунтового некрополя Волна 1 (Таманский п-ов, Краснодарский край, поселка Волна). Исследованная площадь составила 0,9 га (рис. 1). Он был выявлен и частично раскопан И. В. Цокур в ходе в 2015 г. [Цокур, Селивантьев, Шереметьева, 2016, с. 118].

К сожалению, проследить какие-то стратиграфические особенности памятника (например, наличие надмогильных насыпей и т. п.) невозможно, потому что вся территория подвергалась интенсивной плантажной распашке. Концентрация погребений на исследованном участке высокая. Однако случаев нарушения могил более поздними захоронениями не зафиксировано. То есть, места захоронений, скорее всего, как то маркировались.

Всего было выявлено 196 погребений[1] и 136 комплексов[2].

Все погребения совершены по обряду ингумации. Их можно разделить на следующие группы:

– *захоронения младенцев в амфорах (enchytrismoi)* (рис. 2, *1, 2);*

– *погребения в простых грунтовых ямах* (рис. 2, *3);*

– *захоронения в сырцовых гробницах (ящиках)*[3] (рис. 2, *4*).

Погребения в амфорах сконцентрированы преимущественно в восточной части исследованной площади, но изредка встречались и на других участках некрополя. В качестве вместилища останков использовались амфоры различных типов. В основном это были лесбосские и хиосские пухлогорлые и прямогорлые амфоры (рис. 3), однако встречаются

[1] Общее количество индивидов 222. Из них: 94 –мужчины, 59- женщины, 18- дети и подростки (до 19 лет), 22- установлен возраст; 29 – пол и возраст не установлен. Процентное соотношение полов 61,4/38,6%. Средний возраст смерти (без учета детской) 31,1 г.; у мужчин – 35,9, у женщин 30,8 л.

[2] Часть комплексов, безусловно, связана с разрушенными и детскими погребениями, однако часть – с различными ритуальными действиями на некрополе.

[3] Мы используем устоявшийся в античной историографии термин «сырцовые ящики» или «сырцовые гробницы», хотя в качестве материала могли использоваться не только сырцовые кирпичи, но и блоки, вырезанные из грунта, глины и т. д. Например, в Южной Италии и Сицилии наряду с сырцовыми блоками широко применялись блоки из мягкого туфа.

Рис. 1. Местоположение грунтового некрополя Волна 1

Рис. 2. Типы погребальных сооружений: 1, 2 – захоронения младенцев в амфорах (*enchytrismoi*), 3 – погребения в простых грунтовых ямах, 4 – захоронения в сырцовых ящиках

и иные типы сосудов[4]. У амфор, как правило, была выбита одна стенка или полностью отбито горло. В более поздних комплексах использовались битые амфоры и их части. Наиболее ранние амфоры датируются в пределах середины-третьей четверти VI в. до н. э.[5]

[4] В погребении № 154 в качестве сосуда для захоронений использован пифос, вероятно, специально для этого изготовленный. Подобные сосуды не редкость для детских погребений Греции и Юга Италии. Однако для территории Боспора этот случай уникальный. В качестве аналогии приведем сосуды из некрополей Родоса VI в. до н. э. [Jacopi, 1931, tav. VIII].

[5] Возможно в пределах третьей четверти VI в. до н. э. датируется и амфора из комплекса 109. С. Ю. Монахов аттрибутирует ее как раннюю фасосскую и относит к концу столетия.

(комплекс 178 (рис. 3, *1*) [Монахов[6], 2003, с. 14–15, тип II-A]). Самые поздние – (комплекс 186) совершены в синопской амфоре с клеймом астинома ΑΙΣΧΙΝΗΣ (рис. 3, *6*). По мнению Н. Ф. Федосеева, оно датируется 289 г. до н. э., а по В. И. Кацу, – 60-ми годами III в. до н. э. [Кац, 2015, № 1041–1043]. В большинстве амфор кости не сохранились, но соответствующее их использование в данном случае не вызывает сомнений. Следует отметить, что детские погребения в амфорах, хотя и являются распространенным обрядом в греческих некрополях, встречаются в них неравномерно. Яркий пример: распределение детских захоронений в сосудах по некрополям Великой Греции. В Каулонии таких погребений 30%. В Сиракузах – 24% в VI в. до н. э., но к IV в. до н. э. их количество падает. Подобная картина наблюдается и в некрополе Гелы, где в VI в. до н. э. амфорных погребений до 40%, а к V в. до н. э. меньше. Вообще, практически во всех дорийских колониях Великой Греции их процент стабильно велик как относительно общего числа захоронений, так и в процентном отношении к прочим детским погребениям. С другой стороны, в некрополях Метапонта (ахейская колония) таких погребений только два из более чем 500, а в некрополе Кум (эвбейская колония) – из такого же количества – одно. Аналогичную картину мы наблюдаем и в боспорских некрополях [Сорокина, Сударев, 2000, с. 193–204; Сударев, 2010, с. 425–427; Завойкин, Колесников, Сударев, 2016, с. 193–197]. Следует отметить, что в некрополе у мыса Тузла погребений в амфорах нет, в некрополе у мыса Панагия – их немного, в некрополе Гермонассы – в небольшом числе они появляются только в эллинистический период. В некрополе поселения Артющенко, они составляют 6,9%[7] [Кашаев, 2017 (в печати)]. Однако в некрополях Фанагории, Кеп, пос. Виноградного 7 подобных захоронений большинство [Сорокина, Сударев, 2000, с. 193–204; Сударев, 2010, с. 425–427; 2016, 336–337; Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–480; Завойкин, Колесников, Сударев, 2016, с. 193–197].

Следует отметить и такую особенность рассматриваемого некрополя, как наличие участка, где такие захоронения встречаются чаще всего. Подобную картину мы наблюдаем и в некрополе пос. Виноградный 7, где детские погребения встречены наиболее концентрировано в районе, отличавшемся большим количеством тризн и иных ритуальных действий. Отметим также, что в обоих некрополях детский участок имеет более широкую датировку, чем близлежащий – некрополя взрослых. Это, вероятно, говорит об устойчивости традиции хоронить детей на специально отведенных площадях[8].

Наиболее многочисленные погребения второй группы зафиксированы на всей территории памятника. Захоронения совершены в ямах прямоугольной или овальной формы (рис. 2, *3*). Иногда в могилах фиксировались канавки вдоль торцевых стенок. Несмотря на то, что при выборке заполнения следов дерева не выявлено, их можно довольно уверенно интерпретировать, как канавки для установки ножек деревянных клине **(klinh,).** Подобные – известны в различных некрополях как Греции, так

[6] Ряд комплексов обработан и зарисован С. Ю. Монаховым. Благодарим Сергея Юрьевича за консультации при написании данной статьи.

[7] Благодарю Сергея Владимировича за любезные консультации.

[8] Остается открытым вопрос, почему большую часть детей хоронили на специально выделенных участках, а некоторых – на общих со взрослыми.

Рис. 3. Амфоры-вместилища для детских погребений: 1 – погребение № 178 (комплекс 178) [Монахов, 2003, тип. IIA]; 2 – погребение 109; 3 – погребение (комплекс) 87. Лесбос красноглиняный, архаического типа, вариант I-B [Монахов, 2003]; 4 – погребение (комплекс 183). Хиос, вариант «с протоколпачковой ножкой», конец V в. до н.э. [Монахов, 2003]; 5 – погребальный пифос из погребения 154; 6 – погребение (комплекс 186). Синопской амфоры с клеймом астинома ΑΙΣΧΙΝΗΣ

Рис. 4. Погребение воина с доспехом (Погребение 166)

и Северного Причерноморья [Коровина, 1962, с. 303; Завойкин, Колесников, Сударев, 2016, с. 129–130; Кашаев, 2010, с. 88–96]. Так в некрополе Фанагории были зафиксированы следы настила и наличие ножек, а в одном из полностью ограбленных погребений вообще уцелели только такие ножки из слоновой (?) кости. Кроме того, в пользу предположения, что погребенные в могилу с канавками укладывались на некую плоскую деревянную поверхность, говорит и расположение костей: зачастую после разрушения досок настила фрагменты костяка скатывались в эти канавки. Там же нередко встречается

и инвентарь. Впрочем, часть его изначально устанавливалась в эти канавки и после размещения настила на свое место закрывалась им. Возможно, отчасти, это делалось с целью сохранения погребальных приношений от грабителей.

Среди захоронений этой группы выделяется погребение № 166, в котором содержался полный пластинчатый доспех (рис. 4). Он был расстелен на дне ямы, непосредственно под покойным. Следует отметить, что для ранних грунтовых некрополей Боспора такая находка уникальна и была известна только в некрополе Фанагории.

Особой формой погребального сооружения являются сырцовые гробницы (ящики) (рис. 2, *4*). В них грунтовые блоки были уложены вдоль стенок ямы, в один ряд шириной и в несколько слоев высотой. Конструкция устанавливалась непосредственно на дно ямы или на невысокие заплечики. Положение погребенного, его ориентировка, расположение инвентаря – такие же, как при захоронениях в простых грунтовых ямах. Обратим внимание на следующую деталь. Общепринятым для таких гробниц является применение сырца. Однако нами было зафиксировано, что частично использовались и грунтовые блоки. Причем иногда вместе с сырцовыми кирпичами. Исследование аналогичных гробниц на некрополях соседних поселений Виноградный 7 и Виноградный Северо-Восточный показывает, что в качестве материала могли использоваться блоки, вырезанные из железняка, из киловой[9] глины и т. д.[10].

Вопросу о сырцовых гробницах боспорских некрополей посвящена одна из статей настоящего сборника. Отметим лишь, что, по нашему мнению, они связаны с соответствующей греческой традицией и довольно широко распространены на близлежащих некрополях.

В погребениях были обнаружены одиночные и коллективные захоронения. В большинстве случаев скелеты лежали вытянуто на спине, реже скорчено на правом или левом боку, а также на спине с согнутыми в коленях и разведенными в стороны ногами («поза всадника»[11] или «скорченно на спине»). Ориентировка – восточная, иногда с отклонениями к северу или югу. Варианты скорченности фиксируются

[9] Кил (кеффекелит, кеффекилит, кеффекил, кеффекиль, горное и земляное мыло, мыльный камень, мыльная земля, мыловка, голубая глина) – своеобразная крымская бентонитовая глина; состоит преимущественно из монтмориллонита. За крымским бентонитом в научной и справочной литературе закрепилось название «кил» (тур. Kil – глина).

[10] В некрополях греческих колоний Южной Италии и Сицилии широкое применение при строительстве погребальных сооружений получил легкий вулканический туф, который близок по свойствам и возможности обработки к вышеописанным грунтовым блокам, и, по сути, также является их разновидностью. В нашем исследовании о происхождении сырцовых гробниц (см. Иванов, Сударев в этом сборнике) мы использовали данные о сооружениях только из сырцового или саманного кирпича. Если учитывать при рассмотрении вопроса о происхождении сырцовых ящиков и гробницы, построенные из блоков, вырезанных из туфа, то их количество будет значительно больше.

[11] Такая «поза» возникает у погребенного, в случае если он уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, при этом колени повернуты вверх. При разложении трупа, ноги могли завалиться вправо или влево, и тогда позу мы называем « на спине, с согнутыми вправо или лево ногами». Но, как показывает практика, очень часто ноги распадались в две стороны, из-за чего получалась поза «на спине с ногами, лежащими ромбом», или т. н. «поза всадника». Вариантом этой «позы» является положение, когда одна нога завалилась в сторону, а другая выпрямилась. Естественно, что дополнительной смысловой нагрузки слово «всадник» в данном словосочетании не несет. Наличие такого захоронения говорит о том, что разложение костей происходило в закрытом незаполненном землей пространстве. В случаях, когда перекрытие не зафиксировано, это косвенно указывает на его наличие.

в различных некрополях греческого мира и на Боспоре. Более того, в ряде греческих и, в первую очередь, дорийских центров таких погребений в VI–V вв. до н. э. довольно много [Kurtz D. C., Boardman J., 1971, с. 192; Blegen, Palmer, Young, 1964, pl. 101–108]. Однако процентное соотношение их не одинаково. Мы уже неоднократно касались этого вопроса [Сударев, 2004, с. 332–343, 2010, с. 442–443]. Отметим лишь, что на Боспоре такое положение не встречается в некрополях у мысов Тузла и Панагия; «скорченники» редки, в некрополе пос. Артющенко [Кашаев, 2009, с. 201, 205; 2010, рис. 1, 3]. В большинстве некрополей Европейского Боспора (за исключением Нимфея) таких погребений нет. В тоже время в некрополях Фанагории, Кеп, Виноградного 7, Гермонассы и некоторых других – их процент значителен [Сударев, 2004, с. 332–343; Завойкин, Колесников, Сударев, 2016, с. 188–196]. Обращает на себя внимание, что наличие в некрополях погребений в положении «скорченно» или «скорченно на спине» очень четко коррелируют с наличием в тех же некрополях детских погребений в амфорах.

В коллективных захоронениях скелеты лежали в вытянуто на спине рядом друг с другом. В некоторых комплексах кости одного индивида располагались в анатомическом порядке, а кости другого – уложенные «пакетом» (рис. 2, *3*). Подобные случаи изредка встречаются на территории Боспора и могут рассматриваться, как остатки «выставлений» [Сорокина, Сударев, 2001, с. 377–385; Соловьев, 2002, с. 102]. Наличие погребений, совершенных по нехарактерному для греков обряду, позволяет говорить о присутствие в этом поселении некоего варварского населения [Иванов, Сударев, 2012, с. 193–197; 2013, с. 176–183]. Это особенно интересно в связи с тем, что поселение Волна 1 возникло на месте более раннего догреческого населённого пункта[12]. И хотя вопрос о преемственности между ними остается дискуссионным, отметим, что в непосредственной близости располагался колодец, существовавший непрерывно с догреческого времени по IV–III вв. до н. э. [Сударев, Чевелев, Крайнева, 2012, с. 410–413; Иванов, Сударев, 2013, с. 179–181]. Здесь же был зафиксирован комплекс, который мы склонны считать остатками площадки для выставлений [Иванов, Сударев, 2012, с. 196–197; 2013, с. 181].

Исследованные погребения сопровождались разнообразным инвентарем; в некоторых было зафиксировано более 20 различных предметов. В их расположении выделяется ряд особенностей. Так сосуды были установлены в одну линию с левой стороны от погребенного, иногда посуда ставилась в его ногах, реже в головах. Мечи в большинстве случаев располагались у пояса, наконечники копий в головах. Вообще, захоронений с оружием достаточно много (более 35%). Это железные мечи, наконечники копий, реже – бронзовые и железные наконечники стрел. Вопросу о погребениях с оружием посвящено много публикаций [Сударев, 2005, с. 199–254; Сорокина, Сударев 2002а, с. 234–241; Завойкин А. А., Сударев Н. И. 2006, с. 101–151; 2006а, с. 263–303; см. так же статью Иванов, Сударев в этом сборнике]. Отметим лишь больший, чем в других некрополях,

[12] На территории поселения Волна 1 В. Г. Житниковым были открыты остатки догреческого поселения (поселений?), в том числе со следами каменного домостроительства. Предварительно оно датировано эпохой финала бронзы – ранним железным веком. Материал отсюда пока не опубликован и находится в стадии обработки, но, благодаря любезности Виктора Георгиевича, нам удалось наблюдать эти строения в процессе раскопок.

процент погребений с оружием [Завойкин А. А., Сударев Н. И. 2006, с. 101–151; 2006а, с. 263–303].

Среди украшений встречены бронзовые перстни и кольца, а также серьги, бронзовые или серебряные изделия в 1,5 оборота с окончаниями в виде четырехгранных пирамидок. Большинство этих предметов находит многочисленные аналогии в остальных некрополях Боспора. В одном погребении обнаружена пластина из электра с изображением льва (рис. 5). Образ льва в греческом искусстве связан с различными божествами, в частности с Аполлоном, Гераклом, Кибелой. В Северном Причерноморье и на Боспоре отмечается его связь с Аполлоном в ипостаси Врача – покровителя греческой колонизации [Виноградов, Русяева,1980, с. 30–31; Русяева, 1986, с. 25–63; 2005, с. 209; Сударев, 1999, с. 213–231]. Кроме того, изображения львов использовались в качестве апотропеев, в том числе в погребальных обрядах [Кучеревская, Федосеев, 2003, с. 160–164]. Такие вещи редки в других некрополях. В качестве аналогии можно привести пластину с изображением льва из некрополя Панское [Stolba, Rogov, 2012, p.327, pl. 72, K20].

Рис. 5. Электровая пластина с изображением льва (погребение 207)

Чаще всего встречалась керамика. Наиболее распространенный тип – это тарная протофасосская амфора. В двух случаях зафиксированы небольшие столовые амфоры. В захоронениях также обнаружены красноглиняные кувшины, ойнохои, простые красноглиняные или сероглиняные миски разных размеров. Отметим также серию сероглиняных ойнохой лесбосского производства и ряд миниатюрных ольп из какого – то ионийского центра.

Сосуды для питья представлены ионийскими полосатыми, коринфскими, а также аттическими чернолаковыми и чернофигурными киликами, скифосами, канфарами и. одноручными чашами (рис. 7). Обращает на себя внимание серия миниатюрных, вотивных (?) котил и одноручных чаш.

Дополняют комплекс посуды сосуды для масел и благовоний. К ним относятся чернофигурные и чернолаковые лекифы, аски, арибаллы, а также алабасты и амфориски из финикийского стекла (рис. 8, 9). Особый интерес представляет серия коринфских арибаллов первого и второго позднекоринфского периода, которые могут датироваться в пределах второй четверти – середины VI в. до н. э. (рис. 6, *9, 10*). Они относятся к круглодонным коринфским арибаллам с четырехлепестковым орнаментом. Вероятно, самая ранняя из представленных в некрополе вещей принадлежит первому позднекоринфскому периоду и датируется 575–550 гг. до н. э. Подобные арибаллы с выпускались

Рис. 6. Ионийская и коринфская керамика из погребений: *1* – погребение 177; *2* – погребение 155; *3, 4* – погребение 203; *5* – погребение 238; *6* – погребение 166; *7* – погребение 247; *8* – погребение 312; *9* – погребение 228; *10* – погребение 260

и позднее, в течение второго позднекоринфского периода (550–500 гг. до н. э.). Большинство аналогичных сосудов из некрополя Ольвии В. М. Скуднова отнесла ко второму

Рис. 7. Аттическая керамика из погребений: *1* – погребение 172; *2* – погребение 223; *3* – погребение 166; *4* – погребение 260; *5* – погребение 208; *6* – погребение 216

Рис. 8. Аттические лекифы из погребений
1 – комплекс 211; *2* – погребение 188; *3* – погребение 228

позднекоринфскому периоду, т. е.: 3–4 четвертью VI в. до н. э. [Буйских, 2013, с. 204, № 137–143; Букина, 2010, № 39–49; Скуднова, 1988, № 28, 67, 216, 222, 227, 263].

В погребениях было найдено довольно много нижних частей сосудов, как правило, киликов. Такие случаи и прежде, хотя и с разной степенью встречаемости, фиксировались в некрополях Боспора [Сорокина, Сударев, 2001, с. 134–135]. На основании ольвийских материалов В. П. Яйленко считал нижние части сосудов посвящениями хтоническим богам: Деметре, Персефоне, Иакху и Кабирам [Яйленко, 1980, с. 78].

Отметим также наличие в рассматриваемом некрополе игл, пряслиц, ракушек каури. Большая часть из них относится к предметам не столько утилитарного использования,

Рис. 9. Стеклянные сосуды из погребений:
1 – погребение 162; *2* – погребение 208; *3* – погребение 181; *4* – погребение 188

сколько связанного с магическим, заупокойными функциями [Сорокина, Сударев, 2001, с. 133–139].

Очень важна для понимания памятника его датировка. Наиболее ранние из исследованных погребений северной части некрополя Волна 1 могут быть отнесены к середине, а, возможно, и ко второй четверти VI в. до н. э. Самым поздним на этом участке является упомянутое детское захоронение в синопской амфоре 80–60-х годов III в. до н. э. Следует отметить, что погребений этого периода взрослых людей не обнаружено.

Большая же часть погребальных комплексов относится ко второй половиной VI–V вв. до н. э. Однако на соседнем участке встречены погребения IV в. до н. э. [Цокур, Селивантьев, Шереметьева, 2016].

Погребения некрополя Волна 1, по всей видимости, были оставлены местным греческим населением, по всей видимости, обитавшем на большом одноименном поселении, расположенном в 0,5 км южнее.

В заключении остановимся еще на одном вопросе. Читатель, конечно же, обратил внимание, что статья называется «Новый «*городской*» некрополь …». Естественно, задаться вопросом: почему? Во-первых, это был действительно крупный, насыщенный и, по меркам Боспора, очень богатый некрополь. Во-вторых, поселение Волна 1, появившееся не позднее второй половины VI в. до н. э. на месте некоего догреческого пункта, было, опять-таки ж по боспорским меркам, весьма и весьма значительным, с элементами правильной планировки и основательным каменным домостроительством [Соловьев, 2016, с. 103–118; Житников, 2016, с. 57–66]. Судя же по материалам некрополя, его датировку можно «опустить» до второй четверти VI в. до н. э. Следы обряда «выставления», быть может, говорят о том, что в составе его жителей были и местные варвары. Несмотря на больше количество общих для всех таманских некрополей черт, данный – имеет ряд отличий. Общего же у него более всего с некрополями поселения Артющенко 2, Кеп и Фанагории. Однако говорить о «родственной связи» между ними преждевременно. Так же как и о том, что: «Перед нами остатки новой, неизвестной ранее греческой апойкии…».

Список литературы

Буйских, 2013. Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев.

Букина, 2010. Букина А. Г. Коринфская художественная керамика // ТГЭ, LIV. СПб.

Виноградов, Русяева, 1980. Виноградов Ю. Г., Русяева А. С. Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.

Завойкин, Сударев, 2006. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 9.

Завойкин, Сударев, 2006. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Погребения с оружием VI–V вв. до н. э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 10.

Завойкин, Колесников, Сударев, 2016. Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2. М.

Иванов, Сударев, 2012. Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 16.

Иванов, Сударев, 2013. Иванов А. В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // ДБ. 17.

Кашаев, 2009. Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // БИ. XXII.

Кашаев, 2010. Кашаев С. В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. Москва – Киев.

Кашаев, 2017. Кашаев С. В. Амфоры из детских погребений некрополя Артющенко 2 // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Керчь.

Кац, 2015. Кац В. И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Каталог. Саратов.

Коровина, 1962. Коровина А. К. Некрополь около мыса Панагии // АИБ. 2. Симферополь.

Кошеленко, Кузнецов, 1992. Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Кузнецов, 1991. Кузнецов В. Д. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 204.

Кучеревская, Федосеев, 2003. Кучеревская Н. Л., Федосеев Н. Ф. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV боспорских чтений. Керчь.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Саратов.

Русяева, 1986. Русяева А. С. Милет-Дидимы-Борисфен-Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 2.

Русяева, 2005. Русяева А. С. Религия понтийских греков в античную эпоху. Киев.

Скуднова, 1988. Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л-д.

Соловьев, 2002. Соловьев С. Л. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // Боспорский Феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.

Сорокина, Сударев, 2000. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н. э. // Stratum plus. 3. Спб-Кишинев-Одесса- Бухарест.

Сорокина, Сударев, 2001. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н. э. // ДБ. 4.

Сорокина, Сударев, 2001. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.

Сорокина, Сударев, 2002. Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. 5.

Сударев, 1999. Сударев Н. И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 2.

Сударев, 2004. Сударев Н. И. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н. э. // ДБ. 7.

Сударев, 2005. Сударев Н. И. Грунтовые некрополи боспорских городов. Диссертация на соискание ученой степени кандидат исторических наук. М.

Сударев, 2010. Сударев Н. И. Часть XI. Религия. Погребальные обряды. Глава 2. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани Том II.

Сударев, Чевелев, Крайнева, 2012. Сударев Н. И., Чевелев О. Д., Крайнева А. А. Раскопки поселения Волна 4 в 2009 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. Материалы XIII Боспорских чтений. Керчь.

Сударев, Кашаев, 2016. Сударев Н. И., Кашаев С. В. История исследования поселения Виноградый-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Керчь.

Сударев, 2016. Сударев Н. И. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб.

Цокур, Селивантьев, Шереметьева, 2016. Цокур И. В., Селивантьев О. Н., Шереметьева Н. А. Грунтовый могильник «Волна 1» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и Нефтепродуктов. Краснодар.

Яйленко, 1980. Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 2.

Blegen, Palmer, Young, 1964. Blegen C. W., Palmer H., Young R. S. The North Cemetery // Corinth. XIII. Princeton.

Jacopi, 1931. Jacopi G. Scavi nella necropoli Camiresi 1920–1930 // Clara Rhodos IV. Esplorazione archeologica di Camiro 1. Rodi. 1931

Kurtz, Boardman, 1971. Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. London.

Stolba, Rogov, 2012. Stolba V., Rogov E. Panskoye I. The Necropolis. V. 2. Aarhus.

Summary

R. A. Mimokhod, N. I. Sudarev, P. S. Uspensky

New "city" necropolis of Archaic and Classical period in Taman peninsula (preliminary information)

The article is devoted to the preliminary publication of the research results of Sochi expedition of IA RAS in 2016. Preventive excavations were carried out on the ancient necropolis Volna 1 in Taman (Temryuk district, Krasnodar region). 332 burial complexes were examined (babies burials in amphoras, burials in soil pits and raw boxes). Material complex is represented by pottery, weapons and jewelry. Necropolis dates from the second half of the VI–IV centuries BC. The available data make it possible to reliably link the necropolis to the nearby settlement Volna 1.

В. Н. Розов
(г. Сочи)

О Таманском кладе кизикинов 1997 г.

Два десятилетия назад на Таманском полуострове был найден денежный клад, целиком состоящий из электровых статеров малоазийского города Кизика. К сожалению, все монеты этого замечательного комплекса, научное значение которого трудно переоценить, разошлись по рукам и пополнили как отечественные, так и зарубежные частные коллекции. В результате исследователи лишились редкой возможности изучить и ввести в научный оборот новый важный источник по экономической истории Боспорского царства в классическую эпоху. Особенно досадным в связи с этим представляется тот факт, что до настоящего времени должным образом не издана ни одна монета интересующего нас клада. Относительно самой находки сохранились весьма лаконичные и отчасти разноречивые сведения, которые не позволяют составить полное представление ни о количестве, ни о типах содержавшихся в кладе монет.

Ещё в 1998 г. научный сотрудник Краснодарского музея А. З. Аптекарев упомянул в своём выступлении на конференции[1] клад кизикинов, обнаруженный где-то на территории Темрюкского района. По его словам, в состав комплекса входило около 100 монет VI–V вв. до н. э., при этом доступными для изучения оказались лишь 8 экземпляров (из них 4 – в виде фотографий). В специальной литературе, изданной в начале текущего столетия, общее количество монет клада оценивалось по-разному, но не превышало нескольких десятков экземпляров [ср. Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002, с. 5; Фролова, 2004, с. 48; Абрамзон и др., 2006, с. 15, № 6, прим. 5; Abramzon, Frolova, 2007, p. 16, n° 6, note 12; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 27; Абрамзон, 2010, с. 480; Гарбузов и др., 2011, с. 130, № 137; 136, прим. 21]. Согласно прежним данным, в качестве места находки клада поначалу фигурировал пос. Волна, однако позднее, в результате внесённой поправки, таковым было признано крупное сельское поселение Волна 1 [Гарбузов и др., 2011, с. 130, № 137; 136, прим. 21], расположенное в нескольких километрах к северу от указанного населённого пункта, у подножия горы Зеленской[2]. По свидетельству Н. А. Фроловой [2004, с. 48], отдельные кизикины, доставленные в своё время в ГИМ для определения, относились к III и IV группам, следуя Г. фон Фритце

[1] Северо-Кавказская региональная научно-практическая конференция «Состояние и проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия» (к 150-летию со дня рождения Е. Д. Фелицына). Краснодар, 19–22 октября 1998 г.

[2] Исчерпывающую характеристику памятника см.: [Соловьев, 2002, с. 48–52].

[Fritze, 1912], что дало повод датировать захоронение комплекса 400–330 гг. до н. э. [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 27; Абрамзон, 2010, с. 480][3].

Интересные и ценные сведения о кладе, полученные «из местных источников», привел сравнительно недавно В. Л. Строкин [Гарбузов и др., 2011, с. 136, прим. 21], сообщивший, что клад был заключён в серебряный сосуд закрытого типа и насчитывал свыше 50-ти статеров II и III групп по хронологии Г. фон Фритце (ок. 550–410 гг. до н. э.). Кроме того, автор описал с разной степенью достоверности некоторые монетные типы, отметив при этом такие не лишенные значения детали, как присутствие ряда типов «в двух и более экземплярах», а также следы продолжительного обращения на подавляющем большинстве монет.

Из всего сказанного выше становится очевидным, что в вопросе о датировке характеризуемого комплекса среди нумизматов наметились определённые разногласия. Действительно, последняя точка зрения предполагает более раннюю дату сокрытия клада[4], чем считалось до сих пор, однако признать её бесспорной можно лишь при условии всестороннего анализа представленных в кладе кизикинов.

В свете приведённых фактов не покажется лишней дополнительная информация, касающаяся объекта нашего исследования. Прежде всего, сошлюсь на сведения, сообщённые мне находчиком клада некоторое время назад. В соответствии с этими данными клад был обнаружен в границах античного поселения Артющенко 2, которое расположено к западу от озера Солёного (Бугазского), на обрывистом берегу Черного моря (см. о нём, например: [Кашаев, 2009, с. 188–189]). Одна монета была найдена на поверхности распаханного поля, остальные в количестве более 90 статеров извлечены из земли в рассеянном виде с помощью металлоискателя. Ввиду этого обстоятельства информатор опроверг упомянутый ранее факт обнаружения монет в серебряном сосуде.

Не будучи склонным, в силу понятных причин, безоговорочно доверять указанному свидетельству, считаю всё же необходимым зафиксировать его в качестве заслуживающей внимания альтернативной версии. Как бы то ни было, ясно одно: происхождение изучаемого клада тесным образом связано с юго-западной частью Таманского полуострова, которая в античную эпоху входила в состав сельской территории Азиатского Боспора.

За период, прошедший с момента открытия клада, мне, в свою очередь, удалось собрать надёжные данные о 22-х разнотипных монетах, происходящих из этого комплекса. Следует отметить, что большинство монет (17 экз.) стали доступны для исследования по фотографиям (№ 1–5, 7–14, 16–17, 19–20), из них 10 экземпляров не имеют изображений реверса (№ 3–5, 7–9, 14, 17, 19–20). Остальные 5 статеров (№ 6, 15, 18, 21–22) были изучены и сфотографированы мною в результате непосредственного знакомства с оригиналами. Добавлю к этому, что среди воспроизведённых на снимках кизикинов оказались монеты (№ 1, 9, 11–12, 17), поступившие в своё время в продажу на зарубежные аукционы[5]. Благодаря произведённой

[3] Как сообщила мне в личной беседе Н. А. Фролова, эти монеты, со слов владельца, не связывались напрямую с рассматриваемым кладом, а происходили «откуда-то из Краснодарского края». Тем не менее такая связь представляется вполне обоснованной и не вызывает серьёзных возражений.

[4] Согласно предположению В. Л. Строкина, причиной тезаврации могли послужить военные действия Спартокидов на Азиатском Боспоре в конце V в. до н. э. [Там же].

[5] Подробнее см. Описание монет. В таблицах иллюстраций (Рис. 1–2) приведены параллельные изображения аукционных экземпляров, помеченные буквой а.

идентификации появилась возможность узнать индивидуальные веса пяти монет, а в двух случаях – восстановить их оборотные стороны.

Хронологическое распределение материала клада сопряжено с определёнными трудностями, поскольку на сегодняшний день не существует надёжно обоснованной и общепризнанной классификации электровых эмиссий Кизика. Поэтому мы будем в целом придерживаться последовательности выпусков, намеченной в основополагающей работе Г. фон Фритце [Fritze, 1912], несмотря на давно назревшую необходимость её пересмотра [Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 22]. Принимая во внимание уточнённую периодизацию А. Болдуин Бретт [Baldwin Brett, 1955, p. 185–204], а также наблюдения других исследователей, мы сочли возможным распределить монеты на три периода[6]: 550–500 гг. до н. э. – 2 экз.; 500–460 гг. до н. э. – 12 экз.; 460–400 гг. до н. э. – 8 экз. Таким образом, согласно Г. фон Фритце и А. Болдуин Бретт, кизикины датируются в пределах второй половины VI–V в. до н. э. Заметим, однако, что границы указанных выше периодов весьма условны и вряд ли могут претендовать на необходимую точность. Об этом, в частности, свидетельствует Мирмекийский клад кизикинов 2003 г., условия находки которого позволяют расширить выпуск монет III группы Г. фон Фритце до первых десятилетий IV в. до н. э. [Butyagin, Chistov, 2006, pp. 120–121; Бутягин, 2014, с. 19; Захаров, 2015, с. 11–12].

Все находящиеся в нашем распоряжении статеры принадлежат к хорошо известным типам кизикского электра, однако заметно различаются по степени редкости. Некоторые из них до сих пор существуют в считанных экземплярах (менее десятка), один же тип, как мы увидим ниже, ранее был представлен лишь парой младших номиналов. Обращает на себя внимание и различная сохранность монет, выраженная в наличии следов износа, которые можно расценивать как достаточно объективный показатель длительности их обращения, а следовательно, и возраста. К этому нужно добавить, что наши монеты обнаруживают типологические параллели в других кладах кизикинов, засвидетельствованных на территории Греции, Турции, Болгарии и Украины. Однако нигде аналогичные типы не представлены так полно, как в кладе 1875 г. из района древних Клазомен (IGCH 1194) [Greenwell, 1887, p. 41–42] (10 или 11 типов) и в неоднократно изданном Мирмекийском кладе 2003 г. (12 типов). Ниже при указании аналогий мы будем ссылаться лишь на кладовые находки, происходящие из ряда областей Северного Причерноморья.

Самой ранней среди характеризуемых монет следует считать чрезвычайно редкий статер с изображением на аверсе протомы льва (**№ 1**), входящий во II группу (подгруппа а) Г. фон Фритце. Это четвёртый известный мне экземпляр данного типа[7]. Вслед за ним мы предположительно поставили сильно изношенный статер, воспроизводящий мужскую голову архаического облика в шапочке или шлеме (**№ 2**). Монета имеет вдавленный квадрат с отчётливо выраженным линейным крестом, благодаря которому и определяется её принадлежность ранним эмиссиям II группы [Fritze, 1912, S. 4]. Статер этого типа, судя по всему, публикуется впервые. С. Мани Хуртер и Г.-Й. Ливальд, издавшие новые типы кизикской электровой чеканки, учли единственную однотипную монету – гекту из частного собрания

[6] Данная хронология в основном соответствуют II и III группам Г. фон Фритце (ок. 550–475 и ок. 475–410 гг. до н. э.).

[7] Здесь и далее речь идёт о монетах старшего номинала – статерах.

[Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 28, Nr. 19a, Taf. 2]. Ещё одна аналогичная гекта, дающая довольно ясное представление об иконографии изображённого персонажа, была найдена в урочище Аджигольская Балка Очаковского района Николаевской области Украины [Пиворович, 2009, с. 116, фото б/номера] (Рис. 2. *А*). По мнению С. Мани Хуртер и Г.-Й. Ливальда, на монете изображена «голова эфиопа со слегка кудрявыми волосами и подчёркнутым «греческим» профилем». Как полагают авторы, это, вероятно, Мемнон, мифологический царь Египта и участник Троянской войны, который был очень популярен в Кизике. [Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 28, Nr. 19].

Говоря о монете с головой Афины в шлеме (**№ 3**), можно лишь ограничиться указанием на то, что это первая зарегистрированная находка такого рода не только на Боспоре, но и, по-видимому, в Северном Причерноморье. Статер, изображающий юного Геракла с луком и палицей (**№ 4**), примечателен тем, что два подобных экземпляра были найдены в Мирмекийском кладе [Бутягин, Неверов, Чистов, 2004, с. 37, рис. 14; 54, рис. 48; Butyagin, Chistov, 2006, p. 86, fig. 14; 123, no. 14; 125, no. 48][8]. В том же комплексе в двух экземплярах присутствуют типы монет **№ 5** и **6** [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 84, № 7–8; 84–85, № 11–12, табл. 6], причём последний тип (шкура львиной головы) зафиксирован также в составе Пуленцовского клада 1845 г. (IGCH 1013) [Фролова, 2004, с. 47, 55, № 16, табл. III. *1*; Бутягин, Неверов, Чистов, 2004, с. 86, рис. 109; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 98, № 2, табл. 12Б. *2*].

Что касается следующего экземпляра с фигурой льва (**№ 7**), то А. Болдуин Бретт датировала этот тип 550–500 гг. до н. э. [Baldwin Brett, 1955, p. 190, no. 1442–1444, pl. 72]. На мой взгляд, особенности вдавленного квадрата монет позволяют с равным успехом помещать их в более позднюю хронологическую группу (500–460 гг. до н. э.). Статер того же типа был обнаружен среди оставшейся части клада кизикинов, найденного в 1965 или 1966 г. в Ольвии (IGCH 1002) [Булатович, 1970а, с. 224, № 3; Карышковский, 2003, с. 302, № 11]. Однотипная гемигекта происходит с острова Березань [Булатович, 1979, с. 95, 96, рис. 1]. Тип монеты, изображающий голову юноши на фоне диска (**№ 8**)[9], представлен в кладе из Мирмекия четырьмя статерами [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 87, № 35–38, табл. 8].

Сильно потёртая в обращении монета **№ 9**, на лицевой стороне которой помещено изображение бородатого Геракла с палицей и луком, также не является новой для Боспора. Аналогичный статер был найден в 1912 г. В. В. Шкорпилом при раскопках пантикапейского некрополя [подробнее см.: Голенко, 1977, с. 39, 40–41, прим. 23] и ранее принадлежал собранию Эрмитажа[10]. Ещё один статер этого типа обнаружен в Одесской области

[8] Последующие издатели клада ошибочно причислили одну из таких монет к группе статеров другого типа (Fritze 167) [Абрамзон и др., 2006, с. 27, № 84, табл. V; Abramzon, Frolova, 2007, p. 41, no 84, pl. V; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 92, № 84, табл. 10; Абрамзон, Иванина, 2010, с. 80, № 86, табл. 64].

[9] Некоторые авторы безосновательно считают, что рассматриваемый тип воспроизводит архаический рельеф с изображением головы эфеба на диске из Национального Музея в Афинах [Абрамзон и др., 2006, с. 22, прим. 4; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 87, прим. 97; Абрамзон, Иванина, 2010, с. 25]. Речь идёт об известном фрагменте мраморной надгробной стелы из Дипилонского некрополя, который демонстрирует, однако, всего лишь общность изобразительного мотива, восходящего ко второй половине VI в. до н. э. [Fritze, 1912, S. 23].

[10] Любопытна дальнейшая судьба этой находки. Проданная как дублетный экземпляр в Германии (Schlessinger 13, 4. Febr. 1935, 1160), монета ещё трижды фигурировала в зарубежных аукционных каталогах. В последний раз она была выставлена на недавнем аукционе в Цюрихе (Numismatica Ars Classica 100, 29–30 May 2017, 148). Второй экземпляр указанного типа до сих пор хранится в Эрмитаже [Бутягин, Неверов, Чистов, 2004, с. 94, рис. 125].

на территории древнего Никония или его хоры [Алексеев, Лобода, 2010, с. 4–5, 17, № 17; 18, рис. 1; 2011, с. 22, 27, рис. 1; 2013, с. 196, № 17; 202, 208, рис. 1].

Тип статера с изображением юноши, держащего в руке тунца (**№ 10**), является самым распространённым среди издаваемых монет (вместе с ним мною учтено 30 экз.), однако в северопричерноморских кладах такие кизикины прежде не были известны. Этого нельзя сказать о более редких монетах **№ 11–13**, типы которых уже регистрировались в кладовых комплексах (**№ 11–12**: Мирмекий – по 2 экз. [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 87–88, № 43–46, табл. 8], Орловка[11] – по 1 экз. [Булатович, 1970б, с. 75, № 3, 5, табл. I]; **№ 13**: Мирмекий – 1 экз. [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 88, № 47, табл. 8]).

Интересен редчайший кизикин, передающий образ бородатого кентавра с вырванным деревцем в руках (**№ 14**). Уникальный статер этого типа, битый общим штемпелем аверса, был издан швейцарскими нумизматами в начале текущего столетия [Mani Hurter, Liewald, 2006, S. 15, Nr. 124, Taf. 4 = Morton & Eden, 20, 27 June 2006, 215]. Такие монеты Кизика ранее были известны специалистам лишь по нескольким гектам (из новейших публикаций см.: [Waggoner, 1983, p. 32, no. 500, pl. 19; Jenkins, Castro Hipólito, 1989, p. 64, no. 613, pl. LXI]).

Для статера с изображением двухголового Цербера (**№ 15**) более оправданной представляется датировка, предложенная А. Болдуин Бретт (460–400 гг. до н. э.) и подтверждённая наблюдениями С. А. Булатович [1970б, с. 77, № 21][12]. Слабые следы потёртости нашего экземпляра служат серьёзным доводом в пользу этой даты. По одной монете описанного типа найдено в кладах из Мирмекия [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 86–87, № 34, табл. 7] и Орловки [Булатович, 1970б, с. 77, № 21, табл. II].

К числу довольно распространённых типов относится изображение воина, проверяющего стрелу, которое присутствует на монете **№ 16**. Как и в предыдущем случае, мы принимаем здесь уточнённую дату А. Болдуин Бретт (460–400 гг. до н. э.). Приблизительно тем же временем датировал данный тип К. Реглинг в публикации крупного денежного клада, обнаруженного в 1930 г. на острове Принкипо в Мраморном море (IGCH 1239). Вопреки мнению Г. фон Фритце, он счёл возможным переместить эти монеты из II в III группу (ок. 475–410 гг. до н. э.) [Regling, 1931, S. 4, 9, Nr. 21][13]. Следует отметить, что анализируемый сюжет представляет немалый интерес в контексте монетного дела Боспора доэллинистического периода. Некоторые нумизматы рассматривают его в качестве несомненного прототипа для похожего изображения Геракла на близком по времени синдском серебре [Шелов, 1949а, с. 113–114][14]. Подобный кизикин засвидетельствован в составе Мирмекийского клада [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 89, № 54, табл. 9]. Гекту того же типа из собрания Иверсена как найденную в Керчи упоминает У. Гринуэлл [Greenwell, 1887, p. 98, no. 93].

Тип нашего статера, изображающего юного Геракла[15] с львиной шкурой и палицей (**№ 17**), представлен в кладе из Мирмекия самым большим числом монет (6 экз.) [Абрамзон,

[11] Клад кизикинов 1967 г. из с. Орловка Одесской области (IGCH 726).

[12] Ср. близкую дату К. Реглинга (480–440 гг. до н. э.) [Regling, 1924, Taf. XIII. *288*]. Г. фон Фритце разместил такие монеты во II группе (ок. 550–475 гг. до н. э.) [Fritze, 1912, S. 8, Nr. 103].

[13] Ср.: [Regling, 1924, Taf. XIII. *292*] (480–440 гг. до н. э.).

[14] Ср., однако: [Булатович, 1981, с. 114–115].

[15] Не исключено, впрочем, что здесь мы видим изображение Ясона с золотым руном [см. об этом: Jenkins, Castro Hipólito, 1989, p. 67, no. 637].

Фролова, 2007–2008, с. 92, № 81–83, 85–87, табл. 10–11]. В том же комплексе находит аналогию ещё одна монета с изображением пьющего из сосуда силена (**№ 18**) [Там же, с. 92–93, № 91, табл. 11]. Названный статер выделяется среди других почти полным отсутствием следов износа.

В эту же хронологическую группу мы, вслед за А. Болдуин Бретт, с некоторой осторожностью поместили монету с редким типом стоящего сфинкса (**№ 19**), хотя по классификации Г. фон Фритце она находит своё место в самом конце IV группы (ок. 410–330 гг. до н. э.) [Fritze, 1912, Nr. 217, Taf. VI. *29*]. Действительно, в последнем случае вдавленный квадрат воспроизведённого немецким нумизматом статера имеет грубо гранулированную поверхность, что, казалось бы, свидетельствует о его принадлежности к заключительному периоду кизикской электровой чеканки. Однако кизикин из Пирейского клада 1882 г. (IGCH 47), изданный А. Болдуин Бретт в каталоге Бостонского музея [Baldwin Brett, 1955, no. 1536], судя по облику вдавленного квадрата[16], скорее всего, подтверждает правоту американской исследовательницы[17]. Всё это, вместе взятое, вносит элемент неопределённости в обсуждаемый вопрос. Что же касается находящейся в нашем распоряжении монеты, то её датировка представляется проблематичной ввиду отсутствия изображения реверса.

Другой редкий тип, передающий фигуру сидящего сфинкса (**№ 20**), датируется исследователями в широком хронологическом диапазоне – от II до IV группы Г. фон Фритце[18]. Промежуточное положение занимает дата, предложенная С. Мани Хуртер и Г.-Й. Ливальдом (ок. 420–400 гг. до н. э.)[19] [Mani Hurter, Liewald, 2002, p. 30, Nr. 27]. Последняя была принята издателями Мирмекийского клада, в котором, по их мнению, содержится один подобный статер [Бутягин, Неверов, Чистов, 2004, с. 32, № 3; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 93, № 98, табл. 11]. Между тем, на мой взгляд, есть основания считать, что на самом деле в кладе присутствует второй кизикин этого типа. Речь идёт о статере со стилистически однородным изображением туловища крылатого льва, чья голова осталась за пределами монетного поля. Издатели без особых колебаний усмотрели в нём фигуру грифона (Fritze 58) [Бутягин, Неверов, Чистов, 2004, с. 32, рис. 4; Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 84, № 5, табл. 6], однако анализ рисунка вдавленного квадрата показывает, что он обнаруживает прямые параллели на монетах с типом сфинкса[20].

---

[16] Увеличенное цветное изображение см.: educators.mfa.org/ancient/stater-kyzikos-sphinx-above-tunny-fish-1872.

[17] Интересно, что Т. Герасимов при публикации клада кизикинов 1905 г. из с. Живково (IGCH 714) также отнёс статер данного типа к III группе [Герасимов, 1943, с. 82, № 31, обр. 51], несмотря на то, что в другом месте своей статьи он приурочил этот тип к эмиссии IV группы [Там же, с. 77]. М. Лалу, оспаривая мнение болгарского нумизмата, датировала упомянутую монету по стилистическим соображениям поздним периодом первой половины IV в. до н. э. [Laloux, 1971, p. 60].

[18] Отметим в первую очередь крайние точки зрения. Так, Т. Герасимов включил во II группу аналогичный экземпляр из клада, найденного в с. Живково, ошибочно полагая, что имеет дело с новым типом [Герасимов, 1943, с. 77, № 4] (первое издание такого статера см.: Naville I (1921, Pozzi), 2190). В ту же группу поместила однотипную мисгемигекту Н. Вэггонер [Waggoner, 1983, no. 442]. Самая поздняя дата принадлежит Л. Мильденбергу (ок. 370 г. до н. э.) [Mildenberg, 1993–94, no. 21].

[19] Следует, однако, учесть, что, по признанию самих авторов, указанные ими даты статеров «приблизительны и предназначены прежде всего как ни к чему не обязывающие отправные точки для ненумизматов» [Ibid., S. 22].

[20] По всей видимости, общими штемпелями реверса биты следующие известные мне статеры: [Mani Hurter, Liewald, 2002, Taf. 2. *27a*], а также Classical Numismatic Group 54, 14 June 2000, 641; Ira & Larry Goldberg 90, 2–3 Febr. 2016, 3127 = The New York Sale IV, 17 Jan. 2002, 183.

Крайне редким является статер с изображением женской головы на диске (**№ 21**), который к моменту настоящей публикации был известен только в трёх экземплярах. Первый из них обнаружен в составе уже знакомого нам клада, открытого более века назад в селе Живково в Болгарии [Герасимов, 1943, с. 79, № 16, табл. II. *25*][21]. Недавно этот статер, имеющий богатую родословную, появился на аукционе в Бельгии (The Bru Sale & Wellico 3, 6 May 2011, 41), благодаря чему удалось установить, что он отчеканен общей с таманским экземпляром парой штемпелей (рис. 2. *Б*)[22]. Как нетрудно заметить, обсуждаемый тип имеет несомненное сюжетное сходство с нашей монетой, описанной выше под № 8 (голова юноши на диске), но отличается более крупными размерами изображения. О происхождении данного типа трудно сказать что-либо определённое[23]. С. Мани Хуртер и Г.-Й. Ливальд отнесли учтённые ими два однотипных статера к периоду ок. 450–400 гг. до н. э. [Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 29, Nr. 20], и эта датировка, безусловно, заслуживает доверия[24].

Обзор представленного материала завершает монета, на лицевой стороне которой с большим художественным мастерством воспроизведён популярный мифологический сюжет – младенец Геракл, удушающий двух змей (**№ 22**). Помимо нашего экземпляра до последнего времени существовал уникальный статер того же типа, отчеканенный другой парой штемпелей [Mani Hurter, Liewald, 2006, S. 15, Nr. 160, Taf. 4 = LHS Numismatik AG 95, 25. Okt. 2005, 649] (Рис. 2. *В*). В данную серию входят также исключительно редкие гекты, известные, по моим сведениям, в трёх экземплярах. Гекту из собрания Бостонского музея А. Болдуин Бретт вполне обоснованно датировала 460–400 гг. до н. э. [Baldwin Brett, 1955, no. 1517]. В противоположность этому статер, опубликованный в вышеупомянутом аукционном каталоге, сопровождается предельно точной датой (ок. 405/4 г. до н. э.), которая базируется на содержательном исследовании С. Карвизе [Karwiese, 1980, S. 1–27]. Имеется в виду принципиально новая интерпретация и хронология совместной чеканки ряда восточногреческих городов (Византий, Кизик, Лампсак, Эфес, Самос, Иас, Книд и Родос), выпускавших монеты с общим аверсным типом «младенец Геракл, душащий змей» и легендой ΣΥΝ на большинстве союзных монет. Кизик как полноправный член симмахии чеканил серебряные тридрахмы хиосско-родосского стандарта, из которых до нас дошли лишь два экземпляра (Рис. 2. *Г* = Triton XIX, 5 Jan. 2016, 166), однако мы не можем столь же уверенно на основании единства сюжета приурочить к данному союзу и электровые кизикины[25].

---

[21] Первоначально издан с определением «юношеская голова» в аукционном каталоге: Hamburger (1928, Prinz Philipp), 173. Т. Герасимов, не распознавший в изображении новый тип, сопоставил его с головой эфеба на фоне диска (Fritze 105) [Там же], хотя ранее К. Реглинг совершенно справедливо усмотрел здесь изображение женской головы [Regling, 1931, S. 26, Nr. 8].

[22] Прийти к такому выводу позволяет высокое качество фотоснимков, помещённых на вебсайте http://www.acsearch.info/search.html?id=995180. При этом нарушенные пропорции монеты объясняются неправильным ракурсом во время съёмки.

[23] В этой связи невозможно согласиться с существующим в литературе утверждением о том, что названный тип воспроизводит рельефный диск с головой Афродиты, найденный на острове Мелос и хранящийся в Национальном музее Афин (ссылки на работы см. в прим. 9). Достаточно взглянуть на фрагмент этого памятника и его реконструкцию [Karouzos, 1951, p. 97, fig. 1; 101, fig. 5, pl. XXXVII], чтобы понять всю беспочвенность подобной идентификации.

[24] Ср., впрочем, дату Л. Мильденберга (ок. 350 г. до н. э.) [Mildenberg,1993–94, no. 24].

[25] С. Карвизе, акцентируя внимание на том факте, что тема Геракла-душителя змей «была обычной в Малой Азии задолго до конца V века», датировал гекту типа Fritze 160 третьей четвертью V в. до н. э. [Karwiese, 1980, p. 13–14], но по неясной причине внёс её в таблицу монет, выпущенных в рамках объединения [Ibid., p. 26]. Другие же авторы вообще не пытались рассматривать названную гекту в качестве денежной единицы союза.

Исходя из этого, широкая датировка издаваемого статера кажется на сегодняшний день более оправданной.

Для решения вопроса о дате зарытия клада определяющее значение могли бы иметь дополнительные данные. Как мне стало известно из достаточно надёжного источника, комплекс содержал два исключительно редких статера с изображением присевшего воина со щитом и копьём (Fritze 212), которые относятся к 400–330 гг. до н. э., по периодизации А. Болдуин Бретт[26]. Если эта информация достоверна, то следует признать, что тезаврация клада произошла по крайней мере не ранее IV в. до н. э., возможно в третьей четверти указанного столетия.

Таманский клад кизикинов является ярким свидетельством торгово-экономических связей Боспора в ту эпоху (V–IV вв. до н. э.), когда электровые монеты Кизика в качестве общепризнанной международной валюты играли важную роль в осуществлении экспорта местной продукции, главным образом зерна, на территорию Греции. Присутствие на Боспоре этих денежных единиц документируется находками кладов и отдельных монет[27]. С учётом современных знаний не лишним будет ещё раз кратко рассмотреть данные находки. Прежде всего отметим, что начиная с первой половины XIX в. здесь зарегистрировано лишь несколько монетных комплексов, в большинстве своём разграбленных, в состав которых входили кизикины. Первый и самый крупный из них, содержавший около 200 статеров, был найден в 1835 г. в нескольких километрах от Керчи при строительстве Карантинного шоссе (IGCH 1011). Спасённые от расхищения четыре статера попали в собрание Эрмитажа [ДБК. II, с. 154–155; Greenwell, 1887, p. 49, no. 7, pl. I. *7*; 53, no. 15; 57, no. 21; 76, no. 54][28]. С городища древней Гермонассы в ст. Тамань происходит Пуленцовский клад 1845 г. (IGCH 1013), который наряду с кизикинами включал в себя золотые статеры Пантикапея IV в. до н. э. Из этого клада в настоящее время доступны для изучения только четыре кизикина[29].

В 1866–1867 гг. у подножия того же городища, на берегу Таманского залива, при неясных обстоятельствах были обнаружены пять электровых монет Кизика (2 статера и, вероятно, 3 гекты), интерпретированные позднейшими исследователями как клад (IGCH 1012). Столь однозначный вывод, однако, не соответствует контексту находки[30] и вряд ли может быть безоговорочно принят [ср.: Булатович, 1976, с. 103–104].

---

[26] Аналогичный экземпляр был найден в Орловском кладе [Кравченко, 1969, рис. 2. 6; Булатович, 1970б, с. 78–79, № 31, табл. II].

[27] Последнюю сводку с литературой см.: [Абрамзон, 2010, с. 479–482, 501, № 41–51].

[28] Один был продан за границей в 1930-е гг. Вероятно, этот экземпляр издан в каталоге коллекции Г. фон Аулока: [SNG von Aulock, 1967, Nr. 7310]; остальные три монеты см.: [Абрамзон, 2010, с. 481, табл. I. *1–3*].

[29] Как и в предыдущем случае, они поступили на хранение в Эрмитаж, откуда один статер сходным образом покинул музей и оказался затем в собрании К. Гюльбенкяна [Jenkins, Castro Hipólito, 1989, p. 65, no. 621, pl. LXI]; изображения других монет см.: [Абрамзон, 2010, с. 481, табл. I, *4–6*].

[30] Наиболее ранняя информация о монетах, основанная на письменном сообщении Е. Е. Люценко, принадлежит К. К. Гёрцу, согласно которому здесь наряду с разновременными боспорскими монетами в указанное время найдены «два золотых двойных кизикских статера и три четвертных, несколько серебряных монет Аполлонии, три золотых статера Пантикапея…» [Гёрц, 1870, с. 235–236]. Позднее Е. Е. Люценко в своём рукописном труде сообщил, что на песчаном берегу близ раскопа, где был обнаружен Пуленцовский клад, местные жители находят после прибоя много золотых, серебряных и медных монет. По его словам, «В течение последних 15 лет найдено: пять золотых кизикских статеров, четыре хризуса Пантикапея…» [Люценко, 1880, с. 588]. Как показывают приведённые свидетельства, речь должна идти исключительно о разрозненных монетных находках, происходящих из разрушенного культурного слоя городища. Если А. Н. Зограф справедливо видел в них

Далее по времени открытия следует назвать Таманский клад 1997 г., который является предметом настоящей публикации. Вслед за ним в 1998 г. на территории Патрея был найден маленький клад (кошелёк?) V в до н. э., содержащий три мелкие фракции кизикского электра[31] и серебряный триобол Пантикапея. Наконец, к этой же группе нумизматических памятников примыкает единственный дошедший до нас целиком клад 2003 г. из Мирмекия.

Таким образом, в границах Боспорского государства (Восточный Крым и Таманский полуостров) надёжно зафиксированы находки пяти кладов, в состав которых входили кизикины. Что касается поступающих сообщений о новых кладах[32], то они в силу своей неопределённости нуждаются в критической проверке.

Не меньший научный интерес представляют разрозненные находки кизикинов, с давних пор засвидетельствованные на данной территории. Рассмотрим их в хронологическом порядке, следуя географическому принципу.

Европейский Боспор

Первые сведения о происходящих отсюда электровых монетах Кизика относятся ещё к XIX в. В этот период близ Керчи был найден статер типа «Аполлон, сидящий на грифоне» [Greenwell, 1887, p. 56, no. 20, pl. I. *21* = Fritze 151; Булатович, 1976, с. 101, № 43], а в самом городе обнаружена вышеупомянутая гекта с изображением воина, пробующего стрелу (Fritze 117–118) [Greenwell, 1887, p. 98, no. 93; Булатович, 1976, с. 101, № 44]. На территории пантикапейского некрополя в 1912 г. была сделана находка статера, изображающего бородатого Геракла с палицей и луком (Fritze 107) [Булатович, 1976, с. 101, № 45; Голенко, 1977, с. 39, 40–41, прим. 23] (см. выше). В 1948 г. в ходе раскопок Пантикапея найден статер нового типа с головой кабана [Абрамзон, 2010, с. 480, 501, № 44]. С этим же памятником связана находка ещё одного статера, случайно обнаруженного в 1970 г. на горе Митридат (из-за плохой сохранности монета не поддаётся определению) [Абрамзон, Иванина, 2010, с. 83, № 104]. Крайне редкий статер типа «голова Зевса-Аммона в ¾ влево» (Fritze 183) происходит из раскопок Нимфея в 1998 г. [Абрамзон, 2010, с. 480, 481, табл. I. *8*; 501, № 46].

Азиатский Боспор

Самое раннее известие о найденном в этом районе кизикине связано с именем Нидерландского вице-консула портов Чёрного моря Тетбу (Тебу) де Мариньи, который в 1823–1824 гг. приобрёл в Анапе электровый статер с изображением на одной стороне женской головы влево, украшенной сфендоной, колосьями и помещённой над

случайные находки [Зограф, 1935, с 186, № 3], то, следуя Д. Б. Шелову, мы имеем дело с кладом, содержащим кизикины [Шелов, 1949б, с. 96]. Это мнение разделяют и современные исследователи, произвольно объединив в один клад монеты Кизика и пантикапейские статеры [Абрамзон, Фролова, 2007–2008, с. 28; Абрамзон, 2010, с. 480, 482, 501, № 50] (с неверными датами находки вследствие ошибочной ссылки на: [ДБК. II]).

[31] Одна из них, гекта I группы по хронологии Г. фон Фритце (ср.: Fritze, 1912, Nr. 11, Taf. I. *11* – гемигекта), интересна тем, что является древнейшей монетной находкой на территории Боспора [Захаров, 2009, с. 213, рис. 3. *16а-б, 16. 1*; 216].

[32] Так, по любезной информации керченского нумизмата А. В. Куликова, клад кизикинов был обнаружен в окрестностях Акры на поселении Заветное-5. В 2014 г. ему довелось увидеть происходящий якобы из этого клада статер хорошей сохранности с изображением сидящего силена (Fritze 171). О другом недавно найденном в Пантикапее кладе сообщил в 2014 г. Е. В. Захаров на Эрмитажных чтениях, посвящённых 200-летию акад. А. А. Куника (тезисы не изданы).

рыбой; на другой стороне имелось углубление, разделённое на четыре неравные части [Marigny Taitbout de, 1837, p. 254–255]. Детальное описание монеты не оставляет сомнений в её принадлежности к хорошо известному кизикскому типу с головой Деметры (Fritze 131)[33]. Есть основания полагать, что указанный экземпляр, скорее всего, был найден на территории Горгиппии или в её окрестностях.

Отметим далее статер, приобретённый в 1962 г. экспедицией ГМИИ на хуторе Приморском близ Фанагории[34] и воспроизводящий изображение богини Геи с младенцем Эрихтонием (Fritze 157) [Абрамзон, 2010, с. 480, 481, табл. I. *7*; 501, № 45; 2013, с. 23–24, 37, цв. вклейка № 7. *1*]. В 1960-х гг. в Кепах была найдена гемигекта типа «краб, держащий в клешнях голову тунца» (Fritze 37) [Абрамзон, 2010, с. 480, 501, № 41; Фролова, 2010, с. 22, № 46, табл. IV. *16695*]. На поселении Тамань 3. Седьмой километр в 1997 г. обнаружена редкая гекта с протомой крылатого кабана (Fritze 61) [Строкин, 2007, с. 358, прим. 5; 379, рис. 2. *21*; Гарбузов и др., 2011, с. 142, рис. 14. *1*]. Кроме того, по моим данным, здесь же в 2000 г. имела место находка статера, изображающего мужскую фигуру с тунцом в руке (Fritze 112).

Особый интерес представляет статер не известного ранее типа (голова барана влево), найденный в 2009 г. в прибрежной части поселения Волна Революции на Фонталовском полуострове[35]. К сказанному остаётся добавить, что в последние годы на сельских поселениях Темрюкского района были найдены ещё четыре статера следующих типов: грифон (Fritze 101), Персей с головой Горгоны (Fritze 162), лев с мечом (Fritze 177) и сидящая Элевтерия (Fritze 215) [Гарбузов и др., с. 146, рис. 18. *15, 17*; 152, прим. 114].

Как видно из приведённого перечня, основанного главным образом на изданных материалах, в пределах Боспора засвидетельствованы отдельные находки 16-ти электровых монет Кизика, среди которых безусловно преобладают статеры (13 экз.). В сочетании с данными кладов эта пропорция становится ещё более выразительной. Отмеченный факт находит отчётливую историческую параллель на территории Фракии, где также встречаются кизикины преимущественно самого крупного достоинства [Златковская, 1971, с. 78].

Совершенно очевидно, что рассмотренный выше монетный комплекс с Таманского полуострова должен по праву занять достойное место среди множества других боспорских кладов. Он интересен нам прежде всего как ценный источник, раскрывающий исключительно важную роль кизикского электра в хозяйственной жизни Боспора доэллинистического времени, благодаря которому поддерживались оживлённые торговые связи с внешним миром и происходило накопление значительных сокровищ.

[33] Именно так определён этот статер в русском переводе книги, где приведена цветная иллюстрация аналогичной монеты из аукционного каталога (Künker 257, 10. Okt. 2014, 8205) [Мариньи Тетбу де, 2015, с. 99, 100, рис. 2].

[34] Речь идёт о местной находке, которая происходит, видимо, с расположенного в этом населённом пункте античного поселения Приморский 23.

[35] В соответствии с первой публикацией монета учтёна М. Г. Абрамзоном как обнаруженная в Патрее [Абрамзон, 2010, с. 480, 501, № 43]. Дополнительные сведения о находке см.: [Захаров, 2013, с. 154, 155, рис. 1. *2*; 156–157; 2014, с. 69–70, 71, рис. 1. *1*; *72–73*].

Описание монет

550-500 гг. до н. э.

1. Л. с. Протома льва с обращённой назад головой, влево; справа – тунец головой вниз.
О. с. Вдавленный квадрат, разделённый на четыре части.
16,04 г. Двойной удар штемпеля л. с.

Bonhams 19967, 6 Jan. 2012, 1109 (Рис. 1. *1а*).

Лит.: Fritze, 1912, Nr. 40, Taf. I. *41* = Baldwin Brett, 1955, no. 1417; Waggoner, 1983, no. 434–435.

2. Л. с. Мужская голова в плотно прилегающей шапочке или шлеме вправо; ухо закрыто серьгой в виде круглого щитка; слева – тунец головой вниз.
О. с. То же.
Вес и размер неизвестны.

Лит.: статер этого типа, по-видимому, публикуется впервые. Ср.: Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 28, Nr. 19a, Taf. 2 (гекта).

500–460 гг. до н. э.

3. Л. с. Голова Афины в аттическом шлеме с гребнем влево; внизу – тунец влево.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.

Лит.: Wroth, 1892, no. 19, pl. IV. *2*; Fritze, 1912, Nr. 67, Taf. II. *20*; Baldwin Brett, 1955, no. 1446; Jenkins, Castro Hipólito, 1989, no. 609, 611.

4. Л. с. Обнажённый безбородый Геракл, присевший на корточки, вправо (правое колено опущено); в левой руке держит лук, в правой – палицу; внизу – тунец вправо.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.

Лит.: Fritze, 1912, Nr. 69, Taf. II. *22*; Baldwin Brett, 1955, no. 1481; SNG France, 2001, no 197.

5. Л. с. Обнажённый юноша, присевший на корточки, влево (левое колено опущено); в каждой руке держит тунца за хвост.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.

Лит.: Fritze, 1912, Nr. 70, Taf. II. *23* = Baldwin Brett, 1955, no. 1478.

6. Л. с. Шкура львиной головы в фас; внизу – тунец влево.
О. с. То же.
16,01 г; 22 мм.

Лит.: Wroth, 1892, no. 37, pl. V. *1*; Fritze, 1912, Nr. 82, Taf. III. *1*; Baldwin Brett, 1955, no. 1473.

7. Л. с. Лев, припавший на передние лапы, влево; голова повёрнута в фас; внизу – тунец влево.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.

Лит.: Wroth, 1892, no. 45, pl. V. *8* = Fritze, 1912, Nr. 83, Taf. III. *2*; Baldwin Brett, 1955, no. 1442.

8. Л. с. Голова юноши (эфеб?) на диске влево; на ухе – кольцевидная серьга; внизу – тунец влево.

О. с. То же (изображение отсутствует).

Вес и размер неизвестны.

Лит.: Wroth, 1892, no. 21, pl. IV. *4*; Fritze, 1912, Nr. 105, Taf. III. *24*; SNG France, 2001, no 248.

9. Л. с. Обнажённый бородатый Геракл, опустившийся на правое колено или бегущий вправо; в левой руке держит лук и [две стрелы], в поднятой правой – палицу; слева – тунец головой вверх.

О. с. То же.

15,94 г. На обеих сторонах – по одному контрольному клейму.

Gorny & Mosch 147, 6.-7. März 2006, 1442 = Numismatica Ars Classica 64, 17–18 May 2012, 2228 = Gorny & Mosch 211, 4. März 2013, 272 (Рис. 1. *9а*).

Лит.: Wroth, 1892, no. 27, pl. IV. *10* = Fritze, 1912, Nr. 107, Taf. III, *26*; Baldwin Brett, 1955, no. 1462.

10. Л. с. Обнажённый юноша, опустившийся на левое колено, влево; правой рукой держит тунца за хвост.

О. с. То же.

Вес и размер неизвестны. Двойной удар штемпеля л. с.

Лит.: Wroth, 1892, no. 28, pl. IV. *11*; Fritze, 1912, Nr. 112, Taf. III. *31*; Baldwin Brett, 1955, no. 1487; SNG France, 2001, no 253.

11. Л. с. Обнажённый юноша, бегущий (?) вправо; в правой руке держит нож, в левой – тунца; внизу – черта.

О. с. То же.

15,94 г.

Classical Numismatic Group 82, 16 Sept. 2009, 591 (Рис. 1. *11а*)[36].

Лит.: Wroth, 1892, no. 30, pl. IV. *13*; Fritze, 1912, Nr. 113, Taf. III. *33* = Baldwin Brett, 1955, no. 1479; SNG France, 2001, no 254.

12. Л. с. Обнажённый воин, опустившийся на левое колено или бегущий влево; в правой руке держит коринфский шлем, в левой – меч в ножнах; внизу – тунец влево.

О. с. То же.

15,87 г; 17 мм[37].

Classical Numismatic Group 82, 16 Sept. 2009, 592 (Рис. 1. *12а*) = Classical Numismatic Group 84, 5 May 2010, 612.

Лит.: Wroth, 1892, no. 33, pl. IV. *15*; Fritze, 1912, Nr. 114, Taf. III. *34*; Baldwin Brett, 1955, no. 1483; Jenkins, Castro Hipólito, 1989, no. 615; SNG France, 2001, no 260.

13. Л. с. Обнажённый воин в коринфском шлеме, присевший влево (левое колено опущено); в правой руке держит трубу, в левой – меч в ножнах; внизу – тунец влево.

О. с. То же.

Вес и размер неизвестны.

Лит.: Fritze, 1912, Nr. 115, Taf. IV. *1* = SNG France, 2001, no 261.

---

[36] Этот же экземпляр из каталога изображён в качестве иллюстрации к статье: [Захаров, 2010, с. 4, рис. 4].

[37] Размер монеты, указанный в аукционном каталоге (Classical Numismatic Group 84), вероятно, несколько занижен.

14. Л. с. Бородатый кентавр, обернувшийся назад, влево; держит обеими руками вырванное деревце; внизу – тунец влево.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.
Лит.: Mani Hurter, Liewald, 2006, S. 15, Nr. 124, Taf. 4; ср. Fritze, 1912, Nr. 124, Taf. IV. *11* (гекта).

460–400 гг. до н. э.

15. Л. с. Двухголовый Цербер с поднятой передней лапой влево; внизу – тунец влево.
О. с. То же.
15,87 г; 17,5 мм. На л. с. – контрольное клеймо.
Лит.: Wroth, 1892, no. 95, pl. VIII. *2*; Fritze, 1912, Nr. 103, Taf. III. *22* = Baldwin Brett, 1955, no. 1538; Waggoner, 1983, no. 483.

16. Л. с. Обнажённый воин в коринфском шлеме, опустившийся на правое колено и проверяющий стрелу, вправо; на левой руке висит лук; слева – тунец головой вниз.
О. с. То же.
Вес и размер неизвестны.
Лит.: Wroth, 1892, no. 79–80, pl. VII. *7–8*; Fritze, 1912, Nr. 117, Taf. IV. *3*; Baldwin Brett, 1955, no. 1490; SNG France, 2001, no 263–264.

17. Л. с. Обнажённый безбородый Геракл (Ясон?) в пилосе, опустившийся на правое колено, вправо; с левой руки свешивается шкура животного, в правой – палица; внизу – тунец вправо.
О. с. То же.
16,08 г.
Morton & Eden 20, 27 June 2006, 216 (Рис. 2. *17а*).
Лит.: Wroth, 1892, no. 71, pl. VI. *17*; Fritze, 1912, Nr. 167, Taf. V. *15* = Jenkins, Castro Hipólito, 1989, no. 637.

18. Л. с. Силен, опустившийся на левое колено и пьющий из сосуда, влево; внизу – тунец влево.
О. с. То же.
16,08 г; 21 мм.
Лит.: Fritze, 1912, Nr. 173, Taf. V. *21* = Baldwin Brett, 1955, no. 1507.

19. Л. с. Сфинкс, стоящий влево с поднятой передней лапой; внизу – тунец влево.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.
Лит.: Fritze, 1912, Nr. 217, Taf. VI. *29*; Baldwin Brett, 1955, no. 1536; SNG France, 2001, no 347.

20. Л. с. Сфинкс, сидящий влево; внизу – тунец влево.
О. с. То же (изображение отсутствует).
Вес и размер неизвестны.
Лит.: Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 30, Nr. 27a, Taf. 2.

21. Л. с. Женская голова на диске влево; внизу – тунец влево.
О. с. То же.
16,06 г; 20 мм.

Лит.: Mani Hurter, Liewald, 2002, S. 29, Nr. 20a, Taf. 2.

22. Л. с. Обнажённый младенец Геракл, стоящий на коленях в ¾ вправо и душащий двух змей; внизу – тунец вправо.
О. с. То же.
16,02 г; 20 мм. Двойной удар штемпеля о. с.

Лит.: Mani Hurter, Liewald, 2006, S. 15, Nr. 160, Taf. 4; ср. Fritze, 1912, Nr. 160, Taf. V. *8* (гекта).

Список литературы

Абрамзон, 2010. Абрамзон М. Г. Экономические связи Боспора в VI в. до н. э. – III в. н. э.: греческие монеты в денежном обращении // ПИФК. 1.

Абрамзон, 2013. Абрамзон М. Г. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок // ПИФК. 2.

Абрамзон и др., 2006. Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н., Иванина О. А. Клады античных монет. Нумизматическая коллекция (Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника). Т. I. Киев.

Абрамзон, Иванина, 2010. Абрамзон М. Г., Иванина О. А. Античные монеты. Нумизматическая коллекция (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника). Т. II. Киев.

Абрамзон, Фролова, 2007–2008. Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь – Керчь.

Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002. Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М.

Алексеев, Лобода, 2010. Алексеев В. П., Лобода П. Г. Монеты греческого мира, найденные на территориях античных государств Северного Причерноморья // Вестник Одесского музея нумизматики. № 36.

Алексеев, Лобода, 2011. Алексеев В. П., Лобода П. Г. Электровые монеты греческого мира, найденные в Никонии, на Березани и в Ольвии // Древнее Причерноморье. IX. Одесса.

Алексеев, Лобода, 2013. Алексеев В. П., Лобода П. Г. Исследования монет античных городов Северного Причерноморья. Одесса.

Булатович, 1970а. Булатович С. А. Клад кизикинов из Ольвии // СА. 2.

Булатович, 1970б. Булатович С. А. Клад кизикинов из Орловки // ВДИ. 2.

Булатович, 1976. Булатович С. А. Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье в V–IV вв. до н. э. // МАСП. 8.

Булатович, 1979. Булатович С. А. Нова знахідка монети Кізіка // Археологія. 29.

Булатович, 1981. Булатович С. А. Влияние типологии кизикинов на монетное дело городов Причерноморья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Бутягин, 2014. Бутягин А. М. Городище Мирмекий. 80 лет исследований // Археология и история Боспора. Международная научно-практическая конференция. 1–3 сентября 2014 г., г. Керчь (Таврические студии. № 6). Симферополь.

Бутягин, Неверов, Чистов, 2004. Бутягин А. М., Неверов О. Я., Чистов Д. Е. Мирмекийский клад. Каталог выставки. СПб.

Гарбузов и др., 2011. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 15.

Герасимов, 1943. Герасимов Т. Находки от електронови монети на град Кизик от България // Годишник на Народния археологически музей. Кн. VII.

Гёрц, 1870. Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. II. М.

Голенко, 1977. Голенко К. В. Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М.

Захаров, 2009. Захаров Е. В. Монеты VI–V вв. до н. э., найденные на поселении Гаркуша I (Патрей) // ДБ. 13.

Захаров, 2010. Захаров Е. В. Изучение электровых монет г. Кизика в трудах А. Н. Зографа // Нумизматический альманах. № 1.

Захаров, 2013. Захаров Е. В. Новые находки монет VI–V вв. до н. э. на поселениях Гаркуша I (Патрей) и Волна Революции // ДБ. 17.

Захаров, 2014. Захаров Е. В. Электровый кизикин нового типа, найденный на Таманском полуострове // ВДИ. 1.

Захаров, 2015. Захаров Е. В. О времени выпуска последней группы электровых монет Кизика // ТД ВНК. XVIII. М.

Златковская, 1971. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. VII–V вв. до н. э. М.

Зограф, 1935. Зограф А. Н. Античные золотые монеты Кавказа // ИГАИМК. 110.

Карышковский, 2003. Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса.

Кашаев, 2009. Кашаев С. В. Некрополь Артющенко-2 // БИ. XXII.

Кравченко, 1969. Кравченко А. А. Клад кизикских статеров из Одесской области // СА. 1.

Люценко, 1880. Люценко Е. Е. Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на юге России // Абрамзон, Фролова, 2007–2008.

Мариньи Тетбу де, 2015. Мариньи Тетбу де. Путешествие в Черкессию. СПб.

Пиворович, 2009. Пиворович В. Б. Монеты и клады юга Украины. Херсон.

Соловьёв, 2002. Соловьёв С. Л. Хора Гермонассы // Таманская старина. 4.

Строкин, 2007. Строкин В. Л. АПОЛ [лония Боспорская] или [храм] АПОЛ [лона]? // ДБ. 11.

Фролова, 2004. Фролова Н. А. Кизикины из собрания Государственного Исторического музея // ВДИ. 4.

Фролова, 2010. Фролова Н. А. Античные золотые монеты в собрании Государственного Исторического музея. М.

Шелов, 1949а. Шелов Д. Б. Монеты синдов // КСИИМК. XXX.

Шелов, 1949б. Шелов Д. Б. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 2.

Abramzon, Frolova, 2007. Abramzon M. G., Frolova N. A. Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes // Revue Numismatique. 163.

Baldwin Brett, 1955. Baldwin Brett A. Catalogue of Greek Coins. Museum of Fine Arts. Boston.

Butyagin, Chistov, 2006. Butyagin A. M., Chistov D. E. The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion // ACSS. Vol. 12. No. 1–2.

Fritze, 1912. Fritze H. von. Die Elektronprägung von Kyzikos // Nomisma. VII. Berlin.

Frolova, Smekalova, Djukov, 2007. Frolova N. A., Smekalova T. N., Djukov J. L. Cyzicenes from the State Historical Museum, Moscow and the State Hermitage Collections, St. Petersburg // SNR. 86.

Greenwell, 1887. Greenwell W. The Electrum Coinage of Cyzicus // NC. Ser. III. Vol. VII.

Jenkins, Castro Hipólito, 1989. Jenkins G. K., Castro Hipólito M. A Catalogue of the Calouste Gulbenkian Collection of Greek Coins. Pt. II. Lisboa.

Karouzos, 1951. Karouzos Chr. J. An Early Classical Disc Relief from Melos // JHS. 71.

Karwiese, 1980. Karwiese S. Lysander as Herakliskos Drakonopnigon // NC. 140.

Laloux, 1971. Laloux M. La circulation des monnaies d'électrum de Cyzique // Revue Belge de Numismatique. 117.

Mani Hurter, Liewald, 2002. Mani Hurter S., Liewald H.-J. Neue Münztypen der Kyzikener Elektronprägung // SNR. 81.

Mani Hurter, Liewald, 2006. Mani Hurter S., Liewald H.-J. Die frühesten Typen der Elektronprägung von Kyzikos // SNR. 85.

Marygny Taitbout de, 1837. Marygny Taitbout de. Three Voyages in the Black Sea to the Coast of Circassia. London.

Mildenberg, 1993–94. Mildenberg L. The Cyzicenes: a Reappraisal // American Journal of Numismatics. 5–6.

Regling, 1924. Regling K. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin.

Regling, 1931. Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. 41.

SNG France, 2001. Sylloge Nummorum Graecorum. France. Vol. 5. Mysie. Paris.

SNG von Aulock, 1967. Sylloge Nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung v. Aulock. Nachträge II. Mysien – Troas – Aeolis – Lesbos. Berlin.

Waggoner, 1983. Waggoner N. M. Early Greek Coins from the Collection of Jonathan P. Rosen. N. Y.

Wroth, 1892. Wroth W. Catalogue of the Greek Coins of Mysia. BMC. London.

Summary

V. N. Rozov
On the 1997 Taman Hoard of Cyzicenes

The author publishes a group of 22 electrum staters of Cyzicus which are part of a hoard found on one of the rural settlements of the Taman peninsula (the Asiatic Bosporus). All these coins are currently in private collections. Some of these can be identified with specimens presented in sale catalogues. The special attention deserve apparently unique stater no. 2 as well as extremely rare staters nos. 14 and 22 previously known in one specimen. There is evidence that the hoard contained also two coins of the type "warrior holding shield and spear" (Fritze 212 – Group IV). These coins suggest that the Taman Hoard was buried supposedly in the third quarter of the 4th century BC.

С. Ю. Сапрыкин
(ИВИ РАН, Москва)

К прочтению новой надписи из Ильичевского городища

В «Древностях Боспора» за 2016 г. (Т. 20, с. 68–74) А. В. Бонин и Н. В. Завойкина опубликовали греческую надпись из восьми строк на мраморной плите из Ильичевского городища, которая была обнаружена 2015 г. при разборе каменной кладки – плита была заложена в ее основание (рис. 1). Все технические параметры камня и шрифта надписи подробно приводятся в статье названных исследователей, продатировавших документ концом I – первой-второй четвертью II в. н. э. [Бонин, Завойкина, 2016, с. 69, прим. 4–6][1]. На плите сохранился следующий текст:

ΙΚΤΟΥΣΝ
ΤΗΣΠΕΡΙΠ
ΗΡΖΑΖΟΜΦΑΙ
ΝΑΚΙΩΝΟΣΦΙΛ
ΑΓΑΘΟΣΧΡΗΣ
ΕΟΚΡΙΤΟΣΛ
ΠΙΛΜΟΥΣ
ΟΠΛΙΟ

Авторы публикации предлагают такое его восстановление (орфография первоиздателей сохранена):

1 – 7 – τοῦς ν[αῦς? ἡ θίασος (*vel* σύνοδος) θεᾶς Ἀθ (sic!)]-
2 [ροδί]της περὶ ἱ[ερέαν τὸν δεῖνον τοῦ δεῖνος καὶ ἱερομάστοραν?]
3 Ἠρζά(ν) Ζομφλι[ου(?) καὶ λοιποί θιασῶται Φαρ]-
4 νακίωνος Φιλ[ώτου(?), ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
5 Ἀγαθοῦς Χρήσ[του, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
6 [Θ]εόκριτος Λ[– ? –, ὁ δεῖνα...]
7 [-]πιαμους, [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος ἐν τῷ...]
8 [ἔ]τει [καὶ μηνί – ? –]

Перевод: «…*храма фиас Афродиты* во главе со жрецом … *и гиеромастром* Герзой (sic!), сыном Зомфл[ия?] *и остальные фиасоты*: Фарнакион, сын Фил[ота?], …, Агафус, сын Хреста, …, Теокрит, сын Л[-?-], *такой-то*, сын –пиама, …, *в году… и месяце…*».

[1] С подробным анализом палеографии текста надписи. Предложенная дата не вызывает особых возражений, так как аргументы в ее пользу достаточно убедительны.

Рис. 1. Фрагмент надписи со списком боспорских граждан с поселения Ильичевка

В обоснование предложенного чтения они приводят такие аргументы. Стк. 1: «лексема ΤΟΥΣ может рассматриваться как артикль gen. pl. musc. или окончание существительного в аккузативе. Следующее за ΤΟΥΣ слово начинается на *ню*», поэтому без обиняков предлагают дополнение τοῦς ν[αῦς?]. На этом основании ими делается заключение, что в надписи могла идти речь о мероприятии фиаса, связанном с местным храмом (надо полагать на городище Ильичевка). Однако в греческом языке член при существительных мужского, женского и среднего рода в родит. падеже множественного числа всегда имеет форму τῶν. Τοὺς же – это артикль в винит. падеже множественного числа мужского рода (1–2 склонения), либо окончание существительного или прилагательного 2 склонения в аккузативе множ. числа мужского рода. В данном случае нельзя уверенно утверждать, что речь идет о члене. Это может быть окончанием слова в acc. plur. masc. 2 скл. или именительный падеж мужского или женского рода существительного или личного имени с основой на –ου (по типу слова ὁ, ἡ βοῦς).

Понимание ΤΟΥΣ в контексте надписи зависит от прочтения стк. 2. Восстановление

[…]τοῦς ν[αῦς? ἡ θίασος (*vel* σύνοδος) θεᾶς Ἀθ-
ροδί]της περὶ ἱ[ερέαν τὸν δεῖνον τοῦ δεῖνος καὶ ἱερομάστοραν?]

– «…*храма фиас Афродиты* во главе со жрецом … *и гиеромастором*» неприемлемо, оно просто ошибочно. Ναῦς – это «корабль», а храм в древнегреческом языке обозначается словом ὁ ναός. Поэтому переводить τοῦς ν[αῦς? как «храма» недопустимо, тем более что здесь якобы фигурирует артикль в винит. падеже множ. числа. Если авторы публикации хотят видеть в данном месте храм, то им следовало бы восстанавливать τοὺς ν[αούς...], что значит «храмы». Однако это невозможно: в боспорских надписях, включая надписи фиасов и синодов, в которых говорится о посвящении, реконструкции, восстановлении и строительстве храмов, ὁ ναός чаще всего поставлен в винит. падеже единственного числа. Это вполне закономерно, ибо фиасы во главе с синодами объединялись вокруг почитания божества в конкретном храме, а не вокруг нескольких храмов (КБН 63, 829, 942, 991, 1014, 1115, 1134). В этой связи словосочетание «храма фиас Афродиты» выглядит бессмыслицей с точки зрения грамматики. Если это храм или святыня, как полагают публикаторы, то он должен относиться к фиасу или синоду и тогда конструкция выглядела бы как: τὸν ναὸν τοῦ θιάσου (τῆς) θεᾶς Ἀφροδίτης (ср. КБН 1055: Θεᾶς Ἀφροδείτης σύνοδος, Гермонасса, II в. н. э.). Культовая должность гиеромастора в конце

стк. 2 вообще восстанавливается с ошибкой: в винительном падеже ед. числа она пишется как ἱερομάστορα (ср.: КБН 988). Все это показывает, что восстановление сткк. 1–2 Ильичевской надписи, предложенное Бониным и Завойкиной, в корне неверное, в связи с чем, реконструкция последующих строчек не всегда точная. Публикация этого важного источника изобилует грубыми грамматическими ошибками, неправильно расставленными ударениями, неверными и не обоснованными восстановлениями, не соответствующими тому, что написано резчиком. Авторы не поняли структуры документа, отчего их трактовки и оценки требуют коренного пересмотра. На этом основании необходимы его новая обстоятельная публикация и подробный комментарий.

Текст надписи на самом деле выглядит следующим образом:

[.....]
1 […Ἐπι]κ̣τοῦς Ν[….....]
2 [...]της Περιγ[ένου..... ...]
3 Ἡρ̣ζᾶζ Ὀμφ(α)λί[ωνος?..... Φαρ-]
4 ν̣ακίωνος Φιλ[.....Ἐπ-]
5 ἀ̣γαθος Χρησ[τίωνος? .....]
6 [Θ]εόκριτος Λ[.....]
7 [Σ]πίλμου Σ[.....]
8 [Π]ό̣πλ̣ι̣ο[ς.....]

Перевод: «(…)Эпикт?, сын Н(…), (…)тес, сын Перигена, (…), Герзаз, сын Омфалиона?, (…), сын Фарнакиона, Фил(…, сын …), (Эп)агаф?, сын Хрес(тиона)?, (…), Феокрит, сын Л(…), (…), сын Спилма, С(…, сын …), Поплий, сын (…..)».

Легко убедиться, что это список лиц с отчествами, вырезанный на левой средней части плиты, начало и конец которой утрачены, поэтому неизвестно, сколько всего строк было в тексте надписи. В сохранившейся не полностью стк. 1, уходящей в облом, перед ΤΟΥΣ остатки двух букв, которые первоиздатели надписи предположительно определили как принадлежавшие *каппе* или *альфе*. Если это *альфа*, от которой как будто бы сохранились едва видимые апицированные кончики боковых гаст, то это может быть личное имя Ἀτοῦς, которое известно на одном надгробии с Боспора, в Гермонассе, в IV в. до н. э. (КБН 1061 = LGPN IV. 58). Оно засвидетельствовано и в Синопе на рубеже IV–III вв. до н. э. (LGPN V.A. 87). Это могли быть также имена [Ἑκ]ατοῦς (LGRN V.B. 132, Кария, II в. н. э.), [Καλίστρ]ατους (LGPN V.B. 222, Памфилия, II–III вв. н. э.), Τατους (LGPN V.B. 403, Киликия Трахея, II–III вв. н. э.). В том случае, если перед *тау* стояла *каппа*, это могло быть имя [Ἐπι]κ̣τοῦς, засвидетельствованное в Македонии во II–III вв. н. э. (LGPN IV.121), Ликии (LGPN V.B. 141), на Крите, Кипре, Фере в римскую эпоху (LGPN I. 158), но на Боспоре неизвестное[2]. Принимая во внимание, что личные имена, оканчивающиеся на –ατους, -κτους в Греции и Великой Греции не встречаются, то весьма велика вероятность восстановления в стк. 1 одного из названных антропонимов. При этом мы склоняемся в пользу имени Эпикта. Нельзя исключить, что носитель одного из вышеприведенных имен или

[2] Об именах на –τους см. [Dubois, 2010, 399–421]: Ἐπικτοῦς – это гипокористика распространенного имени Ἐπίκτησις.

его предки были выходцами из Малой Азии, где известно большинство имен с подходящим окончанием. К сожалению, по одной начальной букве *ню*, читающейся на камне, реконструировать патронимик невозможно.

Как говорилось, стк. 2 восстановлена публикаторами документа неверно. В ее начале прочитывается флексия –της какого-то личного имени в именительном падеже (предполагать здесь родительный падеж женского имени с окончанием на –η маловероятно). В лексиконе греческих имен только одного причерноморского региона более 150 примеров с окончанием на –της (LGPN IV. P. 373). Из них на Боспоре фиксируются Ἀτώτης (Ἀτότης), Ἀλφακράτης (Ἀλφοκράτης), Γάστης, Ἀριστοκράτης, Δημοκράτης, Ἐπικράτης (Ἐπεικράτης), Θάτης и другие (КБН. Индекс). Поэтому точное восстановление имени не представляется возможным. Окончание строки Завойкина и Бонин читают как ΠΕΡΙ Ι[...], предполагая, что речь идет о фиасе во главе со жрецом и гиеромастором (см. выше). Однако в конце стк. 2 верхняя поперечная гаста последней буквы уходит в облом, поэтому ее надо трактовать не как *йоту*, а как Π или Γ. Следовательно, окончание строки следует читать как ΠΕΡΙΠ[…] или ΠΕΡΙΓ[...] и высока вероятность, что это патронимик. В боспорском ономастиконе известно мужское имя Περιγένης (КБН 491, надгробие Перигена, сына Асклепиада, Пантикапей, вторая половина I в. н. э.), которое находим в Македонии в эпоху эллинизма и во II в. н. э. (LGPN IV. 278; ср. V.B. 350: Кария, Ликия, эллинистическо-римское время, а также позднеантичное и византийское Περιγένιος, Киликия Трахея). Приблизительно тогда же оно пользовалось популярностью в Эолии, Вифинии, Ионии, Лидии (см. здесь же Περίγης в III в. н. э.), Мисии, в Кизике, где во II в. н. э. встречается еще имя Περίγονος (LGPN V.A. 364, 365), распространилось на островной Греции – на Хиосе, Крите (ср. там же Περιγενίδας), Делосе, Эвбее, Косе, Родосе, Самосе, Сифносе, Фасосе, Телосе, Теносе (LGPN I. 370, 371), часто фиксируется в Материковой и Великой Греции, включая Сицилию (LGPN III.A. 360; ср. II. 366 – Аттика; III.B. 343 – Западная Локрида, Мегары, Фессалия, Беотия) (ср. здесь же имя Περιγένεις). Имен на ΠΕΡΙΠ[…] на Боспоре неизвестно, нет их и в большинстве мест античной ойкумены, за исключением Лидии, где во II–III в. н. э. засвидетельствовано редкое имя Περίπικρος (LGPN V.A. 365). Учитывая этот факт, мы, несмотря на популярность малоазийских имен на Боспоре, уверенно восстанавливаем в этой строке Περιγ[ένου…

В стк. 3 читается Ἡρ̣ζᾶζ ὈΜΦΛΙ[...], что Завойкина и Бонин реконструируют как имя гиеромастора Ἠρζά(ν) Ζομφλι[ου(?). Однако это сугубо произвольное восстановление, поэтому винительный падеж здесь невозможен. В Танаисе в надписи 229 г. н. э. встречается имя Δημήτριον Ἡρζεως [Болтунова, 1968, 47]. Имя отца Деметрия авторы LGPN IV. 157 восстанавливают как Ἡρζῆς. Оно достаточно редкое и, судя по эллинскому имени сына Герзеза – Деметрия в танаисской надписи и предполагаемому отчеству Герзаза в надписи из Ильичевки (см. ниже), могло принадлежать эллинизованным варварам[3], очевидно, иранского происхождения. Для Zaz, например, в боспорском имени Ζαζζοῦς (КБН, с. 869) Л. Згуста находит параллели в осетинских именах и названиях [Zgusta, 1955, 191]. Генитив Ἡρζεως подразумевает номинатив Ἡρζῆς, тогда как в Ильичевской

[3] Ср. например, имя Βωζης в Малой Азии, которое считают галатским или иллирийским [Robert, 1963, 320, 321, note 1].

надписи это имя начертано с заменой *сигмы* на *дзетту*, что характерно для некоторых варварских имен на Боспоре в римскую эпоху [Доватур, 1965, 810, Б I § 6], в данном случае может быть и под воздействием основы Ἡρζ- на финальную согласную. Исконное имя, скорее всего, Ἡρζᾶζ (ср. Ζαζζοῦς, Ζαζοῦς), а форма Ἡρζῆς – результат колебания между *альфой и этой* в именах собственных [Доватур, 1965, 799, I A, § 1, 5–6].

Авторы первой публикации справедливо отмечают, что реконструируемое ими имя Зомфлия нигде не встречается. Поскольку это искусственная подгонка под неверно восстанавливаемое ими начало надписи, вполне естественно искать такой антропоним, который бы соответствовал сохранившемуся на камне ΟΜΦΛΙ[...]. Имен с таким или похожим набором букв на Боспоре не засвидетельствовано, однако в Херсонесе Таврическом, Месембрии встречается личное имя Ὀμφαλίων (LGPN IV. 262), популярное в Беотии и Фессалии (LGPN III.B. 325), в меньшей степени в Ахайе, Элиде (LGPN III.A. 341) и Карии (LGPN V.B. 327). На Родосе известно имя Ὄμφαλος (LGPN I. 349), в Синопе – Ὀμφαλικός (LGPN V.A. 345), правда, все они эллинистического времени. Поэтому предположительно стк. 3 может быть дополнена как Ἡρζᾶζ Ὀμφ(α)λί[ωνος *vel* Ὀμφ(α)λικοῦ] с выпадением неударной гласной в предударном положении, что нередко встречается в эпиграфике, включая Боспорское царство (КБН 70, 369, 707).

Стк. 4 восстанавливается первоиздателями верно. Здесь фигурирует бесспорный патронимик – (…) сын Фарнакиона, имя которого не сохранилось. Означенное иранское имя было очень популярно на Боспоре, особенно на его азиатской половине – в Горгиппии, в меньшей степени в Пантикапее, Феодосии (КБН. Индекс, с. 904; LGPN IV. 341)[4]. Оно встречается исключительно в северопонтийском регионе, в отличие от родственного иранского имени Фарнак, засвидетельствованного во многих местах. Стоящее после Фарнакиона Φιλ[...], скорее всего, начало имени следующего лица, отчество которого надпись не сохранила. Это имя восстановить очень сложно – возможно множество вариантов, ибо имен с подобным начальным слогом на Боспоре более трех десятков (КБН. Индекс, с. 904, 905; LGPN IV. 342–350). Предлагаемое публикаторами имя Филота лишь одно из множества возможных, но совершенно ошибочно считать форму имени [Φαρ]ν̣ακίωνος номинативом (как у Завойкиной-Бонина (sic!), ибо это классический родит. падеж. Если уж им хочется считать мифического Филоту отцом Фарнакиона, то тогда надо признать, что он являлся дедом неизвестного по имени сына Фарнакиона. Но это противоречит структуре документа, где список имен ограничивался именем и патронимиком.

Неприемлемо и восстановление первоиздателями стк. 5: Ἀγαθοῦς Χρήσ[του…]. Во-первых, на камне стоит ΑΓΑΘΟΣ, что может быть истолковано двояко: как личное имя Ἄγαθος (LGPN IV. 3: Фракия, IV в. н. э.) или часть двусоставного имени типа Φιλάγαθος, Ἐπάγαθος, Ἀνδράγαθος, Παντάγαθος (LGPN IV. 377), из которых первое известно

[4] Это же имя по одному разу засвидетельствовано в Южной Тавриде, Ольвии и Херсонесе (НО 145; НЭПХ I. 52). Имена Фарн, Фарнак, Фарнакион, Питфарнак, Фарноксарт и другие с основой на иран.*Farn в эллинских городах Северного Причерноморья в римскую эпоху могли принадлежать сарматам [Тохтасьев, 2013, 37, 41]. Не исключено, что среди носителей имен Фарнак и Фарнакион были потомки ираноязычных каппадокийцев, попавших на Боспор при Митридате Евпаторе и Фарнаке II, или боспорцы, названные в память о понтийских монархах. О модной тенденции называть детей в честь известных деятелей прошлого в эллинистическое и императорское время см. [Habicht, 2000, 121].

в Пантикапее в III в. н. э. (КБН 36, где его из-за фрагментарности этой части надписи можно принять и за обозначение должности филагафа в фиасе или синоде), второе там же в I в. н. э. (КБН, 548: надгробие, Хреста, дочь Эпагафа) и в Танаисе в 244 г. н. э. (КБН 1287), а Пантагаф трижды засвидетельствован в Пантикапее и один раз в Танаисе во II в. н. э. (КБН 80, 1262, 1264 = LGPN IV. 268). Во-вторых, АГАΘОΣ может быть частью названия должности филагафа или парафилагафа в фиасе, которую замещал человек по имени Фил (…), упоминающийся в предыдущей строке. Означенные должности нередко фигурируют в боспорских надписях фиасов и синодов [Завойкина, 2013, с. 41, 42 с ошибками в написании этих должностей по-гречески (sic!)]. Допуская реконструкцию в надписи одной из этих должностей, мы склоняемся к прочтению здесь личного имени в номинативе, скорее всего, Эпагафа. Обоснованием для этого является упоминание в пантикапейском надгробии незадолго до появления Ильичевской надписи членов одной боспорской семьи – Эпагафа и его дочери Хресте. Можно предположительно считать Эпагафа нашей надписи их родственником, ибо его отчество – явный коррелят женского имени, встречающегося в этой семье: Χρησ[...]можно дополнять как Χρήσ[του] (nom. Χρῆστος), Χρησ[τοῦ] (nom. Χρηστοῦς), Χρησ[τίωνος] (nom. Χρηστίων) – это очень распространенные имена на Боспоре, особенно в императорскую эпоху (КБН. Индекс, с. 907, 908). Впрочем, не исключены и два других имени – Пантагаф и Филагаф, но последнее менее вероятно.

Восстановление греческого имени Феокрита в стк. 6 справедливо (патронимик не читается, от него дошла только часть начальной Λ или Δ). Это имя встречается на Боспоре в эпоху эллинизма: Феокрит, сын Деметрия, засвидетельствован в пантикапейской надписи эпохи поздних Спартокидов как синагог и член фиаса (КБН 75). Было бы невероятно заманчиво считать Феокрита, сына Д(…) в Ильичевской надписи отдаленным потомком этого деятеля культа, но это сомнительно. Феокрит, сын Гиппократа и Гиппократ, сын Феокрита из одной семьи горгиппийских граждан упомянуты в списке имен горгиппийцев первой половины III в. до н. э. (КБН 1137).

Стк. 7 первоиздатели не расшифровали, ограничившись перечислением сохранившихся букв ...ΠΙΑΜΟΥΣ и не указав, имя это или отчество. Внимательное изучение строки привело к мысли, что это личное имя Σπέλμος, известное в Лидии (LGPN IV. 408), которое на Боспоре в римское время писали как Σπίλμος через *йоту* [Доватур, 1965, 800, I A, § 3, 1; ср. КБН 639: Φελωτέρα = Φιλωτέρα в безударной позиции; 1016, 1134: θέασος = θίασος]. В таком случае это патронимик, ибо имя поставлено в родит. падеже, а следующая за ним *сигма* – начало другого личного имени.

Стк. 8 восстановлена публикаторами надписи неверно. На камне вычитывается личное имя [Π]ὁ̣πλ̣ι̣ο[ς..., м.б. отчество [Π]οπλ̣ίο[υ..., которое хорошо известно в боспорском ономастиконе с разными патронимиками [КБН. Индекс, с. 894; LGPN IV. 286]. Это греческая огласовка римского имени Publius, поэтому часто встречается по всей эллинской ойкумене в римское время [Parker (ed.) 2013, 2] – в Македонии, Фракии, Византии, Одессе, Перинфе, Никополе на Истре (LGPN IV. 286), Фессалии, Локрах, Беотии, Фокиде (LGPN III.B. 357), Афинах (LGPN II. 376), Арголиде, Мессене, Сицилии, Пелопоннесе (LGPN III.A. 372), Островной Греции (LGPN I. 382), особенно в различных областях Малой Азии (LGPN V.A. 374, 375; V.B. 360, 361). Любопытно, что данного имени

нет в Херсонесе Таврическом, Ольвии, что может свидетельствовать о его проникновении на Боспор через римские провинции севера Малой Азии, с которыми Боспорское царство поддерживало очень тесные связи. Считать Поплия = Публия нашей надписи этническим римлянином или италийцем маловероятно, поскольку известные на Боспоре обладатели этого имени имеют отцов с неримскими именами, за исключением одного – жреца Поплия, сына Юлиана (КБН 96). Римские граждане, носители *praenomen* Publius в греческой транскрипции, по обыкновению указывали свой *gentilicium* и римское личное имя отца, как в надписях посвятителей на Делосе [Ferrary, Hasenohr, La Dinahet, Boussac, 1998, 210]. Означенное имя могло попасть на Боспор либо с переселившимися потомками римлян из малоазийских провинций, которые в результате смешанных браков стали боспорцами, либо как дань моде на римские имена, распространившиеся в Восточном Средиземноморье после закрепления там римского господства. Во всяком случае, большинство Поплиев на Боспоре, как и в других областях греко-римского мира, были людьми незнатного происхождения, выходцами из средних слоев.

Таким образом, надпись с городища у пос. Ильич представляет собой список имен боспорцев. В нем присутствуют имена греческого происхождения (Периген, Хрестион, Омфалион, Феокрит) и имена, связанные с малоазийскими областями, иранской ономастикой, включая сарматскую. Ряд имен ранее в антропонимике Боспора не фигурировал. Надпись лишний раз подтверждает смешанный характер населения Боспорского царства в римское время, свидетельствует об эллинизации негреков на Боспоре в это время. Это еще один документ в ряду многочисленных списков имен, которые в римскую эпоху получили большое распространение. Мы полностью разделяем мнение тех, кто считает их принадлежащими членам фиасов – боспорских религиозных и прочих союзов, объединявших граждан по профессиональным и религиозным пристрастиям [Бехтер, Бутягин, 2016, с. 385]. Подобные документы из больших городов Боспорского царства вполне соответствуют политическим реалиям боспорской действительности I–III вв. н. э., когда прежние привилегии и свободы эллинских граждан, ограниченные династическо-монархическим строем, почти полностью сошли на нет. Тем более интересно видеть все больше таких списков из различных мест боспорской периферии.

Списки имен и надписи фиасов обнаружены на городище Зенонов Херсонес (КБН 898) [Сапрыкин, Масленников, 1999, 197], в районе ст. Ахтанизовской (КБН 1016), Западном Прикубанье (КБН 1230–1232). Возможно, к такого же рода документам относятся список лиц из Краснодарского музея (не исключено, однако, что он происходит из Горгиппии) [Болтунова, 1960, с. 199–200] и надпись членов фиаса из Илурата второй четверти II в. н. э. (КБН 967). Все они датируются II – первой четвертью III в. н. э. и синхронны надписям фиасотов из больших городов. К этой группе памятников можно теперь причислить и надпись из Ильичевского городища, которое являлось одним из укреплений на Таманском полуострове, возникших на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. (или чуть ранее), и вместе с другими крепостями погибшем в конце I – начале II в. н. э. [Шелов, 1951, с. 10; Сокольский, 1963, 20, 21; 1966, 128; Николаева, 1981, с. 88, 89; Десятчиков, 1984, с. 89; Толстиков, 1992, с. 54–65]. Существует предположение, что они могли быть срыты по договору между Савроматом I и Римом, чтобы усилить строительную деятельность в Фанагории, Гермонассе, Танаисе, Горгиппии [Толстиков, 1992, с. 54–65]. Действительно,

в правление этого царя активизируется строительство в городах [Блаватская, 1976, с. 92–97; Сапрыкин, 2006, с. 226–235], и в это же время там появляются новые фиасы и синоды, число которых активно возрастает при его преемниках [Завойкина, 2013, с. 101–110]. В настоящее время можно говорить о том, что строительная деятельность в первой половине II в. н. э. в городах и на хоре, особенно на азиатской стороне царства, могла быть вызвана ликвидацией последствий войны Боспора с аланами в последней декаде I в. н. э. Эта политика была одобрена Римом [Saprykine, 2000, p. 48; Сапрыкин, 1997, с. 90; 2005, с. 45–81]. Строительная активность боспорских царей затронула и хору, при этом на азиатской стороне реконструкция и перестройка укрепленных поселений, включая Ильичевку [Николаева, 1981, с. 90], Патрей, Батарейка и др., завершилась около середины II в. н. э. [Десятчиков, 1984, с. 89; Десятчиков, Долгоруков, 1984, с. 86]. С этим периодом в истории городища связана и публикуемая надпись. Она, как и другие надписи со списком граждан, м.б. фиасотов, из полисов, «малых» городов и с хоры могла появиться как результат притока населения в города и на хору для их обустройства и укрепления. Эти люди объединялись в союзы, что давало им возможность отправлять культы, проводить повседневную жизнь так, как это было предусмотрено обычаями эллинов и эллинизованных варваров, сплачиваться для строительной, ремесленной, торговой деятельности, что поощрялось царской властью. Цари, как показывают преамбулы к такого рода документам, оказывали покровительство этим сообществам, что делало их своеобразной опорой власти в различных делах, коими занималась царская канцелярия и царское окружение. Такие списки обитателей городов и поселений на царской хоре выставлялись для всеобщего обозрения, что открывало царским чиновникам возможность учитывать количество привлекаемых туда подданных.

Таким образом, разобранная выше надпись является важным источником по истории Боспорского царства в римское время.

Список литературы

Бехтер, Бутягин, 2016. Бехтер А. П., Бутягин А. М. Новый памятник лапидарной эпиграфики из Мирмекия // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. СПб.

Блаватская, 1976. Блаватская Т. В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 145.

Болтунова, 1960. Болтунова А. М. Неизданные надписи Боспора // НЭ. I.

Болтунова, 1968. Болтунова А. М. Новая строительная надпись из Танаиса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Бонин, Завойкина, 2016. Бонин А. В., Завойкина Н. В. Новая надпись из раскопок Ильичевского городища // ДБ. 20.

Десятчиков, и др., 1984. Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М. Сельская территория // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.

Десятчиков, Долгоруков, 1984. Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С. Патрей // АГСП. М.

Доватур, 1965. Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М.–Л.

Завойкина, 2013. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.

Николаева, 1981. Николаева Э. Я. Поселение у дер. Ильич // КСИА. 168.

Сапрыкин, 1997. Сапрыкин С. Ю. Царь Савромат I Боспорский // Античность: история и историки. Казань.

Сапрыкин, 2006. Сапрыкин С. Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М.

Сапрыкин, 2005. Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2.

Сапрыкин, Масленников, 1999. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 2.

Сокольский, 1963. Сокольский Н. И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VIe Conférence Internationale d'etates classiques des pays socialistes. Sofia.

Сокольский, 1966. Сокольский Н. И. Ильичевское городище // СА. 4.

Толстиков, 1992. Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 10. Археология и искусство Боспора. М.

Тохтасьев, 2013. Тохтасьев С. Р. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н. э. // Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица. СПб.

Шелов, 1951. Шелов Д. Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 37.

Dubois, 2010. Dubois L. Des anthroponymes en -οῦς // ONOMATOLOGOS. Studies in Greek Personal Names, presented to Elaine Matthews. Oxf.

Ferrary, Hasenohr, La Dinahet, Boussac, 1998. Ferrary J.-L., Hasenohr Cl., Dinahet M.-Th., Boussac M.-Fr. List des Italiens de Délos // BCH. Suppl. 41. Les Italiens dans le monde Grec. IIe siècle av. J.-C. – Ie siècle ap. J.-C. Circulation, Activités, Intégration. P.

Habicht, 2000. Habicht Ch. Foreign Names in Athenian Nomenclature // Greek Personal Names. Their Value as Evidence. Oxf.

Parker (ed.) 2013. Parker R. (ed.). Personal Names in Ancient Anatolia. Oxf.

Robert, 1963. Robert L. Noms indigènes dans l'Asie-Mineure gréco-romaine. P.

Saprykine, 2000. Saprykine S.Yu. Le roi Sauromace Ier du Bosphore Cimmerien // Les sites archeologiques en Crimee et au Caucase Durant l'antiquité tardive et haut Moyen-Age. Leiden.

Zgusta, 1955. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha.

Summary

S. Ju. Saprykin
To the Reading of a New Inscription from the Site of Il'ichevka

The article is a republication of a new epigraphic document which came to light during the excavations on the site of Il'ich on the Taman peninsula in 2015. It was first published by N.V. Zavoikina and A.V. Bonin but done rather badly with a lot of mistakes and incorrect reading as the publishers didn't quite catch the structure of the inscription. Actually it is a list of personal names of the Bosporanians who lived in the late I – first half of the II century AD. Among them we come across several Hellenic names and a few from Asia Minor and Sarmatian anthroponymic as well. This document is one more in among a number of lists of personal names from the cities of Bosporus and its chora, dated to the time of king Sauromates I and his successors. Such inscriptions which were surely connected with the so-called *thiasoi* appeared throughout the whole kingdom in course of the I – mid III centuries AD as the Bosporan rulers were conducting a building policy in the cities and on rural settlements after a disastrous war with the Alanians in the late I century AD. Such policy was approved by the Romans and was aimed at strengthening fortification against new barbarian invasions.

М. В. Скржинская
(Институт истории НАН Украины, Киев)

Иностранцы в Пантикапее и их общение с боспорянами в V-I вв. до н. э.

Письменные, эпиграфические и археологические источники дают возможность узнать о конкретных людях, приезжавших в Пантикапей из Эллады и ее колоний. Между ними и боспорянами не существовало языкового барьера; они чувствовали себя представителями одной культуры, объединявшей всех эллинов [Скржинская, 2010, с. 16, 392]. В то же время приезжие не имели прав местного гражданства и с этой точки зрения они были иностранцами.

Статус боспорских царей предполагал их общение с иностранцами, в первую очередь с послами. К сожалению, определенных сведений об этом сохранилось немного. Начиная с конца V до середины III в. до н. э. афинские послы доставляли в Пантикапей тексты постановлений с перечнем различных наград боспорским царям. Таковы были дарование афинского гражданства (Dem. XX, 30, 36), решение о постановке статуи (Dein. I, 43) и о венчании золотым венком на Панафинеях или Дионисиях, издание почетного декрета, текст которого высекали на мраморной стеле и устанавливали на акрополе и в Пирее (МИС. 3, 4). Одно из таких посольств упомянуто в афинском декрете 288 г. до н. э., где говорится о прибытии в Пантикапей трех послов с известием о том, что на ближайших Великих Дионисиях царь Спарток III будет увенчан золотым венком (МИС. 4). Афиняне благодарили Спартока, который, следуя традиции предков, обещал продолжать оказывать услуги афинянам и послал им в дар 15 000 медимнов хлеба.

Полиэн в «Стратегемах» (V, 44) описал, как в середине IV в. до н. э. к Левкону I явился посол Архивиад с предложением заключить договор о гостеприимстве и дружбе с Македонией. На деле он исполнял тайное поручение полководца Мемнона, находившегося в то время на службе у македонского царя Филиппа II. Царь готовился к войне со скифами и не без основания полагал, что боспоряне могут выступить против него на стороне своих варварских соседей [Сапрыкин, 2011, с. 63–64]. Поэтому следовало оценить военный потенциал Боспора, и для этого Мемнон прибег к хитрой уловке. На триере, специально снаряженной для посольства, вместе с Архивиадом Мемнон отправил на гастроли знаменитого музыканта Аристоника, певшего под аккомпанемент кифары. Полководец рассчитывал, что на концерты прославленного кифарода в театрах нескольких боспорских городов соберется множество граждан, так что можно

будет посчитать приблизительное количество боспорского войска. К сожалению, не известно, как Левкон откликнулся на предложение Архивиада и понял ли его тайный замысел, но можно с достаточной долей вероятности предположить, что царь направил со своими предложениями ответное посольство в Македонию.

Слова Полиэна о том, что македонское посольство прибыло к царю на триере, то есть на военном корабле, позволяют думать, что большой военный корабль «Исида», изображенный на рисунке из Нимфея, доставил египетское посольство на Боспор в III в. до н. э. к царю Перисаду II [Грач, 1984, с. 81–88]. Его имя читается среди граффити на той же стене святилища, где находилось изображение «Исиды». Видимо, корабль останавливался в Нимфее по пути в Пантикапей, а может быть, автор рисунка видел корабль в пантикапейском порту, но изобразил его в нимфейском святилище, в котором многие другие боспоряне рисовали на стене разные корабли. Дипломатические связи с Египтом в это время подтверждаются уцелевшими на папирусе сведениями о боспорских послах в Египте в 254 г. до н. э. Их приняли с большими почестями и пригласили на праздник Арсенои (МИС, с. 261–262).

Последний царь из династии Спартокидов принимал в конце II до н. э. полководца Диофанта, уроженца Синопы, прибывшего в Пантикапей в качестве посла от Митридата Евпатора. Сначала переговоры с Перисадом V о мирной передаче власти понтийскому царю завершились «прекрасно и полезно», но позже эта попытка подчинить Боспор мирным путем была сорвана, и тот же Диофант подавил восстание против Митридата (IOSPE I^2. 352).

Лукиан в диалоге «Токсарис» (гл. 44, 49), используя какое-то сочинение эллинистического времени, написал о двух посольствах скифов к боспорским царям. Один посол обсуждал с царем вопрос о размежевании площадей для пастбищ боспорян и скифов, а также о наказании за военные набеги отдельных отрядов, несанкционированные властями варваров. Другой скифский посол явился к царю требовать дань, которую боспоряне ежегодно платили скифам и просрочили выплату на три месяца. Из рассказов Лукиана мы узнаем, что боспорские цари приглашали скифских послов на свои пиры; иногда во время застолий вожди разных местных племен сватались к царским дочерям и гневались, когда получали отказ.

В сочинении Лукиана смешаны и искажены события разного времени, но некоторые сведения восходят к сочинениям боспорских историков, основанных на реальных фактах. К ним следует отнести известия о размежевании пастбищ и о выплате дани скифам. О требованиях варваров ежегодно платить дань упомянул Страбон в «Географии» (VII, 4, 4). В имени царя Левканора, принимавшего скифских послов, можно увидеть искаженную передачу имени Левкона, которое носили несколько боспорских царей. Женитьба варваров на девушках царского рода подтверждается другими записями в античной литературе. В новелле о Тиргатао, записанной Полиэном (VIII, 55) рассказывалось о том, как Сатир I пожелал, чтобы его дочь вышла замуж за синдского царя Гекатея. Аппиан описал, как Митридат Евпатор, находясь в Пантикапее, «послал с евнухами своих дочерей в замужество скифским властителям, прося их как можно скорее прислать ему войска» (App. Mithr. 108).

В сочинениях древних писателей сохранились имена еще нескольких иностранцев, с которыми у себя на родине общались боспорские цари. Сатир I щедро наградил афинянина Гилона за содействие в подчинении Нимфея, вошедшего при этом царе в состав Боспорского царства. Гилон продолжительное время жил на Боспоре, женился

на местной богатой женщине, имел от нее двоих дочерей, которых выдал замуж за афинян; одна из них стала матерью оратора Демосфена (Aeschyn. III, 171)[1]. В конце V в. до н. э. Сатир дал приют на два года Мантифею и его брату, покинувшим Афины по политическим причинам (Lys. XVI, 4); так как братьев отправил к царю их отец, то надо полагать, что их связывали личные дружеские отношения. О других контактах Сатира с афинянами в Пантикапее известно из «Трапезитика» Исократа. Для разрешения денежного спора к царю обратились сын богатого боспорянина Сопея и Китт, доверенный афинского трапезита Пасиона. Рассмотрев их взаимные претензии, Сатир посчитал, что тяжбу должен разрешить афинский суд. Туда он написал письмо, которое было прочитано на судебном заседании; само же письмо доставил из Пантикапея по просьбе царя афинянин Ксенотим. Сатир также призвал к себе находившихся в его столице афинских владельцев кораблей, чтобы попросить их помочь Сопеиду и «не допустить несправедливости» (Isocr. XVII, 51). Вероятно, Левкон, которого Демосфен (XX, 30) назвал «хозяином боспорского хлеба», не менее часто, чем его отец Сатир, общался с иностранными купцами, вывозившими пшеницу и другие товары с Боспора.

О непосредственном знакомстве боспорских царей с иностранными купцами и владельцами кораблей свидетельствуют также проксении, данные от имени монархов Левкона, Перисада, Евмела, Селевка и их сыновей. Все уцелевшие проксении сохранились фрагментарно и датируются IV – началом III вв. до н. э. Всего к настоящему времени найдено 16 проксений и одна ателия: из них 14 происходят из Пантикапея, 2 – из Фанагории, 1 – из Горгиппии [Яйленко, 2010, с. 55–79]. Наверное, и позже цари давали иностранцам такие распространенные во всей Элладе награды, но они перестали тратить средства для записи постановления на каменной стеле. По находкам проксений ясно, что большинство заслуживших почести иностранцев, отправляясь на Боспор, прибывали в Пантикапей, реже они появлялись в Фанагории и Горгиппии. Царь решал, какие и в каком объеме предоставить привилегии тому или иному иностранцу. В число льгот включались предоставление гражданства, права въезда и выезда из гавани в мирное и военное время, право беспошлинного ввоза и вывоза товаров, возможность приобретать землю и дома и др.; кроме того монарх решал, может ли пользоваться предоставленными льготами только сам иностранец, или также его потомки и доверенные слуги. По текстам сохранившихся фрагментов интересующих нас надписей можно узнать, что в Пантикапей в IV в. до н. э. неоднократно приезжали, общались с местным населением и получали проксении граждане Амиса, Халкедона, Хиоса (КБН. 1, 2, 3) и Кромн [Яйленко, 2010, с. 66].

Надо полагать, что иностранцы для встречи с царями приходили в их резиденцию на акрополе Пантикапея. Там, по упоминанию Полиэна (VI, 2), находился дворец Левкона, который в последней четверти IV в. до н. э. был заново перестроен [Толстиков, 1992, с. 93]. Здесь боспорские цари принимали послов и вручали иностранцам документы с проксениями. Во дворце во время пиров с друзьями цари слушали иностранных музыкантов [Подосинов, 2009, с. 89–92]. На симпосионах Левкона I пел под кифару широко известный в Элладе Аристоник из Олинфа, прибывший вместе с македонским

[1] Недавно И. Е. Суриков [2009, с. 393–413] пытался доказать, что сообщение Эсхина о Гилоне является выдумкой оратора, не имеющей исторической ценности. В. П. Яйленко [2016, с. 500–511) подверг справедливой критике это мнение.

послом Архивиадом (Polyaen. V, 44). Перисад I не хотел отпускать на родину, долго жившего при его дворе кифарода Стратоника, который, по словам Афинея, выступал во многих греческих городах (Athen. VIII, 41. 347 f–352 d).

По косвенным свидетельствам известно, что Левкон I обращался к выдающимся ювелирам своего времени. Около 380 г. до н. э. он распорядился чеканить золотые монеты, которые выпускались затем примерно в течение двадцати лет [Строкин, 2016, с. 412, 419]. Для этого царь приглашал первоклассных мастеров [Завойкин, 2009, с. 137], и те вырезали штемпели с предложенными им изображениями. Левкон решил, что на аверсе статеров должна находиться голова спутника Диониса сатира, который напоминал об его отце Сатире I, а на реверсе следовало изобразить львиноголового грифона и колос пшеницы. Грифон служил символом Аполлона, возглавлявшего пантеон богов Пантикапея, а колос указывал на главный предмет боспорского экспорта, и напоминал о том, что им распоряжается царь[2]. Некоторые из золотых пантикапейских статеров принадлежат к вершинам мастерства греческих резчиков, изготовлявших штемпели для монет [Соколов. 1999, с. 284]. В. Д. Блаватский [1964, с. 67] назвал изображение сатира на монете 375–372 г. до н. э., не уступающим по силе скульптурам Скопаса.

Можно с достаточной уверенностью предположить, что боспорские цари заказывали ювелирам дорогие изделия, в частности украшения парадного оружия, которые использовали в качестве дипломатических подарков. Таковы были сделанные в 331– 325 гг. до н. э. золотые и серебряные накладки на скифские гориты и ножны мечей со сценами из троянского цикла мифов; они найдены в нескольких скифских царских курганах [Алексеев, 2003, с. 247]. Так как эти изделия достаточно точно датируются, можно полагать, что их заказали для подарков на средства царской казны при Перисаде I.

Приезжие ювелиры также исполняли различные изделия из золота и серебра для состоятельных боспорян и скифов. Ювелиры принадлежали к той группе греческих мастеров, которые искали работу в разных городах, и благодаря незначительному весу их орудий труда, они легко устраивали свою мастерскую на новом месте [Неверов, 1983, с. 45]. В конце V – начале III вв. до н. э. в Пантикапее работали ювелиры из материковой Греции и восточно-греческих городов [Уильямс, Огден, 1995, с. 126]. У них постоянным спросом пользовались инталии на полудрагоценных камнях, служившие печатями. Их оттиски ставили на официальных документах, на письмах, ларцах, кладовых с ценностями и других предметах, чтобы удостоверить принадлежность определенному лицу или предохранить от вторжения нежелательного человека.

По находкам в некрополях Пантикапея и на азиатской части Боспора можно судить, что зажиточные боспоряне заказывали печати у выдающихся ювелиров. Таковы несколько инталий, исполненных замечательным мастером Дексаменом, уроженцем Хиоса. Среди этих печатей наиболее известна пантикапейская с подписью мастера и изображением летящей цапли на голубом халцедоне. Недаром ее изображение украшает сейчас титул «Древностей Боспора». Пять произведений Дексамена, обнаруженные на Боспоре, дают возможность предположить, что он работал здесь в 20–30-х годах V в. до н. э. [Неверов, 1983, с. 41–47].

[2] Несколько иная интерпретация изображений на боспорских статерах предложена в статье Ю. А. Виноградова и И. Ю. Шауба [2005, с. 219–221].

Костюм богатых боспорянок включал украшения приезжих ювелиров. Особенно нарядным были уборы жриц, о чем дают представления их погребения в Павловском кургане близ Пантикапея и в Большой Близнице в районе Фанагории [Уильямс, Огден, с. 166–171; 184–195; 267–271]. Золотые украшения этих женщин представляли не случайный набор, а были специально заказаны и несли определенную смысловую нагрузку, которая нам теперь не очень понятна. Трудно однозначно ответить, почему на калафе жрицы представлено сражение скифов с амазонками, а на подвесках, крепившихся к этому головному убору, изображена плывущая на морском коне Фетида, везущая оружие Ахиллу [Уильямс, Огден, № 120, 203].

Особую группу ювелирных изделий составляет так называемое скифское золото из варварских погребений. Первоклассные греческие златокузнецы в Пантикапее изготовляли разнообразные предметы для скифов: больше всего столовую и ритуальную посуду, кроме того, различные украшения для мужских и женских костюмов, декор парадных доспехов и оружия. Многие из них представляют уникальные образцы ювелирного искусства, они часто украшены сценами из скифского эпоса [Раевский, 1977, с. 31–39; 1985, с. 17–22, 18–203]. Моделями героев явно служили реальные скифы: только так было возможно детально изобразить их одежду, черты лица, прически и вооружение. Сюжеты изображений ювелиры узнавали со слов боспорян, владевших скифским языком и передававшим мастерам желание заказчика, а ювелир сам составлял композицию и к изображению варваров часто добавлял греческие орнаментальные и растительные мотивы [Скржинская 1998, с. 251–252]. Вероятно, через посредников боспорян заказчики договаривались с ювелиром о цене и предоставляли необходимое золото; ведь его скифы привозили в Причерноморье по древнему торговому пути, шедшему за Урал. К их караванам присоединялись греки из Ольвии и Боспора [Скржинская, 1998, с. 90–94], поэтому и сами боспоряне могли давать металл для собственных заказов златокузнецам. Вероятно, у скифов существовали и другие источники золота; ведь для ювелиров было важно получать местное сырье и не заботиться о его приобретении и доставке на Боспор, что было существенно при достаточно частых кораблекрушениях, захватах судов пиратами и других опасностях перевозки ценных грузов.

На протяжении всего IV в. до н. э. в Пантикапее работали ювелиры из разных греческих городов, о чем свидетельствует различная манера их творчества. Однако, по справедливому наблюдению Е. А. Савостиной [1999, с. 202], все их произведения объединяет реалистичность изображения, объемность фигур, их свободная постановка в пространстве, непринужденная пластика, свойственная греческой скульптуре высокой и поздней классики

В Пантикапей классического и эллинистического времени часто приглашали опытных архитекторов. Их труд был необходим для постройки и ремонта храмов, оборонительных сооружений, театра, гимнасия и других общественных зданий. Архитектор должен был обладать широкими знаниями, включающими мастерство зодчего и инженера. Только очень богатые города могли позволить себе постоянно содержать одного или несколько архитекторов и все время обеспечивать их работой. Может быть, так было в Пантикапее во время его наивысшего расцвета в IV в. до н. э., но в остальное время архитекторов приглашали по мере надобности строительства или ремонта того или иного сооружения. Работы могли продолжаться несколько месяцев, а иногда и лет, и архитектор был обязан постоянно

наблюдать за всеми этапами строительства. Поэтому иностранные зодчие и помогавшие им опытные мастера могли жить в Пантикапее продолжительное время и общаться со многими местными жителями. К сожалению, имена этих мастеров не сохранились.

Архитекторы представляли заказчикам свои проекты и модели зданий, а также денежную смету; после рассмотрения этих материалов, выбирали того, кто обещал построить дешевле, лучше или скорее [Блаватская, 1983, с. 244; Маринович, Кошеленко, 2000, с. 98]. Он составлял письменную программу строительства, в которой подробно описывались все этапы необходимых работ, перечислялись нужные материалы и их стоимость. Надпись с копией подробного текста о постройке арсенала в Пирее в первой трети IV в. до н. э. (Syll. № 969) дает хорошее представление о документах, которые архитекторы приносили для утверждения властями государства; [Блаватская 1983, с. 247–251].

Остатки фундаментов и архитектурных деталей свидетельствуют, что уже в конце VI в. до н. э. боспоряне приглашали архитекторов для строительства небольших храмов [Пичикян, 1984, с. 174, рис. 66; Крыжицкий, 1993, с. 53]. Раскопки главного пантикапейского храма, посвященного Аполлону Врачу, возглавлявшему пантеон богов на Боспоре, дают возможность представить осуществленный в первой половине V в. до н. э. проект ионийского архитектора и предположить с достаточной уверенностью, что под его руководством трудились не только местные мастера, так как греки обычно привлекали иностранцев при строительстве крупных храмов. Например, в постройке храма Асклепия в Эпидавре первой трети IV в. до н. э. принимали участие скульпторы, каменщики и плотники из Аргоса, Коринфа, Афин и Аркадии [Burford, 1972, p. 63]. Благодаря работам приезжих мастеров на строительстве грандиозного храма жители Пантикапея могли учиться овладевать разными ремеслами или совершенствовать свое мастерство, так что пребывание иностранцев служило развитию новых навыков у местных ремесленников.

Архитектурные остатки пантикапейского храма Аполлона позволяют в общих чертах представить его размеры и внешний облик. Монументальное здание, покрытое черепичной крышей, достигало высоты 14 м. Храм, стоявший на вершине пантикапейского акрополя, был виден со всех точек города, и издалека его замечали идущие в гавань корабли. Фасад здания украшали 6 мраморных каннелированных колонн с ионийскими капителями, и, скорее всего, они окружали все сооружение, то есть это был периптер, а в декор храма входили мраморные рельефы [Пичикян, 1984, с. 168–170, 177, рис. 56–61; Крыжицкий 1993, с. 70–71]. Такой большой храм с дорогими колоннами и рельефами из привозного мрамора в первой половине V в. до н. э. вряд ли мог построить тогда еще небольшой Пантикапей. Поэтому весьма убедительным представляется предположение ученых о том, что Пантикапей был главным городом в союзе нескольких тогда еще независимых греческих колоний на берегах Боспора Киммерийского [Толстиков, 1992, с. 69]. На средства этих городов на акрополе Пантикапея архитектор вместе с многочисленными мастерами разных специальностей возвел храм Аполлона, покровителя колонистов [Пичикян, 1984, с. 156–170]. К этому храму собирались на праздники эллины из полисов, участников союза [Скржинская, 2010, с. 41–43]; продолжая традицию своей родины в Малой Азии, где у храма Посейдона справляли празднества 12 ионийских городов (Her. I, 148).

Наверное, к скульптурному декору пантикапейского храма принадлежит уцелевший фрагмент мраморного фриза, исполненного приезжим скульптором одновременно

с сохранившимися архитектурными деталями здания. Центр композиции фриза занимает Аполлон, рядом с ним находятся фигуры Гермеса, Артемиды и нимфы (Пичикян, 1984, 168–169, рис. 62). Для исполнения мраморного скульптурного декора фронтона другого храма в III- II вв. до н. э. приезжий скульптор должен был работать в Пантикапее, чтобы делать фигуры нужных размеров. От скульптурной композиции уцелела находившаяся в углу фронтона фигура полулежащей амазонки, отбивающейся от врага [Соколов 1999, с. 260–261, рис. 189]. Вероятно, она была раскрашенной, подобно другим фризам, статуям, рельефам и капителям колонн, как было принято в греческом искусстве. То, что так было и в Пантикапее, можно представить по сохранившейся раскраске на капителях известняковых колонн I в. до н. э.; у них на синем фоне красной и белой краской выделены рельефные листья, цветы и волюты [Ростовцев, 1915, табл. 52].

Надписи и упоминания античных авторов свидетельствуют о строительстве и реставрации многих храмов в Пантикапее и других городах Боспора на протяжении всей античной эпохи [Пичикян, 1984. с. 187–252]. Поэтому можно заключить, что в боспорской столице часто работали приезжие архитекторы со сложившейся хорошей репутацией и приглашенные ими помощники. Зодчих привлекали не только для возведения храмов, но также для строительства различных сложных сооружений, о которых известно в основном по письменным источникам. Таковы были здания царского дворца, суда и театра, упомянутые Полиэном (V, 44, 1, VI, 9, 3) и гимнасий (КБН. 129). Кроме того архитекторы часто строили и ремонтировали оборонительные сооружения, остатки которых в Пантикапее открыты археологами [Толстиков, 1984, с. 53].

В Пантикапее и других боспорских городах в IV в. до н. э. существовали театры (Polyaen. V, 44). Для их строительства архитектору требовались особые знания в области акустики. К настоящему времени место расположения пантикапейского театра не известно; уцелел лишь фрагмент мраморного кресла для почетных лиц в первых рядах [Блаватский, 1957, с. 247]. Возможно, к декору этого театра относится мраморный рельеф с изображением актера, одетого в костюм силена [Гайдукевич 1949, с. 162, рис. 5]. Рельеф исполнен афинским мастером в IV в. до н. э., который работал вместе с архитектором в Пантикапее.

Жизнь каждого греческого гражданина постоянно была связана с посещением гимнасия. Обязательные занятия в гимнасии входили в круг среднего образования сыновей граждан любого греческого государства. У взрослых привычка посещать гимнасий становилась одной из излюбленных форм проведения досуга. Почти все граждане приходили в гимнасий посмотреть на тренировки атлетов или на устраивавшиеся там праздничные соревнования. В комплекс построек гимнасия архитектор непременно включал беговую дорожку, портик, окружавший открытый двор, где тренировались борцы, кулачные бойцы и другие атлеты; кроме того, комнаты для раздевания, умащения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий. В эллинистический период к этим обязательным компонентам архитектору следовало добавить помещение общедоступной библиотеки и зал, где посетители слушали выступления местных и приезжих поэтов и ораторов, а философы проводили беседы со своими учениками [Блаватская, 1983, с. 67, 308–310].

За строительством и ремонтом гимнасия наблюдал специально выбранный магистрат, называвшийся гимнасиархом. Древнейшее упоминание о пантикапейском гимнасиархе находится в плохо сохранившейся надписи относится к IV в. до н. э. (КБН. 823),

остальные сведения о них относятся к римскому времени (КБН. 90, 103). Эпитафия тренера из Синопы, которого оплакивал весь гимнасий (КБН. 129), показывает, что в Пантикапее в I в. до н. э. находилось здание гимнасия, и там наряду с местными работали иностранные учителя гимнастики.

Труд опытного архитектора был необходим при оборудовании порта с его причалами, складскими помещениями и верфями. В крупных гаванях греки устраивали отдельные порты для военных и торговых судов. Пантикапейский порт архитектор расширил в конце V – начале IV в. до н. э., когда этого потребовали огромные объемы торговли боспорским хлебом. Этот порт в эллинистическое время располагал тридцатью верфями для строительства и ремонта кораблей (Strabo VII, 4, 3; Anon. Peripl. PE. 76). Косвенно о размерах пантикапейского порта упомянул Демосфен, сообщая, что ему не уступает построенный царем Левконом феодосийский порт, способный принять одновременно сто кораблей (Dem. XX, 33). Начиная с V в. до н. э., большой пантикапейский порт функционировал на протяжении всего античного периода истории, и время от времени требовал обновлений, которые исполняли архитекторы.

В древности архитекторы также строили корабли. Торговые корабли, двигавшиеся в основном под парусами, делали по заказу частных лиц, их владельцев. Гораздо более сложным было устройство военных судов, о которых заботились власти государства. На этих кораблях находилось несколько рядов гребцов с веслами разной длины, благодаря чему они могли осуществлять сложные маневры и не зависеть от ветра, как парусники. Постройка хорошего военного судна осуществлялась профессиональным архитектором и стоила дорого; решение о выделении средств для этого на Боспоре, скорее всего, принимал царь и требовал от архитектора рекомендаций и проработанный план строительства, так как плавать на плохо построенном корабле было опасно (Veget. IV, 33).

Относительно строителей кораблей в Пантикапее можно судить лишь по косвенным данным и аналогиям с другими греческими полисами. Б. Г. Петерс в книге «Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья» подробно описал торговые и военные корабли Боспора, Ольвии и Херсонеса. Исследователь изучил изображения на местных монетах и рельефах, а также достаточно многочисленные граффити. О наличии на Боспоре военных кораблей в V в. до н. э. свидетельствует рисунок, прочерченный на крышке чернолаковой леканы из Мирмекия. Местный житель схематично изобразил три военных корабля, ведущих морской бой [Петерс, 1982, с. 44, рис. 2]. В носовой части таких судов обычно находился таран [Петерс 1982. Рис. 2–4, 5, 12, 13, 14, 17, 19, 20]. Тройной таран хорошо виден на рельефе II в. до н. э.; он украшает верхнюю часть найденной в окрестностях Пантикапея надгробной стелы Гликариона и Полисфена (КБН. 264).

В 346 г. до н. э. боспорские цари просили афинян прислать опытных матросов (МИС. 3). Скорее всего, речь шла о пополнении команды военных кораблей государства. Ими командовали триерархи; при Левконе I они хотели лишить власти своего царя (Polyaen. VI, 2). Диодор Сицилийский (XX, 24), опираясь на сочинение боспорского историка, написал, что царь Евмел в конце IV в. до н. э. освободил Понт от пиратов, а для этого нужны были военные корабли, построенные опытным архитектором.

Как и архитекторы, хорошие скульпторы ездили в разные греческие города для исполнения государственных и частных заказов [Hopper, 1979, 139]. Например, царица

Артемисия призвала в Галикарнасс четырех афинских скульпторов для украшения мавзолея мраморными скульптурами и рельефами [Виппер, 1972, с. 244–245]. На Боспоре скульпторы высекали мраморные и отливали бронзовые статуи; последнее засвидетельствовано находками остатков производства бронзовых скульптур [Трейстер, 1999, с. 121]. От этих произведений сохранились лишь мраморные постаменты, часто с надписями и со следами ног статуй. Так в III в. до н. э. будущий царь Левкон II, отбыв срок своего жречества, поставил статую Аполлону Врачу в Пантикапее (КБН. 25), а царица Комоссария, жена Левкона I, по обету в середине IV в. до н. э. заказала сделать статуи богам Санергу и Астаре (КБН. 1015); из них уцелела статуя богини, исполненная из местного известняка приезжим аттическим скульптором [Иванова, 1961, с. 65–72].

В пантикапейском порту, как и в любом другом греческом городе, чаще и больше всего можно было встретить иностранцев. Общаться с ними мог каждый желающий, поэтому боспоряне разных сословий приходили в порт не только по делам, но также узнать новости от приезжих и послушать рассказы мореходов (Arist. Fr. 83. Rose). Встречи с иностранцами в порту не были постоянными в течение всего года. Активная жизнь здесь длилась в течение благоприятного периода для судоходства, то есть между началом апреля и серединой сентября. Позже в Пантикапей прибывали лишь отдельные корабли, а зимой они и вовсе переставали ходить, когда Керченский пролив покрывался льдом [Гарбузов, 2016, с. 186]. В период наивысшего развития боспорской хлебной торговли в конце V – начале III вв. до н. э. наибольшее количество судов приходило за зерном после уборки урожая с начала августа до начала сентября [Гарбузов, 2016, с. 179]. Соответственно в это время в Пантикапее находилось наибольшее количество иностранцев, прибывавших на кораблях. Они привозили разные сорта вин и оливкового масла, составлявших необходимую часть питания греков, а также разнообразную керамику, парфюмерию, украшения и др.

Кроме товаров для жителей Боспора, местные торговцы закупали вино, керамические и металлические сосуды, украшения и другие импортные изделия, которые затем продавали скифам, сарматам и другим племенам, обитавшим в Северном Причерноморье. Для них вино было одним из самых привлекательных товаров и всегда находило спрос [Винокуров, 2003, с. 9, 30]. Поэтому есть все основания предполагать, что в Пантикапей приезжали представители варваров с заказами на приобретение тех или иных товаров. Скорее всего, они общались не с иностранными купцами, а с боспорянами, доставлявшими им нужные товары.

В разгар навигации для судов, везущих хлеб в Афины, особенно важными были предоставленные им право загрузки без очереди и ателия, то есть свобода от налога (Isocr. XVII, 57; Dem. XX, 31). Для этого владельцы или капитаны кораблей предъявляли боспорским чиновникам соответствующие документы [Брашинский, 1963, с. 128]. Иногда они пользовались этими правами незаконно, о чем рассказано в речи «Против Формиона», включенной в корпус сочинений Демосфена (Dem.XXXIV, 36): в последней четверти IV в. до н. э. навклер Лампид, взявший разрешение на вывоз хлеба в Афины, не довел судно до Аттики и с большой выгодой для себя продал зерно в Аканфе на Халкидском полуострове.

Из речей афинских ораторов нам известны имена некоторых иностранных купцов, посещавших Пантикапей в IV в. до н. э. и общавшихся с его жителями. Это афиняне Стратокл и Хрисипп, уроженец острова Феры Пиррон, «постоянно бывающий в Пантикапее», граждане малоазийского города Фаселиды Артемон и Аполлодор (Isocr.

XVII, 20, 35; Dem. XXXIV, 8; XXXV, 10). Последние, взяв денежный кредит в Афинах, везли в Пантикапей вино из Менды. Это показывает, что далеко не всегда купцы привозили товары со своей родины, но они могли рассказывать о ней пантикапейцам.

Общение иностранцев с местными жителями не ограничивались территорией порта; приезжих можно было увидеть на агоре, в театре и в частных домах. Например, Стратокл встречался с Сопеем, приближенным царя Сатира. Этот влиятельный вельможа, по просьбе сына, должен был отдать одолженные в Афинах деньги.

К сведениям об иностранцах в Пантикапее следует привлечь также эпитафии с упоминанием происхождения погребенного. Старшее из уцелевших надгробий относится к V в. до н. э.: это стела на могиле Тихона, родом тавра (КБН. 114). К сожалению, в этих надписях чрезвычайно редко упоминается профессия умершего. Поэтому особую ценность представляет стихотворная эпитафия I в. до н. э. на мраморной стеле, стоявшей на могиле Фарнака, уроженца Синопы, который был тренером в пантикапейском гимнасии (КБН. 129). Примерно в это же время в Пантикапее жил с семьей другой уроженец Синопы Гекатей; здесь умерла его дочь Феофила, и скорбящий отец поставил на ее могиле мраморную стелу с большой стихотворной надписью [КБН. 130; Доватур, 1992, с. 11–27]. Еще один уроженец Синопы, Метротим, умер в Пантикапее в IV в. до н. э. (КБН 208). К тому же веку относятся погребения херсонеситов Биона, Калликрата и Кефала (КБН. 173, 194, 195), одесита Мнесифонта, сиракузянина Мелана и пафлагонца Дросаниса (КБН 180, 203, 236).

Дросанис погиб, сражаясь в стране меотов, поэтому можно думать, что он служил наемником в войске боспорского царя; В. П. Яйленко [2010, с. 68] полагает, что сиракузянин также был наемником. Среди других иностранцев, постоянно или долгое время проживавших в Пантикапее, можно назвать торговых агентов, наблюдавших за должниками круглый год (Dem. XXXIV, 8, 28, 39; Брашинский, 1963, с. 130), а также приглашенных на длительное время тренеров в гимнасии, архитекторов и ювелиров, исполнявших крупные заказы.

Среди надгробных стел IV–III вв. до н. э. есть две, стоявшие на могилах женщин; в надписях указано лишь их имя и происхождение: Афинаида с острова Хиоса и Мирсина из Гераклеи (КБН. 155, 246). Отсутствие имени мужа или отца дает основание предположить, что они были приезжими гетерами. В III в. до н. э. в пантикапейском некрополе похоронили киприота Аристократа, херсонесита Батта, колофонца Пифарета (КБН. 236, 243, 248). Надпись I в. до н. э. на надгробном памятнике митиленца Дифила и его жены Зопиры (КБН. 274), как и эпитафия Феофилы, свидетельствуют, что некоторые иностранцы жили в Пантикапее с семьями. Таким образом, эпитафии указывают на многие греческие города, откуда иностранцы переселялись жить в Пантикапей.

В конце II в. до н. э. Боспорское царство вошло в состав владений Митридата VI Евпатора. Тогда в Пантикапее появилось немало греков, прибывших из Понтийского царства. Конкретно можно назвать несколько имен из окружения Митридата, который постоянно находился в Пантикапее с 66 г. до н. э. Аппиан (гл. 64, 78, 102) называет Махара и Фарнака, сыновей Митридата, правивших Боспором. Вместе с Митридатом в Пантикапей прибыла его наложница, а затем жена Гипсикратия, надгробие которой найдено при раскопках Фанагории [Кузнецов, 2007, с. 13]. В окружении царя было несколько взрослых и малолетних сыновей и дочерей, Трифон и другие евнухи. Битой, один из военачальников, в 63 г.

до н. э. своим мечом заколол Митридата в его дворце в Пантикапее, когда царь попросил его об этом, не желая попасть в плен к римлянам (App. Mithr. 108, 111).

Итак, изучение литературных эпиграфических и археологических источников показывает, что боспорские цари, их окружение, а также практически все граждане Пантикапея, так или иначе, общались со многими греками из Эллады и ее колоний. В подавляющем большинстве приезжие и их местные собеседники были мужчинами. В редких случаях, надолго поселяясь в Пантикапее, иностранцы брали с собой жен и дочерей.

Любому жителю Пантикапея были доступны встречи с иностранцами в порту, на агоре и в театре. Наибольшее количество приезжих находилось в городе в период интенсивного судоходства, то есть с середины весны до середины сентября, а поздней осенью и зимой в пантикапейском порту практически не появлялись иностранные суда.

В круг общения пантикапейцев входили иностранные послы, купцы, владельцы кораблей, выдающиеся музыканты, архитекторы и скульпторы. Их присутствие в городе, безусловно, влияло на ежедневную жизнь и культуру боспорян, расширяло кругозор местных жителей, давало возможность узнавать новости из разных концов греческой ойкумены.

Из-за отсутствия надежных источников невозможно перечислить все профессии приезжих эллинов. Среди них были хорошие врачи; однако, в Северном Причерноморье только в Херсонесе сохранились свидетельства о приглашении в город иностранных врачей [Скржинская, 2014, с. 45]. Ничтожные остатки мозаики в убранстве общественных зданий и богатых домов Пантикапея [Финогенова, 1986, с. 205–209] мало что говорят о таких мастерах в отличие от Ольвии и Херсонеса, где сохранились сложные композиции [Крыжицкий, 1993, с. 153, 158, рис. 111, 112]. Рассказ Полиэна о концертах Аристоника в театрах Боспора косвенно свидетельствует о гастролях в столице приезжих музыкантов и актеров. Ведь в эллинистический период даже небольшие города приглашали профессионалов, которые устраивали всевозможные праздники и театральные представления. Они привозили с собой музыкантов и актеров, а также необходимый реквизит и рабочих для его установки [Скржинская, 1998, с. 192–193].

О посещениях Пантикапея соседями Боспора сохранилось мало конкретных сведений. Это упомянутые Лукианом посольства скифов к боспорским царям, а также представители варваров, приезжавшие в столицу по торговым делам и для оформления заказов ювелирам и другим греческим мастерам.

Список литературы

Алексеев, 2003. Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб.

Блаватская, 1983. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.

Блаватский, 1957. Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. 2.

Блаватский, 1964. Блаватский В. Д. Пантикапей. М.

Брашинский, 1963. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М.

Виноградов, Шауб, 2005. Виноградов Ю. А. Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотых статерах из Пантикапея // Археологические вести. 12.

Винокуров, 2003. Винокуров Н. И. Античная виноторговля в Северном Причерноморье // БИ. 3.

Виппер, 1972. Виппер Б. Р. Искусство Древней Греции. М.

Гайдукевич, 1949. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. –Л.

Гарбузов, 2016. Гарбузов Г. П. Корабли с зерном из Понта // ДБ. 20.

Грач, 1984. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1.

Доватур, 1992. Доватур А. И. Проводы Феофилы // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб.

Завойкин, 2009. Завойкин А. А. Взлеты и падения боспорских резчиков монетных штемпелей в IV в. до н. э. // БФ. СПб.

Иванова, 1961. Иванова А. П. Статуя богини Астары // Скульптура и живопись Боспора. М.

Крыжицкий, 1993. Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.

Кузнецов, 2007. Кузнецов В. Д. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2.

Маринович, Кошеленко, 2000. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Судьба Парфенона. М.

Неверов, 1983. Неверов О. Я. Геммы античного мира. М.

Петерс, 1982. Петерс Б. Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Пичикян, 1984. Пичикян И. Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. М.

Подосинов, 2009. Подосинов А. В. Великие греческие кифароды на гастролях в Пантикапее // БФ. СПб.

Раевский, 1977. Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Раевский, 1985. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.

Ростовцев, 1915. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб.

Савостина, 1999. Савостина Е. А. Греческая торевтика на скифские темы: заметки о стиле скульптурного декора // БФ. СПб.

Сапрыкин, 2011. Сапрыкин С. Ю. Боспорские Спартокиды и западнопонтийские города // БФ. СПб.

Скржинская, 1998. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.

Скржинская, 2010. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и в Северном Причерноморье. СПб.

Скржинская, 2014. Скржинская М. В. Образование и досуг в античных государствах Северного Причерноморья. Киев.

Соколов, 1999. Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.

Строкин, 2016. Строкин В. Л. Нумизматика Боспора при Левконе I // ДБ. 20.

Суриков, 2009. Суриков И. Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена // ДБ. 13.
Толстиков, 1992. Толстиков В. П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.
Трейстер, 1999. Трейстер М. Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. 10. Севастополь.
Уильямс, Огден, 1995. Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. СПб.
Финогенова, 1986. Финогенова С. И. Настенная роспись и мозаичные полы пантикапейского пританея // Проблемы античной культуры. М.
Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Боспорские проксении // Тысячелетний Боспорский рейх. М.
Яйленко, 2016. Яйленко В. П. Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне // ДБ. 20.
Burford, 1972. Burford A. Craftsman in Greek and Roman Society. New York.
Hopper, 1979. Hopper R. E. Trade and Industry in Classical Greece. London.

Summary

M. V. Skrzhinskaja
Foreigners in Pantikapaion and their connections with the Bosporans in V–I BC

The author analyses literary, epigraphical and archeological sources which give the exact information about the foreigners who visited the Bosporan kingdom. Most sources tell us about the Greeks from Hellas and its colonies. Inhabitants of Pantikapaion met foreigners in the port, Agora and at the theatre. Most of the visitors stayed in the city in the period of active navigation, i.e. from April till September. Some foreigners stayed in Pantikapaion for a long time and brought along their wives and children. Bosporan kings had connections with foreign ambassadors, merchants, ship owners, architects, sculptors, goldsmiths and musicians. The presence of foreigners in the city had impact on everyday life and culture of the Bosporans, it enabled to broaden their outlooks and gave them possibility to find out the news from different regions of Greek oicumena.

Т. Н. Смекалова
*(Крымский федеральный университет, г. Симферополь;
НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва)*

Естественнонаучные археологические исследования малоизученного района Крымских Предгорий на дальнем пограничье Боспора[1]

В 2016 г. в Белогорском районе были проведены комплексные междисциплинарные исследования в сравнительно мало изученной части предгорий к югу от отдельного горного массива Кубалачи и к востоку от р. Кучук-Карасу (рис. 1). Хребет Кубалач (иначе его называют Бурундук-Кая) и окружающие его территории представляет собой обособленную культурно-историческую ландшафтную область в восточной части внутренней гряды Крымских гор, в районе с. Тополевка (бывшее Топлы). Самая западная вершина хребта – гора Бурундук-Кая (376,8 м), восточная – гора Кызыл-Таш (431,0 м) (рис. 2). Внутренняя гряда протянулась от Севастополя до Феодосии и в этом месте достигает максимальной высоты более 700 м над уровнем моря. Гора Кубалач имеет высоту 738 м и является высшей точкой Второй гряды. Отсюда, с обширной поляны на вершине, открывается прекрасный обзор окрестностей. Здесь Главная гряда распадается на короткие, преимущественно известняковые хребты, острогребневые гряды, пиковершинные горы, резко возвышающиеся над густо расчлененными долинами, балками, оврагами, низкогорьем и котловинами.

С характером рельефа связано повышенное количество атмосферных осадков, что создает условия для развития леса. Дубово-ясеневые и грабовые леса занимают склоны гор и хребтов северных экспозиций, по типологии сходны с лесными сообществами северного склона Главной гряды. Урочище Кубалач является настоящим широколиственным оазисом в этом районе; к северу от него лежат степные районы Крымского Предгорья. Лесной массив Кубалач объявлен в 1969 г. памятником природы, а в 1980 – заповедным урочищем.

Этот горный массив представляет интерес и с геологической точки зрения. Он входит в Восточный крупный синклинорий Крымских гор, ныне выраженный восточной частью горного Крыма вплоть до Феодосии. Их образуют в основном верхнеюрские известняковые породы, нижнее и отчасти верхнемеловые и палеогеновые. Синклинорий

[1] Исследования проводились при финансовой поддержке проекта № 33.1470.2017-ПЧ Госзадания РФ и гранта РФФИ № 17-29-04040.

Рис. 1. Положение могильника Некрасово (1) к востоку от р. Кучук-Карасу на карте Крыма

сильно раздроблен сбросами различного направления с перемещением блоков относительно друг друга до 1 км. Тополевский разлом, расположенный в центре урочища Кубалач, представляет собой многометровую зону трещиноватых и дробленых горных пород, оказывающую сильное влияние на движение подземных вод. Они стягиваются в разлом, проходят по нему довольно большой путь и выходят на поверхность в виде источников. Именно с Тополевским разломом связан мощный источник, находящийся у Феодосийского шоссе, прекрасной пресной воды, насыщенной ионами серебра [Ена, 1989]. На вершине горы Кубалач, на расстоянии 340 м от высшей точки находится родник, самый высокий на Внутренней гряде Крымских гор. На южном склоне хребта Кубалач известен родник Яур-Чешме между селами Лечебное и Мичуринское. На северном склоне горного массива, в районе села Сенное, по обе стороны от г. Кара-Тау имеются родники с большим расходом воды – в овраге Су-Дере и Койджабак.

Климат территории – горный умеренно континентальный с холодной зимой и прохладным летом. Среднегодовая температура воздуха 9,9^0 С, температура июля 22,8^0 С, января – 0,5^0 С. Среднегодовое количество осадков 510 мм, максимальное значение 595 мм.

Благоприятные условия для проживания и хозяйствования людей, наличие естественных убежищ на вершинах гор привели к тому, что весь массив Кубалач был освоен человеком с древнейших времен. Ко времени скифской архаики относятся многочисленные находки оружия, бронзовых деталей конского снаряжения, культовые предметы, бляшки, украшенные в зверином стиле [Скорый, Зимовец, 2014]. У подножья южного склона горы вдоль русел соседних с Кучук-Карасу рек: Индол, Мокрый Индол, Малый Индол – частично проходил Великий Шелковый Путь.

На северном склоне урочища Кубалач во время разведок по трассе магистральной линии электропередач были открыты новые памятники таврской эпохи, позднескифского и римского времени, на которые нам любезно указал Ю. П. Зайцев (рис. 2).

Рис. 2. Археологические памятники между селами Некрасово и Сенное, показанные на карте масштаба 1:25000, съемки 1955 г., выпущенной в 1973 г. 1 – могильник Некрасово, состоящий их двух частей (см. 1 и 2); 2 – могильник Кара-Тау и террасы у подножья г. Кара-Тау; 3 – городище Кара-Тау; 4 – городище Мелек; 5 – городище Бурундук-Кая

Для детального изучения был выбран ранее не известный могильник кизил-кобинской культуры, получивший название Некрасово, состоящий из небольших курганообразных насыпей, скрывающих под собой, как показали дальнейшие исследования, каменные ящики с квадратными, прямоугольными и округлыми каменными загородками. Могильник был обнаружен последовательно С.Г. Колтуховым и Ю.П. Зайцевым в летние месяцы 2014 г. Он состоит из двух частей, разделенных небольшим возвышенным участком, поросшим деревьями и кустарником, с остатками бетонных оснований заброшенной фермы (рис. 2).

Площадь юго-восточной части могильника – не менее 6,5 га, территория северо-западной части – около 0,7 га. В пределах юго-восточного скопления по данным космических снимков и визуальных наблюдений насчитывается не менее 40 курганообразных насыпей, а в северо-западной группе – 13 насыпей (рис. 3). Некоторые из них разграблены, и в грабительских траншеях видны каменные ящики и каменные оградки. Между северо-западным скоплением курганов и развалинами фермы тянется цепочка из шести небольших каменных ящиков, некоторые из которых разрыты и разорены.

Для определения количества гробниц в юго-восточной части могильника и уточнения их формы в марте и октябре 2016 г. были проведены исследования с применением

комплексной методики, включавшей анализ космических снимков высокого разрешения, прецизионную микротопографическую и детальную магнитную съемки.

Анализ космических снимков

В общедоступном интернет-ресурсе *Google Earth*, начиная с 2003 г., последовательно представлены серии разновременных космических снимков, которые покрывают практически всю территорию Крыма. Они являются ценнейшим источником для дистанционного обследования и выявления поселений, могильников, следов землепользования и землеустройства, древних коммуникаций и других памятников полуострова. Благодаря им выросла эффективность разведочной археологии, что в ряде случаев повлекло за собой смену устоявшихся представлений [Смекалова, 2010; Кутайсов, Смекалова, 2013; 2017; Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015; Smekalova, Bevan, Chudin, Garipov, 2015].

Спутниковые фотографии оказываются особенно полезными для исследований в степном и предгорном регионах Крыма. Наиболее информативными являются космические снимки, сделанные в весенний период, по причине избирательного (по типам и продуктивности) произрастания растительности. Благодаря широте охвата территорий, эти фотографии позволяют не только выявлять и идентифицировать археологические памятники, но и определять их границы, протяженность и пространственную взаимосвязь [Smekalova, Yatsishina, et al., 2016].

Прецизионная микротопографическая съемка

Топографическая съемка микрорельефа местности с точной географической привязкой стала использоваться в полевой археологии с появлением высокоточных дифференциальных GPS приемников. Эти приборы обеспечивают быстрые и чрезвычайно точные измерения пространственных особенностей археологических памятников, что помогает выявлять жилые и хозяйственные постройки, фортификационные сооружения, древние пахотные участки, античные виноградники, погребальные поля, курганы и другие археологические объекты. В данном исследовании микротопографическая съемка проводилась с использованием приборов системы Trimble R8. Точность измерения была выбрана равной 2 см, что соответствовало времени измерения на каждой точке примерно 3 с. Полученные данные представлялись в виде графиков с помощью программы *Surfer* (*Golden Software*).

Магнитная съемка

Из всех геофизических методов, применяемых в археологии Крыма, именно магниторазведка является наиболее эффективным и скоростным средством исследования греческих и «аборигенных» поселений, городищ, могильников, античных виноградников, древних пахотных полей и ремесленных центров [Smekalova, et al., 2005; Смекалова, 2010; Смекалова, Восс, Мельников, 2010; Smekalova, Bevan, Chudin, Garipov, 2015]. Это объясняется высоким контрастом магнитных свойств искомых объектов и окружающей среды, спокойным магнитным фоном и низким уровнем магнитных помех.

Данный метод основан на измерении земного магнитного поля с мелким шагом (0,3–0,5 м) и близко к поверхности памятника (0,20–0,25 м). Локальные изменения

Рис. 3. Могильник Некрасово, состоящий их двух частей (1 и 2) на космическом снимке из ресурса Google Earth

магнитного поля определяются величиной контраста магнитных свойств археологических объектов и вмещающей среды. Например, золистое и насыщенное керамикой заполнение хозяйственных ям, являются более магнитным материалом, чем суглинок, в котором они вырыты. Поэтому ямы и полуземлянки создают слабые положительные аномалии величинами от нескольких нТл (наноТесла – единица измерения напряженности магнитного поля) до 20–30 нТл. Каменные стены, напротив, создают слабые (несколько нТл) отрицательные аномалии, так как они сложены из немагнитного известняка, находящегося в слабомагнитном окружении культурного слоя. Наиболее сильные положительные аномалии (сотни и даже тысячи нТл) могут создаваться производственными объектами, в которых использовалось действие огня, такими как гончарные печи и железоделательные горны [Смекалова, Мельников, Мыц, Беван, 2000].

Для проведения магнитных измерений на исследуемых территориях обычно разбивается сеть прямоугольных участков, охватывающих площадь памятника и часть окружающего пространства. Координаты углов участков измеряются с помощью дифференциального GPS приемника. Если позволяет состояние поверхности (отсутствие кустарника и деревьев) возможно применение многодатчиковой системы.

Магнитную съемку на выбранных в данном исследовании памятниках проводили четырехдатчиковым магнитометром *GSM-19WG* канадской фирмы *GEM Systems*.

Датчики располагались с интервалом 0,5 м на немагнитной тележке американской фирмы *Geometrics*. Углы координатной сетки 50×50 м измерялись с помощью GPS приемников. Направляющими для движущейся по участку тележки служили координатные шнуры, проложенные через 4 м. Второй магнитометр той же системы с одним датчиком был установлен стационарно в зоне невозмущенного поля и служил для измерения дневных вариаций магнитного поля Земли. Все данные сохранялись в памяти магнитометров и затем, во время обработки[2], вычитались из измерений рабочего магнитометра, чтобы исключить временные изменения поля.

Магнитные карты вычерчивают с помощью программы *Surfer* в виде карт теневых изображений или цветных контурных карт. На них темным тоном и синим цветом обозначаются положительные аномалии, и светлым тоном и красным цветом – отрицательные [подробнее см.: Смекалова, Восс, Мельников, 2010; Bevan, Smekalova, 2013].

Результаты исследований

Магнитная съемка

Магнитные измерения проводились на всей территории юго-восточной части могильника на площади 12 га (рис. 4). Она располагается на пологом склоне отрогов предгорных возвышенностей с перепадом высот от 290 до 270 м. Протяженность юго-восточной части могильника с востока на запад – около 300 м, а с севера на юг – не менее 240 м. Растительность здесь по большей части травянистая, западная «граница» поросла колючим кустарником.

Магнитное поле на памятнике имеет довольно спокойный характер; только в южной части, при приближении к ЛЭП, наблюдается широкая положительная аномалия. По территории могильника проходит множество проселочных дорог, которые также отразились в магнитном поле в виде вытянутых положительных и отрицательных аномалий. «Полезные» археологические аномалии представлены скоплением локальных отрицательных аномалий приблизительно квадратной формы, часто со скругленными углами, которые создаются гробницами в виде каменных ящиков с квадратной, прямоугольной или округлой каменной загородкой вокруг них. По результатам магнитной съемки удается выявить не менее 54 каменных ящиков (рис. 5). Размеры их по данным магнитной съемки установить затруднительно, но по обнажившимся разграбленным гробницам удается определить, что длина ящиков не более 1,5 м, ширина – 1 м. Размеры оградок 5×5, 6×6 м. Только на магнитных картах видна их квадратная (см. увеличенный фрагмент магнитной карты на рис. 6) или округлая форма (см. рис. 7). Не исключено, что «вторая» образовалась за счет разрушения квадратных оградок, что можно проверить только последующими раскопками. Возможно, в этом могильнике отразился переход от прямоугольных оградок к круглым. Над одним из каменных ящиков наблюдалась интенсивная дипольная аномалия (отмечена цифрой 1 на рис. 4 и 5). Она, как выяснилось, после проверки с металлоискателем, создавалась спрятанными орудиями грабителей: тяжелой изношенной кувалдой для разбивания плит перекрытия каменных ящиков, ломом и другими массивными железными предметами.

[2] Обработку данных проводил с использованием специальной программы, разработанной А. Е. Пасуманским.

Рис. 4. Магнитная съемка юго-восточной части могильника Некрасово.
В прямоугольных рамках даны части, показанные в увеличенном виде на рис. 6 и 7

Рис. 5. Могильник Некрасово. Интерпретация данных магнитной и прецизионной топографической съемки

Рис. 6. Участок магнитной съемки, на которой показаны гробницы с квадратными оградками

Рис. 7. Участок магнитной съемки, на которой показаны гробницы с округлыми оградками

Результаты прецизионной геодезической съемки

Для выявления всех курганных насыпей в юго-восточной части могильника Некрасово была применена микротопографическая съемка с дифференциальным GPS прибором Trimble R8 с точностью 2 см. Съемка проводилась с использованием единой координатной пятидесятиметровой сети на памятнике, которая применялась также для магнитной съемки. Шаг измерений GPS координат был от 0,5 м до 5–7 м, в зависимости от особенностей рельефа. Результаты съемки представлены на рис. 8 в виде трехмерной карты графиков, наложенной на космический снимок. Эта карта является наиболее информативной для выявления и картирования в точных географических координатах всех погребальных комплексов. По данным прецизионной геодезической съемки их обнаружено 67, что на четверть больше, чем было выявлено по данным магнитной съемки (рис. 5). Поэтому именно этот вид съемки необходимо признать наиболее эффективным для выявления и определения GPS координат всех насыпей. Преимущество же магнитных измерений заключается в том, что только на карте магнитного поля проявляется внутренняя структура погребального комплекса. Поэтому по результатам неразрушающего метода магнитной съемки, без проведения раскопок, можно определить вид погребальных сооружений, имеющих прямоугольную, квадратную или округлую каменную ограду. Совместный анализ данных магнитных и геодезических исследований дает возможность установить, что гробницы могильника Некрасово располагались длинными цепочками по 6, 7 или 9 каменных ящиков. Эти скопления вытянуты в самых различных направлениях: север-юг, запад-восток, северо-восток-юго-запад (рис. 5).

Аналогии могильнику Некрасово

Наиболее близкой аналогией могильнику Некрасово являются таврские могильники Уркуста I и Уркуста II, относящиеся к заключительному этапу развития кизил-кобинской культуры, датирующемуся А. М. Лесковым IV–III вв. до н. э. Эти могильники были известны еще Н. И. Репникову в 1909 г., но раскопки Уркуста I, начались только в 1956 г. С. Н. Бибиковым. Могильник расположен в Байдарской долине, примерно в 500 м от Чернореченского водохранилища и в 2 км от с. Передовое, недалеко от дороги Передовое – Широкое. Могильник состоит не менее чем из десяти групп каменных ящиков, перекрытых невысокими длинными насыпями-грядами. Одна из гряд (А), содержавшая 9 ящиков с прямоугольными каменными оградками, была полностью раскопана. Результаты были опубликованы А.М Лесковым, в том числе в его монографии «Горный Крым в I тысячелетии до н. э.» [Лесков, 1960; 1965]. В 2007 г. керамический комплекс из этого могильника был пересмотрен Э. А. Кравченко, подтвердившей, впрочем, ранее предложенную датировку [Лєсков, Кравченко, 2007, с. 20].

Гряда «А» могильника Уркуста I имела длину 38 м, ширину от 6,5 до 8 м, высоту насыпи от 0,2 до 0,25 м. Раскопки показали, что она росла в обе стороны от центрального ящика № 4, который выделялся как своими размерами, особой отдельной оградой, так и наличием

Рис. 8. Результаты прецизионной геодезической съемки, представленной в виде карты графиков на фоне космического снимка

Рис. 9. Могильник Уркуста. План и разрез гряды «А». По: (*Лесков*, 1965, рис. 31, с. 85)

менгира высотой 1,4 м. Вероятно, эта гробница была погребением главы рода. Все остальные были устроены в смежном порядке, то есть стенка ограды была смежной для двух соседних гробниц (рис. 9). Плиты ящика устанавливались в специально вырытые траншеи, затем дно ящика углублялось. На пространстве между ящиком и оградкой устраивались тризны, от которых до нас дошли многочисленные обломки керамики, обожженные кости, следы кострищ. Затем это место забутовывалось, причем наиболее крупные камни подпирали стенки ящиков. Иногда в одной оградке устраивалось по два ящика. Ящики служили коллективными гробницами, причем, судя по их размерам, умерших клали в скорченном положении. Находки из разграбленных гробниц представлены в основном фрагментами бронзовых витых, пластинчатых пронизок, восьмеркообразных бляшек, звеньев цепочек и височных колец, пастовыми бусинами, обломками железных изделий, фрагментами гераклейских амфор с клеймами IV–III вв. до н. э. [Лесков, 1965, с. 81–82].

Сходство могильника Некрасово и Уркуста I состоит в одинаковых размерах и устройстве гробниц в виде центрального каменного ящика и прямоугольной (часто квадратной) загородки, в забутовке пространства между ящиком и оградкой и в расположении нескольких (6–10) гробниц в виде цепочки или гряды. Исходя из этой идентичности, уместно сделать вывод о принадлежности могильника Некрасово кизил-кобинской культуре и датировке его IV–III вв. до н. э. Носителей же кизил-кобинской археологической культуры принято отождествлять с таврами.

Рис. 10. Могильник Уркуста. Гряда «А». Каменный ящик № 4. По: (*Лесков*, 1965, рис. 28, с. 82)

Изучая схожие гробницы Керченского полуострова, А. М. Лесков отмечал, что по особенностям топографии (на плато, холмах, мысах), сходству устройства могил (каменные ящики, забутовка между ними и оградками), групповому характеру погребений, наличию следов тризн они близки каменным ящикам Предгорного и Горного Крыма [Лесков, 1961,

Рис. 11. Курганы на плоскогорье к востоку от р. Кучук-Карасу, показанные в виде светлых точек на космическом снимке. 1 – могильник Некрасово

с. 264]. Однако ему не были известны многочисленные каменные ящики Северо-Западного Крыма, которые, по нашему мнению, также тождественны гробницам Керченского п-ова [Смекалова, 2010; 2012; Смекалова, Кутайсов, 2017, с. 221–238]. Вероятно, и они принадлежали носителям кизил-кобинской культуры.

В заключение заметим, что к северу от могильника Некрасово, на обширном холмистом плоскогорье Джилга, представляющем собой последний отрог предгорий, находится аномально большое количество небольших каменных курганов с каменными ящиками и круглыми каменными загородками (рис. 10). Такие курганы распространены

также и в других районах предгорий, например, в междуречье рек Кучук- и Биюк-Карасу. Они также близки по внешним признакам каменным курганам Северо-Западного Крыма и Керченского п-ова и могут быть датированы по подъемному материалу второй половиной IV–III вв. до н. э. [Смекалова, 2009; Смекалова, Кутайсов, 2017, с. 221–238]. Возможно, эти каменные курганы являются следующей, поздней стадией развития гробниц в виде каменных ящиков [Масленников, 1995, с. 49–53].

Таким образом, с помощью комплекса естественнонаучных методов удалось детально исследовать пространственную структуру могильника Некрасово, установить количество и тип погребальных сооружений, вероятно, оставленных носителями кизил-кобинской культуры IV–III вв. до н. э. Ареал распространения погребальных памятников этой группы расширился за счет включения участка пограничья степного и предгорного Крыма к северу от Белогорска. Не исключено, что в пределах разных частей могильника имеются гробницы, в которых можно заметить переход от прямоугольных или квадратных загородок к округлым. Всё это подтверждает гипотезу об этно-культурной близости населения раннего железного века в Северо-Западном, Восточном и предгорном Крыму.

Список литературы

Ена, 1989. Ена В. Г. Заповедные ландшафты Крыма. Симферополь.

Лесков, 1965. Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев.

Лесков, 1960. Лесков А. М. Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине // КСИА АН УССР. 10.

Лєсков, Кравченко, 2007. Лєсков О. М., Кравченко Е. А. Гряда А могильника кизил-кобиньскої культури Уркуста I у Південно-Західному Криму // Археологія. 4.

Масленников, 1995. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора VI–I вв. до н. э.) // БС. 8.

Мульд, Смекалова, 2012. Мульд С. А., Смекалова Т. Н. Каменные курганы на полуострове Тарханкут (Материалы к археологической карте Крыма. Т. VI. Ч. 1). Симферополь.

Скорый, Зимовец, 2014. Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев.

Смекалова, 2010. Смекалова Т. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог (Материалы к археологической карте Крыма. Т. II). Симферополь.

Смекалова 2012. Смекалова Т. Н. «Каменные» курганы и каменные «ящики» на п-ове Тарханкут и в Крымском Приазовье // ДБ. 16.

Смекалова, Восс, Мельников, 2010. Смекалова Т. Н., Восс О., Мельников А. В. Магнитная разведка в археологии. Симферополь.

Смекалова, Кутайсов, 2013. Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму (Материалы к археологической карте Крыма. Т. VIII. Ч. 2). Симферополь.

Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015. Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма (Материалы к археологической карте Крыма. Т. XV). СПб.

Смекалова, Кутайсов, 2017. Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность (Материалы к археологической карте Крыма. Т. XVIII). СПб.

Bevan, Smekalova, 2013. Bevan B. W. and Smekalova T. N. Magnetic Exploration of Archaeological Sites // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites. Ed. by Cristina Corsi, Bozidar Slapsak, and Frank Vermeulen Springer International Publishing. Switzerland.

Smekalova, Bevan, Chudin, Garipov, 2015: Smekalova T. N., Bevan B. W., Chudin A. V., Garipov A. S. The discovery of an ancient Greek vineyard // Archaeological Prospecting. 23.

Smekalova, et al. 2005. Smekalova T., Voss O., Smekalov S., Myts V., Koltukhov S. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmak and Crimea // Geoarchaeology. 20 (5).

Smekalova, et al. 2016. Smekalova T. N., Yatsishina E. B., Garipov A. S., Pasumanskii A. E., Ketsko R. S., Chudin A. V. Natural Science Methods in Field Archaeology, with the Case Study of Crimea // Crystallography Reports. 61 (4).

Summary

T. N. Smekalova

Natural science archaeological investigations of the poorly studied area of the Crimean foothills on the far border of Bosporus

In 2016 comprehansive interdisciplinary studies were conducted in the Belogorsky district of Crimea at relatively poorly studied part of the foothills east of the River of Kuchuk-Karasu. The Nekrasovo burial ground was chosen for detailed studies, consisting of small barrows-like mounds, concealing stone boxes with square, rectangular and round stone fences. With the help of a complex of natural-science methods: satellite images, magnetic and precision geodetic surveys, it was possible to study in detail the spatial structure of the Nekrasovo burial ground, to determine the number and type of funerary structures. This burial site belongs to the Kizil-Cuban culture.

А. А. Супренков*, Е. Н. Дмитриева**
(ИА РАН, Москва;*
*** Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)*

Серебряный перстень с инталией и другие античные находки из раскопок на поселении Гора Чиркова 1 в 2015 г.

Поселение Гора Чиркова 1 расположено в Темрюкском районе Краснодарского края в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный и 3,2 км к югу от п. Приморский (рис. 1). Его название было введено в историографию в 2011 г. в ходе разведочных работ Восточно-Боспорской АЭ (Н. И. Сударев, С. А. Буравлёв). Ранее оно составляло часть более крупного поселения Виноградный 7, датирующегося согласно Я. М. Паромову VI–I вв. до н. э. [Паромов, 1992, с. 535–538]. Последующие работы на нём Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, В. В. Бочкового [Супренков, 2016, с. 481–486] выявили материалы средневекового времени, преобладающий в его западной части, что и дало основание выделить её в отдельный памятник археологии.

В 2015 г. на северной части поселения Гора Чиркова 1 автором проводились масштабные охранные раскопки на общей площади 25 000 кв. м. Был исследован культурный слой мощностью до 2 м, более сотни углубленных в материк археологических объектов, а также несколько погребений. Раскопки показали, что абсолютное большинство находок и объектов относились к раннесредневековому (хазарскому или «салтово-маяцкому») периоду и датировались VIII–X вв. [Ларева, Супренков 2015, с. 136–140]. Однако из этого контекста «выпадали» несколько погребений, происходящих, по-видимому, из распаханного кургана или небольшого курганного могильника, вероятно, эпохи бронзы. Античная же эпоха была представлена немногочисленным материалом, о котором мы скажем ниже.

Керамика этого времени практически отсутствовала – были найдены единичные фрагменты амфор Синопы, Гераклеи и Хиоса, а также единственное сколотое клеймо на ручке синопской амфоры. Нумизматические[1] находки были представлены парой десятков медных монет, относящихся в основном к эпохе эллинизма. Среди них были – два пантикапейских тетрахалка 284–275 гг. до н. э. (рис. 3. *1, 7*) [Анохин 1986, № 130]; лепта 284–275 гг. до н. э. (рис. 3. *6*) [Анохин 1986, № 132]; 11 оболов 275–245 гг. до н. э. (рис. 3. *3*)

[1] Определение монет П. Г. Столяренко.

Рис. 1. Поселение Гора Чиркова 1 на географической карте

[Анохин 1986, № 133]; тетрахалк 240–230 гг. до н. э. [Анохин 1986, № 132]; обол 150–140 гг. до н. э. [Анохин 1986, № 169], а также фанагорийский тетрахалк 220–210 гг. до н. э. (рис. 3. *2*) [Анохин 1986, № 147]. К римскому времени относились два статера 314–326 гг. н. э. (рис. 3. *4, 5*) [Анохин 1986, табл. 38–39]. Распределение нумизматического материала в целом было беспорядочным – монеты происходили из слоя на разных участках раскопа (рис. 3), хотя большая их часть была найдена на западе. Две эллинистические монеты были обнаружены в заполнении ямы с салтово-маяцким инвентарём.

Оттуда же происходила и самая яркая находка – серебряный перстень с инталией – слегка выпуклой овальной сердоликовой вставкой густого оранжевого цвета с врезным изображением (рис. 3. *8*). Вставка имеет скол в верхней части камня у края справа, а также сильные потертости на боку и прическе персонажа, через которые просвечивает металл жуковины. Несмотря на это, изображение весьма четкое и хорошо читается. Все поле инталии занято коленопреклоненной, несколько женственной фигурой юноши в профиль влево с канфаром в левой руке и неясным предметом, напоминающим ветку

Рис. 2. Топоплан поселения Гора Чиркова 1 с границами раскопа 2015 г.

или черенок дерева, в правой. На наш взгляд, в этом персонаже, благодаря хвостику и небольшим рожкам, практически неотделимым от прически, узнается сатир.

По поводу этой геммы профессор М. Хениг[2] высказался, что на ней изображёна Амимона, одна из дочерей аргосского царя Даная. Такую атрибуцию он предложил, исходя из позы персонажа и наличия сосуда в его руке. Действительно, в глиптике Амимона чаще всего передавалась именно коленопреклоненной [Simon, 1982, p. 742–752, nos. 4–9], однако, на известных нам воспроизведениях она всегда предстает в облачении: хитоне или драпировке, часто с трезубцем в руке. Сосуд же, который она обычно держит, можно назвать кувшином или гидрией, так как он чаще всего изображается с узким горлом и пухлым туловом. Причем, нередко совершенно очевидно, что у него/неё только

[2] Авторы выражают благодарность профессору Мартину Хенигу за любезное согласие поделиться своими соображениями относительно рассматриваемого перстня и прокомментировать нашу точку зрения.

Рис. 3. Гора Чиркова 1. Античные находки. *1*, *7* – тетрахалк Пантикапей 284–275 гг. до н. э. [Анохин 1986, № 130]; *2* – тетрахалк Фанагория 220–210 гг. до н. э. [Анохин 1986, № 147]; *3* – обол Пантикапей 275–245 гг. до н. э. [Анохин 1986, № 133]; *4*, *5* – статеры Пантикапей 314–326 гг. н. э. [Анохин 1986, табл. 38–39]; *6* – лепта Пантикапей 284–275 гг. до н. э. [Анохин 1986, № 132]; *8* – перстень серебряный с инталией I в. до н. э. – I в. н. э.

одна ручка[3]. В случае с изображением на инталии с Чирковой горы, можно без сомнений утверждать, что персонаж обнажен, а в его руке – канфар, неотъемлемый атрибут Диониса и его спутников. Вряд ли можно принять за дефект камня или условно переданную растительность, хвост, спутанные пряди которого обозначены несколькими

[3] Ср., напр.: ГЭ: инв. ГР-21367; 21368; ГР-21404; KHM: inv. IX B 1448, XII-895; SMB: inv. FG 345, FG 594, FG 596.

короткими прямыми линиями, тем более что почва передана прямой линией ниже. Принимая во внимание, упомянутое выше альтернативное суждение М. Хенига, мы все же склонны на основании приведенного сравнения считать представленного персонажа сатиром. Тем более что сатиры, как и другие участники Дионисийского фиаса – менады, силены, паны, довольно часто становились объектами изображения на резных камнях и прочно ассоциировались в античное время с культами плодородия. Между тем, если в греческой глиптике они, как правило, представлялись дикими, нередко в иступленном безудержном танце, то в римской традиции их, напротив, изображали за мирными занятиями, увлеченными игрой на флейте и лире, плетением венков, держащими виноградные грозди, приносящими жертвы или совершающими возлияния у алтаря. Другими словами, сатиры часто предстают занятыми отправлением ритуалов земледельческих культов [Henig, MacGregor 2004, p.47].

Иконографический тип коленопреклоненного сатира с различными атрибутами неоднократно встречается на геммах. В качестве примеров, сходных по композиции с нашей инталией, можно привести изображения на античных резных камнях из коллекций Эрмитажа[4], Британского музея[5], музея Эшмола в Оксфорде [Henig, MacGregor 2004, p.55], Венского художественного музея[6] и Германского национального музея в Нюрнберге[7]. Наиболее близка интересующему нас изображению, пожалуй, эрмитажная инталия инв. ГР-22517. На ней, как и на вставке в перстень из раскопок Чирковой горы, сатир представлен в той же позе и с теми же атрибутами: то есть, совершающим возлияние, с канфаром в руке. Отличие состоит лишь в том, что в его правой руке отчетливо различается тирс, украшенный тениями. Эти два изображения в некоторой степени сходны и с точки зрения техники и стиля исполнения резьбы: она весьма схематична и даже небрежна, отличается эскизностью. О. Я. Неверов отмечал, что такие «печати явно не рассчитаны на пристальное любование, на рассматривание деталей резьбы. В скупом отборе деталей мастер оставляет лишь такие, которые необходимы для быстрого опознания сюжета» [Неверов 1983, с. 115].

На рассматриваемой нами инталии, пропорции тела сатира удлинены, голова на тонкой шее кажется несколько непропорциональной относительно тела, руки же, напротив, слишком длинны и тонки. Волосы переданы лишь линией, нанесенной от основания черепа в затылочной части ко лбу и переходящей в тонкие рожки, которые на первый взгляд можно принять за элемент прически. Черты лица довольно грубы: массивный прямой нос, полные губы, тяжелый подбородок, глаза переданы углублением. В целом, несмотря на упрощенность в исполнении резьбы, мастер все же попытался передать мускулатуру тела сатира: выделены наружная косая мышца живота и большая ягодичная мышца. Все описанные особенности сближают нашу гемму с произведениями римской глиптики I–II вв. н. э. Этим же временем следует датировать и ее, что мы и постараемся далее показать.

[4] ГЭ: ГР-22530; ГР-21348; ГР-22517; ГР-25709.

[5] BM: Inv. № 1987, 0212.563.

[6] KHM: IX B 460.

[7] GNM: SiSt: 1554.

Особый интерес здесь представляют форма жуковины и шинки перстня. Согласно утвердившейся типологии форм римских колец, обнаруженный перстень относится к группе, датирующейся I в. до н. э. – I в. н. э. [Henig, MacGregor 2004, p.28; АГСП табл. CLXI, с. 532]. Такая датировка подтверждается и наиболее близкими аналогиями в виде перстней, хранящихся в собраниях Художественного музея в Вене [Zwierlein-Diehl 1979 t. 162–163] и Государственного нумизматического собрания в Мюнхене [Brandt 1978 p. 102]. При этом особенностью рассматриваемого перстня является то, что крепление вставки на жуковине представляет собой подобие крапанового каста, то есть камень зафиксирован при помощи четырех новых «зубцов» («лапок»), напаянных поверх оригинальной оправы и свидетельствующих о том, что гемма выпадала из гнезда, и поэтому возникла необходимость ее дополнительно закрепить. Эта деталь позволяет выдвинуть предположение, о вторичном использовании перстня: инталия, первоначально вставленная в перстень, могла быть утрачена и заменена на более позднюю, с которой перстень и был обнаружен[8]. Подтвердить или опровергнуть такое предположение мог бы анализ состава серебра основной части перстня и «зубцов», при помощи которых инталия закреплена на жуковине. Но он не делался.

Говорить о местном производстве рассматриваемой инталии вряд ли возможно. Исследователи северо-причерноморской глиптики соглашаются в том, что резчики местных мастерских чаще всего применяли в качестве вставок прозрачные сильно выпуклые камни: темно-красные гранаты, гиацинты, сардеры, в то время как для италийских резчиков этого периода характерно использование плоских сердоликов, никколо, празеров и т. п. [Максимова 1957, с. 80].

Список литературы

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Античные государства Северного Причерноморья. Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М., Наука, 1984.

Ларева, Супренков, 2012. Ларева С. В., Супренков А. А. Средневековая керамика поселения гора Чиркова I (предварительное сообщение по результатам раскопок 2015 г.) // X всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (материалы конференции). Ростов на Дону.

Максимова, 1957. Максимова М. И. Боспорская камнерезная мастерская // СА № 4.

Неверов, 1983. Неверов О. Я. Геммы античного мира. М.

[8] Сходный случай имеется среди экземпляров коллекции музея Эшмола в Оксфорде, где инталия I в. до н. э. оправлена в кольцо III в. н. э. (Ashmolian museum, inv. Fortnum 290 Frankfurt).

Паромов, 1992. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М.

Супренков, 2016. Супренков А. А. Поселение Гора Чиркова 1 – история исследований и новейшие раскопки. XVII Боспорские чтения // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь.

Brandt, 1968. Brandt E. Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. Band I: Staatliche Münzsammlung München. Teil 1: Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus. Prestel-Verlag München.

Henig, MacGregor, 2004. Henig M., MacGregor A., Catalogue of the Engraved Gems and Finger-rings in the Ashmolean Museum. Vol. II. Roman. The Beazley Archive and Archeopress. Oxford.

Simon, 1982. Simon E. Amymone // LIMC, vol. I.1, Artemis Verlag, Zurich- München.

Zwierlein-Diehl, 1979. Zwierlein-Diehl E. Die Antiken gemmen des kunsthistorischen museums in Wien. Band II. Prestel-Verlag München.

Summary

A. A. Suprenkov, E. N. Dmitrieva

Silver ring with intaglios and other ancient finds from the excavations at the settlement of Gora Chirkova 1 in 2015

The article is devoted to the results of the author's work on the settlement of Gora Chirkova 1 on the Taman Peninsula in 2015. It contains a few antique materials encountered during excavations of this early medieval settlement.

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН)

Варианты написания боспорского имени Перисад в эпиграфических памятниках и нарративных источниках*

Практически любой династический именник, особенно при системном исследовательском подходе к нему, оказывается весьма ценным в самых разных отношениях источником. Не является исключением, естественно, и ономастический фонд династии Спартокидов, представители которой правили Боспорским государством (вначале в качестве тиранов, затем в качестве легитимных царей) более трех столетий – с 438/437 г. до н. э. до конца II в. до н. э. (точная дата низложения последнего Перисада варьирует в литературе между 111 и 107 гг. до н. э.).

Сразу необходимо оговорить, что само вышеупомянутое название династии искусственно образовано антиковедами Нового времени от имени ее основателя – Спартока I, в античной же нарративной традиции мы «Спартокидов» не встретим, а у того единственного автора, где этот владетельный род хоть как-то обозначается (Aelian. Var. hist. VI. 13), он фигурирует как «Левкониды». Впрочем, здесь данный вопрос для нас не принципиален.

О Спартокидах, естественно, написано очень много (в основном в отечественной историографии)[1], но, (во всяком случае, если говорить о работах самого последнего времени) припоминаются, кажется, только две попытки системного подхода к их ономастикону, – статьи А. А. Завойкина [Завойкин, 2006, 214–262] и автора этих строк [Суриков, 2007, 380–393]. В обоих указанных исследованиях констатируется, что имена, которые носили члены династии Спартокидов, практически не зафиксированы в среде рядовых жителей Боспора. А. А. Завойкин объясняет это неким табуированием (официальным или нет), мы же, со своей стороны, – устойчивостью семейных ономастических фондов[2]. Таким образом, между нашими позициями имеются расхождения, но гораздо больше общего во взглядах на феномен. Как бы то ни было, имена боспорских Спартокидов с полным основанием можно называть царскими именами.

[1] Ныне нужно смотреть в первую очередь новейший обобщающий труд, написанный на очень высоком уровне: [Завойкин, 2013]. Из ссылочного аппарата этой фундаментальной монографии каждый желающий легко почерпнет и сведения о предшествующей литературе.

[2] Развернутое обоснование этого тезиса на афинском материале см.: [Суриков, 2009, 102–127].

Если же не воспринимать династический именник как систему, а подходить к его отдельным элементам в известной степени произвольно, то можно получить в итоге поверхностные выводы, что сплошь и рядом и случается. Так, давно уже обращено внимание на следующую особенность: хотя в спартокидском ономастиконе всегда преобладали над любыми иными чисто эллинские имена (Селевк, Сатир, Левкон, Горгипп, Аполлоний, Притан, Евмел), но попадались и негреческие, иноязычные по происхождению, – «варварские», как обычно пишут антиковеды (Спарток, Перисад, Камасария). Из этого регулярно делается заключение, что и сами Спартокиды были в этническом плане не греками, а варварами: либо скифами [например: Яйленко, 1995, 231 слл.], либо фракийцами [наприм.: Anochin, 1998, 33–44][3]. Тут можно только напомнить о том очевидном (но, видимо, не для всех) факте, что этническую принадлежность носителя того или иного имени никак нельзя напрямую привязывать к лингвистическому происхождению самого этого имени.

Едва ли не самым распространенным в среде Спартокидов было ЛИ Перисад, которому и будет посвящена данная статья. Из древнегреческих написаний этого имени наиболее адекватным и корректной, судя по всему, является Παιρισάδης; но встречались и иные, о которых в нашей работе тоже будет говориться (собственно, для того она и пишется). Его носили, как минимум, семь представителей династии[4]; шесть из них правили (А. А. Завойкин верно определяет последнего Спартокида, после которого власть на Боспоре перешла к Митридату Евпатору, как Перисада VI [Завойкин, 2006, 259]), а еще один, сын Сатира II, был престолонаследником, но на трон так и не взошел из-за переворота Евмела в конце IV в. до н. э.

Даже невооруженным взглядом видно, что перед нами негреческое имя. Основная дискуссия шла по вопросу о том, следует ли относить его к иранским или фракийским[5]. Хотя в целом в литературе преобладает «фракийская версия», она представляется нам менее состоятельной, поскольку зиждется, в сущности, единственно на том факте, что во Фракии в середине IV в. до н. э. существовал династ Берисад (Βηρισάδης: Demosth. XXIII. 8, 10, 170–174)[6].

[3] Данный тезис о фракийском происхождении Спартокидов В.А. Анохин воспроизвел и в своей книге по истории Боспора [Анохин, 1999], и в ряде других статей.

[4] Во всяком случае, семь, и только семь, носителей данного имени известны из источников. Имеем в виду не только династию Спартокидов и даже не только Боспор, но и греческий мир в целом: больше нигде никаких Перисадов не зафиксировано.

[5] Обзор вопроса см. [Крыкин, 1993, 78–79]. Сам С.М. Крыкин выступает как сторонник «иранской версии». В роли такового позиционирует себя также и В.П. Яйленко (в статье, упомянутой выше), но он уточняет, что иранские спартокидские имена являются не просто абстрактно-иранскими, а конкретно-скифскими. А вот с этим никак нельзя согласиться. См. то, что будет означено ниже, а также соображения, высказанные нами в: [Суриков, 2014].

[6] Главная генеалогическая информация о нем: «После смерти Котиса во Фракии воцарились три царя вместо одного, Берисад, Амадок и Керсоблепт. В итоге между ними начались раздоры… После того как один из царей, а именно Берисад, скончался и Керсоблепт… начал войну против детей Берисада и Амадока, выяснилось, что Афинодор будет поддерживать детей Берисада, а Амадока – Симон и Бианор (Афинодор был свойственником Берисада, а Симон и Бианор – свойственниками Амадока)» (Demosth. XXIII. 8–10; перевод В.Г. Боруховича). Имя интересующего нас персонажа Демосфен употребляет в формах родительного (Βηρισάδου) и винительного (Βηρισάδην) падежей. Из других источников известны также формы именительного (Βηρισάδης: Strab. VIIa. 48) и дательного (Βηρισάδῃ: Joann. Sic. Comm. in Hemogen. p. 184 Walz) падежей. Совершенно ясно, что греки воспринимали это имя как относящееся к I склонению (данное наблюдение имеет значение для дальнейшего изложения). В хронологическом плане имеет смысл, пожалуй, еще уточнить, что Берисад с братьями пришли к власти во Фракии после убийства их отца Котиса в сентябре 360 г. до н.э. Датировку события с его историческим контекстом см.: [Heskel, 1997, 179].

Невозможно усомниться в том, что «Перисад» и «Берисад» – варианты одного и того же имени, а не две совершенно разные ономастические единицы, лишь по какой-то случайности созвучные друг другу. Однако при этом нужно помнить, что сама Фракия в конце VI – начале V в. до н. э. являлась сатрапией державы Ахеменидов [Castritius, 1972, p. 1–15; Hammond, 1980, p. 53–59], что не могло не способствовать диффузии имен, проникновению персидского ономастикона во фракийскую среду. К тому же ЛИ Перисад/Берисад не имеет беспроблемной фракийской этимологии. А с другой стороны, боспорское царское имя Перисад (варианты написания – Перисат, Парисад; с большей детализацией см. ниже) с большой вероятностью принадлежит к тому же ономастическому комплексу, что и несомненно персидское (и тем самым по определению иранское), причем также царское (!) женское имя Парисатида (Παρύσατις).

Являясь, судя по всему, иранским, ЛИ Перисад, однако, не принадлежит к скифским. В скифском языке древнеиранский **d* переходил в *l*. Соответственно, скифский аналог общеиранского «Перисад» – это «Перисал» [Четвертаков, 2007, с. 53–55]. И именно в таком написании (Παιρίσαλος; II склонение) оно у боспорян (видимо, у боспорских скифов) и зафиксировано (КБН. 266, 347, 481, 482, 509, 698, 903, 946, 1022[7], 1314). Носители данного имени, следует оговорить, все жили в достаточно позднее время, в основном уже после того, как на Боспоре правили Перисады. Самый ранний Перисал (из Пантикапея) датируется[8] II–I веками до н. э. (таким образом он мог еще застать последнего царя Перисада), а его тезки (из Пантикапея, Тиритаки, Киммерика, Танаиса, Ахиллия) – I–II веками н. э.[9]

* * *

Отдельным интересным вопросом, которому преимущественно и посвящена статья, является именно соотношение различных вариантов написания имени Перисад в античных источниках – нарративных и эпиграфических. При этом необходимо подчеркнуть, что большее значение для нас заведомо должны иметь последние.

Любая античная надпись[10] – это заведомо аутентичный памятник: что вырезали на плите мастера, жившие, скажем, в IV или III в. до н. э. – то на этой плите и поныне стоит. Совсем другое дело – нарративный текст, который, как мы его теперь читаем, прошел сквозь «горнило» средневековых переписчиков и издателей Нового времени. И тут, нужно сказать, постарались и те, и другие: первые – искажая написания в соответствии с собственными представлениями, вторые же – проводя работу по восстановлению якобы изначальных написаний, на деле же подчас являвшуюся усугублением искажений.

Характерный пример. Динарх в 324 г. до н. э. написал речь против Демосфена. В речи этой, в числе прочего, обвиняемому вменяется следующее: «Скажите мне, ради Зевса, граждане, неужели вы думаете, что он (Демосфен. – И. С.) даром внес предложение…

[7] С гиперкорректным написанием генитива – Παιρεισάλου.

[8] Датировки даем по: [A Lexicon, 2005, p. 267].

[9] Заметим, что ЛИ Перисал, как и ЛИ Перисад, абсолютно нигде, кроме как на Боспоре, не встречается, что опять же говорит в пользу их родства.

[10] Важные наблюдения и соображения в связи с феноменом античной надписи как типа исторического источника см.: [Panciera, 2012, p. 1–10].

о том, чтобы поставить на городской площади (ἐν ἀγορᾷ) медные (т. е. бронзовые. – И. С.) статуи Перисада, Сатира и Горгиппа, понтийских тиранов, от которых ему ежегодно посылается по тысяче медимнов пшеницы?» (Dinarch. I. 43).

Здесь упомянут Перисад I (правивший в 346–310 гг. до н. э.). Но как передает его имя источник? В рукописях стоит странное Βιρισάδην (аккузатив), напрямую ни с чем не коррелирующее. В издательской традиции получила наибольшее распространение поправка на Παιρισάδην. Она, с одной стороны, снимает все проблемы (речь у Динарха идет именно об установленной в Афинах статуе боспорского тирана Перисада I с двумя его старшими сыновьями[11]); но, с другой стороны, это очень тяжелая эмендация. Настолько тяжелая, что язык не повернется назвать ее верной. Иначе получится как у В. П. Яйленко, эпиграфиста и историка, который однажды поправил Лидию на Мидию (они только по-русски сходно звучат, а по-гречески будет Λυδία и Μηδία).

Гораздо более вероятным представляется, что у Динарха стояло Βηρισάδην. Иными словами, оратор просто перепутал фракийского монарха с боспорским. Или, подозреваем, скорее сделал вид, что перепутал. Ведь он не мог не видеть установленную в Афинах знаменитую надпись 346 г. до н. э. (IG. II². 212), в которой неоднократно повторяется: Παιρισάδηι, Παιρισάδης, Παιρισάδην, Παιρισάδει. Нужно подчеркнуть (это тоже в какой-то момент окажется важным для дальнейшего изложения): в последнем написании Παιρισάδει мы усматриваем только остаточное употребление староаттического *эпсилона*, и не более того.

Еще один пример: «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского. В этом источнике имя Перисад встречается четыре раза, и, что интересно, во всех этих случаях рукописная традиция однозначно дает написание Παρυσάδης (с соответствующими падежными формами I склонения), т. е. «Парисад». Одни из издателей такое написание и оставляют, другие же исправляют на Παιρισάδης. Наверное, и те и другие имеют свои резоны, хотя лично нам представляется более правильной позиция первых, поскольку здесь явно имеет место не порча текста переписчиками, а ошибка самого Диодора (возможно, имя боспорского правителя он писал по аналогии с именем вышеупомянутой персидской царицы Парисатиды).

Как бы то ни было, современные исследователи, цитируя пассажи из этого автора, могут, естественно, придерживаться как варианта «Парисад» (исходного), так и варианта «Перисад» (исправленного) – на то их полное право. Но главное – последовательно соблюдать единообразие, ибо, если в одних случаях брать текст по изданиям, сохраняющим исходное написание, а в других – по изданиям, поправляющим его на более употребительное, то у читателя может сложиться ложное впечатление, будто бы у самого Диодора стоит то Παρυσάδης, то Παιρισάδης, чего в действительности не наблюдается.

Итак, вначале мы рассмотрим варианты написания имени Перисад в нарративных источниках, чтобы уже, как говорится, покончить с этим (тем более что соответствующих свидетельств очень немного) и затем перейти к более детальному анализу того же материала по данным эпиграфических памятников, которые, кстати, дают такой материал в значительно большем количестве. Античные авторы будут перечисляться

[11] Упомянутые вместе с Перисадом Сатир и Горгипп, практически несомненно, являлись именно двумя его старшими сыновьями. См. к проблеме: [Завойкин, 2013, 300–301, с прим. 101; Суриков, 2014].

в хронологической последовательности (она, правда, может быть в ряде случаев установлена только в общих чертах, поскольку, например, Демосфен и Динарх – современники).

Демосфен: Gen. Παιρισάδου (XXXIV. 36), Dat. Παιρισάδῃ (XXXIV. 8)[12]. Речь идет о тиране Перисаде I.

Динарх: Acc. Βηρισάδην (I. 43). Таким должно быть корректное исправление из рукописного Βιρισάδην (см. выше). Речь идет о тиране Перисаде I.

Махон: Dat. Βηρισάδῃ (fr. 11 Gow, ap. Athen. VIII. 349d), Acc. Βηρισάδην (ibid.). На этом свидетельстве придется остановиться несколько подробнее, поскольку в связи с ним существуют определенные проблемы. Прежде всего, дадим пояснения относительно автора, поскольку он, в отличие от остальных упоминаемых здесь, малоизвестен. Махон – драматург середины III в. до н. э., писавший в жанре новой аттической комедии. Родом он был из Сикиона, но работал в основном в Александрии. Таким образом, перед нами – писатель раннеэллинистического времени.

Далее, от него, как и от подавляющего большинства древнегреческих комедиографов, дошли только фрагменты. Тот, который сейчас указан, сохранен Афинеем в его знаменитом «гастрономическом» трактате. Имеет смысл дать цитату, дабы ясен стал контекст упоминания интересующего нас имени[13]:

«Однажды кифаред Стратоник отплыл в Понт к Берисаду (Βηρισάδην), являвшемуся там царем. После того, как он находился там в течение долгого времени, решил Стратоник вернуться в Элладу. Когда же оказалось, что тот его не отпускает, то, как говорят, он сказал Берисаду (Βηρισάδῃ): "Ты полагаешь, – сказал он, – оставаться здесь самому?"».

Фигурирующий в цитате Стратоник – знаменитый в IV в. до н. э. кифаред, причем имевший репутацию не менее знаменитого остроумца (в связи с чем о нем и ходило немало анекдотов). В чем заключается «соль» данной конкретной шутки – нам теперь уже неясно[14], да и не место сейчас пытаться прояснять это. Гораздо важнее идентифицировать собеседника Стратоника.

Говоря чисто теоретически, им мог, конечно, быть фракийский династ Берисад, о котором упоминалось выше, поскольку Стратоник был и его современником. Но все-таки подобное предположение выглядит в высшей степени маловероятным. Если кто-то плыл во Фракию, то о нем не говорили, что он плывет в Понт, а вот Боспорское государство в рассматриваемый период греки метрополии нередко называли «Понтом».

Если же упоминаемый во фрагменте Махона «Берисад» являлся на самом деле Перисадом, правителем Боспора, то в нем можно видеть только Перисада I (при Перисадах II, III и т. д., естественно, никакого Стратоника уже не было). То, что он назван

[12] Речь XXXIV может и не принадлежать самому Демосфену (такая проблема существует в связи с весьма многими произведениями, входящими в демосфеновский корпус); в таком случае она составлена кем-то из его современников. Но в нашем контексте это ничуть не принципиально: важна только эпоха создания памятника, а в связи с ней никаких проблем не возникает.

[13] Русский перевод цитируется по [Сапрыкин, 2000, с. 514]. В оригинале – стихотворный текст, ямбический триметр.

[14] Остроты, как известно, имеют обычно ситуативный характер и потому очень скоро, уже через несколько поколений (если не раньше), перестают быть понятными. Нам, увы, не дано так хохотать, скажем, над комедиями Аристофана, как хохотали, смотря их, афинские зрители. О специфике аристофановских острот см., например: [Henderson, 1991; Storey, 1998, p. 85–134; Stark, 2002, p. 147–167].

в приведенном отрывке царем (хотя он таковым не был, царский титул принял лишь его внук Спарток III), нас не должно смущать: комедиограф вряд ли слишком заботился о терминологической точности.

Именование Перисада «Берисадом» на тот момент тоже не было беспрецедентным: так и у Динарха (см. выше). Впрочем, отнюдь не факт, что именно «Берисад», а не «Перисад» значился у самого Махона. Как мы знаем, его фрагмент о Стратонике дошел через посредство Афинея, так что искажение имени может принадлежать и этому последнему; равным образом оно могло случиться и в «промежуточных звеньях», если таковые были (мы не знаем, были ли). Вопрос приходится оставить открытым. Переходим к дальнейшим упоминаниям ЛИ Перисад в нарративных источниках.

Диодор Сицилийский: Nom. Παρυσάδης (XVI. 52. 10; XX. 24. 3), Gen. Παρυσάδου (XX. 22.1; 23. 8). В трех случаях из четырех (кроме XX. 24. 3) имеется в виду тиран Перисад I, а в оставшемся – его внук, у власти никогда не стоявший.

Страбон: Nom. Παιρισάδης (VII. 4.4), Gen. Παιρισάδου (VII. 4.3; 4.4), Acc. Παιρισάδην (VII. 4. 4). Географ говорит о двух лицах – тиране Перисаде I и правившем значительно позднее, во второй половине II в. до н. э., царе Перисаде VI («последнем Перисаде»).

Полиен: Nom. Παιρισάδης (VII. 37). Речь идет о тиране Перисаде I.

Афиней: Dat. Βηρισάδῃ (VIII. 349d), Acc. Βηρισάδην (ibid.). Оба упоминания – в цитате из Махона, которая уже комментировалась выше.

Итоги вышерассмотренного достаточно очевидны. Во-первых, имя Перисад и его носители явным образом не находились в центре внимания античных авторов. Во-вторых, если работать с тем немногим, что мы имеем, в большинстве случаев (Демосфен, Страбон, Полиен), мы сталкиваемся с нормативным написанием Παιρισάδης. Но тем не менее у Диодора – Παρυσάδης, у Динарха и, возможно, Махона (но так, как он был передан Афинеем) – ошибочное Βηρισάδης. Какой-либо динамики во времени обнаружить не удается. Необходимо оговорить еще, что, в каком бы варианте данное боспорское царское имя ни писалось, оно воспринималось как образующее падежные формы по парадигме I склонения.

* * *

Обратимся теперь, собственно, к эпиграфике. Из надписей, упоминающих Перисада (то есть, само собой, нескольких разных Перисадов) наиболее важны по понятным причинам те, которые были созданы на самом Боспоре (соответственно, они вошли в КБН – за исключением тех, которые были открыты уже после выхода этого свода и были опубликованы в других местах). Кому уж лучше знать написание имени правителя, как не лицам, являющимся подданными этого самого правителя?

К боспорским эпиграфическим памятникам мы уже вскоре перейдем, а пока обратимся к тем, которые были созданы за пределами этого региона. На первое место среди них следует поставить, разумеется, знаменитый афинский декрет о почестях сыновьям Левкона I (IG. II². 212), принятый в 346 г. до н. э. по инициативе Андротиона, известного политика и историка[15]. Об этой надписи написано немало, и мы здесь всего лишь

[15] О нем см. [Harding 1994].

процитируем те фразы из нее, в которой встречается ЛИ Перисад (в данном случае перед нами опять Перисад I – на тот момент наследник и, как многие считают, соправитель своего старшего брата – находящегося у власти тирана Спартока II).

«Спартоку, Перисаду (Παιρισάδη), Аполлонию, сыновьям Левкона… По поводу того, о чем написали Спарток и Перисад (Παιρ [ισά]δ [η]ς) и доложили послы, прибывшие от них, ответить им, что народ афинян восхваляет Спартока и Перисада (Παιρισάδην), так как они – мужи доблестные и обещают народу афинян заботиться об отправлении хлеба, как заботился и их отец, и горячо содействовать в том, о чем попросит народ афинян… Поскольку же они посылают дары афинянам, какие посылали и Сатир с Левконом, то и Спартоку с Перисадом (Παιρισάδει) будут дары, которые народ дал Сатиру и Левкону… И публично возвещать, что народ афинян увенчивает Спартока и Перисада (Παιρισάδην), сыновей Левкона, за их доблесть и благосклонность к народу афинян. А когда посвящают венки Афине Полиаде, афлофеты должны посвящать венки в храм, сделав следующую надпись: Спарток и Перисад (Παιρισάδης), сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны народом афинян… И дать моряков, о которых просят Спарток и Перисад (Παιρισ [άδης])…».

Итак, для афинян времен Демосфена и Андротиона Перисад – это однозначно Παιρισάδης. В качестве существительного какого склонения воспринималось его имя? Об этом можно было бы однозначно судить, встреться оно хоть раз в данном декрете в форме родительного падежа. Такого, увы, нет, а остальные падежные формы не столь показательны. Παιρισάδην для винительного свойственно I склонению, а в III-м для имен подробной разновидности в учебниках-то значится окончание -η (т. е. в данном случае Παιρισάδη), но всем известно, что эта форма – чисто теоретическая, а в реальности имя, скажем, Сократа в аккузативе мы в источниках почти всегда встретим как Σωκράτην (хотя Σωκράτη, казалось бы, вернее). В дательном же I склонение требует Παιρισάδη, а III склонение – Παιρισάδει. Как мы видели, в афинской надписи фигурируют и та, и другая форма. Впрочем, выше мы предположили, что Παιρισάδει – это, скорее всего, рудиментарное староаттическое написание[16], и склоняемся к тому, что афиняне второй половины IV в. до н. э. изменяли это имя по I склонению.

Следующими по времени внебоспорскими эпиграфическими памятниками с именем Перисада являются делосские надписи III в. до н. э. (IG. XI. 2. 287; IDelos. 314). Там встречаем родительный падеж Παιρισάδου. Перед нами опять же форма I склонения[17].

В Дельфах есть надпись II в. до н. э. (FD.I. 453), в которой Перисад IV фигурирует как Παιρισάδας[18]. Этот диалектизм нам, в общем-то, ровно ничего не дает, поскольку, во-первых, явно не соответствует оригинальному ионийскому написанию, во-вторых же, тут мы не имеем никаких форм косвенных падежей, которые позволили бы прояснить ситуацию.

[16] Как мы показываем в [Суриков, 2015, с. 55–68], подобные рудименты спорадически встречались еще в афинских надписях второй половины IV в. до н.э., хотя со времен «реформы Евклида» (которую правильнее называть «реформой Архина») прошло уже немало лет.

[17] Это Перисад II: [Сапрыкин, 2000б, с. 520].

[18] В надписи имя упомянуто два раза, в обоих случаях – не в полной сохранности. Читается, соответственно, [Παιρισ]άδ[α]ς и [Παιρι]σάδας. В любом случае, из контекста видно, что это Перисад IV, муж царицы Камасарии.

Еще одна очень известная надпись, которая относится к внебоспорским (но всё же к северопонтийским) – это хрестоматийный декрет Диофанта из Херсонеса (IosPE. I². 352). Перисад, упоминающийся в нем, – это, конечно, Перисад VI. Имеются формы родительного (Παιρισάδα) и винительного (Παιρισάδαν) падежей.

Теперь на очереди – собственно боспорские надписи, к которым надлежит подойти аналитически и систематически, группируя их, так сказать, по правителям (в той мере, в какой это возможно)[19]. Предварительно укажем, что в памятниках лапидарной эпиграфики, созданных на Боспоре, фигурирует однозначно Παιρισάδης. Однако необходимы две оговорки. Во-первых, есть ведь еще и не-лапидарная эпиграфика (в данном случае мы говорим о граффити на стенах), применительно к которой дела обстоят несколько иначе. Во-вторых, наблюдать придется и за падежными формами, поскольку в данном случае из номинатива по понятным причинам парадигму склонения установить никак невозможно.

Итак, начнем с первого из боспорских Перисадов, каковым, собственно, был именно Перисад I, сын Левкона I. До него ЛИ Перисад в боспорской ономастике не зафиксировано.

Nom. Παιρισάδης (КБН. 1[20]). Gen. Παιρισάδεος (КБН. 9, 10, 113, 971, 972, 1039, 1041) и Παιρισάδους (КБН. 11, 1014, 1015)[21]. Как видим, родительный падеж образован по III склонению.

Перисад II, сын Спартока III. Он вслед за отцом уже официально носил царский титул, а правил в середине III в. до н. э.

Gen. Παιρισάδου (КБН. 21, 23, 24, 25). Acc. Παιρισάδην (КБН. 20). На сей раз перед нами – родительный падеж I склонения.

К тому же Перисаду II или к какому-то из более поздних носителей этого имени (вопрос на данный момент нельзя считать окончательно решенным) относятся граффити из Нимфея (SEG. XXXIX. 701), на которых имя предстает в некоторых случаях[22] в достаточно экзотическом написании родительного падежа: Παιρισάτου. Иными словами, его начальная форма мыслится здесь как «Перисат». Что же касается генитива, то мы имеем дело опять с парадигмой I склонения. Говоря совсем уж строго, допустим даже вариант со II склонением (тогда придется постулировать гипотетический номинатив *Παιρίσατος; но в пользу этого ровно ничего не говорит (разве что приведение в качестве параллели вышеупомянутого боспорско-скифского Παιρίσαλος, но такая параллель в данном случае вряд ли может иметь серьезную доказательную силу).

[19] В интересах большей строгости в перечне не будут учитываться те случаи употребления имени Перисад в боспорских надписях, когда это имя восстанавливается издателями, поскольку не сохранилось в оригинальном тексте или же сохранилось лишь частично, что не позволяет делать вполне ответственных выводов о его написании.

[20] А также надпись, опубликованная в: [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002, с. 59].

[21] Как бы нас ни смущала «двоящаяся» форма генитива – Παιρισάδεος и Παιρισάδους, следует отнестись к ней просто как к факту (и не пытаться делать из этого факта чрезмерно далеко идущих выводов). Для нас сейчас важно только то, что в обоих случаях перед нами III склонение (соответственно, неслитный и слитный варианты, чисто ионийский и подвергшийся влиянию аттического).

[22] Не во всех: встречается и нормальное Παιρισάδου.

Перисад IV и Перисад V. Они были отцом и сыном правили в первой половине – середине II в. до н. э., и первый фигурирует в надписях только в связи со вторым, так что уместно рассмотреть данные о них вместе.

Gen. Παιρισάδου (КБН. 75, 1044; SEG. XXVII. 674[23]). Вновь парадигма I склонения.

Особый случай – надпись, относящаяся к гораздо позднему времени, когда уже закончилась династия Спартокидов (КБН. 36). Она датируется правлением царя Тирана (III в. н. э.), и в ней фигурирует родительный падеж Παιρισάδους. Часто считается (и у такого мнения есть свои резоны), что имеется в виду культ Перисада I, действительно установившийся в какой-то момент на Боспоре[24] и существовавший, получается, на протяжении весьма длительного хронологического отрезка. Интересным для нас (и даже странным, нуждающимся в объяснении) представляется то, что столь поздно вновь «всплывает» генитив III склонения – после того, как он, казалось бы, давно отошел в прошлое применительно к данному антропониму. О возможной причине подобной ситуации будет сказано чуть ниже, в заключительных обобщающих наблюдениях, к которым мы уже переходим.

* * *

Мы не претендуем на то, что абсолютно исчерпывающим образом привели весь имеющийся источниковый материал, нарративный и эпиграфический[25]. Собственно, такой задачи мы и не ставили перед собой. Мы, более того, даже уверены, что имеются какие-то не указанные нами памятники. Мы не гнались за полным охватом, мы преследовали только интересы репрезентативности, пытались проследить некие тенденции, «векторы». Если нам просто укажут, что мы упустили из виду ту или иную надпись с той или иной формой имени того или иного боспорского Перисада – это еще будет отнюдь не страшно. Хуже будет, если нам укажут, что где-то появляется написание, противоречащее довольно стройной схеме, выше проиллюстрированной, а ниже формулируемой. Но нам почему-то кажется, что противоречащих казусов не появится.

Итак, что же в первую очередь бросается в глаза в связи с вышеприведенным эпиграфическим материалом по интересующему нас ономастическому вопросу? Расставим точки над i. Варварское имя Παιρισάδης (Перисад), попав в греческий язык, может, теоретически говоря, склоняться по двум разным парадигмам: по парадигме существительных I склонения мужского рода и по одной из парадигм III склонения (существительные с корнем на *сигму*). Нам, кажется, удалось сделать, надеемся, нетривиальное наблюдение.

В IV в. до н. э., во времена Перисада I, его имя в боспорских эпиграфических памятниках воспринимается как существительное III склонения, с генитивом Παιρισάδεος или Παιρισάδους. А вот уже для Перисада II, правившего в следующем столетии, мы однозначно встречаем иной генитив – Παιρισάδου, свидетельствующий о том, что парадигма III

[23] В этом памятнике упоминается (в абсолютно аналогичной форме родительного падежа) также сын Перисада V – Перисад VI, известный прежде всего из декрета Диофанта).

[24] См.: [Суриков, 2014] (со ссылками на предшествующую литературу по вопросу).

[25] Несколько слов о нумизматических данных. Начиная с Левкона II, Спартокиды ставили свои имена на чеканившихся ими монетах. Вполне закономерно, подтверждая наши предыдущие наблюдения, оказывается, что генитив имени Перисад в соответствующих случаях – Παιρισάδου. Насколько можно судить, такова же ситуация и на черепичных клеймах (любезно сообщено нам А.А. Завойкиным).

склонения изменилась на парадигму I склонения. Такая ситуация сохраняется и в дальнейшем, например, в надписях времени Перисадов IV, V, VI. Подчеркнем вновь и вновь, что индикатором склонения для ономастической единицы, которой мы тут занимаемся, только и может выступать генитив: номинатив, датив, аккузатив в нашем случае не показательны, а в вокативе имя Перисада нигде ни разу не зафиксировано.

Что же касается причин упомянутого грамматического сдвига, то, полагаем, можно предположить влияние на боспорский узус общегреческих норм, отразившихся, похоже, в афинской надписи середины IV в. до н. э. IG. II². 212 и уж точно – в делосской надписи середины III в. до н. э. IG. XI. 2. 287. Как было показано выше, те же общегреческие нормы отразились и в нарративной традиции.

Но почему же в надписи III в. н. э. (КБН. 36) вновь появилась форма Παιρισάδους? Нам думается, что дело в следующем. Когда после смерти Перисада I он был обожествлен и был установлен его культ (а случилось сие, по всей видимости, в правление его сына Евмела, в конце IV в. до н. э.), тогда же и было введено соответствующее жречество с тем обозначением его названия, какого на тот момент и следовало ожидать (ὁ ἐπὶ τοῦ Παιρισάδους). Шли века, само ЛИ Перисад стало склоняться иначе. Но, как всем известно, религия – сфера в высшей степени консервативная. Это касается, что интересно, и сферы фонетики, и сферы морфологии: в религиозном быту совершенно спокойно удерживаются такие произношения, которые в светском, житейском обиходе уже не употребляется. Даже и поныне каждый может проверить себя на этот предмет. Как все мы произносим слово «Бог»? Или «Господи!»? Мы автоматически произносим их со старославянским фрикативным h (в первом случае – еще и оглушающимся: [бох]), как произносили наши предки и тысячу лет назад. Это фонетика. А вот морфология. Просклоняем «Христос». Что интересно, никому даже и в голову не придет образовывать формы «Христоса», «Христосу» и т. п., хотя, строго говоря, только они и были бы правильными для данного случая согласно современным нормам.

Так традиция оказывается сильнее и логики, и грамматики. Почему бы не допустить, что в и случае почитания «бога Перисада» (а традиция этого почитания ко времени царя Тирана опять-таки насчитывала уже много-много веков) ситуация могла сложиться аналогичным образом?

Настало время подводить уже окончательные итоги. Они могут быть сформулированы следующим образом.

1) Боспорское царское имя Перисад являлось иранским по происхождению. Тем не менее оно было вполне, так сказать, ассимилировано древнегреческим языком. Такая ассимиляция, между прочим, была характерна для иноязычных ЛИ, воспринятых эллинами достаточно рано (Гигес < Гугту [Грантовский, 1998, с. 323], Ксеркс < Хшаярша, и т. д., и т. п.). Позже, в эпоху эллинизма, положение изменилось. Это очень бросается в глаза, когда читаешь по-древнегречески Библию (особенно Ветхий Завет). Наряду с ассимилированными формами, как, допустим, Ἰωάννης, да даже и Ἰησοῦς[26], встречаем сколько угодно неассимилированных (Ἀβραάμ, Ἰακώβ – имя им легион…). Ассимиляция

[26] Впрочем, абсолютно ассимилированным в древнегреческий язык имя Иисуса все-таки нельзя признать. Его склонение (Ἰησοῦς, Ἰησοῦ, Ἰησοῦ, Ἰησοῦν, Ἰησοῦ) не укладывается напрямую ни в какую из традиционных парадигм.

(по крайней мере, на языковом уровне) перестала считаться необходимым условием для допущения в «цивилизованную семью». Собственно, об этом давно уже говорилось в науке на совершенно иных данных; но вот, и наш скромный вклад свидетельствует ровно о том же, пусть даже косвенно.

2) Нормативным написание имени Перисада у самих боспорян, его соотечественников, было, бесспорно, Παιρισάδης. В нарративной традиции (которая в своей сохранившейся части вся, естественно, является внебоспорской) встречаем также Βηρισάδης (Динарх и, возможно, Махон), Παρυσάδης (Диодор). Но эти варианты представляются неаутентичными. Оба появились в результате контаминаций: Βηρισάδης – с фракийским династом Берисадом (которому посчастливилось или не посчастливилось жить примерно в одно время с Перисадом I); Παρυσάδης – с персидской царицей Парисатидой. На самом Боспоре никогда не говорили о каком-либо «Берисаде» или «Парисаде», а только о Перисаде. Правда, иногда также о «Перисате». На соответствующие нимфейские граффити указывалось выше; но вот этот-то «Перисат» как раз представляется даже не столько диалектизмом, сколько вульгаризмом[27].

3) В статье был еще затронут вопрос о том как «вело себя» ЛИ Перисад с течением времени. И вывод, который мы сделали, тоже приходится повторить, с полным уточнением всех нюансов: в IV в. до н. э. сами боспоряне воспринимали имя своего правителя как образующее падежные формы по III склонению. Но уже в то самое время афиняне, как представляется наиболее вероятным, видели в том же имени существительное I склонения. Опять же, ситуация такая сложилась, судя по всему, под влиянием положения с ЛИ Берисад. Ну, а в III в. до н. э. те же нормы, ставшие общегреческими, установились даже и на самом Боспоре. Думаем, не погрешим очень сильно против истины, если предположим, что Спартокиды, начиная с Перисада II (или даже с его отца Спартока III), самолично об этом позаботились. Всё же их взгляд на Грецию был «взглядом с периферии» со стороны пусть и достаточно сильного (впрочем, в III в. до н. э. уже не такого сильного, как в предшествующем столетии), но окраинного, очень удаленного эллинского государства. Хорошо известно, что периферия старается всегда и во всём ориентироваться на центр[28].

P. S. Когда эта статья была уже написана, появилось сообщение [Суханов, 2015, с. 19–21] о находке несколько лет назад в Краснодарском крае (то есть на территории бывшего Боспора) хорошо сохранившихся бронзовых обкладок щита (или щитов?) македонского типа с надписями ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ. Если артефакт является подлинным[29], то нельзя относить его к IV в. до н. э. и связывать с Перисадом I, как делает автор вышеуказанной заметки. Гораздо больше данных в пользу III в. до н. э. (и соответственно, видимо, Перисада II). В частности, как нами здесь было показано, при Перисаде I родительный падеж Παιρισάδου на Боспоре еще не употреблялся.

---

[27] См. об этих граффити важную статью: [Тохтасьев, 2006, с. 416–428].

[28] В связи со взаимоотношением центра и периферий в общецивилизационном контексте, на различных конкретных примерах, см. классические труды: [Оболенский, 1998; Валлерстайн, 2001; Валлерстайн, 2006].

[29] Из специалистов, с которыми мы обсуждали этот вопрос, А.А. Завойкин почти уверен в подлинности обкладок, а Ю.Н. Кузьмин высказывает серьезные сомнения. В любом случае, сколько-нибудь ответственные суждения будут возможны только после полноценной публикации памятника (попавшего, видимо, в чью-то частную коллекцию).

Список литературы

Анохин, 1999. Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев.

Валлерстайн, 2001. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.

Валлерстайн, 2006. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.

Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002. Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 4.

Грантовский, 1998. Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.

Завойкин, 2006. Завойкин А. А. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 10.

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства (Археология и хронология становления державы Спартокидов). Симферополь – Керчь.

Крыкин, 1993. Крыкин С. М. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.

Оболенский, 1998. Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М.

Сапрыкин, 2000. Сапрыкин С. Ю. Боспорская держава Спартокидов: письменные и эпиграфические источники // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб.

Суриков, 2007. Суриков И. Е. Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // ДБ. 11.

Суриков, 2009. Суриков И. Е. Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // Вопросы эпиграфики. 3.

Суриков, 2014. Суриков И. Е. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии) // ДБ. 18.

Суриков, 2015. Суриков И. Е. IG. I³. 46. 3–6 в свете IG. II². 1629. 251–258: не апойкисты, а апостолеи? // Вопросы эпиграфики. 8.

Суханов, 2015. Суханов В. И. Щит Перисада и античные монеты – зеркала мифов и войны // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докладов и сообщений. М.

Тохтасьев, 2006. Тохтасьев С. Р. К политической истории Боспора III в. до н. э. // ДБ. 10.

Четвертаков, 2007. Четвертаков Е. В. К вопросу о скифском варианте боспорского царского имени Παιρισάδης // Материалы Всероссийской научной конференции «X Чтения памяти проф. Н. П. Соколова». Нижний Новгород.

Яйленко, 1995. Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.

Anochin, 1998. Anochin V. A. Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos (437 v. Chr.) // Stephanos nomismatikos. B.

Castritius, 1972. Castritius H. Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias // Chiron. 2.

Hammond 1980. Hammond N. G. L. The Extent of Persian Occupation in Thrace // Chiron. 10.

Harding? 1994. Harding Ph. Androtion and the Atthis. Oxf.

Henderson, 1991. Henderson J. The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. 2 ed. Oxf.

Heskel, 1997. Heskel J. The North Aegean Wars, 371–360 B. C. Stuttgart.

A Lexicon 2005. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 4: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / P. M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxf.

Panciera, 2012. Panciera S. What is an Inscription? Problems of Definition and Identity of an Historical Source // ZPE. 183.

Stark, 2002. Stark I. Athenische Politiker und Strategen als Feiglinge, Beitrüger und Klaffärsche. Die Wannung vor politischer Devianz und das Spiel mit den Namen prominenter Zeitgenossen // Spoudaiogeloion: Form und Funktion der Verspottung in der aristophanischen Komödie. Stuttgart – Weimar.

Storey, 1998. Storey I. Poets, Politicians and Perverts: Personal Humour in Aristophanes // Classics Ireland. 5.

Summary

I.E. Surikov

Ways of Writing the Bosporan Name P*aerisades* in Epigraphical Monuments and Narrative Sources

The article deals with the name (Iranian by origin but adopted by Greeks) *Paerisades*, popular with the rulers of the Bosporan Kingdom. The author analyzes variants of its writing, spelling, declining, and comes to the conclusion that changes met were due mostly to the accommodation of Bosporans to pan-Hellenic norms.

Н. Ф. Федосеев
(Институт археологии Крыма РАН)

О характере клеймения керамики

Со времени первых публикаций керамических клейм исследователей интересовал вопрос: «кто фигурирует на клеймах?» Для клейм Синопы это было ясно из самих надписей: одно имя – это имя астинома, а второе гончара, которого часто называют «фабрикантом». Есть в клеймах и названия фабриканта – ἐργαστηριάρχης (рис. 1, *1*) и гончара – κεραμέως (рис. 1, *2*). В Херсонесе гончары реже встречаются на клеймах, где маркировали свою продукцию только астиномными клеймами. Гончары в Херсонесе изредка имели свои, дополнительные клейма, которые содержали имя или монограмму. Впрочем, В. И. Кац осторожно называет их «немагистратскими клеймами» и анализу этих посвятил целую главу в своей монографии о херсонесских клеймах [Кац, 1994, с. 35 сл.].

Другое дело энглифические клейма, которые Б. Н. Граков отнес к производству Гераклеи Понтийской [Граков, 1926]. В легенде этих клейм, как правило, присутствует два имени, одно из которых иногда предварено предлогом ἐπὶ. Вопрос о принадлежности энглифических клейм, казалось бы, решен окончательно в пользу Гераклеи, но сейчас П. Балабанов вновь поднимает вопрос о месте их изготовления [Балабанов, 2001; 2002; 2013; Balabanov, 2010], предполагая в качестве такового Аполлонию Понтийскую. Моментально последовали возражения [Кац, 2007, с. 234; Kassab Tezgör, 2013; Федосеев, 2016, с. 17], которые свелись к анализу динамики импорта товаров в сосудах с энглифическими клеймами и невозможностью объяснить стремление Аполлонии доминировать на хоре Феодосии и в меотских некрополях Боспора, а также в комплексе находок из боспорского городка Китей. Общеизвестно, что состав глины амфор Амастрии и амфор с энглифическими клеймами весьма схож. Но, если согласиться с локализацией П. Балабанова, то и центр производства амфор Амастрии следует искать где-то на западном берегу Понта, в округе Аполлонии, а не вблизи Гераклеи. К этим доказательствам следует добавить следующее: в найденном в Анапе мраморном надгробии (рис. 2) [КБН, № 1193; КБН, Альбом, 2004] упоминается Микка, жена Кокка, дочь Токона, гераклеянка. По палеографии надписи надгробие датируется второй половиной IV в. до н. э. Имя Кокк редкое и в словаре личных греческих имен [LGPN. VA s. v.] имя Κόκκος, зафиксировано только на упомянутом надгробии и на амфорных клеймах. С большой долей вероятности можно предполагать, что гончар Κόκκος

Рис. 1. *1* – синопское клеймо эргастериарха, *2* – синопское клеймо керамевса

на энглифических клеймах и Κόκκος, упоминаемый на мраморной стеле, это одно лицо, причем указана их родина – Гераклея.

Есть параллели между именами на энглифических клеймах и именами гераклеотов, упоминаемых в исторических источниках. Мемнон – автор, живший между концом I века до н. э. и рубежом I–II веков н. э., в своей хронике «Περὶ Ἡρακλείας» приводит имена Хиона, Матрия, Леонта и Эвксенона, Тимофея, Сатира и Дионисия. Случайным ли является тот факт, что все эти имена встречаются и на энглифических клеймах[1]? Я полагаю, что нет. Интересно, что большинство имен датируется 360-ми годами, согласно принятой хронологии гераклейских клейм [Кац, 2007]. Обратимся к Мемнону: тиран Клеарх погиб от рук Хиона, сына Матрия, Леонта и Эвксенона, а также многих других, составивших заговор. Заговорщики были убиты в момент покушения. То есть эти имена должны датироваться до 352 г. до н. э. С 352 года до н. э. власть переходит к Сатиру, который правит до 345 года до н. э., когда к власти приходит Тимофей, старший брат Клерха. Тимофей правит до 337 г. до н. э. По времени все эти имена на керамических клеймах, а также известно круглое клеймо с именем Τιμόθε(ος) (рис. 3, *1*) укладываются в указанные рамки. Есть среди имен на энглифических клеймах и Малакон, который по Мемнону был гераклеотом, воевавшим на стороне Селевка, убившем Лисимаха. Такое совпадение в именах вряд ли можно объяснить простой случайностью и служит доказательством гераклейского происхождения этой группы клейм. Следовательно, нет оснований менять центр производства энглифических клейм на Аполлонию, ведь таких параллелей в её ономастике нет.

Предположение, что имя, предваренное предлогом ἐπὶ без названия, должности, является магистратом, наблюдавшим за выпуском амфор и черепиц, высказал ещё Б. Н. Граков [Граков, 1957, с. 9]. В книге В. И. Каца без всяких сомнений утверждается, что это были гераклейские чиновники осуществлявшие контроль над производством амфорной тары [Кац, 2007, с. 238]. В то время как Б. Н. Граков писал и о другой возможности: быть может, мы имеем здесь дело с городским эпонимом Гераклеи?

Вывод, что чиновники в энглифических клеймах контролировали керамическое производство, был сделан по аналогии с керамическими клеймами Синопы и Херсонеса. В этих двух демократических полисах астиномы (реже агораномы) фигурируют в качестве магистратов, которым приписывают функции контроля над керамическим

[1] Хион – гончар, при Аристокле, датируется 390 г. до н. э. Матрий, Эвксенон, Дионисий, Микион датируются 360-ми гг. до н. э. Сатир датируется 350-ми гг. до н. э. Леонт – новый магистрат, отсутствующий в хронологической колонке В. И. Каца [Федосеев, 2016, № 575].

Рис. 2. Надгробие Микки, жены Кокка, гераклеянки

производством. Но так ли обстояло дело в Гераклее, управлявшейся тиранами, где полисные институты отсутствовали? Действительно, нигде нет никакого упоминания ни астиномии, ни агораномии, как нет упоминания никаких других магистратур. Так кто же были эти люди, предваряемые предлогом ἐπὶ? Ответ очевиден: эпонимами. Для тираний, видимо, было характерно другое государственного устройства, без полисных магистратур [Федосеев, 2016]. Так, имена на черепичных клеймах Боспора – это не только имена гончаров и заказчиков [Кузнецов, 2008, с. 400], но и, возможно, имена эпонимов.

Таким образом, никакого контроля государства над керамическим производством в Гераклее не было. Правда, Б. Н. Граков допускал, что такой контроль в Гераклее был, но менее скрупулёзным, чем в Синопе или Херсонесе [Граков, 1957, с. 16]. По его мнению, приватный элемент гераклейского клеймения выражался в том, что формулы их довольно пестры по содержанию и что редкие эмблемы на клеймах больше увязываются с именами гончаров, чем с эпонимами. Именно этим объясняется сомнения некоторых исследователей в том, что городские магистраты играли ведущую роль в клеймении. Инициатива клеймения амфорной тары в Гераклее исходила от гончаров [Граков, 1926, с. 101; Garlan, 2015; Федосеев, 2016, с. 33]. Это же стало причиной того, что в некоторых штампах наблюдаются следы уничтожения имени эпонима [Балабанов, 2013] (рис. 3, *2–3*). Очевидно, что гончар пользовался штампом на следующий год после того как сменился эпоним и он затер имя прошлогоднего, пока изготовил новый штамп. По этой же причине гераклейский гончар Бакхий (рис. 3, *4*) штемпелевал черепицу на Боспоре клеймом, где фигурирует уже не действовавший гераклейский эпоним Дионисий (рис. 3, *5*) [Федосеев, 2011]. Ведь заказ на производства партии черепицы выполнил гончар Бакхий, и он пометил свою партию клеймом, которым он пользовался в Гераклее, в период эпонимата Дионисия. Схожим образом поступил и Скиф, клеймивший на Боспоре черепицу штампом (рис. 3, *6*), которым ранее он клеймил амфоры в Гераклее (рис. 3, *7*).

Фискальная роль государства выражалась в том, что товар в амфорах, продаваемый на рынке, должен был маркироваться по хронологическому принципу. Очевидно, что товар с не уплаченным налогом, не мог появиться на рынке. Клейма наносились на партию товара для учета. Заплатив налог с одной партии, таможенник не мог требовать уплаты еще раз. Другая партия, с другими клеймами, подлежала налогообложению. В Синопе и Херсонесе роль эпонима отводилась астиномам. Возможно, именно они и следили за сбором налогов с продавцов. В Гераклее и на Боспоре, это были чиновники царского двора. Но как это происходило? Астином не мог разъезжать по мастерским, расположенным за городскими стенами. Скорее всего, он ожидал партию сосудов уже с разлитым вином в порту (не зря же он нес звание астинома – именно городского служащего), проверял наличие клейма на партии товара и там осуществлял свои фискальные функции.

Фискальный контроль со стороны полисов над торговлей в Синопе и Гераклее усилился после 364 г. до н. э. С этого момента клеймение в этих центрах становится нормой.

Весьма возможно, что в каждом полисе существовали списки эпонимов, выбитые на камне. Может те списки имен, которые мы находим на Боспоре, и были списками эпонимов? По крайней мере, среди надписей в КБН фигурируют «списки имен» из Нимфея III в. до н. э. [КБН, № 912]. В трех столбцах вырезаны имена разными резчиками. К IV в. до н. э. относится список имен из Гермонассы [КБН, № 1056]. Я предполагаю, что это списки эпонимов Нимфея и Гермонассы. Для Гераклеи и Синопы, возможно, такие списки еще не найдены.

Интересно сравнение Гераклеи Понтийской с Боспором. И там, и там у власти находились тираны. Но если для Гераклеи персидское влияние неоспоримый факт, то для Боспора это еще в стадии доказательства. Подняв эту тему в 1993 году [Fedoseev, 1997], я предполагал, что она станет дискуссионной, но, что вызовет такие споры: навряд ли. Я попытался собрать воедино все факты, которые в осторожной форме высказывались некоторыми исследователями и до меня. Статья изначально называлась «К вопросу о влиянии Ахеменидского государства на ход исторического развития Боспорского царства», т. е. целью статьи являлась постановка проблемы, где все положения высказываются гипотетично, а не утверждающе. Но со стороны критиков можно встретить фразы «Н. Ф. Федосеев утверждает»…

За период, прошедший с момента этой публикации, появились новые артефакты, которые требуют объяснения. Например, присутствие полумесяца в керамических клеймах Боспора. Ранее эту эмблему интерпретировали как лунарную сигму. Я собрал все случаи присутствия этого знака в клеймах Боспора, выделив те, где в знаке сокращения необходимости нет [Федосеев, 2014, рис. 7]. А. А. Завойкин не считает это аргументом[2] [Завойкин, 2015, с. 252]. Присутствие же этого знака на боспорской монете А. А. Завойкин считает «совсем другим». Уважаемый оппонент не учел наличие этого знака на гераклейских монетах и амфорных клеймах [Федосеев, 2014, с. 156]. Полумесяц на гераклейских клеймах (именно так все исследователи трактуют этот символ) зафиксирован при эпонимах Дионисии (рис. 3, *8*), Сатире (рис. 4, *1*), Павсании (рис. 4, *2*), Молоссе (рис. 4, *3*) и Каллии (рис. 4, *4*). Совершенно очевидно, что он стилистически аналогичен изображению на боспорских клеймах. Более того, он предваряет легенду в гераклейском клейме Каллия, как и в боспорском оттиске клейма ΛΥΚΟ (рис. 4, *5*) или ΔΗΜ (рис. 4, *6*). По времени присутствие полумесяца в клеймах обоих центров синхронно. Terminus post quem для этого символа Ахеменидов 331 г. до н. э., когда Александр Великий уничтожил ахеменидское царство. Как мы знаем, ни боспорские, ни гераклейские клейма с полумесяцем не выходят за эту дату.

[2] Для объективности приведу всю цитату полностью: «Думаю, что не меньше оснований будет иметь и спекулятивное предположение противоположного характера: если знак в виде лунарной сигмы на черепице маркирует сокращение (то, что встречаются при этом имена, переданные «почти полностью» – не контраргумент, а только мнение одного исследователя), то, может быть, допустимо так же понимать этот знак и рядом с «полуфигурой» стоящего льва на монете?»
Где еще мнение одного исследователя не считается аргументом? Или А. А. Завойкин сторонник коллективного творчества? В таком случае его аргументы также не могут быть признаны, поскольку его статья подписана только одним исследователем.

Рис. 3. *1* – гераклейское клеймо Тимофея, *2* – гераклейское клеймо Молосса со стертым именем эпонима, *3* – гераклейское клеймо Молосса со именем эпонима Евгетиона, *4* – клеймо Бакхия на боспорской черепице, *5* – клеймо Бакхия на гераклейской амфоре, *6* – клеймо Скифа на боспорской черепице, *7* – клеймо Скифа на гераклейской амфоре, *8* – полумесяц на гераклейских амфорных клеймах

О влиянии Персии на Гераклею написано немало. Э. Д. Фролов пишет, что прямое подчинение гераклеотов персам представляется маловероятным, хотя отмечает, что Крез успел покорить все народы, проживавшие западнее Галиса (Her., I, 28). Мариандины входили в состав третьего из двадцати учрежденных Дарием I административно-податных округов (Her., III, 90) и даже принимали участие в походе Ксеркса в Грецию (Her., VII, 72) [Фролов, 1974, с. 125]. М. И. Максимова утверждала, что можно только догадываться, что зависимое положение от Персии выражалось в форме уплаты ежегодной дани и поставки воинских контингентов [Максимова, 1956, с. 96]. Диодор, перечисляя состав флота

Ксеркса по время похода на Грецию, называет 80 кораблей, снаряженных греками, живущих на Геллеспонте и Понте (Diod., Bibl., XI, 3, 8). Кто были эти греки, живущие на Понте? Во избежание очередной порции критики в свой адрес, я этот вопрос оставлю без ответа. Приведу лишь вывод А. А. Завойкина: «Дыхание» великой державы Ахеменидов так или иначе ощущается на берегах Киммерийского Боспора в V–IV вв. до н. э. Исследователи это влияние улавливают, так сказать, на интуитивном уровне, поскольку прямых письменных свидетельств этого воздействия на Боспор нет» [Завойкин, 2015, с. 255].

Но это относительно письменных источников. А как быть с археологическими? Для Гераклеи это находка мраморной головы персидского наместника [Akurgal, 1986; Akurgal, 1987; Summerer, 2005], оттиск дарика на амфоре [Гаврилов, 2011, с. 183] и упомянутые уже изображения полумесяца на амфорных клеймах и монетах. Для Боспора археологические источники я представил ранее [Fedoseev, 1997; Федосеев, 2014]. Эти факты требуют своего объяснения. Так же как требуют объяснения параллели в гераклейской и боспорской керамической эпиграфике.

Характерно, что клеймение в Гераклее возникает в конце V века до н. э. Между началом клеймения и его концом известно чуть более 100 эпонимов [Кац, 2007, с. 247; Федосеев, 2016, с. 13]. Если считать, что завершение клеймения приходится на 305 г. до н. э., время смерти тирана Дионисия, то начало – должно приходится на 410-е гг. до н. э. Есть еще один репер – это 364 г. до н. э., установление тирании Клеарха в Гераклее. Это также совпадает с числом эпонимов (66 имен) 4–6 хронологических групп [Кац, 2007, с. 429–430][3].

Согласно демократическому устройству, магистраты занимали должности один год, а превышение числа имен и отведенное им количество лет в хронологической колонке, заставило исследователей радикально подойти к решению этой проблемы: исполнение магистратских обязанностей осуществлялось не одним человеком, а коллегией [Кац, 2007, с. 240; Полин, 2014, с. 320]. Это гипотеза опровергается наличием в клеймах предлога ἐπὶ, который предполагает лишь одно имя в год. Коллегия магистратов обозначалась термином duoviri (если магистратов было два) или ἀγορανομοῦντων [Федосеев, 2016, с. 14]. В это же время начинается клеймение и в соседней Синопе. Вначале, с 368 г. до н. э. [Федосеев, 2015, с. 360] клейма копируют гераклейские по формуле ΕΠΙ ΕΠΟΝΙΜ | ΓΟΝΧΑΡ (магистраты Дониисий и Эндем). Морфология амфор Синопы этого периода также копируют гераклейские сосуды, по крайней мере, форма ножки и венца. Есть даже случай клеймения на горле энглифическим клеймом [Брашинский, 1980, № 555; Придик, 1917, с. 120, № 24; Граков, 1929, табл. 3.5]. Затем появляется название магистратуры в форме ΑΣΤΥ. Вначале название магистратуры втиснуто между именами (как в клейме Аполлодора и Архептолема, рис. 5, *1*), затем оно перекочевывает в конец легенды, и, наконец, занимает место между именами. В последующий период эпонимный предлог практический полностью вытесняется названием магистратуры и лишь однажды в конце III в. до н. э. случается рецидив, эпонимный предлог вновь заменяет название магистратуры: Ἐπὶ Δελφινίου | τοῦ Καλλίου. | Στέφανος[4] (рис. 5, *2*). Очевидно, что астиномная

[3] Небольшое расхождение вызвано, возможно, необходимостью уточнения списка эпонимов, кроме того, необязательно события, вызвавшие перемены в керамическом производстве, должны были происходить в тот же год.

[4] Керченский музей, кп. 180087/ккк. 25504.

Рис. 4. *1–4* – полумесяц на гераклейских амфорных клеймах,
5–6 – полумесяц на боспорской черепице

магистратура и есть эпонимный магистрат. Это характерно для демократических государств с полисным устройством (Синопа, Херсонес). Примечательно, что при уничтожении астиномной магистратуры, синопские амфоры начинают клеймиться штампами с буквенным обозначением даты. То есть имя астинома заменяется датой, что еще раз свидетельствует о хронологическом характере астиномии.

Но, в каждом правиле есть исключения: дважды на синопских клеймах присутствует в качестве эпонима имя эсимнетного магистрата с предлогом ἐπὶ:

Ἐπὶ Ἡφαιστίου | αἰσυ(μ)νήτεω | Νευμηνίου Α. «Орел на дельфине»[5] (рис. 5, *3*)

и Νικοστράτου. Ἐπί Νίκια | αἰσυμνήτου, ἀστυνομοῦντος | Ποσιδείου | «лук, палица»[6] (ретроградное) (рис. 5, *4*).

В первом случае эсимнет Гефестий заменил в клейме астинома. Продолжала ли существовать в этот период астиномия – возможно. Поводом для ведения эсимнетии в первом случае, могли стать военные действия Датама против Синопы в 363/2 г. до н. э. [Федосеев, 2008]. Судя по второму клейму астинома Посидея, полисные магистратуры остаются, но эпонимат переходит к эсимнетам. Как известно, эсимнетия чрезвычайная магистратура вводилась в период экстраординарных событий. О том, что в Синопе в это время что-то случилось, свидетельствует превышающее вдвое обычного количество оттисков астинома Посидея, сына Гефестодора, и раздельное клеймение гончарных и магистратских клейм. Я предполагаю, что поводом мог стать поход Александра Великого. Известно, что Александр встретил синопских послов в стране мардов и приказал отпустить их, сказав при этом, что Синопа поступает правильно, направив посольство к царю, так как она являлась подданным царя (Arr., Anab., III, 24, 4; Q. Curtius Rufus, Hist. Alex. VI, 5, 6).

О том, что эсимнетия – это чрезвычайная магистратура, свидетельствует лишь два случая присутствия эсимнетов в клеймах Синопы. Введение этой магистратуры не изменило полисное устройство Синопы, ведь астиномное клеймение керамики продолжалось, и прерывания в производстве амфор и черепицы не наблюдается.

На синопских и херсонесских клеймах можно встретить еще и другую полисную магистратуру – агораномию. Синопские агораномные клейма представлены 8 штампами [Федосеев, 2008]. Херсонесских агораномов В. И. Кац включил в общий список магистратов, что, на мой взгляд, неправомерно. Агораномов не следует включать в хронологическую колонку, поскольку они не были эпонимами. Я предполагаю, что сосуды с агораномными клеймами были эталонными и служили, главным образом, для замеров товара на агоре, а не для транспортировки. Я не берусь сейчас судить, почему эти амфоры оказались за пределами родного полиса, но предположу, что необходимость в замерах возникала и на выездной торговле.

Единственная целая синопская амфора с агораномным клеймом Феупейта была найдена при раскопках поселения Панское У7 в Крыму. С. Ю. Монахов отнес её к пифоидному типу серии II-E-2. Объем этой амфоры 25,3 литра [Монахов, 1999, с. 176, табл. 21.*1*; Монахов, 2003, табл. 103.*1*], то есть больший, чем основная масса синопских амфор. С. Ю. Монахов считает, что стандартная мера этих амфор пять аттических гемигектов (21,89 л) или семь хоев (22,97 л). Таких амфор зафиксировано очень мало, что заставляет меня предположить, что они, как и мерные сосуды с клеймами агораномов, служили эталонами и изготовлялись гончарами для нужд рынка, по заказам осуществлявших

[5] Керченский музей, кп. 72800/ккк.1830. Граков, 1968, с. 101, рис. 1, 2; Цехмистренко, 1971, с. 69; Garlan, 2004, p. 107, N24, pl. III.24.

[6] Керченский музей, кп. 162100/ккк.22634; Придик, 1917, с. 94, № 681; Граков, 1968, с. 101, рис. 1.1; Цехмистренко, 1971, с. 71; Gramatopol and Bordea, 1969, p. 186, № 337; Лазаров, 1978, с. 33, № 15а; Василенко, 1972, с. 91, № 1142; Гаврилов, 2011, с. 23, № 521; Федосеев, 1993, с. 88, рис. 1; 2014, с. 93.

Рис. 5. *1* – синопское клеймо Аполлодора и Архептолема с названием магистратуры в форме ΑΣΤΥ между именами, *2* – синопское клеймо Дельфиния, сына Каллия, где название магистратов заменено предлогом ἐπὶ, *3* – эсимнетное клеймо Гефестия, *4* – эсимнетное клеймо Никия, *5* – гераклейское клеймо Архестрата, *6* – оттиск кольца гончара Архестрата

над ним контроль агораномов. Именно этим объясняется меньшее число агораномных клейм по сравнению с астиномными. Вполне возможно, что эти амфоры соответствовали полному стандарту, существовавшему в Синопе, а остальные типы, выделенные С. Ю. Монаховым, составляли лишь их фракции.

Аргументы же некоторых исследователей, что штемпелевание происходило по сырой глине и при обжиге сосуд менял свой объем, можно скорректировать следующим: усадка при обжиге могла прогнозироваться, да и при измерении мог использоваться не весь объем сосуда. В этом случае точная мера должна была градуироваться рисками, что мы и находим на горлах некоторых мерных сосудов и амфор. Возможно, что именно для этой цели на горле амфор проводилась краской окружность [Федосеев, 2008, с. 62].

Если имя с предлогом ἐπὶ это эпоним, то кто фигурирует под вторым именем? Высказано мнение, что это владельцы глиниц, владельцы виноградников, купцы, доставляющие

товар, шкиперы, капитаны коммерческих судов и т.д. На самом деле, ответ на этот вопрос несут сами клейма: на синопских клеймах распространено название керамевс (гончар), но отмечено и название эргастериарх. В.И. Кац склонен видеть на всех клеймах (и гераклейских, и родосских, и фасосских, и книдских, и боспорских) имена эргастериархов [Кац, 2007]. Он ставит знак равенства между фабрикантом (владельцем керамической мастерской) и эргастериархом. Возможно это и так. Я, например, не вижу разницы между термином эргастериарх и керамевс. Сомневаться в том, что на гераклейских оттисках второе имя – это гончар (не купец, шкипер или владелец глиница) не приходится. Существует гераклейское клеймо с именем Ἀρχέ | στρατο(ς), рядом с которым оттиснуто кольцо с изображением амфоры и тем же именем Ἀρχέσ | τρατο(ς). Явно, что гончар, изготовитель амфор, хотел еще раз продемонстрировать свою марку и поместил оттиск своего кольца (рис. 5, *5–6*)[7].

Но что же побуждало гончаров маркировать свою продукцию? При полной анархии в керамическом производстве что-то ведь заставляло ставить свой штамп на амфорную тару. Это не было гарантией качества или объема. Клеймо наносилось на сосуд еще до обжига, и гончар не мог знать какого качества продукт будет помещен внутрь. Более того, при продаже, вино, как правило, переливалось в другую тару (например, в меха для транспортировки по суше) и абсолютно неважно какого объема была транспортная амфора. Оценивалась партия целиком.

Нередко археологи находят целые партии амфор, с одинаковыми клеймами, что свидетельствует лишь об одном: интерес представляло содержимое, а не сам сосуд. Как правило, сосуд переставал интересовать, как только заканчивалось содержимое. В большинстве случаев амфору выкидывали.

Что же везли в амфорах? В большинстве своем речь должна идти о вине. А как маркировать ту или иную партию вина? Этикеток тогда не было. Печати, закупоривавшие амфоры, мы не находим в таком количестве как сами амфоры. Остается клеймение. Партия вина предназначалась для одного сорта вина и ее маркировало имя гончара в сочетании с эмблемами. Чтобы отличить от прошлогодней партии ставились имена эпонимов. Купцы заказывали у гончаров партии амфор под конкретную закупку вина. Для распознавания марки вина (его происхождения) служила форма амфоры. Известны случаи копирования форм. Не могли ли гераклейские амфоры фасосского типа свидетельствовать, что гераклейское вино было схоже с фасосским? Конечно, ни о какой подделке вина таким путем речь быть не должно. «Трудно себе представить, что покупателя можно было обмануть, продав ему гераклейское вино вместо фасосского, сымитировав в Гераклее Понтийской форму фасосской биконической амфоры [ср. Завойкин, 1993, с. 56; Габелко, Кузнецова, 2010, с. 321, ссылка 5]» [Ломтадзе, 2015, с. 9. прим. 44]. Покупатель всегда знал, что он покупает. А покупая, например, вино в гераклейских амфорах, копирующих фасосские, он четко представлял, что внутри будет фасосский тип вина, только более низкого качества.

Для Херсонеса, где в клеймах не было имен гончаров, видимо, не было необходимости в разграничении сортности. Известно, что большая часть виноградников

[7] Семибратнее городище, 1955, раскоп Е, пл. XXIV. Кр.м. КМ 1826/261. [Кац, 2015, № 2217 (59)]. Фото А.Б. Колесникова. Я приношу А.Б. Колесникову благодарность, за предоставленную возможность использовать его фотографию.

находилось в одном месте – на Гераклейском полуострове, возможно, товарное херсонесское вино не разделялось на сорта и воспринималось под одной маркой – «херсонесское». Для Фасоса, где в клейме фигурирует также одно имя, для разграничения партий, скорее всего, служила эмблема. На Фасосе мастерские разбросаны по всему острову и вино, по всей видимости, различалось по вкусу.

Конечно, покупатель, например, на далеком Боспоре, не знал, кто был эпонимом в Гераклее, на Фасосе или в Синопе в тот или иной год, но отличить от купленной в прошлом году амфоры с клеймом прошлогодним эпонимом, он мог. Конечно, можно было заменить вино в одной амфоре, но торговля партиями полностью исключала такие махинации. По этой же причине допускался неполный оттиск клейма, смазанный, нечитаемый и даже сосуд совсем без клейма. Отсюда абсолютно не имеет смысла вычислять коэффициент клеймения сосудов. То есть вычислять, конечно, можно, но это не постоянная величина, в каждом случае она будет разной.

Возможна ли партия неклейменой продукции? Конечно, если покупатель сам покупает вино и привозит к себе. Или торговля идет в розницу. Покупатель пробует товар и покупает эту же амфору вина. Но при массовой торговле требовалось клеймение. Оно было важно не только при экспорте продукта, но и для внутреннего рынка. Именно поэтому бóльшая часть херсонесских клейм была найдена при раскопках самого Херсонеса. Но все же именно экспорт вина заставлял продавцов заказывать бóльшую партию клейменной продукции и продавать ее на различных торговых площадках античного мира. Мы зачастую регистрируем партии клейменных амфор на том, или ином памятнике, но вместе с тем, фиксируем и одни и те же клейма в самых различных уголках античного мира.

Какой смысл имело клеймение теми же самыми штампами мерных сосудов (Херсонес) и черепицы (Синопа, Херсонес)? Возможно, то же самое – хронологические метки товара или при клеймении черепицы неважен был год выпуска, а важна была маркировка гончара. Впрочем, известна партия синопской черепицы вообще без клейм (Бакланья скала) [Федосеев, 2012, с. 20]. Клеймение черепицы (в отличие от амфор) не было столь значимым элементом керамического производства. Повсеместно мы наблюдаем партии черепицы от одного гончара. Партией синопской черепицы крыты дома в Ольвии, усадьбы в бухте Ветреная и Ортли в северо-западном Крыму. Но также мы находим множество черепицы без всякой маркировки. Скорее всего, налогообложению подвергались лишь партии черепицы.

Вывод: клеймение керамической тары велось гончарами. Второе имя, предваренное предлогом ἐπὶ было эпонимом, который не имел отношение к наблюдению за керамическим производством. В полисах должны существовать списки эпонимов. Впоследствии в демократических полисах, функции эпонима выполнял астином или особый чиновник, как в тиранической Гераклее. Клеймению подвергалась партия товара, подлежащая налогообложению. В этой партии могли быть и не клейменные товары. Весьма возможно, что астиномы выполняли фискальные функции пропуска на рынок товаров с оплаченным налогами. В качестве предположения: различные штампы с различными эмблемами на Фасосе служили обозначением разных партий товара.

Список литературы

Балабанов, 2001. Балабанов П. Энглифические печати на амфорах – новая постановка проблемы // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ.

Балабанов, 2002. Балабанов П. Энглифические клейма на амфорах – новая постановка проблемы // Северное Причерноморье в античное время. Киев.

Балабанов, 2013. Балабанов П. Заметки об амфорах с энглифическими клеймами // АМА. 16.

Брашинский, 1980. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.

Василенко, 1972. Василенко Б. А. Давногрецьки керамічні клейма з Одеси // Археологія. 5.

Габелко, Кузнецова, 2010. Габелко О. Л., Кузнецова Е. В. Синойкизм Амастрии и амфорное производство в полисах Южного Понта (2-я пол. IV – 1-я треть III в. до Р. Х.) // АМА. 14.

Гаврилов, 2011. Гаврилов А. В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. 24. Донецк.

Граков, 1926. Граков Б. Н. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды государственного исторического музея. М.

Граков, 1929. Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.

Граков, 1968. Граков Б. Н. Заметки по греческой керамической эпиграфике // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Граков, 1957. Граков Б. Н. Вступительная статья к разделу «Гераклейские клейма Корпуса Керамических Клейм Северного Причерноморья» // IOSPE III.

Завойкин, 2015. Завойкин А. А. Ахемениды и Боспор: (историографический аспект проблемы) // ПИФК. 1.

Завойкин, 1993. Завойкин А. А. Керамическая тара из Фанагории VI–III вв. до н. э. // Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Архив ИА РАН, Р-2, № 2555. М.

Кац, 1994. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов.

Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. XVIII. Симферополь-Керчь.

КБН, 1965. Корпус Боспорских надписей. (Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов). М.–Л.

КБН, Альбом, 2004. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом) / Отв. ред. А. К. Гаврилов. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana.

Кузнецов, 2008. Кузнецов В. Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. XXII.

Лазаров, 1978. Лазаров М. Синопе и западнопонтийският пазар // ИНМВ. NXIV (XXIX).

Ломтадзе, 2015. Ломтадзе Г. А. Керамическаятара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н. э. М.

Максимова, 1956. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.-Л.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов.

Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов.

Полин, 2014. Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсощине. Киев.

Придик, 1917. Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.

Сапрыкин, 1986. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М.

Федосеев, 1993. Федосеев Н. Ф. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 2.

Федосеев, 2008. Федосеев Н. Ф. Датам и Синопа. Монеты и клейма // Нумизматични, сфрагистчни и епигафски приноси към Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на си.нс. Милко Мирчев. Варна, 15–17 септември 2005 г. Acta musei varnaensis, VII-1. Варна.

Федосеев 2011. Федосеев Н. Ф. Производство клейменой черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // ПИФК. 4 (34).

Федосеев, 2012. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Том 1. Киев.

Федосеев, 2014. Федосеев Н. Ф. Замечания к хронологической классификации гераклейских клейм // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Актуальные проблемы археологии. Керчь.

Федосеев, 2015. Федосеев Н. Ф. О хронологии синопских керамических клейм // АМА. 17.

Федосеев 2016. Федосеев Н. Ф. Коллекция керамических клейм. Гераклея Понтийская. Том II. Керчь.

Фролов, 1974. Фролов Э. Д. Тирания в Гераклее Понтийской // АМА. 2.

Цехмистренко, 1971. Цехмистренко В. И. Заметки о синопских клеймах // СА. 3.

Akurgal, 1986. Akurgal E. Neue archaische Skulpturen aus Anatolien // Archaische und klassische griechische Plastik. Akten des internationalen Kolloquiums vom 22.–25. April 1985 in Athen, Hrsg. von H. Kyrieleis, pp. 1–14. Mainz.

Akurgal, 1987. Akurgal E. Griechische und römische Kunst in der Türkei. München.

Balabanov, 2010. Balabanov P. The origin of amphorae with englyphic stamps // PATABS. I. Production and Trade of amphorae in the Black Sea. Paris.

Fedoseev, 1997. Fedoseev N. Zum achämenidischen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 29.

Garlan, 2015. Garlan Y. Une période d'«Anarchie» dans le timbrage amphorique héracléote? // AMA. 17.

Garlan, Kara, 2004. Garlan Y., Kara H. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuilestrouves Sinope // Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10. P.

Gramatopol, Poenaru Bordea, 1969. Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. N.S. XIII.

Kassab Tezgör, 2013. Kassab Tezgör D. Les ateliers implantés sur la rive sud de la mer Noire: un état de la question // PATABS III. Production and Trade of amphorae in the Black Sea production et commerce amphoriques en mer noire. Actes de la Table Ronde internationale de Constanta, 6–10 octobre 2009. Edités par Livia Buzoianu, Pierre Dupont, Vasilica Lungu. Constanta.

Summerer, 2005. Summerer L. Achämeniden am Schwarzen Meer: Bemerkungen zum spätarchaischen Marmorkopf aus Herakleia Pontike // Ancient Near Eastern Studies, 42.

Summary

N. F. Fedoseev
The nature of the stamping of ceramics

Stamping ceramic containers was conducted potters (kerameus). The second name was prefixed pretext ἐπὶ eponym rather than a magistrate, to observe the ceramic production. In the polis must exist lists of eponyms. The names mentioned in the chronicle of Memnon, there are stamps on englific therefore, the question of ownership englific stamps finally resolved in favor of Heracleas.

In democratic polis, the eponym of the functions performed astynomos or special official in tyrannical Heraclea. Fiscal role of the state is expressed in the fact that the goods in amphoras, sold on the market, should be labeled in chronological order. Stamping subjected consignment, taxable. In this shipment can be and not stamped by products. It is quite possible that astynomos perform fiscal functions missing goods on the market with taxes paid. It is possible that different stamps with different emblems on Thasos were the designation of different batches of goods.

In Sinope and Chersonissos eponim magistrate was astynomos that in an emergency could be replaced aisymnetos. Vessels with stamps of agoranomos were reference and served mainly for product measurements in the agora, and not for transportation.

Stamping tiles (unlike amphoras) was not as important element of manufacturing a ceramic. Everywhere we see the party of tiles from a potter. Chances are subjected to tax only tile shipment.

В. П. Яйленко
(Независимый исследователь, Москва)

Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея

I. «Вифиника» Арриана, реконструкция ее известия об основании Фанагории и Гермонассы, его источники, степень достоверности[1]

Недавно мы вскользь затронули источниковедческий аспект известия «Вифиники» Арриана об ойкистах Фанагоре и Гермоне, основателях Фанагории да Гермонассы [Яйленко, 2016]. Однако объем той статьи был ограничен издателем, поэтому мы обошлись предварительными соображениями, пообещав сделать подробный источниковедческий разбор в следующем 21 томе ДБ за 2017 г.

1) Содержательное построение «Вифиники» и место в нем известия о Фанагоре, Фанагории, Гермоне, Гермонассе

Всего сохранилось 72 фрагмента «Вифиники»[2]. Она состояла из 8 книг, но известна принадлежность к 1, 2, 5 книгам лишь шести фрагментов (fr. 2–7). Остальные отрывки издатели предположительно группируют по содержанию[3]. Для нашей цели важна не последовательность фрагментов, а их содержательная сторона; группируя их в таком аспекте, получаем три основных раздела (блока).

---

[1] Поскольку статья уделена разным сюжетам, для удобства читателя даем заголовки последующих разделов. II. Источниковедение известия Диодора об Археанактидах и новые данные об эолийцах на Тамани. III. Увы, вновь о «синдской диасфагме» Гиппонакта. IV. Филологическая некорректность двух недавних решений проблемы херсонесского састера и нимфейской монетной легенды ΣΑΜΜΑ. V. Еще раз о легендах на монетах Феодосии IV в.

[2] Есть три основных издания «Вифиники»: Карла-Отфрида Мюллера 1849 г. (FHG III, p. 591 sqq.), Антона Герарда Роса 1928 г. [Roos, 1968], Феликса Якоби 1929 г. ([FGH 156 = T. 2 B, Lfg. 3; плюс комментарий: FGH II d 552 f.). Даем нумерацию фрагментов «Вифиники» по тёйбнеровскому изданию А. Роса [Roos, 1968, p. 197–223] (это репринт 1928 г. с небольшими дополнениями Г. Вирта). О «Вифинике» специальных исследований нет, она фигурирует в общих работах о сочинениях Арриана (напр. [Перевалов, 2010, с. 11 сл., лит.]).

[3] *См.* comparatio numerorum изданий Ф. Якоби и А. Роса [Roos, 1968, p. 320–322], также добавления Г. Вирта к критическому аппарату А. Роса, взятые из комментариев Ф. Якоби [Ib., p. 335–340].

I. География и этнография Фракии (вифины вышли оттуда, они фракийцы) и Малой Азии, в особенности Вифинии и прилегающих к ней областей (fr. 2, 4, 6, 17, 18, 20, 26, 36, 45, 52, 53, 56, 62, 67, 68). Географических данных очень много, так как они соединены с мифологией, религией, т. е. представлены и в следующем разделе II.

II. Мифология, религия, культы ряда областей, народов, местностей (fr. 3, 9, 10, 12–16, 21, 23–25, 27–32, 34, 35, 37–42, 47–51, 57, 61, 64, 69).

III. История. Этот раздел состоит из трех блоков:

1. Ранняя этническая история (fr. 8, 11, 19, 43, 44, 54).

2. Колонизация и основание городов, как ранней эпохи, так и времени Вифинского царства (fr. 5, 7, 33, 37, 63).

3. История Вифинии с IV в. до н. э. (от царя Зипойта) до оракула, предрекшего смерть Ганнибалу в вифинском городке Либисса (fr. 1, 63, 65, 66). В фр. 63, большом рассказе о ранней истории Вифинского царства, идет речь и об основаниях тамошних городов, чем он по содержанию отчасти примыкает и к предыдущему блоку III, 2.

По отзыву Фотия, в «Вифинике» Арриан «начинает *изложение*, как говорится, от мифических времен истории, заканчивает же смертью последнего *царя* Никомеда, который, умирая, оставил царство римлянам по завещанию» (fr. 1). Таким образом, «Вифиника» включала мифологическую предысторию и хронологически последовательное изложение реальной истории Вифинии, больше того, дошедшие до нас фрагменты показывают, что история Вифинии дана в широком контексте мифологии, истории, географии, этнографии и прочего Греции, Фракии, Западной Малой Азии. Греция и Фракия интересуют Арриана как прародина вифинов, а фракийцы и фригийцы потому, что родственны им (это выделенный нами раздел I). Такому выводу соответствует и содержание двух фрагментов, принадлежность которых к 1 и 2 книгам «Вифиники» известна[4]. От книги 5 сохранились fr. 4–7, все они посвящены географии Вифинии, именно ее городам (Астак, Герея, Мегарик, Никомедия, Вифинополь); Греция – источник названий вифинских городов, таковы Герея, Мегарик. Остальные фрагменты не имеют привязки к конкретным книгам, но издатели «Вифиники» резонно располагают материал по принципу от мифологического к историческому, от раннего к позднему. (Здесь у Ф. Якоби и А. Роса много общего, но немало и различного в компоновке фрагментов).

В разделе I, уделенном географии и этносам, самый крупный блок фракийский (fr. 13–21): фракийцы европейский и азиатский народ, эпонимы Фин, Вифин, Мис происходят от Одриса (он фракиец). Затем следует предыстория вифинов, увязанная с мифологизированной предысторией Греции, Троянской войной (fr. 22–36, 64, 69), говорится и о родственных по эпонимам пафлагонах, киликийцах, бебриках, также о термодонтских амазонках (fr. 20, 30, 38, 48–51).

В выделенном нами разделе II, как сказано, содержатся материалы по мифологии, религии, культам ряда областей, народов, местностей, островов. Здесь много объяснений имен географических объектов по эпонимам (типа Нил назван по Нилу, потомку

[4] Fr. 2 из первой книги: Олимп – это гора в Мисии (география). Во fr. 3 из второй книги речь идет о Девкалионе, установлении культа Зевса в Аргосе, Немее; это начало как бы реальной греческой истории в понимании логографов.

Атланта, – fr. 61), но это природные объекты и этносы, но не города. По этой причине рассказ об ойкисте Фанагоре, давшем имя основанному им городу, не принадлежит к разделам I и II. Его место в историческом разделе III, который, как сказано, включает известия о ранней этнической истории (блок III, 1), истории с IV в. до н. э. до смерти Ганнибала (блок III, 2), в т. ч. эпизоды истории Вифинского царства (fr. 37, 54, 63, 65, 66, 71); также эпизоды, связанные с колонизацией и основанием городов, как ранней эпохи, так и времени Вифинского царства (блок III, 3).

Рассказы о ранней этнической истории (блок III, 1) уделены фригийцам, мисам, скифам, киммерийцам. Подобно фракийцам фригийцы, мисы – и европейские народы и азиатские, они перешли из Европы в Азию; киммерийцы дошли до Вифинии. Но фракийцы, перейдя из Европы в Азию, изгнали их из Вифинии; в смежной Пафлагонии, когда у мариандинов основывали город Гераклею, киммерийцы, объевшись аконитом, впали в полосу неудач (fr. 8–11, 19, 43, 44). Исторически особенно интересен рассказ о скифах и фракийцах: скифы были оседлыми земледельцами, но фракийцы нанесли им столь тяжкое поражение, что они стали кочевниками (fr. 54, о нем подробней ниже). По времени сюда относится также блок III, 2 с известиями о колонизации и основании городов, как ранней эпохи, так и времени Вифинского царства (fr. 5, 7, 33, 37, 63). Именно тут место по содержанию и фрагменту 55 с рассказом об ойкистах и основанных ими городах Фанагория да Гермонасса. В блоке III, 3 наличествуют эпизоды истории Вифинии с IV в. до н. э. (от царя Зипойта) до смерти последнего царя Никомеда, передавшего царство римлянам; с теми же римлянами органично сочетается включение оракула, предрекшего случившуюся в 183 г. смерть Ганнибала в вифинском городке Либисса (fr. 63, 65, 66). В большом рассказе о ранней истории Вифинского царства (fr. 63), как сказано, ведется речь и об основаниях тамошних городов, чем он по содержанию отчасти примыкает к предыдущему блоку III, 2. Рассмотрим известия блока III, 2.

В рассказе об основании Халкедона (fr. 37) соединено историческое и мифологическое: по Арриану, этот город соименный сыну Зевса Халкедону; по его имени названа река, а когда в последующие времена дорийцы основали тут город, он получил имя по реке. Сюда прилежит и рассказ о зависимости халкедонян от персов в V в. при сатрапе Фарнабазе. Сын Деметры и Иасиона Парион как ойкист стал эпонимом городка Парион на Геллеспонте (fr. 33); того же свойства отрывочные известия фрагментов 5, 7: «Астак, город Вифинии, *назван* по Астаку, сыну Посейдона и Ольвии», «город Вифинополь, *назван* по Вифину». Напротив, вполне реальны основатели городов в чисто историческом по характеру подробном рассказе о раннем Вифинском царстве (fr. 63): «сын Зипойта Никомед основатель Никомедии», внук его «Прусий основатель *города* Прусы». Таким образом, названия упомянутых городов в рассказах Арриана об их основании эпонимные, они соименны ойкистам – и вымышленным и реальным. Лакмусовая бумажка рассказа о Фанагоре и Фанагории, Гермоне и Гермонассе – отсутствие мифологических предков Фанагора и Гермона; именно это отличает их от названий типа Астака, только по одной этой причине они историчны – это реальные ойкисты соименных городов. Но мы верифицируем этот вывод и другими данными: вымышленная или реальная суть сообщения Арриана о Фанагории, Гермонассе и их основателях зависит от характера использованных им источников, его мы и выясним далее.

2) Гелланик и Гекатей как исходные источники рассказа Арриана о Фанагории, Гермонассе и их основателях

В качестве источника в подобном плане Арриан упоминает поэта III в. до н. э. Ликофрона (fr. 29, 32 *cum adnot.*; fr. 59), у которого в поэме «Александра» идет речь об основаниях городов Средиземноморья возвращавшимися из-под Трои героями. Судя по параллельности двух рассказов (о местности Батейа и о другом имени персов кефены), источником Арриана был также Гелланик (fr. 32 *cum adnot.*, fr. 53 *cum adnot.*). Заимствованные Аррианом известия Ликофрона и Гелланика мифологичны применительно к местностям, островам, областям и прочим природным объектам (например, Европа названа по дочери Агенора Европе, местность Батейя в Троаде получила имя по жене Дардана и т. д.) вследствие эпонимного происхождения их имен (это фрагменты, сгруппированные нами выше в разделах I и II). Но есть и вполне историчное заимствование Арриана у Гелланика: «те персы, столица которых Вавилон, некогда назывались кефенами» (fr. 53 *cum adnot.*). Имея в виду выявленную нами [Яйленко, 2012, с. 493–496] причастность Гелланика к известиям Псевдо-Скимна об основаниях городов в Причерноморье, можно думать, что и сообщение Арриана об основании Гермонассы могло восходить к этому милетскому логографу. Он любил местные мифологемы и ктисис-предания, т. е. в его рассказах об основаниях городов соединено мифологическое и историческое [Christ, 1890, S. 274, 279–280]). Таким по характеру можно бы счесть и рассказ Арриана: «города Фанагория и Гермонасса, *основанные* ионийскими колонистами, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по которым названы эти места. Так свидетельствует Арриан: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, *названная по* Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое имя»» (перевод наш)[5]. Как видно, с одной стороны, это вполне историческое по характеру известие об основании Фанагории и Гермонассы ойкистами, с другой, к нему добавлена экзегеза о жене Семандра Гермонассе, ставшей правительницей и эпонимом города, вполне народноэтимологическая по характеру: жена реального ойкиста Семандра Гермонасса появилась из попытки объяснить название города[6]. Напротив, как сказано, известие Евстафия – Арриана, что Фанагория и Гермонасса получили названия по именам ойкистов Фанагора и Гермона, вполне историчны и, скорее всего, оба восходят к Гекатею, по

[5] Греческий текст Арриана (Bith. fr. 55 Roos) сохранил Евстафий (Comm. in Dion. Per. 549 = SC 1, p. 198): Φαιναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα, Ἰώνων ἄποικοι πόλεις, ὧν ἡγήσατο Φαιναγόρας τις καὶ Ἕρμων, ἀφ᾽ ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησί· Φαναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαναγόρας ὁ Τήιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν. ἔτι δὲ Ἑρμώνασσα ἐπὶ Ἑρμωνάσσῃ τῇ γυναικὶ Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός, οὗ τινας τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστήσαντος καὶ θανόντος ἐν τῷ τῆς πόλεως οἰκισμῷ, ἡ γυνὴ τῆς τε πόλεως ἐγκρατὴς ἐγένετο καὶ τὸ ἑαυτῆς ὄνομα τῇ πόλει ἐπέθετο. Вообще-то цитата Евстафия из Арриана могла бы ограничиваться фразой о Фанагоре и Фанагории (т. е. заканчиваться на словах «бежав от насилий персов»), так что текст о Гермонассе принадлежит Евстафию. Однако это не так, ибо Евстафий вслед за Дионисием говорит о городах Фанагория да Гермонасса и их основателях, поэтому и издатель Евстафия К. Мюллер (*см.* [SC 1, p. 198]) и издатели «Вифиники» Арриана с полным основанием дают рассказ Евстафия о Фанагории, Гермонассе и их ойкистах, как цитату из Арриана.

[6] При историческом характере сообщения Арриана об основании Фанагории и Гермонассы упоминание жены ойкиста Гермонассы происходит из характерного для логографов стремления объяснить название города по эпониму. Эта экзегеза неуклюжа, ибо перед нею Евстафий определенно указал, что Фанагория и Гермонасса получили названия по именам ойкистов Фанагора и Гермона. См. ниже § 6 о происхождении названия Гермонасса.

меньшей мере, о Фанагоре: «Фанагория, полис, *названный* по Фанагору, *как свидетельствует* Гекатей в *книге* «Азия»» (*St. Byz., s.n.* Φαναγόρεια). Гекатей тоже любил мифологические предания (написал легендарные «Генеалогии»), что сказалось и на «Периэгесе», хотя в целом последняя точна географически и исторически [Christ, 1890, S. 277–278].

Однако лишь в ключе зависимости от Гекатея и (или) Гелланика решать вопрос о происхождении исследуемого пассажа Арриана нельзя, так как этому препятствует его стилистика. В этом отношении данный рассказ стоит одиноко в числе тех нескольких «колонизационных» фрагментов, которые мы сгруппировали в блоке III, 2. Для сравнения приведем два наиболее крупных. Fr. 37: «город халкедонян соименный сыну Зевса Халкедону, по имени которого сначала протекающая там река названа Халкедон; затем в последующие времена, когда дорийцы основали тут город, он получил имя по реке». Fr. 63: «Сей Никомед, Зипойта сын, основатель Никомедии, он отец того Прусия, у которого из всех зубов был один. Он отец того однозубого Прусия, основателя города Прусии при Олимпе». Стилистика рассказа Арриана о таманских городах и их основателях существенно фактологичнее сравнительно с логографами и по этому признаку чуть ближе, например, к ктисис-повествованию Фукидида об основании греческих городов на Сицилии, который тоже содержит упоминания о двух-трёх ойкистах одной партии колонистов, и о смерти ойкиста. К примеру, пассаж VI, 4, 3: «На сорок пятом году по основании Сиракуз Антифем вывел колонистов с Родоса, а Энтим с Крита и общими силами основали Гелу; городу дано название от реки Гелы»; VI, 5, 1: «Гимера основана Занклою под руководством Евклида, Сима и Сакона; большинство вышедших в колонию были халкидяне»; VI, 4, 1: ойкист города Тротила на Сицилии мегарец Ламах «основал Тапс и погиб»[7].

Эта близость стилистики исследуемого рассказа Арриана к документальному ктисису показывает, что текст Арриана не заимствован непосредственно из сочинения Гекатея и (или) Гелланика, а взят из какой-то фактологической их переработки. Этому соответствует и вполне историческая по характеру подробность рассказа Арриана об основании Фанагории теосцами, которые выселились со своего острова во избежание насилий со стороны персов. Оно подтверждается свидетельством Геродота (I, 164–168): персидское завоевание Ионии и Эолии вынудило к эмиграции жителей Фокеи и Теоса, одни из которых переселились в другие города, другие вернулись, третьи основали новые колонии. Теосцы реколонизовали ок. 543 г. Абдеру [Danov, 1985, S. 52–54] и, по привлекательной мысли В. Д. Кузнецова [2001, с. 227–233], оттуда основали Фанагорию. Поскольку Евстафий сначала назвал ойкистов Фанагора и Гермона, а затем пересказал текст Арриана о Фанагоре («так свидетельствует Арриан: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов»»), очень вероятно, что и упоминание о Гермоне Стефан взял у Арриана, т. е. в конечном счете оно тоже заимствовано у Гекатея – Гелланика. Но, подчеркнем еще раз, непосредственным источником пассажа Арриана было сочинение какого-то автора, который развернул рассказ этих логографов в фактологическое повествование. Как увидим ниже, это Эфор (его фрагменты – FGH 70) и Деметрий Каллатиец[8].

[7] Пер. Ф. Г. Мищенко. Сицилийский ктисис Фукидида восходит к сиракузскому историку V в. Антиоху.

[8] Деметрий Каллатийский писал в конце III – II в. до н. э.: ему известна смерть сиракузского тирана Гиерона в 216 г. Сохранилось несколько фрагментов у Псевдо-Скимна и самый большой у Страбона (I, 3, 20) о землетрясениях [FHG IV, p. 380–381; FGH 85].

3) Реконструкция рассказа Арриана о Фанагории, Гермонассе и скифах

Дионисий Периэгет, поэт времени Домициана или Адриана, использовал в своем «Описании ойкумены» среди прочего стихотворный же перипл Псевдо-Скимна. Если Псевдо-Скимн, двигаясь по периплу с запада на восток, сначала вел речь о Танаисе, сарматах, меотах, Тамани, то Дионисий извлек упоминание об острове с городами Фанагория и Гермонасса из описания Боспора и соединил его со стихами об острове Ахилла (Per. ст. 541–553). Перейдя в дальнейшем к Боспору Киммерийскому и Кавказу, он следует той же традиции, что и Псевдо-Скимн (ст. 652–682): близ Меотиды обитают воинственные меоты и савроматы, происходящие от амазонок, также киммерийцы; тут и Танаис (Кубань), текущий с Кавказа; ведется речь и о холодах Скифии, но применительно к Танису-Дону; далее говорится о приморских народах Северного Кавказа – керкетах, гениохах и пр.

Что искомый источник рассказа Арриана фактологичен, показывает контекст известия Арриана о Фанагории и Гермонассе в рамках комментария Евстафия к Дионисию. Рассмотрим для этого контекст повествования Евстафия, в который инкорпорирован рассказ Арриана. В комментариях к стихам Дионисия о Скифии Евстафий называет своими источниками сочинения Геродота, Страбона, Ликофрона, Арриана. Приморская часть Северного Причерноморья описана близко к Страбону, народы внутренней Скифии в основном охарактеризованы по Геродоту. В интересующем нас пассаже об острове Ахилла дана парафраза из «Александры» Ликофрона (ст. 186–201), но к следующему за этим рассказу Дионисия и Евстафия о таманском острове она отношения не имеет – он дан по Арриану. Приведем комментарий Евстафия к ст. 549 Дионисия об этом острове [перевод: SC 1, p. 198]: «Внутри Меотийского озера остров, на котором лежат города Фанагора и Гермонасса, колонизованные ионянами под предводительством некоего Фанагора и Гермона, по имени которых и названы *эти* места. Арриан же говорит так: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Затем Гермонасса, *названная по имени* Гермонассы, жены некоего митиленца Семандра: он отвел в колонию некоторых эолян, но умер при основании города, и *после его смерти* жена его овладела правлением в городе и дала ему свое имя. Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором, здесь самое узкое место пролива *шириною* в 20 стадий. Живущие вокруг Меотиды воинственны, преданы земледелию и после скифского племени первые по силе; от них-то, как некоторые говорят, дано и название Меотиде. Говорят также, что и все следующие за ними скифы прежде когда-то питались хлебом и занимались земледелием, но потом, переменив *образ жизни*, сделались кочевниками, стали жить особняком и без городов; о причине этого будет сказано после». Весь процитированный текст отличается цельностью, логическим переходом от одного к другому, по содержанию это единый блок: остров внутри Меотиды с Фанагорией и Гермонассой > ее устье Боспорский пролив > тамошние жители (меоты) воинственны, занимались земледелием, но переменили образ жизни.

Обещание рассказать о переходе скифов от оседлости к кочеванию Евстафий выполнил в комментарии к ст. 669. Как сказано, упомянув реку Танаис, Дионисий перешел к Боспору: говорит о воинственных меотах и савроматах, происходящих от амазонок, упоминает и киммерийцев, ведет речь о холодах Скифии. Евстафий комментирует эти стихи Дионисия со ссылками на Геродота и Арриана. Поведав по Геродоту о холодах в Скифии, он пишет далее [перевод: SC 1, p. 201]: «Такова вся земля

скифов, о которых Арриан рассказывает, что они прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города, но после нанесенного им фракийцами поражения изменили прежний образ жизни и поклялись великою клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобретать драгоценного имущества, но сделать своими жилищами телеги, пищей – звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей – молоко, а скота держать не более, чем сколько можно переводить при переселении из одной страны в другую; и вот с этого-то времени они из земледельцев сделались кочевниками». За сим Евстафий вспомнил Анахарсиса, со ссылкой на Геродота (IV, 46), и в комментарии к ст. 680 Дионисия упомянул савроматов, синдов, киммерийцев.

По мнению Г. Вирта, рассказ о перемене образа жизни скифов (напомним, у А. Роса это fr. 54 «Вифиники»), скорей, принадлежит к «Парфике» Арриана. Этот же по существу текст, считает Вирт, представлен и в конце комментария Евстафия к ст. 546–549 (от слов «живущие окрест Меотиды воинственны, преданы земледелию... » до конца). А поскольку один текст не может дважды фигурировать в «Вифинике», один из них принадлежит «Парфике»[9]. Полагаем, Г. Вирт заблуждается: во-первых, именно «Вифиника» содержит массу экскурсов в этническую историю разных народов Причерноморья, тогда как в «Парфике» таких экскурсов вовсе нет; во-вторых, оба текста о перемене нравов скифами не обязательно соотносить в качестве равноценных: в комментарии к ст. 546–549 Евстафий дал просто предварительное изложение, конспект того текста, который уже со ссылкой на Арриана полностью привел в комментарии к ст. 669. В рассуждениях Г. Вирта важно для нашей темы одно - указание, что последняя часть комментария Евстафия к ст. 546–549 о перемене скифами образа жизни принадлежит Арриану. Это бесспорная констатация факта, и из него следует, что весь комментарий к ст. 546–549 Евстафий взял из Арриана: и рассказ об ойкистах таманских городов, и предварительный рассказ о перемене образа жизни скифами. А источник данного рассказа о скифах тоже бесспорен – это Эфор с его программной идеализацией скифов, бедного и живущего в природной простоте народа (*см*. о ней и специально об этом фрагменте [Тахтаджян, 1997, с. 201–204; 2001])[10].

Текст Евстафия содержит еще одно скрытое указание на пересказ Эфора. В комментарии к ст. 666, 669 Дионисия Евстафий говорит о холодах в Скифии, там обитают кочевники, зимой море и Боспор замерзают (ссылка на Геродота); затем следует ссылка на Арриана в рассказе о перемене образа жизни скифами, и заканчивается он упоминанием Анахарсиса из числа знаменитых людей Скифии. Этот же рассказ есть у Страбона (VII, 3, 9), где он пространно излагает данные Эфора.

К Эфору мы обратимся далее, а здесь констатируем, что все изложенное позволяет реконструировать контекст Арриана, включающий рассказ об основании таманских городов, следующим образом:

[9] Комментарий Г. Вирта в кн. [Roos, 1968, p. 339].

[10] Этому соответствуют слова Арриана, что скифы «изменили прежний образ жизни и поклялись великою клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобретать драгоценного имущества, но сделать своими жилищами телеги, пищей – звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей – молоко».

«Внутри Меотийского озера остров, на котором лежат города Фанагория и Гермонасса. Фанагорию основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Затем Гермонасса, *названная по имени* Гермонассы, жены некоего митиленца Семандра: он отвел в колонию некоторых эолян, но умер при основании города, и *после его смерти* жена его овладела правлением в городе и дала ему свое имя. Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором, здесь самое узкое место пролива *шириною* в 20 стадий. Живущие окрест Меотиды воинственны, преданы земледелию и после скифского племени первые по силе[11]. Скифы прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города, но после нанесенного им фракийцами поражения изменили прежний образ жизни и поклялись великою клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобретать драгоценного имущества, но сделать своими жилищами телеги, пищей – звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей – молоко, а скота держать не более чем сколько можно переводить при переселении из одной страны в другую; и вот с этого-то времени они из земледельцев сделались кочевниками»[12].

4) Развитие античной географической традиции об острове с Фанагорией и Гермонассой

Надписи I–II вв. н. э. (КБН 40, 697, 982, 1000) упоминают должность ὁ ἐπὶ τῆς νήσου «губернатор острова». В течение всего античного времени Киммерийский Боспор был проливом с двумя протоками, одна из которых функционирует поныне между европейским берегом и Таманью да Фонталом. Поскольку же Тамань да Фонтал были в античности островами, между ними и материком шло второе течение пролива, который исследователи российско-германской группы реконструировали и удачно назвали Кубанским Боспором [Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014, p. 212–214; Журавлев и др., 2015, с. 107–115]. Античным авторам известны «остров Фанагора» и «остров Гермонасса», наиболее раннее известие у Гекатея (apud *St. Byz., s.nn.* Ταυρική и Ἑρμώνασσα): «Город Фанагория, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: «остров Фанагора и Фанагория»; Гермонасса маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония»[13]. Далее следует группа авторов II-I вв. до н. э. – II в. н. э.: Псевдо-Скимн, Страбон, Мела, Плиний, Дионисий Периэгет; завершают традицию Стефан Византиец и Евстафий. Рассмотрим их сообщения.

Поэт-географ II–I в. до н. э. Псевдо-Скимн в ст. 874–885 переходит от описания Европы к Азии, граница которых река Танаис, упоминает обитающих на нем сармат

[11] Это текст Евстафия [*comm. ad Dion*. Per. 549 = SC 1, p. 198]. Текст до слов «Устье Боспора» = *Arr*. Bith., fr. 55 Roos. Со слов «Скифы прежде питались хлебом» следует другой текст Евстафия [*comm. ad Dion*. Per. 669 = SC 1, p. 201 = *Arr*. Bith., fr. 54 Roos].

[12] Памятуя, что Дионисий извлек из рассказа о насельниках Боспора изложение об острове с Фанагорией и Гермонассой для соединения его с рассказом об острове Ахилла, в тексте Арриана можно поменять местами рассказы о таманском острове и перемене образа жизни скифами. Такой последовательности придерживался А. Рос, у которого это соответственно фрагменты 54 и 55.

[13] Продолжая этот пассаж о Гермонассе, Стефан перепутал таманский и трапезунтский соименные города: «Менипп в «Перипле» двух морей называет ее (Гермонассу) местечком Трапезунта; Гекатей и Феопомп говорят, что это город». Так как начало заметки Стефана о Гермонассе идентично заметке об «острове Фанагора», известие об «островке Гермонасса» также атрибутируют Гекатею (fr. 208, 212 Jac.).

и продолжает[14]. «За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов» (далее говорится о сожительстве савроматов с термодонтскими амазонками). Упомянув меотов, в ст. 886–899 [= SC 1, p. 90] Псевдо-Скимн переходит к Тамани: «Затем следуют Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и Синдская гавань, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли на Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной *от моря* стороне, с другой – благодаря морю и озеру. При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами»[15]. В данном пассаже Псевдо-Скимна ценно указание на Эфора и Деметрия Каллатийца в качестве источников (это мы рассмотрим далее). В географическом отношении важнейшую роль играет описание острова с Фанагорией и Гермонассой – это путеводная нить, которая позволяет построить стемму данной традиции, т. е. проследить формирование рассказа Арриана о сих городах.

Если Гекатей различает острова́ Фанагора и Гермонассы (второй у него «маленький»), то у Псевдо-Скимна фигурирует один остров. Ситуацию разъясняет Страбон (XI, 2, 9–10): «Над Корокондамой лежит очень большое озеро, называемое от этого селения Корокондамитидой. В 10 стадиях от селения озеро изливается в море. В озеро впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. Некоторые называют и эту реку Гипанисом подобно реке у Борисфена. При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур – святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города за Гипанисом в Синдской области» (пер. Г. А. Стратановского). Здесь Корокондамитида – Таманский залив; выражение «он изливается в море» означает, что он впадает в Кизилташский и (или)

[14] Он писал при Никомеде I, II или III, т. е. во второй пол. II или начале I в. до н. э. Свою Периэгесу, сиречь «Описание земли» (это поэма, написанная ямбами), он начал с Испании и Ливии, двигаясь на восток в основном по периплу, т. е. по прибрежным местностям – говоря преимущественно о прибрежных городах и окружающих народах. Далее описаны Южная Италия, Сицилия, Адриатика, Пелопоннес, перечислены города побережья от Аттики до Македонии, Пропонтиды, Геллеспонта. Затем Псевдо-Скимн переходит к описанию Понта, но после нескольких строк о Фракии (до ст. 724) единственная парижская рукопись этого сочинения (ее обозначают литерой D) обрывается. Уже в 1628 г. Д. Холштен подметил стилистическую и содержательную общность «Перипла» Псевдо-Скимна и Псевдо-Аррианова «Перипла Понта Евксинского» V-VI в. н. э., что позволило получить общее представление о дальнейшем тексте Псевдо-Скимна, посвященном описанию городов Причерноморья от Аполлонии во Фракии через Северное Причерноморье до Синопы и Гераклеи на южном побережье Понта. Позднее для реконструкции черноморской части «Перипла» много сделали М. Летрон [Letronne, 1840, p. 331–420] и К. Мюллер [GGM I, p. 196–237]. Уточненный текст описания Черноморья, начиная со ст. 722, дал О. Диллер по рукописи B «Перипла Понта Евксинского» (кодексы из Ватопеда, Британского музея и Парижской нац. б-ки), а также по двум старым апографам парижской рукописи D [Diller, 1952, p. 165–176] (об истории реконструкции текста – Ib., p. 54 f.). Есть и новое издание [Marcotte, 2000], но в нем относящийся к Причерноморью текст разделен на фрагменты, что лишило его цельности, существенной для нашей источниковедческой и исторической интерпретации. Для нашей задачи вполне приемлемо издание К. Мюллера, по которому и даем нумерацию строк поэмы. Подробный разбор сведений Псевдо-Скимна об основании северочерноморских городов [Яйленко, 2012, с. 489–496; 2017, с. 172–183].

[15] Далее следует лакуна в реконструированном тексте Псевдо-Скимна, а со ст. 900 уже идет речь о закавказских моссиниках.

Цукурский лиман; «рукав реки Антикита» – скорее черноморское русло р. Кубань (но не нынешнее течение р. Кубань через Темрюк), так как Гермонасса и Кепы оказываются южнее реки, в Синдике[16].

Данные Страбона о Боспорском проливе и островах в нем более подробны и детализованы сравнительно с рассказом Псевдо-Скимна. Последнему известны Фанагория, Гермонасса, Кеп, Синдская гавань, Киммерида, на таврическом берегу Пантикапей. У Страбона на таманском побережье фигурируют наряду с ними также Корокондама, Апатур, памятник Сатиру и пр. Здесь он следует некоему периплу, и поскольку в параграфе XI, 2, 14, говоря о Батах, упомянул Артемидора, считается, что для описания прибрежных областей Страбон основывался главным образом на его перипле, хотя использовал и другие данные [Грацианская, 1988, с. 63–66, лит.]. Лакмусовая бумага сведений Артемидора – упоминание стадий между прибрежными пунктами. В Северном Причерноморье Страбон давал расстояния в стадиях от Истра до Бат (VII, 3, 15 – V, 5; XI, 2, 2–14), так что в основе описания приморских пунктов у него лежит перипл Артемидора, составленный в 104–100 гг. до н. э. Нам интересно выяснить соотношение периплов Псевдо-Скимна и Артемидора, чтобы знать, учитывал ли последний сведения Эфора и Деметрия Каллатийца в описании Боспора, которыми воспользовался Псевдо-Скимн, и в частности, в рассказе об острове с Фанагорией и Гермонассой. Это соотношение вырисовывается из сведений Псевдо-Скимна об основании городов Западного и Северного Понта. Приморские пункты тут Псевдо-Скимн описал по периплу Деметрия Каллатийца (ст. 718–720), – описав Фракийский Боспор, он отмечает: «Затем следует Понт, со знанием дела описанный Деметрием Каллатийцем, последуем за ним в описании местностей по отдельности». Говоря затем о побережье Западного и Северного Понта, Псевдо-Скимн еще два раза упомянул Каллатийца (ст. 796, 878–880) – в рассказе об устье Истра и острове Ахилла (Левке), а также в пассаже о населении северо-востока Меотиды: за сарматами следует меотийское племя, по Деметрию, называемое язаматами, а по Эфору савроматами.

Поскольку сведения о городах Западного Понта Псевдо-Скимн, бесспорно, дал по периплу Каллатийца, можно твердо заключить, что характерной чертой последнего является не только указание на происхождение основателей, но также на время основания (ст. 730–796). Вот эти сведения: милетяне основали Аполлонию лет за 50 до царствования Кира; Одесс в то время, когда Астиаг правил Мидией, а Истрию, когда скифы вторглись в Азию, преследуя киммерийцев; калхедонцы и мегаряне основали Месембрию, когда Дарий выступил на скифов; Каллатис основали гераклейцы в то время, как власть над

[16] *Ср.* [Агбунов, 1987, с. 89–90]. Сообщение Мелы (I, 112 = SC 2, p. 118) разъясняет, что искомый остров образуют два рукава Кубани, называемой им Коракандой, один из которых впадает в Понт (море: Pontum, mare), другой в Меотиду (Болото, озеро: Paludem, lacum): «Затем выступает к Боспору между Понтом и Болотом косая и широкая полоса земли, которой река Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает почти вид острова. Там лежат четыре города: Гермонасса, Кепы, Фанагория и у самого устья Киммерий». По Плинию (IV, 87), на Боспоре Киммерийском «лежат города Гермисий и Мирмекий, а внутри остров Алопека (intus insulam Alopecen)». Поскольку острова Алопека при устье Танаиса у Плиния нет, видимо, он ошибочно перенес название Алопека на Таманский остров, но настаивать на этом нельзя. Резюмирует известия об искомом острове заметка Стефана Византийца (*s.n.* Ταυρική = SC 1, p. 266): «К Таврике примыкают два острова – Фанагора и Гермонасса».

македонцами обрел Аминта[17]. Относительно городов Северного Причерноморья такой ясной картины у Псевдо-Скимна нет: как сказано, Деметрий упомянут лишь раз, и не в рассказе об основании городов, а о скифском населении (язаматах) северо-востока Меотиды. Ситуация осложняется тем, что народы Скифии от карпидов на западе до савроматов и саков на востоке, а также большие географические объекты Псевдо-Скимн описал со ссылками на Эфора (ст. 835–873: о реке Борисфен и Гилее, о савроматах, о реках Танаис да Аракс). Поскольку рассказы об основаниях городов часты у Эфора, ктисис городов Северного Причерноморья Псевдо-Скимн мог дать не только по Деметрию, но и по Эфору.

Перечислим относящиеся сюда данные Псевдо-Скимна (ст. 804–899): Ольвию основали милетяне «во время мидийского владычества»; гераклеоты основали Херсонес Таврический по оракулу совместно с делосцами (без даты); Пантикапей просто упомянут; Фанагория основана теосцами, Кепы милетянами. Как видно, дата основания указана только для Ольвии, и по этой причине автором сведений о ее основании можно признать Каллатийца, однако, как сказано, упоминание Гилеи сопровождено отсылкой к Эфору, так что точного заключения об авторстве рассказа об основании Ольвии сделать нельзя – это может быть и Каллатиец и Эфор. В рассказе об основании Херсонеса, Фанагории, Кеп упомянуто только происхождение колонистов, дат нет, и это может быть понято так, что сии сведения Псевдо-Скимн позаимствовал не у Каллатийца, а у Эфора, по которому описано население и важнейшие географические объекты Скифии. Однако это не единственно возможное толкование. В перипле Артемидора (у Страбона) в рассказе о городах Западного и Северного Причерноморья также даны сведения о происхождение колонистов, но дат тоже нет. Вот эти сведения (по Страбону – VII, 6, 1): Аполлонию, Одесс, Истрию основали милетяне; Месембрия колония мегарцев, Каллатис колония гераклейцев; Навлох город месембриян, Финиадой и Анхиалом владеют аполлониаты. Города Северного Причерноморья у Артемидора (по Страбону – VII, 3, 17; IV, 2; 4; XI, 2, 3): Ольвию основали милетяне; Херсонес Таврический колония гераклейцев; Пантикапей основан милетянами, Танаис боспорцами.

Отсюда можно заключить, что Артемидор следовал в описании городов Западного Понта, а также Ольвии и Херсонеса периплу Каллатийца, но даты основания опустил: перипл Артемидора имел практические цели, поэтому там они излишни. По этой причине можно думать, в качестве альтернативы авторству Эфора, что в рассказе об основании Пантикапея милетянами Артемидор по-прежнему следует периплу Каллатийца. Однако у него это известие одиноко: при упоминании прочих городов Боспора – Феодосии, Нимфея, Фанагории, Гермонассы, Кеп и др. – сведений об основателях нет. Из всего изложенного можно заключить, что какое-то описание Боспора у Каллатийца было: судя по Псевдо-Скимну, велась речь об основании Фанагории теосцами, Кеп милетянами, также рассказывалось о народах Боспора и прилегающих областей (со ссылкой на него

[17] Также в рассказе Псевдо-Скимна об основании городов Южного Понта сообщены даты (ст. 958–975), что определенно указывает на авторство Каллатийца в отношении Гераклеи: ее основали беотийцы и мегаряне «в те времена, когда Кир овладел Мидией», а также Синопы (ст. 941–952, 972–875). Сложней дело обстоит с Амастрией: ее основали милетяне, когда дочь Оксиатра (брата персидского царя Дария) вышла замуж за тирана Гераклеи Дионисия (ст. 958–967). Казалось бы, это Каллатиец, но такой рассказ Страбон (XII, 3, 10) сопроводил ссылкой на Эфора.

Псевдо-Скимн упомянул язаматов). Однако в целом Псевдо-Скимн отдал предпочтение в описании населения и географии региона Эфору. Страбон же, судя по обстоятельному и подробному описанию этнического состава и географии Боспора и соседних областей, использовал наряду с общими сведениями Эфора (со ссылкой об этом на него: VII, 3, 9) детализованные известия историков Митридатовых войн, перипла Артемидора и каких-то других авторов[18]. В описании Черноморья Страбон следовал свойственному периплам ходу с запада на восток, как у Каллатийца, Псевдо-Скимна, Артемидора. Страбон не знает Скимна, однако мы видели, что ряд известий Страбона и Псевдо-Скимна восходит через Артемидора к общему источнику – к Деметрию Каллатийцу: это рассказ о городах Западного Понта, Ольвии и Херсонесе Таврическом, возможно, также о Пантикапее. Страбон (I, 3, 20) хорошо знает Каллатийца – подробно пересказывает его сведения о землетрясениях в Греции, это позволяет думать, что и в описании Южного и Западного Понта он непосредственно обращался к его периплу. Для описания географии Таврики Страбон мог использовать трактат жившего в первой половине II в. до н. э. историка и географа, ольвиополита по происхождению, Посидония «О стране, называемой Таврикой»[19].

Теперь сравним описания острова с Фанагорией и Гермонассой у Псевдо-Скимна и Артемидора (Страбона). Как сказано, у первого фигурирует один остров, у второго два. Согласно Псевдо-Скимну (ст. 886–899 = SC 1, p. 90), «затем следуют Гермонасса и Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и Синдская гавань, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли на Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной *от моря* стороне, с другой – благодаря морю и озеру. При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами». Упоминание основателей всех перечисляемых городов может указывать на перипл Каллатийца как источник сообщения, но отсутствие дат не позволяет утверждать это наверняка.

Вовсе иной по содержанию и характеру рассказ Страбона о Тамани, который определенно заимствован в своей основе у Артемидора, так как описание дано с моря и указано расстояние в стадиях от г. Корокондамы до озера. Вкратце содержание (*см*. текст выше) сводится к известию о большом озере по имени Корокондамитида, в него впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. При въезде в озеро находятся Фанагория, Кепы, Гермонасса, Апатур, при этом первые два города расположены на острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные за Гипанисом. Это иная традиция сравнительно с Псевдо-Скимном, так что Артемидор, следовавший в описании городов от Аполлонии до Херсонеса Таврического, Каллатийцу, дал Боспор по иному источнику. Больше того, детальное до мелочей описание не характерно для Артемидора, так что Страбон сильно расширил его рассказ

[18] Стилистическую характеристику описания Боспора у Страбона *см*. [Грацианская, 1988, с. 133–135].

[19] [Яйленко, 1988, с. 276; 2017, с. 569–570]. Страбон часто упоминает Посидония, однако это в основном писатель II-I в. до н. э. Посидоний из Апамеи. Сведения ольвиополита Посидония Страбон (VII, 4, 3) определенно использовал в рассказе о войне Диофанта и херсонеситов со Скилуром и его сыновьями.

подробными сведениями, заимствованными из какого-то другого сочинения. В описании Боспора наряду с Артемидором Страбон упомянул Эратосфена (II, 1, 16: рассказ о медной гидрии в Пантикапее, растрескавшейся от мороза), а упоминание о двойной победе полководца царя Митридата Неоптолема над скифами на проливе летом в морском бою и зимой на льду (II, 1, 16; VII, 3, 18) взят у историков Митридатовских войн. Эти источники могли содержать подробное описание рельефа Тамани и указания на малые города. Ктисис боспорских городов Страбона не интересовал.

5) Эфор как наиболее вероятный источник рассказа Арриана об основании Фанагории и Гермонассы

Напротив, Псевдо-Скимн, как сказано, охотно уделял внимание сведениям о происхождении колонистов и времени основания городов, заимствуя их из разных источников. В начале своего перипла (ст. 110 *сл.*) он перечислил их: более всего им использованы Эратосфен и Эфор, а также писавшие об основаниях городов Дионисий Халкидский, Деметрий Каллатиец, Клеон, Тимосфен, Каллисфен, Тимей; предпочтение отдаю сведениям тех, кто следовал Геродоту. Но конкретных ссылок на источники у Псевдо-Скимна немного; так, при описании городов Испании, юга Франции, Южной Италии он сослался на Тимея в сообщении об основании Массалии за 120 лет до битвы при Саламине (ст. 209–214). Тем не менее, Эфор действительно занимает видное место в повествовании Псевдо-Скимна – и скрыто, и с упоминанием его имени. Так, известие об основании южноиталийского Регия опунтскими локрами и деятельности тамошнего законодателя Залевка он позаимствовал, без ссылки, у Эфора (это пересказал и Страбон со ссылкой на Эфора: VI, 1, 7–8). Переходя от Италии к Греции, Псевдо-Скимн заявляет: опишу города Эллады, начиная с побережья Адриатики, Этолии, по Эфору (ст. 470 *сл.*). В ст. 543 *сл.* рассказывается, что первыми на море господствовали критяне, они основали на островах ряд городов, как об этом повествует Эфор – Астипалею, Киферу, Саламин.

Главный сюжет нашего очерка – известие Арриана об основании Фанагории теосцами («Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов») – находит параллель в рассказе Псевдо-Скимна о колонизационных предприятиях фокейцев в Западном Средиземноморье. Напомним, первое покорение Ионии персами после 546 г., по словам Геродота (I, 92, 164–168), вынудило к эмиграции жителей Фокеи и Теоса, одни из которых переселились в другие города, другие вернулись, третьи основали новые колонии. Этому вторит Псевдо-Скимн (ст. 250–253): южноиталийскую Элею основали фокейцы, бежавшие из-под персидского гнета (φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά). По Геродоту (I, 168), также теосцы покинули захваченный персами свой город и выселились в Абдеры. Почитавший Геродота Псевдо-Скимн следует ему лишь в указании причины выселения теосцев и употребляет то же выражение, что и в рассказе об основании фокейцами Элеи: φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά. Но историческое по характеру известие Геродота об основании Абдер (город основал клазоменец Тимесий, его изгнали фокейцы, но поселившиеся в Абдере теосцы почитают его как героя) Псевдо-Скимн заменяет мифологизированной версией (ст. 667–671): Абдера названа так по Абдеру, который первым основал город, впоследствии он убит конями Диомеда; «соосновали его и теосцы, бежавшие из-под персидского гнета». Такие признаки, как объяснение названия города по эпониму, соединение

исторического и мифологического характерны как раз для ктисис-рассказов логографов. Но и рассказ Арриана об основании Фанагории теосцами – «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов» (φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν) – по смыслу и лексике то же, что φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά рассказа Псевдо-Скимна о заселении теосцами Абдер. Выше по экскурсу Арриана о бедных скифах мы пришли к заключению о принадлежности Эфору рассказа Арриана об основании Фанагории и Гермонассы. Выявленное содержательное и лексическое схождение фраз Псевдо-Скимна и Арриана о бегстве теосцев из-под гнета персов показывает, что Псевдо-Скимн и Арриан почти буквально, с мелкими изменениями, передали один и тот же текст Эфора.

В имеющихся фрагментах «Всеобщей истории» Эфора наряду с рассказами о разных народах немало известий об основаниях городов, причем о некоторых он рассказывал пространно, сообщая географические данные, местную мифологию, имена ойкистов, полисное устройство, перемены названия, окрестные народы, их нравы и пр.[20]. Эфор выступил с программной идеализацией скифов, бедного и живущего в природной простоте народа в 4-й книге своей «Всеобщей истории», в которой описал этногеографию Скифии по состоянию на середину IV в., его труд использовали Псевдо-Скимн, Страбон, Мела[21]. Эфор – основной источник рассказа Псевдо-Скимна о народах Скифии, начиная с карпидов при Истре и заканчивая савроматами Северо-Восточного Приазовья; тут он неоднократно ссылается на него.

---

[20] FHG I, fr. 31, 32, 35, 72, 73, 78, 83, 85, 92, 93 = FGH II, 70, fr. 25, 26, 38–40, 44, 46, 126, 127, 154, 158/60, 183, 185. В основном это фрагменты, сохраненные Страбоном (VI, 1, 15; 3, 3; VII, 7, 7; VIII, 3, 33; 5, 4–5; 8, 5; X, 2, 26; 4, 8 и 15–20; XIV, 1, 6). К примеру, Эфор рассказывает об основании Эфеса, Милета, о выселках колофонцев, в том числе об основании ими Клазомен; город Энос во Фракии сперва заселили греки из Алопеканесса, затем прибыли эпойки из Митилены и Кимы; беотийцы и мегаряне основали в Понте Гераклею, Лампсак основали фокейцы [FHG I, fr. 31, 32, 35, 73, 83, 93]. По словам Полибия (XXXIV, fr. 1 = *Strabo*, X, 3, 5), Эфор лучше всех рассказывал об основаниях городов. В их числе фигурировали и черноморские города, на что указывает его известие об основателе города Китора на пафлагонском побережье (FHG I, fr. 85 = FGH II, fr. 185 = *Strabo*, XII, 3, 10).

[21] Наиболее полный фрагмент сохранил Псевдо-Скимн (ст. 841–852, 874–885 Müller = SC, 1, p. 89–90): «Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды, потом пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холодов страны, а к востоку за Борисфеном так называемую Гилею населяют скифы, за ними к северу георгои, потом опять простирается на далекое *пространство* пустынная местность, за нею *живет* скифское племя андрофагов, а за ними опять пустыня. По ту сторону Пантикапа живет племя лимнеев и многие другие племена, не имеющие собственных названий, а именуемые вообще номадами: они весьма благочестивы, ни один из них никогда не нанесет обиды живому существу. Они возят с собою кибитки, как говорит *Эфор*, и питаются молоком и скифским доением кобылиц; живут они так, что считают имущество и весь семейный сторой общим. И мудрец Анахарсис, по словам *Эфора*, происходил из самых благочестивых номадов. Некоторые из них пришли в Азию и поселились *там*; их-то и называют саками. Самыми славными из них он (Эфор) называет племя савроматов, гелонов и третье, именуемое агафирсами… (и ст. 874 *сл.*): На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам Деметрия, следует меотское племя, именуемое язаматами, а по Эфору, оно называется племенем савроматов». Обрисовав этногеографию Скифии, Мела (II, 9–15) характеризует нравы ее народностей, в чем, безусловно, следовал Эфору, «Европа» которого завершалась именно таким образом: перечислив народы Скифии от карпиан до андрофагов, Эфор обрисовал идеализированные нравы кочевников (приведенный текст Псевдо-Скимна). Это пересказывает своими словами и Страбон (VII, 3, 9), добавляя новые детали: «Эфор, в IV книге своей «Истории» под заглавием «Европа» описав Европу вплоть до Скифии, говорит под конец, что образ жизни савроматов и прочих скифов не одинаков, потому что одни настолько жестоки, что пожирают людей, другие же, напротив, воздерживаются даже от употребления в пищу всех прочих животных. По словам Эфора, другие писатели рассказывают только об их дикости, так как знают, что страшное и удивительное внушает страх; однако, говорит он, следовало бы также передавать и противоположные факты и брать их за образец для подражания; и сам он поэтому будет говорить только о тех, которые следуют справедливейшим обычаям; ведь среди скифов-кочевников есть какие-то племена, которые питаются кумысом и превосходят всех справедливостью» (пер. Г. А. Стратановского). *См.* обо всем этом [Яйленко, 2013, с. 180–185].

Итак, рассказ об основании таманских городов и о перемене скифами образа жизни Арриан позаимствовал у Эфора. Это не единственное его заимствование в «Вифинике» у этого автора: также в рассказе о происхождении названий малоазийских городов Эфеса, Мирины, Кимы и других от личных имен амазонок Арриан следует Эфору (fr. 49 *cum adnot.).*

Но это не все: Эфор пользовался сочинениями Гелланика, одно из которых как раз посвящено основанию городов – Κτίσεις ἐθνων και πόλεων «Основания народов и городов»[22]. Есть у Гелланика и трактат о скифах – Σκυθικά [FHG I, fr. 170–172; FGH, fr. 64–65, 185–187], чем мы и объясняем 4 синхронизации оснований причерноморских городов Месембрии, Истра и дважды Синопы с вторжениями скифов и киммерийцев в Азию (у Псевдо-Скимна)[23]. Эти соответствия показывают, что Эфор и Деметрий Каллатиец (их пересказывает Псевдо-Скимн) в датированных сообщениях об основании городов Понта и других регионов пользовались сочинениями Гелланика. Подобный случай есть и в «Вифинике»: мифологический рассказ о похищении Кадмом Гармонии и поселении их в Беотии Арриан позаимствовал у Эфора, а тот у Гелланика (fr. 31 *cum adnot.).*

Вторым древнейшим источником рассказа Арриана (из Эфора) об основании таманских городов, как сказано, был Гекатей. К нему восходит известие о двух островах, на которых расположены Фанагория и Гермонасса. Мы навряд ли ошибемся, если сочтем, что все или почти все сведения эпонимного характера, которые собрали в блоках I и II (типа Нил назван по Нилу, сына Атланта) «Вифиники» (*см*. выше, § 1), Арриан прямо или через Эфора позаимствовал у Гелланика и Гекатея. Казалось бы, отсюда можно заключить, что такой же эпонимный характер имеет и известие об основании Фанагории и Гермонассы во fr. 55 «Вифиники»: «города Фанагория и Гермонасса, *основанные* ионийскими колонистами, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по которым названы эти места. Так свидетельствует Арриан: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов»». Однако мы отметили, во-первых, что это сообщение содержит вполне историческое по характеру указание на выселение теосцев из своего города вследствие захвата его персами (*Herod.* I, 168), и это препятствует уравниванию указания на наречение Фанагории и Гермонассы по именам ойкистов мифологической трактовке типа Нил назван по Нилу, сыну Атланта. Во-вторых, мы обратили внимание, что мифологическое понимание эпонимности в «Вифинике» Арриана относится главным образом к названиям географических объектов: рек, островов, народов, а не городов. По этой причине известие об ойкистах Фанагоре и Гермоне, давших имя основанным им городам, ни в коей мере не может принадлежать к разделам I и II сюжетов «Вифиники», наполненным мифологической эпонимностью топонимов и этнонимов. Как сказано (выше, § 1), место этого известия в историческом блоке III, 2–3, который включает сообщения, связанные с колонизацией и основанием городов ранней эпохи, а также времени Вифинского царства.

[22] FGH II, fr. 66–70. Здесь даны разнообразные сведения: где и какие народы обитают, в числе прочих упоминаются и народы Восточного Понта хариматы, керкеты, гениохи, кораксы. Это означает, что в данном сочинении Гелланик писал также о городах всего Понта, однако случайным образом известия об их основаниях не дошли до нас.

[23] Всего таких случаев синхронизации 11. В указанных фрагментах «Скифской истории» Гелланика ведется речь о гиперборeях, алазонах, каллипидах, Борисфене. Подробно о связи сочинений Псевдо-Скимна, Эфора и Гелланика [Яйленко, 2017, с. 173–183].

Предположим все же, что у Эфора (> Арриана) сохранен логографический характер сообщения Гелланика или Гекатея о наречении Фанагории и Гермонассы по именам ойкистов. Проверим это по примерам ктисис-фрагментов Эфора (у Страбона): VI, 1, 15 – южноиталийский Метапонт основал Давлий, тиран Крисы, что близ Дельф; VI, 3, 3 – основание Тарента лакедемонскими парфениями; VIII, 8, 5 – перечень имен основателей городов, существовавших после возвращения Гераклидов в Пелопоннесе: Алет основал Коринф, Фалк – Сикион, Тисамен – Ахею, Оксил – Элиды, Кресфонт – Мессену, Еврисфен и Прокл – Лакедемон (также VIII, 5, 4–5), Тимей и Кисс основали Аргос, Эгей и Деифонт основали города в области близ Акты; X, 4, 8 – Минос разделил Крит на 3 части и в каждой основал город; XIV, 1, 6 – название Милет критяне перенесли на материк с города на Крите. Как видно, нет ни одного случая эпонимного образования названия города по имени основателя[24]. Нет поэтому причин считать мифологичным сообщение Эфора – Арриана о наречении Фанагории и Гермонассы именами ойкистов.

Подведем итоги. Источниковедческий анализ положения и смысла сообщения об основании Фанагории и Гермонассы да об их ойкистах в «Вифинике» Арриана выявляет их вполне исторический характер, относящийся к эпохе Великой греческой колонизации, а также указывает на заимствование их Аррианом из «Истории» Эфора, который в свою очередь использовал сочинения Гелланика и Гекатея.

6) Addendum: еще раз о происхождение названия Ἑρμώνασσα

И. Е. Суриков [2012, с. 440–469] счел ошибочными сообщения Арриана и Гекатея, что Фанагория и Гермонасса названы по именам ойкистов Фанагора да Гермона, полагая, что имена городов представляют собой эпиклесы Аполлона и Гермеса, так что Ἑρμώνασσα < Ἑρμο-ἄνασσα «владычица Гермеса». Я привел аргументы против этих домыслов Сурикова, упомяну два, чтобы добавить новые соображения[25]. 1) Имен, сложных со словами ἄνασσα, ἄναξ, сотня, но все они антропонимы и несколько топонимов, среди них нет ни одного теонима или эпиклесы, так что по одной этой причине идея Сурикова мертворожденная. 2) Он неправильно понял даже созданную им эпиклесу: как, например, антропоним Διώνασσα (< Διο-ἄνασσα, имя матери Ликурга) означает «владычица от Зевса», так и Ἑρμο-ἄνασσα не «владычица Гермеса», а «владычица от Гермеса» (Διο-, Ἑρμο- – основы род. падежа), т. е. власть происходит от Зевса и Гермеса (это *gen. auctoris* или *originis*). К этому добавим теперь, что в античном мире были и другие города по имени Ἑρμώνασσα – в области Понт, на Хиосе [Schmidt, 1893, S. 393; Hoffmann, 1898, S. 276], и это вообще снимает версию Арриана о жене ойкиста Семандра Гермонассе, по которой якобы назван город на Тамани и, соответственно, нет слова ἄνασσα в топониме Ἑρμώνασσα. По данной причине это название не может быть произведено и от имени

[24] Иное дело названия областей, тут у Эфора сохраняется логографическая эпонимность, как и у следовавшего ему Псевдо-Скмна (*см.* выше). *Strabo*, VII, 7, 7 и X, 2, 26 – основание Аргоса Амфилохского, точнее области Амфилохия в Акарнании и самой Акарнании: по Эфору, Алкмеон назвал область в честь брата Амфилоха, Акарнания названа по имени сына Алкмеона Акарнана; но и сам рациональнейший Фукидид (II, 68) пишет, что Амфилохию назвал своим именем Амфилох; *Strabo*, VIII, 3, 33: Этолия названа по царю Этолу.

[25] [Яйленко, 2016а; 2016 б, с. 573–584; 2017, с. 326–334]. См. и критику Строкина [2014, с. 356 сл.] представлений Сурикова об основании Фанагории.

ойкиста Гермона. Тем не менее, сообщение Евстафия – Арриана, что город назван по ойкисту Гермону, остается вполне историчным, так как это может и должно быть отнесено к его параллельному наименованию Ἑρμώνεια (*St. Byz., s.n.* Ἑρμώνασσα (= SC 1, p. 259), со ссылкой на Скимна)[26]. С. А. Жебелев [1953, с. 66] с основанием отметил, что в древности были в ходу оба названия. Связь названия Ἑρμώνεια с личным именем Ἕρμων органична, ибо это словообразовательная модель: так возникло и название эолийского города в Троаде Λαμπώνεια – от имени основателя Λάμπων, также города Ἀγνώνεια во Фракии – от имени ойкиста Ἄγνων, города Μεμνόνεια от имени Μέμνων и пр. [Pape, Benseler, 1884, S. 13, 893, 770]. Суффикс -ασσ-α показывает, что таманский топоним образован по модели, употребительной в Эгеиде, на Балканах, в Малой Азии, т. е. он привнесен колонистами. В этом ареале есть ряд топонимов с основой herm- (порт в малоазийской области Понт Ἑρμύση, город в Арголиде Ἑρμιῶν и др.), исходное значение которой «камень»; она средиземноморская по происхождению; от нее посредством суффиксации образован ряд греческих слов и имен, например, с суфф. -ν- слово ἑρμά(ν) «груда камней», одна из форм имени Гермеса Ἑρμάν (Каллимах и пр., именит. падеж)[27]. В топониме Ἑρμώνασσα основа ἑρμα- оформлена как раз этим суффиксом - (ο)ν (о нем [Откупщиков, 1988, с. 110–111, 144–145]) и наращена суффиксом -(α)σσα, у которого широчайший ареал распространения, вследствие чего он и был, видимо, наращен на уже суффигированное название. Примеры подобной двойной -ν- и -σσ-суффиксации в топонимике Греции: остров и город Ἀργίνουσα (= Белград, основа ἀργ- «белый» [Pape, Benseler, 1884, S. 118]), город в Мисии Πρεπενισσός (= Славный, к πρέπω, как и Πρεπέσινθος, имя одного из Кикладских островов: *Strabo*, X, 5, 3)[28]. Ввиду изложенного вряд ли стоит сомневаться, что названия для колонии Гермонейя и Гермонасса обусловлены созвучием с именем ойкиста Гермона.

В связи со сказанным должен слегка подкорректировать то, что писал о происхождении названия Ἑρμώνασσα ранее [Яйленко, 1982, с. 273; 2017, с. 323–324]: тогда я полагал, что в его основе лежит имя ойкиста Гермона, оформленное топонимическим суффиксом -ασσ-α: Ἕρμων + ασσα > Ἑρμώνασσα [29]. Однако, как сказано, личного имени Ἕρμων не может быть в топониме Ἑρμώνασσα, оно содержится в названии Ἑρμώνεια. Стало быть, это первоначальное наименование города на Тамани. Оно уникально, а поскольку в эгейско-малоазийской топонимике было в употреблении сходное и созвучное Ἑρμώνασσα, последнее вошло в узус и затем основательно потеснило первоначальное имя Гермонейя[30].

[26] Комментаторы (К. Мюллер, С. А. Жебелев и др.) отмечали, что у Скимна имя города не Гермонейя, а Гермонасса. Но это не аутентичный Скимну вывод, так как его подлинный текст в черноморской части утрачен и восстановлен в основном по Периплу Черного моря VI в. н. э., т. е. прошел через вторые и третьи руки, см. [Яйленко, 2017, с. 172–173].

[27] Для личных имен возможно соответствие с arma- «луна» малоазийских языков, откуда и имя бога Гермеса [Frisk, 1954/65, S. 563/4; Chantraine, 1968, p. 373; Гиндин, 1981, с. 35–36].

[28] Есть и примеры чередования суффиксов -ν- и -σσ- в топонимах Греции типа Ἀδράνη – Ἀδρασσός [Откупщиков, 1988, с. 144–145].

[29] Есть и примеры чередования суффиксов -ν- и -σσ- в топонимах Греции типа Ἀδράνη – Ἀδρασσός [Откупщиков, 1988, с. 144–145].

[30] И еще одно. Раньше на основании данных авторитетного словаря В. Папе – Г. Бензелера [S. 388] мне были известны лишь два города с названием Ἑρμώνασσα – на Тамани и близ Трапезунта, из чего я предположительно заключил, что экспедиция колонистов Гермона и Семандра двигалась на Тамань через Трапезунт, где, сперва, заложила эмпорий, названный Гермонассой. Теперь, поскольку мне стало известно название Гер-

II. Источниковедение известия Диодора об Археанактидах и новые данные об эолийцах на Тамани

Диодор, XII, 31, 1: ἐπ᾽ ἄρχοντος Ἀθήνησι Θεοδώρου... κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα· διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος καὶ ἤρξεν ἔτη ἑπτά «при архонте Феодоре в Афинах (438/7 г. до н.э.) ... в Азии же царствовавшие на Боспоре Киммерийском и именуемые Археанактидами, правили сорок два года; унаследовал-то власть Спартак и царствовал семь лет» (начало правления Археанактидов – 438+42 = 480 г.). Поясним интерпретацию текста. Выражение τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου с последующим βασιλεύσαντες – gen. loci: «царствовали на Боспоре»; можно принять и gen. relat. – «над Боспором»; при этом βασιλεύσαντες – aor. historicus, выражаемый по-русски глаголами совершенного и несовершенного вида: «процарствовали» и «царствовали» [Нидерле, 1880, с. 175]. Пассивный залог ὀνομασθέντες не обязательно передавать по-русски страдательным: например, ὀνομασθῆναι в контексте пассажа Фукидида (IV, 90. 6) переводится активной формой – «именуются» (пер. Ф. Г. Мищенко). В контексте о правлении страной διαδέχομαι τὴν ἀρχήν означает наследование власти, как и в аналогичном выражении Полибия, также δ. βασιλείαν «унаследовать царство» (*Polyb.* II, 4, 7; IX, 28, 8). В общем смысле διαδέχομαι означает «получить что-либо от другого» (LSJ, s.v. I, 1), если речь идет о власти – переход ее от одного к другому, так что Спартак унаследовал власть от Археанактидов, принял ее от них, следовательно, произошло это мирным путем [Яйленко, 2017, с. 784, 797] (поэтому мнения о других формах перехода [Жебелев, 1953, с. 24] противоречат словоупотреблению Диодора, точнее, его боспорскому первоисточнику). Также поясним, что Ἀρχαιανακτίδαι – гентильная (родовая) форма, образованная от личного имени Ἀρχαιάναξ с патронимическим суффиксом -ιδ-, либо от имени Ἀρχαιανακτίδης, где сей суффикс уже есть, в обоих случаях значение имени рода – «потомки Архайанакта». Регулярные формы имени – Ἀρχεάναξ и с ионийско-аттическим (нерегулярным) стяжением εα в η – Ἀρχῆναξ. Оно состоит из двух основ: ἀρχή «начало; власть, правление, господство» etc. и ἄναξ (gen. ἄνακτος) «царь, владыка» и пр. (женское личное имя Ἀρχεάνασσα заключает в себе слово ἄνασσα «царица, владычица»). Если обе основы представляют собой существительное, одно выступает в атрибутивной функции, т.е. значение имени Ἀρχεάναξ «исконный (древний) царь», «правящий владыка» и т. д. Наибольшее число имен подобного рода образовано от глагола ἄρχω (именная основа ἀρχε- и ἀρχι-): Ἀρχεάναξ, Ἀρχέδημος и мн. др., Ἀρχιάναξ, Ἀρχίδημος и мн. др. [Pape, Benseler, 1884, S. 150–154]. Соответственно гентильная форма Ἀρχαιανακτίδαι имеет значение «потомки древнего (правящего) владыки» и подобное.

Новую трактовку известия Диодора предложил Ф. В. Шелов-Коведяев. Свои предварительные соображения об Археанактидах он опубликовал в паре заметок с кратким изложением основных идей, суть которых вполне явствует из заголовка одной из них: «Археанактиды: фикция?» [2013, с. 97–99]. За сим последовала статья с подробным исследованием известия Диодора о них [Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 452–479][31].

монасса и на Хиосе [Schmidt, 1893, S. 393; Hoffmann, 1898, S. 276], должен элиминировать этот элемент моей гипотезы о маршруте движения колонистов Гермона и Семандра.

[31] Эта статья состоит из двух разделов: первый [с. 452–479] написал Шелов-Коведяев (далее для краткости,

В ней с понятия фикция уже снят вопрос: сего якобы правившего на Боспоре рода вовсе не было, это порожденное Диодором или его источником ошибочное прочтение первоисточника. Поскольку мнение об Археанактидах как царствовавшем на Боспоре в V в. роде – *opinio communis*, идеи Ф. В. нуждаются в критической проверке, так как, буде он прав, история Боспора V в. предстает в ином свете. Существо его соображений таково. Хотя сообщение Диодора о царствовавших на Боспоре Археанактидах принималось учеными как достоверное *in toto*, раздавались и отдельные голоса с уточнениями да оговорками. Ф. В. начинает с мнения Л. Робера, что ᾽Αρχαιανακτίδαι – эпитет, а не родовое имя. Далее Ф. В. указал на неточность формы названия ᾽Αρχαιανακτίδαι – исход первой основы αι необычен для ионийско-аттического языка Боспора V-IV вв. Приведя множество фиксаций личного имени (далее ЛИ) Археанакт и женского Археанасса, он заключил, что правильное и единственно возможное написание – ᾽Αρχηνακτίδαι, так что приведенная Диодором форма ошибочна[32]. По его мнению, «в «процитированном» Диодором разделе боспорской хроники значилось τοῦ Βοσπόρου ἀρχαὶ ἀνακτίσται» [с. 469]. Полагая, что под Боспором Диодора подразумевается Пантикапей, Ф. В. пришел к выводу, что речь шла о магистратах Пантикапея, которые вновь основали город. Итак, заключает он, представление о правящем на всем Боспоре Археанактидах – миф, заметка Диодора относится лишь к истории города Пантикапея, вернее, его переоснованию.

Статья Ф. В. обладает несомненными достоинствами, главное из которых полнота исследования; ей свойственна обширность источниковой антропонимической базы. Также исчерпывающим образом дана историография вопроса (тут у него есть предшественник – С. А. Жебелев [1953, с. 21–25]). Мы видим основную заслугу Ф. В. в том, что он обратил внимание на необычность формы ᾽Αρχαιανακτίδαι у Диодора. Вместе с тем его заключение, что это ошибочное написание, вызывает возражения и в методическом плане и по существу. Методически его исходная позиция – форма Диодора ᾽Αρχαιανακτίδαι невозможна и потому нуждается в исправлении – деструктивна по подходу к исследуемому ономастическому факту, ибо важнейшее положение источниковедения состоит в том, что исследуемый текст (в нашем случае пространное имя собственное) надо сначала попытаться понять и только при невозможности этого прибегать к исправлениям[33]. Между тем, во-первых, текст Диодора кристально ясен при понимании Археанактидов в нем в качестве правящего рода, что само по себе ставит преграду попыткам элиминировать их имя. Во-вторых, форма Диодора ᾽Αρχαιανακτίδαι не уникальна – подобную форму с -αι дают в именах ᾽Αρχαιάναξ и ᾽Αρχαιάνασσα Алкей, Страбон, Диоген Лаертский, Афиней, Свида (подробней обратимся к ним далее), так что налицо узус номинативной (назывной) традиции с αι-наращением первой основы. Вместо того, чтобы исследовать ее, Ф. В. счел и их ошибочными по написанию. В-третьих, невозможна усмотренная им первоос-

но уважительно, употребляем инициалы Ф. В., без фамилии), второй [с. 479–499] написан В. П. Толстиковым и уделен результатам его плодотворных раскопок на Митридате.

[32] Форма ᾽Αρχαιανακτίδαι, которую дают основные рукописи, не единственная у Диодора: два списка (A, L) дали нормативную для ионийско-аттического языка форму ᾽Αρχεανακτίδαι. Поскольку кодекс A поздний, L второстепенный, издатели «Исторической библиотеки» справедливо следуют форме основных рукописей.

[33] Для примера напомним методически образцовое положение книги Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия» (М. 1979, с. 10): прежде чем исправлять Геродота, его надо понять.

нова ἀρχαὶ ἀνακτίσται[34], ибо ее στ не может дать δ в ᾽Αρχαιανακτίδαι, и Ф. В. напрасно апеллирует к развитию στ, σθ, σδ в z, zd, đ, поскольку результат этого развития выражался на письме через ζ, а не δ, что и явствует из приведенных им данных [с. 469–470][35]. Далее, в V или IV в. до н. э. не было слова ἀνακτισταί, это многим более позднее изобретение римского или византийского времени. Исследователи в общем согласны, что Диодор использовал для сведений о ранней политической истории Боспора местный источник конца IV – III в. (полагаем, времени Евмела или его сына Спартока IV)[36]. И в источнике этого времени не могло употребляться слово ἀνακτισταί, так как оно засвидетельствовано очень поздно и, по LSJ да TLG, один только раз – в схолиях к Феокриту (V, 72). Схолии же эти составлены авторами 3 хронологические периодов: I в. до н. э., II в. н. э., X-XI вв. н. э. [Грабарь-Пассек, 1958, с. 235]. Также глагол ἀνακτίζω, от которого образовано слово ἀνακτιστής, тоже римского времени (впервые употреблен Страбоном). Одного этого достаточно для сдачи в архив исправления ᾽Αρχαιανακτίδαι на ἀρχαὶ ἀνακτισταί.

Ф. В. прав только в том, что форма ᾽Αρχαιανακτίδαι необычна своим -αι исходом первой основы. Наша задача – объяснить ее. Для начала приведем аналоги. Страбон (XIII, 1, 38) упоминает митиленца VII в. до н. э. по имени ᾽Αρχαιάναξ, источник Страбона – автор середины II в. до н. э. Деметрий Скепсиец, который в свою очередь основывался на произведении александрийской ученой Гестиеи [Christ, 1890, S. 475]; таким образом, известие Страбона об этом Архайанакте, как минимум, восходит к III в. до н. э. У комика позднего V в. до н. э. Платона была гетера по имени ᾽Αρχαιάνασσα, ей он посвятил стихотворение, которое воспроизвели Диоген Лаертский (III, 31) и Афиней (XIII, 589c), вошло оно и в Антологию (VII, 217) под именем Асклепиада, Свида же просто упомянул эту Архайанассу (319, 2)[37].

---

[34] Правильное ударение ἀνακτισταί, к ἀνακτιστής.

[35] См., напр. [Kühner, Blass, 1890, S. 157–158; Bechtel, 1924, S. 81]: στ, σσ, ττ переходят в ζ. Примеры мены σσ-δ есть в надписях центрального Крита (διαφυλάδων вместо διαφυλάσσων и пр. [Thumb, Kieckers, 1932, S. 159–160], подробней см. об этом ниже, § IV). Но, во-первых, это σσ, а не требуемое στ, во-вторых, данное свойство дорического диалекта Крита не может служить подтверждением подобного перехода на Боспоре, где несколько доризмов в надписях связано с дорическим диалектом их автора (как вотив из Пантикапея [Яйленко, 2006, с. 383–385]) или дорийским происхождением носителей ЛИ (КБН 1137, комм. на с. 676). Устно Ф. В. сообщил мне, что нашел в эпиграфике мену στ-δ, но в любом случае это какое-то абортивное явление, ориентироваться на которое вследствие его эксклюзивности не стоит.

[36] Так В. Д. Блаватский [1985, с. 203 сл.; Яйленко, 1990, с. 284–285, 2017, с. 798], ср. [Ростовцев, 1925, с. 125 сл.]. А. А. Завойкин [2013, с. 508–517] усмотрел 2–3 источника, но первоисточник признал местным, конца IV – первой четв. III в. О трех источниках думает и М. В. Скржинская.

[37] Согласно Ф. В. [с. 458], у Диогена и Афинея дана форма ᾽Αρχεάνασσα, форма ᾽Αρχαιάνασσα есть лишь у Свиды; это неточная информация. В изданиях названных авторов форма ᾽Αρχεάνασσα присутствует наряду с формой ᾽Αρχαιάνασσα, т. е. отдельные переписчики и издатели исправляли непонятную им последнюю форму на нормативную. Так, у Афинея основные рукописи A, C, E дают форму ᾽Αρχαιάνασσα, но издатели (Г. Кайбель, Ч. Галик и др.) предпочли нормативное ᾽Αρχεάνασσα, так как в cod. E первая форма переписана на вторую [Athenaeus, 1890: lib. XIII, 589c]. Напомним в связи с этим, что и у Диодора форму ᾽Αρχαιανακτίδαι дают основные рукописи, но, хотя второстепенные codd. A, L дали нормативную для ионийско-аттического языка форму ᾽Αρχεανακτίδαι, издатели Диодора, тем не менее, аккуратно следуют основным рукописям. У Диогена Лаертского форму ᾽Αρχαιάνασσα дают codd. B, P2. Последний издатель Свиды Ада Адлер дала форму ᾽Αρχαιάνασσα [Suidas, 1935, p. 309, s.v. ῥύτορα], а старый издатель Г. Бернхарди исправлял на нормативную [Suidas, 1853, p. 928, s. v. ρυτίς]. Издатели Антологии дают нормативное написание, но учитывают в лемме и форму ᾽Αρχαιάνασσα (напр. [Anthologia Graeca, 1899, p. 146, ed. H. Stadtmueller]). Уже в XIX в. издатели Страбона читали ᾽Αρχαιάναξ (А. Майнеке) и ᾽Αρχεάναξ (Г. Крамер), первую форму предпочли авторы словарей греческих личных имен [Pape, Benseler, 1884, S. 150; LGPN, 1987, p. 84].

У Сафо была подруга по имени ʼΑρχαιάνασσα[38]. Как видно, написание ʼΑρχαιανακτίδαι с -αι поддерживается таким же написанием имен ʼΑρχαιάναξ и ʼΑρχαιάνασσα. Если бы форма ʼΑρχαιανακτίδαι с -αι была изолированной, у Ф. В. было бы основание счесть ее ошибочной, но приведенные тождественные формы тех же имен свидетельствуют, что это не единичный случай, а традиция, так что Ф. В. взвалил на себя непосильный груз доказательства и их ошибочности: критика этих форм и не может иметь успеха[39].

Фонетику этих имен Ф. В. подстраивает к иоийско-аттической норме, чтобы показать ошибочность их форм с -αι. Это предвзятый посыл. Полагаем, решение проблемы стоит в связи с митиленским происхождением Архайанакта Страбона и Архайанассы Сафо, что отсылает нас к лесбосскому диалекту, в котором находим причину появления в первой основе окончания -αι, – ему свойственно растяжение ᾱ в αi в разных частях речи, особенно в именах собственных, и в разных позициях – в именной и глагольной основе, ее исходе, во флексиях: это именит. падежи παῖς, παῖσα (= аттич. πᾶς, πᾶσα), βορίαις, μέλαις, γενέταις, Κρονίδαις, Αἰολίδαις, ʼΑτρείδαις, Θόαις, Παισικρέων, глаголы ἐπέραισε, ἐπτόαισεν, μέμναισο и др. [Kühner, Blass, 1890, S. 133; Arena, 1953, p. 383–412; 1954, p. 33–52; Thumb, Scherer, 1959, S. 82–84]. Соответственно, первая основа имени Археанактидов ἀρχά (ион. и аттич. ἀρχή) имеет в своем исходе растянутое -αι, что и породило формы ʼΑρχαιανακτίδαι, ʼΑρχαιάναξ, ʼΑρχαιάνασσα[40]. Эта фонетическая особенность представлена и в легендарном имени боспорского прорицателя ʼΑρχαίκαρος (о нем далее), она

[38] Fr. 103 Ca, 4 Voigt; LGPN, 1987, p. 84 (но fr. 213, 2 L. – P. ʼΑρχεάνασ[σ]α). Была попытка счесть это не именем, а прилагательным, однако упоминание в двух фрагментах свидетельствует в пользу личного имени [Acosta-Hughes, 2010, p. 104, лит.]. Эта девица поначалу состояла в кружке Сафо, затем переметнулась в соперничавший круг во главе с Горго. Архайанассу Свиды и Археанассу Антологии Ф. В. [с. 458] ошибочно счел подругой Сафо, на самом деле это колофонская гетера.

[39] По его мнению, ʼΑρχαιάνακτα Μιτυληναῖον Страбона «несомненный результат порчи текста в позднее время» [с. 455, 459–460], аргументов два: речь в этом эксцерпте из Деметрия Скепсийца идет о применении глагола τειχίζω, а в этниконе Μιτυληναῖον переставлены гласные – нормативная форма Μυτιληναῖον, хотя такая мена известна, она нечастая. Это квелые аргументы, так как к самому имени ʼΑρχαιάνακτα напрямую не относятся. Кстати, метатезы υ-ι, ι-υ обусловлены ранним итацизмом, т. е. переходом υ в ι и наоборот, который стимулировал их, так что город на Лемносе именовался Μιτυλήνη, а на Лесбосе Μυτιλήνη, хотя это одно и то же название, происходящее от слова μίτυλον, μύτιλον «безрогий» [Pape, Benseler, 1884, S. 933, 967]. Неаутентичность формы Свиды ʼΑρχαιάνασσα Ф. В. аргументирует тем, что он совсем поздний автор (это недействительный довод: хотя Свида жил в X в. н. э., его лексикографическо-реальный Словарь составлен на основании данных широкого круга авторов античного времени [Christ, 1890, S. 703]). Она потому «явно испорчена», продолжает Ф. В., что в ней отсутствует эолийское стяжение ε и α, и посему это результат смешения ε/αι в позднее время [с. 459]. Это тоже неправомочная аргументация, ибо ничто в форме ʼΑρχαιάνασσα не указывает, что первая основа должна завершаться непременно на -ε, ибо двухосновные имена и названия с первой основой ἄρχω, ἀρχή, ἀρχαῖος etc. («власт-») имеют соединительные гласные α (ʼΑρχάδης, ʼΑρχάης, ʼΑρχαλεύς etc.), αι (ʼΑρχαιόπολις etc.), ι (ʼΑρχίας etc.), ο (ʼΑρχομενίδης etc.), ε (ʼΑρχέας, ʼΑρχεάδης etc.) [Pape, Benseler, 1884, S. 150–154]. И суть вопроса не в этом: сейчас мы покажем, что имеем тут дело с окончанием -αι совсем другой природы. Не вполне точно и утверждение Ф. В. о непременно нестяженном εα в эолийском диалекте: хотя оно характерно для него, как раз в лесбосском диалекте, и у Алкея, и у Сафо, есть стяженное εα – ἦρος (аттич. ἔαρ, gen. ἦρος) [Bechtel, 1921, S. 21;Thumb, Scherer, 1959, S. 90]. Аргументу же о смешении ε/αι в позднее время противоречит констатация самого Ф. В., что при цитировании и пересказе писателями стиха Сафо «его фонетический облик заимствуется ими в нетронутом виде» [с. 459]. Однако даже и это не так – мы видели, как переписчики и издатели исправляли непонятную форму ʼΑρχαιάνασσα на нормативную. Мнение Ф. В., что форма Свиды обязана позднему смешению ε/αι, не аргумент, ибо само требует доказательства.

[40] Для того, чтобы подчеркнуть наше объяснение -αι оформления первой основы, пишем в дальнейшем в этой статье Архайанактидай (только тут, ибо не стоит менять устоявшуюся форму Археанактиды).

же указывает на эолийский характер имени колофонской гетеры Ἀρχαιάνασσα, либо на ее лесбосские корни[41].

Наконец, Ф. В. увидел в Боспоре текста Диодора не название государства на обоих берегах пролива, а аналог имени города Пантикапея. Но это мало согласуется с Диодором, который говорит не о Боспоре, как обычно именовался Пантикапей, но о Боспоре Киммерийском, а так всегда именовались пролив да царство на его берегах (и просто Боспор). К примеру, в пассаже XX, 22 Диодор называет Перисада I «царем Киммерийского Боспора», т. е. Боспор царство, а не Пантикапей[42]. Далее, В. Д. Блаватский [1985, с. 207–209] обратил внимание на то, что Диодор пишет о правлении Архайанактидов κατὰ τὴν Ἀσίαν «в Азии», т. е. на азиатской части страны[43], и одно это не позволяет усматривать Пантикапей в Боспоре Киммерийском рассматриваемого пассажа Диодора. В. Д. Блаватский разделял мнение А. Бёка о связи боспорских Архайанактидов с митиленским Археанактом Страбона, которому, видимо, идентичен упомянутый Алкеем Ἀρχεάναξ. Он счел, что они правили в Гермонассе, ибо только там на Боспоре засвидетельствовано присутствие эолян. Развивал эти идеи и Ю. А. Виноградов [2002, с. 192–194]. Отправная точка этих построений – известие Арриана об основании эолийцами во главе с Семандром Гермонассы (*см*. о нем выше, § I).

Выясненное нами обстоятельство, что сама форма имени Ἀρχαιανακτίδαι указывает на их лесбосское происхождение, – новый действенный аргумент в пользу идеи великого Августа Бёка о связи их с митиленским Архайанактом Страбона. Добавим сюда основание лесбосцами там же на Тамани наряду с Гермонассой еще двух городов: Пирры и Антиссы[44]. Все это не только подтверждает реальность лесбосской колонизации Тамани в VI в., но и указывает на ее широту здесь, которая разъясняет нам, почему эолийцы Архайанактиды смогли стать правящим родом там, где основная часть населе-

---

[41] Колофон ионийский город, но ионийскому диалекту свойствен лишь обратный процесс α < αι [Hoffmann, 1898, S. 318–319]. О. Хофман [S. 424, ср. 323] привел 3 случая ион. αι < α, но заметим, что в двух из них, Δαναίης и Παμφαίης, это растяжение обязано утраченной дигамме, т. е. возникли из форм Δανάϝης и Παμφάϝης (ср. [Kretschmer, 1935, S. 34; Яйленко, 2010, с. 354]: основа Δανάϝ-; [Chantraine, 1980, p. 1168]: основа φαϝ-), а третий пример – имя gen. Φαέννου (из Φαέννου), как указал Хофман, как раз обязан эолийскому влиянию. Так что в ионийском перехода ā > ai не было, и поскольку этот переход свойствен лишь лесбосскому диалекту, следует подразумевать эолийское влияние в ионийском Колофоне. Он лежит на севере Ионии, а тут, на эолийском пограничье, возник смешанный эолийско-ионийский субдиалект [Яйленко, 2008, с. 559–560, лит. = 2017, с. 317–318]. Можно также думать, что подруга Платона слыла колофонянкой лишь по той причине, что явилась в Афины из Колофона, а происходила из расположенного в сотне километров эолийского ареала (Кима и пр., в 150 км лежит Лесбос). Гетеры в силу своей профессии меняли место жительства, так что этникон у них не один. К примеру, знаменитая Лаида слыла коринфянкой, а происходила из городка Гиккара на Сицилии, т. е. была и гиккарянкой; именитая Фрина зовется афинянкой, но родом из беотийских Феспий, так что имела еще этникон феспиянка (Athen. XIII, 938–940, 944).

[42] Это отражено и в указателе к «Скифике и Кавказике» В. В. Латышева (Приложение к ВДИ. 1950, № 4), с. 47 отдельной брошюры: даны порознь «Боспор город», «Боспор страна», «Боспор Киммерийский».

[43] Ю. А. Виноградов [2002, с. 191] справедливо отверг понимание этого выражения Г. А. Кошеленко, который отнес его к Персидской империи.

[44] Плиний (II, 206) упомянул поглощенные Понтом города близ Меотиды Pirra, Antissa; из его указания на местоположение их «близ (circa) Меотиды» и на Понте, следует, что они находились на водоразделе обоих морей – на Таманско-Фонталовском полуострове; это районы трансгрессии моря, так что оба города ушли под воду (Керченский полуостров, наоборот, повышается, так что тут их не могло быть). Такая пара городов – Πύρρα и Ἄντισσα – была на Лесбосе, и больше нигде (подробней об этом [Яйленко, 2015, с. 420]), поэтому на Тамани-Фонтане они основаны лесбосцами, что соответствует участию лесбосцев в основании Гермонассы.

ния ионийская[45]. Возможны три пути решения проблемы. 1) Ионийской колонизации предшествовала лесбосская. 2) Как обычно считается, Тамань осваивалась совместно ионийцами и лесбосцами, причем ионийский диалект надписей V-IV вв. из таманских городов указывает на решительное преобладание ионийцев (эолизмы в них редки [Шелов-Коведяев, 1991; Яйленко, 2010, с. 186; 2017, с. 322–323]). 3) Колонисты Тамани происходили с эолийско-ионийского пограничья, как и в Нижнем Побужье [Яйленко, 2008, с. 559–560; 2017, с. 317–318]. Какой вариант наиболее правдоподобен, видимо, следует из преимущественно торгового характера эолийской колонизации, на что указывает широкое распространение лесбосских амфор в Северном Причерноморье – сей материал тут важнейший наряду с хиосским и милетским[46]. Это может указывать на вероятность варианта 1: эолийцы устраивали на Тамани эмпории, затем последовала преимущественно аграрная ионийская колонизация (о ней [Яйленко, 2017, с. 776–783]). Еще прежде С. И. Финогенова [2006, с. 337, 348] сочла раннюю Гермонассу эмпорием. Заключение об эмпориальном характере лесбосской колонизации Тамани позволяет понять, почему тут так мало эолийских реалий – эолян вытеснили ионийцы. Нам известны такие примеры захвата ионийцами предшествующих эолийских апойкий или эмпориев. Смирна была эолийской колонией, оттуда происходят ранние эолийские надписи, но ее рано захватили ионийцы [Jeffery, 1969, p. 359]. Сигей митиленская апойкия – по Страбону (XIII, 1, 38), наш знакомый Архайанакт выстроил его стены, но город захватили афиняне (древнейшие надписи Сигея VI в. написаны на ионийско-аттическом языке).

Обратим внимание, что ʼΑρχαιάναξ Страбона и ʼΑρχαιάνασσα Сафо не просто лесбосцы, но конкретно митиленцы (растяжение ā в ai свойственно также лексике митиленцев Алкея и Сафо). Митилена крупнейший город Лесбоса (*Strabo*, XIII, 2, 2), ойкист Гермонассы Семандр митиленец. И это обстоятельство, наряду с митиленским Архайанактом Страбона, позволяет думать о митиленском происхождении также боспорских Архайанактидов, имя которых помечено тем же лесбосским растяжением -αι[47]. Мысль А. Бёка о связи их с митиленским Архайанактом Страбона поддерживают и новые данные о том Археанактиде Алкея, который давно известен из схолий к «Териаке» Никандра (= Alcaeus, fr. 119 Bergk = fr. Z 121 L. – P.). Видя в Архайанакте Страбона вероятного родоначальника боспорских Архайанактидов, Бёк допускал, что от него мог происходить и Археанактид фр. 119 Алкея. Опубликованный Э. Дилем в 1910 г. папирусный фрагмент Алкея дал новое упоминание об этом Археанактиде в отрывочном, но содержательном для наших целей контексте[48].

[45] Согласно Псевдо-Скимну, Кепы основали ионийцы, по Арриану (Bith. fr. 55 Roos), «города Фанагория и Гермонасса основаны ионийскими колонистами».

[46] В Северном Причерноморье в целом, в том числе на Боспоре [Монахов, 1999, с. 40 сл.; 2003, с. 43–49; Монахов и др., 2016, с. 21–22, 80–82]; на Тамани [Журавлев, Шлотцауер, 2014, с. 139]; в Нижнем Побужье [Лейпунская, 1981, с. 52–53, 80]. См. также [Gallavotta, 2005]. По Страбону (XIII, 2, 1; 6), Лесбос – как бы главный город эолийцев, вместе с Кимой он вывел 30 эолийских колоний.

[47] В такой контекст вписывается и декрет Левкона I (390–351) о пошлинных скидках митиленцам [Syll.³ 212 = Граков, 1939, с. 263].

[48] Alcaeus, fr. E I, 24 Lobel – Page = fr. 112, vv. 21–26 Liberman (в каждой строке слева текст утрачен): [τό]σσουτον ἐπεύ[χο]μαι | [?-- λίπ]ησθ᾽ ἀελίω φ[ά]ος |[23] [--]ι̣γε Κλεανακτίδαν | [? --ι̣γ]ἦρχεανακτίδαν |[25] [--]τον μελιάδεα | [--]. κ̣ι̣δος ὤλεσαν «--столь же молю, чтобы вы сгинули (?) -- Клеанактида -- Археанактида -- сладостного -- убили --». В критическом запале Ф. В. [с. 456] подверг сомнению наличие имени Археанактида и тут и во фр. 119, хотя это ничего не дает его идее об испорченности имени боспорских Археанактидов у Дио-

Стихотворение большое, как обычно для папирусного текста, с большими утратами, но основное содержание ясно: это обращение Алкея к своим гетеристам, на что указывает стк. 10: [ἄνδρες γὰρ πόλι]ος πύργος ἀρεΰϊ(ος) «мужи, воинственный оплот града» [Alcée, 1999, p. 261, комм. Г. Либермана][49]. Упомянутый в нем Клеанактид член митиленского рода, известного и Сафо (fr. 98 b Diehl: «Клеанактид[а] изгнанники», т. е. Мирсила) и Страбону (XIII, 2, 3): «Алкей одинаково поносил и Питтака и прочих тиранов: Мирсила, Меланхра, Клеанактидов и некоторых других, хотя и сам не был чужд стремлений к переворотам. Питтак воспользовался единовластием для уничтожения олигархов и, истребив их, возвратил городу независимость» (пер. Г. А. Стратановского). Нам важно, что на папирусе с рассматриваемым фрагментом Алкея при ἤρχεανακτ̣ίδαν на краю приписана схолия τ(ον) Φιττακ(ον), т. е. александрийский филолог[50] сделал пояснение, что этот Археанактид – Питтак (Alcaeus, fr. E I, 24 L. – P., lemma). Поскольку он и Клеанактид, т. е. тиран Мирсил – враги Алкея, упоминание их тут должно иметь негативный контекст, как и в прочих его Στασιωτικά, направленных против врагов. В связи с этим и учитывая ὤλεσαν «убили» стк. 26, дополняем в стк. 22, где Lobel – Page читали [--]ῆσθ' ἀελίω φᾶος, употребительное в ранней поэзии выражение λεῖπειν φάος ἠελίοιο (*Hes.* Op. 159; *Theogn.* 569), т. е. [?-- λίπ]ῃσθ' ἀελίω φᾶος «чтобы вы сгинули» (дословно «покинули солнечный (дневной) свет»). Таково пожелание Алкея Клеанактиду и Археанактиду, сиречь Мирсилу и Питтаку[51].

Изложенные данные об Археанактах обоих фрагментов Алкея объективно суммировал Готье Либерман [Alcée, 1999, p. 261]: в Митилене был правящий род Археанактидов, который может происходить от строителя стен Сигея Археанакта, что поддерживается Арченактами обоих фрагментов Алкея, к нему может принадлежать и упомянутая Сафо Археанасса[52]. Мы обратим внимание и на то обстоятельство, что имена родов

дора, ибо имя этого персонажа Ἀρχεανακτίδας пишется с ε, а не αι. По Ф. В., это имя во фр. 119 – конъектура Т. Бергка, основана на единственной рукописи А схолий, тогда как список V дает αρχομενακτιδην, а список K αρχιομενακτιδην. Это странно: нет конъектуры Бергка, есть нормальная форма кодекса А, которая хорошо вписывается в контекст схолии (καὶ Ἀλκαῖός φησιν ἐν τοῖς περὶ Ἀρχεανακτίδην «и Алкей говорит в стихах об Археанактиде»), и соответствует имени Страбонова митиленца же Архайанакта, тогда как списки V, K дают невразумительное чтение. Попытки Ф. В. показать недостоверность имени Археанактид в новом фрагменте ([--]ἤρχεανακτ̣ίδαν) надуманны во всем. 1) Таково сомнение в том, что начальное η имени – результат красиса ε+α: для примера, ввиду перечисления имен в соседних строках – Клеанактид, Археанактид – вводим сохранившийся перед первым именем остаток --ι̣γε в лакуну следующей строки, так что его ε с начальным α имени Археанактид дает η, пример такого красиса у Алкея – ἦρος [Bechtel, 1921, S. 21]. 2) Сомнение в падежном окончании ἤρχεανακτ̣ίδαν Ф. В. мотивирует возможностью чтения тут женского имени вроде Ἀρχιανακτίς. Это невозможно вследствие контекста всего стихотворения: оно обращено к политическим врагам Алкея, поэтому женщинам в нем не место. 3) Мнению Ф. В., что «форма второго личного имени во всех его вариантах следует модели второго, а не третьего, склонения» противоречит его же попытка усмотреть тут женское имя Ἀρχιανακτίς – оно может стоять здесь только в каком-либо косвенном падеже, но оно само-то третьего склонения! Упоминание им третьего склонения вообще странно, поскольку имена с гентильным суффиксом -δ- (т. е. оканчивающиеся на -ιδης) второго склонения.

[49] Специалисты выяснили, что πύργος тут и в других фрагментах Алкея употреблено не в прямом значении «башня», а метонимически, как «оплот, опора».

[50] Полагаем, это может быть Аристофан или Аристарх, комментаторы произведений Алкея.

[51] Полагаем, эту же пару можно усмотреть и у Сафо – fr. Sa 2 Col. 1, 8–10 L. – P. (текст утрачен справа): ρος ην τ.[--? Ἀρχεα]|νακτιδ.[--]| Κλεανακ[τιδ--].

[52] Возможно, Археанасса – прозвище Плейстодики из соперничавшего с Сафо круга Горго [Treu, 1968, S. 165]. Например, подругу брата Харакса, которую все звали Родопис, Сафо именует Дорихой. Это сарказм поэтессы: Δωρίχα означает в ее контексте «Даровая», т. е. доставшаяся даром, между тем Харакс выкупил ее за огромные деньги (*Herod.* II, 135); за это и прочее укоряла Сафо брата.

со вторым элементом ἄναξ характерны именно для Митилен того времени: из произведений Алкея и Сафо нам известны Клеанактиды, Дамоанактиды, Полианактиды, Археанактиды. Поскольку наличие рода Археанактидов в Митилене теперь прочно засвидетельствовано, основательно по приведенным выше Беком причинам и возведение к нему боспорских Архайанактидов.

Согласно археологическим данным, колонизация Тамани началась во второй четв. VI в. [Гарбузов и др., 2011, с. 92], это время появления тут ионийцев и эолийцев. Спустя 3–4 поколения, в 480 г., здесь началось правление Архайанактидов. Нет оснований считать их пришлым в начале V в. родом – в таком случае они были бы эпойками, позднéе прибывшими колонистами, неполноправными сравнительно с первыми основателями города[53]. Следовательно, Архайанактиды – из числа первых колонистов Гермонассы, Пирры или Антиссы, может быть, участники колониальной экспедиции Семандра. От митиленских Археанактидов конца VII в. до митиленской колонизации Тамани второй четв. VI в. разница в одно поколение, так что младший член рода, или члены его, был(и) среди колонистов-основателей. Нам важно понять, почему этот род стал ведущим на Тамани и, вероятно, на всем Боспоре[54]. Например, можно думать, что Семандр был Археанактидом, так что со временем род ойкиста стал ведущим в Гермонассе, чему есть примеры – Бакхиады в Сиракузах, Баттиады в Кирене и пр. Но одной причастности к ойкисту мало, политика рода должна устраивать бóльшую часть населения, и характеристику Архайанактидов в этом отношении мы можем обрисовать по деятельности Питтака как выдающегося представителя этого же рода.

Питтак действовал в сложной политической обстановке борьбы аристократии, демоса, олигархов, тиранов за власть и сумел за 10 лет замирить Митилену[55]. В конце VII в. городом правили в ранге царей Пенфилиды, затем тиран Меланхр; Питтак участвовал в свержении его вместе с Мирсилом и партией Алкея; с Мирсилом, которого Алкей называет тоже тираном, Питтак сотрудничал до его смерти. После нее Питтак стал лидером, так как в митиленско-афинской войне за Сигей убил в поединке афинского стратега Фринона в 612–609 (*Suidas, s.n.* Πιττακός: Ol. μβ ') или 608–607 гг. (*Hieronymus,* Chron., a. 607). После этого (не позднее 597 г.) митиленцы избрали его правителем на 10 лет. Питтак был знатен, даже Алкей (fr. 70 Diehl) признает, что по жене он родственник Атридов[56]. Редчайшее его имя Πιττακός царское по узусу – так же звали царя фракийских эдонов (*Thuc.* IV, 107, 3). Отца его Гирра Геродиан (Gramm. 858, 28) называет тира-

[53] См. о положении эпойков [Яйленко, 1979, с. 70–71; 1982, с. 80–82, 95–97, 122; 2017, с. 185–186].

[54] См. суждения В. П. Толстикова о более-менее городском облике Пантикапея лишь со второй четв. V в. [Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014, с. 493–496], что может быть связано с правлением Археанактидов (?).

[55] Сведений о Питтаке немало, но в основном они связаны с его известностью как одного из 7 мудрецов. Немногие данные социально-политического характера дают Аристотель (Pol. II, 9, 9; Eth. Nicom. 1167a35 и комментарий к этому пассажу Михаила Философа), Диодор Сицилийский (IX, 12, 1–2), Диоген Лаертский (I, 74–81), Свида (Lex., s.n. Πιττακός).

[56] Жена его – сестра Драконта, сына Пенфила; Пенфилиды вели свой род от Ореста, сына Агамемнона, Атрида (*Diog. Laert.* I, 81). Это типичная для аристократических родов Греции VII-VI вв. фальшивая генеалогия (например, афинские роды итакийского происхождения Колиады и Буколиды возводили себя к мифическим свинопасам Одиссея Евмею и Филетию) [Яйленко, 1990а, с. 109]. Пенфелиды царили в Митилене (*Arist.* Pol. 1311 b 27), они привели Питтака к власти, как следует из fr. 70 Алкея. Предание мифологического толка о Пенфилидах из сочинения лесбосского историка Мирсила – *Plut.* Mor. 984c.

ном; можно подумать, что он спутал его с сыном, но и Евстафий (Comm. ad *Homeri* Il., I, 22, 25) именует его эолийским владыкой (κύριος). Питтак и его брат состоятельны, он писал об этом Крезу (*Diog. Laert.* I, 75, 81). Тем не менее, вел он политику не в пользу своего сословия, а умеренную и в интересах большинства, благодаря чему привел город к согласию и единомыслию (*Arist.* Eth. Nicomach. 1167a32, cum *Michaeli Phil.* Comm. p. 490, 20: συμφωνία καὶ ὁμόνοια). Питтак говорил: «правя, украшай себя», т. е. завоевывай своим правлением почет (*Stobaeus,* Anth., III, 1, 172). Главный его инструмент – кодификация законодательства, которое выстроил на основе уже имевшегося в Митилене права (*Diod.* IX, 27, 4; *Diog. Laert.* I, 76–77; *Suidas,* s.n. Πιττακός): по Аристотелю (Pol. 1247a18), Питтак вырабатывал законы, а не гражданское устройство. Миротворческая деятельность Питтака во многом сходна с тем, что делал тогда же или чуть позже (с 594 г.) в Афинах Солон, о мероприятиях которого мы осведомлены лучше. Но Питтак пошел дальше – уничтожил олигархов (*Strabo,* XIII, 2, 3); приструнил он и аристократов, о чем свидетельствует ненависть Алкея к нему (fr. 87 Diehl и др.) и возвращение им поэта из ссылки. По емкой характеристике Диодора (IX, 12, 1), Питтак спасал отечество от трех зол – тирании, гражданского раздора, войны. Можно констатировать, что он руководствовался интересами не своей социальной группы – знати, а большинства населения Митилен. По истечении 10-летнего срока Питтак сложил властные полномочия, удалился в сельскую местность на полученный от города земельный надел, где, весьма почитаемый гражданами за свою мудрую политику, прожил еще 10 лет (*Plut.* Herodoti mal. 15; *Diog. Laert.* I, 75).

Поскольку он Археанактид, подобного рода политику могла проводить в жизнь также их боспорская ветвь, что и стало залогом ее возвышения на Тамани. Есть еще одно схождение боспорских Архайанактидов с Питтаком – все они обладали титулом βασιλεύς «царь» или βασιλεύων «царствующий». Следует четко придерживаться словоупотребления Диодора, по существу – использованной им боспорской хроники, так что слово βασιλεύσαντες в выражении οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες ... Ἀρχαιανακτίδαι «царствовавшие на Боспоре Киммерийском ... Археанактиды» означает, что они правили в ранге царей, и по нашему мнению, были царями типа древнеионийских басилеев-основателей [Яйленко, 2017, с. 784–786]. Питтак лишь в инвективах Алкея «низкого рода» (κακοπατρίδας)[57], но и он признает, что по жене он знатен – Атрид (fr. 70 Diehl). Все же остальные источники дают весьма лестные отзывы о Питтаке – и в связи с его мудрыми речениями, и о его политической деятельности (ее наиболее развернутые оценки: *Diod.* IX, 12, 1–2; *Diog. Laert.* I, 74–81). Алкей называет его тираном, как Меланхра и Мирсила, но это поэтическая отсебятина. Считается, что 10 лет Питтак был в Митилене эсимнетом. Действительно, таково существо его политической деятельности, однако, по Клементу Александрийскому (Paed. III, 10, 50), он избран митиленцами царем. Об этом же говорит известная народная песня недалекого от VII–VI вв. времени: «И Питтак ведь молол (муку), царствуя (βασιλεύων) в великих Митиленах»[58]. В Митиле-

[57] Fr. 87 Diehl. Диоген Лаертский (I, 81) набрал десяток уничижительных выражений поэта по его адресу.

[58] Carmina popularia, fr. 23. Обратим внимание на настоящее время причастия βασιλεύων. Подлинность сих данных подтверждается свидетельством перипатетика раннего III в. Клеарха (apud *Diog. Laert.* I, 81): Питтак

не были басилеи и притан, и как раз в связи с этими должностями Теофраст (fr. 95, 1) упомянул Питтака; приведшие его к власти Пенфелиды (он женат на женщине из этого рода) правили в Митилене в качестве царей (*Arist.* Pol. 1311 b 27: βασιλικὴ δυναστεία). По Плутарху (Mor. 820e), митиленцы воздали Питтаку политические почести[59]. Царская власть была в Митиленах такой же, как в городах Ионии, где потомки древних ионийских царей-ойкистов после повсеместного падения в VII–VI вв. монархий выполняли функции жрецов, предводителей войска, судей, и сохраняли при этом свой царский ранг, т. е. именовались басилеями[60]. По аналогии можно считать, что те же функции военачальников, судей и жрецов (видимо, культа Афродиты Апатуры Урании) выполняли боспорские Архайанактиды [Яйленко, 2017, с. 786–787]. По схолиям к Гесиоду (717 bis 6), Питтак избран на жречество; скорей всего, это связано с земельным участком, который митиленцы выделили ему по окончании службы. Питтак взял себе небольшую часть этого надела, остальное отдал богам (*Diog. Laert.* I, 75, со ссылкой на историка II в. до н. э. Сосикрата), т. е. там было устроено святилище; видимо, Питтак отправлял в нем должность жреца с титулом басилей.

Таким образом, и Археанактид Питтак и боспорские Архайанактиды обладали одинаковым титулом βασιλεύς или βασιλεύων, что лишний раз подтверждает их взаимную связь – это представители одного и того же митиленского рода. Более того, апелляция к Питтаку для разъяснения политики и статуса боспорских Архайанактидов позволяет объяснить вовсе непонятный иначе переход власти на Боспоре в 438 г. от Архайанактидов к правителю с фракийским именем Спарток. Дело в том, что имя Πιττακός тоже фракийское [Detschew, 1957, S. 371; Откупщиков, 1988, с. 179]. У отца Питтака уникальное имя Ὕρρας, оно также фракийское, поскольку Алкей (fr. 24a Diehl = 129 L.–P.), Дурис (fr. 75 Jac.), Геродиан (Gramm. 858, 29), Свида (s.n. Πιττακός) называют Гирра фракийцем[61]. Как видно, роду Гирра присущи уникальные имена – таково имя и сына Питтака Τυρραῖος, тоже, видимо, фракийское[62]. По основе ему близко имя другого митиленца

поддерживал физическую форму не упражнениями в гимнасии, а молотьбой муки на мельнице.

[59] Говоря о Питтаке, Плутарх (Mor. 147c) отметил, что «μοναρχία ему не подошла». Все известное об образе его правления, указывает, что μοναρχία тут не «царская власть», а просто «единовластие».

[60] [Лаптева, 2009, с. 199–205]. Например, по словам логографа Ферекида (у Страбона, XIV, 1, 3), еще в его время потомки основателя Эфеса царя Андрокла назывались царями, носили в знак этого пурпурные одеяния и жезл, а также были жрецами Деметры. Из их числа и философ Гераклит, отказавшийся от должности басилея-жреца в пользу брата (Diog. Laert. IX, 1, 6).

[61] Свидетельство Алкея, как очевидца, несомненно, соответственно, точна и остальная традиция. Фракийская реконструкция имени Ὕρρας В. Гергиева [1977, с. 98] *r̥s-, при греч. аттич. ἄρρην «муж» и пр., по его признанию, «не надежна». Мы обратим внимание на патронимические формы этого имени, под которыми был известен Питтак – Ὑρ(ρ)άδιος и Ὕρ(ρ)α (см. ссылки на большой ряд авторов, начиная с Алкея, [Pape, Benseler, 1884, S. 1586]). Первая – полная форма, образована от Ὕρρας с эолийским патронимическим суффиксом -αδ-, вторая – ее гипокористик, т. е. краткая форма. У Гесихия есть справка, позволяющая понять значение имени: Ὑράδιος· ἀπό τινος προγόνων, ἄδοξος ἢ εἰκαῖος, Ὕρα παιδίον «Гирадий *означает* «от кого-то из предков», «бесславный» или «бесполезный», Гира – «ребенок»». При этом надо иметь в виду, что Теогност Грамматик (Canones, s.v. ὑρράδιος; LSJ, s.v.) дает не имя, как Гесихий, а слово: ὑρράδιος· προγόνιος ἢ ἄδοξος «первопредок или бесславный» (второе значение относится к ребенку от другой жены или мужа). Точно так же надо понимать и глоссу Гесихия Ὕρα παιδίον – не только в качестве имени, но и как слово: «*ὕρα *означает* «ребенок»». Слово и имя не греческие, поскольку митиленец Гира определенно фракиец, они фракийские.

[62] Имя сына Питтака упомянул грамматик I в. н. э. Памфила (*Diog. Laert.* I, 76). Связываем оба имени с фракийской основой *tur- «сильный» (о ней [Яйленко, 2015, с. 421]), с эмфатическим удвоением ρ (?).

Τυρράκηος, он отец приятеля Алкея (fr. 383, 1) Динномена, так что узус греческих и фракийских имен характерен в Митилене не только для рода Гирра. Нам важно заключить, что в роду митиленских Археанактидов были носители фракийскиъ имен. Выше мы отметили, что словоупотребление Диодора – διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος – означает, что Спартак унаследовал власть от Археанактидов, принял ее от них, следовательно, произошло это мирным путем, без конфронтации. Поскольку наличие фракийских имен у митиленских Археанактидов предполагает возможность того же и в боспорской ветви, следует заключить, что Спарток был членом этого рода. А основание им новой династии в таком случае означает не смену династии, а качественное изменение характера власти – видимо, предпринятое им переустройство стало воплощаться, сразу или постепенно, в ту уникальную систему, которую мы называем Боспорским царством и в которой скифское единодержавие было соединено с греческим полисным управлением. В связи с этим напомним, что в конце VI в. Боспором правил скифский царь, которого низложил Дарий [Яйленко, 2010, с. 9–11], отсюда можно заключить, что Спарток восстановил скифский образ единовластия. Видимо, тогда же были собраны в одно целое, Боспорское царство, ранее обособленные области и города на азиатской и европейской сторонах пролива.

Ранее, исходя из иранской этимологии имени Καβαθαξης = Kanātа χšāya «Кавата царь» и других обстоятельств, мы пришли к выводу, что родина Спартокидов Тамань и что в основе они иранцы; позднее обратили внимание на индоарийские элементы в ономастике Спартокидов и царских скифов, вполне объяснимые, ибо Тамань – преддверие Синдики, которую в киммерийскую эпоху населяли индоарии[63]. Располагая теперь указанием, что Спарток мог принадлежать к Архайанактидам, получаем последнее звено в этническом облике Спартокидов – они и греки, и иранцы, фракийцы, и индоарии. Как видно, в давнем споре специалистов о происхождении Спартокидов – греки они, фракийцы ли, иранцы ли – правы оказались все.

В заключение отметим еще один лесбосский реликт на Боспоре: по Страбону (XVI, 2, 39), тут некогда функционировал прорицатель по имени ᾽Αρχαίκαρος (есть форма и без первого *р*). В соответствии с упомянутыми здесь Страбоном другими прорицателями – Амфиараем, Трофонием, Орфеем, Залмоксисом, которые почитались в персональных святилищах, можно заключить, что и Архайкар почитался в святилище. По -αι оформлению первой основы имя ᾽Αρχαίκαρος соответствует имени ᾽Αρχαιανακτίδαι[64]. Вторая основа, без сомнения, Κήρ (gen. Κηρός, pl. Κῆρες, у трагиков также κήρ, κηρός) – божество судьбы, рока и смерти, часто упоминаемое Гомером, трагиками, лирическими поэтами и др. Эолийскую форму Κᾶρ дает опять-таки митиленский поэт Алкей (хорошая справка о Кэре, Каре – LSJ, s.n. Κήρ). Значение имени божества ᾽Αρχαίκαρος «изначальный рок», «древний кар»[65]. Имя индоевропейского происхождения (хетт. ker «сердце» и пр.), нам важно отметить, что, Архайкар на Боспоре и хет. kert имели узус

[63] [Яйленко, 1995, с. 246–248; 2010, с. 35; 2013, с. 47–49; 2017, с. 831–832].

[64] Обычная транскрипция ᾽Αρχαΐκαρος, но так как в нашем понимании тут ai < ā, пишем ᾽Αρχαίκαρος.

[65] Как существительное, κήρ имело также значение «рана, болезнь»; к построению ᾽Αρχαι-καρ- «древний Кар (кар)» ср. у Софокла (Philoct. 42) παλαῖα κήρ «старая рана».

в жреческой практике [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 800–801]), т. е. в святилищах[66]. Особо употребительно оно на западе Малой Азии [Гиндин, 1967, с. 108–114; Шеворошкин, 1965, с. 255, 263], откуда понятно его присутствие в языке Гомера и Алкея.

Итак, имя Ἀρχαίκαρος лесбосское по обоим компонентам[67]. На Боспоре прорицалище этого катахтоника более всего может быть приурочена к Тамани с ее грязевыми сопками, – напомним, что к ним привязана легенда об Афродите Апатуре, Геракле и титанах, хтоническая по существу ([*Strabo*, XI, 2, 10; Яйленко, 2013, с. 25, лит.], о привязке святилища Апатуры к сопкам [Яйленко, 2015, с. 402–403]). Святилище Архайкара с прорицателем – очередное свидетельство о лесбосской колонизации Тамани[68]. Как сказано, правление Архайанактидов на Боспоре по своему характеру напоминало правление древнеионийских (и древнеэолийских) басилеев, потомки которых после падения монархий сохраняли царский титул и продолжали деятельность в военноначальной, жреческой, и судейской сферах. Одинаковая первая основа имен Архайанактидов – «изначальные владыки», «первые цари», и Архайкара – «изначальный рок», может указывать на их единство: Архайанактиды могли быть жрецами культа Архайкара. Возможно, они были причастны и к предводительству войском, что и послужило средством возвышения их до правления на всем Боспоре.

III. Увы, вновь о «синдской диасфагме» Гиппонакта

Поэт второй половины VI в. Гиппонакт употребил в одном из стихотворений выражение τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα, последнее слово по формообразованию и содержанию соответствует слову διασφάξ (gen. διασφάγος), разные значения которого (геграфич. «расселина, ущелье», мед. «щель в печени», зоол. «полость жабр у рыб») сводятся к базовому понятию «отверстие»; по Евстафию, это θῆλυ μόριον «женский орган» (LSJ, s.vv.). Раньше звучало мнение о географическом содержании выражения τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα, начало ему положил Т. Бергк –, видимо, это пролив между Понтом и Меотидой[69], что развил В. Д. Блаватский [1958, с. 56]: пролив, отделяющий островную часть Синдики от материковой[70]. Такая трактовка ошибочна, ибо не учитывала указаний древних лексикографов, согласно которым διάσφαγμα означает женский половой орган, так что τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα имеет обсценное значение – «синдская щелка»[71]. Эту работу провел

[66] Напомним, все греческие прорицалища – жреческие, функционируют при святилище (Дельфы и пр.).

[67] Образование формы Ἀρχαίκαρος из * Ἀρχαίκαρ, *gen.* Ἀρχαίκαρος, объясняется известным ономастике способом превращения формы род. падежа в номинатив. Таково, к примеру, развитие имени города Ἴνυξ на Сицилии, род. падеж которого Ἴνυκος стал в узусе номинативной формой, и она не только вытеснила прежнее имя, но и дала ряд производных – *gen.* Ἰνύκου, прилагательное Ἰνύκιος, этникон Ἰνυκῖνος и пр. [Pape, Benseler, 1884, S. 551; Откупщиков, 1988, с. 154]. Имя Κήρ и существительное κήρ жен. рода, имя Ἀρχαίκαρος по причине окончания -ος стало мужским

[68] Пирра и Антисса ушли под воду, можно ждать новые данные об эолийцах при раскопках Гермонассы.

[69] [Bergk, 1882, p. 484–485]. Он апеллировал к помянутому Аристотелем проливу (Met. I, 13, 18: дословно «вход для вплывающих в Меотийское озеро»).

[70] Если В. Д. Блаватский имел в виду некую водную глубь, то палеосейсмолог А. А. Никонов [2000, с. 161–162] ничтоже сумняшеся усмотрел в «синдской диасфагме» горную расселину в Утрише близ Анапы.

[71] Употребляем жаргонное слово щелка как обозначение женского полового органа [Мокиенко, Никитина, 2000, с. 708], поскольку διάσφαγμα имеет также ландшафтное значение «расселина, ущелье, щель» («щель» как физиографический термин то же, что «ущелье» [Мурзаев, 1984, с. 585, 633–634]).

выдающийся знаток раннегреческой поэзии Эрнест Диль. С учетом указаний Стефана Византийца, Гесихия, Иоанна Цеца, что Σινδικόν, Σίνδος, Σινδίς означают женский половой орган и проститутку (тексты приведем ниже), он объединил два ямба Гиппонакта в один стих – fr. 2 [Diehl, 1954, p. 81] о синдской женщине: Κοραξικὸν μὲν ἐμφιεσμένη λῶπος | <γυμνὴ δὲ> πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα «облаченная в коракское одеяние, именно *обнаженная* до полового органа». Такое понимание «синдской диасфагмы» апробировали С. Р. Тохтасьев [2002, с. 23–24] и мы [Яйленко, 2011, с. 435–436; 2013, с. 48–49].

Однако недавно И. Е. Суриков [2013, с. 167–175] возродил прежнее заблуждение – отнес τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα к открытому русско-германским коллективом древнему проливу, который протекал параллельно основному фарватеру (нынешнему Керченскому), отделяя Тамань от материка[72]. Такое допустимо, если бы Суриков дал свое источниковедческое исследование текста Гиппонакта, древних лексикографов и комментаторов, которое убедило бы в географическом значении упомянутого выражения. Ничего подобного он не сделал, аргументация его свелась к 2–3 фразам на с. 172. Упомянув мнения Блаватского, Тохтасьева, Яйленко, он пишет: «одно толкование другому не противоречит, они не вступают во взаимоисключающие отношения». Метафоры полисемантичны, продолжает он, и иллюстрирует эту мысль словами Геродота (IV, 86), что Меотида – матерь Понта: μήτηρ тут, по словам Сурикова, имеет отчетливые ассоциации с μήτρα («материнская утроба, чрево, матка». – *В. Я.*), из которой и «рождается» Понт, в том числе и через пресловутую «щель», трактуемую в обсценном смысле. Это вся его аргументация в пользу трактовки τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα в качестве имени новооткрытого пролива, который он предложил назвать Синдским.

Итак, его основной аргумент заключается в многозначности метафор. В словах ряда авторов, что Меотида – матерь Понта, μήτηρ действительно метафора, но «отчетливые ассоциации с μήτρα» возникают лишь в сознании одного Сурикова, ни у Геродота, ни у Плиния, ни у Евстафия и других авторов, писавших о Меотиде как матери Понта, ни у современных исследователей вопроса никакой μήτρα, извините за метафору, и не пахнет. Слово μήτηρ само по себе имеет ряд метафорических значений (например, γὴ μήτηρ «мать-земля», μήτηρ κακῶν «причина зол» и пр.), в том числе в географическом плане: например, у Софокла (Philoct. 326) остров Скирос – ἀνδρῶν ἀλκίμων μήτηρ «матерь храбрых мужей». У слова μήτηρ тьма производных [Chantraine, 1974, p. 698–699] и то, что Суриков избрал в качестве ассоциации ему именно μήτρα остается уделом его личного восприятия, ибо ни Геродот, ни кто другой не дали поводов для нее.

Поскольку И. Е. Суриков не провел необходимой источниковедческой работы, напомним читателю эту сторону вопроса. Как сказано, Э. Диль объединил два ямба Гиппонакта, разрозненные у Т. Бергка (fr. 3 и 68 A), в один стих о синдской женщине: Κοραξικὸν μὲν ἐμφιεσμένη λῶπος | <γυμνὴ δὲ> πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα «облаченная в коракское одеяние, именно *обнаженная* до полового органа» (дословно «*обнаженная* до синдской щелки»). Диль мотивировал контаминацию обоих стихов следующими указаниями лексикографов. Иоанн Цеца: в первой книге ямбов Гиппонакт упоминал кораксов и синдов. Гесихий: Κοραξοί· Σκυθῶν γένος καὶ τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον «кораксы – *обозначение*

[72] [Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014; Журавлев и др., 2015].

скифского народа и женского полового органа»; Σινδικὸν διάσφαγμα· τὸ τῆς γυναικός «синдская щёлка – *обозначение* женского *полового органа*». Стефан Византийский: Σίνδοι·... λέγεται καὶ τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον «синды: … так называется и женский половой орган» (т. е. sg. Σίνδος). От себя добавим еще одну глоссу Гесихия: (? ἡ) Σινδίς· ἡ Σκυθία καὶ ἡ πορνή «Синдика – *страна* Скифия и проститутка»[73]. Эти свидетельства вполне оправдывают объединение обоих стихов Э. Дилем и дают точное значение выражения τὸ Σινδικὸν (διάσφαγμα), слов Σινδικόν, Σινδίς в качестве «женского полового органа», «проститутка» (отсюда убедительно восстанавливается в этих значениях слово *σίνδος [Pape, Benseler, 1884, S. 1395, *s.n.* Σίνδευς]). Оно не греческое, и ясно, что к Гиппонакту и его согражданам-клазоменцам пришло из Синдики. Изгнанный из родного Эфеса, он прожил в основном в Клазоменах, жители которых имели свою колонию или эмпорий в Синдике – так наз. Клазоменские башни (*Strabo,* XI, 2, 4; *Plinii* N. h. VI, 20). Следовательно, поэт располагал непосредственным источником информации о синдских реалиях и вполне был информирован об экзотическом наряде коракских и синдских женщин: «облаченная в коракское одеяние, именно *обнаженная* до полового органа». Если говорить о фасоне этого наряда, то он, скорее всего, имел вырез спереди от пупка или лобка книзу[74].

В связи с изложенным нами, полагаем нужным дополнить фрагмент Гиппонакта о «синдской диасфагме». У Бергка это фр. 68 А, в пандан географическому пониманию которого он присоединил фр. 68 В: Σηπίης ὑπόσφαγμα, вероятно, подразумевая упомянутую Павсанием (VIII, 16, 2) гору в Аркадии: «расселина *горы* Сепии». Однако Σηπία не только название сей «змеиной» горы (см. *Paus.* VIII, 4, 7: оно от σήψ «змея»), но также известной гетеры, упомянутой аттическим комиком V-IV вв. до н. э. Архиппом (у Афинея, VII, 329c, f, ср. 324a). Э. Диль принял догадку Бергка о связи этих фрагментов и подсоединил его fr. 68 A в качестве fr. 2 A к своему фрагменту 2 с его «синдской диасфагмой», однако вместо имени собственного Σηπίης, как у Бергка, читал σηπίης ὑπόσφαγμα «подобная чернилам ядовитая «бомба» каракатицы». Чтение логично: при опасности каракатица (σηπία) выбрасывает похожую на чернила ядовитую жидкость (ὑπόσφαγμα, так наз. «чернильная бомба»), но в таком случае стих вряд ли имеет отношение к fr. 2 о наряде боспорских проституток. Напротив, его контексту созвучно содержание стиха 2 A, если читать в нем имя гетеры: Κοραξικὸν μὲν ἐμφιεσμένη λῶπος | <γυμνὴ δὲ> πρὸς τὸ Σινδικὸν διάσφαγμα | ... Σηπίης ὑπόσφαγμα ... «облаченная в коракское одеяние, именно *обнаженная* до полового органа ... ядовитая «чернильная бомба» *гетеры* Сепии ... ».

[73] Σινδίς здесь - прилагательное жен. рода, поэтому читаем необходимый член ἡ при нем по явно испорченной рукописной форме Ἴσινδις.

[74] Что платья такого фасона надевали на «работу» проститутки, показывает, например, следующее. Когда в 1495 г. французский король Карл VIII занял Неаполь, то устроил ночной праздник, посвященный своей любовнице Леоноре. На пиру прислуживали неаполитанки: «Редкие и пряные блюда подавались в золотой посуде исключительно красивыми неаполитанками в юбках с разрезом до пояса, обнажавшим при каждом шаге ногу намного больше, чем пристойно за обедом... После ужина в парке начались танцы, и хорошенькие служанки, бросив работу, смешались с гостями. Одежды на них было очень мало, и скоро всех их увлекли в тенистые заросли» [Бретон, 1993, с. 64]. Вспомним затейливые платья ряда аттических кор около времени Гиппонакта: спереди хитон спускается до колен или щиколоток, попы обнажены.

Обратим внимание и на созвучие διάσφαγμα – ὑπόσφαγμα, которое может удостоверять единство обоих фрагментов; у Гиппонакта нередки созвучия слов в одной строке или двух смежных[75].

IV. Филологическая некорректность двух недавних решений проблемы херсонесского састера и нимфейской монетной легенды ΣΑΜΜΑ

Загадочное слово σαστήρ херсонесской присяги (IOSPE I² 401, стк. 24–25) уже второе столетие продолжает волновать ученые (и не очень) умы[76]. Здесь мы коснемся лишь одной линии, начало которой положил в 1892 г. А. Скиас, возведя его к глаголу *σάζω, якобы производному от σάττω «снабжать, наполнять, оснащать». По его мнению, это обозначение городской магистратской должности. Его идеи и доводы подробно пересказал В. В. Латышев [1909, с. 163–165], подвергнув справедливой критике: в содержательном плане это не соответствует контексту слова в херсонесской надписи; в плане этимологическом он указал, со ссылкой на руководство Р. Майстера по греческим диалектам, что ζ заступало место общегреческого глагольного суффикса -σσ-, по свидетельству древних грамматиков, лишь в эолийском диалекте, тогда как объяснение херсонесского термина должно соответствовать данным мегарского дорийского диалекта. Привел Латышев также сомнения С. Рейнака в идеях Скиаса. Казалось бы, все это уже архивный материал, как вдруг его возродил И. А. Макаров [2009, с. 54–60] (аргументация изложена на с. 58). Он отметил, что у σάττω есть ряд производных: σακτήρ и пр., в том числе σάζω, аналогичное образование дают ионич. σφάζω при аттич. σφάττω, локрид. ἀλάζω и крит. ἀλάδδω при аттич. ἀλάττω[77]. По И. А. Макарову, глосса Гесихия ὄκκα σάζη дает искомую форму σάζω. Как слово σακτήρ «мешок» (Гесихий) произведено от глагола σάττω, так и σαστήρ происходит от σάζω. Значение слова, полагает он, «городская казна»: у херсонеситов слово σαστήρ со значением «мешок (для хранения ценностей)» метонимически развилось в обозначение «городской казны, городских доходов».

Эти идеи подхватил И. Е. Суриков в статье со сверхучёным заголовком «Σαστήρ – *σάσμα– sa-sa-ma-o-se – ΣΑΜΜΑ (Новые соображения в связи с загадочной боспорской монетной легендой: «херсонесский след» и «кипрский след»)». Как и прочие, она обращает на себя внимание своими филологическими изъянами. Отправной точкой для него стала вышеизложенная статья И. А. Макарова. По Сурикову, как от глагола σάττω образована пара существительных одного значения σακτήρ и σάγμα (с суффиксами -τηρ и -μα), так и от глагола σάζω наряду с σαστήρ может быть образована форма *σάσμα, она-то и дала легенду σάμμα на монетах Нимфея, так что означает «городское казнохранилище» [Суриков, 2011, с. 277–280].

---

[75] Примеры созвучия: fr. 2 Diehl: Κοραξικόν – Σινδικόν, fr. 3: σῆμα – μνήματ', fr. 7: κράδησι καὶ σκίλλησιν, fr. 11: ἀχθείς – ραπισθείη, fr. 14 A: πυγιστὶ τὸν πυγεῶνα παρπάγωι, συνηλοίησεν – διοζίοισιν ... δυοῖσιν ἐν πόνοσι, πεντήκοντα – ἐμπίπτοντες, fr. 17: πέλλης ἔπινον ἄλλοτ' αὐτός, ἄλλοτ' 'Αρήτη и пр.

[76] Контекст этого слова: «буду служить дамиургом и членом совета как можно лучше и справедливее для города и граждан; и састер народу охраню и не передам на словах ничего тайного ни эллину, ни варвару, что может повредить городу» (пер. В. В. Латышева [1909, с. 145]).

[77] Примеры взяты из диалектного компендиума К. Бака [Buck, 1968, p. 72], пары σάζω – σάττω у него нет.

Процедура получения Макаровым формы σαστήρ от *σάζω, а Суриковым от того же *σάζω форм *σάσμα > σάμμα, не выдерживает критики как в коренной идее о *σάζω, так и в деталях. Лексические данные И. А. Макарова воспроизводят и расширяют выкладки А. Скиаса, однако он не учел точного замечания В. В. Латышева об отсутствии перехода общегреческого глагольного суффикса -σσ- (= аттич. -ττ-) в дорическом диалекте в -ζ-. Приведенное Макаровым в качестве аналогии паре σάττω > *σάζω соответствие аттической форме σφάττω – эпическое и ионийское σφάζω (Гомер, Геродот) не работает, поскольку оно не дорийское[78]. Другой пример Макарова: аттич. ἀλάττω – локрид. ἀλάζω иллюстрирует упомянутое утверждение древних грамматиков о переходе -σσ- в -ζ- лишь в эолийском, и тоже не имеет отношения к дорике (локридский субдиалект эолийского). Теперь о самом *σάζω. В городах центрального Крита (отнюдь не всего острова) встречаются формы с δ(δ) или ττ на месте ζ в разных позициях, в том числе в глагольной флексии: δικαδδέθθω, καταϝοικίδεθαι, συνεσσάδδω, ἀτταμιο- etc.[79] В Гортинских законах (III, 13, 16) употреблен глагол συνεσσάδδω (= συνεκσάττω) «уносить вещи» [LSJ, s.vv.][80], и в XIX в. было мнение о производстве его от *σάζω [Kühner, Blass, 1890, S. 157] (к этому апеллировал Скиас), но позже выяснилось, что нужды в этом нет, ибо в критском диалекте III-II вв. до н. э., как сказано, ττ порой заменялось на δδ, как в πράδδεθαι, πράδδεν = πράττεθαι, πράττεν [Thumb, Kieckers, 1932, S. 160]. Потому Г. Лиддел, Р. Скотт, Г. Джоунз и отметили, что συνεσσάδδω происходит из формы *συν-εκ-σάττω [LSJ, p. 1712], вовсе не от *συν-εκ-σάζω. Наряду с δ(δ) в дорическом языке ζ переходит в ττ и помимо критского [Thumb, Kieckers, 1932, S. 86], тогда как для производства *σάζω от σάττω нужно обратное: в дорическом языке Херсонеса ττ должно было бы дать ζ[81]. Ввиду изложенного формы *σάζω нет ни в лексических, ни этимологических словарях греческого языка, ни в руководствах XX в. по диалектам. Например, в словаре П. Шантрена, отличающемся богатой подборкой производных слов, при базовой статье σάττω даны и гортинское συνεσσάδδῃ (= συνεκσάττῃ), и десяток производных слов (σακτός, σαγή и пр.), но *σάζω нет, как нет его и в словаре Я. Фриска.

А. Скиас видел подтверждение форме *σάζω также в глоссе Гесихия ὅκκα σάξει, и это некритически повторил И. А. Макаров (он лишь апеллировал к чтению последнего издателя Гесихия К. Лятте – ὄκκα σάζῃ). Это неосновательный аргумент. Макаров дал только начало глоссы, не обратив внимания на продолжение, где разъясняется значение: ὄκκα σάζῃ (ὅκκα σάξει)· ὅταν τύχῃ «если попадет», «если случится»[82]. Для перевода τύχῃ, аористной формы слова τυγχάνω, мы взяли базовые значения «попадать», «случаться», но ни одно из многих других значений этого слова не пересекается по смыслу со значениями слова σάττω – «снабжать, наполнять, оснащать» и пр. По этой причине предлагались разные конъектуры вместо τύχῃ (М. Шмит привел их в лемме к глоссе),

[78] Известно также беот. σφάδδω, в самом аттическом употреблялись формы σφάζω и σφάττω [LSJ, s.v.].

[79] [Thumb, Kieckers, 1932, S. 159–160]. Также в лесбосском диалекте Алкея есть пример σδ на месте ζ – ἀχνάσδημι из ἀχάζημι [Bergk, 1882a, p. 177].

[80] В главах II-III Гортинских законов речь идет о правах замужней женщины, в том числе (стк. 12 сл.): «если кто-то иной унесет что-либо (συνεσάδδει = συνεκσάδδει) из того, что... ».

[81] См. напр. [Kühner, Blass, 1890, S. 157–158]: σσ, στ, ττ дают ζ, не наоборот, как нужно И. А. Макарову.

[82] В скобках даем чтение М. Шмидта по основной рукописи codex Marcianus [Hesychius, 1861, p. 193].

а К. Латте изъял это слово из Codex Marcianus – главной рукописи, которая одна лишь целиком сохранила словарь Гесихия, и вставил из другого источника στοιβάζηι «нагромождать, наваливать» (например, дрова в огонь), которое может так-сяк соответствовать значениям слова σάττω[83]. Глосса Гесихия мало понятная, из нее явствует лишь, что в каком-то дорийском регионе (ὅκκα – дорическая форма к ὅταν), бытовала уникальная форма σάζη, но значение слова неясно. В ионийском и эолийском ζ происходит из γι̯, как и в дорийском [Hoffmann, 1898, S. 304; Bechtel, 1923, S. 54, 105, 177, 234 etc.] (в т. ч. в мегарском субдиалекте), однако в них нет соответствия этому дорическому слову σάζη. Это может указывать на заимствование его некими дорийцами у негреческих соседей (у Гесихия тьма таких глосс). В любом случае это редкое словцо, потому, собственно, оно и фигурирует в словаре Гесихия, нацеленном на диалектные глоссы. Резюмируем: связь σάζη (σάξει) глоссы Гесихия с σάττω крайне проблематична, а поскольку это единственное лексическое основание для *σάζω Макарова и Сурикова, произведенные ими σαστήρ (от σακτήρ «мешок» < σάττω) да *σάσμα > σάμμα сооружены на песке: одно неизвестное они объясняют через другое малопонятное и редчайшее.

Такова же цена и содержательной стороне гипотез Скиаса и Макарова. Тут разница между ними лишь в том, что Скиас оперировал не присущим глаголу σάττω значением «печься о какой-либо должности», а Макаров, хоть и берет словарное значение «наполнять», домысливает вовсе не свойственное σάττω и производным от него словам (σακτήρ, σάκ(κ)ος «мешок», σάγμα «покрытие, одежда; вьючное седло; куча, груда» и пр.) значение «мешок (для хранения ценностей)», из чего выводит уж вовсе надуманное «городская казна, городские доходы». Показателен в отношении смысловых значений указанных лексем этимологический словарь П. Шантрена, специально нацеленный на историю слов[84]. При базовой статье σάττω он привел все производные, включая вышеупомянутые, и заключил: «исходный смысл этих слов имеет вид «набивать, наполнять», откуда «снаряжать, снабжать» и пр., с порождением терминов, обозначающих «мешок, сумку» и др., и с другой стороны, относящихся к вьючным животным (bêtes de somme)» [Chantraine, 1977, p. 989–990]. Как видно, нет ничего, хоть отдаленно напоминающего «мешок (для хранения ценностей)» или «городскую казну, городские доходы», надуманные Макаровым.

От лингвистики перейдем к здравому смыслу. В Афинах городская казна хранилась на Акрополе, в Ольвии тоже на центральном теменосе, т. е. в сердце города. У нас нет оснований приписывать херсонеситам глупое размещение городского казнохранилища на окраине города или вне его – оно должно быть в наиболее защищенном месте, в его сердцевине. В таких условиях требование клятвы «сохранить састер», если это городская казна, по существу будет означать сохранение сердцевины Херсонеса, т. е. города как такового. Но об этом уже сказано в самом начале клятвы: «не предам Херсонес» (стк. 7). Посему,

[83] [Hesychius, 1966, p. 748]. Отдельные части «Лексикона» Гесихия поздние греческие лексикографы включали в свои словари, эти эксцерпты учитываются при его воссоздании.

[84] Первый том словаря П. Шантрена вышел в 1968 г., когда еще не закончилась публикация великого этимологического словаря Я. Фриска, и в предисловии к своему труду Шантрен подчеркнул, что основная его задача – дать историю слов, показать лексическое развитие базовых основ [Chantraine, 1968, p. VII-XII]. По существу словарь Шантрена не столько этимологический, сколько лексикологический.

если састер казна, херсонеситы неразумно расположили ее в доступном для врагов месте, а если у них со здравым смыслом все в порядке, састер не казна и не казнохранилище.

И. А. Макаров хороший специалист по эпиграфике Херсонеса, но рассмотренную статью, в части, связанной с састером, к сожалению, в его актив не записать.

Иное дело И. Е. Суриков. Он не задался должным осознанием данных И. А. Макарова, критический анализ заменил напыщенными оценками «эксперта»: статья Макарова «*представляется весьма знаменательной, даже этапной…: автору, на наш взгляд, удалось сделать полноценное открытие – наконец дать в высшей степени убедительное и не вызывающее возражений толкование загадочного термина* σαστήρ» [Суриков, 2011, с. 277][85]. Между тем в действительности, как показано выше, нужный Сурикову глагол *σάζω крайне проблематичен, а значение «городская казна» вовсе отсутствует у производных от σάττω. Посему нет должных оснований у реконструированных им слов *σάσμα > σάμμα «городская казна» на нимфейской монете. Если не сочинять подходящие смыслы, а держаться того, что реально означают слова σάττω да его производные σακτήρ, σάγμα и пр., то значение изобретенных Суриковым слов *σάσμα да *σάμμα будет в круге понятий «мешок, одежда, седло, куча» и пр., все неуместные для монетной легенды.

Поверхностные суждения И. Е. Сурикова о херсонесском да кипрском «следах» закономерно сопровождаются у него как у историка филологическими прорехами. На с. 277 он пишет: «*известному из источников термину* σακτήρ»; но «источников» нет, слово упомянул единственно Гесихий (LSJ, TLG, *s.v.*). С. 279: «᾽Αλοπεκόννησος < ᾽Αλόπεκος νήσος»; но грамотно название пишется с корневой *омегой*, ибо в основе названия острова лежит слово ἀλώπηξ «лисица». Впрочем, все это мелочи: далее И. Е. Суриков ни много, ни мало подвергает сомнению сообщение Страбона (VIII, 3, 19; X, 2, 17), что ионийский остров Самос и другие соименные объекты получили название от древнего слова σάμος «высота, холм». По Сурикову, это возможное семитское заимствование: «*Во-первых, не может быть твердой уверенности, что перед нами не etymologia vulgaris. Во-вторых, если даже она приемлема, что заставляет обязательно считать постулируемое *samos догреческим, субстратным словом? С тем же успехом можно говорить о финикийском заимствовании*» [с. 284]. Весь этот текст ошибочен, И. Е. Суриков берется судить обо всем, не дав себе труда ознакомиться хоть с какими-то работами по затронутому им вопросу. Как в его статье о названиях Фанагории и Гермонассы нет ни одной ссылки на работы по топонимике, так и тут он не считает нужным ознакомиться хотя бы с материалами на русском языке – попросту они ему неизвестны. Его заявление о значении слова σάμος «высота» как возможной *etymologia vulgaris* ошибочно потому, что все объекты по имени Самос и производные – действительно холмистые или гористые острова (Кефалления, ионийский Самос, Самофракия) и города в холмистой или гористой местности (в Трифилии, Карии)[86]. Так что *vulgaris* не понимание значения слова σάμος Страбоном и вслед за ним специалистами, а суждение И. Е. Сурикова. Ему было бы достаточно прочитать четыре страницы в книгах Л. А. Гиндина [1967, с. 90–91] и Ю. В. Откупщикова [1988, с. 90, 94],

[85] Для наглядности выделяем тут и далее цитаты из статей Сурикова курсивом.

[86] Источники [Pape, Benseler, 1884, S. 1337], о гористом рельефе [Греция, 2009]: с. 289 (Трифилия), 917 сл. (Самос), 983 сл. (Самофракия), 1081 (Кефалления).

чтобы узнать о широком ареале распространения топонимов и личных имен, производных от основы σάμο- : Греция, Фракия, Малая Азия. А это, во-первых, свидетельствует о ее догреческом происхождении, во-вторых, исключает финикийский источник заимствования, поскольку нет в балканско-эгейско-малоазийской топонимике заимствованной из финикийского (или семитского вообще) топоосновы не то чтобы со столь громадным ареалом распространения, а хотя бы просто распространенной.

Далее И. Е. Суриков сопоставляет легенду на монетах IV в. из Нимфея ΣΑΜΜΑ с именем кипрского царька V в. Σασμᾶς [с. 275–287]. Громоздя одну догадку на другую, он тщится усмотреть какую-то связь одного с другим. Достаточно указания самого автора на происхождение этих догадок: «*у нас есть интуитивное ощущение, что почва для поисков имеется. Кипр, Самос, Причерноморье неким образом связаны*» [с. 285]. Тут сам И. Е. Суриков приоткрыл читателю методологию написания своей статьи: он руководствуется «*интуитивным ощущением*». Для оценки этого откровения мне достаточно процитировать заключительную фразу статьи «Интуиция» в высококлассном «Философском энциклопедическом словаре» (М. 1983, с. 217): «интуиции бывает достаточно для усмотрения истины, но ее недостаточно, чтобы убедить в этой истине других и самого себя. Для этого необходимо доказательство». Своей интуицией И. Е. Суриков самого себя вполне убедил, дело лишь за аргументацией, которая есть следствие знания ученым своей научной дисциплины и которая убеждает других. Он пишет на всевозможные темы, не имея специальной подготовки. О филологии и ономастике я уже вел речь [Яйленко, 2016]. Вторгается он в эпиграфику, нумизматику, археологию, изобразительное искусство. Чего стоит, например, его статья о жилищах боспорских колонистов. Серьезные археологи, специалисты в этой области – В. Д. Блаватский, Д. Е. Чистов, С. Д. Крыжицкий, В. Д. Кузнецов и др. – плодотворно обсуждают эту непростую тему. Коснулся её и Суриков с идеей, что боспорские колонисты жили в деревянных бревенчатых избах; впрочем, оговаривается он, леса там мало, так что это не основной вид жилища [Суриков, 2011, с. 62]. Автор этой забавной идеи должен был задуматься не просто о лесе, а о строительном лесе для изб (ель, сосна, ясень). Но его почти не было на Боспоре: по свидетельству Теофраста (IV в. до н. э.), в районе Пантикапея «из дикорастущих деревьев есть дуб, вяз, ясень и подобные; нет сосны, ели и пинии и вообще никаких смолистых деревьев» (SC 1, p. 386)[87].

V. Еще раз о легендах на монетах Феодосии IV в. до н.э.

Легенды на городских монетах несут сокращенные формы названия – ΘΕΟΔΟ, ΘΕΟΔΟΣ, ΘΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΕΩ [Анохин, 1986, с. 138–139; Петрова, 2000, с. 50–53, 95]. Мы уже кратко затронули эту тему [Яйленко, 2009, с. 523]. Высказав сомнение в предложенном

[87] Даже в Гилее («Лесная» область) сосны были наперечет: ольвийский автор гимна Гилее и ее богам сокрушается, что нанесен урон 200 соснам [Яйленко, 2012а, с. 94; 2017, с. 255, 257]. Последняя по времени показательная иллюстрация нашего заключения в статье ДБ, 2016 о непрофессионализме писаний Сурикова о Северном Причерноморье – его пустопорожняя «рецензия» в ВДИ 2015 на масштабную книгу А.А. Завойкина 2013 г. «Образование Боспорского государства». Сам Суриков пишет, что не специалист в боспороведении и что его подвигло на написание отзыва нечто вроде «не могу молчать» Л. Н. Толстого (sic!). Хорошо, что он стал профессором Нижегородского университета: может быть займется сюжетами тамошнего края и оставит в покое Северное Причерноморье.

В. Ф. Столбой [1989, с. 148] понимании этих легенд в качестве род. падежа имени тирана или ктиста Θεόδης (Тохтасьев [2004, с. 154] акцентировал Θεοδῆς), мы сочли, что эти необычные формы легенд обязаны гиперионийскому диалектному написанию названия Θεο/υδοσία. Поясним сказанное. Легенды ΘΕΟΔΕΟ и ΘΕΟΔΕΩ составляют бесспорную пару; не подлежит сомнению и то, что ΘΕΟΔΕΟ означает то же самое, что ΘΕΟΔΟ [Анохин, 1986, с. 139, № 73], и поскольку последняя легенда (также ΘΕΟΔΟΣ), безусловно, раскрывается как Θεοδο(σιέων), то ΘΕΟΔΕΟ раскрывается так же – Θεοδεο(σιέων), соответственно, ΘΕΟΔΕΟΣ как Θεοδεοσ(ιέων)[88]. На наш взгляд, εο вместо нормативного *ο* – гиперионизм, т. е. ошибочное построение характерной для ионийского диалекта неслитной формы; гиперионизм и омега в ΘΕΟΔΕΩ – свойственная ионийскому диалекту замена краткой гласной на долгую. Далее мы привели в подтверждение похожие гиперионизмы в рукописях Геродота.

На эти данные сослался В. Л. Строкин [2014, с. 367], но для перепроверки обратился к С. Р. Тохтасьеву, который подверг критике мои соображения (Строкин процитировал ее в примечании на с. 367). Меня она удивила своей неосновательностью. У Тохтасьева четыре довода, которые, по его мнению, опровергают мою идею. Рассмотрим их.

1) По Тохтасьеву, в V в. ионийский диалект был живым языком феодосийцев, поэтому появление тут гиперионийских форм «вообще представляется невероятным», тем более, что название Феодосия этимологически прозрачно «и никак не могло подвергаться каким бы то ни было псевдоэтимологическим трансформациям». Увы, критик плохо осведомлен в трактуемом им вопросе. Поскольку ранняя эпиграфика Феодосии донельзя скудна, и нет возможности составить представление об особенностях ее ионического языка, обращусь к ионийской же Ольвии, богатой на граффити V-IV вв.[89] Там есть несколько гиперионизмов: в так наз. календаре Δηλφινί(ωι), в посвящении ʼΑρτ(έμι), Δηλφι(νίωι), в оракуле ἠρῃμίσθω (см. прориси этих надписей [Русяева, 2010, табл. 13. *1*; табл. 14. *2*; табл. 38. *6*]); об этих и других возможных ионизмах тут см. [Яйленко, 2017, с. 33, 42, 312, 317, 472]. Как видно, в Ольвии V–IV вв., где ионийский диалект как раз был живым языком, этимологически вполне прозрачные эпитет Δελφίνιος и глагол употреблялись на письме и в гиперионийском варианте. Посему данное возражение критика отпадает.

2) В качестве примеров гиперионизма я сослался на похожие примеры в рукописях Геродота. По Тохтасьеву, «прямое сопоставление эпиграфических форм... с чтениями рукописей Геродота... в принципе неприемлемо». Это уж вовсе странно, ибо грамматическое явление описывается примерами из лапидарных надписей, граффити, дипинти, рукописной традиции, монетных легенд, папирусов совокупно. Это обычная практика, но специально для Тохтасьева приведу несколько примеров из упомянутого им очерка ионийского диалекта А. Тумба и А. Шерера: тут с самого начала описания фонетики диалекта видим на S. 250 – примеры из надписей, Анакреонта, Геродота, S. 251 – надписи, Геродот, S. 253 – надписи, папирусы, S. 255 – наряду с надписями и монетными

[88] Этникон таврических феодосийцев известен в двух формах – Θεοδοσιεύς эпитафии IV в. до н. э. КБН 231 и у Стефана Византийца; Θεοδοσιανοί у Мемнона [Pape, Benseler, 1884, S. 489].

[89] Согласно Арриану (Per. 30), Феодосия ионийский город, основанный милетянами. Ионийский дат. падеж можно видеть в местном граффито IV в. – Βορέῃ «Борею»; ион. τριηκ (=τριήκ[οντα ?]) читается в другом граффито IV в. [Штерн, 1897, с. 181, 191, табл. II. 48; табл. III. 83; Петрова, 2000, с. 151, 152].

легендами фигурируют примеры из Геронда, Гиппонакта, Мимнерма, Геродота и др. (нет смысла продолжать примеры, так от начала до конца книги).

3) Тохтасьев пишет: примеры гиперионизмов у Геродота дают их во флексиях, тогда как в феодосийских легендах Яйленко выявил их в инлауте. Снова отсылаю критика к упомянутым ольвийским гиперионизмам – они инлаутные, в основе слов.

4) «Наконец, В. П. Яйленко игнорирует существование еще одной формы легенды – ΘΕΟΔΕΟΣ». И тут Тохтасьев изумляет: он не увидел в том же абзаце, который критикует, моей фразы: «Правда, род. падеж легенд ΘΕΟΔΕΩ, ΘΕΟΔΕΟΣ на феодосийских монетах...». Я полагал, что при моем раскрытии «ΘΕΟΔΕΟ как Θεοδεο(σίων)» читателю понятно, что ΘΕΟΔΕΟΣ – то же самое: Θεοδεοσ(ίων) (я не рассчитывал на тот уровень понимания моего текста, который продемонстрировал Тохтасьев).

Приведенные возражения критика удивляют своей легковесностью. Ныне в процессе подготовки монографии по топонимике Северного Причерноморья я несколько расширил свою трактовку. Написание εο в ΘΕΟΔΕΟ вместо нормативного второго *ο* в ΘΕΟΔΟ может быть не только гиперионизмом, но и эпентезой, вставкой гласного ε первого слога во второй, что встречается в ионийско-аттическом языке: Ηερεμῆς (также Ἑριμῆς) вместо Ἑρμῆς, στρεβελός наряду со στρεβλός, φέρενα наряду с φερνη[90]. Как вставлено ε во второй слог Ηερεμῆς, στρεβελός, μέτερρα, так оно вставлено туда же в Θεοδεο и Θεοδεω = Θεοδεο(σιέων), Θεοδεω(σιέων). А *омега* в Θεοδεω гиперионизм (т.е. характерная для ионийского диалекта замена краткой гласной на долгую) – едва ли не свойство эпического и ионийского языка: например, nom. συβῶται, gen. συβοτέων у Геродота (II, 47–48), πόμα и πῶμα у него же, μώλυζα и μόλυζα у Гиппократа [Hoffmann, 1898, S. 280]; у Гесиода (Op. 350) интересующее нас слово δόσις имеет форму с долгим *ο* – δώς. Отсюда и форма мужского имени Θεοδώσιος (с *омегой* вместо *омикрона*) у поздних эпиков – в эпиграмме к статуе архонта ионийской (!) Смирны римского времени [Anth. Planudea, 42; Pape, Benseler, 1884, S. 489]. Таким образом, в Феодосии была в употреблении наряду с аттической формой Θεοδ(ε)οσία также ионийско-эпическая форма имени города *Θεοδεωσίη, что явствует из легенды ΘΕΟΔΕΩ = Θεοδεω(σιέων).

Разнообразие форм названия города или этникона его жителей, как на монетах Феодосии, не редкость в нумизматике. Например, на монетах памфилийской Сельги V в. до н. э. помещались легенды ΣΤΛΕΓΙΙΥΣ, ΣΤΛΕΓΥΣ, ΣΤΛΕΓΙΟΣ и др., Менды V-IV вв. – ΜΕΝΔΑΙΗ, ΜΙΝΔΑΙΗ, кампанской Гирии IV в. – HVPIETES, ΥΡΙΝΑΙΟΣ, ΥΡΙΑΝΟΣ, Меандрии ΜΑΙΑΝΔΡΟΣ, ΜΕΑΝΔΡΟΣ и т. д. [Guarducci, 1970, p. 619, 621, 622, 672]. Все это языковые варианты, как и в моей трактовке феодосийских легенд. Напротив, мысль В. Ф. Столбы, поддержанная Тохтасьевым, об имени основателя, ставшем именем города, вступает в противоречие с разнообразием легенд на монетах: странно, что имя ктиста или магистрата варьируется в нескольких формах, ибо подобных прецедентов нет[91]. Посему такие вариации объясняются языковыми причинами. Насе-

[90] Также в эолийском диалекте μέτερρα вместо μέτρια, памфилийском ὄροϝυ из *ὄρϝον [Kühner, Blass, 1890, S. 188–189; Thumb, Scherer, 1959, S. 89, 183, 308].

[91] См. огромную подборку имен магистратов, правителей, ктистов, божеств, знаменитых людей на монетах V в. и далее [Guarducci, 1970, p. 644–670, 682–691]; есть лишь одна вариация – ΣΑΠΦΩ, ΣΑΦΦΩ на монетах лесбосского города Эреса, откуда она родом [p. 686], обусловленная тем, что имя поэтессы писалось на эолийском диалекте по-разному.

ление ионийских городов Причерноморья не было однородным. Например, становление Березани и Ольвии было результатом трёх-четырёх волн переселения колонистов из Ионии, так что в языке ранних надписей Нижнего Побужья проявляется ряд особенностей, обязанных происхождению их из разных ее областей [Яйленко, 2017, с. 156–157]. Разношерстность населения города порождает разнообразные языковые формы, которые сказываются в его эпиграфике и на монетных легендах.

Список литературы

Агбунов, 1987. Агбунов М. В. Античная лоция Черного моря. М.

Анохин, 1986. Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев.

Блаватский, 1958. Блаватский В. Д. Древнейшее свидетельство о Синдике // Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София.

Блаватский, 1981. Блаватский В. Д. Феодосия VI–IV вв. до н. э. и ее название // СА. 4.

Блаватский, 1985. Блаватский В. Д. Античная археология и история. М.

Бретон, 1993. Бретон Г. История Франции в рассказах о любви. Фаворитки династии Валуа. М.

Виноградов, 2002. Виноградов Ю. А. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси.

Гарбузов и др., 2011. Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. Освоение греками Таманского п-ова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 15.

Гиндин, 1967. Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М.

Гиндин, 1981. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София.

Грабарь-Пассек, 1958. Грабарь-Пассек М. Е. Рукописи и издания Феокрита, Мосха и Биона // Феокрит, Мосх, Бион. Идиллии и эпиграммы. Перевод и коментарий М. Е. Грабарь-Пассек. М.

Граков, 1939. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3.

Грацианская, 1988. Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // ДГ 1986. М.

Греция, 2009. Греция. Самый подробный и популярный путеводитель в мире. М.

Жебелев, 1953. Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М. –Л.

Журавлев, Шлотцауер, 2014. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. О дате основания поселения Голубицкая 2 // БК. XV.

Журавлев и др., 2015. Журавлев Д. В., Дан А., Герке Х. Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // БК. XVI.

Завойкин, 2013. Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 11). Симферополь–Керчь.

Кузнецов, 2001. Кузнецов В. Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 4.

Лаптева, 2009. Лаптева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н. э. СПб.

Латышев, 1909. Латышев В. В. ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб.

Лейпунская, 1981. Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. Киев.

Макаров, 2009. Макаров И. А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I² 401) // ВДИ. 2.

Мокиенко, Никитина, 2000. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.

Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов.

Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология… Саратов.

Монахов и др., 2016. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. Каталог. Керчь–Саратов.

Мурзаев, 1984. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.

Нидерле, 1880. Нидерле Г. Синтаксис греческого языка. М.

Никонов, 2000. Никонов А. А. Синдская расселина // Таманская старина. 3. СПб.

Откупщиков, 1988. Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л.

Перевалов, 2010. Перевалов С. М. Тактические трактаты Флавия Арриана (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.

Петрова, 2000. Петрова Э. Б. Античная Феодосия. Симферополь.

Ростовцев, 1925. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Пг.

Столба, 1989. Столба В. Ф. О боспорских монетах с надписью ΘΕΟΔΕΟ ΘΕΟΔΕΩ // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. Запорожье.

Строкин, 2014. Строкин В. Л. NYN – ΣΑΜΜΑ, ΑΠΟΛ – ΦΑΝΑ: P.S.//ДБ. 18.

Суриков, 2011. Суриков И. Е Σαστήρ – *σάσμα – sa-sa-ma-o-se – ΣΑΜΜΑ // ДБ. 15.

Суриков, 2012. Суриков И. Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы // ДБ. 16.

Суриков, 2013. Суриков И. Е. Некоторые соображения об исчезнувшем проливе Боспоре Синдском // ВДИ. 1.

Тахтаджян, 1997. Тахтаджян С. А. Арриан. ΒΙΤΗΥΝΙΚΑ fr. 54 Roos // ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. К 100-летию со дня рождения проф. А. И. Доватура. СПб.

Тахтаджян, 2001. Тахтаджян С. А. Скифы Эфора: источники идеализации. СПб.

Тохтасьев, 2002. Тохтасьев С. Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. 4. СПб.

Тохтасьев, 2004. Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. 3.

Финогенова, 2006. Финогенова С. И. Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 9.

Шеворошкин, 1965. Шеворошкин В. В. Исследования по дешифровке карийских надписей. М.

Шелов-Коведяев, 1985. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // ДГ 1984. М.

Шелов-Коведяев, 1991. Шелов-Коведяев Ф. В. О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье // Terra antiqua Balcanica. Serdicae. Т. 6.

Шелов-Коведяев, 2013. Шелов-Коведяев В. Ф. Археанактиды: фикция? // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65 летию проф. В. П. Копылова. Ростов на Дону.

Шелов-Коведяев, Толстиков, 2014. Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. Из истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. 18.

Штерн, 1897. Штерн Э. Р. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах // ЗООИД. 20.

Яйленко, 1979. Яйленко В. П. Древнегреческая колонизационная практика // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.

Яйленко, 1982. Яйленко В. П. Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М.

Яйленко, 1988. Яйленко В. П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции: философ Бион, поэт Дионисий, историк Посидоний // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Ч. 3. Симферополь.

Яйленко, 1990. Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.

Яйленко, 1990а. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.

Яйленко, 1995. Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.

Яйленко, 2003. Яйленко В. П. Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х годов // ДБ. 6.

Яйленко, 2006. Яйленко В. П. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 9.

Яйленко, 2008. Яйленко В. П. Критические заметки по эпиграфике и «искусствознанию» Северного Причерноморья // ДБ. 12/2.

Яйленко, 2009. Яйленко В. П. Малоазийские «гастарбайтеры» на Боспоре V–III вв. до н. э. // ДБ. 13.

Яйленко, 2010. Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.

Яйленко, 2011. Яйленко В. П. Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н. э. в мифологической традиции и ономастике // ДБ. 15.

Яйленко, 2012. Яйленко В. П. Источниковедческий анализ известий Псевдо-Скимна об основании городов Понта // БК. XIII.

Яйленко, 2012а. Яйленко В. П. Ольвийский гимн VI в. до н. э. // БИ. 31.

Яйленко, 2013. Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М.

Яйленко, 2015. Яйленко В. П. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19.

Яйленко, 2016а. Яйленко В. П. Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне // ДБ. 20.

Яйленко, 2016 б. Яйленко В. П. Сказ про то, как исследователь И. Е. Суриков отправил в небытие Фанагора, Гермона, Гилона и разоблачил лжецов Демосфена да Эсхина // БК. XVII.

Яйленко, 2017. Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб. (В печати)

Acosta-Hughes, 2010. Acosta-Hughes B. Arion's Lyre. Archaic Lyric into Hellenistic Poetry. Princeton.

Alcée, 1999. Alcée. Fragments. Text établi, traduit et annoté par G. Liberman. P.

Anthologia Graeca, 1899. Anthologia Graeca. Edidit H. Stadtmueller. Lpz. Vol. II. Pt. 1.

Arena, 1953, 1954. Arena R. I nominativi eolici in -*ais* e questioni connesse // Rendiconti dell' Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Vol. 86, 87.

Athenaeus, 1890. Athenaeus. Dipnosophistarum libri XV. Rec. G. Kaibel. Lpz. Vol. 3.

Bechtel, 1921, 1923, 1924. Bechtel F. Die griechischen Dialekte. Bd. 1–3. B.

Bergk, 1882, 1882a. Bergk Th. Poetae lyrici Graeci. Vol. 2 (1882); Vol. 3 (1882a). Lpz.

Buck, 1968. Buck C. D. The Greek Dialects. Chicago.

Chantraine, 1968, 1974, 1977, 1980. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. I (1968), III (1974), IV, 1 (1977), IV, 2 (1980). P.

Christ, 1890. Christ W. Geschichte der griechischen Litteratur. München.

Danov, 1985. Danov Chr. Zur Geschichte der griechischen Kolonien an der Ägaischen und Propontischen Küste Altthrakiens // Lebendige Altertumswissenschaft. Festgabe… H. Vetters. Wien.

Detschew, 1957. Detschew D. Die thrakische Sprachreste. Wien.

Diehl, 1954. Anthologia lyrica Graeca. Edidit E. Diehl. Fasc. 3. Lpz.

Diller, 1952. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Oxford.

Frisk, 1954/65. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heid.

Gallavotta, 2005. Gallavotta S. I rapporti tra l'Eolide e le regione del Mar Nero // A. Mele et alii (eds.) Eoli ed Eolide tra madrepatria e colonie. Napoli.

Guarducci, 1970. Guarducci M. Epigrafia greca. Vol. 2. Roma.

Hansen, 1958. Hansen B. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. B.

Hesychius, 1861. Hesychii Alexandrini Lexicon. Edidit M. Schmidt. Vol. III. Ienae.

Hesychius, 1966. Hesychii Alexandrini Lexicon. Rec. K. Latte. Vol. II. Hauniae.

Hoffmann, 1898. Hoffmann O. Die Griechischen Dialekte. Bd. 3. Gött.

Jeffery, 1969. Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford.

Kretschmer, 1935. Kretschmer P. Zum Balkan-Skytischen // Glotta. Bd. 24. Hft. 1–2.

Kühner, Blass, 1890. Kühner R., Blass F. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. T. 1. Bd. 1. Hannover.

Letronne, 1840. Letronne M. Fragments des poemes géographiques de Scymnus de Chio et du faux Dicéarque. P.

Marcotte, 2000. Marcotte D. Géographes grecs. T. 1. Introduction générale. Ps. -Scymnos. Circuit de la terre. Texte établi et traduit par D. Marcotte. P.

Pape, Benseler, 1884. Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. 1–2. Braunschweig.

Roos, 1968. Flavii Arriani quae extant omnia. Edidit A. G. Roos. Vol. II. Lipsiae.

Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014. Schlotzauer U., Zhuravlev D. Greek Colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian-German Interdisciplinary Investigations in Southern Russia // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus. Warsaw.

Schmidt, 1893. Schmidt J. Assimilationen benachbarter einander nicht berührender Vocale im Griechischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 32.

Suidas, 1853. Suidas. Lexicon. Rec. G. Bernhardy. Vol. II, 2. Halis–Brunswigae.

Suidas, 1935. Suidas. Lexicon. Edidit A. Adler. Pt. IV. Stuttgart.

Thumb, Kieckers, 1932. Thumb A. Kieckers E. Handbuch der griechischen Dialekte. Bd. 1. Heid.

Thumb, Scherer, 1959. Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte. Bd. 2. Heid.

Treu, 1968. Treu M. Sappho, griechisch und deutsch, hsg. von M. Treu. München.

Summary

V. P. Yailenko

A Source Analysis of Ancient Evidences of Foundation of Phanagoreia and Hermonassa, of the Archaeanaktidae, a «Sindian diasphagma», Chersonesian *saster*; Once Again on the Coin Legends of Theodosia and Nymphaeum

There are 5 essays and notes. Essay I. «Arrian's "Bithynica", a reconstruction its evidence of foundation of Phanagoreia and Hermonassa, its sources, degree of trustworthiness». The author suggests this Arrian's information goes back to Hellanicus and Hecataios through Ephoros. Note II. «A Source analysis of Diodor's evidence on the Archaeanactidae». The author rejects the proposed by F. Shelov-Kovediaev correction Diodor's ᾿Αρχαιανακτίδαι on certain ἀρχαὶ ἀνακτισταί, because ai-ending of ᾿Αρχαι- is Lesbian fonetic feature, so Diodor's form is correct. The author reveals some new evidences of the Aeolians on the Taman' peninsula. Note III. «Alas, once again on Hipponax' Sindian diasphagma». The author rejects I. E. Surikov's interpretation of diasphagma as a name of the strait between island of Taman' and mainland. Note IV. «A philological erroneousness of two recent proposals on certain Chersonesian *saster* and legend SAMMA on the coins from Nymphaeum». Note V. «Once again on the legends on the coins of Theodosia of the IV century B. C.». The author suggests that variety of the legends on the Theodosian coins ΘΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΕΩ etc. has phonetic grounds.

СОКРАЩЕНИЯ

АВУ – Археологічні відкриття в Україні. К.
АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР в 20 томах. М.
АДЖ – Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913
АДУ – Археологічні дослідження в Україні. Київ – Полтава – Запоріжжя
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АНК – Античное наследие Кубани. Т. 1–3. М., 2010
АО – Археологические открытия. М.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
БК – Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь
БС – Боспорский сборник. М.
БФ – Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб.
БЧ – Боспорские чтения. Материалы международной конференции. Керчь
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГХ – Газовая хроматография
ГХ-МС – Газовая хроматография – масс-спектрометрия
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДБ – Древности Боспора. М.
ДБК – Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ДГТ – Древнейшие государства на территории СССР. М.
ДНК-анализ – Анализ дезоксирибонуклеиновых кислот
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества. Одесса
ЗООИД – Записки одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб. / Пг.
ИАО – Известия Археологического Общества. СПб.

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИНМВ – Известия на Народния музей. Варна
ИТУАК – Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь
КБН – Корпус боспорских надписей. М. – Л. 1965
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. – Л.
МАИАСК – Материалы по археологии античного и средневекового Крыма. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР – Материалы по археологии России. Пг.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.
МИС – Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3
МОН РК, НАН РК – Министерство образования и науки, Национальная академия наук Республики Казахстан
МЭЖК – Метиловые эфиры жирных кислот
МЭСК – Метиловые эфиры смоляных кислот
НиС – Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ОАСГЭ – Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа
ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск
РА – Российская археология. М.
РАЕ – Российский археологический ежегодник. СПб.
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СГМИИ – Сообщения государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
Т.н. – точка наблюдения
ТД ВНК – Тезисы докладов… Всероссийской нумизматической конференции

ТОАМГЭ	– Труды отдела античного мира Гос. Эрмитажа. Л.
ТрГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.
ТрГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТС	– Таманская старина. СПб.
Фанагория	– Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: ИА РАН
ХСб	– Херсонесский сборник. Севастополь
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
AGDS	– Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. Staatliche Munzsammlung. Italische Gemmen etruskisch bis romisch republikanisch. Bd. I. Tail 2. Munchen. 1970
AJA	– American Journal of Archaeology
AM	– Ashmolean Museum, Oxford
BM	– British Museum, London
BMC	– A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum
BMC 13	– Wroth W. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 13). London, 1889
BMC 3	– Pool R.S. (ed.). The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. (A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum 3). London, 1877
CIL	– Corpus inscriptionum Latinarum. B.
CIRB	– Corpus Inscriptiones Regni Bosporani (= КБН)
FD	– Fouilles de Delphes
FGH	– F. Jakoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, Leiden, 1923–1962
FHG III	– Müller K.-O. Fragmenta historicorum Graecorum. Parisii, 1849. Vol. III
GGM I	– Müller K. -O. Geographi Graeci minores. Parisii, 1855. Vol. I
GNM	– Germanische Nationalmuseum in Nürnberg
IDelos	– Inscriptions de Délos
IG	– Inscriptiones Graecae
IGCH	– Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M. An Inventory of Greek Coin Hoards. N. Y., 1973
IosPE	– Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
IOSPE I²	– Latyschev B. Inscripriones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli. T. I². 1916
IOSPE III	– Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini
JGS	– Journal of Glass Studies. Corning Museum of Glass. Corning. New York

JHS	– The Journal of Hellenic Studies. L.
KHM	– Kunsthistorische Museum, Wien
LGPN	– A Lexicon of Greek Personal Names: Vol. VA. Coastal Asia Minor: Pontos to Ionia. 2010
LGPN IV	– Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Fraser P.M., Matthews E. (eds.) 2005. Macedonia, Thrace, Northern Region of the Black Sea
LGPN, 1987	– A Lexicon of Greek Personal Names. By P. Fraser, E. Mattews. Oxf. Vol. I
LSJ	– Liddell H .G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxf. 1968
NC	– The Numismatic Chronicle. L.
Pape-Bensler	– Pape W. Wörterbuch der grechischen Eigennamen. 3-n Ausg., G.E., Bensler (ed.). Braunschweig. 1911
RA	– Revue archaeologyque. Paris
RE	– Realencyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
RM	– Mitteilungen des Deutschen archaeologischen instituts Roemische abteilung
SC 1, 2	– В. В. Латышев. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб. 1893-1906. Т. 1–2
SEG	– Supplemetum epigraphicum Graecum
SMB	– Staatliche Museen zu Berlin
SNG BM	– Sylloge Numorum Graecorum Great Britain. Vol. IX. The British Museum, Pt 1. Price M. The Black Sea. London, 1993
SNG Stancomb	– Sylloge Numorum Graecorum. Great Britain. Vol. XI. The William Stancomb Collection of the Black Sea Region. Oxford, 2000
SNR	– Schweizerische Numismatische Rundschau. Bern
Syll.³	– Dittenberger G. Sylloge inscriptionum Graecarum. Lipsiae, 1914–1925. Vol. 1–4
TLG	– Tesaurus linguae Graecae (электронный ресурс)
ZfN	– Zeitschrift für Numismatik. Berlin
ZPE	– Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (*см*. ниже);

б) ***Список сокращений,*** использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–14 ДБ, новые сокращения вводить лишь в том случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме*** — до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно, но не обязательно) на английском языках. Убедительная просьба излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) — сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 6)[1] , и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 5).

3. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках — на литературу внутри текста (например: [Масленников, 1997, с. 107, рис. 3. *1*, *5–7*]); ссылки на древних авторов даются в круглых скобках (*Strabo* XI. 2, 3–5); текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем — по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация их — сплошная, арабскими цифрами[2]).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания, отделенные друг от друга *запятой* (соответственно, пишущиеся *с малой буквы*): [Фамилия, год издания, страница (с.), рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.)], например: [Паромов, 1999, с. 209, рис. 1. *2*, *4–7*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

---

[1] В таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[2] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

4. 4. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем — на иностранном. Каждое наименование выделяется[3] абзацем (формат — выступ), например:

Масленников, 1998. Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Неверов, 2000. Неверов О. Я. Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья//Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб.

Сударев, 1994. Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша I (Патрей)// БС. 4.

Шелов, 1961. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса//МИА. 98.

Поскольку в ссылках в тексте инициалы авторов не пишутся, в списке литературы после указания фамилии автора и года издания, через точку и интервал приводится еще раз фамилия автора уже с инициалами и далее: Название работы, затем *через точку* — Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) — через//Название сборника. Номер тома (выпуска и т. д.; для серийных изданий). Место издания. Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, РА и т. д.), место издания не пишется[4]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1–11. Ч. III; …Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

5. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе *Word*, например — ***Symbol***, необходимо в рукописи статьи отметить красным карандашом те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом, а на полях простым карандашом указать — каким именно. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, на прилагаемом электронном носителе версией статьи записать соответствующие шрифты. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** (ранние версии этих шрифтов тоже предоставляются).

6. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации, желательно в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1)* предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[5]; *2)* рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3)* таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять с формате ***tiff*** или ***psd*** (не сливая слои). Допускается предоставление таблиц, сформированных в *Corel Drow*.

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна лишь в том случае, когда это необходимо по замыслу автора

[3] Но *не* отделяется абзацем!
[4] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.
[5] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

(изображения комплекса находок, совмещение фото и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т. д.) Прочий иллюстративный материал (как напр. видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять только как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты не превышают 212 х 145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (*см.* п. 2д).

7. Обязательно сопровождайте присланную статью своим адресом, телефоном и (лучше всего) E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и еще в процессе подготовки рукописи к печати своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *Bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124-35-88.

Редколлегия

Древности Боспора. Том 21

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала: В. Б. Степанов
Изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 16.05.2017. Формат 60×90/8
Печ. л. 56,0. Тираж 200 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
aquarius-press@mail.ru

ISBN 978-5-94375-218-6